This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

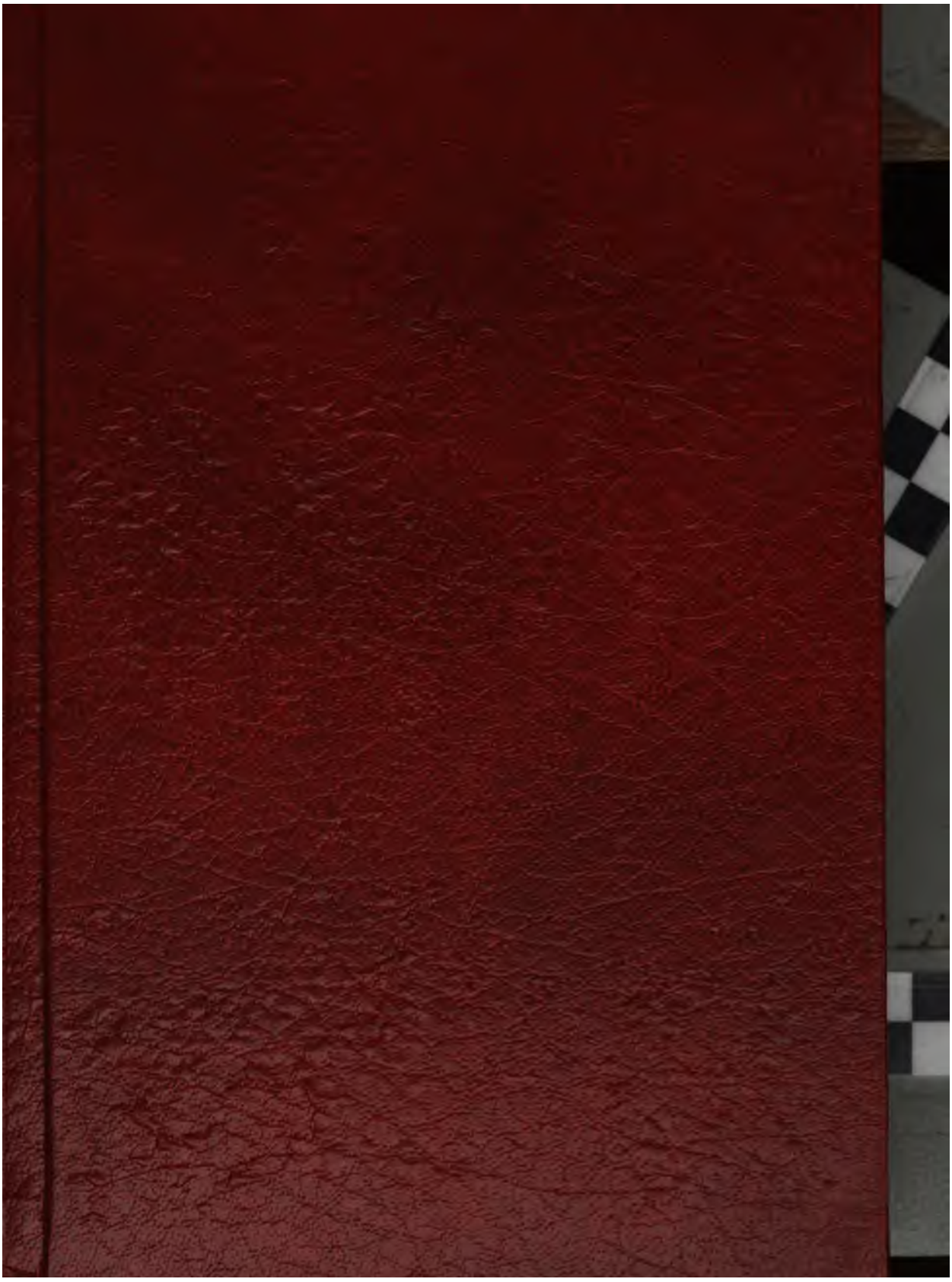
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

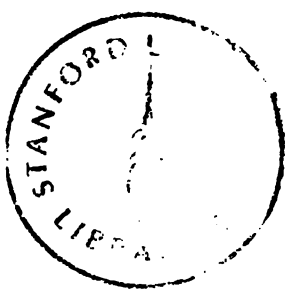
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`




STANFORD

Almazov, B. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БОРИСА АЛМАЗОВА.

МОСКВА.
Типографія В. Готье. Кузнецкій мостъ [illegible]
1874.

STANFORD
LIBRARIES

PG3321
A63A17
1874

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ И АНТОЛОГИЧЕСКІЯ.

стр.

I. Раздѣлъ Земли. (Изъ Шиллера) 1
II. Страданіе. (Изъ А. де-Мюссе) 3
III. Антики въ Парижѣ. (Изъ Шиллера) 4
IV. Признаніе. (Подраженіе А. Шенье) 5
V. Элегія. (Подраженіе А. Шенье) 7
VI. Германской Музѣ. (Изъ Шиллера) 9
VII. Орлеанской Дѣвѣ. (Подражаніе Шиллеру) 10
VIII. Примиреніе. (Подраженіе А. Шенье) 12
IX. Передъ Барельефомъ. (Подраженіе А. Шенье) 15
X. Художнику. (Изъ Ошіана) 17
XI. Римъ. (Изъ Гёте) 19
XII. Классики. (Изъ Гёте) 21
XIII. Одиссей. (Изъ Шиллера) 22
XIV. Изъ Древнихъ 23
XV. Колумбъ. (Изъ Шиллера) 24
XVI. Геркулесъ-Младенецъ 25
XVII. Востокъ. (Изъ Гёте) 27
XVIII. Художникъ 29
XIX. Наяда. (Подражаніе А. Шенье) 30
XX. Ребенокъ. (Изъ А. Шенье) 31
XXI. Первая Любовь. (Подражаніе А. де-Мюссе) 32
XXII. Молодой Дѣвушкѣ 35
XXIII. Гроза 40
XXIV. Успокоеніе 44
XXV. Непобѣдимая Армада. (Изъ Шиллера) 46
XXVI. Къ Шиллеру 49

стр.
XXVII. Похороны ... 53
XXVIII. Пичтожество ... 56
XXIX. Диктатору ... 62
XXX. Старая Русская Партія ... 69
XXXI. Крестоносцы ... 82
XXXII. Памяти М. В. Ломоносова ... 85
XXXIII. Нашимъ Зарубежнымъ Братьямъ ... 90
XXXIV. Русскому Царю ... 93

ПОДРАЖАНІЕ ГОМЕРИЧЕСКИМЪ ГИМНАМЪ.

I. Деметра и Персефона ... 99
II. Афродита ... 118

ПОЭМЫ И РАЗСКАЗЫ.

I. Графъ Аларкосъ ... 133
II. Покаяніе ... 181
III. Сатиранъ ... 195
IV. Король Родриго ... 205
V. Семела. (Вольный переводъ поэмы Шиллера) ... 233
IV. Цезарь ... 271
VII. Истина ... 281
VIII. Роландъ ... 297
IX. Незнакомецъ ... 499
X. Отшельникъ ... 509
XI. Щедрый Богачъ ... 529
XII. Марія Египетская ... 563
XIII. Изъ поэмы: Крещеніе Владиміра ... 591

СТИХОТВОРЕНІЯ САТИРИЧЕСКІЯ, ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ И ШУТОЧНЫЯ.

I. Неизбѣжный ... 625
II. Юному Бюрократу ... 626
III. Безсребренникъ ... 629
IV. Весна ... 636
V. Мундиръ и Фракъ ... 640

стр.
VI. Испугъ улана или старое и новое 642
VII. Полурусская барыня 648
VIII. Юной сочинительницѣ 655
IX. Онъ и Она. (Романъ въ куплетахъ) 657
X. Эмансипированная провинціалка 660
XI. Русскіе Ученые 668
XII. Недальновидное Честолюбіе или Замоскворѣчье и Бѣлый Городъ. (Историческій романъ) 681
XIII. Безкорыстный Реформаторъ 687
XIV. Скептикъ 703
XV. Недовольный 705
XVI. Туристъ 706
XVII. Московскій Алкивіадъ 708
XVIII. Не говори. (Романсъ на голосъ: «T'en Souviens-tu.» 713
XIX. Флюгеръ. (Фантазія) 715
XX. Модные Звуки 721
XXI. Разставанье 722
XXII. Посланіе къ чиновнику-либералу отъ мирнаго обывателя. (Фантазія). 724
XXIII. Москва въ 1873 году по Р. Х. 741
XXIV. На смерть стряпчаго 742
XXV. Кончина откупа или потерянный рай 744
XXVI. Четыре пѣсни или поэтъ и синіе чулки. (Истинное происшествіе) .. 746
XXVII. Разочарованіе 748
XXVIII. Кофей 750
XXIX. Бродяга 753
XXX. Завѣщаніе 754
XXXI. Передъ портретомъ провинціалки 756
XXXII. Испугъ. (Изъ Гейне) 760
XXXIII. Московскій поэтъ и Петербургскій обыватель 762
XXXIV. Похороны «Русской Рѣчи» 767
XXXV. Споръ. (Отрывокъ изъ умозрительной исторіи русской литературы). 773
XXXVI. Покаявшійся откупщикъ 780
XXXVII. «Передъ франтикомъ столичнымъ» 782
XXXVIII. Венгерка. (Баллада) 783
XXXIX. Половой 787
XL. Московскій театръ 789
XLI. Гастрономъ 794
XLII. «Шелъ деревенскій сбиралъ» ..... —
XLIII. Коршъ 795
XLIV. Изъ Анакреона 796

стр.

XLV. Современное состояніе Европы или губернскій франтъ, заблудившійся въ степяхъ Аравійскихъ 797
XLVI. Къ портрету *** 812
XLVII. Дары чиновника ..... —
XLVIII. Мечты чиновника 814
XLIX. Женихи 818
L. Литературный маскарадъ 815
LI. Изъ поэмы «Соціалисты» 831

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ И АНТОЛОГИЧЕСКІЯ.

I.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

(Изъ Шиллера).

«Возьмите міръ—онъ мнѣ не нуженъ болѣ!»
Воскликнулъ Зевсъ съ заоблачныхъ высотъ,
«Пусть каждый въ немъ возьметъ себѣ по долѣ,
Владѣетъ ей изъ рода въ родъ.»

Сказалъ, и словъ его лишь только смолкли звуки,
Всѣ земнородные, отъ нищихъ до вельможъ,—
И старъ, и младъ, всѣ, у кого есть руки,
Всѣ съ шумомъ бросились толпами на дѣлежъ.

Кто села взялъ, кто злачныя долины,
Кто выси горъ,—и мига не прошло,
Какъ даже степь, болота и стремнины—
Все, все себѣ хозяина нашло.

И послѣ всѣхъ, когда раздѣлъ скончали,
Пришелъ поэтъ. Онъ грустнымъ взоромъ міръ
Окинулъ, и главой поникъ на грудь въ печали:—
У всѣхъ пріютъ, лишь онъ забытъ и сиръ!

Гдѣ кровъ искать? и изъ груди невольно
Исторглась жалоба на власть судьбы слѣпой:
«О царь боговъ! подъ небомъ всѣмъ привольно,
Всѣмъ мѣсто есть, никто здѣсь не чужой.

«Лишь я одинъ всему чужой, бездомный,
Скитальцемъ жить навѣки осужденъ.
Твой міръ великъ; ужель пріютъ укромный
Откажетъ мнѣ суровый твой законъ?»

— «Все кончено, роптать и плакать поздно;
Что дѣлалъ ты, когда дѣлили свѣтъ?
И гдѣ ты былъ?» Зевесъ воскликнулъ грозно.
— «Я былъ съ тобой, отвѣтствовалъ поэтъ.

«Мой взоръ въ величіи строенья міроваго,
Мой слухъ въ гармоніи небесной утопалъ,
И я за мигъ блаженства неземнаго
Земное все забылъ и потерялъ.»

«Какъ быть! сказалъ Зевесъ,—я больше надъ землею
Не властенъ: роздалъ все—степь, дебри и лѣса;
Но если хочешь ты, иди, живи со мною:
Тебѣ всегда открыты небеса.»

1852 г.

II.

СТРАДАНЬЕ

(Изъ А. де-Мюссе).

Нѣтъ, не вотще благое Провидѣнье
На землю къ намъ бѣду и горе шлетъ....
Страданье!... Въ немъ есть сила откровенья:
Лишь тотъ себя оцѣнитъ и поймет,
Поймет свой долгъ и жизни назначенье,
Кто скорбный путь страданія пройдетъ:
Тогда лишь въ насъ не суетны желанья,
И мысль ясна, и воли власть сильна,
Когда душа въ святомъ огнѣ страданья—
Въ горнилѣ бѣдъ и мукъ—закалена.

III.

АНТИКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Изъ Шиллера).

Силы творческой созданья
Силой злой завоеванья
Съ бою взялъ суровый Галлъ
И, какъ бранные трофеи,
Гордо выставилъ въ музеѣ
Напоказъ средь пышныхъ залъ.

Но средь суетной столицы
Олимпійцевъ гордыхъ лица
Непривѣтливо глядятъ
И толпѣ непосвященной
Тайны творчества священной
Выдать взоромъ не хотятъ.

1857 г.

IV.

ПРИЗНАНІЕ.

(Подражаніе А. Шенье).

Въ дни жизненныхъ невзгодъ, когда моя казна
Рукой безпечною исчерпана до дна,
Друзья бѣгутъ меня и, взоръ потупя строго,
Сосѣдка гонитъ прочь отъ своего порога,—
Недолго я ропщу на свой суровый рокъ:
Укрывшись отъ суетъ въ свой тихій уголокъ,
Въ Платона, Тацита я мыслью погружаюсь,
И забываю свѣтъ и свято наслаждаюсь
Уединеніемъ, покоемъ и трудомъ.
И вспоминаю я съ досадой и стыдомъ
Любви и роскоши заботы и тревоги,
И вѣтреныхъ долговъ нежданные итоги.
И восклицаю я: „что̀ свѣтъ, что̀ красота,
И деньги и любовь!? Все тлѣнъ и суета!“
Но если, заглянувъ въ мое уединенье,
Фортуна подаетъ мнѣ руку примиренья,
И если, долгою разлукой смягчена,
Сосѣдка милая изъ своего окна
На мой тоскливый взглядъ съ стыдливостью наивной
Отвѣтитъ весело улыбкою призывной,—
Тогда прощай и трудъ, и Тацитъ, и Платонъ,
И мудрый взглядъ на жизнь, и толстый лексиконъ!

Прощай и ты, пріютъ священныхъ размышленій!
Бросаюсь я въ потокъ мятежныхъ наслажденій,—
И снова безъ борьбы разсудокъ побѣжденъ;
И снова пѣсень кликъ, и чашъ заздравныхъ звонъ,
Веселый смѣхъ друзей, въ шуму безумныхъ оргій,
И пламенной любви мученья и восторги!

1862 г.

V.

ЭЛЕГІЯ.

(Подражаніе А. Шенье).

Все ревность, все любовь,—все муки жгучей страсти!
Когда избавлюсь я отъ ихъ мятежной власти?
Увы, для нихъ однихъ я чувствовалъ и жилъ,
И силы юности безумно расточилъ!
Отъ нихъ я вдаль бѣжалъ искать успокоенья—
Отдать себя труду и грезамъ вдохновенья;
Я думалъ: дальній путь, другія небеса,
Языкъ Италіи, природы чудеса,
Уединенный трудъ и свѣтлый міръ искусства
Смирятъ въ моей груди бунтующія чувства,
И отрезвятъ мой умъ, и успокоятъ кровь,—
Напрасная мечта! И здѣсь, и здѣсь любовь,—
И здѣсь, и здѣсь блестятъ красавицъ тордыхъ очи!
И здѣсь, безсонныя томительныя ночи!
Напрасно силюсь я вперить лѣнивый умъ
Въ творенья мудрецовъ—въ міръ свѣтлыхъ важныхъ думъ,
Но тщетно все! Опять то трепетъ ожиданья,
То муки ревности, то пылкія желанья
Смущаютъ мой покой, тревожатъ въ часъ труда....
О юность бурная, умчишься-ль ты когда?
А ты, о мудрая и кроткая подруга,
Цѣлительница грезъ обманчивыхъ недуга,

О старость тихая, приди, приди скорѣй!
Дай миръ и тишину и мощь душѣ моей,
И сердца слабаго въ гноящіяся раны
Пролей забвенія бальзамъ благоуханный!
Дай въ чистыхъ помыслахъ мнѣ созерцать черты
Меня плѣняющей тревожно красоты,—
Чтобъ твердою рукой, безъ страстнаго волненья,
Я могъ ихъ начертать въ минуту вдохновенья.

1862 г.

VI.

ГЕРМАНСКОЙ МУЗѢ.

(Изъ Шиллера).

Ты не пѣла у пороговъ
Раззолоченныхъ чертоговъ
. На заказъ сложенныхъ одъ;
Ни предъ кѣмъ не унижалась,
И взросла и воспиталась
Не отъ царственныхъ щедротъ.

Но подъ вольнымъ небосклономъ—
Свѣтскимъ узамъ и законамъ
Непокорна и чужда—
Родилась въ нуждѣ ты строгой,
И осталась вѣкъ убогой,
Независима, горда.

Оттого мечты германской
Такъ могучъ полетъ гигантскій,
Наши пѣсни такъ полны,
Всѣмъ такъ мощно въ душу рвутся,
Такъ свободно, прямо льются
Изъ душевной глубины.

VII.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

По поводу сатирической поэмы Вольтера.

(Подражаніе Шиллеру).

Развѣнчанъ вновь твой образъ благородный,
Поверженъ въ прахъ, поруганъ и попранъ!
Суровъ и скоръ насмѣшки судъ холодный:
Чудесное ей призракъ и обманъ.
Она ли глубь души твоей измѣритъ?
Разсудокъ злой постигнетъ ли тебя?
Небесному открыто онъ не вѣритъ,
Прекрасному смѣется про себя.
Ему-ль, рожденному во прахѣ пресмыкаться
И ощупью ползти сомнѣнія тропой,
Широкой мыслію отъ міра оторваться,
И къ небу возлетѣть небесною мечтой?

Но не крушись! Заоблачнаго края
И горнихъ сновъ есть память на землѣ.
Еще горитъ, какъ вѣчный отблескъ рая,
Поэзія; какъ молнія святая,
Она блеститъ блуждающимъ во мглѣ
Какъ ты, чужда преступнаго сомнѣнья,
Младенчески довѣрчива, какъ ты,
Она пойметъ души твоей стремленья,
Она почтитъ души твоей мечты,—

И призоветъ къ нетлѣнному зерцалу
Твоихъ судей, и судъ свой изречетъ.
Съ главы твоей народную опалу
Торжественно предъ міромъ совлечетъ
И памятникъ святой тебѣ созиждетъ,
И въ міръ поэтъ, защитникъ твой придетъ,
И образъ твой стихомъ горящимъ выжжетъ
Въ сердцахъ людей, — и правда оживетъ.

Насмѣшки судъ отраденъ черни грубой:
Онъ за нее душамъ высокимъ мститъ;
Смѣяться зло душамъ холоднымъ любо
Надъ тѣмъ, чего ихъ разумъ не вмѣститъ.
И все, что надъ толпой поставлено высоко,
Что дышетъ подвигомъ, что мыслію паритъ,—
Величье генія, сіяніе пророка —
Тупую чернь смущаетъ и страшитъ.
Всему, что высшее избранье воспріяло,
Міръ воздвигалъ гоненье искони,
Но небо искони на землю посылало
Поборниковъ прекраснаго: ихъ мало —
Но вышнихъ силъ избранники они.

Пусть скоморохъ своею шуткой грязной
На шумной площади плѣняетъ и смѣшитъ
Сердца зѣвакъ, и чернь толпою праздной
Вокругъ него тѣснится и шумитъ;
Но въ тихій храмъ, предъ жертвоприношенье,
На строгій зовъ суроваго жреца
Стеклись немногіе, но свято ихъ стремленье, —
И тихо теплятся огнемъ благоговѣнья
Немногія, но лучшія сердца.

VIII.

ПРИМИРЕНІЕ.

(Подражаніе А. Шенье).

I.

Все ясно мнѣ теперь!... Ужасная развязка!
Съ довѣрчивыхъ очей свалилася повязка;
Блаженства моего пробилъ послѣдній часъ;
Все кончено: она другому отдалась!...
И все не вѣрю я! Ужели въ самомъ дѣлѣ
Она лукавила? О, для какой же цѣли
Свободную любовь отъ друга укрывать,
И ласки нѣжныя насильно расточать,
И въ очи мнѣ смотрѣть съ безумнымъ упоеньемъ,
И сердце мнѣ терзать ревнивымъ подозрѣньемъ?
Зачѣмъ въ ночной тиши, со мной наединѣ,
Прильнувъ къ моей груди, она шептала мнѣ
Такія сладкія и страстныя названья,—
И разжигала вновь уснувшія желанья,
То вдругъ сомнѣнія ревниваго полна.
Мгновенно дѣлалась сурово-холодна?
Зачѣмъ она сама мнѣ прямо не открыла.
Что ей любовь моя навѣки опостыла,
Что сердцу пылкому теперь другой ужь милъ?
Собравшись съ мужествомъ, я все бы ей простилъ,—
И, разставаясь съ ней на вѣчную разлуку,
Я могъ бы протянуть ей дружескую руку,

Я могъ бы слезы лить!... Теперь нѣтъ слезъ!... Она
Уже уличена въ обманѣ, въ преступленьи:
Презрѣнья одного, холоднаго презрѣнья,
Къ безчестной женщинѣ душа моя полна!

II.

Достанетъ ли во мнѣ разсудка, твердой воли,
Чтобъ покорить себя своей суровой долѣ,
Чтобы разстаться съ ней, разстаться навсегда?...
Камилла такъ нѣжна, прекрасна, молода,
И я.... я молодъ такъ! Могу-ль я съ ней разстаться?
Я только началъ жить, лишь началъ разгораться
Желаній первый жаръ въ проснувшейся крови:
Могу ли я прожить спокойно безъ любви,
Одинъ въ своемъ углу безъ ласковой подруги?
Съ кѣмъ буду я дѣлить вечерніе досуги?
Кто, въ мрачные часы моихъ тоскливыхъ думъ,—
Когда въ унынiи безмолвенъ и угрюмъ,
Сижу я, на руку склонившись головою,—
Приблизится ко мнѣ знакомой мнѣ стопою,
И съ тихой нѣжностью обнявъ меня рукой,
Мнѣ скажетъ ласково: «Ты грустенъ! что съ тобой?»
Да, все, что сердце мнѣ и грѣло и живило,
Теперь утрачено! Безцвѣтно и уныло
Жизнь снова потечетъ размѣренной чредой:
Сегодня книги, трудъ да сонъ, и завтра то же.
Съ какой мучительной, гнетущею тоской
Сегодня утомленъ работою дневной,
На опостылое я опущуся ложе!
И къ утру, пробужденъ желаньемъ и зарей,
Забывъ недавнюю суровую разлуку,

Начну отыскивать привычною рукой
Подруги молодой привѣтливую руку
И не найду ее и вспомню жребій свой,—
Что я.... я одинокъ, что друга нѣтъ со мной.

III.

Нѣтъ, гнѣвъ любовника и слабъ и скоротеченъ!
Скажите, какъ я могъ быть такъ безчеловѣченъ?
Какъ могъ я не простить красавицы моей?
Когда-бъ вы видѣли, друзья, что сталось съ ней—
Съ моей подругою надменной, своенравной!
Камилла гордая, такъ часто, такъ недавно
Встрѣчавшая меня съ нахмуреннымъ челомъ,
Теперь, дрожащая, унижена стыдомъ,
Худая, блѣдная, убитая позоромъ,
Съ молящимъ, любящимъ и робко-нѣжнымъ взоромъ,
Съ лицомъ, измученнымъ раскаянья тоской
И одинокими безсонными ночами,
Съ очами впалыми, поблекшими очами,
Какъ привидѣніе, стояла предо мной,
Стараясь задушить въ груди своей рыданья:
Дрожащія уста шептали оправданья,
Рѣчь обрывалася и голосъ замиралъ,—
И я, растроганный, рыдающій, смущенный,
Глубоко любящій, глубоко потрясенный,
Не помня ничего, на грудь ея упалъ.

9 іюля 1862 г.

IX.

ПЕРЕДЪ БАРЕЛЬЕФОМЪ.

(Подражаніе А. Шенье).

Смотрите—грозный быкъ плыветъ въ пучинѣ водъ
Онъ дѣву на хребтѣ прекрасную несетъ,
И дѣва робкая дрожащими руками
Схватилась за рога; глаза полны слезами;
Въ чертахъ ея мольба, смятеніе, испугъ....
Она въ отчаяньи зоветъ своихъ подругъ....
Нога скользитъ въ волнахъ.... Коса по вѣтру вьется....
А радостный пловецъ все далѣе несется.
И дѣва бѣдная боится внизъ взглянуть...
Кружится голова, тревожно дышетъ грудь,
Во взорахъ все слилось, все мчится, все мелькаетъ,
И сердце юное дрожитъ и замираетъ.
А быкъ средь грозныхъ волнъ клокочущихъ морей
Стремится дерзостно, какъ яростный Борей,
Отъ Тирскихъ береговъ къ брегамъ тѣнистымъ Крита....
Поднявшись изъ воды, царица Амфитрита
Въ недоумѣніи на бѣгъ его глядитъ,
И робкія стада стыдливыхъ Нереидъ
Укрылись въ тростники, и съ трепетомъ оттуда
Глядятъ на дивное, невиданное чудо.

Хвала художнику! Безплотную мечту
Онъ мощно воплотилъ въ гранитную плиту,
И силѣ творческой рѣзецъ его послушный
Далъ душу и языкъ матеріи бездушной.

Вглядитесь: этотъ быкъ—онъ богъ, онъ самъ Хронидъ!
Смотрите—молнія въ глазахъ его горитъ;
Въ нихъ мощь спокойная верховной царской власти
И сила грозная упрямой, бурной страсти.

Въ семъ чудномъ образѣ отецъ и царь боговъ
Предсталъ предъ дѣвою близь Тирскихъ береговъ,
Любовью тайною къ красамъ ея пылая;
Онъ къ ней ласкается, и дѣва молодая
Сперва бѣжитъ его, пугается.... Потомъ
Смѣется; какъ дитя, любуется быкомъ
И гладитъ по спинѣ, какъ смирнаго ягненка....
И вдругъ, съ веселостью игриваго ребенка
И съ звонкимъ хохотомъ схвативъ его за рогъ,
Вспорхнула на него, какъ быстрый мотылекъ,—
И быкъ, какъ бѣшеный рванулся, и стрѣлою
Помчался къ берегу съ добычей дорогою,
Побѣдой, страстію и счастьемъ обуянъ;
Примчалъ,—и ринулся въ шумящій океанъ.

15 іюня 1862 г.

X.

ХУДОЖНИКУ.

(Изъ Оппіана).

Юный и пылкій художникъ, исполненный силы и страсти!
Мучимый вѣчной тоской чувствъ безотчетныхъ и бурныхъ,
Вѣчно томимый приливомъ мыслей нестройныхъ и смутныхъ,
Тщетно ты выразить жаждешь въ яркихъ живыхъ очертаньяхъ
Думы тревожной тоску, образа призракъ неясный,
Тщетно: творенья твои, чужды красы благородной,
Втунѣ волнуютъ нашъ умъ дикой, безплодной тревогой,
Но не плѣняютъ сердецъ, въ душу не льютъ намъ отрады.
Хочешь ли мыслямъ своимъ дать выраженье и силу,
Бурный потокъ вдохновенья направить въ русло и границы,—
Древностью умъ свой питай, юной душой созерцая,
Мысли спокойной созданья—созданія свѣтлой Эллады.
Въ душу твою низойдутъ свѣтъ, тишина и согласье,
И, подъ святымъ обаяньемъ образовъ чистыхъ и свѣтлыхъ,
Чувства и мысли твои, въ самомъ своемъ зарожденьи,
Примутъ живой отпечатокъ эллинскихъ формъ вѣковѣчныхъ,
Въ плоть облекутся и примутъ грацію, стройность и силу.

Такъ, на брегахъ Эвротаса, во дни золотые искусства,
Если младая Спартанка, жена благороднаго мужа,
Новой души зарожденье подъ сердцемъ своимъ ощущала,—
Нѣжный, заботливый мужъ ставилъ предъ вѣрной подругой

Статую или картину—мысли высокой созданье.
Чтобъ услаждаясь красами стройныхъ боговъ и героевъ,
Взоръ свой питала она прелестью формъ Олимпійскихъ:—
Строгой красой очертаній, правильныхъ лицъ благородствомъ,
Строемъ классическимъ тѣла и крѣпостью мышцъ напряженныхъ.
И созерцала супруга лики боговъ; созерцала
Легкую станомъ Киприду, и полнорамённую Геру,
Гермеса тонкіе члены и тѣло округлое Вакха.
Поступь и взоръ Артемиды, довольной своими стрѣлами.
Грозно-прекраснаго Феба и мощно-спокойнаго Зевса.
Въ нѣдрахъ ея, между тѣмъ, зрѣлъ и слагался зародышъ,
И отражались на немъ матери всѣ впечатлѣнья;
Время текло—и зародышъ росъ, становился младенцемъ,
И появлялся на свѣтъ подобенъ боговъ изваяньямъ—
Строенъ и бодръ, и прекрасенъ, и мышцами крѣпокъ и силенъ.

24 мая 1864 г.

XI.

РИМЪ.

(Изъ римскихъ элегій Гёте).

Ты-ль это царственный Римъ? Да, это ты вѣчный городъ!
Что же молчатъ предо мной храмы твои и дворцы?!
Геній народный, гдѣ ты? Встань изъ развалинъ холодныхъ,
Жизнью дохни на меня, камни и прахъ оживи!
Знаю я, все здѣсь живетъ, все прямо сердцу вѣщаетъ—
Стогны, кумиры и плескъ Тибра священной волны.
Но отчего жъ для меня все здѣсь мертво, безотвѣтно.?
Тщетно восторгъ я зову въ хладную душу мою!
Гдѣ-жъ, изъ какого окна выглянетъ обликъ античный
Юной Римлянки, и страсть въ душу заронитъ мою?
О, какъ тогда вкругъ меня все оживетъ, все проснется—
Камни, кумиры и прахъ страстный языкъ обрѣтутъ:
Вспыхнетъ, грохоча, перунъ въ мощной рукѣ громовержца,
Перси Киприды младой дрогнутъ желаньемъ любви;
Въ храмахъ забытыхъ богамъ вновь ѳиміамъ заклубится;
Зрителей жадныхъ толпа хлынетъ въ оставленный циркъ;
Тѣни народныхъ враговъ встанутъ на камнѣ Тарпейскомъ;
Старой гражданской враждой форумъ опять загремитъ!
«Скоро-ль настанетъ тотъ мигъ?!» часто твержу я съ досадой,
Но какъ исправный туристъ свято я помню свой долгъ:
Роюсь въ руинахъ, какъ червь, роюсь въ каталогахъ, книгахъ
И по музеямъ брожу съ грузомъ вопросовъ въ душѣ;

Сердце тоскуетъ; межъ тѣмъ въ память тѣснятся нестройно
Мертвые склады былинъ, чиселъ, именъ и годовъ.
Но уже чуетъ душа, сердце тоскливое чуетъ,—
Чуетъ, какъ близость весны, близость восторговъ любви!
Близко то время, когда въ страстныхъ объятьяхъ Римлянки
Прелесть классическихъ формъ въ формахъ живыхъ изучу:
Жадно устами прильнувъ къ лику живой Аѳродиты,
Сердцемъ постигну я вмигъ древнихъ кумировъ красу
И,—на античномъ плечѣ юной, прекрасной подруги,
Стопы считая перстомъ, первый гекзаметръ сложу—
Первый привѣтственный стихъ въ честь твою Римъ вѣчно-юный—
Вѣчный хранитель красы, вѣчный владыка сердецъ!

XII.

КЛАССИКИ.

(Изъ Гёте).

Природа — жизнь, и мать искусства!..
Да! въ годы юности моей —
Во дни несдержаннаго чувства —
Я подражать стремился ей.
Но я въ горнилѣ лѣтъ и знанья
Умомъ и чувствомъ возмужалъ:
Съ тѣхъ поръ, въ священномъ обаяньи,
Вамъ, мысли эллинской созданья,
Лишь вамъ однимъ я подражалъ.

XIII.

ОДИССЕЙ.

(Изъ Шиллера).

Долго отчизны искалъ сынъ хитроумный Лаэрта;
Много земель обошелъ, много морей переплылъ,
Много трудовъ перенесъ, много опасностей встрѣтилъ;
Сциллѣ ревущей внималъ, пасти Харибды прошелъ;
Къ темени горъ восходилъ, въ мракъ преисподній спускался;
Тщетно! Нигдѣ не обрѣлъ къ родинѣ милой пути.
Что же? Когда у кормы сномъ опочилъ онъ глубокимъ,—
Въ пристань Итаки святой кормчій направилъ корабль;
Бросили якорь пловцы; царственный странникъ проснулся,
Вѣжды открылъ, но въ тотъ мигъ родины онъ не узналъ!

XIV.

ИЗЪ ДРЕВНИХЪ.

Стѣну городскую украшаютъ башни;
Старца семьянина украшаютъ дѣти;
Украшенье пира—мудрая бесѣда:
Украшенье пастбищъ—боевые кони;
Украшенье перстня—камень драгоцѣнный;
Украшенье дома—скромная хозяйка;
Цвѣтъ краса растенья; листъ краса деревьевъ,
А краса народа—царь благой и мудрый.

1 іюня 1862 г.

XV.

КОЛУМБЪ.

(Изъ Шиллера).

Съ Богомъ, отважный пловецъ! Пусть раздаются насмѣшки!
Пусть изъ усталой руки руль непокорный скользитъ!
Смѣло на западъ плыви: берегъ тамъ узришь желанный...
Ты ужъ завидѣлъ его разумомъ вѣщимъ своимъ!
Ввѣрься десницѣ Творца, въ путь тебя мощно подвигшей—
Геній съ природой, повѣрь, будутъ всегда заодно:
Все, что предрекъ онъ толпѣ строго исполнитъ природа.
Выдать дерзнетъ ли она черни любимца небесъ:
Ежели берега нѣтъ—тамъ, гдѣ обѣщанъ онъ міру,—
Чудомъ воспрянетъ онъ самъ, вдругъ изъ пучины морской.

XVI.

ГЕРКУЛЕСЪ-МЛАДЕНЕЦЪ.

Весенніе цвѣты въ вѣнокъ себѣ сплетая,
Бродила по лугамъ Алкмена молодая;
Кронидъ узрѣлъ ее съ надзвѣздной высоты;
Безпечный, кроткій видъ стыдливой красоты
Тревогою любви его наполнилъ сердце,—
И страстью воспылалъ духъ грозный громовержца.
Мольбой властителя Олимпа смущена,
Любви томленіемъ и робости полна,
Желаньямъ божества Алкмена уступила
И сына милаго Зевесу подарила.
Тогда, огнемъ вражды и мщенья воскипѣвъ,
Но предъ властителемъ сокрывъ лукаво гнѣвъ,
И муки ревности, и замыслъ козней низкихъ,
Царица гордая чертоговъ олимпійскихъ
Зоветъ въ тиши ночной изъ глубины степей
Далекой Африки двухъ разъяренныхъ змѣй,
И темной силою таинственныхъ заклятій
Ихъ къ колыбели шлетъ невиннаго дитяти.

Кудрявое дитя, малютка Геркулесъ,
Не чуя замысловъ враждующихъ небесъ,
Какъ жертва кроткая вражды коварныхъ цѣлей,
Въ родной обители и въ мягкой колыбели
Покоился въ тиши.... И вдругъ, сквозь сладкій сонъ,

Прикосновеніе и шорохъ слышитъ онъ,
И нѣжной матери ужъ ждетъ отрадной ласки,
И усмѣхается, и свѣтленькіе глазки
Открылъ онъ весело,—и видитъ въ тьмѣ ночной
Два жала яркія драконовъ предъ собой.
И духъ божественный героя въ немъ проснулся;
Собрался съ силой онъ, въ кроваткѣ потянулся,
И ложе дрогнуло подъ силой неземной;
Какъ листья съ дерева вдругъ сорваны грозой,
Въ клочки разсыпались пурпурныя пеленки,
И полубогъ привсталъ, и пухлыя рученки,
Сердито глазками сверкая, какъ отецъ,
Къ чудовищамъ простеръ,—какъ опытный боецъ,
Подъ зѣвы грозные мгновенно ихъ хватаетъ,
И силы всѣ собравъ, въ перстахъ своихъ сжимаетъ
И выбиться изъ рукъ чудовища хотятъ,
Махаютъ крыльями, сгибаются, шипятъ;
И воздухъ жалами дрожащими пронзаютъ,—
И въ мукахъ ярости безсильной издыхаютъ.

И, первымъ подвигомъ геройства утомленъ,
Могучій праотецъ воинственныхъ племенъ
На изголовіе пуховое склонился,
И сномъ младенческимъ безпечно позабылся.

1857 г.

XVII.

ВОСТОКЪ.

(Изъ Гёте).

Западъ, Югъ въ крови дымятся,
Троны зыблются, валятся;
Я стремлюсь душой къ Востоку:
Тамъ въ степяхъ раздолье оку,
Тамъ дышать вольнѣе груди,
Тамъ любить умѣютъ люди.

Тамъ постигъ бы я то время—
Вѣкъ, когда людское племя
Первой жизнію дышало,
И изъ устъ Творца вселенной
Чистымъ сердцемъ принимало
Тайны жизни сокровенной—
Вѣры чистое ученье,
Не томясь тоской сомнѣнья.
Тамъ бы умъ мой освѣжился
Духомъ жизни первобытной
И тревожно не томился
Жаждой знанья ненасытной.
И жилось бы мнѣ, какъ жили
Древле пастыри-народы:—

Имъ шатромъ роскошнымъ были
Лишь небесъ лазурныхъ своды.
И холоднаго разсудка
Я смирилъ бы скучный ропотъ,
И внималъ бы сердцемъ чутко
Я природы тайный шопотъ....

XVIII.

ХУДОЖНИКЪ.

Нѣтъ, вѣрь мнѣ, не любовь, не страстныя мечты
Красою строгою во мнѣ рождаешь ты!
Нѣтъ, не горятъ во мнѣ нечистыя желанья,
Когда я, погруженъ въ святое созерцанье,
Въ благоговѣніи, стою передъ тобой,
Весь пораженъ тобой, растерянный, нѣмой.
Какъ истый Скиѳъ, къ красѣ высокой не привычный,
Гляжу я съ трепетомъ на образъ твой античный,
И мнѣ не вѣрится, въ мечтахъ моихъ, что онъ
Слѣпой природою случайно порожденъ:
Ты все мнѣ чудишься божественной Діаной,
Рукою Фидія разумно изваянной.

7 мая 1862 г.

XIX.

НАЯДА.

(Подражаніе А. Шенье).

Полудня въ знойный часъ, когда, ища прохлады,
Въ пещеры прячутся пугливыя Наяды,—
Я крадусь съ трепетомъ чуть слышною стопой
Межъ камней и кустовъ извилистой тропой,
Едва протоптанной стопой Наяды скромной,—
Въ прохладный, тихій гротъ таинственный и темный.
Тамъ въ узкой впадинѣ у входа притаясь,
Отъ нимфы дѣвственной не отвожу я глазъ,
И млѣю, на красы роскошныя взирая:
Наяда стройная, прекрасная, нагая,
Съ вѣнкомъ изъ тростника на юной головѣ,
Раскинувъ легкій станъ на мягкой муравѣ,
Подъ говоръ водъ глухой и крикъ цикады звонкой,
Спокойно, мирно спитъ безпечнымъ сномъ ребенка,—
Не вѣдая, чтобъ могъ изъ смертныхъ кто-нибудь
На тайны дѣвственной красы ея взглянуть:
Ихъ видѣли досель въ равнинахъ Океана
Лишь лучезарный Фебъ и блѣдная Діана,
Да зеркало морей, да равнодушный взоръ
Ея застѣнчивыхъ и дѣвственныхъ сестеръ.

11 мая 1862 г.

XX.

РЕБЕНОКЪ.

(Изъ А. Шенье).

Я былъ дитя; она ужъ въ цвѣтѣ лѣтъ была
И часто на руки къ себѣ меня брала.
Я шелъ къ ней весело, рѣзвился и ласкался—
Вкругъ стана стройнаго руками обвивался,
Иль складками одеждъ задумчиво игралъ,
Иль серьги вынималъ и косу расплеталъ;
То тихимъ притворясь и будто успокоясь,
Вдругъ съ звонкимъ хохотомъ срывалъ съ нея я поясъ.
Все съ кротостью она сносила... Но порой,
Когда невинною, но дерзкою рукой
Я груди дѣственной въ невѣденьи касался,—
Мгновенно взоръ ея досадой разгорался:
Краснѣя и смѣясь, она, полушутя,
Толкала отъ себя несносное дитя;
Когда-жъ ее толпа влюбленныхъ окружала,—
Съ какою нѣжностью она меня ласкала,
И часто (но увы, что цѣнятъ въ тѣ лѣта!)
Дарили поцѣлуй мнѣ жаркія уста,—
И ропотъ слышался вокругъ меня ревнивый:
«Несносный баловень, не по лѣтамъ счастливый!»

XXI.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Рыцарская пѣсня.

(Подражаніе А. де-Мюссе).

Нѣтъ, никогда не назову я
Вамъ имя *той*,
Кого люблю, по комъ тоскую:
То звукъ святой.
Друзья! на всѣ вопросы ваши
Скажу лишь вамъ,
Что всѣхъ милѣй она и краше
Межъ вашихъ дамъ;
Что много рыцарей прекрасныхъ
Предъ ней, въ слезахъ,
Въ мольбахъ горячихъ, но напрасныхъ,
Склонялись въ прахъ.
Она чиста, какъ въ вечеръ ясный,
Небесъ лазурь;
Она не знаетъ муки страстной,
Душевныхъ бурь;
Она, какъ гость съ инаго свѣта,
Межъ насъ живетъ....

Но кто она? О, тайна эта
Со мной умретъ!
Ахъ, тяжело съ душою нѣжной
На свѣтѣ жить
И глубоко, но безнадежно,
Всю жизнь любить!
Но я предъ ней не открываю
Любви моей;
Во мглѣ ночей едва дерзаю
Мечтать о ней —
Я все хочу любви волненья
Въ душѣ смирить,
Всѣ мнится мнѣ, что преступленье —
Ее любить,
Что передъ ней любовь земная
Стихать должна,
Что ей душа *ея* святая
Оскорблена,—
И оттого сказать не смѣю
Я имя той,
Предъ кѣмъ въ мечтахъ благоговѣю:
То звукъ святой!
Все, что люблю еще донынѣ
Принесть бы радъ
Я въ жертву ей, какъ дань святынѣ,
Не ждя наградъ —
Все принесу съ нѣмой отрадой
Къ ея ногамъ
И, если жизнь мою ей надо,
И жизнь отдамъ!

Да! за нее—въ душѣ ликуя,
Презрѣвъ весь міръ —
На казнь позорную пойду я,
Какъ на турниръ!
Но и предъ смертью не скажу я
Вамъ имя той,
Той, за кого главу сложу я,—
То звукъ святой!

XXII.

МОЛОДОЙ ДѢВУШКѢ.

Не надышусь я право вами,
Не налюбуюсь я на васъ!
Душа полна, когда я съ вами,
Тоскливо, пусто мнѣ безъ васъ.
При васъ слетаетъ съ сердца холодъ,
Душа высокихъ чувствъ полна —
Я снова сердцемъ бодръ и молодъ,
Какъ въ грезахъ радостнаго сна;
Но если васъ, мой добрый геній,
Со мною нѣтъ, — ужъ я не тотъ:
Ползетъ мнѣ въ душу рой сомнѣній,
Житейскихъ мелочныхъ заботъ....
Съ какимъ восторгомъ, умиленьемъ,
Я каждый день гляжу на васъ: —
Любуюсь кроткимъ выраженьемъ
И ровнымъ блескомъ вашихъ глазъ,
Любуюсь граціей движеній,
Ихъ неподдѣльной простотой
И вашихъ словъ и выраженій
Наивной прелестью степной.
По краткой жизненной дорогѣ
Еще такъ мало вы прошли,—

Вы взрослыхъ лѣтъ лишь на порогѣ,
Еще не знаете тревоги
Заботъ житейскихъ и любви;
Мечты и сны ея живые
Вамъ душу юную не жгутъ,
И кудри ваши золотые
Вамъ няньки въ косу не плетутъ.
И ко всему, что благородно
Съ какой-то вѣрою простой,
Вы безотчетно и свободно
Стремитесь чистою душой.
И сердце въ васъ свободно бьется
Всему прекрасному въ отвѣтъ
И рѣчь изъ устъ свободно льется,
И не утратила букетъ
Всей безъискусственности дѣтской,
И гдѣ-жъ утратиться онъ могъ?
На васъ холодной жизни свѣтской
Вѣдь штемпель тягостный не легъ;
Тревогой мелочной и низкой
Вамъ свѣтъ души не охладилъ,
Вамъ хладный синтаксисъ *россійскій*
Оковъ на слогъ не наложилъ;
Приправой правилъ и рутины
Не разводянили вамъ рѣчь
Людскаго слова властелины,
Ноэль, Шапсаль, Кашанскій, Гречъ.

Сродпился я душою съ вами....
Я полюбилъ такъ крѣпко васъ,
Что всюду къ вамъ несусь мечтами
И каждый день, и каждый часъ.

И много горестныхъ сомнѣній,
Тяжелыхъ сновъ и мрачныхъ думъ,
Заботъ и нѣжныхъ опасеній
Волнуетъ мой тревожный умъ.
Простите мнѣ мой страхъ напрасный....
Но столько, столько предо мной
Шло юныхъ дѣвъ съ душой прекрасной,
Добра и истины стезей.
У нихъ лишь чистыми кипѣла
Мечтами дѣвственная грудь,
Казалось въ душу къ нимъ не смѣла
Дурная мысль и заглянуть....
И что-жъ? Ихъ жизнь не пощадила:
Въ заботахъ мелкихъ и пустыхъ
Ихъ изжилась младая сила
И голосъ правды въ нихъ затихъ.
И столько видѣлъ я стремленій
Къ добру и истинѣ святой
Убитыхъ въ первомъ зарожденьи
Тревогой суетной мірской,
И столько радостно горѣвшихъ
Огнемъ любви и правды глазъ,
Средь пошлой жизни потускнѣвшихъ,
И пылкихъ душъ вдругъ охладѣвшихъ, —
Что право страшно и за васъ.
Боюся я, чтобъ не развились
И вы болѣзненно душой,
Чтобъ какъ-нибудь не измѣнились
И не смѣшалися съ толпой, —
Тревожусь мыслью то и дѣло,
Чтобы случайно какъ-нибудь
И въ васъ душа не затускнѣла,

Чтобъ злая страсть не залетѣла
Нежданно къ вамъ въ младую грудь.
И жарко, жарко Провидѣнью,
За васъ молюся я въ тиши
Да не позволитъ заблужденью,
Тоскѣ иль дерзкому сомнѣнью,
Коснуться дѣвственной души;
Да ваши Ангелы святые
На всѣхъ путяхъ васъ сохранятъ,
И, какъ зари лучи живые,
Ланиты ваши молодыя,
Румянцемъ счастія горятъ;
Да никогда васъ не плѣняютъ
Приманки свѣтской суеты
И долго васъ не покидаютъ
Святыя дѣтскія мечты!
Когда-жъ и вамъ наступитъ время
Отбросить цѣпи дѣтскихъ лѣтъ,
И, свергнувъ книгъ учебныхъ бремя,
Вступить съ боязнью тайной въ свѣтъ,
И ваши кудри превратятся
Въ густую русую косу,
И всѣ невольно заглядятся
На вашу свѣтлую красу,
И дни настанутъ золотые
Любви мучительныхъ заботъ,
И хлынутъ въ душу сны живые,
И сердце съ трепетомъ впервые
Родную душу обрѣтетъ,
И на привѣтствіе родное,
Вдругъ вспыхнувъ пыломъ юныхъ лѣтъ,
Другое сердце молодое

Забьется вашему въ отвѣтъ: —
Пусть тотъ, кто въ сладкое мгновенье
Васъ къ сердцу радостно прижметъ,
Кого святое Провидѣнье
Вамъ въ жизни спутникомъ пошлетъ, —
Пусть будетъ онъ, какъ вы, прекрасенъ,
Какъ вы, во цвѣтѣ юныхъ силъ,
Какъ вы, душою чистъ и ясенъ,
Какъ вы, счастливъ, какъ вы всѣмъ милъ —
Съ душою свѣтлой, не измятой
Ни страсти медленной тоской,
Ни преждевременной утратой,
Ни мелкой жизненной борьбой;
Пусть, какъ звѣзда въ дали лазурной,
Спокойно, ровно въ васъ и въ немъ
Любовь, безъ взрывовъ страсти бурной,
Священнымъ теплится огнемъ, —
И будетъ крѣпокъ между вами
Союзъ угодный Небесамъ,
И вы предъ Господомъ душами
Сольетесь въ чистый Ѳиміамъ.
И шумъ житейскихъ смутъ и бури
Дней вашихъ тихихъ не смутитъ,
И неба вашего лазури
Ничто, ничто не омрачитъ.

1851 г.

XXIII.

ГРОЗА

Блистаетъ день томительный и душный,
Но туча за горой угрюмая взошла,
И грозно двинулась громадою воздушной,
И черной мглой все небо облегла,

И тѣнь и мракъ на землю опустились.
Замолкнулъ лѣсъ, недвижно лоно водъ,
И вѣтеръ стихъ, и птицы притаились,
И вся земля благоговѣйно ждетъ.

И вдругъ съ небесъ рванулся вихрь могучій,
Завылъ, и съ яростью пронесся чрезъ поля,
Взвилася пыль, крутясь столбомъ летучимъ,
Разсѣкла молнія серпомъ горящимъ тучи, —
И грянулъ громъ,—и дрогнула земля.

Прекрасенъ ты, могучій громъ небесный!
Греми и потрясай сердца людей и долъ:
Въ юдоли сей унылой, душной, тѣсной,
Ты намъ привѣтъ изъ родины безвѣстной,
Страны таинственной таинственный глаголъ.

Безмолвны небеса,—и суетно и шумно
Земля заботами обычными кипитъ,
И страсти пылкія волнуются безумно;
Князь міра властвуетъ и страхъ Господень спитъ.

Но грянулъ громъ, и суетныя рѣчи
Затихли, замеръ смѣхъ мгновенно на устахъ,
И предъ иконами затеплилися свѣчи —
Молитва теплится въ очнувшихся сердцахъ.

Греми же, праведный, могучій громъ небесный,
И землю грѣшную громи и потрясай,
И насъ торжественно, какъ благовѣстъ воскресный,
Отъ нѣги и трудовъ къ молитвѣ призывай.

Пусть голосъ твой могучій прерываетъ
Унылый ходъ вседневныхъ дѣлъ и думъ,
И дѣтской робостью намъ сердце размягчаетъ,
И хоть на мигъ смущаетъ смѣлый умъ.

Для нашихъ думъ, для силы мысли мощной,
Сокрытыхъ тайнъ въ подлунномъ мірѣ нѣтъ:
Измѣрилъ все разсудокъ мѣрой точной,
На все, на все заранѣ и заочно
Готовы въ насъ рѣшенье и отвѣтъ.

Чредой знакомою предъ нами жизнь мелькаетъ,
Повсюду будничный, однообразный видъ:
Ничто нашъ взоръ внезаппымъ не пугаетъ,
Ничто нашъ умъ загадкой не дивитъ.

И, средь заботъ, разсчетовъ и пороковъ,
Безцвѣтно наша жизнь влачится безъ чудесъ,
Безъ слова грознаго разгнѣванныхъ пророковъ,
Безъ грозныхъ знаменій разгнѣванныхъ небесъ.

Но въ мигъ, когда земля дрожитъ и стонетъ,
И твердь небесная сверкаетъ и горитъ,
И въ лавѣ огненной окрестность грозно тонетъ.
И съ ревомъ вихрь за тучей тучу гонитъ,
И на землѣ все стихнетъ и молчитъ,—

И въ злой тоскѣ, какъ предъ кончиной міра,
Томясь, какъ грѣшница, природа мрачно ждетъ,
Когда палящій огнь съ небеснаго эѳира
По гласу трубному, какъ мстящая сѣкира,
На землю съ грохотомъ и трескомъ упадетъ,—

Тогда, какъ въ мигъ святаго откровенья,
Намъ слышится знакомый сердцу гласъ,
Давно въ шуму житейскаго волненья
Неслышный намъ, звучащій вѣчно въ насъ.

Когда съ гроза надъ нами пронесется,
И солнце выглянетъ, и птички запоютъ,
И, обновленная, природа улыбнется,
И травы ароматъ роскошно разольютъ,

И съ свѣжимъ воздухомъ отрадою спокойной
Въ открытое окно пахнетъ на нашу грудь,—
Бодрѣй и радостнѣй съ душою обновленной
Глядимъ мы вдаль на трудный жизни путь;

Еще въ жару святаго впечатлѣнья,
Душа небесными глаголами полна, —
Яснѣй свое небесное рожденье
И сознаетъ, и чувствуетъ она;

Не тѣсно ей въ земномъ жилищѣ тѣсномъ,
Привольнѣй жить подъ кровомъ, ей роднымъ;
И жарче вѣруемъ мы чудесамъ небеснымъ,
Живѣе вѣрится и подвигамъ земнымъ;

Въ одеждѣ праздничной тогда все блещетъ въ мірѣ
Спадаетъ съ думъ заботъ тяжелый гнетъ,
И наша мысль торжественнѣй и шире
Возноситъ къ небесамъ свой царственный полетъ;

Роскошнѣй сновъ безгрѣшныя видѣнья
Лелѣютъ чистыхъ дѣвъ и отроковъ сердца,
И величавѣе нисходитъ вдохновенье
На душу тихую пѣвца.

XXIV.

УСПОКОЕНІЕ.

Пора моей весны, пора очарованій,
Пора безпечныхъ сновъ, надеждъ и ожиданій,
Какъ неожиданно, какъ рано скрылась ты!
Гдѣ сны волшебные? гдѣ страсти и мечты,
Тревожный сердца жаръ, надеждъ лукавый шепотъ,
Восторговъ бредъ больной, сомнѣнья праздный ропотъ?
Все стихло, замерло среди мірскихъ невзгодъ,
Подъ гнетомъ тягостнымъ лишеній и заботъ!

Да, съ утра дней моихъ, среди семьи родимой,
Уже тѣснилъ меня мой рокъ неумолимый,
Но я на зло ему средь бурь и непогодъ
Юдолью жизни сей упрямо шелъ впередъ:
Какой-то бѣшеной отвагой одержимый,
Бросался къ цѣли я всегда недостижимой
Путемъ, гдѣ болѣе виднѣлось мнѣ преградъ,
И схваткѣ съ недругомъ, какъ пиршеству былъ радъ.
И жизнь отмстила мнѣ безжалостно, жестоко:
Изломанный въ борьбѣ, униженный глубоко,
Средь битвы жизненной я палъ на полпути,
И дальше никуда не въ силахъ былъ идти.

Но я благодарю всечасно Провидѣнье
За всѣ несчастія, страданья, униженья,
Ниспосланныя мнѣ: они смирили пылъ
Самонадѣянныхъ, мятежныхъ, дерзкихъ силъ,
Тревожный жаръ страстей мнѣ въ сердцѣ потушили,
И самолюбіе, и гордость сокрушили,—

И силы я свои измѣрилъ и узналъ,
И къ цѣлямъ дерзостнымъ стремиться пересталъ.
Съ тѣхъ поръ, отвергнувъ грезъ безумныхъ заблужденья,
Я духъ свой укрѣплялъ въ смиреньи и терпѣньи, —
И научился я: день за день мирно жить
И тихой радостью, и дружбой дорожить:
За каждый свѣтлый мигъ, за каждый взглядъ радушный,
За искренній привѣтъ, за кровъ и хлѣбъ насущный
Благодарить Творца,—и въ мракѣ я прозрѣлъ,
И словъ евангельскихъ я смыслъ уразумѣлъ,
И, усыпивъ страстей недугъ неисцѣлимый,
Мнѣ душу осѣнилъ покой невозмутимый.

Опора давняя, но крѣпкая моя —
Мои немногіе, но вѣрные друзья,
О свѣтломъ будущемъ напрасно вы твердите —
Успѣхи, счастіе, довольство мнѣ сулите!
Не нужно счастья мнѣ: страшитъ меня оно
Съ моею участью сроднился я давно.
Кто знаетъ? можетъ-быть въ моей смиренной долѣ
Я воли не даю страстямъ лишь поневолѣ.
Да, счастіе, какъ льстецъ передъ лицомъ властей,
Опасно для души заносчивой моей;
Увы, быть-можетъ, въ ней съ возвратомъ дней счастливыхъ,
Проснется скопище надеждъ самолюбивыхъ,
И страсти прежнія, воспрянувъ закипятъ,
И гордость разольетъ по сердцу острый ядъ,
И юность вспыхнетъ вновь,—и счастья голосъ мнимый
Смутитъ покой души, покой невозмутимый.

23-го марта, 1862 г.

XXV.

НЕПОБѢДИМАЯ АРМАДА.

(Изъ Шиллера).

Afflavit Deus,—et dissipati sunt.

(Надпись на медали, выбитой, по повелѣнію Елизаветы Англійской, въ память гибели испанскаго флота, угрожавшаго Англіи).

Плыветъ, плыветъ грозна, какъ сила роковая,
Громада гордая, краса и страхъ морей,
И съ гуломъ океанъ валы свои вздымая
Дрожитъ, колеблется подъ ней.
Она плыветъ, плыветъ на Сѣверъ непокорный —
Къ твоимъ, Британія, завѣтнымъ берегамъ,
Она несетъ съ собой оковы, плѣнъ позорный
И рабства гнетъ твоимъ сынамъ;
Во имя Божіе и падшихъ душъ спасенье,
И вѣры истинныхъ даровъ,
Она несетъ тебѣ насилье, разрушенье,
И смерть, и тысячи громовъ!...

И все впередъ, впередъ идутъ въ морской пучинѣ
И приближаются ужѐ къ землѣ твоей,
Какъ громоносныя пловучія твердыни,
Громады вражьихъ кораблей.
Онѣ ужъ предъ тобой: твои родныя во̀ды
Несутъ покорно ихъ средь рѣющихъ зыбей;
Онѣ передъ тобой, о родина свободы,
Царица мощная морей!
Конецъ могуществу, возросшему вѣками: —
Твой смертный часъ, Британія, пробилъ!
Ты въ прахъ падешь, разрушена громами
Несчетныхъ, лютыхъ вражьихъ силъ.
Великій, страшный мигъ: судьбы предначертанья
И участь столькихъ царствъ откроетъ свѣту онъ, —
И цѣлый міръ, въ тревожномъ ожиданьи,
Взираетъ на тебя, великій Альбіонъ!
Заранѣ всѣ враги свободы рукоплещутъ
Паденью твоего побѣднаго́ вѣнца
И, въ страхѣ за тебя, волнуются, трепещутъ
Всѣ благородныя сердца.

Но правосудный Богъ — Богъ силъ, судья вселенной
Воззрѣлъ съ высотъ небесъ на грозный и надменный
Твоихъ враговъ *непобѣдимый* флотъ —
Колóссъ, гордынею слѣпой сооруженный,
Тира̀ніи и темныхъ силъ оплотъ, —
Воззрѣлъ и рекъ: «Ужели совершится
Неправды торжество? Ужели сокрушится
Предъ этой силой тьмы мой славный Альбіонъ,
Гдѣ пра̀витъ всѣмъ любовь къ отечеству святая,
Свѣтъ правды, разумъ и законъ?

Ужели попущу, чтобъ эта сила злая
Разрушила мой свѣтлый Альбіонъ —
Сіе послѣднее прибѣжище свободы?!»
Такъ рекъ Господь, — дохнулъ съ небесъ на воды, —
И бурей заревѣлъ внезапно океанъ, —
И исполинскія пловучія твердыни
Далеко разметалъ по яростной пучинѣ,
Какъ щепки легкія, могучій ураганъ.

XXVI.

КЪ ШИЛЛЕРУ.

Пѣвецъ добра и свѣтлыхъ сновидѣній,
Высокихъ душъ поборникъ и оплотъ,
Высокъ и чистъ твой непреклонный геній
Высокъ и смѣлъ мечты твоей полетъ!
Ты въ мірѣ жилъ, но, міру недоступенъ,
Душой въ иномъ далекомъ мірѣ жилъ,
Ты кротокъ былъ, но гордъ и неподкупенъ
Ты міръ любилъ, но міру не служилъ.
Не влекъ тебя блескъ роскоши и власти,
Житейскихъ благъ призыву ты не внялъ,
Ни лестью сильному, ни чувствомъ низкой страсти
Высокій санъ пѣвца не запятналъ.

Кто изъ пѣвцевъ для суетной забавы
Высокій долгъ пѣвца не забывалъ
И чистыхъ музъ бесѣды величавой
На шумъ толпы нестройный не мѣнялъ?
Чья муза пылкая средь волнъ житейскихъ темныхъ
Прошла свой путь безгрѣшна и чиста?
Кто праздныхъ словъ лукавыхъ и нескромныхъ
Ей не влагалъ въ стыдливыя уста?
Кто лучшихъ силъ и сердца жаръ свободный

Своимъ страстямъ на жертву не принесъ,
По юнымъ днямъ, растраченнымъ безплодно
Не лилъ порой потоки позднихъ слезъ?
Но кто судья безчувственный и строгій
Свой грозный судъ избраннымъ изречетъ?!
Трудна пѣвца роскошная дорога:
По ней свой даръ какъ бремя онъ несетъ!
Избыткомъ всѣхъ даровъ природа надѣлила
Любимца своего; за то гнѣздится въ немъ
Могучихъ чувствъ бунтующая сила,
Опаснымъ грудь горитъ его огнемъ.
Сильнѣй другихъ онъ вѣщимъ сердцемъ чуетъ
И голосъ истины, и чары красоты;
За то больнѣй душа его тоскуетъ,
Тревожнѣй въ немъ и страсти и мечты.
Міровъ гармонія, могучій гласъ природы
Его душѣ живѣе говоритъ,
И жаждетъ грудь его раздолья и свободы —
Его весь міръ въ объятія манитъ.
Ему-ль съ душой, въ восторгахъ воспаленной,
Напоръ страстей разсудкомъ отражать,
Обречь всю жизнь на трудъ уединенный
И долгу строгому всего себя отдать?

Увы межъ избранныхъ тѣхъ избранныхъ немного,
Кто-бъ сочетать умѣлъ въ себѣ какъ ты
Духъ стоика, обычай жизни строгій
Съ сердечнымъ пламенемъ и нѣгою мечты.
Да, ты отъ юности высокому служенью
Священныхъ музъ всего себя обрекъ,
Покинулъ все, что чуждо вдохновенью,
Отвергнулъ все въ чемъ истинѣ упрекъ.

Бѣжавъ суетъ чарующаго круга,
Ты такъ любилъ очагъ семьи своей,
И мирный трудъ, и, въ свѣтлый часъ досуга,
Бесѣду тихую домашнихъ и друзей.
Ты мало зналъ житейскихъ наслажденій
Фортуны взоръ неласковъ былъ къ тебѣ
За то могучъ на волѣ взросъ твой геній
Твой духъ окрѣпъ въ лишеньяхъ и борьбѣ;
Ты сердца жаръ безплодно не развѣялъ
Путемъ забавъ и въ вихрѣ суеты,
Но въ тайникахъ души своей лелѣялъ
И сберегалъ для творческой мечты,—
И вотъ весь пылъ взлелѣяннаго чувства:
Всѣ страсти юности, всѣ отрока мечты
Ты воплотилъ въ созданія искусства —
Въ сосудъ нетлѣнный сей душевной красоты.
И чудной силою полны твои творенья!
О кто изъ насъ, въ дни юности своей,
Не черпалъ въ нихъ святыя убѣжденья,
Любовь къ добру, и къ подвигамъ стремленье,
И вѣру въ истину, и въ доблесть, и въ людей?
Моей душѣ они, какъ въ дни былые,
Восторги свѣтлыхъ думъ и дивныхъ грезъ дарятъ,
Они порой, во дни печали злые,
Своимъ огнемъ мой умъ животворятъ.
Въ минуты тяжкія мертвящаго сомнѣнья,
Когда нашъ умъ и давитъ и томитъ
Недугъ позорнаго, тупаго охлажденья,
Когда боязнь духовнаго паденья,
Какъ смертный мигъ, намъ душу леденитъ;
Когда готовы мы назвать игрой безплодной
Борьбу за лучшія, завѣтныя мечты,—

Мнѣ вдругъ является твой образъ благородный,
И въ прежній путь, какъ свѣточъ путеводный,
Меня манишь и призываешь ты, —
Лелѣятъ слухъ твои святые звуки,
Отраду сладкую въ больную душу льютъ, —
И усмиряются въ душѣ сомнѣній муки,
И силы новыя въ ней бодро возстаютъ: —
Вновь вѣришь въ истину, живущую отъ вѣка,
И рвешься радостно за правду въ честный бой,
Гордишься вновь за міръ и человѣка,
Торжественно оправданныхъ тобой!

1855 г.

XXVII.

ПОХОРОНЫ.

Разносится напѣвъ торжественно-печальный,
И поѣздъ движется блестящій погребальный:
Вослѣдъ ему толпа народная валитъ,
Предъ гробомъ стройно гимнъ напутственный звучитъ,
Съ кадильницъ ѳиміамъ отъ ладона клубится,
Дымятся факелы, и съ громомъ колесница
Везетъ бездушные останки богача:
Повсюду золото и бархатъ и парча
Надъ нимъ и вкругъ него блистаетъ и пестрѣетъ,
И тяжкій балдахинъ колеблется и рдѣетъ
На солнечныхъ лучахъ. За гробомъ стройно, въ рядъ,
Въ глубокомъ траурѣ, отъ головы до пятъ,
Съ изящной прелестью одѣты по картинкѣ.
Идутъ наслѣдники—на лицахъ ни слезинки!
И безконечною процессіей имъ вслѣдъ
Гремитъ торжественно блестящій рядъ каретъ.
Зѣваки мелкіе на улицѣ толпятся,
Большія барыни заботливо тѣснятся
Съ дѣтьми и нянъками у зеркальныхъ оконъ,
Любуясь зрѣлищемъ роскошныхъ похоронъ.
Повсюду слышится: «кого, кого хоронятъ?»

Хожалые съ пути простой народъ сторонятъ —
Толкаютъ и кричатъ и щедро сыплютъ брань,
Желая принести свою посильну дань,
Дань почестей чинамъ почившаго вельможи.
Какіе хлопоты и шумъ — и изъ чего же?
Когда и гдѣ, въ какой святой, великій часъ!
Какое зрѣлище для сердца и для глазъ!
Какое странное, нестройное смѣшенье: —
Гремитъ, какъ Божій гласъ, святое пѣснопѣнье
Во всеуслышанье о суетѣ земной,
А все вокругъ полно бездушной суетой!
И смерти грозное и мрачное величье,
И свѣта тонкія, жеманныя приличья
Идутъ здѣсь объ руку, — и дикой пестротой
Пугаютъ мысль и взоръ... и чувствъ тяжелыхъ рой
Такъ безпорядочно, такъ смутно въ грудь тѣснится:
Не знаешь, хочешь ли смотрѣть или молиться?

А въ тотъ же день и часъ, по тряской мостовой,
Везутъ на ломовомъ сосновый гробъ простой,
Ни шелкомъ, ни парчой блестящей не обитый,
Кой-какъ сколоченный, веревкой перевитый...
Въ немъ труженикъ-бѣднякъ. Свели его туда
Усилья тяжкія суроваго труда,
Нужда, сырой подвалъ, да знахарка-лѣкарка,
Да, наша общая губительница, чарка.
За гробомъ чуть бредетъ отъ горести, въ слезахъ,
Жена покойника съ младенцемъ на рукахъ.
За нею тянется въ лохмотьяхъ вся убогихъ
Толпа пискливая голодныхъ, босоногихъ,
Худыхъ, безъ помощи оставленныхъ сиротъ,
Прямыхъ наслѣдниковъ труда и злыхъ заботъ.

За ними вслѣдъ бредетъ, потупя взоръ угрюмо,
Собратъ умершаго, томимый мрачной думой,
Такой же какъ и онъ безпомощный бѣднякъ.
За гробомъ не бѣгутъ, шумя, толпы зѣвакъ;
Хожалый съ улицы народъ простой не гонитъ:
Никто не хочетъ знать, кого и кто хоронитъ.
И только бѣдная старушка съ костылемъ,
Приблизившись къ вдовѣ съ растроганнымъ лицомъ,
Вопросъ ей дѣлаетъ, съ участіемъ къ печали:
«Какъ, матушка, скажи, покойника-то звали?»
— Иваномъ, та въ отвѣтъ, рыдая, говоритъ.
И имя то, крестясь и охая, твердитъ
Старушка, чтобъ предъ сномъ, въ часъ тишины глубокой,
То имя помянуть въ молитвѣ одинокой.

1861 г.

XXVIII.

НИЧТОЖЕСТВО.

(Подражаніе восточному) *.

Свѣтило мудрости святой
Своимъ лучомъ не проникаетъ
Во мглу души лукавой, злой,
Гдѣ духъ нечестья обитаетъ.
Но намъ иное говорятъ
Грѣховной мудрости витіи—
Они страстямъ коварно льстятъ,
Чтобъ уловить сердца людскія.
Для ихъ лукаваго ума
Противно истины сіянье:
Любезна имъ неправды тьма:
Она скрываетъ злодѣянья.
Завѣтамъ мудрости святой
Они со злобой посмѣялись,
Съ неправдой сердцемъ сочетались
И съ нею путь свершаютъ свой.

*) *„Ничто же ново подъ солнцемъ.* Иже возглаголетъ и речетъ: се сіе ново есть; уже бысть въ вѣцѣхъ, бывшихъ прежде насъ.“ Такъ говоритъ царь Соломонъ въ своемъ *Екклесіастѣ*. Подтвержденіе его словамъ мы находимъ въ его же *Книгѣ Премудрости*, нѣкоторыя мѣста которой послужили основаніемъ для предлагаемаго стихотворенія и приведены въ немъ. Царь Израильскій, представитель ветхозавѣтной мудрости, обличая лжемудрецовъ своего времени, излагаетъ ихъ ученіе — ученіе почти тождественное съ ученіемъ нашихъ нигилистовъ и позитивистовъ. И такъ, почти три тысячи лѣтъ тому назадъ, на свѣтѣ уже существовали Бюхнеры и Фёербахи, а также водились и такіе ловкіе люди, которые строили на ихъ ученіи нравственныя начала и проводили ихъ, для собственной выгоды, въ практическую жизнь.

«Нашъ кратокъ вѣкъ», они сказали,
«Земная жизнь полна печали,
А жизнь другая не придетъ:
За наши скорби и лишенья.
Намъ не пошлется утѣшенья,
И съ нашей плотью все умретъ.
Мы по землѣ пройдемъ какъ тѣни:
Въ насъ будетъ все добычей тлѣни —
Мы родились случайно въ свѣтъ.
Въ насъ вѣчной силы искры нѣтъ,
Въ насъ все мертво, все насъ покинетъ,
Дыханье наше — дымъ иль паръ;
Даръ слова, крови нашей жаръ:
Дымъ разнесется, кровь остынетъ!
Когда придетъ нашъ смертный часъ
И тѣло прахомъ распадется, —
Какъ воздухъ съ воздухомъ сольется
Душа, трепещущая въ насъ.
И будемъ мы, чѣмъ прежде были:
Ничѣмъ, и изъ могильной тьмы,
Изъ пепла хладнаго и пыли
Не возродимся къ жизни мы.

«И такъ, пока мы жаръ сердечный
И пылъ страстей въ себѣ хранимъ,
Упьемся жизнью скоротечной,
Желанья сердца утолимъ!
Низвергнемъ смѣло всѣ препоны,
Путь заграждающія намъ,
Оставимъ праотцевъ законы,
Дадимъ просторъ своимъ страстямъ;
Оставимъ постъ и трудъ суровый,

Въ веселье душу погрузимъ,
И долга строгаго оковы
Разгуломъ мысли сокрушимъ!
И сбросимъ мы яремъ тяжелый
Семейныхъ узъ и гнетъ заботъ:
Пускай вся жизнь, какъ пиръ веселый,
Какъ сладкій сонъ для насъ мелькнетъ!

«Но на пути своемъ и терни
Увидимъ мы среди цвѣтовъ:
Смотрите — вотъ толпа глупцовъ,
Вожди тупые темной черни:
Они на распрю насъ зовутъ —
На бой безкровный и свободный,
Да грознымъ словомъ всенародно
Надъ нами судъ свой изрекутъ.
Они завѣтъ Творца вселенной
Въ душѣ своей, какъ нѣкій кладъ,
Съ любовью дѣтскою хранятъ
И вѣрятъ въ жизнь души нетлѣнной,
Они союзъ семьи священный,
Они законъ народный чтутъ
И вѣчной правдѣ вѣрятъ свято, —
И бездной мрака и разврата
Ученье наше назовутъ;
Всѣ наши скрытыя стремленья
Съ улыбкой хладнаго презрѣнья,
Они предъ свѣтомъ обнажатъ
И ѣдкимъ словомъ обличенья
Насъ предъ народомъ посрамятъ.
Но не смиримся мы сердцами
Передъ суровымъ ихъ судомъ:

Не будетъ мира между нами,
Пока мы дышемъ и живемъ!
Мы имъ безъ бою не уступимъ
Желанной власти надъ толпой:
Мы лестью хитрою подкупимъ
Кичливой черни судъ слѣпой,
А ихъ — сихъ судей неподкупныхъ,
Для силы лести неприступныхъ
И гордыхъ жизни чистотой —
Мы развѣнчаемъ ихъ предъ свѣтомъ
Нежданно-дерзостнымъ извѣтомъ
И запятнаемъ клеветой.
Когда жъ ни громкой клеветою,
Ни козней тайною враждою
Мы ихъ съ толпой не разлучимъ, —
Тогда мы силою иною
Ихъ власть и силу сокрушимъ:
Не даръ могучаго витійства —
Не мощь духовная ума,
Но ядъ, насилье и убійство
Избавятъ міръ отъ ихъ ярма.
И смѣло мы волной кровавой
Весь міръ омоемъ, обновимъ,
И людямъ новые уставы
Рукой свободной начертимъ!«

Такъ въ сонмѣ грознаго совѣта
Нечестья гордаго сыны,
Враждой и злобою полны
Къ сынамъ свободы, правды, свѣта,
Въ высокомѣрныхъ словесахъ
Грозятъ имъ гибелью конечной,

Но живъ Господь на небесахъ,
И живъ законъ Его предвѣчный:
Онъ козни ихъ разрушитъ въ прахъ.
Смотрите! въявѣ передъ нами
Свершаетъ казнь надъ ихъ главами,
Для нихъ незримо, вышній судъ: —
Они съ весельемъ въ сердцѣ сами
На гибель смѣлыми стопами,
Въ слѣпомъ невѣдѣньи, идутъ
И зло себѣ на гибель сѣютъ
И сами въ сердцѣ издавна
Рукой заботливой лелѣютъ
Духовной смерти сѣмена;
Ихъ печестивое ученье
Вливаетъ всюду ядъ растлѣнья
И все мертвитъ, — и часъ придетъ —
Когда огнемъ святаго мщенья
На ихъ главу оно падетъ.
Тогда плоды ихъ гордой власти
Падъ обольщенною толпой —
Всѣ, ими поднятыя страсти,
На нихъ подвигнутся враждой, —
И духъ насилія, безвѣрья,
Измѣны, лжи, высокомѣрья
Въ стихійной ярости своей
Вкругъ нихъ проснется и воспрянетъ, —
И въ оный день у нихъ не станетъ
Ни женъ, ни братьевъ, ни друзей: —
Друзья обманутъ ихъ; ихъ жены,
Нося въ душѣ ихъ мыслей ядъ,
Презрѣвъ семейныхъ узъ законы,
Грѣхомъ ихъ ложе осквернятъ;

Со дней младенчества ихъ чада
Средь заражающаго смрада
Разврата, лжи, семейныхъ смутъ,
Подъ шумъ рѣчей безстыдно вольныхъ
И шепотъ замысловъ крамольныхъ,
Въ чаду нечестья возрастутъ:
Томимы духомъ отрицанья,
Какъ ихъ отцы, отцовъ преданья
Они съ презрѣньемъ осмѣютъ
И ихъ объятья и лобзанья
Со злобнымъ смѣхомъ оттолкнутъ....

А черпь, игралище крамолы
Въ рукахъ непризванныхъ вождей?!...
Ее пробудитъ гнетъ тяжелый
Ее опутавшихъ цѣпей!
И въ часъ великій пробужденья
Вокругъ нея исчезнетъ мгла
Обмана, лжи и заблужденья:
Она пойметъ, чьи обольщенья
И чья рука ее влекла
Въ пучину бѣдствій и пороковъ, —
И, свергнувъ мрачныхъ козней гнетъ,
Своихъ вождей и лжепророковъ
На казнь съ проклятьемъ повлечетъ.
И то проклятье гласомъ мщенья
Изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ,
Чрезъ всѣ вѣка и поколѣнья,
Чрезъ всю вселенную пройдетъ.

7-го октября 1871 года.

XXIX.

ДИКТАТОРУ.

Питомецъ бурь и бѣдъ и дерзостныхъ мечтаній,
Ты твердо къ цѣли шелъ, средь нуждъ и испытаній!
Сбылся души твоей, сбылся завѣтный сонъ:
Ты властью наконецъ верховной облеченъ.
Мятежный твой народъ, врагъ власти безусловной,
Смирился предъ тобой, трепещущій, безмолвный;
Почуя въ ужасѣ руки желѣзной гнетъ,
По прихоти твоей повсюду онъ идетъ.
Невольно ловкостью твоей любуясь вчужѣ,
И юные цари, и опытные мужи —
Вожди народные, совѣтники царей,
Дивятся хитрости и дерзости твоей.
Народный временщикъ въ порфиру облеченный,
Успѣхомъ, славою и лестью окуренный,
Величью своему и силѣ и дѣламъ,
Быть можетъ больше всѣхъ дивишься ты же самъ.
Еще вчера бѣглецъ, преступникъ, нищій странникъ,
Сегодня націи прославленной избранникъ
Во власти лишь обрѣлъ ты уголъ и покой!
Преступно смѣлою и твердою рукой,
Рукой, еще вчера просившей подаянье,
Во прахъ ты сокрушилъ свободы гордой зданье
И, посохъ странника на скипетръ промѣнявъ,

Среди растоптанныхъ тобой народныхъ правъ
Престолъ воздвигнулъ свой во имя правъ народныхъ
И мощно властвуешь толпой рабовъ свободныхъ.
И святотатственной, кровавою рукой
Помазанника санъ похитилъ ты святой
И съ видомъ гордости безпечнымъ и свободнымъ
Ту руку подаешь царямъ порфиророднымъ!
И чтожъ? на рядъ твоихъ прошедшихъ дѣлъ и словъ
Набросивъ наскоро забвенія покровъ,
Смутясь передъ лицомъ самороженной власти,
Потомки гордые прославленныхъ династій,
Покорные твоей таинственной судьбѣ,
Съ тобой братаются и руку жмутъ тебѣ!
И, побѣдивъ въ себѣ гласъ гордости законной,
Ревнивый стражъ морей, надменный, непреклонный,
Свободный, царственный, могучій Альбіонъ
Царицу шлетъ къ тебѣ съ дарами на поклонъ..

Вкругъ трона твоего гремятъ рукоплесканья:
Всѣ замыслы твои, всѣ темныя дѣянья,
Всѣ козни мелкія вѣнчаются хвалой.
Въ благоговѣніи склонилось предъ тобой
Гнилое скопище глупцовъ и лицемѣровъ,
Тупыхъ безбожниковъ и лютыхъ изувѣровъ
И мрачныхъ скептиковъ, друзей бездонной тьмы:
Ты лестью окурилъ ихъ грубые умы;
Въ тебѣ ихъ торжество, опора, оправданье —
Ты воплотилъ въ себѣ ихъ низкія мечтанья,
Ты возвратилъ имъ жизнь; они горды тобой —
Ты ихъ усердный рабъ, мессія и герой.
Враги заклятые свободы, правды, свѣта,
Насилія и тьмы поборника-атлета

Они нашли въ тебѣ и въ радости кричатъ:
«Вотъ геній! О какой простой и ясный взглядъ!
«Онъ любитъ не слова кудрявыя, а дѣло:
«Все грознымъ мятежемъ вокругъ него кишѣло;
«Онъ палкой погрозилъ, — и разомъ все смирилъ.
«Онъ славу бранную отчизны воскресилъ,
«На пользу устремивъ страстей ея порывы.
«Народу обуздавъ языкъ велерѣчивый,
«Орлинымъ взоромъ онъ въ сердца его проникъ —
«Его завѣтныя стремленья всѣ постигъ: —
«Онъ знаетъ лучше всѣхъ, что *доброй* черни нужно —
«Не тѣшитъ онъ ея свободою наружной —
«Онъ далъ ей трудъ и хлѣбъ; великій человѣкъ!»

Поистинѣ великъ ты въ нашъ ничтожный вѣкъ,
Вѣкъ сновъ несбывшихся, безвѣрья, охлажденья,
Тревожный, смутный вѣкъ разгрома, разрушенья,
Когда преданія повержены во прахъ,
Когда сомнѣніе царитъ во всѣхъ умахъ,
Когда отъ доблести порокъ не отличаютъ,
Обманъ политикой премудрой величаютъ,
Насилье волею желѣзною зовутъ,
Когда за генія слыветъ безстыдный плутъ,
Когда смѣются вслухъ стремленьямъ благороднымъ.
Да силенъ ты, великъ безсиліемъ народнымъ,
Пока вокругъ тебя все въ ужасѣ дрожитъ!
Но знай: ужъ занесенъ бичъ грозныхъ Эвменидъ —
Его не вырвешь ты ни хитростью, ни силой;
Настанетъ часъ суда и надъ твоей могилой
Проклятье вѣчное потомки изрекутъ.
Ты помнишь ли когда подъ шумъ гражданскихъ смутъ,
Народъ, предательски обманутый тобою,

Съ такой надеждою ребяческой, святою,
Повѣривъ въ простотѣ и ласкамъ и божбѣ,
Какъ нѣжное дитя, отдался весь тебѣ;
Когда въ великій день свободнаго избранья
Предъ сумрачнымъ лицомъ народнаго собранья
Ты руку къ небесамъ торжественно вознесъ
И клятву голосомъ дрожащимъ произнесъ:
Законы охранять свободнаго народа?
И что-же! Гдѣ законъ народный? Гдѣ свобода?
Невинной кровію гражданъ потоплены!
Подкуплены тобой, виномъ упоены
Все растоптали въ прахъ, съ какой-то злобой ярой,
Твои усердные, тупые янычары.

Но, знаемъ, у тебя отвѣтъ на все готовъ.
— Ты клятву преступилъ! — «Что клятва — пара словъ!
Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ пельзя судить такъ строго:
Поклясться именемъ Всевидящаго Бога
И клятвѣ измѣнить торжественно своей
Не значитъ ничего для мыслящихъ людей».
— Ты цѣпи наложилъ свободному народу.
— «Онъ стоитъ ихъ, когда не могъ сберечь свободу.»
— Ты кровь народа лилъ. — «И это ничего —
Такъ было надобно для пользы же его,
Для утвержденія порядка и законовъ:
Что значатъ тысячи для блага милліоновъ?!
Такъ разсуждали всѣ — и Сулла, и Кромвель,
Дантонъ, и Робеспьеръ, и самъ Макіавель,
И самъ Наполеонъ — и всякій знаетъ съ дѣтства,
Что цѣль высокая оправдываетъ средства.»

Какихъ же цѣлей ты возвышенныхъ достигъ?
Народу заковавъ умъ, волю и языкъ,
Ты разнуздалъ межъ тѣмъ пороки въ немъ и страсти;
Стыдъ, честь въ немъ подавилъ ярмомъ позорной власти
И низкимъ подкупомъ сердца къ себѣ привлекъ;
Страстей общественныхъ бунтующій потокъ
Ты только запрудилъ, — и гибельнымъ разливомъ
Онъ хлынулъ въ сторону по плодоноснымъ нивамъ;
Народа бодраго и силы всѣ и пылъ
На страсти низкія ты хитро устремилъ,
Чтобъ въ смрадѣ и чаду душевнаго растлѣнья
Заглохли въ немъ навѣкъ всѣ честныя стремленья.
И цѣли ты достигъ: любуйся и гордись
Твореньемъ рукъ своихъ! Смотри какъ разрослись
Какъ пышно разцвѣли вокругъ тебя пороки,
Какъ сочны ихъ плоды, какъ корни ихъ глубоки!
Смотри какъ широко отъ хижинъ до палатъ
Открыто разлился ликующій развратъ;
Съ какою рыцарской любовію ревнивой,
Съ какою страстію мечтательно тоскливой
Къ корысти, къ золоту стремятся всѣ сердца
(Ты имъ какъ Ааронъ изъ злата слилъ тельца);
Съ какой готовностью спѣшатъ твои вассалы
Честь, совѣсть — все продать цѣною ленты алой.

Вотъ все, что на алтарь отчизны ты принесъ!...
Невольно хочется задать тебѣ вопросъ:
Ужели не шутя, ужели въ самомъ дѣлѣ
Ты вѣришь, что достигъ высокой, славной цѣли?
Ужели счастливъ ты? Ужели не остылъ
Навѣкъ въ твоей груди желаній первый пылъ,

Не стихли ярые восторги сладострастья
На долгой оргіи слѣпаго самовластья.
Нѣтъ, нѣтъ не вѣримъ мы: намъ сердце говоритъ,
Что совѣсть грозная въ душѣ твоей не спитъ,
Что гложетъ грудь твою тоски безсонной рана,
Что счастья нѣтъ душѣ растерзанной тирана,
Что мирный тихій сонъ очей твоихъ бѣжитъ,
Что лесть безстыдная тебя не веселитъ,
Что ты предчувствуешь сатраповъ вѣроломство,
Что часто предъ тобой, стеня, твое потомство
Кровавымъ призракомъ средь ночи предстаетъ;
Что въ часъ, когда, уставъ отъ царственныхъ заботъ —
Въ часъ сладкій и святой для сердца семьянина —
Берешь ты на руки единственнаго сына,
И нѣжно рѣчь ведешь съ нимъ, весело шутя,
Ты думаешь въ душѣ: «несчастное дитя!»

А близко отъ страны, униженной тобою,
Блистая славою и властью міровою,
Цвѣтетъ свободная и гордая страна;
Тамъ кротко царствуетъ счастливая жена,
Хранимая отъ бурь гражданскихъ, какъ твердыней,
Закона мудраго завѣтною святыней;
И слово вкругъ нея свободное звучитъ
И свѣтлый тронъ ея незыблемъ какъ гранитъ —
Съ народомъ сросся онъ, рукой временъ хранимый,
Въ одинъ живой колоссъ — колоссъ несокрушимый.
И свѣтелъ, святъ удѣлъ свободной той страны: —
Тамъ храмы Божіи молящихся полны;
Тамъ высятся дворцовъ несчетныя громады,
Тамъ зиждутся судовъ гигантскія армады,

На гибель и позоръ отечества враговъ;
Тамъ блещутъ доблести семейныхъ очаговъ;
Тамъ равно почтены и мечъ и плугъ смиренный
И свято чтитъ народъ гласъ лиры вдохновенной;
Тамъ въ сердце каждаго народная молва
Глубоко врѣзала великія слова,
Блестящія въ щитѣ надъ тропомъ величаво,
Слова завѣтныя, святыя: *«Богъ и право.»*

1860 года.

XXX.

СТАРАЯ РУССКАЯ ПАРТІЯ.

Пылая дружбой къ слабымъ Ляхамъ,
Враги Россіи, съ должнымъ страхомъ,
На силы русскія глядятъ,
И съ безпокойствомъ говорятъ,
Какъ о невѣдомой стихіи,
Иль темной силѣ роковой,
Иль лютой язвѣ моровой,
О старой партіи въ Россіи.
Они толкуютъ, что она,
Людьми отсталыми полна,
Погрязла въ старыя начала,
Дерзка, упряма, — но сильна
Союзомъ съ чернью одичалой...
Такъ наши недруги твердятъ,
И этой рѣчію лукавой,
Быть можетъ, многихъ совратятъ
Съ пути, отмѣченнаго славой.
Пускай! У всякаго свой вкусъ....
Незнаю право какъ другіе,
Но я всю жизнь не отрекусь
Отъ старой партіи въ Россіи.

Да, на Руси и былъ и есть
Стягъ старой партіи народной: —
Въ немъ наша сила, наша честь;
Вокругъ него толпой свободной,
Въ дни распрей, плѣна и войны,
Въ отпоръ измѣнѣ дерзновенной,
Отчизны лучшіе сыны
Всегда стекалися, — полны
Любви къ согражданамъ священной.
Да, эта партія сильна
Она упряма и грозна —
Она не склонитъ гордой выи
Предъ льстивымъ, ласковымъ врагомъ —
Пусть только тронутъ честь Россіи,
И гласъ ея, какъ Божій громъ,
По царству русскому промчится
Вдоль мирныхъ пашенъ и равнинъ, —
И Русь воспрянетъ, ополчится,
Какъ уязвленный исполинъ.
Такъ на Руси издревле было:
Когда народъ нашъ погибалъ,
Его своей могучей силой
Духъ старой партіи спасалъ.
Да, эта партія родилась
Съ державой русскою на свѣтъ,
Ей Русь окрѣпла и сложилась,
Средь грозной бури бранныхъ бѣдъ.
Она рукою властелина
Всю нашу землю воедино
Въ Московскомъ царствѣ собрала,
Подъ сѣнь двуглаваго орла.

Гдѣ ни раскроемъ свитокъ длинный
Бытописанья древнихъ лѣтъ,
Мы нашей партіи старинной
Повсюду видимъ яркій слѣдъ.
Во дни усобицы кровавой,
Когда постигъ насъ Божій гнѣвъ —
Когда, окрѣпнуть не успѣвъ,
Распалась русская держава,
Когда потоками лилась
Кровь христіанская безплодно, —
И въ оны дни не гаснулъ въ насъ
Духъ старой партіи народной.
Онъ пребывалъ, какъ Божій страхъ,
Въ немногихъ избранныхъ сердцахъ: —
Духовныхъ пастырей устами
Творилъ онъ миръ между врагами
И смѣло правду онъ вѣщалъ
Князьямъ, облитымъ братской кровью,
И христіанскою любовью
Пылъ дикой мести укрощалъ.

Когда небесной грозной кары
Надъ нами новый палъ ударъ,
Когда, пылая местью ярой,
Къ намъ вторглись полчища Татаръ,
И застенала вся Россія,
И черный день нашъ наступилъ,
И мечъ свирѣпаго Батыя
Насъ волѣ ханской покорилъ.
Въ тѣ дни безсильна и унылa,
Ярмомъ позорнымъ стѣснена,
Русь въ тайныхъ нѣдрахъ возрастила

Грядущей силы сѣмена.
Казалось все у насъ дремало,
Но втайнѣ силы собирала
Россіи новая глава —
Неторопливая Мосива,
И старой партіи народной
Въ ней духъ проснулся благородный,
И этимъ духомъ, какъ грозой,
За честь отечества пылая,
Подвигъ Россію на Мамая
Димитрій, стражъ страны родной.
И этотъ духъ огнемъ священнымъ
Пылалъ въ отшельникѣ смиренномъ,
Когда онъ въ келіи своей,
Въ лѣсу Радонежскомъ дремучемъ,
На брань съ воителемъ могучимъ
Благословлялъ своихъ князей,
И ихъ на подвигъ смѣлой битвы
Словами вѣры укрѣплялъ
И къ небу жаркія молитвы
За Русь святую возсылалъ.

Когда властитель Ватикана,
Сей самодержецъ и монахъ,
Земель полночныхъ великана
Хотѣлъ связать въ своихъ сѣтяхъ
И на соборѣ Флорентинскомъ
Склонилъ предъ пастыремъ латинскимъ
Трусливый Грекъ свою главу
И съ папской грамотой соборной,
Клейменъ измѣною позорной,
Къ намъ въ православную Москву

Святитель Русскій возвратился,
И предъ народомъ и дворомъ
За церковь римскую молился
Предъ православнымъ алтаремъ: —
Тогда духъ партіи *отсталой*
Вскипѣлъ, измѣной возмущенъ,
И грозной княжеской опалой
Былъ хитрый пастырь пораженъ,
И сонмъ бояръ въ негодованьи
Отвергъ соборное дѣянье
И власть намѣстника Петра,
И дружбу римскаго двора.
Такъ старой партіи внушенья,
Плоды *«отсталаго»* ума,
Спасли Россію отъ плѣненья —
Отъ ига папскаго ярма!

Шло время; пронеслась далеко
Про землю русскую молва;
Ужъ Русь раскинулась широко;
Ужъ воцарилася Москва
Надъ нашимъ сѣверомъ со славой;
Уже давно орелъ двуглавый
Надъ брегомъ Каспія парилъ,
И смѣлымъ взмахомъ быстрыхъ крылъ
Черезъ уральскія твердыни
Проникъ въ сибирскія пустыни,
И дикимъ ордамъ возвѣстилъ
О грозной славѣ русскихъ силъ.
Но вслѣдъ за славою настали
Дни испытаній и печали:
На тронѣ властвовалъ злодѣй

Несчастный царь — цареубійца: —
Русь тосковала какъ вдовица
По древней отрасли царей;
Доносы, пытки, заточенья,
Изгнанья, тайныя гоненья
Повсюду разносили страхъ;
Шепталась чернь на площадяхъ,
Дрожали мрачные вельможи,
И въявѣ судъ свершался Божій
Надъ грѣшной царской головой, —
И надъ несчастною страной
Всѣ казни смерти разразились: —
Мятежъ, пожары, гладъ и моръ,
И, устрашая умъ и взоръ,
На небѣ знаменья явились;
Народъ молился и стенялъ
И трепеща чего-то ждалъ.
И вдругъ въ народѣ пробѣжала
Какъ вихрь нежданная молва,
И встрепенулася Москва
И втайнѣ радостью взыграла: —
Какая вѣсть! Къ Москвѣ идетъ
Законный царь — сынъ Іоанна,
Чтобъ свергнуть хищника, тирана!
И дружно бросился народъ
Подъ знамя бѣглаго монаха,
И путь на тронъ ему открылъ,
И на разстригу возложилъ
Вѣнецъ священный Мономаха.
Но, шайкой Ляховъ окруженъ
Кичливыхъ, алчныхъ и голодныхъ,
Не чтилъ обычаевъ народныхъ

Сей новый царь. Безпечно онъ
Путь открывалъ врагамъ отчизны,
Святыню церкви оскорблялъ
И словомъ ѣдкой укоризны
Народъ великій унижалъ.
Народъ молчалъ въ тоскѣ и страхѣ;
Вездѣ въ Москвѣ царили Ляхи —
Смѣялись нагло намъ въ глаза,
Все имъ безмолвно покорялось....
Но старой партіи гроза
Уже надъ ними собиралась....
Обманъ открыли тьмы уликъ —
Пошелъ въ народѣ тайный шопотъ,
Его смѣнилъ открытый ропотъ,
И превратился въ грозный крикъ, —
И загремѣли надъ Москвою
Набатомъ сорокъ сороковъ,
И всюду хлынула рѣкою
Кровь ненавистныхъ Поляковъ,
И палъ увѣнчанный бродяга,
И общимъ кликомъ на престолъ
Народъ ликующій возвелъ
Потомка древняго Варяга.
Но смутъ кровавыхъ и крамолъ
Не переполнилася чаша,
И надъ отчизной бѣдной нашей
Лишь собиралась туча золъ,
Скопленныхъ медленно вѣками....
Русь запылала мятежами....
Смутились лучшіе умы,
И, будто властью князя тьмы,
Всѣ страсти низкія и злыя

И всѣ мятежныя стихіи
Въ народѣ разомъ поднялись,
И бурнымъ токомъ понеслись,
Со всѣхъ концовъ роднаго края....
Власть старой партіи тогда
Какъ бы исчезла навсегда: —
Явилась партія иная —
Исчадье распрей и крамолъ;
Ей правилъ дикій произволъ;
Она, чужда народной славѣ,
Любовью къ Польшѣ возгоря,
Позорно предала Варшавѣ
И Кремль и Бѣлаго Царя!
И наша Русь осиротѣла;
Вездѣ измѣна гордо, смѣло,
Позорный развивала стягъ;
Въ умахъ царилъ какой-то мракъ,
И гибла Русь; ея державу
Уже вручали Владиславу
И ужъ готовилась Литва
Надъ нами взять свои права —
Сковать Россію въ узахъ плѣна....
Но вотъ пронесся надъ страной,
Какъ будто благовѣстъ святой,
Гласъ патріарха Гермогена.
И на священный этотъ гласъ
Вся наша Русь отозвалась: —
Подъ стягомъ партіи «отсталой»
Великій Мининъ поднялся —
Вновь солнце правды заблистало,
Мятежъ народный унялся: —
Полки стекались за полками,

На брань съ измѣной и врагами, —
И наша партія росла,
Росла — и грянула грозою
Надъ полоненною Москвою, —
И Русь отъ гибели спасла.

Окрѣпла вновь держава наша
И, послѣ смутъ, тревогъ и бѣдъ,
Она еще свѣтлѣй и краше
Блистала славою побѣдъ.
Смиренъ Полтавскими громами,
Притихнулъ Шведъ, нашъ старый врагъ;
Уже надъ Невскими волнами
Носился гордо русскій флагъ.
Но вновь настали дни ненастья —
Отворотилось снова счастье
Отъ старой партіи: она
Временщиками стѣснена,
Со всѣмъ отечествомъ въ загонѣ,
Ни въ вѣнценосцахъ, ни въ законѣ
Найти защиты не могла,
И Биронъ, съ местью Нѣмца злаго
Ее душилъ, какъ льва больнаго,
А все она не умерла....
Такъ много лѣтъ она томилась....
Ужъ близко смерть надъ ней носилась....
Но измѣнились времена,
Русь ожила, помолодѣла: —
На русскій тронъ стопою смѣлой
Взошла великая жена.
О славный вѣкъ!... Тогда настало,
Для русской партіи «отсталой»,

Житье, раздолье и разгулъ —
Ея враги вдругъ онѣмѣли, —
За ней побѣдъ носился гулъ,
И Прага, Чесьма и Кагулъ
Хвалы дѣламъ ея гремѣли;
Предъ ней пылали корабли,
Предъ нею царства распадались,
Предъ ней широко раздвигались
Предѣлы Русскія земли.
Но не одною славой ратной
Плѣнялась Русь подъ бранный шумъ,
Нѣтъ, смѣло въ вѣкъ тотъ благодатный
Расторгъ оковы русскій умъ:
Разгуломъ счастья молодаго
Взыгралъ родникъ роднаго слова,
Вдругъ силу новую пріявъ,
И свѣтелъ, громокъ, величавъ
Рѣкой широкой онъ разлился, —
И какъ въ зерцалѣ отразился
Въ немъ образъ царственной жены,
Средь исполиновъ нашихъ бранныхъ,
Ея предвѣденьемъ избранныхъ
Между сыновъ родной страны.

Когда въ странѣ гражданской брани,
Смиривъ духъ распрей и возстаній,
Всесильно властвовалъ герой,
И измѣнялъ Европы грани
Побѣдоносною рукой,
И несъ царямъ свои законы,
И воздвигалъ и рушилъ троны,
И слалъословъ къ брегамъ Невы, —

Уже слѣдило издалека
За нимъ недремлющее око
Старинной партіи Москвы.
Межъ тѣмъ какъ юность, съ увлеченьемъ,
Внимала льстивымъ увѣреньямъ,
Вождя, властителя царей,
И дружбой новою гордилась,
Русь старой партіи косилась,
(Страшась невидимыхъ сѣтей)
На дружбу къ хитрому тирану
И повторяла: «быть обману!»
И что-же? Рѣчь ея сбылась,
И вся Европа поднялась
На насъ, по манію героя,
Но ужъ давно искали боя
«*Отсталой*» партіи сыны, —
И пламя вспыхнуло святое
Народной мести и войны.
И вотъ герой, гроза вселенной,
Диктаторъ двадцати племенъ
Въ войнѣ народной побѣжденный,
Бѣжалъ, — исчезъ какъ мрачный сонъ.

И въ наши дни — дни мирной славы,
Въ дни вожделѣнной тишины,
Когда вскипѣлъ мятежъ Варшавы,
Когда три мощныя державы,
Коварныхъ замысловъ полны,
Дерзнули съ твердостью притворной
Права Варшавы непокорной
Предъ русскимъ тономъ защитить
И насъ угрозами смутить, —

Тогда воспрянули въ Россіи
«*Отсталой*» партіи стихіи:
Отчизны вѣрные сыны,
За честь страны оскорблены,
Воззвали къ царскому престолу:
«Монархъ! внемли нашъ общій кликъ —
Смири враговъ Твоихъ крамолу,
Народъ Твой силенъ и великъ;
Скажи лишь царственное слово,
Скажи, — и Русь Твоя готова,
Собравшись вся въ святую рать,
Идти съ врагами въ бой кровавый —
Она готова все отдать
За цѣлость, мощь Твоей державы!
Мы всѣ подъ знаменемъ Твоимъ
За честь ея умремъ съ любовью,
Но край, добытый русской кровью,
Не отдадимъ, не отдадимъ!»

Такъ голосъ партіи народной
Передъ царемъ вѣщалъ свободно,
И до враговъ его достигъ,
И сталъ смолкать ихъ грозный крикъ,
Остылъ ихъ гнѣвъ и пылъ воинскій —
Предъ грозной силой исполинской
Великой сѣверной страны,
Возставшей, въ гнѣвѣ, предъ врагами,
Готовой грянуть въ нихъ громами
Народной яростной войны.

И въ дняхъ грядущихъ много, много
Духъ старой партіи свершитъ....
Но можетъ быть читатель строгій

Уже давно за мной слѣдитъ,
Меня невольно вопрошая:
«Ктожъ эта партія святая,
Которой держится страна,
Гдѣ, укажите намъ, она?»
Какъ указать!? Она межъ нами
Владѣетъ лучшими сердцами;
Могучій духъ ея живитъ
Всю нашу Русь; онъ въ ней царитъ,
Какъ въ насъ царитъ душа надъ тѣломъ,
Но кто умомъ надменно смѣлымъ,
Кто тайну вѣчную проникъ,
И разрѣшилъ вопросъ давнишній —
Гдѣ въ насъ сокрылъ отъ насъ Всевышній
Души божественный тайникъ?

23 Августа 1864 г.

XXI.

КРЕСТОНОСЦЫ.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Когда въ предѣлы Палестины,
Неся огня и смерти адъ,
Свирѣпо вторглись Сарацины
И ворвались въ Священный Градъ;
И прахъ страны обѣтованья,
И храмъ святой, и Гробъ Христовъ, —
Тогда достались въ поруганье
Толпѣ суровыхъ пришлецовъ.
Прошли вѣка со дня плѣненья....
И къ рубежу Священныхъ Мѣстъ
Никто не шелъ на избавленье,
И только новаго гоненья
Послалъ имъ Богъ тяжелый крестъ,
Послалъ на чадъ Христовой вѣры
Онъ племя новыхъ мусульманъ,
И мукамъ ихъ не стало мѣры —
И все низвергъ, попралъ Коранъ.
Тогда изъ стѣнъ Ерусалима
Стыдомъ и ужасомъ гонимъ,

Въ предѣлы царственнаго Рима
Явился нѣкій пилигримъ.
Огонь наитія святаго
Горѣлъ у странника въ очахъ;
Къ стопамъ Намѣстника Петрова
Онъ палъ, склонивъ главу во прахъ....
Онъ говорилъ, что зрѣлъ видѣнье....
Что съ неба гласъ къ нему сошелъ
И возвѣстилъ, что день спасенья
Страны Сіонскія пришелъ,
Что волю Вышняго Владыки
Сей тайный гласъ открылъ предъ нимъ:
Да ополчатся всѣ языки
И двинутъ рать въ Ерусалимъ,
И повелѣлъ, да возвѣстится
Его святая воля та
Вездѣ, гдѣ гробъ Господень чтится,
Гдѣ вѣрятъ въ Господа Христа, —
Да знаютъ всѣ о поруганьи
Обѣтованныя страны,
И придутъ въ гнѣвъ и содраганье
Христовы вѣрные сыны.
И рекъ Апостольскій Намѣстникъ,
Смущенный вѣстію святой:
«Иди жъ ты въ путь, Господень вѣстникъ!»
И онъ пошелъ въ путь дальній свой.
И шелъ онъ отъ моря до моря,
Переходилъ изъ града въ градъ —
Вселенское повѣдать горе
И ополчить Христовыхъ чадъ.
И слово странника-витіи
Отъ снѣжныхъ Альпъ до Пиринеи,

От Рейнскихъ струй до Византіи
Сзывало нищихъ и царей
Подвигнуть мечъ за Божье дѣло,—
И, какъ торжественный набатъ,
Оно надъ міромъ прогремѣло:
Все поднялось, все закипѣло—
Все шло спасать Священный Градъ.
И вотъ несчетныя дружины
Стеклись подъ знаменемъ святымъ,—
И крестоносцы-паладины
Вошли въ предѣлы Палестины,
Гордяся подвигомъ своимъ.
И что-жъ?... Для подвига святаго,
Для цѣлей чистыхъ, неземныхъ,
Была душа въ нихъ не готова,
Не чисто сердце было въ нихъ;
Душѣ ихъ было слишкомъ много
Стремленій суетныхъ дано,
И жить для міра и для Бога
Они хотѣли заодно.
Чтя древній рыцарскій обычай,
Они землей страны святой,
Какъ бранной прибыльной добычей,
Дѣлились шумно межъ собой.
Но Тотъ, Кто изгналъ дерзновенныхъ,
Во храмъ пришедшихъ, торжниковъ,
Исторгъ изъ рукъ непосвященныхъ
Священный Градъ и Гробъ Христовъ.

1853 г.

XXXII.

ПАМЯТИ М. В. ЛОМОНОСОВА.

(Читано въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, въ публичномъ его засѣданіи, посвященномъ столѣтней годовщинѣ дня кончины Ломоносова).

Когда, по манію царя,
Давно ужъ Русь преобразилась,
И новой силой ополчилась,
И на далекія моря
Простерла власть своей державы,
И въ новомъ блескѣ бранной славы
Народамъ запада представъ,
Свои права стяжала съ бою,
И стала твердою стопою
Средь сонма западныхъ державъ, —
Въ тѣ дни, славна на полѣ брани,
Грозна могучей силой длани,
Преображенная страна,
Забравъ себѣ полсвѣта въ руки,
Была слаба, была бѣдна
На мирномъ поприщѣ науки,
И, мощно двигая судьбой
Царей и царствъ на ратномъ полѣ,

Сама влачилася рабой
У нѣмца Бирона въ неволѣ:
Давно ужъ спалъ въ землѣ сырой
Полтавы царственный герой;
Давно въ рукахъ пришельцевъ темныхъ —
Своихъ враговъ — враговъ наемныхъ,
Томилась Русь — стеналъ народъ,
Почуявъ рабства тяжкій гнетъ;
Изнемогалъ въ борьбѣ безплодной,
Слабѣлъ и падалъ духъ народный,
И спалъ во мракѣ русскій умъ,
Не озаренъ лучемъ науки,
И словъ иноплеменныхъ звуки
Вторгались въ область русскихъ думъ,
И нашу рѣчь заполонили,
И чуждымъ складомъ и умомъ,
Какъ рабства низкаго тавромъ,
Языкъ нашъ гордый заклеймили.
И гибнулъ, гибнулъ нашъ языкъ,
Съ нимъ гибла русская свобода....
Но геній русскаго народа
Живучъ и бодръ, и Богъ великъ!
Нашъ Богъ великъ: уже въ то время,
Когда пришельцевъ алчныхъ племя,
По вольной прихоти своей,
Россію грабило, терзало
И на сыновъ ея взирало,
Какъ на безмозглыхъ дикарей,
Когда на плахѣ погибали
Всѣ тѣ, кто голосъ возвышали
За свой униженный народъ,
И каждый русскій патріотъ

Былъ жертвой козней и доносовъ, —
Мужикъ Михайло Ломоносовъ
Явился міру *«доказать,*
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать» (*).
И доказалъ. И сталъ высоко
Средь мудрыхъ міра всѣхъ временъ
И русскій умъ на путь широкій —
Изъ жизни духа одинокой —
На путь всемірный вывелъ онъ:
И то, чего не совершила
Державной воли власть и сила —
Монарха грознаго рука, —
То совершилъ иною властью,
Горя къ наукѣ чистой страстью,
Сынъ вдохновенный рыбака.
Призвалъ онъ къ жизни — жизни новой
И духъ, и плоть роднаго слова,
Его онъ таинства постигъ,
Постигъ его святые звуки;
Нашъ невоздѣланный языкъ
Въ горнилѣ западной науки
Онъ въ формы русскія отлилъ —
Въ рудѣ песчаной отдѣлилъ
Стихію чистаго металла,
И въ пламѣ Русскаго закала
Ее навѣки закалилъ.
И силой творческаго чувства
Уставамъ строгаго искусства

*) Стихи Ломоносова.

Онъ рѣчь родную покорилъ, —
И слухъ согражданъ изумилъ
Ея гармоніей пѣвучей
И дивной прелестью созвучій,
И первый создалъ намъ изъ нихъ
Нашъ величавый, нашъ могучій,
Нашъ громозвучный русскій стихъ.

Роднаго слова тайный геній
Зоветъ сыновъ земли родной
Со всѣхъ общественныхъ ступеней
Для вдохновенныхъ пѣснопѣній
И таинствъ истины святой.
Всѣ шли на зовъ его священный —
И пастырь церкви, мужъ смиренный,
И внуки доблестныхъ бояръ —
Всѣ слову русскому слу́жили,
И всѣ въ казну его вложили,
Какой кто могъ, посильный даръ, —
И на даяніе мірское
Воздвиглось зданье вѣковое, —
Роднаго слова свѣтлый храмъ —
Пріютъ возвышеннымъ сердцамъ.
И воздаемъ благодаренье
Мы всѣмъ общественнымъ средамъ
За всѣ ихъ вклады, приношенья....
Но пусть сей день напомнитъ намъ,
Что тотъ, кто въ память всѣмъ вѣкамъ,
Какъ первый вкладчикъ добровольный,
Роднаго слова зодчимъ былъ,
Кто камень въ немъ краеугольный
Въ основу зданья положилъ

И сталъ въ наукѣ властелиномъ,
Былъ темнымъ русскимъ селяниномъ,
Возросъ въ лишеньяхъ и трудѣ:
Пошлемъ же мы привѣтъ сердечный
И благодарны будемъ вѣчно
Той темной, низменной средѣ,
Средѣ, откуда намъ явился
Науки новой первый свѣтъ,
Гдѣ крѣпкой мыслію сложился
Ума народнаго атлетъ!
Пусть наши дѣти, наши внуки
На почвѣ западной науки
Ея роскошные плоды
Рукой усердною сбираютъ,
Но умъ и духъ свой восполняютъ
Умомъ и духомъ той среды,
Гдѣ тверды, какъ во дни былые,
Отцевъ обычаи святые,
Гдѣ чистъ, какъ древле, нашъ языкъ,
Откуда бьетъ струей свободной
И думъ, и пѣсенъ самородный,
Неисчерпаемый родникъ.

XXXIII.

НАШИМЪ ЗАРУБЕЖНЫМЪ БРАТЬЯМЪ.

(Читано въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности 20 Мая 1867 г., при депутатахъ отъ заграничныхъ Славянъ).

Привѣтъ вамъ гости дорогіе!
Москва вамъ низко бьетъ челомъ, —
Она васъ чествуетъ впервые,
И всеславянскимъ торжествомъ
Она впервые освящаетъ
Союзъ нашъ кровный, вѣковой,
Да крѣпнетъ онъ, и возрастаетъ
Въ любви взаимной и живой.
Гостепріимства полной чашей
Москва привѣтствуетъ гостей....
Друзья, вы плоть отъ плоти нашей
И кость отъ нашихъ вы костей!
Разлучены судьбою грозной,
Давно, давно живемъ мы розно,
Но въ насъ течетъ все та же кровь,
И злой судьбы тупая сила,
Ни въ насъ, ни въ васъ, не погасила
Святую братскую любовь.
Хвала вамъ братья! Въ дни плѣненья,

Ни мечъ свирѣпаго гоненья,
Ни бури внутреннихъ невзгодъ
Вашъ духъ могучій не сломили:
Вы и въ плѣну не посрамили
Славянъ свободный, честный родъ!
Васъ согрѣвало, васъ живило
Преданье свѣтлой старины;
Въ васъ кровь, въ васъ сердце говорило:
«Мы не рабами рождены!»
Чрезъ всѣ лишенья, козни, муки,
Какъ стягъ народности своей,
Вы пронесли святые звуки
Родныхъ надѣвовъ и рѣчей.
Услада вашей скорбной доли,
Въ васъ не заглохъ во дни неволи
Святой поэзіи родникъ
И все течетъ свѣтлѣй и шире,
И все смѣлѣй на вашей лирѣ
Гремитъ свободы честный кликъ.

Хвала же вамъ, друзья и братья,
Что вы на зовъ нашъ притекли!
Привѣтъ вамъ, жаркія объятья,
Поклонъ вамъ низкій — до земли.
Узнайте насъ, побудьте съ нами,
И полюбуйтеся Москвой
И преклонитесь предъ гробами
Мужей, избранныхъ небесами,
И чтимыхъ Русскою землей.
И, возвратясь въ края родные —
Въ Загребъ, и Прагу, и Бѣлградъ,
Въ поля Червонныя Россіи,

Къ стопамъ Балкана и Карпатъ, —
Скажите юнымъ поколѣньямъ,
Что вашимъ чуднымъ возрожденьемъ
Мы здѣсь гордимся, какъ своимъ,
Что ваши славныя преданья,
И ваши слезы и страданья,
Понятны, святы намъ однимъ.
Да не введутъ ихъ въ искушенье
Навѣты, ласки и прельщенья
Народовъ Запада: — они
Вамъ не друзья: ихъ злыя козни
Вселяли духъ вражды и розни
Въ семьѣ Славянской искони.
И медъ ихъ лести ядовитой,
И блескъ лукавыхъ ихъ даровъ,
Опаснѣй вамъ вражды открытой
Свирѣпыхъ Азіи сыновъ.
Ихъ оку больно, ненавистно,
Встрѣчать зари Славянской свѣтъ;
Лишь мы васъ любимъ безкорыстно,
Лишь въ нашемъ словѣ лести нѣтъ.
Отъ васъ, быть можетъ, недалеко
Тѣхъ испытаній тяжкихъ дни,
Когда грознѣй сыновъ Востока
Предъ вами явятся они:
Воспрянетъ ихъ вражда слѣпая,
Личины дружбы съ нихъ спадутъ,
И только Богъ да Русь святая
Опоры руку вамъ дадутъ.

XXXIV.

РУССКОМУ ЦАРЮ.

(По поводу покушенія 4-го Апрѣля 1866 года).

Пусть наши недруги твердятъ,
Что Русскій онъ, что онъ намъ братъ
Тотъ нечестивецъ изступленный,
Кто, въ глубинѣ души растлѣнной
И честь и совѣсть истребя,
Презрѣвъ монарха санъ священный,
Подвигнулъ руку на Тебя.
Но знаемъ мы, нашъ Вождь державный,
Откуда, чьей рукой безславной
Въ Тебя направленъ сей ударъ,
Мы знаемъ всѣ, чьи козни злыя
Хотятъ разжечь въ сынахъ Россіи
Страстей бунтующихъ пожаръ
И воспитать у насъ крамолу;
Мы видимъ всѣ гдѣ корень зла —
Откуда къ Царскому престолу
Змѣей измѣна подползла:
То дѣло Ляховъ вѣроломныхъ,
Ихъ злобныхъ ковъ, ихъ козней темныхъ,
Они межъ насъ, какъ духи тьмы,
Мутятъ незрѣлые умы,

Влекутъ ихъ къ буйству и растлѣнью: —
Они, горя къ Тебѣ враждой,
Давно незримою рукой
Вели злодѣя къ преступленью.
Они замыслили, они
Пресѣчь Твои благіе дни,
Чтобъ въ то ужасное мгновенье,
Когда свершится преступленье,
Народъ обманомъ ослѣпить,
И, воспаливъ мятежъ кровавый,
Колоссъ Россіи величавый
Войной гражданской сокрушить.
Но Ты спасенъ: святымъ покровомъ
Тебя хранитъ Господь щедротъ,
Да осіяешь блескомъ новымъ
Свой вѣрный, доблестный народъ,
Да вновь къ гражданской мирной славѣ
Ведешь насъ твердою рукой,
Да утвердишь въ своей державѣ
Законы, правду и покой,
Да узришь Ты безстрашнымъ окомъ
Кипящій въ тайникѣ глубокомъ
Истокъ мятежныхъ ковъ и золъ,
Покрытыхъ лжи и лести тьмою,
И да попрешь во прахъ пятою
Змѣю измѣны и крамолъ.

Да, Русскій Царь, настало время
Стереть во прахъ, какъ злое сѣмя,
Крамолу Польскую: она,
Опорой тайною сильна,
Въ мятежныхъ замыслахъ коснѣя,

Росла и крѣпла и вкругъ насъ,
Какъ бы по власти чародѣя,
Незримой сѣтью обвилась.
Какой же силой исполинской
Мы сѣть измѣны разорвемъ?
Не силой мышцъ въ борьбѣ воинской,
Не мщенья лютаго мечемъ:
Нѣтъ! Но въ Твоей священной власти
Смирить взволнованныя страсти,
Мятежныхъ сновъ разсѣять ложь;
Ты можешь все: единымъ словомъ
Всѣмъ темнымъ замысламъ и ковамъ
Ты смерть на вѣки изречешь;
Скажи его — скажи: «нѣтъ больше
Нѣтъ на землѣ мятежной Польши:
Русь нераздѣльна и одна.»
Скрѣпи плотнѣй въ одну державу
Москву родную и Варшаву, —
И будетъ миръ и тишина,
И оскудѣютъ сѣмена
Вражды и спора вѣковаго.
Скажи же царственное слово, —
И духъ народности одной —
Духъ стражей трона неизмѣнныхъ,
Духъ нашей Руси коренной
Въ ея сыновъ иноплеменныхъ
Глаголомъ устъ своихъ вдохни, —
И наши русскія стихіи
Во всѣ концы Твоей Россіи
Рукой державной вкорени, —
Чтобъ Руси истыя начала
Взросли и въ пришлыхъ племенахъ,

Чтобъ слово русское звучало
Вездѣ отъ Вислы до Байкала,
Какъ звукъ родной во всѣхъ устахъ,
Чтобы вездѣ по Божьимъ храмамъ
Неслось горѣ отъ алтаря
Оно съ кадильнымъ ѳиміамомъ
Въ молитвѣ жаркой за Царя.
Тогда крѣпка и нераздѣльна
И новой жизнію полна,
Русь процвѣтетъ, и племена
Твоей державы безпредѣльной
Сростутся всѣ въ одинъ народъ —
Въ одинъ незыблемый оплотъ
Святаго Царскаго престола,
И предъ твердыней сей крамола
Возстать во вѣки не дерзнетъ.

15 Апрѣля 1866 г.

ПОДРАЖАНІЕ

ГОМЕРИЧЕСКИМЪ ГИМНАМЪ.

I.

ДЕМЕТРА И ПЕРСЕФОНА.

Нынѣ я пѣснь воспою о богинѣ Деметрѣ — царицѣ
Нивъ золотѣистыхъ и жатвъ и о дщери ея Персефонѣ,
Мощной царицѣ тѣней, которую древле похитилъ
Грозный и мрачный Айдесъ, повелитель подземнаго царства;
Самъ міродержецъ Зевесъ попустилъ обладателю ада
Юную дѣву увлечь за предѣлы земли и Эреба.

Дѣва богиня въ толпѣ нимфъ Океана прекрасныхъ
Въ пестрыхъ душистыхъ лугахъ, далеко отъ заботливыхъ взоровъ
Матери нѣжной своей, беззаботно цвѣты собирала.
Вдругъ разступилась земля, — и внезапно предсталъ передъ дѣвой
Грозный подземный владыка, быстро несомый конями.
Быстро схватилъ онъ богиню, презрѣвъ ея слезы и крики,
И въ колесницѣ златой съ плачущей дѣвой умчался.
Въ страхѣ великомъ всѣ нимфы съ криками бросились къ морю
И подъ волнами сокрылись въ подводныхъ дворцахъ Амфитриты.

Громко звала Персефона на помощь безсмертныхъ и смертныхъ,
Съ плачемъ и воплемъ взывала къ могучему Зевсу Крониду;
Тщетно: никто не исторгъ ея изъ объятій Айдеса.
Но донеслись ея вопли до матери нѣжной: узнала
Дочери голосъ она. Бросилась быстро Деметра
Къ милому чаду на помощь; млѣя отъ страха достигла
Оной долины богиня, откуда ей слышались вопли,
Гдѣ такъ недавно она оставила дочь дорогую,
Полную радости свѣтлой въ кругу беззаботномъ, веселомъ
Преданныхъ, нѣжныхъ подругъ; но тогда уже все совершилось:
Было все тихо, пустынно въ долинѣ и окрестъ долины
Тамъ ужъ не слышались болѣ дѣвы похищенной крики:
Черные кони Айдеса мчали уже подъ землею,
Въ мрачныхъ пространствахъ Эреба громко стенящую дѣву,
Къ Стиксу-рѣкѣ приближаясь. Не видя нигдѣ Персефоны,
Въ горести лютой, Деметра, съ плачемъ и воплемъ, сорвала
Свѣтлый вѣнецъ свой съ главы и быстро, какъ вихрь, устремилась
Дочери милой искать и, тоскующей птицѣ подобно,
Птицѣ, у коей ловецъ похитилъ птенцовъ ея малыхъ,
Съ крикомъ носилась она надъ землею, морями и лѣсомъ
Дочь призывая къ себѣ. Тщетно: на крики Деметры
Ей не откликнулась дочь; лишь эхо лѣсовъ и ущелій
Душу терзало ея, повторяя за ней непрестанно
Столь дорогое ей имя — имя ея Персефоны.
И вопрошала у всѣхъ съ мольбой и слезами богиня,
Гдѣ ея юная дочь и не видѣлъ-ли кто Персефоны?
Тщетно: никто изъ людей, никто изъ боговъ прозорливыхъ
Ей ничего не сказалъ объ участи дѣвы-богини.
Девять томительныхъ дней и девять ночей неустанно,
Пищу и сонъ позабывъ, блуждала она надъ вселенной
Съ факеломъ яркимъ въ рукѣ; на зарѣ же десятаго утра

Встрѣтилась съ солнцемъ она и съ мольбою къ нему обратилась:
«Дивный свѣтильникъ вселенной, земли благотворный живитель!
Такъ провѣщала она, къ свѣтоносному богу взывая.
Солнце! ты все освѣщаешь—и бездну морскую и землю,
Всюду твой лучъ проникаетъ, скажи-жъ мнѣ благое свѣтило,
Гдѣ моя дочь, Персефона? я слышала съ высей Олимпа
Громкіе крики ея.... Скажи-жъ мнѣ куда она скрыта?
Кто — укажи мнѣ — дерзнулъ, власти боговъ въ посмѣянье,
Скрыть отъ меня Персефону, дочь громоносца Зевеса.»

Такъ сокрушенной богинѣ отвѣтствовалъ богъ свѣтоносный:
«Дочь пышновласая Реи, владычица нивъ золотистыхъ!
Чтилъ я высоко всегда тебя межъ богами Олимпа
И соболѣзную нынѣ печали твоей я всѣмъ сердцемъ.
Правду тебѣ всю скажу я: властитель могучій Аида
Чадо похитилъ твое: въ чертогахъ подземнаго царства
Въ бракъ онъ вступилъ съ Персефоной и съ нею свой тронъ раздѣляетъ.
Самъ обладатель громовъ, Дій міродержецъ всевластный,
Внявъ неотступнымъ мольбамъ владыки подземнаго міра,
Отдалъ ему Персефону, да съ нею царитъ онъ въ Аидѣ....
О, успокойся, богиня, умѣрь въ своемъ сердцѣ кручину,
Грозный свой гнѣвъ укроти: зачѣмъ ты напрасно терзаешь
Тяжкою скорбью себя? зачѣмъ о своей Персефонѣ
Такъ безутѣшно ты плачешь? Ей дивная доля досталась:
Стала царицей она; супругъ ея мощный достоинъ
Зятемъ назваться твоимъ: онъ братъ громоноснаго Дія —
Царствомъ великимъ и славнымъ онъ обладаетъ по праву —
Третія часть всей вселенной досталась ему послѣ Крона.»

Такъ, утѣшая Деметру, богъ свѣтоносный окончилъ
Рѣчи свои и помчался на огненныхъ коняхъ ретивыхъ
Въ яркой своей колесницѣ, вослѣдъ за румяной зарею,
Свѣтъ животворнаго дня на пути разливая далеко.
Вящей печалью и скорбью наполнилось сердце богини;
Гнѣвомъ великимъ она вспыхнула къ Зевсу Крониду
И, устремивъ на Олимпъ сверкнувшіе яростью взоры
Такъ возгласила она, полныя горечью рѣчи:
«Гдѣ-жъ твоя сила, Зевесъ?! Гдѣ-жъ въ тебѣ правда, гдѣ жалость,
Ежели ты попустилъ темноликому богу Аида
Дочь олимпійской богини отъ матери тайно похитить?!
Видно ужъ я не богиня, не дочь древлемощнаго Крона,
Видно мнѣ нѣтъ уже мѣста въ сонмѣ боговъ на Олимпѣ.
Пусть же такъ будетъ: — отнынѣ я не богиня Олимпа!
Да! не вступлю никогда я въ обители свѣтлыя Зевса
И не возсяду вовѣки у трона его, на совѣтѣ
Свѣтлой семьи Олимпійцевъ: они мнѣ всѣ чужды отнынѣ.
Буду отнынѣ скитаться между людьми по землѣ я,
Съ ними ихъ жребій дѣля, довольная участью темной.»

Такъ провѣщала Деметра, исполнена гнѣвомъ великимъ,
Такъ провѣщала и въ гнѣвѣ спустилася съ облакъ на землю.
Здѣсь облеклася она во образъ жены земнородной,
Бременемъ лѣтъ удрученной, и долго по градамъ и весямъ
Въ бѣдной одеждѣ бродила и въ градъ Элевзисъ многославный,
Скорбью томима, пришла и сѣла подъ сѣнью зеленой
Маслинъ густыхъ и смоковницъ вблизи городскаго колодца.
Тою порой три сестры, три юныя дѣвы царевны,
Дщери Целея-царя пришли за водою къ колодцу.
Скоро замѣтили дѣвы странницу въ бѣдной одеждѣ:
Ихъ изумилъ несказанно царственный видъ ея гордый,

Ликъ благородный и взоръ, исполненный скорби великой.
Нѣжная жалость мгновенно наполнила юныя души
Добрыхъ царевенъ: онѣ съ робкою лаской во взорѣ,
Къ странницѣ бѣдной приблизясь, такъ ей съ участьемъ сказали:
«Странница добрая, кто ты? какая нужда иль забота
Сердце тревожитъ твое? Повѣдай намъ все безъ утайки!...
Видно, что ты изъ далека пришла и устала съ дороги,
Видно, что много ты горя въ дальнемъ пути претерпѣла!
Что же ты здѣсь остаешься, у вратъ городскихъ?! иль не видишь,
Сколько у насъ въ Элевзисѣ пространныхъ дворцовъ многотѣнныхъ?
Смѣло войди ты въ любой — вездѣ тебя примутъ съ почетомъ,
Лаской радушной отъ горя сердце твое успокоятъ,
И, за обильной трапезой, пищей, виномъ благовоннымъ
Жажду и гладъ утолятъ и велятъ для тебя приготовить
Мягкое ложе рабынямъ, да сномъ подкрѣпишь ты спокойнымъ
Душу и тѣло свое, изнуренное въ странствіи долгомъ.»

Такъ, отвѣчая царевнамъ, вѣщала богиня Деметра:
«Добрыя дѣти мои, да хранятъ васъ безсмертные боги!
Правду сказали вы: много горестей я претерпѣла.
Все разскажу вамъ охотно я про себя, какъ умѣю.
Я родилась близъ Коринѳа въ семьѣ и богатой и знатной;
Въ счастьѣ, довольствѣ, покоѣ до старческихъ лѣтъ дожила я;
Такъ бы и вѣкъ свой скончала, но демонъ какой-то коварный
Мужу внушилъ моему отеческій край нашъ оставить
И въ отдаленной землѣ, за хлябью морей незнакомыхъ
Новаго счастья искать; напрасно молила я мужа
Въ краѣ остаться родномъ: не внялъ онъ моимъ увѣщаньямъ.
Мы изготовились въ путь, крѣпкій корабль снарядили
И, нагрузивши его всѣмъ, чѣмъ былъ полонъ и славенъ

Домъ нашъ богатый, поплыли къ брегамъ златоноснымъ Колхиды;
Но лишь изъ нашихъ очей исчезнулъ въ водахъ потонувшій,
Берегъ отчизны прекрасной, какъ злая бѣда насъ постигла.
Вдругъ на корабль нашъ напали хищники злые — пираты.
Мужъ мой и братья его въ схваткѣ кровавой погибли,
Тщетно стараясь осилить хищниковъ дерзкихъ ватагу.
Я беззащитна осталась; корабль и богатство все наше,
Наши рабы, домочадцы достались въ добычу злодѣямъ.
Вотъ къ незнакомымъ брегамъ, пустыннаго, мрачнаго края
Плачущихъ насъ неутѣшно они привлекли и съ весельемъ
Стали добычу дѣлить; потомъ, торжествуя побѣду,
Сѣли за пиръ свой безчинный. И шумно они пировали,
Нашимъ виномъ многоцѣннымъ себя услаждая не въ мѣру.
Скоро упились они: безсмысленны стали ихъ рѣчи;
Быстро ихъ разумъ осиливъ, сомкнула имъ очи дремота,
И, на пескѣ распростершись, сномъ они тяжкимъ заснули.
Временемъ тѣмъ я поспѣшно въ бѣгство отъ нихъ устремилась....
Долго, страшася погони, шла я лѣсами густыми,
Гладомъ и жаждой томима, шла и сама я не знала,
Гдѣ и куда я иду, — и вотъ привели меня боги
Въ край вашъ богатый, цвѣтущій и васъ мнѣ на помощь послали —
Васъ, благодушныя дѣвы! къ вамъ я съ мольбой прибѣгаю
Въ городѣ вашемъ вы много знаете гражданъ богатыхъ.
Такъ укажите же мнѣ домъ, гдѣ бъ могла я спокойно
Кончить печальный свой вѣкъ, подъ властью людей благодушныхъ;
Я еще въ силахъ — могу пищу и кровъ заработать,
Легкую службу неся: съ радостью я бы взялася
Пѣстовать малыхъ дѣтей — съ искренней, нѣжной любовью

Я бы лелѣяла ихъ, ласкала бы ихъ, какъ бывало,
Въ дни моей юности свѣтлой, ласкала я чадо родное
Дочь дорогую мою, отшедшую въ царство Айдеса.
Или взялась бы за домомъ смотрѣть я — охотно бы стала
Зоркимъ, заботливымъ окомъ блюсти въ немъ и чинъ и порядокъ
Съ давнихъ временъ учрежденный, иль ключницей вѣрной была бы
И съ неусыпной заботой хранила-бъ усердно и свято,
Будто боговъ достоянье, добро моего господина;
Или могла-бъ я учить рабынь молодыхъ рукодѣлью —
Ткани узорныя ткать и прясть нѣжно-тонкую пряжу.»

Такъ отвѣчала богинѣ одна изъ царевенъ прекрасныхъ:
«Добрая странница, вѣрь мнѣ, надо сносить терпѣливо
Самое тяжкое горе: его посылаютъ намъ боги;
Боги сильнѣе людей, — и мы имъ должны покоряться....
Но усладимъ мы, быть можетъ, участь твою сколь возможно,
Въ нашемъ пространномъ дворцѣ пріютъ тебѣ мирный устроивъ....
Боги родителямъ нашимъ, въ дни старости ихъ даровали
Сына (они ужъ давно сына желали)... Быть можетъ, —
Наша державная мать тебѣ поручить пожелаетъ
Нѣжно любимаго сына, и, если ты будешь усердно
Пѣстовать это дитя и полюбишь его какъ родное, —
Щедро одѣлитъ дарами тебя нашъ отецъ благодушный, —
Будешь ты въ нашемъ дворцѣ жить, какъ своя между нами,
Будто въ родимой семьѣ — мы всѣ тебя будемъ до гроба
Чтить и любить и ласкать, какъ будто родную по крови.»

Такъ говорила царевна и свѣтлой водой ключевою
Временемъ тѣмъ наполняла сосуды изъ мѣди блестящей;

Вскорѣ наполнены были сосуды, и дѣвы царевны,
На́ плечи по́дняли ихъ и домо́й удалились поспѣшно.
Въ домъ возвратяся, онѣ все разсказали царицѣ,
Матери доброй своей, Метанирѣ державной. Царица
Имъ повелѣла немедля призвать къ себѣ въ домъ незнакомку.
Съ сердцемъ, веселія полнымъ, быстро́, какъ горныя лани
Изъ дому бросились дѣвы, спѣша возвратиться къ колодцу
Къ странницѣ, съ радостной вѣстью; быстро по стогнамъ широкимъ
Рядомъ неслися онѣ, складки одежд подбирая;
Ярко отъ радости рдѣли ихъ молодыя ланиты,
И развѣвались по вѣтру русыя кудри густыя.
Странницу снова застали онѣ у колодца сидящей
Съ думою скорбной во взорѣ. Привѣтливый зовъ ихъ услышавъ,
Встала предъ ними богиня и поступью ровной и тихой
Съ тяжкой печалью на сердцѣ, пошла вслѣдъ за ними къ царицѣ.

Только предстала Деметра предъ Метанирой, — царица
Встала невольно предъ ней и, главу преклоняя, сказала:
«Дивная странница! Боги, какъ даръ, мнѣ тебя посылаютъ!
Не вопрошаю тебя кто́ ты? я, съ перваго взгляда,
Вижу, что ты родилася не въ темной средѣ, — и напрасно
Стала-бъ ты мнѣ возражать — твой видъ говорилъ бы иное.
Ты порожденье иль отрасль великаго мужа-героя,
Сына богини иль бога: — и поступь твоя, и осанка —
Все мнѣ вѣщаетъ, что ты супруга иль дщерь скиптроносца!
Взоръ твой спокойный исполненъ величіемъ, мудростью свѣтлой,
Милостью, мощью великой.... Взоры такіе бываютъ
Лишь у великихъ царей, когда предъ народнымъ собраньемъ
Съ скиптромъ въ рукѣ возсѣдая, творятъ они судъ свой священный....
Но говорятъ, что ты много бѣдъ претерпѣла великихъ

И безъ пристанища нынѣ по чуждымъ скитаешься странамъ....
О, такъ останься у насъ — ты всѣмъ намъ по сердцу при-
шлася —
Пусть всеобильный мой домъ и твоимъ будетъ домомъ отнынѣ:
Всѣмъ, что въ немъ есть у меня, съ тобою дѣлиться я рада....
Но лишь молю объ одномъ: полюби моего ты младенца
И воспитай мнѣ его: — я ужъ стара и не въ силахъ
Снова принять на себя тягостно-сладкое бремя
Нѣжныхъ заботъ воспитанья.»

Такъ отвѣчала царицѣ
Дочь древлемощнаго Крона: «О, да пошлютъ тебѣ боги
Долгіе годы, царица, и радостью тихой исполнятъ
Доброе сердце твое! Съ радостью я и любовью
Буду хранить и лелѣять чадо твое дорогое.
О, положись на меня! никакіе недуги отнынѣ
Тѣла его не коснутся: вѣрь мнѣ, пока онъ со мною, —.
Будетъ безсильна надъ нимъ губительныхъ зелій отрава,
Будутъ безсильны и чары темнаго, злаго волшебства.»

Дня одного не прошло съ той поры, какъ богиня Деметра
Пѣстовать стала младенца, — слабый и хилый младенецъ
Вдругъ и окрѣпъ и возросъ и разцвѣлъ красотою чудесной.
Такъ на глазахъ всей семьи возрасталъ онъ и крѣпъ, съ каж-
дымъ утромъ
Новой красой разцвѣтая, — и вскорѣ и тѣломъ и ликомъ
Сталъ Олимпійцамъ подобенъ. Дивились и царь и царица,
И молодыя царевны, дивились и всѣ домочадцы,
Чуднымъ младенцемъ любуясь: никто между ними не вѣдалъ
Тайны великаго чуда: богиня отъ всѣхъ сокровенно
Царскаго сына питала амврозіей — пищей безсмертныхъ.

Такъ обитала Деметра, всѣми любима и чтима,
Въ домѣ Келея, царя и сердцемъ горячимъ и нѣжнымъ
Вскорѣ она привязалась и къ царскому сыну младенцу,
И къ престарѣлой царицѣ, и къ юнымъ и рѣзвымъ царевнамъ.
И пожелала она нежданной наградой великой
Доброй царицѣ воздать за любовь, и заботы, и ласки,
Сына ея одаривъ и безсмертьемъ и младостью вѣчной.
Но Метанира сама, въ порывѣ испуга и гнѣва,
Дерзостной рѣчью навѣки сыновнее счастье сгубила.

Разъ среди ночи глубокой царица проснулась и видитъ
Свѣтъ необычный и блескъ, исходящій изъ скважины двери
Храмины той, гдѣ царевичъ сномъ почивалъ въ колыбели;
Встала съ постели она и, къ двери приблизясь украдкой,
Въ скважину робко взглянула — и въ ужасѣ крикомъ и воплемъ
Весь огласила дворецъ.... Вотъ что̀ узрѣла царица:
Въ хра̀минѣ яркимъ столпомъ, молніи блескомъ подобно,
Пламя сплошное пылало, стремяся все выше и выше;
Пламенемъ онымъ объятъ, спящій младенецъ-царевичъ,
Былъ распростертъ на рукахъ странницы-няньки; казалось
Будто она сожигала трупъ бездыханный младенца.
«Женщина злая, убійца, колдунья, послашница фурій —
Такъ восклицала царица, съ плачемъ бросаясь къ младенцу —
О лицемѣрка, злодѣйка, отдай моего мнѣ ребенка!»

Вскорѣ на крикъ Метаниры сбѣжались въ испугѣ царевны
И всѣ рабыни царицы; шумомъ отъ сна пробужденный,
Вставши поспѣшно съ одра, и царь престарѣлый, въ тревогѣ,
Къ сыну пришелъ въ почивальню.

Огненнымъ взоромъ богиня
Грозно взглянувъ на царицу, съ горькой и гордой усмѣшкой,

На руки ей отдала спящаго мирно младенца
И, потрясенная гнѣвомъ, голосомъ страшнымъ вѣщала:
— «О какъ вы слѣпы всѣ люди! Какъ медленно, тупо и грубо
Все понимаете вы: вамъ надо на все толкованье!
Вамъ ли судить о богахъ, о тайныхъ велѣніяхъ рока?!
Вамъ и понять не по силамъ, что̀ посылаютъ вамъ боги:
Зло иль добро? О царица, клянусь тебѣ клятвой безсмертныхъ—
Грознаго Стикса струей, клянусь предъ людьми и богами —
Счастье свое ты сама разрушила гнѣвомъ напраснымъ.
Знай, я хотѣла содѣлать безсмертнымъ твое порожденье:
Пламя, горящее здѣсь — небесъ животворное пламя;
Въ пламени семъ очищаясь, безсмертнымъ становится смертный...
Но уже кончено все, — и сынъ твой безсмертнымъ не будетъ.
Но не исчезнутъ безслѣдно въ дняхъ отдаленныхъ грядущихъ
Ласки, которыя я ему расточала такъ нѣжно:
Будетъ онъ мужемъ великимъ и славою подвиговъ дивныхъ
Славу онъ предковъ затмитъ: занѐ на моихъ онъ колѣняхъ,
Къ лону прильнувъ моему, покоился мной усыпленный;
Я лобызала его, дыханьемъ моимъ согрѣвала,
Будто родное дитя, — и будетъ великъ онъ и счастливъ!...
Ты мнѣ не вѣришь, царица.... Но знай, я богиня Деметра...»

Только изъ устъ у Деметры послѣднее вырвалось слово, —
Вдругъ, предъ очами у всѣхъ, исчезъ съ прогнѣвленной богини
Образъ жены земнородной, — къ ней возвратились мгновенно
Младость, краса и величье; свѣтомъ — сіяніемъ дивнымъ
Вся озарилась она, свѣтомъ лишь солнцу подобнымъ,
И среди ночи какъ солнце царскій дворецъ осіяла.
Съ трепетомъ всѣ предъ богиней простерлися ницъ — Метанира
Бросилась въ ноги Деметрѣ, стремяся обнять ей колѣни,
Но божество вдругъ исчезло, — и черная тьма полуночи,
Снова объяла дворецъ, и ужасъ объялъ всѣхъ великій.

Вотъ разлилася по небу денница, предшествуя солнцу,
Вотъ показалось и солнце; никто во всю ночь вплоть до утра
Въ домѣ Целея царя сномъ не почилъ: всѣ, въ молчаньи,
Съ трепетомъ ждали всечасно отмщенья великой богини.
Первый молчанье нарушилъ царь многомудрый; внезапно
Мыслью, ниспосланной свыше, разумъ его озарился.
— «Ты прогнѣвила богиню, сказалъ онъ, взглянувъ на царицу,
Жертвой великой должны мы сердце ея успокоить,
Да не обрушится карой на весь мой народъ и на городъ
Гнѣвъ Олимпійской богини, сестры міродержца Зевеса.»
Такъ онъ сказалъ и немедля глашатаямъ далъ повелѣнье
Весь Элевзинскій народъ на площадь созвать городскую.
— «Граждане — такъ къ Элевзинцамъ воззвалъ онъ въ народномъ собраньи —
Дщерь древлеславнаго Крона и Реи — богиня Деметра,
Съ высей Олимпа сойдя во образѣ женщины смертной,
Тайно нашъ градъ посѣтила и многіе дни обитала
Въ домѣ моемъ у царицы, божественный санъ свой скрывая.
Граждане! чѣмъ воздадимъ мы, какимъ приношеньемъ иль жертвой
Дщери великаго Крона за милость, за дивную милость
Къ нашему граду, ко мнѣ и ко всѣмъ обитающимъ въ градѣ:
Градъ нашъ покрыла она безсмертною, вѣчною славой,
Стогны его освятивъ стопами своими: — отнынѣ
Градомъ священнымъ навѣки онъ наречется въ народахъ!
Чѣмъ же почтить мы должны — какимъ приношеньемъ иль даромъ
Насъ посѣтившую гостью? Мы храмъ ей воздвигнемъ граждане!
Жертвенникъ, златомъ блестящій въ ономъ мы храмѣ поставимъ,
Да ѳиміамъ благовонный дымится на немъ непрестанно
Въ честь и во славу Деметры, владычицы нивъ золотистыхъ.»

Внялъ повелѣнью царя, съ сердцемъ всеселія полнымъ,
Весь Элевзинскій народъ, — и вскорѣ среди Элевзиса,
Златомъ блистающій храмъ воздвигся на холмѣ зеленомъ,
Въ честь и во славу Деметры, владычицы нивъ золотистыхъ.

Вотъ заклубился во храмѣ ладона дымъ благовонный
И раздалось сладкозвучно гимновъ молитвенныхъ пѣнье
Въ честь многомощной Деметры. Тогда посреди пѣснопѣнья,
Въ храмъ всенародно сама внезапно богиня предстала.
Страхомъ священнымъ объятъ, предъ нею народъ разступился;
Хоры мгновенно замолкли, и всѣ, въ обаяньи безмолвномъ,
Взоръ устремивъ на богиню, склонили предъ нею колѣни.
Поступью гордой она, со скорбью великой во взорѣ,
Тихо по храму прошла и на высокомъ помостѣ,
Ярко блистающемъ златомъ, сіяя лучами возсѣла.

Такъ водворилась Деметра въ капищѣ ей посвященномъ;
Въ сердцѣ своемъ положила она навсегда въ немъ остаться
И никогда не вступать на священныя выси Олимпа —
Въ сонмъ лучезарныхъ боговъ, вкругъ Дія-отца возсѣдящій.
Съ онаго дня непрестанно дымились предъ ней ѳиміамы,
Сладкіе гимны звучали и жертвами жертвы смѣнялись.
Но ни обильныя жертвы, ни пѣніе гимновъ хвалебныхъ
Не услаждали богини: все глубже, сильнѣй и больнѣе
Въ сердце внѣдрялась ея тоска по возлюбленной дщери,
Все въ ней сильнѣй и сильнѣй яростный гнѣвъ разгорался
Противъ Зевеса Кронида, — и мрачныя грозныя думы
Въ разумъ стремились ея, — и страшная, злобная дума
Въ ней зародилась, росла и, созрѣвъ, охватила всю душу:
Замыслъ неслыханный, страшный въ сердце заползъ ей змѣею —
Зевсу за дочь отомстить и въ борьбѣ непреклонной и лютой
Гордость унизить его и силѣ его посмѣяться.

Властью могучей своей, Зевсу въ отмщенье Деметра,
Грозно землѣ плодоносной плоды порождать возбранила, —
И омертвѣла земля, по манію гнѣвной богини:
Злаки исчезли съ луговъ, пожелтѣли, завяли, изсохли
Всходы зеленые нивъ, услаждавшіе взоръ земледѣльцевъ.
Тщетно блестящіе плуги рыхлую землю взрывали,
Тщетно рукою усердной крупныя зерна обильно
Сѣятель въ землю бросалъ, помощь боговъ призывая,
Тщетно Зевесъ орошалъ дождями обильными пашню,
Тщетно лучомъ животворнымъ солнце ее согрѣвало:
Волѣ богини послушна, земля оставалась безплодна —
Сѣмя, ростковъ не давая, лежало мертво, будто камень,
Скрыто глубоко въ землѣ. Какъ будто бы выжжены солнцемъ,
Въ голыя степи поля всѣ превратились, — и всюду
Гладъ наступилъ на землѣ, и вѣрно погибъ бы отъ глада
Весь человѣческій родъ, и оскудѣли-бъ навѣки
И опустѣли-бъ всѣ храмы; но мощный Зевесъ громодержецъ
Жалостью въ сердцѣ исполнясь, рѣшилъ въ своемъ разумѣ свѣтломъ
Къ миру отъ гнѣва склонить сердце богини Деметры.
И повелѣлъ онъ тогда златокрылой богинѣ Иридѣ
Съ выси Олимпа на землю быстрый полетъ свой направить
И предъ богиней Деметрой во храмѣ ея Элевзинскомъ
Волю его возвѣстить: да, покинувъ земное жилище,
Снова возсядетъ она близъ него на Олимпѣ священномъ.
Быстрымъ полетомъ Ирида съ заоблачной выси Олимпа
Въ градъ Элевзисъ низлетѣвъ и представъ неутѣшной Деметрѣ,
Такъ возвѣстила богинѣ велѣніе Зевса Кронида:
«Крона великаго дочь! Нашъ непреклонный владыка —
Зевсъ, обладатель громовъ, мнѣ повелѣлъ предъ тобою
Волю свою возвѣстить: должна ты немедля оставить
Бренное это жилище и снова возсѣсть на Олимпѣ

Въ сонмѣ великихъ боговъ, сѣдящихъ вкругъ свѣтлаго трона
Зевса, властителя неба.»

Не покорилась Деметра
Волѣ Зевеса Кронида и, выслушавъ, въ грозномъ молчаньи,
Рѣчь златокрылой Ириды, мрачно потупила очи.
Долго посланница Зевса ждала отъ богини отвѣта
И на Олимпъ безъ отвѣта въ печали она отлетѣла.
Былъ прогнѣвленъ и встревоженъ упорствомъ Деметры Кроніонъ.
Всѣхъ олимпійскихъ боговъ къ ней въ Элевзисъ посылалъ онъ
Волю свою возвѣстить: и Аполлонъ сребролукій,
И Посидонъ земледержецъ, и грозный Арей ратоборецъ,
И Артемида, и Гермесъ, и бѣлораменная Гера
Въ градъ Элевзисъ приходили и долго молили Деметру
Гибельный гнѣвъ свой смирить и Зевсу во всемъ покориться.
Тщетны ихъ были моленья: молчала упорно богиня,
Въ храмѣ своемъ оставаясь сурова, мрачна и печальна.
И лишь когда передъ нею предстала Аѳина-Паллада
И увѣщаніемъ мудрымъ склоняла ее примириться
Съ мощнымъ и грознымъ Зевесомъ, впервые молчанье нарушивъ,
Голосомъ скорбнымъ Деметра дщери Кронида вѣщала:
«Тщетны твои увѣщанья, дочь свѣтлоокая Дія:
Я не взойду на Олимпъ, пока не узрю предъ собою
Дочери милой моей Персефоны, похищенной Адомъ.»

Только до слуха Зевеса Деметры слова донеслися,
Въ тоже мгновенье велѣлъ онъ Гермесу быстрымъ полетомъ
Въ темный Аидъ низлетѣть и мрачному ликомъ Айдесу
Волю свою возвѣстить: да супругу свою Персефону
Съ матерью скорбной ея онъ на свиданье отпуститъ.
Быстро съ вершины Олимпа въ подземную пропасть Эреба

Сынъ Эгіоха и Майи слетѣлъ, пролетѣлъ надъ волнами
Стикса-рѣки и предсталъ предъ могучимъ владыкой Аида.

Царь темноликій тѣней въ мрачныхъ подземныхъ чертогахъ
Въ оное время на ложѣ сидѣлъ близъ супруги стыдливой;
Мраченъ онъ былъ, а она, томимая горькою скорбью,
Скорбью по матери милой, очи потупивъ сидѣла.
— «Царь черновласый тѣней! Такъ свѣтлаго Дія посланникъ
Къ мрачному богу воззвалъ. Велѣнію Зевса послушный,
Я предстою предъ тобой, да волю его ты узнаешь:
Онъ повелѣлъ мнѣ немедля супругу твою Персефону
Вывесть изъ мрака Эреба, да свидится съ дочерью милой
Скорбная матерь Деметра и въ сердцѣ своемъ сокрушенномъ
Яростный гнѣвъ утишитъ. Потщись же исполнить велѣнье
Зевса гопителя тучь и радостью свѣтлой утѣшить
Крона великаго дочь, царицу полей плодоносныхъ.
Если-же ты возбранишь супругѣ своей Персефонѣ
Свидѣться съ матерью нѣжной, — горе, великое горе
Въ сердце безсмертныхъ вселишь и бѣдствій неслыханныхъ, страшныхъ
Будешь виновникомъ ты: — смертью ужасной погибнетъ
Весь человѣческій родъ: въ яростномъ гнѣвѣ Деметра
Грозно землѣ возбранила плоды приносить, — и повсюду
Гладъ наступилъ на землѣ.... Сынъ древлеславнаго Крона!
Нынѣ во власти твоей избавить отъ глада и смерти
Весь человѣческій родъ: дозволь лишь могучей Деметрѣ
Милую дочь лицезрѣть, — и гнѣвъ ея лютый утихнетъ,
И разрѣшится земля отъ безплодья, и радость и счастье
Снова на землю придутъ, — и возликуютъ въ весельи
Зевсъ обладатель громовъ и всѣ Олимпійскіе боги!»

Мрачный владыка тѣней улыбнулся и такъ Персефонѣ
Съ ложа вставая, сказалъ: «Персефона! По волѣ Зевеса,

Ты разстаешься со мной, чтобъ свидѣться съ матерью скорбной;
Но я предвижу, что ты меня не навѣкъ покидаешь
И возвратишься сама въ эти чертоги охотно:
Разумомъ зрѣло размысливъ, меня ты, я знаю, оцѣнишь: —
Сынъ древлемощнаго Крона и братъ міродержца Зевеса,
Царства великаго царь, тебя по всему я достоинъ....
Если ко мнѣ добровольно ты возвратишься съ Олимпа, —
Будешь соравною мнѣ и царствовать будешь всевластно
Въ царствѣ обширномъ тѣней; люди по волѣ Зевеса,
Храмы созиждутъ тебѣ и чествовать жертвами станутъ
Мощную Ада царицу, — и горе тому, кто забудетъ
Жертву тебѣ принести.»

Сердцемъ отъ радости млѣя,
Молча внимала Айдесу Зевсова дщерь Персефона.
Рѣчь свою кончивъ, Айдесъ запрягъ въ колесницу златую
Яростно-быстрыхъ коней. Птицы быстрѣй Персефона
Бросилась вдругъ въ колесницу; Гермесъ искусный проворно
Вожжи схватилъ, на коней бичомъ золотымъ замахнулся —
И устремились, какъ стрѣлы, черные адскіе кони.
Быстро они пронеслись пропастью мрачной Эреба
И понеслись по землѣ чрезъ лѣса, чрезъ моря и чрезъ горы;
Много пространныхъ земель они протекли и примчались
Въ градъ Элевзисъ многославный ко храму богини Деметры.
Сердцемъ горячимъ почуявъ дѣтища милаго близость,
Будто младая вакханка, въ бѣшенствѣ страсти безумной,
Съ крикомъ бѣгущая ярымъ въ объятья красавца младаго,
Бросилась съ воплемъ богиня на встрѣчу возлюбленной дщери.
Мать изъ далека увидѣвъ, быстро, какъ горная серна,
Бросилась къ ней Персефона, къ груди ея крѣпко прижалась.
Нѣжно лобзая ей руки. Въ сладкомъ восторгѣ Деметра
Что-то хотѣла сказать, но радость стѣснила ей сердце

И на дрожащихъ устахъ вдругъ замерло нѣжное слово,
И изъ очей полилися горячія, сладкія слезы.
Долго лобзали другъ друга богини; потомъ въ упоеньи
За руки крѣпко взялись, что-то сказать все хотѣли,
Въ очи другъ другу смотрѣли и плакали обѣ въ молчаньи.

Въ оное время съ Олимпа, по манію Зевса-Владыки,
Вѣстницей воли его въ градъ Элевзисъ ниспустилась
Матерь богини Деметры — великая Рея богиня
И, передъ дщерью представъ, такъ ей вѣщала: «Деметра!
Ты прогнѣвила Зевеса своимъ ослушаньемъ; но нынѣ
Радъ онъ тебѣ все простить, если, ему повинуясь,
Въ сонмъ Олимпійскихъ боговъ ты на Олимпъ возвратишься
И разрѣшишь отъ безплодья нѣдра земли омертвѣлой.
Знай: правосудный Зевесъ такъ въ своемъ разумѣ свѣтломъ,
Гнѣвъ обуздавъ свой, рѣшилъ судьбу Персефоны прекрасной:
Только треть года съ Айдесомъ въ царствѣ подземномъ Аида
Будетъ она обитать, другія двѣ трети съ тобою
Будетъ она неразлучна въ сонмѣ боговъ на Олимпѣ.
Такъ покорись же Зевесу — предстань передъ нимъ съ Персефоной
И возврати земнороднымъ злаки полей плодоносныхъ»

Только могучая Рея окончила рѣчь, какъ мгновенно,
Волѣ Деметры послушна, земля ожила, — и роскошно
Зеленью яркой одѣлись луга и холмы, и долины,
Класами пашни покрылись и понеслось отовсюду
Благоуханье цвѣтовъ, колеблемыхъ радостно вѣтромъ.
И никогда столь роскошно земля не вѣнчалась цвѣтами,
И не дарила столь щедро плоды свои алчущимъ людямъ,

И не дышала столь сладко дыханьемъ цвѣтовъ, какъ въ ту
осень,
Въ ту невозвратную осень, когда Персефона младая
Къ матери нѣжной въ объятья изъ тьмы возвратилась под-
земной,
И въ упоеніи первомъ восторга и счастья Деметра
Всѣмъ земнороднымъ съ любовью обильно плоды расточала,
Празднуя праздникомъ дивнымъ съ дочерью милой свиданье.

20 Ноября 1873 г.

II.

АФРОДИТА.

Муза, повѣдай дѣянья русой богини, Киприды!
Властвуетъ мощно она надъ сердцами людей и безсмертныхъ,
Въ нихъ возжигая огонь страстныхъ и нѣжныхъ желаній.
Весь человѣческій родъ власти ея покорился;
Ей покорились и звѣри, и рыбы, и птицы, и гады:
Все, что̀ живетъ на землѣ, въ нѣдрахъ земныхъ, подъ водою —
Все покорилось законамъ красиво вѣнчанной Киприды.

Только три дѣвы богини силѣ ея не подвластны:
Ей не покорствуетъ сердцемъ и силы ея не страшится
Дочь громовержца, Аѳина, съ очами лазурными дѣва:
Сердце ея недоступно чарамъ любви и желаній;
Любитъ она стукъ мечей и жизни воинской тревогу;
Любитъ она созерцать ткани искусной работы;
Людямъ внушила она склонность къ труду и терпѣнье:
Ихъ научила она ярко сверкающей мѣдью

Съ хитро-искусной рѣзьбой украшать колесницы; она же
Въ дальнихъ покояхъ дворца дѣвъ молодыхъ научаетъ
Свѣтлой иглою владѣть, тонкость и нѣжность даруя
Юнымъ и робкимъ перстамъ, въ тонкой и нѣжной работѣ.

Тщетно стремится Киприда вдохнуть и въ другую богиню,
Въ Зевсову дщерь, Артемиду, пламень мучительной страсти:
Чужды всѣ нѣжныя чувства строгому сердцу богини,
Любитъ она свой колчанъ, любитъ стрѣлой быстролетной
Ланей въ горахъ поражать, любитъ и мракъ и прохладу
Дикихъ дремучихъ лѣсовъ, охотниковъ говоръ и крики
Звукъ ихъ призывныхъ роговъ и топотъ коней быстроногихъ;
Внемлетъ съ любовью она гимновъ торжественныхъ пѣнью,
Любитъ порой созерцать дѣвственныхъ нимфъ хороводы.

Тщетно стремится Киприда и дщери суроваго Крона,
Дѣвственной Вестѣ-богинѣ сердце любовью встревожить:
Сердце спокойное Весты не знаетъ тревоги желаній —
Душу ея не прельщаетъ сладость даровъ Гименея.
Тщетно и самъ Аполлонъ умолялъ непреклонную дѣву
Въ брачный союзъ съ нимъ вступить; тщетно съ мольбой неотступной
Къ ней Посидонъ обращался: торжественно въ сонмѣ безсмертныхъ
Клятву богиня дала на главѣ самаго Эгіоха
Вѣчное дѣвство хранить и осталася дѣвой навѣки.

Только три эти богини въ сердцѣ своемъ не познали
Сладость и муку любви: имъ лишь однимъ Афродита
Въ сердце вложить не могла томныхъ желаній отраву;
Больше никто изъ боговъ власти ея не избѣгнулъ:

Даже самъ Зевсъ — царь громовъ, мощный властитель вселенной
Чарамъ могучимъ ея часто во власть отдавался,
Разумъ спокойный его, свѣтлый божественный разумъ
Часто мутила она помысловъ страстныхъ томленьемъ —
И непреклонный Кронидъ, грозный владыка безсмертныхъ
Въ нашу земную юдоль съ высей священныхъ Олимпа,
Страстью горя, нисходилъ и, пѣжась въ горячихъ объятьяхъ
Дѣвы земной, забывалъ державную Геру-богиню
Геру, ее же онъ самъ, мудрый, превыше поставилъ
Всѣхъ олимпійскихъ богинь, нарекши своею супругой.

Долго и долго Киприда дѣвство свое сохраняла —
Страсти вселяя въ другихъ, сама оставалась безстрастна.
И похвалялась она въ сонмѣ боговъ на Олимпѣ
Съ гордой лукавой улыбкой тѣмъ, что почти всѣхъ безсмертныхъ,
Страстью ихъ умъ омрачивъ, смертнымъ во власть предавала,
Но сохранила сама разума власть надъ собою
И никогда ни къ кому ни изъ безсмертныхъ, ни смертныхъ
Нѣжныхъ влеченій любви въ сердцѣ своемъ не питала.
Слышалъ ея похвальбу Зевсъ громовержецъ могучій,
Слышалъ — и въ сердцѣ богини гордость смирить онъ замыслилъ:
Въ душу ея онъ вдохнулъ страсти могучей влеченье
Къ юному пастырю коз̀ъ и овецъ мягкорунныхъ Анхизу,
Богоподобному ликомъ; пасъ онъ отцовское стадо
Въ злачныхъ лугахъ у подошвы богатой потоками Иды.
И лишь узрѣла его съ высей Олимпа Киприда, —
Сердце ея вдругъ объялъ неодолимою силой
Сладостный жаръ вожделѣній: быстро она въ колесницу
Бросилась и устремилась къ свѣтлымъ чертогамъ Пафоса.

Тамъ въ свой покой отдаленный стопою она торопливой
Въ страстной тревогѣ вошла, и когда заперла за собою
Златомъ блестящія двери, — предъ нею предстали мгновенно
Съ свѣтлой улыбкой Хариты — Зевса прекрасныя дщери;
Бережно сняли онѣ и одежду и обувь съ богини
И на прекрасное тѣло елей благовонный возлили.
Новой красой разцвѣли тѣло и ликъ Афродиты,
Дивной красою, заиѣ чудодѣйственной силою тайной
Оный исполненъ елей: красотой одаряетъ онъ новой
Тѣло безсмертныхъ боговъ. Умастивши власы ароматомъ,
Въ новыя ризы богиня, шитыя златомъ, одѣлась,
Златомъ чело увѣнчала, сѣла опять въ колесницу
И понеслася высоко надъ моремъ чрезъ темныя тучи
Въ землю Троянскую; тамъ спустилась она на вершинѣ
Иды, священной горы, льющей обильно потоки,
Лѣсомъ покрытой густымъ, гдѣ хищные лютые звѣри
Ревомъ своимъ оглашаютъ пустыни и мрачныя дебри.
Быстро сойдя съ колесницы, богиня чрезъ лѣсъ и ущелья
Мимо медвѣдей и львовъ, жадно терзавшихъ добычу,
Легкой стопою сошла по склону отлогому Иды
Въ тихую рощу подъ сѣнь кипарисовъ и миртовъ душистыхъ
И — безъ лучей и сіянья, — какъ смертная дѣва земная,
Передъ очами Анхиза съ потупленнымъ взоромъ предстала.

День ужъ склонялся къ концу; спускалося солнце за рощу,
Съ пастбищъ стада возвратились; окончивъ заботы дневныя
Юный Анхизъ удалился въ жилище свое, и безпечно
Въ звонкую лиру бряцая, пѣлъ гимны богамъ всемогущимъ.
Вдругъ онъ нежданно узрѣлъ, входящую робкой стопою,
Дѣву красы неземной, — и, страхомъ священнымъ смущенный,
Выронивъ лиру изъ рукъ, въ сладкомъ восторгѣ воскликнулъ:

«Дочь Олимпійцевъ безсмертныхъ, прими мой привѣтъ простодушный!...
Сердце мое мнѣ вѣщаетъ, что ты не земное созданье:
Ты иль Аѳина-Паллада, иль Артемида, иль Гея,
Или царица Паѳоса, матерь любви Афродита,
Или одна изъ Харитъ, плѣнительныхъ дщерей Кронида,
Или ты нимфа лѣсовъ, владычица ближней дубравы,
Или царица потоковъ, катящихъ прозрачныя волны
Въ нашей веленой долинѣ.... О кто-бъ ни была ты, богиня,
Будь благосклонна ко мнѣ — къ тебѣ я съ мольбою взываю:
Счастьемъ меня надѣли и жребій пошли мнѣ высокій!
Подвиговъ бранныхъ я жажду, жажду я славы безсмертной,
Мнѣ же досталась въ удѣлъ пастыря темная доля.
Если во власти твоей, участь пошли мнѣ другую:
Духъ благородный героя въ юное сердце вдохни мнѣ
Имя мое осіяй вѣчной, нетлѣнною славой,
Славой дѣяній великихъ, да будетъ оно украшеньемъ
Чадъ и потомковъ моихъ. Молю тебя также, богиня,
Дай долгоденствіе мнѣ; когда-жъ наслажуся я жизнью,
Долгій мой вѣкъ увѣнчай старостью тихой и свѣтлой.
Я же — Олимпомъ клянусь — чтить тебя буду усердно:
Жертвенникъ дивный тебѣ воздвигну на холмѣ высокомъ;
Будетъ тамъ денно и нощно, какъ Весты огонь негасимый,
Ладонъ дражайшій горѣть, разнося ѳиміамъ благовонный —
Въ вѣчную славу тебѣ — по равнинамъ и рощамъ окрестнымъ.»

Такъ отвѣчала Анхизу свѣтлая Кипра царица:
«Пастырь любимецъ-боговъ, славнѣйшій изъ всѣхъ земнородныхъ!
Ты, заблуждаясь въ догадкахъ, равняешь меня съ божествами;
Я не богиня съ Олимпа, не нимфа: я смертная дѣва —
Смертные мать и отецъ жизни мнѣ свѣтъ даровали.

Я злополучная дочь владыки народовъ, Отрея
(Властвуетъ Фригіей онъ, страною, твердынями славной);
Но я не знаю сама, гдѣ я теперь, и впервые
Вижу я эту долину, эти потоки и рощи:
Въ этотъ невѣдомый край никогда-бъ не пришла я, по волѣ:
Я предъ тобою предстала, по власти таинственной Рока.
Сынъ Эгіоха и Майи, хитрый, безжалостный Гермесъ
Темною ночью меня изъ отчаго дома похитилъ;
Быстро со мной пролетѣлъ онъ чрезъ горы, лѣса и пустыни
И опустился на землю въ этой долинѣ цвѣтущей.
Здѣсь, покидая меня, волю боговъ мнѣ открылъ онъ:
«Въ этой долинѣ за рощей узришь ты жилище Анхиза,
Пастыря агнцевъ и козъ; ему ты, по волѣ безсмертныхъ
Нынѣ во власть отдана, да ложе свое съ нимъ раздѣлишь.»
Такъ онъ сказалъ и направилъ полетъ свой къ вершинамъ
Олимпа;
Я же осталась одна, съ сердцемъ исполненнымъ страха,
Въ чуждой землѣ незнакомой. Не зная пути въ край родимый,
Я со стыдомъ и боязнью явилась къ тебѣ поневолѣ
И, преклоняя колѣни, молю тебя именемъ Зевса,
Именемъ всѣхъ Олимпійцевъ, именемъ столь тебѣ милымъ
Матери нѣжной твоей, въ ласкахъ тебя возрастившей,
Помыселъ страстный оставь, не прикасайся лобзаньемъ
Дѣвственныхъ устъ ты моихъ, но укажи мнѣ скорѣе
Въ землю Фригійскую путь, да возвращусь я въ отчизну.
Если-жъ упорствуешь ты въ бурномъ своемъ вожделѣньи —
Ложе со мной раздѣлить, — отведи меня чистою дѣвой
Въ отческій домъ твой немедля предъ очи семьи твоей милой:
Пусть и отецъ твой, и матерь, и всѣ твои взрослые братья
Прежде въ совѣтѣ семейномъ, зрѣло размысливъ, разсудятъ,
Можешь ли брачнымъ союзомъ ты сочетаться со мною?
Если рѣшатъ, что достойна супругой твоей я назваться, —

Шли ты немедля гонца во Фригію съ радостной вѣстью:
Пусть и отецъ мой державный брачный союзъ нашъ одобритъ,
Щедро дарами почтивъ и меня и тебя передъ бракомъ.
Такъ соблюдемъ мы предъ всѣми брачный обычай священный:
Да! лишь тогда невозбранно съ тобою на брачное ложе
Я соглашуся взойти, когда нашъ союзъ будетъ крѣпокъ —
Будетъ и честенъ, и святъ предъ лицомъ и людей, и безсмертныхъ.»

Такъ говоря, Афродита чары желаній вливала
Въ юное сердце Анхиза. Весь преисполненъ любовью,
Быстро ей пастырь вѣщалъ: «Если ты смертная дѣва,
Если поистинѣ ты дочь вѣнценосца Отрея,
Если самъ Гермесъ безсмертный тебя мнѣ назначилъ въ супруги, —
Будь же супругой моей: не властны ни люди, ни боги
Брачный союзъ нашъ расторгнуть; пускай Аполлонъ въ грозномъ гнѣвѣ,
Сердце пронзитъ мнѣ стрѣлой, и въ мрачное царство Аида
Я низойду безъ возврата, чтобъ вѣчною скорбью томиться —
Съ радостью смерть бы я встрѣтилъ, еслибъ возмогъ хоть однажды
Ложе съ тобой раздѣлить и сладостнымъ сномъ позабыться,
Млѣя въ объятьяхъ твоихъ.»

Такъ говоря приближался
Страстный Анхизъ къ Афродитѣ, и станъ ея легкій и стройный
Крѣпко онъ обвилъ рукой; потупила взоры богиня
И, закраснѣвшись стыдливо, скользнула съ нимъ вмѣстѣ на ложе,
Ложе изъ мягкихъ ковровъ, рукою искусной сложенныхъ,
Кожей узорчатой барса красиво покрытое сверху.

Быстрой рукою Анхизъ снялъ съ Афродиты покорной
Всѣ украшенья златыя — вѣнецъ, ожерелье, запястья,
Поясъ на ней развязалъ и совлекъ со стыдливой богини
Золотомъ шитый хитонъ, ароматомъ упитанный нѣжнымъ.

Такъ по рѣшенію Зевса и волѣ таинственной Рока,
Смертный въ объятьяхъ богини, любовью къ нему возгорѣвшей,
Сномъ опочилъ, не познавъ, съ кѣмъ раздѣляетъ онъ ложе.

Только посланница утра, заря разлилася по небу
Вдругъ пробудилась отъ сна и съ ложа возстала Киприда,
Въ ризы опять облеклась, снова украсилась златомъ
И, по внушенію Зевса, вся озарилась сіяньемъ.
Съ гордо поднятой главой, богиня приблизилась къ ложу,
Гдѣ беззаботный Анхизъ, счастьемъ своимъ упоенный,
Сонъ безмятежный вкушалъ, и голосомъ громкимъ вѣщала:
«Встань, пробудись ото сна, сынъ дерзновенный Дардана!
Вспомни, что было съ тобой, и взгляни, кто теперь предъ
тобою!»

Гласу Киприды внимая, отъ сладостныхъ грезъ пробудился
Съ радостнымъ сердцемъ Анхизъ, очи открылъ, — и внезапно
Ужасъ и трепетъ холодный объялъ его нѣжную душу:
Диво узрѣлъ онъ: предъ нимъ, во всемъ олимпійскомъ величьи
Рдѣя въ небесныхъ лучахъ, богиня Паѳоса стояла.
Въ ней онъ мгновенно узналъ робкую дѣву земную —
Ту, въ чьихъ объятьяхъ почилъ онъ, — узналъ и простерся
на землю
Ницъ передъ ней и, закрывъ очи дрожащею дланью,
Голосомъ трепетнымъ такъ къ мощной богинѣ воззвалъ онъ:

«О пощади, не карай, богиня всемощная, сжалься,
Сжалься надъ смертнымъ безсильнымъ! Въ невѣденьи темномъ,
повѣрь мнѣ,

Я преступленье свершилъ! Вспомни, небесная, вспомни —
Я лишь взглянулъ на тебя и, вѣщему сердцу внимая,
Назвалъ богиней небесной; но санъ свой сама ты сокрыла,
Хитросложеннымъ разсказомъ мой умъ легковѣрный опутавъ.
О отврати отъ меня яростный гнѣвъ Эгіоха,
Мщеньемъ грозящаго мнѣ: занѣ по закону безсмертныхъ,
Смертный, который вкусилъ любви наслажденье съ богиней,
Смертію скорой умретъ, громами небесъ пораженный.»

— «Страхомъ напраснымъ, Анхизъ, сердце свое ты тревожишь —
(Такъ благосклонствуя взоромъ, ему отвѣчала богиня)—
Знай, ни одинъ изъ безсмертныхъ кàры тебѣ не готовитъ:
Всѣ божества на Олимпѣ сердцемъ къ тебѣ благосклонны.
Счастливъ твой жребій, Анхизъ: сына тебѣ я дарую;
Онъ назовется Энеемъ и будетъ царемъ и героемъ;
Будетъ онъ славенъ, могучъ: занѣ ощущаю подъ сердцемъ
Боль нестерпимую я — она послана въ наказанье
Властью подземныхъ боговъ:—я тяжкій проступокъ свершила—
Смертному я отдалась. — Будь же спокоенъ ты духомъ:
Счастье и радость тебѣ уготовила я, а не гибель: —
Жребій украшу я твой всѣмъ, чѣмъ возможно украсить
Участь людскую — богатствомъ, славою вѣчной въ потомствѣ
И долгоденствіемъ мирнымъ; могла бы тебя — и безсмертьемъ
Я одарить, но безсмертье — тягость для бреннаго тѣла.
Златопурпурная Эосъ *), пылая любовью къ Тиѳону,
Въ брачный союзъ съ нимъ вступила и, жаждя любви безконечной,
Долго молила Зевеса содѣлать безсмертнымъ супруга.
Зевсъ наконецъ уступилъ безумнымъ моленьямъ богини.

---

*) Аврора, заря.

Что-же? покуда Тифонъ младостью цвѣлъ и красою,
Взоры богини плѣняя, — не разставалась съ супругомъ
Эосъ, блаженствуя сердцемъ; когда же супругъ земнородный
Вѣчно прекрасной богини до старости дожилъ глубокой,
Старости хилой и жалкой; когда и душою и тѣломъ
Онъ одряхлѣлъ и разслабъ и началъ внушать отвращенье
Видомъ своимъ Олимпійцамъ, — тогда злополучная Эосъ,
Мучима въ сердцѣ стыдомъ, далёко въ пещерѣ глубокой
Скрыла навѣки супруга отъ глазъ и безсмертныхъ и смертныхъ.
Я не хочу, чтобъ тебя постигла такая же участь;
Я не хочу, чтобъ мой ликъ въ сонмѣ безсмертныхъ, предъ Зевсомъ
Рдѣлъ отъ стыда за тебя: и такъ моя участь прискорбна:
Прежде всѣ боги Олимпа насмѣшекъ моихъ трепетали:
Всѣмъ я не разъ помрачала разумъ безумствомъ желаній,
Но оставалась сама чарамъ любви недоступна.
Нынѣ, когда я свершила втайнѣ проступокъ постыдный,
Стану сама трепетать я въ сонмѣ безсмертныхъ всечасно,
Вѣчно страшась, чтобъ предъ ними тайна моя не открылась...
Но утаю я сколь можно все, что свершилось межъ нами:
Тайной глубокой покрою я нашего сына рожденье: —
Только увидитъ онъ свѣтъ, — нѣжныя нимфы долины
Примутъ его отъ меня и въ гротѣ таинственномъ скроютъ
Въ мягкихъ душистыхъ цвѣтахъ отъ взоровъ людскихъ без-
покойныхъ.
Въ радостяхъ онъ возрастетъ, нимфами нѣжно взлелѣянъ,
Въ ихъ хороводахъ рѣзвясь, подъ звуки согласные хоровъ;
Дѣтскіе годы пройдутъ, и юношей статнымъ, прекраснымъ
Онъ предъ тобою впервые въ хижинѣ этой предстанетъ.
Ты умилишься душой, взглянувши на милаго сына,
Дивной красою его, небесной красой пораженный:
Нѣжное сердце насытивъ свиданіемъ съ дѣтищемъ милымъ,

Въ градъ Иліонъ мнѣ любезный его отведешь ты немедля.
Если-жъ кто спроситъ тебя, красою его удивленный:
«Чей это сынъ?» отвѣчай: «не знаю навѣрно, но слышалъ
Будто его породила какая-то нимфа лѣсная.»
Такъ ты всегда отвѣчай, кто-бъ ни спросилъ объ Энеѣ.
Горе тебѣ, земнородный, если когда хоть намекомъ
Тайнѣ измѣнишь моей, увлеченъ похвальбою безумной;
Горе тебѣ — ты погибнешь: Кроніонъ, во гнѣвѣ великомъ,
Мстящей десницей своей громы съ Олимпа низринувъ,
Бренное тѣло твое въ пепелъ бездушный разрушитъ.»

Такъ возвѣстила богиня сыну Дардана, Анхизу
Волю свою, и полетъ свой быстро направивъ къ Олимпу,
Въ высяхъ лазурнаго неба за облакомъ свѣтлымъ сокрылась.

9-го Августа 1873 г.

ПОЭМЫ И РАЗСКАЗЫ.

I.

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ.

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ.

I.

По цѣлымъ днямъ, въ печали и тоскѣ,
Сидитъ въ своемъ покоѣ инфантина;
Чуждается она подругъ веселыхъ:
Докучно ей ихъ нѣжное участье —
Бѣжитъ она, завидя издалёка
Ихъ рѣзвую и шумную толпу,
И прячется отъ ихъ нытливыхъ взоровъ.
Никто узнать не можетъ инфантину:
Гдѣ взглядъ ея, исполненный огня,
И дѣвственныхъ ланитъ румянецъ нѣжный,
И алыхъ устъ спокойная улыбка?
Блѣдна, худа, съ потухшими очами
Одна въ саду въ аллеѣ отдаленной,
Потупя взоръ, она уныло бродитъ
Иль, на скамью упавъ въ изнеможеньи,
Старается сдержать въ груди рыданья
И втайнѣ льетъ потоки горькихъ слезъ.
Въ то время былъ въ походѣ противъ Мавровъ
Король, отецъ прекрасной инфантины,
И дочь ждала его нетерпѣливо,

Но, съ ужасомъ и трепетомъ сердечнымъ,
О встрѣчѣ съ нимъ желанной помышляла:
Ужасная, мучительная тайна
И день и ночь ея томила душу
И жаждала она скорѣй открыться
Передъ отцомъ, но будто лютой пытки
Она ждала съ тоскою неутѣшной
Признанія минуты роковой.
И вотъ война окончена. Со славой
И, радуясь побѣдамъ и добычѣ,
Король въ свою Толеду возвратился,
Но лишь взглянулъ на дочь свою, — какъ сразу
Блескъ радости съ лица его исчезъ,
И сердце въ немъ наполнилось тревогой.
Прослушалъ онъ, съ тоскливымъ нетерпѣньемъ,
Привѣтствія вельможъ и царедворцевъ,
И къ дочери вошелъ въ опочивальню.
Наединѣ оставшись съ инфантиной,
Онъ ей сказалъ: «Скажи мнѣ что̀ съ тобой,
Дочь милая? Меня приводитъ въ ужасъ
Твой странный взоръ — безжизненный, убитый...
Скажи, какой заботой иль кручиной
Ты мучишься?
— Моя кручина — скука!
Сказала дочь, потупя скорбно очи.
— Что̀ жизнь моя? одна и та же сказка,
Которую я слышу съ дѣтскихъ лѣтъ,
И ужъ давно на память затвердила:
День нынѣшній сулитъ мнѣ точно то же
Что̀ подарилъ вчерашній, а на завтра
Я жду съ тоской точь-въ-точь такой же скуки,
Которою томилася сегодня.

И такъ весь вѣкъ! Веселья тутъ не много.
А между тѣмъ всѣ сверстницы мои
Давно нашли мужей себѣ по сердцу
И радости семейныя вкушаютъ.
Лишь я одна обречена судьбой
Состарѣться въ моемъ печальномъ дѣвствѣ».

КОРОЛЬ.

А кто-жъ тому виной? не ты ль сама?
Къ несчастію, до нынѣшняго дня
О бракѣ ты и слышать не хотѣла:
Вокругъ тебя толпились женихи
Достойные тебя и по рожденью,
И по красѣ, и по отвагѣ бранной,
Но ото всѣхъ ты взоръ своей отвращала,
Съ презрѣніемъ и гордостью холодной.
Тому назадъ всего еще два года,
Какъ сватался усердно за тебя
Сынъ короля Венгерскаго: годъ цѣлый
Онъ у меня въ Толедѣ прогостилъ
И всѣхъ плѣнилъ умомъ своимъ и сердцемъ.
Тебѣ бы онъ былъ парой по всему:
Сынъ короля — его прямой наслѣдникъ,
Красивъ, уменъ, и доблестенъ, и молодъ.
И что же? ты съ упорствомъ своенравнымъ
Его мольбамъ горячимъ не вняла;
Ты не вняла моимъ совѣтамъ нѣжнымъ, —
И гордый принцъ, отказомъ оскорбленный
И удученъ отверженной любовью,
Въ отечество вернулся со стыдомъ
И дни скончалъ замученный тоскою.

Вотъ твой женихъ послѣдній!... А теперь...
Межъ сыновей державныхъ государей
Нѣтъ жениховъ: одни уже женаты,
Другимъ еще пора не наступила
И помышлять о сватовствѣ и бракѣ.
А изъ моихъ сановниковъ и грандовъ
Нѣтъ никого, кто бъ былъ тебя достоинъ.
Лишь есть одинъ межъ ними, за кого
Отдать тебя я могъ бы, какъ за ровню,
Мой царскій санъ и родъ мой не унизивъ.
Я говорю про графа Аларкоса:
Онъ равенъ намъ и даже выше насъ,
По своему рожденію — по крови
(Вѣдь родъ его древнѣе моего).
Къ тому же онъ такъ честенъ, благороденъ,
Такъ преданъ мнѣ, мой храбрый, добрый рыцарь!...
Но онъ уже два года, какъ женатъ,
И сталъ отцомъ. Кого же, дочь моя,
Ты изберешь въ мужья себѣ?

ИНФАНТИНА.

Его.

КОРОЛЬ.

Кого его?

ИНФАНТИНА.

Да графа Аларкоса.

КОРОЛЬ.

Ты шутишь? Да?

ИНФАНТИНА.

Нѣтъ, не шучу, отецъ.
Сказала я тебѣ и повторяю,
Что Аларкосъ на мнѣ жениться долженъ.

КОРОЛЬ.

Въ умѣ ли ты? Ты бредишь какъ въ горячкѣ...
Вѣдь я сказалъ — да ты ужъ это знала
И безъ меня — что графъ давно женатъ.

ИНФАНТИНА.

Такъ повели немедля, государь,
Ему съ его женою разойтися.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, дочь моя, теперь я вижу ясно,
Что разумъ твой затмился... Ты больна —
Ты разговоръ вести не можешь связно.
Отложимъ мы до времени нашъ споръ:
Тебѣ теперь покой всего нужнѣе.

ИНФАНТИНА.

Да, государь, покой давно мнѣ нуженъ.
Два мѣсяца ужасныхъ протекло
Съ тѣхъ поръ, какъ я молитвой и слезами
Хочу покой душевный возвратить,
Но тщетно все: тоска грызетъ мнѣ сердце,
Душа моя отчаянья полна,

И чувствую я ненависть и злобу
Къ себѣ самой, и къ людямъ, и къ природѣ,
И вся горю какъ бы въ огнѣ геенны.
И ты одинъ лишь властенъ, государь,
Мнѣ возвратить покой, и миръ, и счастье.
Да, можешь ты твоимъ единымъ словомъ
Конецъ моимъ мученьямъ положить:
Скажи его, — и твой вассалъ послушный
Донъ Аларкосъ предстанетъ всенародно,
Какъ мой женихъ, предъ брачнымъ алтаремъ
И въ вѣрности мнѣ вѣчной поклянется.
Тогда съ моей измученной души
Спадетъ тоски и горя гнётъ желѣзный,
И наконецъ вздохну свободно я,
Спасенная отъ участи ужасной.
Но, если мнѣ не суждено судьбой
Назвать себя женою Аларкоса, —
Тогда... тогда, молю тебя, отецъ,
Скорѣй бери любимый свой кинжалъ
И сердце мнѣ пронзи однимъ ударомъ.
Не то позоръ ужасный, нестерпимый
Меня, тебя и родъ нашъ заклеймитъ...

КОРОЛЬ.

Молчи, молчи, безумная! Мнѣ страшно
Внимать тебѣ. Хоть рѣчь твоя безумна,
Но, кажется, какъ будто смыслъ въ ней есть.
Какъ будто въ ней мелькаетъ правды проблескъ...
О, нѣтъ, о, нѣтъ, въ ней правды быть не можетъ!...
Но кажется... Ахъ, это мнѣ ужасно!...
Мнѣ кажется, что будто темно, смутно

Въ твоихъ рѣчахъ я что-то понимаю;
Но я боюсь понять ихъ совершенно.

ИНФАНТИНА.

О, если ты еще не понялъ смысла
Моихъ рѣчей, такъ выслушай меня,
Но выслушай безмолвно, терпѣливо.
Тому назадъ два мѣсяца (въ то время
Ты уже былъ въ походѣ противъ Мавровъ)
Донъ Аларкосъ въ любви открылся мнѣ.
Конечно я любовь его отвергла;
Но онъ, въ душѣ надежды не терял,
Горячими мольбами безпрерывно
Преслѣдовалъ безжалостно меня
И клялся мнѣ, что изъ любви ко мнѣ
Жену свою онъ навсегда оставитъ.
Я наконецъ повѣрила ему
И на мольбы докучныя склонилась,
А Аларкосъ лишь одержалъ побѣду,
Какъ охладѣлъ ко мнѣ: все рѣже, рѣже
Мы съ нимъ съ тѣхъ поръ наединѣ видались
И наконецъ совсѣмъ меня онъ кинулъ.
И вотъ теперь, встрѣчаяся со мной,
Блѣднѣетъ онъ, трепещетъ, и со страхомъ
Взоръ отъ меня мгновенно отвращаетъ.
А между тѣмъ любовь его ко мнѣ
Не безъ слѣдовъ прошла, и скоро, скоро
Позоръ меня покроетъ навсегда.
И ежели союзъ священный брака
Не освятитъ слѣдовъ любви безбрачной,
То рѣшено: родныя волны Тахо,

Иль ножъ, иль ядъ, хранимый мной давно,
Помогутъ мнѣ избавиться отъ жизни.

Такъ наконецъ своей печали тайну
Передъ отцомъ открыла инфантина.
Полуживой, блѣднѣющій, безмолвный
Стоялъ король предъ дочерью преступной,
Признаніе ужасное услышавъ.
И долго онъ опомниться не могъ
Отъ грознаго, нежданнаго удара.
Межъ тѣмъ, вперивъ недвижный взоръ въ отца,
Ждала его рѣшенья инфантина.
Пришедъ въ себя, онъ наконецъ воскликнулъ:
— Несчастная, сгубила ты навѣки
И честь мою и самоё себя:
Теперь ничто, ничто спасти не можетъ
Отъ вѣчнаго позора и безчестья
Тебя, меня и все мое потомство....
Все силюсь я понять и не могу,
Какъ Аларкосъ въ душѣ своей рѣшился
На гнусное такое преступленье?
Онъ обольстилъ дочь друга своего!
Нѣтъ рыцаря честнѣй и благороднѣй
Во всей странѣ Испанской благородной;
Его душа открытая, прямая
Отъ дѣтскихъ лѣтъ всегда была чужда
Обмана, лжи, и лести, и лукавства.
Честь женщины всегда для Аларкоса
Завѣтною святынею была:
Онъ никому бывало не позволитъ
И темными намеками заочно
Честь дѣвушки невинной оскорбить,

Хотя бы съ ней всю жизнь онъ не встрѣчался
И зналъ ее едва-едва по слуху.
И вотъ теперь, какъ тать лукавый, подлый,
Похитилъ онъ дѣвическую честь
У дочери дряхлѣющаго старца,
Властителя и друга своего,
Коварно въ ней разсудокъ омрачивъ
Отравою рѣчей преступно-льстивыхъ.
Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ остался сиротой,
Я замѣнилъ отца ему, и что же?
Какъ за мою любовь онъ отплатилъ мнѣ?...
Нѣтъ, право, я повѣрить не могу,
Чтобъ Аларкосъ на это былъ способенъ.

ИНФАНТИНА.

Но если онъ такъ честенъ, благороденъ,
Такъ высоко, такъ свято почитаетъ
Честь женщины, какъ ты передо мною
Его теперь представилъ, то тѣмъ легче
Уговорить его на бракъ со мной.
Конечно онъ, подумавъ хоть немного,
Пойметъ, что долгъ на немъ лежитъ священный —
Возстановить честь женщины несчастной,
Самимъ же имъ погубленной безчестно,
Честь дочери, честь отрасли послѣдней
Властителя и друга своего.

КОРОЛЬ.

Но я тебѣ сказалъ и повторю
Еще сто разъ, что это невозможно:

Графъ Аларкосъ не можетъ развестись
Съ своей женой безъ позволенья папы,
А нынѣшній властитель Ватикана
И строгъ и крутъ и ревностно хранитъ
Церковные уставы. Но положимъ,
Что, можетъ-быть, удастся какъ-нибудь
Намъ умолить, умилостивить старца,
И выманить согласье на разводъ.
Но, дочь моя, на это нужно время,
Быть-можетъ мы годъ цѣлый въ перепискѣ
И въ подкупахъ важнѣйшихъ кардиналовъ
И хлопотахъ различныхъ провлачимъ,
Чтобъ получить желаемую буллу.
А между тѣмъ день роковой настанетъ
И огласитъ предъ свѣтомъ безпощаднымъ
Вѣсть о твоемъ паденіи преступномъ.

ИНФАНТИНА.

Нѣтъ, нѣтъ никто во вѣки не узнаетъ
Здѣсь на землѣ моей ужасной тайны:
Она умретъ съ тобой и съ Аларкосомъ: —
Рѣшилась я, тебѣ я повторяю,
Окончить жизнь свою самоубійствомъ,
Чтобъ не дожить до роковаго дня...
Но не къ тому клоню теперь я рѣчи.
Хочу спросить тебя я, государь,
Ужели намъ необходимо надо
Выпрашивать у папы въ Ватиканѣ
Разводную для графа Аларкоса?
Ужели нѣтъ у насъ другаго средства
Его навѣкъ избавить отъ жены?

КОРОЛЬ.

Конечно, нѣтъ.

ИНФАНТИНА.

Подумай, можетъ-быть
Мы путь иной отыщемъ къ нашей цѣли,
Вѣрнѣйшій путь.

КОРОЛЬ.

Другаго нѣтъ пути.

ИНФАНТИНА.

Есть, государь!

КОРОЛЬ.

Какой же путь, скажи мнѣ?

ИНФАНТИНА.

Послушай, я слыхала часто съ дѣтства,
Какъ говорилъ и ты, и твой отецъ
И наши всѣ родные и вассалы,
Что честь всего дороже на землѣ,
Что для нея всѣмъ жертвовать должны мы,
И что, когда на ней лежитъ пятно,
Должны его мы смыть во что̀ бъ ни стало:
Должны въ себѣ мы подавить всѣ чувства —
Любовь, вражду и дружбы нѣжный голосъ,
И страхъ грѣха и совѣсти у́грозы,

И жалости тоску, и состраданье —
Все умертвить въ душѣ, что̀ намъ мѣшаетъ
Стереть съ себя безславія пятно.

КОРОЛЬ.

Все это такъ, все это говорилъ я,
И говорю, и буду говорить,
И подтвержу слова мои на дѣлѣ:
На все, на все пойду я безъ боязни,
Чтобъ честь свою спасти!.. Иль я не рыцарь,
Не дворянинъ и не Испанецъ кровный?

ИНФАНТИНА.

Что рыцарь ты въ душѣ — всѣ это знаютъ.
Нѣтъ никого храбрѣй тебя въ бою,
Нѣтъ никого, кто бъ былъ великодушнѣй
Съ врагомъ, когда онъ проситъ о пощадѣ,
Нѣтъ никого, кто бъ былъ вѣрнѣе слову,
Разъ данному, хотя-бъ и въ полушутку,
Какъ ты отецъ — ты всѣхъ честнѣй, всѣхъ лучше,
Всѣхъ доблестнѣй и всѣхъ мудрѣе въ свѣтѣ.
Но у тебя одинъ есть недостатокъ —
То доброта чрезмѣрная твоя:
Она въ тебѣ до слабости доходитъ.
Сознайся самъ, исчислить даже трудно
Всѣхъ тѣхъ воровъ, убійцъ и казнокрадовъ,
Судомъ на казнь правдиво осужденныхъ,
Которыхъ ты, разжалобленъ ихъ воплемъ,
Помиловалъ, по слабости сердечной.
Ни чьихъ ты слезъ не можешь перенесть

И лишь слезу замѣтишь на рѣсницѣ,
Хотя-бъ она притворная была,
Уже ты самъ чуть сдерживаешь слезы
И долгъ святой судьи позабываешь,
И всякую готовъ исполнить просьбу
И все простить, чтобъ только не видать
Передъ собой слезящагося ока.
Всегда тебѣ, отецъ, я удивлялась:
Ты яростенъ, какъ левъ, на полѣ брани,
И робокъ, слабъ, какъ женщина, внѣ боя.
И вотъ теперь я доброты твоей,
Какъ грознаго чудовища страшуся:
Боюся я, она тебя отклонитъ
Исполнить долгъ — высокій долгъ, священный —
Честь дочери единственной спасти.

КОРОЛЬ.

Ты на меня клевещешь, инфантина,
И злобно ты и дерзко ты клевещешь!
Что жъ, развѣ я слезливая старуха
Или дитя, и упаду я духомъ
Въ тотъ мигъ, когда суровый долгъ велитъ
За мѣры мнѣ суровыя приняться?
Скажи, чего ты требуешь теперь:
Исполню все, и ты тогда увидишь,
Что не къ одной я жалости способенъ.
Сумѣю я быть строгимъ, непреклоннымъ,
Сумѣю быть безжалостнымъ, жестокимъ,
Когда того потребуетъ мой долгъ.
Не вѣришь ты?

ИНФАНТИНА.

Желала бы я вѣрить!

КОРОЛЬ.

Такъ говори скорѣй, чего ты хочешь,
А тамъ, повѣрь, сама увидишь ясно,
Что ты глупа, что двадцать слишкомъ лѣтъ
Съ отцомъ своимъ видаясь каждый день,
День каждый съ нимъ бесѣдуя глазъ на глазъ,
Не знала ты его до сей поры!

ИНФАНТИНА.

Итакъ теперь рѣшаюсь я сказать,
Къ какому ты прибѣгнуть долженъ средству,
Чтобъ отъ жены избавить Аларкоса.
То средство... я боюсь его назвать:
По добротѣ своей ты ужаснешься...

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, говори, и говори мнѣ смѣло.

ИНФАНТИНА.

Убійство...

КОРОЛЬ.

Какъ? убійство, дочь моя?

ИНФАНТИНА.

Да... тайное убійство, государь,
Оно должно избавить Аларкоса
Отъ брачныхъ узъ.

КОРОЛЬ.

Какъ? Умертвить графиню!

ИНФАНТИНА.

Да, умертвить жену его...

КОРОЛЬ.

Жену!
Но вѣдь она невинна передъ нами.

ИНФАНТИНА.

Сбылось, чего боялась я заранѣ:
Трепещешь ты: ужъ жалостью дрожитъ
Въ тебѣ твое чувствительное сердце.

КОРОЛЬ.

О нѣтъ, клянусь, не жалостью смущаюсь
Я въ этотъ мигъ: повѣрь, другое чувство
Всю внутренность во мнѣ приводитъ въ трепетъ:
Я не хочу свершить несправедливость
И женщину невинную убить.
Чтобъ доказать тебѣ, что не страшуся
Я кровь пролить, готовъ я Аларкоса,

Хоть онъ мнѣ другъ, на поединокъ вызвать
Хоть я всегда любилъ его какъ сына,
Но дряхлая рука моя не дрогнетъ,
Когда мечомъ прадѣдовскимъ моимъ
Я проколю и грудь ему и сердце.
А отчего? А оттого, что онъ
Передо мной и предъ тобой виновенъ.
Но не могу я умертвить спокойно
Невинное и кроткое созданье.

ИНФАНТИНА.

Прекрасныя слова, отецъ мой добрый,
Прекрасныя и правила и чувства
Ты высказалъ, мой рыцарь благородный!
Но мнѣ теперь не до высокихъ чувствъ.
Что̀ пользы мнѣ, когда ты Аларкоса
По-рыцарски убьешь на поединкѣ?
Сокроешь ли ты тѣмъ мое безчестье?
Ты у меня отнимешь только средство
Сокрыть его. Пойми же наконецъ,
Что только бракъ торжественный, законный
Съ виновникомъ паденья моего
Отъ глазъ людскихъ сокроетъ мой позоръ.

КОРОЛЬ.

То правда, но... противно думать мнѣ,
Что брачный твой союзъ купить я долженъ
Цѣною жизни женщины безвинной.

ИНФАНТИНА.

Такъ выбирай, отецъ чадолюбивый,
Кого изъ насъ въ живыхъ ты хочешь видѣть —
Меня ль, твою единственную дочь,
Иль женщину, совсѣмъ тебѣ чужую.
Скорѣе мнѣ свой выборъ объяви,
Чтобъ я могла скорѣй покончить съ жизнью...
И я теперь скажу тебѣ заранѣ,
Что ты ничѣмъ меня не оградишь
Отъ гибели; что никакія мѣры
Не преградятъ мнѣ путь къ самоубійству.
Пусть у меня отнимутъ ножъ и ядъ,
Пусть, заковавъ желѣзной цѣпью руки,
Меня въ тюрьму подземную запрутъ,
За тяжкіе желѣзные затворы,
Но даже тамъ, съ недвижными руками,
Я совершить смогу самоубійство:
Уста мои откажутся упорно
И питіе, и пищу принимать,
И смертію голодной я погибну.
То, говорятъ, мучительная смерть,
Ужасная, — но я снесу всѣ муки,
Все вытерплю, чтобъ честь свою спасти!
Я чувствую, во мнѣ течетъ не даромъ
Кровь праотцевъ прославленныхъ моихъ,
Съ веселіемъ главы свои сложившихъ,
Чтобы своимъ геройствомъ возвеличить
И вознести честь рода своего,
Чтобъ съ гордостью ихъ поздніе потомки
Носили ихъ прославленное имя
И берегли, какъ бы зеницу ока.

Во мнѣ одной ихъ духъ теперь живетъ,
Ко мнѣ одной ихъ кровь теперь взываетъ
Спасти ихъ родъ отъ вѣчнаго позора;
Во мнѣ одной есть мужество и сила
Идти на все во имя нашей чести.
Я женщина, но смертію моею
Я докажу, что правъ былъ древній царь,
Когда сказалъ, что иногда мужами
Являются въ минуты бѣдствій жены,
И слабыми, трусливыми женами
Становятся мущины передъ ними...
О, я хочу, я жажду умереть,
И мучиться хочу я передъ смертью,
Чтобъ искупить мое паденье мукой,
Чтобъ наказать себя за ту минуту,
Когда, горя огнемъ безумной страсти,
Разъ во всю жизнь я женщиной явилась
И слабости постыдной поддалась.
И среди мукъ ни жалобы, ни стона
Не вырвется — клянусь — изъ устъ моихъ.
Услышишь ты лишь злобныя проклятья —
Проклятія презрѣннымъ, слабымъ людямъ,
Не смѣвшимъ мнѣ подать спасенья руку
Въ бѣдѣ моей!

КОРОЛЬ.

Тебя не узнаю я...
Ужасныя ты рѣчи говоришь...
Какъ бѣшено сверкаютъ въ этотъ мигъ
Твои глаза огнемъ какимъ-то адскимъ;
Лицо твое искажено отъ злобы...

Меня твой видъ приводитъ въ содраганье —
Ужасна ты отъ головы до ногъ,
Какъ будто бы въ тебя вселился демонъ;
Но чувствую, въ твоихъ рѣчахъ и взглядахъ
И голосѣ какая-то есть сила:—
Нездѣшняя то сила, — сила злая
И темная, — и я уже не властенъ
Бороться съ ней: мнѣ чудится, она
Уже мою всю душу охватила...
Смѣшалися во мнѣ всѣ чувства, мысли,
Слабѣетъ духъ, разсудокъ померкаетъ:
Я чувствую, что вмѣстѣ я съ тобой
Тону душой въ грѣхѣ твоемъ, какъ въ безднѣ.
Ахъ, говори скорѣе, дочь моя,
Что̀ дѣлать мнѣ? Какое преступленье
Я совершить, тебѣ въ угоду, долженъ?
Убійство? Да?... убить графиню?...

ИНФАНТИНА.

Нѣтъ,
Своей рукой ты не свершишь убійства:
Пусть Аларкосъ его свершаетъ самъ.

КОРОЛЬ.

Какъ, Аларкосъ убить графиню долженъ,
Свою жену? Но это невозможно:
Онъ не пойдетъ на грѣхъ такой ужасный!

ИНФАНТИНА.

Вели ему; какъ вѣрный твой вассалъ,
Обязанъ онъ повиноваться слѣпо

Тебѣ во всемъ. Онъ долженъ непремѣнно
Самъ умертвить свою жену.

КОРОЛЬ.

Ужасно!...
Я не могу никакъ понять, откуда
Въ тебя могла такая мысль вселиться —
Безбожная, чудовищная мысль.

ИНФАНТИНА.

Уже давно въ тиши ночей безсонныхъ
Обдумала я замыселъ мой смѣлый
И свыклась съ нимъ, такъ свыклась, что теперь
Уже его не въ силахъ я покинуть.
И вотъ, что я придумала тогда:
Донъ-Аларкосъ поступитъ такъ: онъ ночью
Жену свою въ ея постели тайно
Подушками задушитъ, чтобъ на трупѣ
Насилія слѣдовъ не видно было.
Потомъ, когда взойдетъ уже заря,
Подыметъ онъ въ дому своемъ тревогу,
И воплями и криками разбудитъ
Всѣхъ слугъ своихъ и съ плачемъ имъ объявитъ,
Что, пробудясь поутру, онъ нашелъ
Свою жену въ постели уже мертвой.
И всѣ рѣшатъ, что вѣрно отъ удара
Скончалася прекрасная графиня.
И такъ какъ графъ слыветъ примѣрнымъ мужемъ,
То никогда не вздумаетъ никто
Подозрѣвать его въ женоубійствѣ.

КОРОЛЬ.

Ну, дочь моя, обдумала хитро,
Ты замыслъ свой: не вдругъ, но понемногу
Ты черноту грѣховную его
Передъ отцомъ обманутымъ открыла.
Какъ медленно, путемъ, мнѣ неизвѣстнымъ
Ты съ крутизны въ потьмахъ меня влекла,
И привлекла теперь въ такую пропасть,
Откуда нѣтъ ужъ выхода! Сначала
Повѣрилъ я, какъ отрокъ простодушный,
Что въ правду ты, по женской простотѣ,
Нелѣпою надеждой утѣшалась,
Что можетъ графъ сейчасъ жену оставить
И подъ вѣнецъ сейчасъ идти съ тобой.
Но вижу я къ чему клонилась хитрость:
То былъ подходъ лукавый и искусный,
Чтобы не вдругъ меня ошеломить.
На гнусное злодѣйство вызывая.
Но, дочь моя, какъ ни хитеръ твой замыслъ,
Но Аларкосъ его разрушитъ въ прахъ:
Въ сообщники къ тебѣ онъ не пойдетъ
И палачомъ жены своей не будетъ.

ИНФАНТИНА.

А я тебѣ заранѣ говорю,
Что если ты осмѣлишься предъ нимъ
Все вымолвить, что̀ вымолвить ты долженъ,
То онъ твою исполнитъ волю слѣпо.

КОРОЛЬ.

Что̀ жъ долженъ я сказать ему?

ИНФАНТИНА.

Ты скажешь,
Что онъ свершилъ такое преступленье,
Которому нѣтъ имени и мѣры.
«Тебя считалъ я другомъ, Аларкосъ,
До сей поры — такъ скажешь ты ему —
Надежнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ,
Но самый злой изъ всѣхъ моихъ враговъ
Такого зла не сдѣлалъ мнѣ изъ мести,
Какое ты по дружбѣ совершилъ.
Считалъ тебя я подданнымъ примѣрнымъ,
Считалъ тебя отчизны вѣрнымъ сыномъ,
Готовымъ все на жертву принести,
Чтобы спасти честь царственнаго дома
И вмѣстѣ съ ней честь родины своей.
И вотъ теперь ты сдѣлалъ преступленье,
Которое на вѣкъ предъ цѣлымъ свѣтомъ
Безчестіемъ великимъ запятнаетъ
Меня, мой домъ, страну и весь народъ.
Итакъ теперь ты долженъ, Аларкосъ,
Великою, неслыханною жертвой,
Которая бъ равнялась предъ тобою
Твоей винѣ, спасти отъ поношенья
Все, что̀ тебѣ всего дороже въ жизни.»
Затѣмъ, отецъ, объявишь ты ему
Какую онъ принесть обязанъ жертву.

Конечно онъ придетъ сначала въ ужасъ;
Но соберись ты съ мужествомъ и силой
И, съ твердою рѣшимостью, скажи:
«Донъ-Аларкосъ, конечно ты привязанъ
Къ своей женѣ; она, какъ говорятъ,
Предоброе, простое существо —
Хорошая кормилица, хозяйка;
Но стóитъ ли — скажи по правдѣ мнѣ —
Она того, чтобъ за нее ты предалъ
Спокойствіе и честь своей отчизны;
А ты предашь, предашь свою отчизну
На жертву смутъ, когда не согласишься
На жертву ей жену свою принесть.
Подумай самъ, когда народъ узнаетъ,
Какимъ его позоромъ небывалымъ
Покрыла дочь властителя его,
Властителя, вождя, за коимъ слѣпо
Онъ шелъ всегда съ довѣрчивостью дѣтской, —
Противъ меня возстанетъ полстраны,
Польется кровь въ войнѣ междуусобной,
И, пользуясь раздорами и бунтомъ,
На насъ пойдутъ злодѣи наши Мавры,
И, можетъ-быть, опять какъ въ дни былые
Поработятъ Испанію они.
Кто-жъ дастъ отвѣтъ предъ совѣстью своей
Передъ людьми и предъ судомъ небеснымъ
За бѣдствія, за гибель всей страны?
Ты Аларкосъ, — и на твою главу
Обрушатся со всѣхъ сторонъ проклятья
Всѣхъ истинныхъ отечества сыновъ!
Скажи, ужель жена тебѣ дороже
Великаго и славнаго народа?

Что̀ смерть для ней? Лишь нѣсколько мгновеній
Тоски и мукъ: за нихъ ее за гробомъ
Ждетъ вѣчное небесное блаженство
И съ нимъ вѣнецъ подвижницы святой —
Подвижницы, пожертвовавшей жизнью,
Чтобы спасти отъ гибели мильйоны.»
Вотъ государь, что̀ долженъ ты сказать,
Чтобы вѣрнѣй подѣйствовать на умъ
И, главное, на сердце Аларкоса.
О, знаю я глубоко это сердце,
И все, что̀ я тебѣ теперь сказала
Подѣйствуетъ глубоко на него.
Отечество, долгъ подданнаго, честь —
Все это тѣ могучія слова,
Которыя его подвигнуть могутъ
На все, на все!

КОРОЛЬ.

Все это я скажу.
Но есть въ твоей рѣчи такое слово,
Которое я произнесть не въ силахъ —
Какъ вымолвить языкъ мой ухитрится:
«Донъ-Аларкосъ, убей свою жену?!»
Какой тиранъ свирѣпый, изступленный
Когда-либо такое повелѣнье
Могъ произнесть?

ИНФАНТИНА.

Я знала, государь,
Что этихъ словъ ты вымолвить не въ силахъ,

По добротѣ несказанной твоей, —
И потому придумала заранѣ,
Какъ поступить, чтобы тебя избавить
Отъ устнаго сношенья съ Аларкосомъ.
Согласенъ ли ты къ графу написать
Своей рукой письмо? Я продиктую
Тебѣ его, и сказано въ немъ будетъ
Все то, что я сейчасъ тебѣ сказала.
Согласенъ ли?

КОРОЛЬ.

Конечно легче мнѣ
Такимъ путемъ на зло его подвигнуть:
Полтяжести съ души моей спадетъ.
Подай скорѣй бумагу и перо —
Спѣши, пока еще я не успѣлъ
Опомниться отъ грознаго хаоса
И думъ и чувствъ, который подняла ты
Въ моей душѣ: опомнюсь, — и мгновенно
Замретъ во мнѣ преступная рѣшимость...
И что жъ тогда?.. Диктуй же мнѣ письмо.

II.

Графъ Аларкосъ садился на коня:
Нарочно онъ въ Толеду пріѣзжалъ,
Чтобъ короля въ его столицѣ встрѣтить
И съ новою побѣдою поздравить.

И лишь успѣлъ онъ встрѣтить короля
И свой привѣтъ сказать ему сердечный,
Какъ ужъ спѣшилъ въ свой древній дальній замокъ
Къ женѣ своей и дѣтямъ возвратиться;
Но лишь вложилъ онъ ноги въ стремена,
Какъ ко дворцу его примчался всадникъ —
То былъ гонецъ съ письмомъ отъ короля.
Предчувствіе недобраго чего-то
Вдругъ холодомъ ему объяло душу.
Онъ снялъ печать и пробѣжалъ письмо, —
И блѣдностью смертельною покрылось
Его лицо....
Былъ свѣтелъ майскій вечеръ;
Еще заря вечерняя блистала,
Когда, путемъ далекимъ утомленъ
И скорбію глубокой удрученный,
Донъ-Аларкосъ завидѣлъ замокъ свой.
И вздрогнулъ онъ, и сердце въ немъ упало,
И полились вдругъ слезы изъ очей
Въ тотъ мигъ, когда онъ издали увидѣлъ
Стоящую высоко на балконѣ
Жену свою съ младенцемъ на рукахъ.
«Несчастная, воскликнулъ онъ невольно,
Несчастная, какъ встрѣчусь я съ тобой?
Какъ я взглянуть въ лицо тебѣ посмѣю?
Какъ я снесу твой радостный, твой свѣтлый
Безпечный взоръ, когда ко мнѣ на грудь
Ты бросишься, въ порывѣ чувствъ священныхъ,
Какъ къ своему защитнику и другу?!....
О что тогда я сдѣлаю?! Ужели
Въ тотъ страшный мигъ во мнѣ достанетъ силы
Тебя обнять хладѣющей рукой,

Рукой уже готовой къ преступленью
И лобызать Іудинымъ лобзаньемъ?»
Издалека прекрасная графиня
Завидѣла супруга своего
И кинулась стремительно на встрѣчу.
Но лишь она приблизилась къ нему
И встрѣтились ихъ взоры, какъ мгновенно
Она предъ нимъ въ испугѣ отступила
И будто вдругъ на мѣстѣ замерла.
И блѣдными устами прошептала:
— «Другъ, жизнь моя, что сдѣлалось съ тобой?
Тебя бѣда какая-то постигла;
Тебя узнать едва-едва могу я:
Какъ будто ты лишь всталъ съ одра болѣзни
Иль вырвался изъ пытки самой страшной:
Ты исхудалъ, ты постарѣлъ.... о Боже —
Не вѣрю я глазамъ — ты посѣдѣлъ!...
О говори скорѣе, что случилось.»

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ.

Войдемъ, войдемъ скорѣе въ домъ, графиня.
Я утомленъ — я отдохнуть хочу.

ГРАФИНЯ.

Но говори скорѣе, что случилось!

ГРАФЪ.

Нѣтъ, не теперь!...

ГРАФИНЯ.

Но я тебя молю!

ГРАФЪ.

О замолчи.... О другъ безцѣнный мой,
Не говори ни слова ради Бога.
Твой ласковый, твой нѣжный, кроткій голосъ
Упреками мнѣ сердце поражаетъ,
Какъ острый ножъ.
И смолкла передъ мужемъ
Покорная и кроткая графиня.
И вотъ вошелъ въ свой за́мокъ Аларкосъ
И видитъ онъ: ужъ къ ужину накрытъ
Въ столовой столъ и два на немъ прибора;
Передъ однимъ изъ нихъ поставленъ кубокъ —
Прадѣдовскій любимый кубокъ графа.
— «Несчастная! Она ждала меня!»
Подумалъ графъ, и заструились слезы
Вновь по его ланитамъ помертвѣлымъ.
Поспѣшно онъ закрылъ лицо платкомъ,
Какъ будто потъ и пыль съ него стирая;
Но тщетно онъ сокрыть старался слезы
Отъ глазъ жены.
— «Ты плачешь, другъ мой бѣдный,»
Она ему сказала, и рыдая
На грудь къ нему упала.
— Полно плакать!...
Садись скорѣе ужинать.... ужъ время.
Проговорилъ въ смятеньи Аларкосъ,
Не зная самъ, что̀ говоритъ.
Умолкла
Опять его смиренная графиня
И сѣла съ нимъ за столъ. Безмолвенъ, мраченъ

Донъ-Аларкосъ за ужиномъ сидѣлъ;
Онъ до вина и пищи не касался,
Весь погруженъ въ мучительную думу.
И наконецъ, какъ будто что-то вспомнивъ,
Всталъ съ мѣста онъ и поступью нетвердой
Съ поспѣшностью прошелъ въ опочивальню.
Вошла туда съ нимъ вмѣстѣ и графиня.
Тамъ въ уголку подъ шелковой завѣсой
Младенецъ ихъ спалъ въ мягкой колыбели.
Затрепеталъ отецъ и взоръ потупилъ,
Нечаянно взглянувъ на колыбель;
Потомъ онъ дверь рукой дрожащей заперъ,
И, медленно приблизившись къ графинѣ,
Ей голосомъ прерывистымъ сказалъ:
— Прости меня.... Ахъ, еслибы ты знала,
Что̀ ждетъ тебя, и какъ несчастна ты!

ГРАФИНЯ.

Могу-ли быть несчастна я, мой милый?
Вѣдь я жена твоя: иного счастья
Не надо мнѣ.

ГРАФЪ.

О, больше я не въ силахъ
Передъ тобой таиться!... Знай, графиня,
Ты умереть должна!

ГРАФИНЯ.

Какъ? Умереть!...

ГРАФЪ.

Да, съ жизнію разстаться ты должна.
Ужъ часъ твоей кончины наступаетъ....
Ужъ онъ насталъ.... Прощай, мой другъ несчастный!
Прости меня!

ГРАФИНЯ.

О, Боже!... Другъ мой милый,
Мнѣ страшно, я дрожу, я леденѣю,
Какія ты ужасныя слова
Мнѣ говоришь.... Я умереть должна!?

ГРАФЪ.

Должна, должна сегодня же, теперь же....
Такъ повелѣлъ король, нашъ государь.

ГРАФИНЯ

Король? но что жъ я сдѣлала ему?

ГРАФЪ.

Ты ничего; но я предъ нимъ виновенъ!
Моя вина равняется измѣнѣ....
Но вотъ письмо ко мнѣ отъ короля.
Прочти его, и ты поймешь, какъ тяжко
Виновенъ я предъ нимъ и предъ тобой.

ГРАФИНЯ.

Передо мной?!

ГРАФЪ.

Да.... Прочитай письмо.

ГРАФИНЯ *(прочитавъ письмо)*

О, низкая и злая инфантина!
Такъ это ей, ей смерть моя нужна!
Презрѣнная! Она оклеветала
Предъ старикомъ отцомъ своимъ тебя.
Ты обманулъ, ты обольстилъ ее!
Какая ложь! Лишь дряхлый нашъ король,
Впадающій ужъ въ дѣтство, могъ повѣрить
Столь дерзостной, безбожной клеветѣ.
Мой Аларкосъ кого-нибудь обманетъ!
Мой Аларкосъ способенъ обольщать,
Иль завлекать, коварствовать, лукавить!!
Но всякій, кто хоть разъ, хоть вскользь увидѣлъ
Лицо его и взглядъ или хоть поступь,
Тотъ во всю жизнь повѣрить не дерзнетъ,
Что Аларкосъ способенъ на коварство.
Нѣтъ, нѣтъ, виной всему она сама.
Какъ въ свѣтѣ дня увѣрена я въ этомъ!
Хоть ни о чемъ доселѣ я не знала,
Но кажется, что вижу я теперь,
Какъ, возгорѣвъ къ тебѣ постыдной страстью,
Соблазнами коварными она
Тебя завлечь въ свои старалась сѣти;
Сама, сама тебѣ на шею висла
И грѣшными лобзаньями своими
Въ твоей душѣ стыдливой, чистой, честной
Насильственно желанья разожгла —

И вовлекла, лобзая, въ преступленье.
Проклятье ей, проклятье ей, змѣѣ!
Пускай мое проклятье тонкимъ ядомъ
Проникнетъ ей въ завистливое сердце
И совѣсти горящимъ, острымъ жаломъ
Сожжетъ ее, изсушитъ, изведетъ,
Пусть тѣнь моя ночь каждую....

ГРАФЪ.

Постой!
Не изрекай проклятій передъ смертью!...
Прости врагамъ, да ненависть и злоба
Твоей души на мигъ не осквернятъ.
Останься ты кротка, чиста, безгрѣшна,
Какой была всю жизнь: пусть въ мигъ твой смертный
Душа твоя, какъ чистая голубка,
Къ Всевышнему на небо воспаритъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ, развѣ ты.... Какъ, развѣ неизбѣжно
Я умереть должна?

ГРАФЪ.

Да! Неизбѣжно!

ГРАФИНЯ.

Но если я къ ногамъ твоимъ паду
И обнимать твои колѣни стану,
И слезы лить, — ты пощадишь меня?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Повѣрь, я не могу, не властенъ....
Вѣдь знаешь ты, что всякія мученья
Я за тебя съ веселіемъ приму....
Но я теперь не властенъ надъ собою.

ГРАФИНЯ.

Но если я начну кричать и крикомъ
Перебужу всѣхъ въ домѣ, — что тогда?

ГРАФЪ.

Но ты письмо читала, такъ припомни,
Что сказано въ концѣ.

ГРАФИНЯ.

Ахъ, Боже, Боже!
Тамъ сказано.... я вспомнила теперь!...
Я вспомнила, что смерть за ослушанье
Тебѣ грозитъ. О, да, теперь конечно
Я умереть должна.... Да, я теперь готова,
Да, я теперь желаю умереть,
И смертный мигъ мнѣ больше ужъ не страшенъ....
Но погоди! Что станется теперь
Съ несчастными малютками моими?
Молю тебя, мой другъ, ни на минуту
Ты въ домѣ ихъ своемъ не оставляй,
А отошли съ надежнымъ человѣкомъ
Къ сестрѣ моей: у ней вѣдь нѣтъ дѣтей,
А къ нашимъ такъ привязана она,

Что матерью имъ будетъ самой нѣжной.
Готовъ ли ты мою исполнить просьбу?

ГРАФЪ.

Клянусь тебѣ ее исполнить свято.

ГРАФИНЯ.

Теперь, мой другъ, готова къ смерти я....
Нѣтъ, погоди: ты слышишь: пробудился
Малютка нашъ прекрасный: плачетъ онъ.
Позволь его мнѣ грудью покормить
Въ послѣдній разъ; потомъ мою молитву
Въ послѣдній разъ я совершу предъ Богомъ,
Прося въ грѣхахъ прощенья, а потомъ....
Потомъ, мой другъ, простимся мы на вѣки!...

III.

По площадямъ и улицамъ Толедо
Между дворцомъ и церковью соборной
Стоялъ народъ громадою сплошной:
Со всѣхъ концовъ столицы королевской,
Изъ ближнихъ селъ, и городовъ, и замковъ,
Толпы гражданъ, монаховъ, поселянъ,
И рыцарей, и странниковъ, и нищихъ
Стеклись сюда къ дню свадьбы инфантины
На празднество роскошное взглянуть.

Но сумраченъ былъ видъ толпы народной
И видѣлась на лицахъ изумленныхъ
Тревожнаго, тяжелаго вопроса
И скорбнаго недоумѣнья тѣнь.
И сдержанный, глухой какой-то ропотъ
По временамъ въ народѣ проносился,
Какъ моря шумъ зловѣщій передъ бурей:
Извѣстіемъ нежданнымъ озадаченъ
Былъ весь народъ: еще не смолкли толки
Въ устахъ его о смерти непонятной,
Постигшей вдругъ супругу Аларкоса,
Какъ снова вѣсть нежданная промчалась,
Что Аларкосъ помолвленъ съ инфантиной.
Ужъ собрался въ палатахъ короля
Почетный сонмъ всей знати королевства:
Сановники, вельможи, царедворцы,
Всѣ въ золотѣ и камняхъ самоцвѣтныхъ,
Стояли тамъ блестящею толпой
И царственной невѣсты ожидали,
Чтобъ въ шествіи торжественномъ, всѣмъ сонмомъ
Сопровождать ее до алтаря.
И вотъ она предстала передъ ними
Худа, блѣдна, какъ призракъ, но прекрасна —
Исполненъ былъ спокойствія, величья
И гордости ея блестящій взоръ
И на устахъ холодныхъ, помертвѣлыхъ
Привѣтная виднѣлася улыбка.
Но лишь она явилася въ дверяхъ,
Какъ странное какое-то смущенье,
Таинственный, всѣмъ непонятный ужасъ
Собраніемъ внезапно овладѣли,
Какая-то мучительная тяжесть

Всѣмъ на душу мгновенно налегла, —
И тишина повсюду гробовая
Настала вдругъ: какъ будто инфантина
Давила всѣхъ присутствіемъ своимъ.
Когда жъ она, прошедъ передъ толпой
Чрезъ весь дворецъ, сокрылася изъ виду, —
То вырвался у всѣхъ въ одно мгновенье
Изъ груди вздохъ: какъ будто вся толпа
Вдругъ вырвалась на свѣжій, вольный воздухъ
Изъ душнаго подземнаго затвора.
Вотъ двинулся къ собору изъ дворца
Торжественно вѣнчальный поѣздъ пышный;
Раздвинулись народныя толпы
Предъ царственной невѣстою, — и вмигъ
Всѣ головы предъ нею обнажились
И раздались было кой-гдѣ въ народѣ
Привѣтственные клики въ честь ея,
Но замерли застѣнчиво и робко.
И двигался блестящій поѣздъ брачный
По площадямъ и улицамъ Толедо,
Среди толпы и мрачной и безмолвной,
Какъ шествіе печальныхъ похоронъ.
А между тѣмъ день ясный помрачался:
Надъ поѣздомъ по небу подвигалась
Вся черная, какъ траурный покровъ,
И грозная, какъ гнѣвъ небесный, туча
И слышались вдали раскаты грома.
И все сильнѣе слышались они,
И все росла, росла по небу туча
И наконецъ задвинула все небо.
И вотъ, когда достигъ до церкви поѣздъ
И поднялась на паперть инфантина, —

Вдругъ съ яростью завылъ свирѣпый вихрь
И рванулся, взметая пыль, по стогнамъ.
И потряслись со трескомъ и со звономъ
Желѣзные листы церковной кровли,
И молнія змѣею исполинской
Изъ черныхъ тучъ надъ папертью сверкнула, —
И гулъ и трескъ удара громоваго
Какъ бы потрясъ весь храмъ и всю окрестность.
И трепетомъ холоднымъ тотъ ударъ
Отозвался въ груди преступной дѣвы:
Она едва-едва не пошатнулась,
Едва-едва не вскрикнула отъ страха,
Но, въ тотъ же мигъ собою овладѣвъ,
Съ осанкою свободной, величавой
И съ прежнею улыбкой на устахъ,
Вступила въ храмъ, блистая красотою.
Ужъ тамъ стоялъ донъ-Аларкосъ. Ужасенъ
Былъ видъ его; никто бъ не могъ узнать
Въ немъ прежняго красавца молодаго: —
Въ короткій срокъ изсохло, пожелтѣло
И рѣзкими морщинами покрылось
Его лицо, и кудри побѣлѣли
И развились, и впалые глаза
Свѣтилися болѣзненнымъ огнемъ
И, будто бы въ безуміи, блуждали
По сторонамъ. Увидѣвъ инфантину,
Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и невольно,
И ужаса и отвращенья полонъ,
Закрылъ глаза рукой и отшатнулся....
И пробѣжалъ въ толпѣ чуть слышный шопотъ,
И взоры всѣхъ пытливо и тревожно
На жениха съ невѣстой устремились;

Но близъ него стоявшій царедворецъ,
Склонясь къ нему съ холодно-строгимъ видомъ,
Сказалъ ему, для всѣхъ не слышно, что-то;
Тогда, пришедъ въ себя, графъ Аларкосъ
Дрожащею и хладною рукою
Повелъ свою невѣсту къ алтарю.
И вотъ предсталъ, блистая въ облаченьи,
На встрѣчу имъ служитель алтаря,
И раздались подъ сводами собора
Величественно-мощные раскаты
И переливы стройные органа,
И пѣніе согласныхъ голосовъ, —
И начался святой обрядъ вѣнчанья.
Но лишь успѣлъ священникъ произнесть
Призваніе Господней благодати,
Какъ молнія по церкви въ полумракѣ
Пылающимъ потокомъ пролилась, —
И грянулъ громъ. И молнія опять,
Все облила волной дрожащей свѣта,
И снова громъ за молніей ударилъ,
И молнія вновь вспыхнула, и снова
За нею громъ раздался, и за громомъ
Вновь молнія всю церковь осіяла.
И молнія за молніей сверкая,
Въ одинъ потокъ слилася безконечный,
И каждое мгновенье громъ за громомъ
Катился вслѣдъ, и громы всѣ слились
Въ одинъ глухой и непрерывный гулъ.
И заглушилъ ихъ рокотъ звукъ органа,
И пѣніе молитвенное клира,
И возгласы священника. Всѣ въ страхѣ
И трепетѣ чего-то ожидали.

И вотъ, когда священникъ возгласилъ
Послѣднія великія слова, —
И таинство великое свершилось, —
Въ тотъ мигъ какъ бы разверзлись небеса
Изъ края въ край, и цѣлымъ моремъ свѣта
И пламени на землю вдругъ дохнули,
И грянулъ громъ съ такою силой лютой,
Что дрогнулъ весь соборъ до основанья,
И грянули надъ нимъ и загудѣли
Громадные колокола всѣ разомъ.
И обуялъ всѣхъ ужасъ въ то мгновенье:
У всѣхъ глаза закрылися невольно,
И мысль одна у каждаго мелькнула, —
Что часъ его послѣдній наступилъ.
Но грозное мгновенье миновалось, —
И обмерли отъ ужаса всѣ снова:
Графъ Аларкосъ недвижный, бездыханный
Лежалъ у ногъ второй своей жены.

IV.

Въ монастырѣ пустынномъ и смиренномъ
Кончалася въ страданьяхъ и тоскѣ
Монахиня. Съ распятіемъ въ рукахъ
Стоялъ предъ ней монахъ, подвижникъ строгій,
И исповѣдь ея въ молчаньи слушалъ.
— «Святой отецъ! такъ говорила старцу
Монахиня. — Мои грѣхи велики:
Уже три дня и три безсонныхъ ночи

Борюся я въ мученьяхъ нестерпимыхъ
Со смертію; но эти муки легче
Грѣховъ моихъ. Ты ужаснешься, старецъ,
Когда я ихъ открою предъ тобой.
Хоть ты живешь давно вдали отъ міра,
Но шумъ молвы грѣховной, злоязычной,
И въ келію затворника, какъ воздухъ,
Какъ солнца лучъ, врывается сквозь щели, —
Такъ вѣрно ты ужъ слышалъ не однажды
Разсказъ о томъ, какъ смертію внезапной
Скончалася графиня Аларкосъ,
Какъ мужъ ея вѣнчался съ инфантиной
И молніей былъ въ церкви пораженъ,
И какъ король нашъ доблестный и добрый,
Услышавъ вѣсть о смерти Аларкоса,
Отъ горести сошелъ за нимъ въ могилу.
И знаешь ты, что послѣ смерти мужа,
Вдругъ скрылася куда-то инфантина,
И что никто не знаетъ, гдѣ она.
Такъ знай, она теперь передъ тобою!
Ужъ десять лѣтъ какъ со ступеней трона
Я въ эту келью бѣдную сошла,
Чтобъ замолить грѣхи мои предъ Богомъ:
Отецъ святой, ты слышалъ, что народъ
Подозрѣвалъ меня въ убійствѣ тайномъ,
И вѣрно ты народную молву
Счелъ клеветой; такъ знай, что гласъ народа,
На этотъ разъ, былъ вправду Божьимъ гласомъ.
Трепещешь ты! Тебѣ, святому старцу,
И видъ одинъ преступницы ужасенъ;
Но долженъ ты съ терпѣньемъ христіанскимъ
Моихъ страстей и беззаконій повѣсть
Всю выслушать.

Зерномъ всѣхъ преступленій,
Всѣхъ темныхъ дѣлъ моихъ была любовь —
Безумная любовь къ донъ-Аларкосу.
Донъ-Аларкосъ былъ сирота, и съ дѣтства
Былъ взятъ отцомъ моимъ на воспитанье;
Какъ братъ съ сестрой, мы вмѣстѣ съ нимъ росли.
Ужъ съ дѣтскихъ лѣтъ любви къ нему глубокой
Въ моей душѣ зародышъ разростался,
Но ужъ съ тѣхъ поръ слѣпая, злая гордость
Во мнѣ въ борьбу съ любовію вступила.
Донъ-Аларкосъ былъ старѣе меня,
Но я его въ своей держала власти:
Онъ мнѣ во всемъ безъ спору подчинялся....
Меня любилъ онъ горячо и нѣжно;
Но всѣ его сердечные порывы,
Всѣ нѣжныя слова его и взгляды
Встрѣчала я насмѣшкой ядовитой —
Безжалостно ему терзала сердце
Притворною холодностью моей.
Обидно мнѣ, неловко, стыдно было,
По гордости моей неумолимой,
Открыть предъ нимъ любовь мою хоть взглядомъ,
И за нее сама передъ собой
Я въ гордости униженной краснѣла:
Казалось мнѣ постыднымъ униженьемъ
Кому-нибудь всѣмъ сердцемъ покориться.
А между тѣмъ я чувствовала ясно,
Что всей душой моею непреклонной
Покорена навѣки Аларкосу.
О, какъ тогда я жаждала, стремилась
Исторгнуть страсть изъ сердца моего,
Чтобъ чувствовать себя свободной, сильной,

Чтобы царить надъ всѣми безгранично
Своей красой, и властвовать и двигать
Сердцами всѣхъ по прихоти моей!
Ко мнѣ текли толпами женихи,
Но съ гордою холодностью суровой
Я ихъ мольбы отвергла навсегда.
Вотъ наконецъ и скромный Аларкосъ,
Преодолѣвъ застѣнчивость и робость,
Мнѣ предложить рѣшился руку. Долго
Въ моей душѣ съ любовью страстной, жгучей,
Боролася упорно злая гордость.
И гордость верхъ надъ страстью одержала:
Донъ-Аларкосъ отказъ мой получилъ.
Онъ долго былъ въ отчаяньи; однако
Съ своей судьбой онъ какъ-то примирился
И въ бракъ вступилъ съ красавицей извѣстной,
Подругою и сверстницей моей.
Тогда во мнѣ вскипѣли съ новой силой
И поднялись и гордость и любовь:
Онѣ теперь въ борьбу ужъ не вступали,
Но, заключивъ союзъ противъ меня,
Едва совсѣмъ мнѣ разумъ не затмили.
«Онъ могъ ее, ее мнѣ предпочесть,
Твердила я въ какомъ-то изступленьи,
И ревностью и злобою сгарая,
Онъ предпочесть мнѣ смѣлъ кого-нибудь!
Онъ могъ меня забыть для новой страсти!
Онъ могъ снести отказъ мой и не умеръ
Съ отчаянья, и, потерявъ меня,
Утѣшился — женился на другой.»
Средь этихъ мукъ, я наконецъ рѣшилась,
Чтобъ успокоить страждущую гордость,

Во что̀ бъ ни стало вырвать Аларкоса
Изъ сладостныхъ супружескихъ объятій
Соперницы ликующей моей,
И вновь его къ ногамъ моимъ повергнуть.
Вотъ наконецъ мигъ роковой насталъ:
Открылась я въ любви предъ Аларкосомъ,
И въ тотъ же мигъ въ груди его проснулась
И вспыхнула и охватила душу
Насильственно подавленная страсть.
И сталъ молить, сталъ требовать упрямо
Онъ тайнаго свиданія со мной
И въ вѣрности до гроба мнѣ поклялся.
Но не могла рѣшиться долго я
Идти на грѣхъ — на вѣкъ лишиться чести,
А, главное, хотя на мигъ единый
Предъ кѣмъ-нибудь душою преклониться
И показать покорность Аларкосу.
Къ тому жъ тогда такъ было мнѣ отрадно,
Такъ сладостно его томить и мучить
Отказами суровыми моими.
Но наконецъ ему я отдалась, —
И съ той поры, какъ бы по волшебству,
Донъ Аларкосъ внезапно измѣнился:
Онъ охладѣлъ ко мнѣ, онъ избѣгалъ
Свиданія со мной и сталъ онъ мраченъ,
Терзаемый унынiемъ и тоской.
Раскаянье и совѣсти мученья
Смѣнили въ немъ любви преступной пылъ:
Онъ чувствовалъ теперь себя преступнымъ
Предъ доброю и вѣрною женой;
Его душѣ возвышенной и чистой
Казалося противно, ненавистно

Притворствовать всечасно передъ ней —
Ласкать ее, тая въ душѣ измѣну.
И онъ меня покинулъ навсегда;
Но навсегда осталося со мною
Безчестіе; лишь бракомъ съ Аларкосомъ
Могла его отъ свѣта я сокрыть.
Тогда-то я пошла на преступленье
И женщину невинную, святую,
Руками мужа, преданнаго ей,
Ей милаго, безжалостно убила.
Я думала, что этимъ преступленьемъ
Уже совсѣмъ достигла я до цѣли
Всѣхъ тайныхъ думъ и темныхъ ковъ моихъ:
Я думала, что бракъ мой съ Аларкосомъ
Спасетъ меня передъ судомъ людскимъ
Отъ вѣчнаго безславія, — и что же?
Небесный судъ разрушилъ въ мигъ единый
Всѣ замыслы мои: донъ-Аларкосъ
Мнѣ мужемъ былъ всего одно мгновенье,
И смерть его, карающей десницей
Сорвавъ покровъ съ безчестья моего,
Меня на судъ предъ свѣтомъ выставляла....
О, какъ тогда скорбѣла горько я,
Что не меня казнилъ огонь небесный:
Тогда любви моей постыдной тайну
Я унесла бъ съ собой во мракъ могилы...
Отецъ святой, я знаю, какъ ужасенъ,
Какъ черенъ грѣхъ, мнѣ душу тяготящій;
Но десять лѣтъ и день и ночь въ молитвѣ
Смиренно лью я слезы покаянья;
Ужъ десять лѣтъ казню и изнуряю
Я плоть свою: желѣзныя вериги,

Мнѣ истерзавъ изнѣженное тѣло,
Впились въ него, вросли въ него глубоко
И тяжестью своею сокрушили,
Разрушили мнѣ силы молодыя.
Молю тебя, святой отецъ, молю
Мнѣ отпустить мой грѣхъ. Мнѣ страшно, страшно
Съ нимъ умереть, — предстать въ загробный міръ
Здѣсь на землѣ тобою осужденной:
Я вся дрожу, я млѣю, волосъ дыбомъ
Становится на головѣ моей,
Хладѣетъ кровь и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ,
Когда себѣ хотя на мигъ представлю,
Какая казнь за гробомъ — въ жизни вѣчной
Готовится мнѣ за грѣхи мои....
О, отпусти мнѣ ихъ, молю тебя;
Когда въ тебѣ и къ грѣшницѣ есть жалость,
То ты хотя изъ жалости спаси
Несчастную безпомощную душу:
Довольно я и на землѣ страдала.
Скорѣй, скорѣй, молю тебя, простри
Ты надо мной прощающую руку....
Скорѣй, скорѣй, быть-можетъ мигъ послѣдній
Приблизился: мнѣ мнится, что злой ангелъ
Ужъ за душой моей сюда пришелъ
И надъ моимъ склонился изголовьемъ:
Я чувствую, какъ огненнымъ дыханьемъ
Его уста ужъ вѣютъ надо мной....
Еще лишь мигъ, — и онъ уже исхититъ
Мою грѣхомъ опутанную душу!..
Что жъ медлишь ты, святой отецъ?! Спаси,
Спаси меня»!...

И грѣшница, рыдая,
Въ отчаяньи себѣ ломала руки
И съ воплями взывала о прощеньи
Къ духовнику. Но духовникъ сѣдой,
Признаніемъ нежданнымъ потрясенный,
Трепещущій, разгнѣванный и блѣдный,
Предъ грѣшницей великою стоялъ
И, въ ужасѣ глаза потупивъ въ землю,
Молчаніе въ раздумьи хранилъ *).

---

*) Основаніемъ этому стихотворенію послужилъ древній испанскій романсъ изъ сборника народныхъ испанскихъ романсовъ, извѣстнаго подъ именемъ *Romancero*. Французскій переводчикъ и истолкователь этого сборника въ предисловіи къ романсу *Графъ Аларкосъ* старается доказать, посредствомъ историческаго объясненія нравовъ эпохи, что умерщвленіе жены Аларкоса самимъ Аларкосомъ, по повелѣнію короля, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Онъ говоритъ слѣдующее: „Предлагая читателямъ этотъ разсказъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о двойственномъ характерѣ власти, которою пользовались испанскіе короли въ средніе вѣка. Какъ политическіе властители государства, испанскіе короли имѣли только ограниченную власть, противъ которой не разъ возставали сильные вассалы. Но, какъ верховный судья, испанскій король, внѣ своей политической дѣятельности— въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ подданными, обладалъ неслыханно широкими правами: онъ имѣлъ надъ каждымъ изъ своихъ вассаловъ власть почти безграничную, власть, какую имѣлъ въ то время отецъ семейства надъ своими дѣтьми; онъ распоряжался какъ хотѣлъ не только ихъ имуществомъ и ихъ жизнью, но даже ихъ *совѣстью*. Обращаясь къ романсу *Графъ Аларкосъ*, мы просимъ читателей не терять изъ виду нашей замѣтки.» (Romancero espagnol traduction complète par Damas Hinard, tome 2, *Comte Alarcos*).

Замѣчательно, что Лопе де-Вега, сдѣлавъ изъ *Графа Аларкоса* піесу, назвалъ ее «Плачевная *необходимость*.»

II.

ПОКАЯНІЕ.

ПОКАЯНІЕ.

(Посвящено памяти Е. П. А—вой).

I.

Надъ Римомъ и міромъ всевластно царилъ
Державнѣйшій царь Ѳеодосій:
Византію съ Римомъ онъ снова сплотилъ
Въ одномъ безпредѣльномъ колоссѣ.
Онъ царствовалъ мудро. Спокоенъ въ бѣдахъ,
И кротокъ среди совѣщаній,
Онъ былъ неусыпенъ въ державныхъ трудахъ
И страшенъ былъ на полѣ брани.
Онъ поднялъ и властью своей осѣнилъ
Попранные въ прахѣ законы,
И древнюю доблесть, и силу, и пылъ
Вдохнулъ онъ въ свои легіоны,
И мощной рукою одинъ удержалъ
Паденье всемірной державы, —
И ярко и пышно при немъ возсіялъ
Закатъ ея гаснущей славы.

Но труденъ и тягостенъ подвигъ царевъ:
Кто, въ силахъ, подъ бременемъ власти,
Средь распрей гражданскихъ и бранныхъ трудовъ,

Средь хитрыхъ навѣтовъ корыстныхъ льстецовъ,
Бороться съ порывами страсти?

Въ далекой Солуни, средь праздничныхъ дней,
Ватага разгульныхъ и буйныхъ людей
Съ намѣстникомъ въ распрю вступила
И дерзко пошла съ преторьянцами въ бой,
И, въ свалкѣ, начальника стражи градской,
Любимца царя умертвила.
Намѣстникъ солунскій на судъ не призвалъ
Виновныхъ, но въ тайномъ доносѣ
Про бунтъ и убійство въ Миланъ написалъ,
Гдѣ съ царственнымъ домомъ своимъ пребывалъ
И съ сонмомъ вельможъ Θеодосій.
И яростнымъ гнѣвомъ монархъ воспылалъ,
И быстро, въ пылу изступленья,
Отъ гнѣва дрожащей рукой начерталъ
Воинскимъ властямъ повелѣнье —
Чтобъ въ городъ мятежный немедля послать
Трибуна съ отборной дружиной,
Всѣхъ жителей именемъ царскимъ созвать,
И всѣхъ истребить до едина.

II.

Шумитъ и ликуетъ въ Солуни народъ —
Всѣмъ радость повѣдалъ глашатый:
«Царь новыя игры народу даетъ
И всѣхъ безъ изъятья на праздникъ зоветъ:
Всѣ гости — бѣднякъ и богатый.»

Отъ хижинъ убогихъ до гордыхъ палатъ
Ликуетъ весь городъ сердцами:
Одѣлися жены въ свой новый нарядъ,
Украсились дѣвы цвѣтами,
Прервались работы, и тяжбы, и судъ,
Торговая площадь пустѣетъ,
И съ криками дѣти изъ школы бѣгутъ,
И рабъ забываетъ неволю и трудъ,
И старецъ душой молодѣетъ,
И за городъ хлынулъ солунскій народъ,
Подобно отливу морскому,
И, съ шумомъ рванувшись изъ тѣсныхъ воротъ,
Потекъ по пути къ гипподрому.
И зрителей жадныхъ несмѣтной толпой
Наполнилось древнее зданье;
Явился намѣстникъ, знакъ подалъ рукой,
И вмигъ началось средь арены большой
Коней быстроногихъ ристанье.

Помчалися кони, несутся, летятъ,
Мелькаютъ наѣздниковъ лица,
Блеститъ и мелькаетъ ихъ яркій нарядъ,
Роскошныя сбруи блестятъ и звенятъ,
Блестятъ и гремятъ колесницы.
И носятся кони: на гривахъ кипитъ
И брыжжетъ горячая пѣна
И прыгаютъ искры отъ быстрыхъ копытъ,
И мѣрно и глухо подъ ними звучитъ
И стонетъ протяжно арена.
Любуется все въ упоеньи нѣмомъ,
Всѣ взоромъ слѣдятъ за конями,
И въ дѣтскомъ веселіи весь гипподромъ

Слился во едино очами.
Шумятъ одобренья какъ бурный потокъ.
Ристателямъ смѣлымъ заранѣ
Побѣдную пальму, дары иль вѣнокъ
Ужъ вслухъ предрекаютъ граждане,
И судятъ и бьются они объ закладъ
И въ споръ межъ собою вступаютъ,
Чьи рѣзвые кони впередъ долетятъ,
И съ трепетомъ сердца за ними слѣдятъ
И мысленно съ ними летаютъ.

Ужъ кони свершаютъ послѣдній свой кругъ,
И громче грохочетъ арена,
Тревожнѣе бьются сердца всѣхъ.... и вдругъ
Раздалися вопли, оружія стукъ,
И крики: «мы гибнемъ, измѣна!»
Всѣ въ мигъ оглянулись въ испугѣ назадъ:
Всѣ заняты входы войсками,
Врывается въ циркъ за отрядомъ отрядъ,
И путь разсѣкаетъ мечами;
Повсюду смятенье, отчаянный страхъ,
Всѣ съ крикомъ другъ къ другу тѣснятся,
Сверкаетъ оружье, вздымается прахъ,
И плаваютъ трупы въ кровавыхъ волнахъ,
И трупы на трупы валятся.
И тщетны угрозы, рыданья, мольбы,
Безсильны отпоръ и боренье;
Всѣ, старцы и дѣвы, граждане, рабы —
Все — жертва свирѣпаго мщенья.
Напрасно за жизнь драгоцѣнныхъ дѣтей
Несчастныя матери молятъ,
Лобзаютъ колѣна своихъ палачей —

Не слышатъ убійцы ихъ жаркихъ рѣчей,
Все рубятъ и топчутъ, и колютъ.
Скамьи и арена и ложи кругомъ,
И мраморныхъ лѣстницъ уступы,
Балконы, перила и весь гипподромъ
Покрыли кровавые трупы.

Солунь опустѣла, бродили по ней
Лишь хилые старцы въ печали,
Да малыя дѣти своихъ матерей
Напрасно въ слезахъ призывали....

III.

На стогнахъ народъ весь миланскій стоялъ:
Былъ праздникъ великій Успенья,
И царь православный въ сей день пожелалъ
Святое принять причащенье.
И самъ литургію былъ долженъ свершать
Епископъ миланскій Амвросій,
И тайныхъ небесныхъ даровъ благодать
Въ соборѣ отъ мужа святаго принять
Сподобиться мнилъ Ѳеодосій.
Осыпавъ обильно монарху весь путь
Вѣтвями древесъ и цвѣтами,
На царскій торжественный поѣздъ взглянуть
Тѣснились Миланцы толпами.
И ждали всѣ долго въ молчаньи — и вотъ
Вдругъ съ шумомъ народъ встрепенулся:

Отъ царскихъ палатъ до соборныхъ воротъ
Какъ яркая лента торжественный ходъ,
Блестя и вiясь, потянулся.
И стройной громадою, всѣхъ впереди,
Сомкнувшись густыми рядами,
Бряцая доспѣхомъ, блистая въ мѣди,
Прошли легіоны съ орлами;
За ними, красуясь на статныхъ коняхъ,
Попарно въ одеждѣ парчевой,
Всѣ въ златѣ, сребрѣ, въ самоцвѣтныхъ камняхъ,
Сановники, слуги царевы,
И стражи его въ драгоцѣнной бронѣ
Тянулись златой вереницей.
И вотъ вслѣдъ за ними на бѣломъ конѣ
Въ алмазномъ вѣнцѣ, въ багряницѣ,
Какъ ясное солнце за свѣтлой зарей,
Самъ царь наконецъ показался,—
И радостный кликъ, какъ раскатъ громовой,
По волнамъ народнымъ промчался.
И звонъ колокольный сильнѣй зазвучалъ,
Вѣщая царя приближенье,
И въ сонмѣ ереевъ на паперть предсталъ
Епископъ во всемъ облаченьи.
Подъѣхалъ весь поѣздъ къ соборнымъ вратамъ,
Съ коней своихъ всадники сходятъ,
И, вслѣдъ за царемъ, по восточнымъ коврамъ,
На паперть высокую всходятъ.
И царь богомольный, склонившись главой,
Обычаю церкви послушный,
Подходитъ къ владыкѣ съ простертой рукой,
Да знаменьемъ крестнымъ епископъ святой
Его осѣнитъ благодушно.

Но въ ужасѣ быстро предъ нимъ отступилъ
Святитель и, взоромъ сверкая,
«Отыди, убійца, отъ насъ,» возгласилъ:
Ты душу злодѣйствомъ свою осквернилъ,
Какъ Иродъ невинныхъ карая!
И ты дерзновенный помыслилъ предстать
Предъ жертвенникъ храма святаго,
Чтобъ страшныхъ божественныхъ тайнъ воспринять
Средь кроткаго стада Христова.
Какъ примешь ты тѣло честное Христа
Десницей, въ крови орошенной?
Какъ крови Господней коснутся уста,
Изрекшія судъ изступленный?
Я властью мнѣ данной рѣшить и вязать
Отъ церкви тебя отлучаю,
Престану въ молитвахъ тебя поминать
И входъ тебѣ въ храмъ возбраняю.»
— Владыко святой, такъ монархъ возразилъ,
Въ слезахъ и великомъ смущеньи,
И Царь-Псалмопѣвецъ убійство свершилъ,
Но Богъ милосердый его не лишилъ
Святой благодати прощенья.
Епископъ въ отвѣтъ: «Ты умѣлъ подражать
Давиду царю въ злодѣяньи
Умѣй же, какъ онъ, со смиреньемъ принять
Тяжелый вѣнецъ покаянья.
И денно и нощно молитву твори
И въ мысляхъ своихъ и устами.
Покорностью царственный духъ свой смири,
И грѣшное тѣло постомъ изнури,
И сердце очисти слезами!
Тогда-то въ преддверіи церкви святой,

Моля у прохожихъ прощенья,
Измученный, плачущій, блѣдный, босой,
Въ толпѣ аріанъ съ непокрытой главой,
Предстанешь ты здѣсь въ униженьи,
Да въ очью узритъ въ униженьи твоемъ
Народъ твой и съ нимъ всѣ языки,
Что царь всемогущій съ послѣднимъ рабомъ
Равны передъ вѣчнымъ незримымъ судомъ,
Всевышняго міра Владыки.»

Такъ, гнѣвомъ великимъ исполнясь, вѣщалъ
Царю всенародно святитель,
И грознымъ упрекамъ смиренно внималъ
Могучій вселенной властитель.
Потупилъ онъ взоры, поникнулъ челомъ,
И сжалося горестно сердце,
И ужасъ объялъ, какъ предъ страшнымъ судомъ,
Безстрашную грудь самодержца.
Онъ сбросилъ порфиру, снялъ царскій вѣнецъ
И робкой, смиренной стопою
Чрезъ шумные стогны въ свой пышный дворецъ
Побрелъ съ непокрытой главою.

Какъ чудомъ небеснымъ народъ пораженъ,
Молился и плакалъ въ печали,
И въ злобѣ безсильной подъ вопли и стонъ
Межъ тѣмъ царедворцы роптали,
И шумно надменной и дерзкой толпой
Епископа всѣ обступили,
И ссылкой, и казнью, и вѣчной тюрьмой,
И пыткой грозя, говорили:
«Что сдѣлалъ ты, дерзкій безумецъ? Какъ могъ
Царю нанести оскорбленье,

Откуда пришелъ ты нежданный пророкъ,
Кто властью тебя непонятной облекъ
Царямъ изрекать отлученье?
Ты пастырь, служитель простой алтаря,
Онъ вождь нашъ, всѣмъ міромъ избранный.
Тебѣ ли вступаться въ дѣянья царя,
Совѣтникъ, учитель незванный?
Скажи, какъ дерзнулъ ты въ безумствѣ своемъ,
Права преступивъ гражданина,
Предъ войскомъ, народомъ и цѣлымъ дворомъ
Судить и карать властелина?
Что станется съ войскомъ, что скажетъ народъ,
Въ комъ будетъ къ властямъ уваженье,
Когда самъ святитель примѣръ подаетъ
Къ лицу вѣнценосца презрѣнья?
Опомнись, безумный, бѣги ты къ царю,
Моли всенародно прощенья,
Зови неотступно его къ алтарю
И даруй грѣховъ отпущенье.»
— Къ царю не пойду я, епископъ вѣщалъ,
Въ чемъ стану молить я прощенья?
А часъ вожделѣнный еще не насталъ
Съ главы его снять отлученье.
Пускай меня кесарь на плаху пошлетъ,—
По стогнамъ, народомъ кипящимъ,
Пойду со смиреньемъ, — да узритъ народъ
Покорность властямъ предержащимъ.
Но знайте: ни плаха, ни тяжесть цѣпей,
Ни пытки ужасной мученье
Не въ силахъ исторгнуть изъ груди моей
Монарху грѣховъ отпущенье.
Пусть срокъ покаянья и плача пройдетъ,

И тяжкое бремя проклятья
Съ души, обновленной слезами, спадетъ, —
И церковь, какъ матерь, его призоветъ
Въ простертыя нѣжно объятья.

IV.

И срокъ покаянья влачился какъ вѣкъ,
И девять прошло полнолуній
Со дня, какъ властитель во гнѣвѣ изрекъ
Погибель мятежной Солуни.

Былъ праздникъ, но съ скорбью великой въ сердцахъ
Тотъ праздникъ встрѣчали въ Миланѣ,
Съ душой сокрушенной, въ печали, въ слезахъ,
Толпились на стогнахъ граждане.
Съ лицомъ изнуреннымъ суровымъ постомъ,
Босой и полуобнаженный,
Потупивши взоры свои со стыдомъ,
Какъ сынъ расточитель въ отеческій домъ,
Шелъ грозный властитель вселенной
Принесть покаянье предъ храмомъ святымъ,
Смиренья высокаго полный.
И съ плачемъ и воплемъ великимъ за нимъ
Стремились народныя волны.
Слезами и скорбью дѣляся съ толпой,
Какъ съ нѣжной семьею своею,
Дошелъ онъ до церкви и съ жаркой мольбой
Во прахъ распростерся предъ нею,

И въ прахъ вмѣстѣ съ нимъ передъ церковью палъ
Народъ весь, и билъ себя въ перси,
И вслѣдъ за монархомъ къ владыкѣ взывалъ:
«Я грѣшникъ великій, спасенья взалкалъ,
Отверзи мнѣ двери, отверзи!»
И двери отверзлись. Какъ гость неземной,
Святитель изъ храма явился:
Ликъ мужа честнаго любовью святой
И радостью горней свѣтился.
Онъ поднялъ монарха десницей своей
Изъ праха, съ слезой умиленья,
При радостномъ звонѣ миланскихъ церквей
И клира торжественномъ пѣньи.
И тайною силой небесныхъ даровъ
Рабъ Божій монархъ укрѣпился,
И церкви вселенской подъ отческій кровъ
Онъ въ паству Христа возвратился.
И снова, съ главой, осѣненной вѣнцомъ,
При радостномъ кликѣ народномъ,
Бодръ духомъ и сердцемъ и свѣтелъ лицомъ
Потекъ по ликующимъ стогнамъ.

И съ онаго дня архипастырь съ царемъ,
Сдружась неразрывно сердцами,
Дѣлились побратски досугомъ, трудомъ
И думъ величавыхъ плодами.
Епископъ божественнымъ словомъ любви
И силой отеческой власти
Смирялъ у монарха въ кипучей крови
И гнѣва порывы и страсти,
И царь, осѣненъ благодатью святой,
Весь духомъ любви просвѣтился

И въ блескѣ иномъ, съ обновленной душой,
Прекрасенъ онъ міру явился,
И сталъ милосердъ и къ народамъ своимъ
И варваровъ къ полчищамъ дикимъ.
Епископъ былъ церковью признанъ святымъ,
А царь Ѳеодосій судомъ вѣковымъ
Потомства былъ признанъ Великимъ.

19 іюня 1861 г.

III.

САТИРИКЪ.

САТИРИКЪ.

I.

Accusare et amare tempore uno
Ipsi vix fuit Herculi ferendum.
PETRON. SATYRICON.

Среди кровавыхъ смутъ, въ тѣ тягостные годы
Заката грустнаго величья и свободы
Народа Римскаго, когда со всѣхъ сторонъ
Порокъ нахлынулъ къ намъ и онѣмѣлъ законъ,
И поблѣднѣла власть, и зданья вѣковаго
Подъ тяжестію зла шатнулася основа,
И свѣточь истины, средь бурь гражданскихъ бѣдъ,
Уныло догоралъ — родился я на свѣтъ;
Но правда и боязнь порока и разврата
Въ утробѣ матери со мной была зачата.
Съ младенчества во мнѣ квиритовъ древнихъ духъ
Проснулся: дѣтскихъ лѣтъ къ призывамъ былъ я глухъ,
И рѣзвыхъ сверстниковъ не раздѣлялъ забавы,
Но жажда подвиговъ и благородной славы
Смущали съ раннихъ поръ покой души моей.
Достигнувъ возраста кипучихъ юныхъ дней,
Я убѣгалъ пировъ и ласки дѣвъ прекрасныхъ
И взоръ свой отвращалъ отъ взоровъ сладострастныхъ.
Смѣшнымъ казался мнѣ страстей безумныхъ пылъ

Лукавый нѣги гласъ мнѣ непонятенъ былъ, —
И говорилъ душѣ моей краснорѣчивѣй
Саллюстій, правды другъ, иль величавый Ливій.
Въ часы отраднаго безмолвія ночей,
Отъ хартій вѣковыхъ не отводя очей,
Въ преданья древности я думой погружался,
И духомъ праотцевъ мой духъ воспламенялся,
И съ новой ревностью я жаждалъ славныхъ дѣлъ,
И въ яростной враждѣ къ пороку закоснѣлъ.
И ждалъ я съ трепетомъ, когда придетъ мнѣ время
Поднять на рамена народной власти бремя,
Закона узами замкнуть пороку пасть
Иль въ медленной борьбѣ за правду честно пасть, —
И увлеченъ мечтой въ воображеньи юномъ,
Ужъ представлялъ себя безтрепетнымъ трибуномъ
И словомъ громовымъ оледенялъ сенатъ,
Иль мощнымъ цензоромъ карающимъ развратъ,
И грозно обличалъ сановниковъ подкупныхъ
И въ рабство низводилъ ихъ женъ и чадъ преступныхъ.

Такъ юныхъ дней моихъ пронесся быстрый токъ,
И зрѣлыхъ лѣтъ пришелъ давно желанный срокъ,
И въ дни весеннихъ идъ, въ обычной тогѣ бѣлой
Я на площадь предсталъ передъ народомъ смѣло.
Рѣчьми лукавыми народу я не льстилъ,
Ни игръ, ни праздниковъ, ни зрѣлищъ не сулилъ,
И мнилъ я, въ гордости слѣпаго заблужденья,
Что нравовъ чистота средь общаго паденья,
Да имя доброе, да предковъ древній родъ
Права священныя на славу и почетъ
Въ народѣ мнѣ даютъ. Но правда, доблесть, предки,
Въ нашъ вѣкъ не цѣнятся въ народѣ, хоть и рѣдки.

И площадь цѣлая, ругаясь и смѣясь,
Меня отвергнула, — насмѣшки, камни, грязь
И взглядъ ликующій соперника счастливца,
Сосѣдей и друзей сіяющія лица —
Вотъ все, что родина въ награду мнѣ дала
За умъ, любовь къ добру и чистыя дѣла.
Стыдомъ подавленный и злобою стѣсненный
Отъ шумной площади въ свой домъ уединенный
Направилъ быстро я дрожащія стопы,
При грубомъ хохотѣ безчисленной толпы.

И ктожъ, о, боги, былъ мой грозный побѣдитель?
Распутный юноша, безумный расточитель
Отцовъ наслѣдія на играхъ и пирахъ,
Погрязшій въ праздности, порокахъ и долгахъ,
Въ кругу безстыдныхъ дѣвъ и нарситовъ грязныхъ
Проведшій жизнь свою средь оргій безобразныхъ,
До дна для прихоти исчерпавшій порокъ,
Разврата гнусныхъ тайнъ прославленный знатокъ.
Но въ глубинѣ души усталой и холодной,
Безчувственной къ добру и славѣ благородной,
Презрѣнной зависти червь безпокойный жилъ,
И сердце низкое блескъ почестей манилъ.
И къ цѣли хитро шелъ, какъ честолюбецъ жадный,
Безпечный юноша. Вкусъ черни кровожадной,
Звѣриной травлею онъ тѣшилъ безъ конца,—
И имя тѣмъ стяжалъ отечества отца.

И вотъ развратникъ, мотъ и гражданинъ негодный
Избранъ торжественно на площади народной,
И тотъ, кого клеймилъ молвы всеобщій гулъ,
Кто предъ кредиторомъ смиренно выю гнулъ,

На полѣ бранномъ трусъ, нахалъ въ толпѣ разгульной,
Возсѣлъ торжественно на древній стулъ курульный,
И, грозныхъ ликторовъ толпою окруженъ,
Гражданамъ судъ даетъ, сановникамъ законъ,
Съ осанкой гордою, въ сенатѣ предлагаетъ
И взоромъ какъ герой увѣнчанный блистаетъ.

И понялъ я, что тамъ, гдѣ правды лучъ поблекъ,
Гдѣ безразлично все — и доблесть и порокъ,
Гдѣ власть пристанище корысти и разсчета,
Постыдно требовать народнаго почета.
И, льстивыхъ почестей оставя шумный путь,
Въ семейномъ счастіи я думалъ отдохнуть,
И муки гордости глубоко уязвленной
Любовью тихою подруги неизмѣнной,
Предъ скромнымъ очагомъ домашнимъ усыпить,
И участь горькую отчизны позабыть.

И жизнь моя на мигъ роскошно просіяла:
Нашелъ подругу я.... Безвѣстно разцвѣтала
Она подъ властію суроваго отца,
Квиритовъ доблестныхъ прямаго образца,
Вдали отъ шумнаго и суетнаго Рима,
Отъ взора дерзкаго заботливо хранима;
Стыдливой робости и гордости полна,
Самой Лукреціей казалась мнѣ она,
И боги счастіе казалось мнѣ сулили, —
Но счастья нѣтъ въ странѣ, гдѣ рушились и сгнили
Твердыни грозныя законовъ, гдѣ кругомъ
Развратомъ осажденъ, какъ язвой, каждый домъ,
Гдѣ отъ порока нѣтъ ни стражей, ни затворовъ!
Средь общей гибели и я отъ наглыхъ взоровъ

Не въ силахъ былъ сокрыть мой драгоцѣнный кладъ,
И въ сердце нѣжное тлетворный страсти ядъ
Проникъ украдкою, и душу сжегъ.... и вскорѣ
Римъ цѣлый говорилъ вслухъ о моемъ позорѣ.

Я много отъ судьбы ударовъ перенесъ,
Но духомъ не слабѣлъ, не пролилъ капли слезъ,
И взрывъ отчаянья смиряя волей твердой,
Стоялъ я подъ грозой безтрепетно и гордо,
Но новый сей ударъ душѣ смертеленъ былъ,
И перенесть его во мнѣ не стало силъ.
Бѣдой подавленный, безславіемъ покрытый,
Съ душой обманутой и скорбію разбитой,
Униженный стыдомъ, не смѣлъ я глазъ поднять,
Страшась въ очахъ другихъ позоръ свой прочитать,
И гнѣвомъ я дрожалъ безсильнымъ, и впервые
Позналъ отчаянья мученья роковыя.
О, горе тяжкое! Какъ быть? Куда бѣжать?
Какъ жгучее клеймо безчестія сорвать?
Какъ вырвать изъ души воспоминаній жало?
Гдѣ скрыться отъ тоски? Куда главой усталой
Склониться, и душѣ покой и миръ обрѣсть?
Гдѣ счастье? Гдѣ семья? Гдѣ родина и честь?
Все, все утрачено, все чуждо мнѣ!... Ужели
На жизнь я осужденъ безъ славы и безъ цѣли!
Ужель мнѣ ничего въ ней рокъ не сохранилъ?
Ужель не обрѣту въ душѣ я новыхъ силъ, —
И Римскій гражданинъ, какъ рабъ тупой, безгласный
Безсмысленно пройду я жизни путь несчастный?

Нѣтъ! мнѣ оставили святые боги въ даръ
Святаго мщенія неугасимый жаръ,

Громовый, мощный стихъ, рѣчей потокъ сердитый,
И жало тонкое насмѣшки ядовитой.
Вотъ все, что я сберегъ средь бѣдствій и утратъ,
Чѣмъ гордъ и силенъ я, вотъ мой единый кладъ,
Оспорить и отнять его никто не можетъ,
Не сокрушитъ пожаръ и ржавчина не сгложетъ!

Да, знай и трепещи великій, гордый Римъ,
Не все подавлено величіемъ твоимъ,
Не все подкуплено твоимъ всесильнымъ златомъ,
Потоплено въ крови, усыплено развратомъ!
Ты грозенъ и могучъ, прославленъ, вознесенъ,
Ты вождь и судія безчисленныхъ племенъ,
Все гимнъ гремитъ тебѣ;—но льстивый гласъ народный
Не заглушитъ въ сердцахъ гласъ правды благородный,
И легіоны силъ безчисленныхъ твоихъ
Не покорятъ тебѣ мой непреклонный стихъ,
И повѣсть темную всѣхъ дѣлъ твоихъ презрѣнныхъ
Онъ грозно прогремитъ въ потомствахъ отдаленныхъ.

II.

Такъ тяжкой скорбію и злобою томимъ,
Тебѣ я мщеніемъ грозилъ, могучій Римъ,
И слово я сдержалъ, и правды голосъ мочный
Раздался предъ тобой, и нѣги сонъ порочный,
И совѣсть онъ смутилъ въ сердцахъ твоихъ сыновъ,
И злобой отравилъ веселье ихъ пировъ.
И бѣдный гражданинъ, народомъ позабытый.

Я въ бой съ нимъ выступилъ упорный и открытый.
И ненавистенъ всѣмъ, и славенъ, силенъ сталъ, —
И шумный гласъ молвы торжественно призналъ,
Что свыше одаренъ я злой насмѣшки даромъ —
И понялъ я, что въ свѣтъ родился я не даромъ.
Съ тѣхъ поръ всѣ силы я, всю жизнь свою обрекъ
Искать, раскапывать и уличать порокъ;
Съ тѣхъ поръ заботливо, неутомимымъ окомъ,
Какъ за роскошною добычей, за порокомъ
Повсюду слѣдую, ловлю чуть видный слѣдъ,
И взору моему преградъ и тайны нѣтъ:
Ни въ темной улицѣ, ни въ термѣ потаенной,
Ни подъ личиною философа смиренной,
Нигдѣ порокъ и страсть себя не утаятъ,
Повсюду ихъ пронзитъ мой безпощадный взглядъ.
Какъ смѣлый рудокопъ, корыстью увлеченный,
Нисходитъ въ нѣдра горъ за глыбой драгоцѣнной,
Такъ погружаюсь я всей мыслію моей
Въ пучину мрачную пороковъ и страстей.
Сбираю жадно въ ней, какъ перлы дорогіе,
Дѣянья низкія, движенья сердца злыя,
И тайны гнусныя домашнихъ очаговъ,
Лелѣю въ памяти.... И въ часъ ночныхъ трудовъ,
Пергаментъ развернувъ, и мыслію спокойной
Окинувъ золъ людскихъ весь хламъ и сбродъ нестройный,
Я рѣзвой Таліи лукавый слышу гласъ
И Поліимніи огнемъ воспламенясь,
Въ рѣчахъ безжалостныхъ согражданъ обличаю,
И на позорище народу выставляю.

И всюду дверь моей сатирѣ отперта:
Молва передаетъ мой стихъ изъ устъ въ уста,

На рынкахъ, площадяхъ, порой въ сенатѣ самомъ
Всѣ внемлютъ съ жадностью летучимъ эпиграммамъ,
Упрекамъ, остротамъ и жалобамъ моимъ;
Намеки смѣлые, съ весельемъ сердца злымъ
Другъ другу на ухо тихонько повторяютъ,
И озираяся, съ улыбкой называютъ
Всѣ жертвы славныя мои по именамъ.
Слова мои дошли и къ чуждымъ племенамъ,
И изъ конца въ конецъ имперіи великой:
Въ Аѳины пышныя, въ край Галловъ полудикій,
И къ Нильскимъ берегамъ, и всюду за молвой
Чрезъ горы и моря пронесся голосъ мой.

И сердце веселю я мыслію отрадной,
Что словомъ праведнымъ сатиры безпощадной,
Передъ лицомъ толпы я развѣнчалъ порокъ;
Кумиры грозные съ подножія совлекъ;
Что, пробудивъ въ сердцахъ гласъ совѣсти сердитой,
Подлилъ я горечи въ напитокъ сибарита,
И злаго мытаря смутилъ безпечный сонъ,
И ложе мягкое преступныхъ дѣвъ и женъ
Усыпалъ камнями, и терніемъ колючимъ;
Что страшенъ голосъ мой временщикамъ могучимъ,
Что въ неприступные дворцы и термы ихъ
Ворвется силою мой разъяренный стихъ, —
И грозно огласятъ роскошныя палаты
Моихъ гекзаметровъ суровые раскаты.

1857 г.

IV.

КОРОЛЬ РОДРИГО.

КОРОЛЬ РОДРИГО.

(Изъ испанскаго «Romancero»)

I.

Изъ дворца съ толпою рѣзвой
Молодыхъ подругъ веселыхъ
Вышла въ садъ, красой блистая,
Донья Кава молодая,
И подъ сѣнію густою
Виноградниковъ зеленыхъ,
Подъ вѣтвями миртъ и лавровъ
И жасминовъ благовонныхъ
На травѣ въ кружокъ усѣлись
Съ звонкимъ говоромъ и смѣхомъ
Дѣвы-сверстницы, любуясь
Яркой зеленью весенней
И вдыхая ароматы
Разцвѣтающаго сада.
И кружокъ красавицъ тѣсный,
Какъ вѣнокъ изъ розъ и лилій,
На лугу пестрѣлъ зеленомъ.
И сказала донья Кава
Дорогимъ своимъ подругамъ:

«Кто изъ насъ, скажите, доньи,
Всѣхъ прекраснѣе? Рѣшите:
У кого коса всѣхъ гуще,
Грудь пышнѣй, нога стройнѣе,
Кто изъ насъ бѣлѣе тѣломъ,
Выше ростомъ, тоньше станомъ
И походкой величавѣй?
Вотъ возьмите эту ленту —
Пусть она намъ мѣркой будетъ....
Сбросимъ платья, станемъ мѣрить
Ноги, станъ, и грудь, и плечи.»
Шумно, съ хохотомъ веселымъ
Принятъ былъ нежданный вызовъ
Хохотуньи доньи Кавы.
Стали мѣриться подруги,
Стали сравнивать другъ съ дружкой
Тѣла цвѣтъ и нѣжность кожи....
И рѣшили всѣ безъ спора,
Что синьйора донья Кава
Краше всѣхъ подругъ прекрасныхъ:
Любовалися всѣ дѣвы
И ея косой тяжелой,
И лилейной бѣлизною
Плечъ и рукъ, и ножкой стройной,
И воздушнымъ, дивнымъ станомъ.
И не знала донья Кава,
И не думали подруги,
Что затѣи ихъ дѣвичьи
Кто нибудь лукавымъ окомъ
Изъ чащи древесъ подсмотритъ.
Подсмотрѣлъ ихъ жадным окомъ,
Окомъ зоркимъ и лукавымъ,

Подсмотрѣлъ король Родриго,
Властелинъ земли испанской.
Лишь взглянулъ онъ грѣшнымъ взоромъ
На красы невинной Кавы,
Какъ въ крови его и сердцѣ
Вспыхнулъ пламень злой страсти.
Съ той поры ни днемъ, ни ночью
Донъ Родригъ не зналъ покоя:
Жегъ огнемъ ему всю душу
Милый образъ доньи Кавы;
Все съ тѣхъ поръ ему казалось,
Будто онъ повсюду слышитъ
Звонкій смѣхъ ея невинный,
Шелестъ шелковаго платья,
И шаговъ чуть слышный шорохъ;
Всюду видѣлъ онъ, какъ въ грезахъ,
Блескъ очей ея веселыхъ,
Прелесть дѣвственной усмѣшки,
Тонкій станъ, какъ стебель гибкій,
Бѣлизну ноги прекрасной,
Обнаженной, полной — дивной,
И высокой, пышной груди
За прозрачной, тонкой тканью,
Колыханіе и трепетъ.
Истомленъ мученьемъ страсти,
Наконецъ король Родриго
Поддался своимъ желаньямъ.
И призвалъ онъ донью Каву
Въ свой покой уединенный
И сказалъ ей: «слушай, Кава,
Кава, цвѣтъ всѣхъ дѣвъ испанскихъ!
Съ той поры, какъ я увидѣлъ

Блескъ красы твоей волшебной,
Будто съ жизнью я разстался:
Отняла ты жизнь и счастье
У могучаго Родриго!
Сжалься, Кава, надо мною —
Оживи любовью нѣжной
Душу жалкаго страдальца!...
Если жизнь мнѣ возвратишь ты,
То, клянусь тебѣ я честью,
Не пройдетъ одной недѣли,
Какъ великою наградой
Отплачу тебѣ я, Кава,
За единый мигъ блаженства:
На главѣ твоей прекрасной
Возсіяетъ яркимъ блескомъ
Королевская корона, —
И, одѣяна порфирой,
Ты со мной возсядешь рядомъ
На моемъ испанскомъ тронѣ.»
Говорятъ, что донья Кава,
Рѣчь лукавую прослушавъ,
Гнѣвомъ вспыхнула и грозно
Засверкала гордымъ взоромъ;
Но потомъ, когда Родриго
Со смиреньемъ и слезами
Сталъ молить у ней прощенья, —
Гнѣвъ утихъ ея, и взоры
Вновь потупились стыдливо
Предъ могучимъ властелиномъ;
Вслѣдъ за тѣмъ она безмолвно
И задумчиво внимала
Рѣчи вкрадчивой и льстивой....

Наконецъ, поддавшись лести,
Дѣва вѣтренная, Кава
Подняла свои рѣсницы
И зардѣлась вся румянцемъ, —
И невольно взоромъ нѣжнымъ
Посмотрѣла на Родриго....
И молва людская быстро
Разнесла по всей столицѣ
Злую вѣсть, что донья Кава
Честь утратила дѣвичью.

Такъ король женолюбивый
Обольстилъ обманомъ низкимъ
Дочь могучаго вельможи,
Полководца Юліана.

II.

«О презрѣнная, сѣдая,
Старость хилая, больная,
Для чего тяжелой ношей
Ты къ землѣ меня пригнула?!
Для чего души отвага
Мертвымъ сномъ во мнѣ уснула?!
Для чего, о время злое,
Ты мнѣ кровь оледенило;
Для чего рукой нещадной
Силу мышцъ моихъ разбило?!
Ахъ зачѣмъ, старикъ отжившій,

Не могу я въ дряхлой длани
Удержать мой мечъ тяжелый,
Мечъ, прославленный во брани?!
Ахъ, когда бъ былое время,
Еслибъ сила молодая, —
Я помчался бы въ Толеду,
Мщеньемъ яростнымъ сгарая, —
И моимъ булатомъ вѣрнымъ
Я пронзилъ бы въ мигъ единый
Грудь того, кто обезчестилъ,
Поругалъ мои сѣдины:
Я отмстилъ бы донъ Родригу
За обманъ его лукавый,
Я бъ отмстилъ за поруганье
Беззащитной, бѣдной Кавы.
Но ужель во мнѣ напрасно
Сердце жжетъ вражда и злоба,
И позоръ мой безъ отмщенья
Провлачу я вплоть до гроба?!»
Такъ въ далекомъ, мрачномъ замкѣ
На прибрежьи Гибральтара
Восклицалъ, стеня отъ гнѣва,
Юліанъ, отецъ несчастный
Обольщенной доньи Кавы, —
И съ отчаянья и скорби
Рвалъ онъ волосы сѣдые;
То, склонясь на длань главою,
Слезы лилъ, въ тоскѣ безмолвной,
То въ свирѣпомъ изступленьи
Билъ въ лицо себя руками.
«О король, о донъ Родриго,»
Возглашалъ старикъ согбенный,

«О властитель малодушный,
Ты своимъ обманомъ чернымъ
Запятналъ свой санъ высокій!
Ты рѣшился безъ боязни
Обольстить простушку Каву:
Ты расчелъ умомъ коварнымъ,
Что отецъ ея далеко,
Что старикъ онъ хилый, слабый,
И не въ силахъ за обиду
Отомстить мечемъ булатнымъ.
Но ошибся ты, — и скоро
Я воздамъ тебѣ сторицей
За обманъ и поруганье....
Хоть во мнѣ убила старость
Тѣла мощь, но бодръ я духомъ;
Разумъ мой и здравъ, и свѣтелъ,
Какъ въ тѣ дни, когда такъ хитро
Я твоей державной волей
Управлялъ ко благу царства.
Знай же ты, неблагодарный,
Что теперь всѣ силы духа —
Весь свой умъ, всю крѣпость воли
Соберу и напрягу я,
Чтобъ тебѣ придумать мщенье
И клянусь, что мщенье это
Для тебя ужаснѣй будетъ
И удара острой стали,
И тлетворной силы яда,
И терзаній лютой пытки.»

III.

Мракъ ночной объемлетъ землю,
Ходитъ вихрь, крутясь и воя,
Вдоль пустыннаго прибрежья;
Море грозное бушуетъ:
Поднимаются высоко
Злыя волны Гибральтара,
Бьются съ яростью о скалы,
Бьются съ яростью и воемъ,
Плещутъ въ мраморныя стѣны,
Въ стѣны замка вѣкового.
Въ замкѣ томъ по заламъ темнымъ
Бродитъ поступью тревожной
Юліанъ, унылый, мрачный,
Думой тяжкою терзаемъ.
Всѣ давно уснули въ замкѣ,
Лишь не спится Юліану.
Что замыслилъ старецъ грозный?
Отчего онъ въ часъ полночный
Не сомкнулъ очей усталыхъ?...
Бродитъ онъ одинъ во мракѣ,
Темнымъ замысломъ томимый;
Отъ шаговъ его тревожныхъ
Гулъ зловѣщій раздается
По пустымъ высокимъ заламъ.
— «Нѣтъ, я долженъ, я обязанъ
Отомстить за дочь родную,»
Говоритъ онъ самъ съ собою.
«Отомстить, но какъ? Измѣной!

Измѣнить!!... Какое слово!
Какъ звучитъ оно ужасно!
Дикій звукъ!... Могильнымъ хладомъ
Онъ мнѣ въ сердце проникаетъ...,
Измѣнить — сгубить отчизну,
Дать ее на расхищенье
Дикимъ полчищамъ Арабовъ,
Христіанъ предать невѣрнымъ!...
Я ль рѣшусь на это дѣло,
Я — страны родной надежда,
Я, — защитникъ неизмѣнный,
Грозный стражъ земли испанской.
Хоть король мнѣ врагъ отнынѣ,
Но меня великимъ саномъ
Онъ облекъ—я здѣсь намѣстникъ
По его державной волѣ:
Онъ меня поставилъ стражемъ
На краю земли испанской,
Чтобъ слѣдилъ я зоркимъ окомъ
За врагомъ его могучимъ;
Чтобъ стерегъ я неусыпно
Здѣсь — въ твердынѣ неприступной
Входъ въ Испанію родную.
Мнѣ ль рѣшиться на измѣну?!
Мнѣ ль предательской рукою
Отворить врата твердыни
Предъ врагомъ моей отчизны,
Предъ врагомъ Христовой вѣры?!
Нѣтъ? ужасно.... я не въ силахъ
Быть предателемъ....
Но Боже!...
Чѣмъ же мнѣ, какою местью

Смыть съ себя клеймо безчестья?!
Я послѣдній, одинокій
Рода древняго потомокъ.
Мой отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ,
И всѣ предки безъ изъятья
Рядомъ подвиговъ воинскихъ
Озарили вѣчной славой
Наше имя родовое.
Какъ безцѣнное наслѣдство,
Мнѣ досталось это имя
Чистымъ, свѣтлымъ, лучезарнымъ,
Будто камень самоцвѣтный.
И теперь на это имя
Налегло пятно позора!
Ахъ, ужель его оставлю
Я на вѣки запятнаннымъ,
Ахъ, ужель отцу и предкамъ
За священное наслѣдье
Всей стяжанной ими славы
Отплачу я униженьемъ,
Посрамленіемъ ихъ рода.
Этотъ родъ со мной угаснетъ,
И никто по долгу крови,
По святому долгу мщенья,
Честь его не возстановитъ.
Нѣтъ, я долженъ местью страшной
На краю моей могилы,
Предъ лицомъ всего народа
Снять позоръ и поношенье
Съ рода праотцевъ великихъ!...
Но мнѣ тягостно, мнѣ больно,
Страшно мнѣ, глядя въ могилу,

Въ сердцѣ старческомъ лелѣять
Черный замыселъ измѣны!...
Чтожъ избрать, на что рѣшиться
Долженъ я въ сей мигъ ужасный?
Отомстить—предать отчизну,
Иль остаться неотмщеннымъ —
Умереть въ моемъ позорѣ?...
Что избрать?!... О Боже, Боже!...»
Такъ въ борьбѣ съ самимъ собою
Говорилъ отецъ несчастный,
И неровными шагами
Онъ бродилъ по заламъ замка....
Но бѣгутъ часы ночные,
И приходитъ часъ разсвѣта.
Вотъ увидѣлъ мрачный старецъ
Первый слабый лучъ денницы,
Просквозившій изъ за тучи, —
И, какъ будто тать презрѣнный,
Уличенный въ преступленьи,
Задрожалъ.
— «Пора рѣшиться!»...
Вдругъ воскликнулъ онъ. «Свѣтаетъ....
Ждетъ калифъ давно отвѣта:
Близокъ, близокъ срокъ послѣдній!»...
И чуть слышною стопою,
Озираясь боязливо,
Юліанъ идетъ по замку,
И, войдя въ опочивальню,
Тамъ садится предъ лампадой,
И, трепещущій и блѣдный,
Онъ отвѣтъ поспѣшно пишетъ
Къ африканскому калифу,

Повелителю невѣрныхъ.
Совершилось преступленье:
Юліанъ отчизну предалъ.

IV.

И въ Испанію внезапно
Вторглись бурнымъ ураганомъ
Орды грозныя Арабовъ.
И воспрянулъ донъ Родриго
Съ ложа праздности и нѣги,
Пробужденъ грозой нежданной,
И, собравъ свои дружины,
Онъ пошелъ врагамъ на встрѣчу.
Вотъ въ равнинахъ Гвадалетты
Готы съ Маврами сошлися,
И вступили въ бой кровавый.
Восемь дней въ упорной сѣчѣ
Отражалъ король Родриго
Натискъ полчищъ мусульманскихъ,
Ни на шагъ не отступая
Предъ несмѣтной силой вражьей.
И валилися рядами
Подъ мечами стойкихъ Готовъ
Изступленные Арабы.
Но росли и прибывали
Съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ
Ихъ полки. Такъ въ бурномъ морѣ
Вслѣдъ за гнѣвнымъ, грознымъ валомъ,

Объ утесъ скалы разбитымъ,
Новый валъ встаетъ и мчится.
Наконецъ сломили Мавры
Христіанъ; поколебались
Королевскія дружины,
И тогда король Родриго,
Чтобъ возжечь въ нихъ пылъ воинскій
На враговъ одинъ ударилъ,
И готовъ ужъ былъ врубиться
Въ ихъ ряды иль пасть въ сраженьи,
Но жестоко уязвленный
Въ руку правую стрѣлою,
Онъ отъ боли нестерпимой
Уронилъ изъ рукъ поводья
И пустилъ бѣжать по волѣ
Своего коня лихого.
И понесъ его, какъ вихорь,
Вѣрный конь изъ грозной сѣчи,
И промчался съ нимъ далеко
По лѣсамъ, полямъ, болотамъ,
Нивамъ, пашнямъ и оврагамъ;
Но, измученъ быстрымъ бѣгомъ,
Наконецъ скакунъ ретивый
Весь покрытый пылью, пѣной,
Задыхаяся отъ жара,
Прискакалъ къ горѣ высокой
И мгновенно палъ съ разбѣга
Вмѣстѣ съ всадникомъ на землю.
Всталъ съ земли король Родриго
И взошелъ тропинкой узкой
На утесистую гору,
Чтобъ взглянуть съ ея вершины

На равнину Гвадалетты
(Жаждалъ онъ узнать скорѣе
Участь битвы восьмидневной).
И взглянулъ онъ вдаль, и слезы
Полились изъ глазъ потокомъ:
Видитъ онъ — полки Арабовъ
Гонятъ въ волны Гвадалетты,
Какъ оленей робкихъ стадо,
Королевскія дружины;
Гибнутъ, гибнутъ Христіане
Подъ мечемъ враговъ невѣрныхъ,
Гибнутъ въ тяжкихъ истязаньяхъ,
И покрыта ихъ тѣлами
Вся пространная равнина;
Видитъ онъ — пылаютъ села,
Замки пышные и церкви;
Видитъ онъ, какъ мусульмане
Въ плѣнъ влекутъ на поруганье
Христіанскихъ дѣвъ толпами;
Видитъ, видитъ царь несчастный,
Что Испанія погибла:
Погубилъ ее Родриго,
Погубилъ своею страстью,
Страстью низкой и преступной
Къ легковѣрной донье Кавѣ.
— «Будь же проклятъ ты предатель,
Юліанъ, злодѣй отчизны!»
Возгласилъ въ великой скорби
Съ громкимъ плачемъ донъ Родриго:
«Я одинъ, одинъ виновенъ.
Предъ тобой, безумный старецъ;
Я одинъ достоинъ кары

За обманъ и преступленье.
Для чего же покаралъ ты,
Погубилъ своею местью
За вину царя все царство, —
И народъ ни въ чемъ невинный,
Мощный, гордый и свободный
Предалъ въ рабство злымъ пришельцамъ....
Но къ чему на Юліана
Изливать мнѣ гнѣвъ напрасный!
Тщетно я лукавой рѣчью
Усыпить стараюсь совѣсть.
Нѣтъ, ея немолчный шопотъ
Говоритъ мнѣ ясно, внятно:
Ты преступнѣй Юліана.
Онъ пошелъ на злодѣянье
Не изъ прихоти любовной,
Не изъ жажды наслажденья.
Нѣтъ! глубоко пораженный
Милой дочери паденьемъ,
Онъ внезапно обезумѣлъ
Отъ отчаянья, позора
И безсильной жажды мести:
Думалъ онъ въ безумной злобѣ,
Что, свершая преступленье,
Онъ свершаетъ долгъ священный.
Но тебя, тебя, Родриго,
Что влекло на злое дѣло?
Долгъ святой, иль жажда мщенья,
Иль отчаянье слѣпое?
Нѣтъ, лишь новая забава
Для души твоей холодной!
Избалованный властитель,

Нѣгой жизни пресыщенный,
Жаждалъ я, томяся скукой,
Вѣчно новыхъ наслажденій.
Пораженъ красою чистой
Дѣвы съ дѣтскою душою,
Думалъ я, что пламя страсти
Овладѣло мной до гроба.
Но едва мои желанья
Я насытилъ наслажденьемъ,
Какъ опять мертвящій холодъ
Обхватилъ мою всю душу.
И для прихоти минутной
Погубилъ, затмилъ порокомъ
Я младенческую душу
Безпорочнаго созданья.
И Господь меня жестоко
Покаралъ за преступленье:
У меня на вѣкъ онъ отнялъ
И народъ мой, и державу,
И покой, покой душевный!
Обреченъ я вѣчнымъ мукамъ
И за гробомъ, и до гроба:
Неба вѣчное проклятье
Тяготѣетъ надо мною.»

V.

Въ часъ, когда смолкаютъ птицы,
Притаясь въ чащѣ древесной,
И земля безмолвно, чутко

Шуму водъ бѣгущихъ внемлетъ;
Въ часъ, когда луна и звѣзды
Сводъ небесный озаряютъ,
Шелъ въ горахъ король Родриго
Скорбный, мрачный, утомленный,
И куда теперь ни кинетъ
Онъ свой взоръ печальный, робкій —
Всюду совѣстью язвимый,
Зритъ укоръ себѣ жестокій.
Возведетъ ли взоръ на небо
И, объятый страхомъ грознымъ,
Отвращаетъ быстро очи
Отъ разгнѣваннаго неба:
Тамъ надъ нимъ ужъ совершился
Приговоръ неумолимый, —
И его читаетъ ясно
Онъ въ зловѣщихъ сочетаньяхъ
Звѣздъ, сверкающихъ во мракѣ;
Устремитъ ли очи въ землю, —
Въ немъ стѣснится скорбью сердце:
Вспомнитъ онъ, что эту землю,
Землю милую, родную,
Что звалась страной испанской,
Онъ чрезъ свой обманъ позорный
Отдалъ въ рабство мусульманамъ.
Но куда жъ король несчастный
Путь далекій направляетъ?
Что̀ ему осталось въ жизни,
Что̀ онъ ищетъ въ этомъ мірѣ?
И зачѣмъ во мракѣ ночи,
Раной тяжкой изнуренный,
Онъ межъ горъ ущельемъ узкимъ

Въ даль пустынную стремится?
Ужъ давно въ землѣ испанской
Шла молва во всемъ народѣ,
Что на берегѣ пустынномъ
Знойной Африки — въ долинѣ,
Между горъ высокихъ, мрачныхъ
Жилъ отшельникъ престарѣлый.
Съ юныхъ лѣтъ еще покинулъ
Онъ Испанію родную
И въ пустынѣ поселился.
Славенъ жизнію высокой
И суровыми трудами,
Слылъ онъ мужемъ кроткимъ, мудрымъ
И подвижникомъ великимъ.
И къ нему изъ странъ далекихъ
Шли за помощью чудесной
Безнадежные страдальцы:
Онъ молитвами своими
Исцѣлялъ тѣлесъ недуги
И елеемъ утѣшенья
Утолялъ души страданья.
И къ нему-то за совѣтомъ
Шелъ теперь въ горахъ пустынныхъ
Скорбный царственный скиталецъ.
На разсвѣтѣ донъ Родриго
Изъ ущелій тѣсныхъ, темныхъ
Вышелъ къ берегу морскому.
Тамъ ужъ ждалъ его съ полночи
Молодой рыбакъ съ ладьею.
И въ рыбачьей утлой лодкѣ
По равнинѣ водъ бездонныхъ
Поплылъ въ путь король Родриго.

Былъ безоблаченъ и свѣтелъ
Сводъ небесъ; спокойно, тихо
Море синее струилось,
Дулъ слегка попутный вѣтеръ,
И пловцы свой путь отважный
Совершили безопасно.
И король съ любовью братской
Съ бѣднымъ рыбаремъ простился.
Далъ ему на разставаньи
Онъ свой перстень драгоцѣнный,
И — наслѣдье предковъ славныхъ —
Цѣпь тяжелую златую.
И, взглянувъ прощальнымъ взоромъ
На родной, прекрасный сѣверъ,
Вышелъ онъ съ тоскою въ сердцѣ
На пустынный чуждый берегъ.
Десять дней блуждалъ Родриго
По горамъ безвѣстнымъ, мрачнымъ,
Наконецъ тропой чуть видной
Вышелъ въ свѣтлую долину;
Тамъ межъ скалъ, покрытыхъ мохомъ,
Онъ обрѣлъ въ скалѣ пещеру,
Гдѣ спасался одиноко
Отъ суетъ тревожныхъ міра
Сорокъ лѣтъ смиренный старецъ.
И, узрѣвъ передъ собою
Ликъ подвижника святаго,
Пораженъ онъ былъ глубоко
Видомъ кротко-величавымъ
Старца въ рубищѣ убогомъ,
И его всевластнымъ взоромъ,
Взоромъ свыше вдохновеннымъ,

И небесною улыбкой
На устахъ его сіявшей.
И Родриго долго, долго
Передъ нимъ, въ благоговѣньи,
Умиленъ, смущенъ, безмолвенъ,
Предстоялъ съ главой поникшей.
Наконецъ сказалъ онъ старцу:
«Старецъ — праведникъ великій!
На тебя я не дерзаю
Возвести очей смущенныхъ:
Я великій, тяжкій грѣшникъ....
Но не стану предъ тобою
Называть свой грѣхъ ужасный:
Назову тебѣ лишь имя
Я свое, — и ты узнаешь
Въ чемъ я грѣшенъ передъ Богомъ:
Я — развѣнчанный властитель,
Царь безъ царства: я Родриго!»
Но на грѣшника подвижникъ
Съ состраданьемъ и участьемъ
Пбсмотрѣлъ любовно, кротко
И сказалъ ему: «то правда,
Грѣхъ великій совершилъ ты,
Прогнѣвилъ небесъ Владыку;
Но молись, не падай духомъ:
Благъ Всевышній и во гнѣвѣ!
Онъ лица не отвращаетъ
И отъ грѣшниковъ великихъ.»
Слово праведнаго мужа
Заронило лучъ надежды
Въ душу грѣшника-страдальца,
И, поднявъ на старца взоры,

Онъ сказалъ: «блаженный старецъ!
Научи меня, прошу я,
Чѣмъ могу я грѣхъ мой тяжкій
Замолить передъ Всевышнимъ.
Повели какое хочешь,
Мнѣ исполнить послушанье:
Все безропотно исполню,
Лишь бы грѣхъ мой искупился.»
Опустивъ въ молчаньи очи,
Погрузился въ размышленье
Старецъ праведный, и тихо
Въ глубь пещеры удалился;
Тамъ вознесшись въ мысляхъ къ Богу
Предался онъ весь молитвѣ.
И молился добрый старецъ
Съ теплой вѣрой и слезами,
Да ему откроетъ небо,
Чѣмъ, какимъ лишеньемъ тяжкимъ
Или подвигомъ суровымъ
Божій рабъ король Родриго
Искупитъ предъ Богомъ можетъ
Тяжкій грѣхъ, имъ совершенный?
И три дня, три ночи къ ряду
Простоялъ подвижникъ-старецъ
На молитвѣ передъ Богомъ.
И открыто было старцу:
«Если грѣшникъ добровольно
Дастъ себя на растерзанье
Звѣрю хищному, и если
Онъ безропотно, съ терпѣньемъ
Кончитъ жизнь въ мученьяхъ тяжкихъ, —
То ему судомъ небеснымъ

Грѣхъ его отнущенъ будетъ.»
И повѣдалъ добрый старецъ
Королю, въ смущеньи робкомъ,
Что ему открыто было.
И мгновенно донъ Родриго
Просіялъ и ожилъ духомъ,
И въ слезахъ и умиленьи,
Къ небесамъ воздѣлъ онъ руки
И сказалъ: «Всесильный Боже!
Сколь Ты благъ, любви источникъ!—
Самъ мнѣ грѣшнику, злодѣю
Путь къ спасенью указуешь?»
И тогда святой отшельникъ
Отыскалъ въ горахъ пещеру,
Гдѣ скрывался въ жаръ полдневный
Грозный барсъ. Въ пещерѣ этой
Онъ оставилъ донъ Родриго,
И поспѣшно грудой камней
Узкій входъ ея задвинулъ.
Самъ же снова на молитву
Старецъ сталъ: просилъ онъ Бога,
Да даруетъ онъ прощенье
Злополучному Родриго.
И три дня въ молитвѣ жаркой
Онъ провелъ безъ сна и пищи;
На четвертый, на разсвѣтѣ
Возвратился онъ къ пещерѣ,
Гдѣ томился осужденный,
И чрезъ скважину межъ камней
Вопросилъ его: «скажи мнѣ,
Что съ тобой, мой сынъ послушный?
Отзовись на голосъ старца.»

Тихо, голосомъ унылымъ
Отвѣчалъ ему Родриго:
«Горе мнѣ, святой отшельникъ!
Видно я своею жизнью
До конца прогнѣвалъ Бога:
Вкругъ меня съ раскрытой пастью,
И сверкая алчнымъ взоромъ,
Лютый звѣрь, терзаемъ гладомъ,
Ужъ три дня, три ночи бродитъ;
Но моей грѣховной плоти
Прикоснуться онъ не смѣетъ.
Вижу я, что Царь небесный
Мнѣ не хочетъ дать прощенье:
Даже хищный звѣрь голодный
Мной гнушается несчастнымъ;
Мнится мнѣ, что будто чуетъ
Онъ души моей растлѣнной
Весь грѣховный смрадъ, всю скверну!...»
Снова сталъ отшельникъ-старецъ
На молитву; снова три дня
Протекло; опять къ пещерѣ
На четвертый день пришелъ онъ
И къ несчастному Родриго
Вновь съ вопросомъ обратился:
«Государь, повѣдай старцу,
Что̀ послалъ тебѣ Всевышній?
Внялъ ли онъ твоимъ стенаньямъ,
Покаянію и плачу?
Внялъ ли онъ молитвѣ слезной,
Что къ нему я неустанно
Возсылаю днемъ и ночью?»

Отвѣчалъ ему Родриго
Слабымъ голосомъ чуть слышно:
«Слава Вышнему Владыкѣ:
Благъ ко мнѣ и милосердъ Онъ;
Внялъ Онъ плачу покаянья,
Внялъ твоимъ молитвамъ чистымъ, —
И надеждой на прощенье
Падшій духъ мой воскрешаетъ —
Онъ, въ замѣну мукъ загробныхъ,
Мнѣ послалъ земную кару:
Плоть мою уже терзаетъ
Лютый звѣрь: я мучусь, мучусь!...
Но чѣмъ больше я страдаю,
Чѣмъ больнѣе грѣшной плоти,
Тѣмъ душѣ моей отраднѣй:
Мнится мнѣ, что мой мучитель
Вырываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ
Изъ меня мой грѣхъ.... Я стражду,
Но я чувствую, что близокъ
Мой конецъ—конецъ мученьямъ;
Близокъ — чувствую я сердцемъ —
Мигъ прощенія священный!»
Какъ небесному глаголу,
Пританвъ въ груди дыханье,
Королю внималъ пустынникъ.
И, въ избыткѣ чувствъ высокихъ,
Онъ хотѣлъ въ горячемъ словѣ
Все излить передъ страдальцемъ,
Что въ тотъ мигъ на сердцѣ было.
И воскликнулъ онъ въ волненьи:
«Подкрѣпи тебя Всевышній,
Дай тебѣ....» И былъ не въ силахъ

Рѣчь свою окончить старецъ:
Въ немъ стѣснилось вдругъ дыханье,
Запылалъ огнемъ румянца
Ликъ его безкровно-блѣдный,
Оборвался глухо голосъ, —
И по старческимъ ланитамъ
Слезы хлынули ручьями.
Подавивъ въ груди рыданья,
Онъ ушелъ въ свою долину;
Тамъ, бродя межъ скалъ пустынныхъ,
Въ ожиданіи тревожномъ,
Онъ творилъ въ душѣ молитву:
«Боже, дай ему терпѣнье»
(Повторялъ онъ непрестанно)
«Дай ему ты силу духа,
Да безропотно снесетъ онъ
До конца свои страданья!»
На закатѣ дня отшельникъ
Вновь приблизился къ пещерѣ;
Но напрасно вопрошалъ онъ
Заключеннаго; напрасно
Звалъ по имени Родриго.
Безъ отвѣта отдавался
Громкій зовъ его въ пещерѣ —
Все свершилось: ужъ страдалецъ
Въ міръ иной переселился.
И сказалъ тогда подвижникъ,
Полонъ чувствъ неизъяснимыхъ:
«Кончепъ судъ небесъ правдивый:
Грѣшникъ мукой добровольной,
Покаяньемъ и смиреньемъ
Искупилъ свой грѣхъ предъ Богомъ.»

4-го марта 1870 г.

Примѣчаніе.

Въ 711 году по Р. Х. африканскіе Арабы (Мавры) напали на Испанію, которой владѣли въ то время Готы. Готскій король Родриго пошелъ навстрѣчу непріятелю; произошла упорная битва при городѣ Хересъ-де-ла-Фронтера, на берегу рѣки Гвадалетты; Христіане были разбиты,— и магометане овладѣли Испаніей. Но не всѣ Готы покорились власти Мавровъ: храбрѣйшіе изъ нихъ удалились на сѣверъ—въ горныя области Испаніи—Галисію, Астурію и Бискаю, и, въ продолженіи многихъ вѣковъ вели доблестную борьбу съ пришельцами за независимость своего отечества—борьбу, которая кончилась уничтоженіемъ владычества Арабовъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Этотъ героическій періодъ испанской исторіи, ознаменованный рыцарскими подвигами Готовъ, ярко отразился въ длинной вереницѣ *романсовъ*, т. е. произведеній испанской народной поэзіи среднихъ вѣковъ. Собраніе этихъ романсовъ составляетъ книгу, извѣстную подъ названіемъ Romancero. Такъ какъ эти маленькія поэмы заключаютъ въ себѣ по большей части сказанія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ,—то, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, онѣ представляютъ какъ бы поэтическую лѣтопись Испаніи во время борьбы Христіанъ съ Маврами. Лѣтопись эта начинается *романсами о королѣ Родрико.*

Считаемъ нужнымъ извиниться въ одной умышленной неточности, которую мы себѣ позволили въ нашемъ стихотвореніи. Въ немъ повторено нѣсколько разъ названіе *Гибральтара* въ моментъ, предшествующій вторженію Мавровъ въ Испанію, тогда какъ извѣстно, что проливъ, отдѣляющій Европу отъ Африки, сталъ называться Гибральтарскимъ уже послѣ этого событія. Но мы преднамѣренно *прибѣгли* къ этому анахронизму, желая нынѣшнимъ общеизвѣстнымъ названіемъ пролива яснѣе обозначить стратегическое значеніе крѣпости, ввѣренной графу Юліану. (Названіе ея—*Цейта*—малоизвѣстно большинству читателей). Крѣпость эта, находясь на африканскомъ берегу испанскихъ владѣній, была ключемъ къ Испаніи; потому то Юліану и было такъ удобно распорядиться по своему произволу судьбой своего отечества.

V.

СЕМЕЛА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юнона.
Семела, дочь Ѳивскаго царя Кадма.
Зевесъ.
Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ во дворцѣ Кадма.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЮНОНА *(сходитъ съ колесницы, окруженной облаками).*

Пернатые! летите съ колесницей
Къ заоблачнымъ вершинамъ Киѳерона,
И ждите тамъ прихода моего!

(колесница и облака исчезаютъ).

Такъ вотъ тотъ домъ, гдѣ грозный мой Зевесъ
Нашелъ пріютъ для новыхъ беззаконій,
Гдѣ смертное, земное существо,
Рожденная изъ хладной персти дѣва
Оторвала отъ сердца моего
Властителя громовъ, и приковала
Къ своей груди! Несчастная Юнона!...
Оставлена, забыта громовержцемъ
Одна сидишь на тронѣ лучезарномъ,
Окружена величіемъ и блескомъ!
Отъ всей земли къ престолу твоему
Возносятся обильно ѳиміамы,
И день и ночь твои отверсты храмы,
Но ты душой остыла ко всему:

Тебѣ не милъ твой блескъ, твоя порфира,
Ни гордый санъ властительницы міра,
Ни ѳиміамъ народныхъ алтарей
Съ тѣхъ поръ какъ Зевсъ твое оставилъ ложе —
Тебя забылъ, забылъ и для кого же?
Для бреннаго исчадія людей,
Рожденнаго для смерти, слезъ и тлѣнья, —
И твой удѣлъ позоръ и униженье!
Къ тому ль меня назначила судьба?
Ужели я должна, съ смиреннымъ видомъ,
Безмолствовать передъ моимъ Кронидомъ,
Безмолствовать, какъ робкая раба?
Но кто же я? Ужель я не царица?
И не жена властителя громовъ?
Вотще-ль на мнѣ сіяетъ багряница,
Вотще-ли я владычица боговъ?
Я грознаго Сатурна порожденье: —
Снесу ли я покорно свой позоръ?
Могу-ль снести счастливый, гордый взоръ
Совмѣстницы? Нѣтъ мщенье, мщенье, мщенье!
Безумное земное существо!
Ослѣплено тщеславною гордыней,
Ликуешь ты побѣды торжество
Надъ грозною униженной богиней.
Ты мнишь уже, что ей во всемъ равна
(О жалкая и суетная дѣва!),
Но въ пропастяхъ бездоннаго Эрева
Постигнешь ты, кто ты и кто она.
Постигнешь ты, что въ бой пошла неравный
Съ богинею. Самъ Зевсъ міродержавный
Теперь тебя отъ смерти не спасетъ: —
Уже во мнѣ, вздымаясь лавой бурной,

Проснулась кровь свирѣпаго Сатурна
И къ мщенію безжалостно зоветъ.
Она идетъ.... я слышу приближенье
Ея шаговъ.... Пришла минута мщенья....
Иди — твоя судьба ужъ рѣшена —
Мой ядъ готовъ: моею рѣчью льстивой
Я окурю твой умъ славолюбивый,
И дерзкою мечтой ослѣплена,
Забывъ земныхъ существъ несовершенство,
Ты бросишься за призракомъ блаженства,
Доступнаго лишь божествамъ однимъ,
И велика ты будешь на мгновенье, —
И вдругъ падешь добычей разрушенья,
Раздавлена могуществомъ своимъ.

(уходитъ).

СЕМЕЛА *(входитъ).*

Ужъ къ западу склоняться стало солнце.
Сюда, сюда скорѣй младыя дѣвы!...
Усыпьте полъ душистыми цвѣтами
И миртами. Несите ароматы....
Онъ не идетъ.... Ужъ наступаетъ вечеръ....

ЮНОНА *(въ образѣ старухи, кормилицы Семелы).*

Хвала богамъ безсмертнымъ, дочь моя!

СЕМЕЛА.

Героя, ты?... Ужели на яву,
А не во снѣ тебя я снова вижу?!...

ЮНОНА.

Какъ развѣ ты, Семела, позабыла
Кормилицу свою?

СЕМЕЛА.

Ахъ, нѣтъ, Беroя!...
О дай прижать тебя къ груди моей!...
Какъ рада я, что ты еще жива!...
Зачѣмъ ты къ намъ пришла изъ Эпидавра?...
Довольна ли ты жребіемъ своимъ
На родинѣ и любишь ли меня
По прежнему — какъ дочь свою?

ЮНОНА.

Да, прежде
Ты матерью своей меня звала.

СЕМЕЛА.

И буду звать всегда — покуда Лета
Не погрузитъ меня въ своихъ волнахъ.

ЮНОНА.

Беroя скоро въ Лету погрузится,
Но Кадма дочь, Семела, никогда.

СЕМЕЛА.

Ты говоришь загадками Беroя!...
Иль въ старости всѣ говорятъ такъ странно....
Ты, кажется, сказала, будто я
Не погружусь въ струяхъ рѣки забвенья?

ЮНОНА.

Сказала, да! Но для чего, Семела,
Смѣешься ты надъ старостью моей?
Конечно я моими сѣдинами
Сердца боговъ Олимпа не прельщу,
Но ты своей косою золотистой
И божество прельстишь....

СЕМЕЛА.

Прости, Беroя!
Не думала я, право, посмѣяться
Надъ старостью: — я тоже постарѣю:...
Но что ты мнѣ сказала про боговъ?
Я не могла разслышать....

ЮНОНА.

Про боговъ?...
Да, кажется, сказала я, что боги
Нисходятъ къ намъ: ихъ могутъ видѣть люди...
И, можетъ быть, ты видишь ихъ, Семела.

СЕМЕЛА.

Ахъ, какъ ты зла!... Но разскажи же мнѣ,
Зачѣмъ ты къ намъ пришла изъ Эпидавра?
Не потому ль, что вижу я боговъ?

ЮНОНА.

Да, потому, клянусь тебѣ Зевесомъ!...
Но что же ты вся вспыхнула, Семела,
При имени Зевеса? Повторяю,
Пришла искать я помощи боговъ.
У насъ чума: весь Эпидавръ въ волненьи;
Тамъ каждое дыханье смертоносно, —
И всѣ бѣгутъ со страхомъ другъ отъ друга;
Мать своего ребенка сожигаетъ,
Женихъ несетъ невѣсту на костеръ;
Отъ зарева пылающихъ костровъ
И по ночамъ у насъ свѣтло, какъ въ полдень;
Повсюду плачъ и вопли раздаются.
Вотще жрецы колѣна преклоняютъ
Предъ алтаремъ Кроніона; вотще
Струится кровь отъ жертвоприношеній:
Неумолимъ разгнѣванный Зевесъ.
И вотъ народъ сказалъ: «Пускай Беroя
Идетъ просить Семелу: вѣдь она
Кормилица Семелы, — и царевна
Все сдѣлаетъ для ней, а для царевны
Все сдѣлаетъ Зевесъ.» Такъ мнѣ сказали, —
И я пришла къ тебѣ, хоть и не знаю,
Съ чего народъ у насъ воображаетъ,
Что для тебя все сдѣлаетъ Зевесъ.

СЕМЕЛА *(съ живостью)*.

Чумы не будетъ завтра въ Эпидаврѣ!...
Нѣтъ, нынче же!... Меня Кроніонъ любитъ:
Чума пройдетъ мгновенно....

ЮНОНА.

А! такъ правда
Все, что молва народная разноситъ
По Греціи отъ Гемоса до Иды:
Ты овладѣла сердцемъ громовержца!
Къ тебѣ во всемъ величьи онъ нисходитъ —
Въ сіяніи, съ перунами въ десницѣ,
Какъ зрятъ его лишь боги на Олимпѣ,
Какъ зритъ его Юнона, дочь Сатурна!

СЕМЕЛА.

Онъ юношей является ко мнѣ....
Прекрасенъ онъ, какъ первый лучъ Авроры,
Какъ Гесперъ, вѣющій благоуханьемъ травъ;
Величіемъ его блистаютъ взоры —
Сознаніемъ его державныхъ правъ,
А рѣчь его звучитъ, какъ будто струны
Согласныхъ арфъ, какъ льющійся кристалъ....

ЮНОНА.

Но были ли въ рукѣ его перуны —
Онъ съ молніей передъ тобой предсталъ?

СЕМЕЛА.

Нѣтъ, не было громовъ въ его десницѣ,
Безъ молніи предсталъ онъ предо мной;
Но кто бъ не могъ узнать въ немъ Олимпійца
Онъ красотой блистаетъ неземной.

ЮНОНА.

Ахъ, дочь моя! Любви очарованье
Намъ иногда обманываетъ зрѣнье,
И часто тотъ, кого мы страстно любимъ,
Намъ кажется созданьемъ неземнымъ.
Къ тому же мы встрѣчаемъ иногда
Здѣсь на землѣ людей богоподобныхъ
По красотѣ. Изъ нихъ вѣдь каждый можетъ
Намъ божествомъ Олимпа показаться, —
И насъ плѣнить. Но лишь одинъ Зевесъ —
Лишь царь боговъ рукой своей могучей,
По прихоти державной, гонитъ тучи
И мечетъ громъ и молнію съ небесъ.
О если бъ онъ, во всей красѣ державной
Представъ тебѣ, повергъ къ твоимъ ногамъ
Небесный громъ: — тогда-бъ ты стала равной
Могуществомъ и славою богамъ!

СЕМЕЛА.

Съ нимъ не было громовъ я повторяю....
И что мнѣ въ нихъ? И безъ громовъ и молній
Онъ для меня былъ выше всѣхъ существъ.
Вѣдь я не дочь Сатурна!...

ЮНОНА.

А! Семела
Ужъ начала завидовать Юнонѣ.

СЕМЕЛА.

О нѣтъ, клянусь Зевёсомъ!

ЮНОНА.

Ты клянешься?

СЕМЕЛА.

Да я клянусь, клянусь моимъ Зевесомъ.

ЮНОНА.

Клянешься ты, несчастная?..

СЕМЕЛА *(съ безпокойствомъ)*

За что же
Ты сердишься?

ЮНОНА.

Ты повторяешь имя,
Которое на вѣкъ тебя сгубило....
То былъ не Зевсъ!

СЕМЕЛА.

Не Зевсъ!!... Ты лжешь!... О, ужасъ!...

ЮНОНА.

Какой нибудь Аѳинянинъ лукавый
Пришелъ къ тебѣ, назвалъ себя Зевёсомъ,
И, обманувъ неопытность твою,
Лишилъ тебя всего: стыда и чести.

(Семела падаетъ)

Ты падаешь!... О не вставай во вѣки!...
Пусть вѣчный мракъ твои покроетъ очи,
Пусть вкругъ тебя могильное молчанье
Вѣкъ царствуетъ!... Лежи бездушной глыбой,
Не чувствуя позора своего!
О боги! какъ жестоки вы къ Бероѣ:
Шестнадцать лѣтъ, шестнадцать скорбныхъ лѣтъ
Въ разлукѣ я была съ моей Семелой.
И вотъ насталъ блаженный день свиданья,...
И что жъ? Она лежитъ передо мной
Убитая позоромъ! Боги, боги!
Я шла сюда съ надеждой и весельемъ,
Съ отчаяньемъ отсюда я пойду....
Пускай чума пожретъ весь Эпидавръ,
Всю Грецію: — не защититъ Семела
Родныхъ племенъ отъ гнѣва Олимпійца!
О, какъ мы всѣ обмануты жестоко —
Семела, я и съ нами вся Эллада!

СЕМЕЛА. *(встаетъ блѣдная и дрожащая и простираетъ руки къ Юнонѣ)*

Что дѣлать мнѣ Бероя!?...

ЮНОНА.

Успокойся,
Дитя мое!... Приди въ себя.... быть можетъ,
То былъ Зевесъ, хотя оно и странно.

Вѣдь мы должны навѣрное узнать,
Кто онъ такой. И если онъ Зевесъ,
То пусть тебѣ докажетъ это ясно,
А если онъ обманщикъ, то пускай
Его казнитъ народъ за преступленье.
Вотъ видишь, какъ я о тебѣ забочусь,
Дитя мое. Скажи же мнѣ, Семела,
Согласна ли ты испытать его?

СЕМЕЛА.

Нѣтъ, нѣтъ!

ЮНОНА.

Ахъ! дочь моя, но развѣ лучше
Сомнѣніемъ томиться цѣлый вѣкъ?
Вѣдь можетъ быть, то вправду былъ Зевесъ.

СЕМЕЛА *(пряча голову на груди Юноны)*

О нѣтъ, то былъ не онъ!

ЮНОНА.

Кто это знаетъ!...
Но испытавъ его уловкой хитрой,
Могла бы ты всю истину узнать.
Ужели ты раскаешься, Семела,
Когда Зевесъ предстанетъ предъ тобой
Во всемъ своемъ величіи державномъ,
Какъ будто бы передъ самой Юноной?

СЕМЕЛА *(съ живостью)*

Да, да, пускай откроется онъ мнѣ!...

ЮНОНА.

Такъ слушай же, Семела, ты должна
Держать себя съ нимъ холодно и строго,
Пока тебѣ онъ явно не докажетъ,
Что онъ Зевесъ. — Когда ты ждешь его?

СЕМЕЛА.

Онъ обѣщалъ придти ко мнѣ сегодня,
До захожденья солнца....

ЮНОНА *(забывшись вспыльчиво)*.

Какъ?! Сегодня
Къ тебѣ опять придти онъ обѣщалъ!

(пришедъ въ себя)

Пускай придетъ! Когда жъ въ порывѣ страсти,
Онъ бросится къ тебѣ, горя желаньемъ
Тебя обнять, — ты отскочи въ испугѣ,
Какъ будто вдругъ ступила на змѣю;
Онъ предъ тобой отступитъ въ изумленьи.
Когда жъ опять, блистая страстнымъ взоромъ,
Съ объятьями онъ кинется къ тебѣ,
Ты примешь видъ невозмутимо строгій,
И ледянымъ, сурово-мрачнымъ взглядомъ

Ты отразишь порывъ любви кипучей.
Чѣмъ холоднѣй, чѣмъ ты суровѣй будешь,
Тѣмъ будетъ въ немъ сильнѣе разгораться
Огонь любви. Ты помни, что любовь
Есть яростный потокъ неукротимый,
А красота холодная — плотина:
Чѣмъ болѣе поставишь ты преградъ
Потоку, тѣмъ свирѣпѣй и сильнѣй,
Тѣмъ яростнѣй стремиться будетъ онъ,
Чтобы сорвать съ пути твои преграды.
Такъ хладною суровостью своей
Ты подстрекай въ Зевесѣ пылъ любовный.
Потомъ должна ты новою уловкой
Еще сильнѣй въ немъ чувства взволновать.
Должна ты вдругъ придти въ негодованье,
Упреками въ немъ сердце уязвить,
И наконецъ заплакать передъ нимъ.
А твой Зевесъ — безстрашно и спокойно
Онъ полчища гигантовъ поборалъ,
Онъ могъ взирать съ улыбкой равнодушной
Какъ яростный Тифей, отецъ Горгоны —
Сей исполинъ стоглавый и сторукій —
Громады горъ бросалъ къ его престолу,
Но женскихъ слезъ, слезъ кроткой красоты
Не въ силахъ онъ снести, — и радъ все сдѣлать,
Чтобъ не видать страданій и тоски
Прекраснаго и слабаго созданья.
И вотъ къ нему приступишь ты съ мольбой,
Чтобы тебѣ заранѣе онъ поклялся
Исполнить все, что ты ни попросишь.
Настаивай и требуй непремѣнно,
Чтобъ Стиксомъ онъ поклялся — не иначе.

А ежели онъ Стиксомъ поклянется, —
Не властенъ онъ назадъ свое взять слово.
И ты тогда потребуй отъ него,
Чтобъ предъ тобой предсталъ онъ въ томъ убранствѣ,
Въ какомъ его лишь видятъ на Олимпѣ,
Въ какомъ его Юнона созерцаетъ.
Скажи ему, что этимъ только можетъ
Онъ доказать свой санъ міродержавный,
А что пока ты ясно не увидишь,
Что онъ Зевесъ, — ему ты не позволишь
И край одеждъ твоихъ поцѣловать.
Ты не страшись, когда тебѣ онъ скажетъ,
Что не снесешь ты молній и громовъ,
Которые вокругъ него витаютъ.
Настаивай и требуй, и когда
Послушаетъ тебя онъ наконецъ, —
То и сама державная Юнона
Завидовать моей Семелѣ станетъ.

СЕМЕЛА.

Я не люблю спѣсивую Юнону.
Противная — съ бычачьими глазами!...
Мнѣ говорилъ Зевесъ, какъ онъ страдаетъ
Отъ ревности ея....

ЮНОНА *(въ сторону съ гнѣвомъ)*

О, червь презрѣнный!
Я раздавлю тебя!!... Ты смѣешь....

СЕМЕЛА.

Что?
Что шепчешь ты?

ЮНОНА *(въ замѣшательствѣ)*

Вступаюсь за Юнону....
Вѣдь у нея глаза совсѣмъ не дурны....

СЕМЕЛА.

Противные, противные глаза!...
И цвѣтъ лица у ней зелено-желтый
Отъ ревности... Мнѣ право жаль Зевеса,
Когда себѣ представлю, какъ Юнона
Всю ночь къ нему съ любовью пристаетъ
И ревностью терзаетъ цѣлый день, —
И мой Зевесъ, какъ будто Аксіонъ
На колесѣ....

ЮНОНА *(внѣ себя отъ гнѣва)*

Но замолчишь ли ты!

СЕМЕЛА.

Ты сердишься, Беroя! Развѣ я
Сказала ложь или такую глупость,
Что привела тебя въ негодованье?

ЮНОНА.

Сказала ты неправду, дочь моя,
И не умно неправду ты сказала.
Не забывай надъ кѣмъ смѣешься ты —
Надъ дочерью Сатурна — надъ богиней:

У ней вѣдь есть и алтари и храмы;
Къ тому-жъ она, на землю нисходя,
Между людей является незримо:
Твои слова она услышать можетъ, —
И ты за нихъ потерпишь наказанье.

СЕМЕЛА.

Чтожъ? Пусть она слова мои услышитъ!
Я не боюсь Юноны: мой Зевесъ
Сильнѣй ея — она ему подвластна,
И не дерзнетъ вредить его Семелѣ.
Но стоитъ ли о ней такъ долго спорить?...
Сегодня Зевсъ предстанетъ предо мной
Во всей своей божественной красѣ —
Въ сіяньи Олимпійскомъ, а Юнона
Пускай хоть въ адъ отправится....

ЮНОНА *(въ сторону)*

Другая
Скорѣй ея туда отыщетъ путь.

(къ Семелѣ)

Да, дочь моя, она умретъ со злости,
Когда тебя увидитъ на Олимпѣ
Среди боговъ, когда по всей Элладѣ
Промчится слухъ, что Ѳивская царевна
Возведена Зевесомъ на Олимпъ....

СЕМЕЛА *(улыбаясь)*

Ты думаешь, что будто вся Эллада....

ЮНОНА.

Отъ Аттики до Тира и Сидона
Изъ рода въ родъ прославлена ты будешь!
И алтари воздвигнутся тебѣ,
И съ трепетомъ преклонятся предъ ними
Всѣ племена Эллады. Сами боги
Падутъ къ стопамъ избранницы Кронида,
Когда взойдешь ты на Олимпъ....

СЕМЕЛА *(въ восторгѣ бросаясь къ ней на грудь)*

Бероя!

ЮНОНА.

О дочь моя, въ грядущихъ поколѣньяхъ
Ты будешь жить въ преданьяхъ, въ пѣснопѣньяхъ:
Въ народныхъ торжествахъ пѣвцы, подъ звуки лиръ,
Повѣдаютъ Элладѣ изумленной,
Какъ царь боговъ, земной красой плѣненный,
Забывъ свой тронъ и весь надзвѣздный міръ,
Олимпа покидалъ священные предѣлы,
Чтобъ пасть съ мольбой къ ногамъ моей Семелы.

СЕМЕЛА.

О, еслибъ онъ опять ко мнѣ пришелъ!...

ЮНОНА.

Въ годину бѣдъ народныхъ ты услышишь
Мольбы жрецовъ, народовъ и царей,

Взывающихъ къ избранницѣ Зевеса,
Да утишитъ она своей любовью
Гнѣвъ яростный его, и да удержитъ
Карающую руку....

СЕМЕЛА.

О клянусь,
Не будетъ онъ карать свои народы —
Я изгоню, повѣрь мнѣ, всякій гнѣвъ
Изъ сердца мнѣ покорнаго Зевеса:
Лишь на лицѣ открытомъ я замѣчу
Суровыхъ думъ иль гнѣва приближенье,
Или хоть тѣнь досады, недовольства, —
То ласками моими или смѣхомъ,
Иль шуткою, иль пѣсней и разсказомъ
Разглажу на челѣ его морщины
И возвращу улыбку на уста.
А ежели ни ласки, ни лобзанья
Не утишатъ его сердечной бури, —
И занесетъ онъ грозную десницу,
Чтобъ ниспослать на землю скорбь иль смерть, —
Я брошусь на колѣни передъ нимъ
И орошу горячими слезами
Его стопы, — и вымолю прощенье
Я племени несчастному людскому.
О, никогда и въ блескѣ и величьи—
Въ семьѣ боговъ, на высотахъ Олимпа
Я Матери-Земли не позабуду —
Я не забуду скорбной сей юдоли,
Гдѣ родилась, гдѣ воспиталась я,
Я не забуду племени людскаго,

Рожденнаго для горькихъ нуждъ и бѣдствій: —
Я умолю Зевеса, чтобы онъ
Согналъ съ лица земли страданье, горе,
Болѣзни и раздоры, и содѣлалъ
Весь родъ людской счастливымъ!

ЮНОНА. *(въ сторону)*

Вотъ мечтанья
Ребенка добраго! Мнѣ жаль тебя;
Мнѣ жаль тебя, прекрасное дитя,
Но рѣшено, — и ты должна погибнуть, —
И подавить въ себѣ должна я жалость!

(къ Семелѣ)

Иди теперь отсюда — пусть Зевесъ
Здѣсь ждетъ тебя — пускай отъ ожиданья
Сильнѣе въ немъ жаръ страсти разгорится!

СЕМЕЛА.

О, еслибъ онъ пришелъ ко мнѣ скорѣй!
Героя!... Я ужъ вижу предъ собою
Толпы людей, склонившихся съ мольбою....
Вотъ сонмъ жрецовъ!... Вотъ сонмъ земныхъ царей, —
Всѣ пали ницъ... Я слышу пѣснопѣнье,
Я вижу ѳиміамъ.... и жертвоприношенья
На мраморѣ и златѣ алтарей!

(быстро уходитъ)

ЮНОНА.

Тщеславное и слабое созданье!...
Сама идешь ты къ гибели своей:
Тебя сожгутъ Кроніона лобзанья,
Ты не снесешь лица его сіянья,
Ты не снесешь огня его очей!
А я, когда настанетъ мигъ желанный —
Тотъ мигъ, когда трупъ цѣвы бездыханный
Падетъ къ ногамъ властителя міровъ,
И онъ въ тоскѣ душевной ярой муки,
Въ отчаяньи надъ нимъ опуститъ руки, —
Я съ торжествомъ воскликну съ облаковъ:
«О пылкій Зевсъ! Смиряй свой пламень страстный,
Щади своихъ любимицъ молодыхъ!...
Ты погубилъ земной цвѣтокъ прекрасный —
Ты сжегъ его дыханьемъ устъ своихъ!»

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зевесъ *(въ видѣ юноши)*, Меркурій *(поодаль отъ него)*.

ЗЕВЕСЪ.

Сынъ Майи!

МЕРКУРІЙ.

Зевсъ!

ЗЕВЕСЪ.

Направь полетъ свой быстрый
На берега Скамандра: тамъ пастухъ
Надъ урною своей подруги плачетъ;
Никто не долженъ плакать въ тѣ мгновенья,
Когда любви блаженство я вкушаю, —
Такъ возврати его подругу къ жизни!

МЕРКУРІЙ.

Въ единый мигъ твою исполню волю,
Въ единый мигъ назадъ я возвращусь!

ЗЕВЕСЪ.

Постой!... Когда я несся надъ Аргосомъ,
То чувствовалъ куренье ѳиміамовъ,
Возженныхъ мнѣ на алтаряхъ народныхъ —

Я тронутъ былъ народною любовью....
Лети — скажи сестрѣ моей Цереръ,
Чтобы она умножила въ Аргосѣ
Въ сто тысячъ разъ — отнынѣ на полвѣка —
Плоды земли.

МЕРКУРІЙ.

Я трепещу Кроніонъ,
Когда лечу, чтобы повѣдать людямъ
Твой грозный гнѣвъ; но я ликую сердцемъ
Когда твои щедроты имъ несу:
Творить добро — блаженство для боговъ;
Карать, казнить — ихъ власти злое бремя.
Но гдѣ, скажи, я предъ тобой повергну
Твоихъ щедротъ священные плоды —
Гдѣ принесу сердецъ благодаренье —
Здѣсь на землѣ людей въ жилищѣ бренномъ,
Иль въ небесахъ въ обители боговъ?

ЗЕВЕСЪ.

Здѣсь на землѣ въ божественномъ жилищѣ —
Здѣсь на землѣ передъ моей Семелой!
Лети скорѣй!

(*Меркурій удаляется*)

Но гдѣ жъ моя Семела?
Чтожъ не спѣшитъ она ко мнѣ на встрѣчу,
Чтобы прижать къ пылающей груди
Царя боговъ? Семела, гдѣ же ты?
Откликнись мнѣ!... Могильное молчанье
Въ ея дворцѣ!... Здѣсь раздавался прежде

Кликъ радости и страсти и восторга,
Лишь въ храмину вступалъ я.... А теперь
И шопоту не слышно — все затихло,
Все замерло.... и не идетъ Семела
Въ объятія къ Зевесу своему, —
И въ облакахъ на выси Киѳерона
Ревнивая Юнона торжествуетъ.

(Задумывается)

Все нѣтъ ея!... Но что же сталось съ ней?...
Ужъ сердце мнѣ предчувствіе тревожитъ....
Какая мысль!... Ужели дочь Сатурна
Успѣла здѣсь свои закинуть сѣти?!...
Ужасное предчувствіе!... Юнона!...
Жестокая!... Ужель она дерзнула
Въ святилище любви моей проникнуть?...
Но что со мной?! Чего страшуся я!?
Кто повредить отважится Семелѣ?
Она моя,—и ни одна стихія
Ея главы коснуться не дерзнетъ.
Но нѣтъ ея!
Меня томитъ желанье
Здѣсь на груди Семелы успокоить
Мою главу — усталую главу —
Усталую отъ власти и величья —
Забыть, что я всевластный міродержецъ,
Отбросить скиптръ, вращающій мірами,
Забыть Олимпъ, и тронъ, и колесницу,
И въ облакахъ гремящіе перуны, —
И потопить всѣ чувства въ наслажденьи.
Нѣтъ, и богамъ нѣтъ счастья безъ любви!...

Что̀ безъ любви амброзія и нектаръ,
Что̀ безъ нея и блескъ, и власть, и слава,
Что̀ безъ нея безсмертіе и вѣчность?
Простой пастухъ, когда любви блаженство
Вкушаетъ онъ въ объятіяхъ подруги,
Ее на власть мою не промѣняетъ.
Но вотъ она!... Она идетъ ко мнѣ...
О перлъ моихъ созданій!... Самъ художникъ
Предъ дѣломъ рукъ своихъ благоговѣетъ!
Благоговѣй Семела предъ Зевесомъ —
Достоинъ онъ, достоинъ поклоненья:
Онъ сотворилъ твой образъ совершенный.
О, какъ теперь ничтожны и презрѣнны
Мнѣ кажутся міровъ моихъ громады,
Плывущія въ пространствѣ безпредѣльномъ!
О, какъ они всѣ холодны, мертвы,
Предъ существомъ, душою одареннымъ!

(Входитъ Семела)

Мой тронъ, мое величіе — все прахъ —
Все прахъ, моя Семела!

*(Устремляется къ ней на встрѣчу;
она бѣжитъ отъ него)*

Что съ тобой?
Ты отъ меня бѣжишь, бѣжишь, Семела,
Безмолвна и мрачна. Скажи хоть слово!

СЕМЕЛА.

Прочь отъ меня!...

ЗЕВЕСЪ.

Не сонъ ли вижу я?
Иль рушились законы міровые —
Не узнаю Семелы я моей:
Она меня встрѣчаетъ какъ врага,
И прочь бѣжитъ въ ту самую минуту,
Когда я къ ней объятья простираю....
Опять молчишь!... О, вымолви хоть слово!...
Нѣтъ, никогда такой могучей страстью
Въ моей груди не волновалось сердце,
Когда я ждалъ прихода нѣжной Леды,
Нѣтъ, никогда въ объятіяхъ Данаи,
Иль дочери стыдливой Агенора
Не билося оно съ такою силой,
Какъ въ этотъ мигъ!

СЕМЕЛА.

Молчи, молчи, преступникъ!

ЗЕВЕСЪ *(съ нѣжностью)*.

Семела!

СЕМЕЛА.

Прочь! Иди, бѣги отсюда.

ЗЕВЕСЪ.

Но вспомни — я Зевесъ!

СЕМЕЛА.

Какъ? ты, Зевесъ?
И ты дерзнулъ назвать себя Зевесомъ!...
О трепещи! Жди праведнаго гнѣва
Царя боговъ: онъ голосомъ громовымъ
Потребуетъ себѣ назадъ то имя,
Которое такъ нагло ты похитилъ....
Ты не Зевесъ!

ЗЕВЕСЪ.

Весь свѣтъ, все мірозданье: —
Весь сонмъ боговъ и звѣзды всѣ, и солнце
Меня зовутъ Зевсомъ міродержцемъ.

СЕМЕЛА

Твои слова лишь небо оскорбляютъ.

ЗЕВЕСЪ.

Но разскажи, Семела, что съ тобой?
Кто отравилъ любовь твою сомнѣньемъ?

СЕМЕЛА.

Моя любовь принадлежитъ тому,
Чьимъ именемъ себя ты возвеличилъ
Передо мной. Но развѣ я не знаю,
Что люди подъ личиною боговъ
Насъ бѣдныхъ дѣвъ такъ часто обольщали!
Ты не Зевесъ, — иди же отъ меня!

ЗЕВЕСЪ.

Ужели ты, Семела, усомнилась,
Что я Зевесъ?!

СЕМЕЛА.

О, еслибъ ты былъ онъ!..
Я никому изъ смертныхъ не позволю
Къ моимъ устамъ устами прикоснуться:
Любить могу я одного Зевеса.
О, отчего ты не Зевесъ!

ЗЕВЕСЪ.

Ты плачешь!
Ты слезы льешь, Семела, по Зевесѣ,
Когда онъ въ прахъ простерся предъ тобой.
Прекрасная! Скажи одно лишь слово,
И предъ тобой преклонится весь міръ.
Вели,—и весь уставъ и строй природы
Измѣнится, по слову твоему:
Отхлынутъ вспять къ своимъ истокамъ воды,
И погрузится міръ въ бездѣйствіе и тьму,
И разцвѣтутъ нагихъ степей пустыни
Въ единый мигъ, лишь слово скажешь ты,
Вели, — и горъ кремнистыя твердыни —
Кавказъ и Тавръ, порвавъ свои хребты,
Всколеблются, съ подножія сорвутся,
И съ гуломъ громовымъ въ долины понесутся,
И задрожитъ земля, и лютый ураганъ
Подниметъ до небесъ ревущій океанъ,

И въ яростной борьбѣ возстанутъ всѣ стихіи,
И дрогнетъ сводъ небесъ отъ грохота громовъ,
Расторгнутся всѣ связи міровыя,
Разрушится гармонія міровъ,
И вся вселенная въ предсмертномъ содроганьи
Смѣшается въ хаосъ, — и рухнетъ мірозданье....
Вели,—и оживетъ природа предъ тобой,
И вновь созиждется вселенной дивный строй!...
Скажи, — и въ мигъ одинъ разрушится все снова!...
Прекрасная! Скажи одно лишь слово!

СЕМЕЛА.

Когда бъ ты былъ всевластный царь Олимпа,
Ты предо мной колѣнъ не преклонилъ бы:
Я женщина — созданіе Зевеса,
А можетъ ли художникъ преклоняться
Предъ статуей, самимъ имъ изваянной?

ЗЕВЕСЪ.

Пигмаліонъ въ восторгѣ преклонялся
Передъ своимъ созданьемъ; царь Олимпа,
Я предъ моей Семелой преклоняюсь.

СЕМЕЛА.

Встань! Ты не царь Олимпа. Громовержецъ
Тамъ высоко: надъ нами онъ теперь
Среди боговъ на тронѣ возсѣдаетъ:
На насъ съ высотъ заоблачныхъ взирая,
Смѣется онъ надъ дѣвой легковѣрной

Надъ червякомъ, ползущимъ по землѣ —
Надъ червякомъ, дерзнувшимъ возмечтать,
Что овладѣлъ онъ сердцемъ Олимпійца,
Властителя вселенной.

ЗЕВЕСЪ.

Но Зевесъ
У ногъ твоихъ!...

СЕМЕЛА.

Не вѣрю я, не вѣрю:
Ты обманулъ меня! Позоръ и стыдъ:
Ты смертный!

ЗЕВЕСЪ.

Я Зевесъ *(простираетъ руку,— въ комнатѣ является радуга).*

Теперь ты вѣришь?

СЕМЕЛА.

Сильна рука, поддержанная богомъ!
Ты человѣкъ, любимый громовержцемъ,
Но все же ты не богъ, а человѣкъ,
И не могу тебѣ отдать я сердце.

ЗЕВЕСЪ.

Тебя еще сомнѣніе тревожитъ:
Ты думаешь, что не своею силой,
А властію, мнѣ данной Олимпійцемъ,

Я низвожу сіяніе небесъ
Къ твоимъ ногамъ. Но знай, моя Семела,
Что боги власть свою ввѣряютъ людямъ
Лишь на добро, но силы разрушенья
Имъ не даютъ: одни лишь боги властны
Чудесною стихій небесныхъ силой
Карать, губить и ужасать людей.

(Простираетъ руку, — громъ, пламя, дымъ, землетрясеніе)

СЕМЕЛА.

Довольно, о, довольно! Сжалься, сжалься
Надъ бѣдными людьми!... Ты сынъ Кронида.

ЗЕВЕСЪ.

О, женщина упрямая! Ужели,
Чтобъ угодить всѣмъ прихотямъ твоимъ,
Уставъ природы долженъ я нарушить,
И въ первый разъ, съ начала міросданья,
Свѣтило дня съ небесной тверди сдвинуть?!

(Простираетъ руку, — солнце исчезаетъ — внезапная тьма)

СЕМЕЛА.

Всевластный духъ!... Когда бъ ты могъ любить!

(Солнце опять показывается)

ЗЕВЕСЪ.

Могу ли я любить!? О, если хочешь,
Я отъ себя откину божество,
Чтобъ умереть, чтобъ быть тобой любимымъ.

СЕМЕЛА.

Но можетъ ли Зевесъ переродиться?

ЗЕВЕСЪ.

Ты хочешь? Я готовъ: я все исполню
По манію руки твоей!...

СЕМЕЛА.

Кроніонъ!
Я слышала, что надо мной смѣются
Всѣ женщины въ несчастномъ Эпидаврѣ,
И говорятъ, что будто громовержецъ
Не слушаетъ ни въ чемъ своей Семелы....

ЗЕВЕСЪ.

Пусть будетъ стыдно женамъ Эпидавра
Такъ говорить. Скажи, чего ты хочешь,
И я клянусь самимъ всемощнымъ Стиксомъ,
Симъ божествомъ, чьей волѣ безграничной
И божества подвластны—да, клянусь
Исполнить все, что мнѣ велитъ Семела,
И если я свое нарушу слово,

То съ пламенемъ и громомъ предъ тобой
Отторгнется навѣки божество
Отъ твоего Зевеса....

СЕМЕЛА.

О, теперь
Я наконецъ узнала громовержца!
Ты поклялся мнѣ Стиксомъ.... О позволь
Обнять тебя, обнять, какъ дочь Сатурна
Царя боговъ привыкла обнимать....

ЗЕВЕСЪ *(вскрикиваетъ въ ужасѣ).*

Несчастная!... Не подходи ко мнѣ!

СЕМЕЛА.

Но я хочу обнять тебя....

ЗЕВЕСЪ.

Молчи!

СЕМЕЛА.

Но ты искалъ моихъ объятій!

ЗЕВЕСЪ *(блѣдный быстро отступаетъ отъ нея).*

Поздно!...
Все кончено — ужъ слово прозвучало!...
Ужасный Стиксъ!... Семела, ты погибла —
Сама себѣ ты выпросила смерть!

СЕМЕЛА.

Такъ вотъ любовь Зевеса!

ЗЕВЕСЪ.

Землю, небо,
И все, и все я отдалъ бы, Семела,
Чтобъ менѣе любить тебя!

СЕМЕЛА.

Зевесъ....

ЗЕВЕСЪ.

О торжествуй ревнивая Юнона: —
Пресыщена ты мщеньемъ! Эта роза
Такъ молода, свѣжа и такъ прекрасна,
И ужъ должна завянуть и изсохнуть!

СЕМЕЛА.

Я поняла тебя: ты не желаешь
Явиться мнѣ въ величьи Олимпійскомъ.

ЗЕВЕСЪ.

Проклятіе величью моему: —
Оно тебя сгубило невозвратно!
Проклятіе моимъ мечтамъ безумнымъ —
Я основать хотѣлъ мое блаженство
Въ земной пыли — въ юдоли разрушенья.

СЕМЕЛА.

Зачѣмъ пугать меня? Я не боюсь
Твоихъ угрозъ!...

ЗЕВЕСЪ.

Безумное дитя!
Поди — скажи послѣднее прости
Своимъ младымъ подругамъ — ты умрешь!
Ничто теперь спасти тебя не можетъ:—
Я твой Зевесъ — люблю тебя — ты знаешь,
Но даже я спасти тебя не въ силахъ.

СЕМЕЛА.

О божество завистливое, Стиксъ!
Ты отъ меня не ускользнешь.

(Семела уходитъ).

ЗЕВЕСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Не будешь ты торжествовать, Юнона!
Той властію, что небеса и землю
Содѣлала подножіемъ моимъ,
Низрину я тебя съ высотъ Олимпа,
И на цѣпи алмазной прикую
Къ нагой скалѣ среди пустыни дикой,
Куда къ тебѣ во вѣки не проникнетъ
Ни человѣкъ, ни звукъ живой.... Клянусь....

(Меркурій показывается въ отдаленіи).

Къ чему ты такъ поспѣшно возвратился?

МЕРКУРІЙ.

Чтобъ принести тебѣ благодаренья
Отъ тѣхъ, кого щедротами своими
Заставилъ ты лить радостныя слезы...

ЗЕВЕСЪ.

Возьми назадъ у нихъ мои щедроты!

МЕРКУРІЙ *(въ изумленіи)*.

Зевесъ!...

ЗЕВЕСЪ.

Никто не долженъ счастливъ быть:
Семела умираетъ....

21 іюля 1867 г.

VI.

ЦЕЗАРЬ.

ЦЕЗАРЬ.

Блаженъ, кто первый храмъ воздвигнулъ
Юпитеру, отцу міровъ;
Счастливъ, кто Цезаря постигнулъ
Съ его младенческихъ годовъ;
Кто въ немъ узналъ любимца брани
Въ тѣ дни, когда лишь оргій шумъ,
Пиры и блескъ привозныхъ тканей
Его плѣняли праздный умъ;
Когда въ толпѣ народа шумной
Онъ жилъ не блескомъ дѣлъ благихъ,
Не рѣчью стройной и разумной
Среди сенаторовъ сѣдыхъ;
Но въ наслажденья и забавы
Поникнувъ пылкою душой,
Въ тѣ дни достигъ иной онъ славы
Страстей опасною стезей....
Блѣднѣли старые ревнивцы
Пылали взоры юныхъ женъ,
Когда безпечно къ колесницѣ
По стогнамъ Рима мчался онъ,

Красуясь черными кудрями,
Ланитъ лилейной бѣлизной
И драгоцѣнными перстнями,
И азіатскими конями,
И тоги хитрой новизной.
Блаженъ, кто окомъ прозорливымъ,
Пронзивъ грядущаго покровъ,
Провидѣлъ въ юношѣ лѣнивомъ
Гиганта славы и трудовъ;
Кто, рѣчью вкрадчивой и нѣжной
Упреки горькіе прикрывъ,
Смирялъ въ немъ страсти жаръ мятежный
И гнѣва быстраго порывъ,
И смѣло съ цензоромъ суровымъ
Вступалъ за друга въ долгій споръ,
Предъ нимъ смягчая хитрымъ словомъ
Молвы жестокій приговоръ.

За дружбу къ Цезарю въ грядущемъ
Его высокій жребій ждетъ,
Когда владыкой всемогущимъ
Смиритель Галліи придетъ,
И міра гордая столица
На встрѣчу двинется къ нему,
И съ крикомъ радости стѣснится
Народъ къ любимцу своему:—
Тогда тебѣ, наперсникъ честный,
Мигъ дивной радости придетъ,
Тебя въ толпѣ народа тѣсной
Взоръ быстрый Цезаря найдетъ, —
И ликъ героя олимпійскій
Блеснетъ улыбкою свѣтло,

И предъ тобой преклонитъ низко
Онъ непреклонное чело;
Промчится шопотъ изумленья
Въ толпѣ: умолкнетъ черни кликъ,
И на тебя въ благоговѣньи
Народъ оглянется въ тотъ мигъ.
Когда въ сенатъ за данью славы
Предстанетъ судьямъ онъ своимъ, —
И сонмъ старѣйшинъ величавый
Невольно встанетъ передъ нимъ,
Хваламъ внимая равнодушно,
Отыщетъ взоромъ онъ тебя, —
Съ улыбкой нѣжной и радушной
Укажетъ мѣсто близъ себя.
И въ день, какъ трижды діадиму
Отвергнетъ гнѣвно предъ толпой, —
Съ гремящей площади по Риму
Пойдетъ онъ объ-руку съ тобой;
Своимъ любимцемъ неизмѣннымъ
Тебя народъ провозгласитъ,
И друга Цезаря священнымъ,
Великимъ именемъ почтитъ!
Стократъ блаженъ!...
Но горе, горе
Тому, кто поздно разгадалъ
Любимца звѣздъ, земли и моря,
И на челѣ и въ свѣтломъ взорѣ,
Его судьбы не прочиталъ,
Кто въ дни, когда на шумный форумъ
Впервые Цезарь выходилъ,
Его встрѣчалъ лукавымъ взоромъ
И съ злобнымъ смѣхомъ говорилъ:

«Дорогу, граждане, дорогу —
«Идетъ великій гражданинъ!
«Кто такъ обуетъ стройно ногу,
«Кто такъ накинетъ ловко тогу?
«Клянусь богами, онъ одинъ!
«Какой плясунъ иль гладіаторъ
«Съ такою поступью рожденъ,
«Какъ этотъ вѣтреный диктаторъ
«Заимодавцевъ и матронъ?
«Такими доблестьми украшенъ,
«Онъ какъ герой повсюду чтимъ,
«Какъ Марій, онъ сенату страшенъ,
«Какъ Гракхи, чернію любимъ.
«Но онъ не страшенъ, о, квириты!
«Ужель сей щеголь молодой,
«Съ душою легкой сибарита,
«И раздушенный и завитый,
«Опасенъ Риму. и — герой?
«Ему ли мыслію небрежной
«Обдумать замыслъ роковой,
«И сокрушить рукою нѣжной
«Колоссъ свободы вѣковой!»
Умолкни, гражданинъ суровый!
Ужель не чуешь ты душой,
Что, облеченный въ образъ новый,
Блистаетъ геній предъ тобой?
Ужель, подавленный трудами,
Твой не постигъ тяжелый умъ,
Что, скрытый буйными страстями,
И подъ поддѣльными кудрями,
Гнѣздится сонмъ великихъ думъ;
И, что подъ шумъ веселій дикихъ

Безумной оргіи, порой,
Быстрѣе замысловъ великихъ
Въ душѣ великой зрѣетъ рой.
Пусть юный Цезарь, въ увлеченьи,
Страстей извѣдаетъ волненье:
Его страстей мятежный пылъ,
Безумство буйныхъ наслажденій —
Залогъ могучихъ, грозныхъ силъ.
Придутъ года, другія страсти
Въ тревожномъ сердцѣ закипятъ,
И жажда славы, жажда власти
Безпечный умъ расшевелятъ.
Смотри: ужъ взоръ его открытый
Порой сталъ мраченъ и угрюмъ;
Чело и блѣдныя ланиты
Уже морщинами изрыты:
То слѣдъ тревожныхъ, тайныхъ думъ.
Уже бѣжитъ онъ шумной встрѣчи
Разгульныхъ сверстниковъ своихъ,
Его обдуманныя рѣчи
Плѣняютъ риторовъ сѣдыхъ,
И старцы важные сената
Уже въ молчаньи внемлютъ имъ;
Уже когорты Митридата
Въ смятеньи дрогнули предъ нимъ.
Утихъ въ немъ пылъ страстей мятежный,
И умъ созрѣлъ среди трудовъ:
Ужъ сталъ орломъ орленокъ нѣжный
И на добычу точитъ клёвъ
Пойми жъ его, неосторожный!
Душой предъ геніемъ склонись!
Скорѣй, скорѣй, пока возможно,

Иди къ нему, и примирись.
Но не страшися! Въ наказанье
За дерзкій смыслъ твоихъ рѣчей
Не жди ни вѣчнаго изгнанья,
Ни лютой казни, ни цѣпей.
Нѣтъ! адскій ядъ вражды и мщенья
Въ душахъ великихъ не кипитъ:
Лишь казнью ласки и прощенья,
Иль равнодушнаго презрѣнья,
Герой враговъ своихъ казнитъ.
Но знай, цѣнитель близорукій,
Тебѣ грозитъ иной позоръ,
Тебѣ грозятъ иныя муки
За твой суровый приговоръ.
Какъ смѣлый духъ твой содрогнется,
Когда, осмѣянный тобой,
Надъ міромъ Цезарь вознесется
Вѣнчанной лаврами главой,
И далеко въ побѣдной длани
Орлы родные пронесетъ,
И широко раздвинетъ грани
И римскихъ странъ, и римскихъ водъ!
И слава дѣлъ его промчится
Во всѣ земныя племена,
И славой сына возгордится
Квиритовъ гордая страна;
И слугъ послушныхъ милліоны
Къ ея стопамъ повергнетъ онъ,
И двинетъ Рима легіоны
Чрезъ заповѣдный Рубиконъ;
И покорится все безъ стона
Предъ нимъ: — падетъ Помпея мечъ,

И обезсилитъ мощь закона,
И онѣмѣетъ Цицерона
Всепокоряющая рѣчь.
И вотъ съ побѣдными орлами,
Тріумфа блескомъ окруженъ,
Несомый бурными конями,
Какъ Зевсъ съ утихшими громами,
Въ градскихъ вратахъ предстанетъ онъ;
И длинной, свѣтлой вереницей
За нимъ трофеи понесутъ,
И за гремящей колесницей
Царей въ оковахъ повлекутъ;
И Римъ, ликующій сердцами,
Сольется весь въ единый кликъ:
«Великъ Юпитеръ межъ богами,
Великъ нашъ Цезарь межъ вождями,
Недосягаемо-великъ!»
И чрезъ ревущій, бурный форумъ,
По яркимъ тканямъ и цвѣтамъ,
Онъ потечетъ съ спокойнымъ взоромъ
Къ Капитолійскимъ высотамъ.
Тогда, въ мигъ радости народной,
Лишь ты одинъ всему чужой,
Какъ на чужбинѣ рабъ безродный,
Томимый горестью безплодной,
На грудь поникнешь головой.
И вспомнишь ты свой смѣхъ лукавый
Надъ тѣмъ, кому вручилъ народъ
Судьбы всемірныя державы, —
И взоръ твой Цезаревой славы
Лучей священныхъ не снесетъ.
Подернетъ очи мглой холодной,

Твой духъ займется отъ стыда,
И ты отъ площади народной
Бѣжишь, не зная самъ куда.
И, кроясь отъ людскаго ока,
Въ уныньи горькомъ и тоскѣ,
Въ пустынной улицѣ далекой
Ты притаишься одиноко
Въ забытомъ, темномъ уголкѣ.
Но славы Цезаревой звуки
Къ тебѣ повсюду долетятъ,
Терзая слухъ — и въ ярой мукѣ,
Какъ женщина, ломая руки,
Краснѣя, будешь имъ внимать.
Тогда поймешь, стыдомъ сгарая,
Весь горькій смыслъ минуты той,
Когда, словамъ его внимая,
Качалъ съ сомнѣньемъ головой.

1857 года.

VII.

ИСТИНА.

ИСТИНА.

I.

Когда вѣнецъ державный Кира
Могучій Дарій принималъ,
На праздникъ царственнаго пира
Своихъ вельможъ онъ созывалъ.
Съ предѣловъ Индіи богатой,
Изъ африканскихъ знойныхъ странъ,
Съ долинъ песчаныхъ Арарата,
Изъ стѣнъ цвѣтущихъ Экбатанъ
Сатрапы гордые толпами
Стеклися въ трепетѣ нѣмомъ,
И съ драгоцѣнными дарами
Простерлись въ прахъ передъ царемъ.
И царь съ безмолвными гостями,
Въ забвенье царственныхъ тревогъ,
На ложѣ убранномъ цвѣтами
За пышной трапезой возлегъ.
Раздалось дѣвъ стыдливыхъ пѣнье,
Раздался звонъ согласныхъ лиръ,
И, какъ волшебное видѣнье,
Блисталъ роскошный царскій пиръ.

Востока вина дорогія
Багряно свѣтлою струей
Лилися въ кубки золотые
Съ искусной эллинской рѣзьбой;
Съ кошницъ тяжелыми кистями
Янтарный падалъ виноградъ;
Съ курильницъ легкими волнами
Струился нѣжный ароматъ;
И грезы сладостной дремоты
Гоня прохладою живой,
Кругомъ шумѣли водометы
Неистощимою струей.
И пышно рдѣлъ въ лучахъ заката
Высокій мраморный чертогъ,
Весь убранъ въ ткани, жемчугъ, злато —
Во все, чѣмъ Индія богата,
Чѣмъ древле славился Востокъ.

Блистаетъ пиръ.... звучатъ цѣвницы,
Струится токъ завѣтныхъ винъ...
Но грустны сумрачныя лица
Гостей, и мраченъ властелинъ.
Съ главою миртами увитой
Задумчивъ, блѣденъ и унылъ,
Склонившись на руку ланитой,
Онъ передъ чашей позабытой
Молчанье грозное хранилъ.
И всѣ вокругъ, полны боязни,
Ужъ ждали словъ свирѣпой казни,
И каждый съ ужасомъ читалъ
Свой приговоръ на мрачномъ ликѣ
Востока новаго владыки,

И слова роковаго ждалъ;
Но царь, какъ туча громовая
Полна перуновъ, но нѣмая,
Былъ мраченъ, грозенъ, и молчалъ.
И будто вдругъ внезапнымъ шумомъ
Отъ сна средь ночи пробужденъ,
Вздрогнулъ и оглянулся онъ,
И взоромъ зоркимъ и угрюмымъ
Гостей трепещущихъ обвелъ,
И рекъ средь общаго смятенья:
— «Въ ту ночь, когда на свой престолъ
По волѣ неба я взошолъ,
Мнѣ снилось странное видѣнье.
Мнѣ снилось, будто я стою
Одинъ въ невѣдомомъ краю:
Вокругъ меня холмы крутые,
Пески, утесы скалъ нагихъ,
И рощи кедровъ вѣковыхъ
И маслинъ, и сады густые,
И кровли хижинъ по холмамъ;
И возвышался предо мною
Въ развалинахъ какой-то храмъ,
Поросшій мохомъ и травою.
Стою.... Вдругъ кто-то за скалою
Меня по имени назвалъ:
Я оглянулся — и предсталъ
Моимъ очамъ въ одеждѣ бѣлой
Какой-то отрокъ гордый, смѣлый,
И строгимъ голосомъ сказалъ:
«Трепещетъ все передъ тобою.
«Твой жребій славенъ и высокъ:
«Ты царь! Призналъ тебя Востокъ

«Своимъ вождемъ и судіею!
«Заслышавъ зовъ единый твой,
«Какъ ярый вихрь, въ кровавый бой
«Полки послушные стремятся,
«И жены юныя толпой
«Вкругъ ложа твоего тѣснятся.
«Въ гордынѣ сердца своего,
«Ты мнишь, что ты всему владыка,
«И что въ землѣ твоей великой
«Сильнѣе, выше ты всего.
«Но знай, не все передъ тобою
«Склонилось съ трепетомъ нѣмымъ,
«Не все съ покорностью слѣпою
«Внимаетъ прихотямъ твоимъ.
«Скажи же мнѣ, о царь надменный,
«Что̀ крѣпче, выше всѣхъ царей,
«Что̀, послѣ Бога, во вселенной
«Все движетъ властью потаенной, —
«Что̀ на землѣ всего сильнѣй?»
И трижды отрокъ дерзновенный
Меня сурово вопрошалъ,
Но я, безмолвный и смущенный,
Какъ въ преступленьи уличенный,
Потупя взоръ, ему внималъ.
Съ тѣхъ поръ во мнѣ неумолимый
Все голосъ отрока звучитъ,
И мнѣ вопросъ неразрѣшимый
Неумолкаемо твердитъ,
И гонитъ сонъ, и сердце гложетъ.
Готовъ я царство раздѣлить
По-братски съ тѣмъ, кто мнѣ поможетъ
Вопросъ ужасный разрѣшить!

Внимайте жъ царское велѣнье:
Пускай о царскомъ сновидѣньи
Узнаетъ вѣрный мой народъ,
И только на небѣ блеснетъ
Надъ Вавилономъ лучъ денницы,
Вы кличьте кличъ по всей столицѣ:
Сзывайте книжниковъ, жрецовъ,
Волхвовъ, пророковъ іудейскихъ,
И звѣздочетовъ всѣхъ халдейскихъ,
И всѣхъ восточныхъ мудрецовъ,
И чтимыхъ праведно молвою
Въ народѣ, старцевъ и мужей, —
Да всѣ предстанутъ предо мною
Въ совѣтной храминѣ моей,
И свѣтомъ мудрости освѣтятъ
Мой умъ, блуждающій во мглѣ,
И мнѣ торжественно отвѣтятъ
Что всѣхъ сильнѣе на землѣ?»

II.

За утро съ первыми лучами
Стеклися тихими толпами
Въ совѣтной храминѣ царей
Вокругъ сіяющаго трона
Жрецы и власти Вавилона
И сонмъ мудрѣйшихъ изъ мужей.
Суровой думой изнуренный,
Дворомъ и стражей окруженный,

Явился Дарій и возсѣлъ,
И вызвать трижды повелѣлъ
Онъ мудрецовъ на состязанье.
И трижды царское воззванье
Глашатый громко возгласилъ,
Но долго робкое молчанье
Весь сонмъ вокругъ него хранилъ.
Но вотъ собранье разступилось,
И передъ сумрачнымъ царемъ
Вдругъ трое юношей явилось
Съ открытымъ взоромъ и челомъ.
Въ нихъ сердце правдой пламенѣло,
Ихъ ложь опутать не успѣла,
Имъ опытъ устъ не заковалъ.
И первый юноша вѣщалъ:
— Есть въ мірѣ много силъ великихъ,
Благихъ и кроткихъ, злыхъ и дикихъ,
И каждой власть своя дана;
Но есть одна.... и нѣтъ ей равной —
То сила влаги своенравной,
То сила чудная вина.
Вино со дна души унылой
Уноситъ бремя злыхъ заботъ,
Вливаетъ въ слабыхъ жизни силы
И чадомъ воинскаго пыла
На гибель робкаго влечетъ;
И лютымъ гнѣвомъ воспаляетъ
И злобой кроткія сердца,
И души черствыя смягчаетъ,
И вдругъ безумствомъ поражаетъ
Высокій разумъ мудреца.
Оно не внемлетъ сильнымъ міра,

Не чтитъ священный блескъ сѣдинъ;
Предъ нимъ равны богачъ и сирый,
И рабъ, и мощный властелинъ.
«Вино намъ другъ, но другъ опасный
И счастливъ тотъ, кто свой фіалъ
Лишь влагой чистою и ясной
Изъ волнъ Хоаспа наполнялъ *).»
Такъ первый юноша вѣщалъ,
И, общій шопотъ одобренья
Заслышавъ въ радостномъ смущеньи,
Умолкъ витія молодой.
И началъ рѣчь свою второй:
«Великъ и крѣпокъ строй природы
Могучъ стихій ея напоръ,
Грозны морей свирѣпыхъ воды
И высоки твердыни горъ;
Но надъ природой непокорной
Въ борьбѣ открытой и упорной,
Сломивъ гордыню силы злой,
Царитъ безстрашно родъ людской.
Но тѣ, предъ кѣмъ молчатъ стихіи,
Предъ кѣмъ смирилися моря
И пали горы вѣковыя,
Благоговѣйно клонятъ выи
Предъ дивной властію царя.
Да, силенъ царь! Онъ стягъ священный
Народовъ, стражъ ихъ неизмѣнный.
Одинъ по волѣ движетъ онъ
Толпы безчисленныхъ племенъ:

*) Древніе персидскіе цари пили воду только изъ рѣки Хоаспа. Даже въ самыхъ дальнихъ походахъ бочки съ этою водой сопровождали ихъ повсюду.

Речетъ, — и зиждутся законы;
Речетъ, — и грады въ прахъ падутъ,
Речетъ, — и въ страхѣ милліоны
На смерть безропотно идутъ;
Речетъ, — и злобою объято,
На царство царство возстаетъ,
И братъ подъемлется на брата,
И родъ подъемлется на родъ;
Речетъ, — и братски послѣ бою
Народы объ руку идутъ, —
Сгарая лютою враждою,
Другъ другу руку подаютъ.
И сколько странъ неизмѣримыхъ,
Племенъ въ враждѣ непримиримыхъ
Связуетъ въ царство онъ одно,
Какъ некрушимое звено!
«Развѣй же, царь, свои сомнѣнья,
Забудь о мрачномъ сновидѣньи,
И вѣрь: святая власть царей
Здѣсь на землѣ всего сильнѣй.»
— Да, да! ты всѣхъ сильнѣй! и кто же,
Кто дерзкій усомнится въ томъ?
Воскликнулъ дворъ и всѣ вельможи —
И пали ницъ передъ царемъ.
Но юный царь нетерпѣливо
Восторга шумнаго порывы
Суровымъ взглядомъ вдругъ прервалъ,
И третій юноша вѣщалъ:
«Такъ! Силенъ царь! Ему надъ нами
Отъ вышней власти власть дана.
Но и царей мы зримъ рабами:
И надъ всесильными царями

Всесильно властвуетъ жена.
Ея чарующему лику
Къ сердцамъ незримый доступъ данъ....
Я видѣлъ грознаго владыку,
Когда любовью обуянъ,
Въ вѣнцѣ, въ порфиру облеченный,
Съ своей наложницей презрѣнной
Онъ здѣсь на тронѣ возсѣдалъ
Предъ всѣмъ дворомъ, и униженно
Ей лесть и ласки расточалъ.
Смотрѣлъ ей въ очи съ умиленьемъ;
Она жъ, не внемля ничего,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ,
Съ усмѣшкой злобной и презрѣньемъ
Смотрѣла дерзко на него.
И вдругъ вокругъ себя взглянула, —
И съ дикимъ крикомъ оттолкнула
Царя неистовой рукой,
Сверкнула взоромъ, задрожала,
Вскочила съ трона и сорвала
Вѣнецъ съ главы его сѣдой,
И взоромъ обвела сердитымъ
Весь дворъ, и бѣшенствомъ горя,
Предъ всѣми била по ланитамъ
Съ безумнымъ хохотомъ царя.
И царь ей нѣжно улыбался
И робко потуплялъ свой взоръ,
А вкругъ царя надменный дворъ
Межъ тѣмъ дрожалъ и пресмыкался.
«И много доблестныхъ владыкъ
И много судій непреклонныхъ
На путь дѣяній беззаконныхъ

Подвигъ лукавый женскій ликъ.
Царь Соломонъ, пророкамъ равный,
Воздвигшій храмъ Царю царей,
Свѣтильникъ мудрости державный,
Краса израильскихъ мужей,
Презрѣвъ, въ безумствѣ несказанномъ,
Еговы тровнаго законъ,
Передъ бездушнымъ истуканомъ
Склонялся въ прахъ челомъ вѣнчанным
Въ угоду своенравныхъ женъ.
И самъ борецъ непобѣдимый
И крѣпкій мышцею Самсонъ
На персяхъ женщины любимой
Рукою нѣжной побѣжденъ.
Мы помнимъ чудное преданье:
Когда суровый бичъ войны
Егова гнѣвный въ наказанье
Послалъ странѣ обѣтованья
Изъ Ассирійскія страны;
Тогда по всей землѣ Сіонской
Израиль въ ужасѣ стенялъ
И съ грозной ратью вавилонской
Никто сразиться не дерзалъ,
Но въ вражій станъ стопою вѣрной
Проникла юная вдова,—
И съ плечъ могучихъ Олоферна
Скатилась грозная глава,
И мощный врагъ бѣжалъ въ смятеньи,
И такъ Израиля сыны
Спаслись отъ рабства и плѣненья
Могучей прелестью жены!
«И много царствъ ты сокрушила,

И много царствъ спасала ты —
Всепокоряющая сила,
Волшебство женской красоты!
Кто цѣломудріемъ высокій,
Кто мужъ безъ страсти и порока
Не вѣдалъ никогда въ крови
Желанья тайнаго любви?...»

— Никто, никто! Въ порывѣ страстномъ
Воскликнулъ царь и всѣ кругомъ, —
Да, взоромъ женщины всевластнымъ
Все въ мірѣ движется земномъ!

«Нѣтъ! Не жена красою тлѣнной
Надъ міромъ властвуетъ земнымъ,
Воскликнулъ юноша, мгновенно
Объятъ наитіемъ святымъ,
Нѣтъ, въ мірѣ есть иная сила —
Его незыблемый оплотъ,
Всѣхъ силъ могучее кормило,
Какъ путеводное свѣтило,
Она насъ къ пристани влечетъ.
Что̀ тверже власти и закона,
Грознѣе копій и мечей,
Сильнѣе силы, выше трона,
Яснѣе солнечныхъ лучей?
Что̀ старше солнца и вселенной,
Что̀ всѣ вѣка и племена
Переживетъ въ красѣ нетлѣнной?
Что̀ въ мірѣ вѣчно, неизмѣнно? —
Святая *истина* одна.
Ни плескъ, ни грозный вопль народный,

Ни гнѣвъ царя, ни ласки женъ
Ей не скуютъ языкъ свободный;
Не сокрушатъ въ борьбѣ безплодной
Ея незыблемый законъ
Ни ложной мудрости потоки,
Ни гнѣвъ стихій, ни бѣгъ вѣковъ,
Ни силы тьмы, ни лжепророки,
Ни козни темныя жрецовъ.
И тщетно мнятъ безумцы злые
Ей путь свободный преградить,
Ея сокровища святыя
Отъ глазъ народныхъ утаить:
Она желѣзные затворы
Безплотной силой сокрушитъ,
Пройдетъ моря, раздвинетъ горы, —
И въ мракѣ дремлющіе взоры
Внезапнымъ свѣтомъ озаритъ.
Пускай царитъ обманъ преступный,
И голосъ правды изнемогъ,
И судъ творитъ судья подкупный,
И за твердыней неприступной
На тронѣ высится порокъ!
Но солнце Истины проглянетъ, —
Падетъ увѣнчанный обманъ,
Законъ разслабленный воспрянетъ, —
И съ трона рушится тиранъ.
Да! Истина все поборетъ!
И Тотъ, Кто міромъ управляетъ,
Ей власть незримую вручилъ —
Да движетъ всѣмъ, все озаряетъ,
Какъ свѣтъ свѣтовъ, какъ сила силъ.

«Падутъ лѣса, изсякнутъ воды

И неба синяго вдали
Померкнутъ звѣзды и народы
Сотрутся въ прахъ съ лица земли.
Но надъ бездушною громадой
И тьмой разрушенныхъ міровъ,
Неугасимою лампадой
Въ надзвѣздной области духовъ,
Передъ лицомъ Отца вселенной,
Средь горнихъ кущъ и райскихъ водъ,
Въ красѣ безплотной, неизмѣнной,
Святая Истина взойдетъ.»
Умолкнулъ отрокъ вдохновенный
И взоръ блистающій огнемъ
Потупилъ кротко и смиренно
Предъ умилившимся царемъ.
И царь, и дворъ, и все собранье,
Благоговѣнія полны,
Хранили долгое молчанье,
Потокомъ думъ увлечены;
Но предъ безмолвною толпою
Царь съ трона радостно возсталъ
И крѣпко царственной рукою
Къ груди растроганной прижалъ
Витію юнаго, и строго
Взглянулъ на подданныхъ, и рекъ:
«Вотъ другъ мнѣ посланный отъ Бога —
Безъ лжи и лести человѣкъ,
Своимъ помощникомъ и братомъ
Его отнынѣ нареку,
Осыплю почестями, златомъ,
И властью царской облеку.
Подайте скипетръ, багряницу,

И перстень, лучшій изъ перстнéй,
И впречь велите въ колесницу
Заповѣдныхъ моихъ коней!
Пускай на стогнахъ Вавилона
Величьемъ царскимъ окруженъ,
Какъ другъ царя, опора трона,
И какъ верховный стражъ закона,
Предъ весь народъ предстанетъ онъ.»
— Не нужно мнѣ награды тлѣнной,
Вѣщаетъ юноша смиренный:
Ни колесницы, ни коней,
Ни злата изъ казны твоей,
Ни блеска царственнаго сана....
Но есть въ землѣ моихъ отцовъ
Близъ водъ священныхъ Іордана
Забытый храмъ Отцу міровъ.
Вонми жъ Израиля моленье,
И повели, всесильный царь,
Поднять тотъ храмъ изъ разрушенья:
Въ немъ Бога истины алтарь! *)

1-го ноября 1861 года.

---

*) Этотъ разсказъ относится ко времени построенія втораго храма іерусалимскаго. Царь Дарій, всегда показывавшій расположеніе къ своимъ іудейскимъ подданнымъ, при восшествіи на престолъ, обѣщалъ допустить ихъ къ возобновленію храма и возвратить имъ всю церковную утварь, хранившуюся въ Вавилонѣ со времени плѣненія, но исполнилъ свое обѣщаніе только во второе лѣто своего царствованія, вслѣдствіе пренія между тремя юношами о томъ, *что всего сильнѣе*.

Такъ повѣствуется объ этомъ событіи во второй книгѣ Ездры.

РОЛАНДЪ.

(LA CHANSON DE ROLAND.)

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭМЫ.

«14-го октября 1066 года—въ тотъ грозный день, когда «Англія преклонилась предъ властью Норманновъ и въ ту ро-«ковую минуту, когда войска Гарольда и Вильгельма Завоева-«теля, готовыя къ кровавому бою, уже сходились лицомъ къ «лицу въ равнинахъ Гастингса,—одинъ изъ норманскихъ вои-«новъ выѣхалъ впередъ изъ рядовъ своихъ товарищей, и,— «чтобы воспламенить ихъ воинскую отвагу передъ началомъ «великой битвы, чтобъ вдохнуть въ нихъ твердую рѣшимость «или побѣдить, или умереть, — запѣлъ *Пѣснь о Роландѣ* «(entonna la Chanson de Roland.) Послѣ каждой строфы все «громадное норманское войско подхватывало припѣвъ и вос-«клицало: «Боже, помоги намъ! Боже, помоги намъ!»

«Это сказаніе не есть поэтическій вымыселъ. Не только Робертъ Васъ въ своемъ стихотворномъ разсказѣ описываетъ намъ, какъ норманское войско воспламенялось бранной отвагой при имени Карла Великаго, Роланда, Оливье и другихъ воиновъ, падшихъ въ ронсевальской битвѣ, но и всѣ самые достовѣрные лѣтописцы говорятъ о той пѣсни, которой воины Вильгельма Завоевателя огласили поля Гастингса. До насъ даже дошло имя того безстрашнаго пѣвца, который, гарцуя на конѣ между двумя

враждебными войсками, славилъ подвиги ронсевальскихъ героевъ: это былъ оруженосецъ графа Мортена Тайльферъ (Taillefer.)

«Но что же такое эта *Пѣснь о Роландѣ*—это произведеніе воинской поэзіи, эта *cantilena Rolandi*, какъ называетъ ее Дюканжъ? Пѣснь эта не умолкала въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; есть указанія, что еще въ XIV вѣкѣ ее пѣли французскія войска. Говорятъ, что король Іоаннъ сказалъ одному изъ своихъ воиновъ: «Къ чему пѣть про Роланда? вѣдь Роланда больше нѣтъ!» — «Были бы и теперь Роланды, еслибъ у насъ были Карлы Великіе,» отвѣчалъ ему воинъ. Мы не стоимъ за историческую достовѣрность этихъ словъ; но достовѣрно то, что почти все время, пока существовало рыцарство, имя Роланда гремѣло въ пѣсняхъ по всей западной Европѣ и произносилось съ благоговѣніемъ въ походной палаткѣ воина и въ хижинѣ мирнаго земледѣльца, подъ сводами великолѣпныхъ чертоговъ вѣнценосныхъ властителей земли и въ жилищѣ ихъ непокорныхъ вассаловъ—подъ кровомъ мрачныхъ и уединенныхъ рыцарскихъ замковъ.

«Гдѣ же источникъ такой необыкновенной славы, такого всеобщаго обожанія имени Роланда? Отчего это имя является въ средніе вѣка какъ символъ величайшей доблести и героизма, какъ воинскій кличъ—какъ средство воспламенять войска въ минуту великой битвы? Какъ могло оно проникнуть не только въ самыя бѣдныя селенья средневѣковой Галліи, но и пронеслось въ Италію, Испанію, Венгрію, Тироль и даже донеслось до отдаленнѣйшихъ пустынь Даніи и Норвегіи. И въ наши дни мы видимъ это имя начертаннымъ на каменныхъ вершинахъ Пиринеевъ, эхо еще повторяетъ это имя въ долинахъ Рейна, среди пустынныхъ скалъ и развалинъ—въ убѣжищѣ благочестивыхъ отшельниковъ; оно еще живетъ въ памяти народной и по ту сторону Альповъ: при входѣ въ Верону, вы видите

изображеніе величественнаго рыцаря на паперти величественной церкви,—и преданіе говоритъ вамъ, что это Роландъ *). Какимъ же образомъ возросла такая громадная слава? Не есть ли она историческое воспоминаніе, запечатлѣнное въ памяти народовъ и постепенно, въ продолженіи вѣковъ, разроставшееся въ ихъ воображеніи? Другими словами: существовалъ ли въ самомъ дѣлѣ Роландъ? Посреди ли современниковъ этого рыцаря, въ груди ли очевидцевъ его воинскихъ подвиговъ возгорѣлся впервые тотъ энтузіазмъ, который впослѣдствіи содѣлалъ имя его безсмертнымъ? Исторія только однажды, и то мимоходомъ, произнесла это имя. Эгингардъ, историкъ Карла Великаго, повѣствуя вкратцѣ о гибели французской дружины въ долинѣ ронсевальской, и приводя имена паладиновъ, падшихъ въ битвѣ, называетъ и Роланда. Но онъ не только не выставляетъ его главнымъ героемъ кровавой борьбы съ измѣнниками, но даже ничего не говоритъ о его храбрости. Въ исторіи Эгингарда сказано просто: «въ этомъ сраженіи пали: королевскій стольникъ Эггигардъ, пфальцграфъ Ансельмъ и правитель Бретани Роландъ.» Здѣсь имя Роланда не только не украшено никакимъ блестящимъ эпитетомъ, но даже поставлено послѣднимъ. Вотъ все, что мы знаемъ о Роландѣ изъ исторіи. Но о Роландѣ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ въ воображеніи,—Роландѣ, «племянникѣ Карла Великаго»

---

*) Въ горахъ пиринейскихъ можно видѣть скалу съ разсѣлиной въ 60 метровъ вышины, 100 метровъ вышины и 1000 метровъ длины; преданіе говоритъ, что эту скалу разсѣкъ Роландъ своимъ знаменитымъ мечемъ. На берегу Рейна есть мѣсто, которое называется *Роландовъ Уголъ;* въ Англіи есть тоже урочище, носящее имя французскаго героя; во многихъ городахъ Германіи стоятъ до сихъ поръ статуи, представляющія воина съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и слывущія въ народѣ за изображенія Роланда; во Флоренціи сохранилась мраморная плита, надпись на которой гласитъ, что церковь di S. Apostolo освящена архіепископомъ Турпиномъ, въ присутствіи Роланда и Оливье.

храбрѣйшемъ изъ его паладиновъ,—мы узнаемъ впервые изъ пѣсни, прогремѣвшей въ равнинахъ Гастингса передъ началомъ роковой битвы. Между историкомъ Эгингардомъ, упомянувшимъ имя Роланда въ сухомъ перечнѣ жертвъ ронсевальской катастрофы, и пѣвцемъ Тайльферомъ, прославлявшимъ передъ норманскимъ войскомъ подвиги этого «великаго героя,» протекло больше двухъ столѣтій, и въ этотъ періодъ времени нигдѣ не упоминается имени Роланда: въ эти-то два столѣтія и совершился таинственный процессъ творчества—сложился поэтическій образъ героя—созданіе исполинской народной фантазіи *).»

Воинственная пѣснь, огласившая восемь столѣтій тому назадъ поле Гастингской битвы и отдавшаяся, какъ эхо, по всей западной Европѣ; пѣснь, неумолкавшая въ ней въ теченіи четырехъ вѣковъ и воспламенявшая ея воинство высокимъ духомъ мужества, доблести и отваги, не канула въ вѣчность вмѣстѣ съ рыцарствомъ, подвиги котораго прославляла: она дошла и до насъ. Что же мы теперь видимъ въ этой пѣсни? Можемъ-ли мы, зная ея содержаніе, разгадать, чему она обязана такой необыкновенной, можно сказать, всемірной славой? Отчего возглашалась она передъ войскомъ, въ минуту великой опасности, въ минуту великой борьбы, какъ какой-то молитвенный гимнъ, какъ призывъ къ геройскимъ подвигамъ, и вдохновляла громадныя массы воиновъ непоколебимымъ стремленіемъ побѣдить во что бы то ни стало врага или пасть на полѣ чести? Въ чемъ заключается ея магическая сила, ея обаятельная власть надъ сердцами? Сила эта заключается въ не-

---

*) Въ такихъ словахъ французскій ученый, г. Витэ приступаетъ къ своему превосходному анализу *Пѣсни о Роландѣ*. Мы потому начали наше предисловіе этимъ переводнымъ отрывкомъ, что онъ сразу даетъ понять читателямъ историческое значеніе знаменитаго поэтическаго произведенія среднихъ вѣковъ.

обыкновенной высотѣ духа, которымъ она проникнута, въ дѣвственной чистотѣ и благородствѣ образовъ, ею представляемыхъ,—въ томъ возвышающемъ душу идеалѣ, къ начертанію котораго стремился поэтъ, ее создавшій.

Содержаніемъ *Пѣсни о Роландѣ* служитъ рыцарство и его геройскіе подвиги. Рыцарство представляло цвѣтъ, высшее проявленіе того грубаго, невѣжественнаго, но могучаго духомъ, благороднаго по своимъ высокимъ стремленіямъ и вѣчно славнаго времени, которое мы называемъ средними вѣками. И такъ пѣвецъ Роланда, изобразивъ въ своей поэмѣ рыцарство, представилъ свѣтлую, такъ сказать, праздничную сторону среднихъ вѣковъ. Откинувъ все, что въ нихъ было будничнаго, прозаическаго, случайнаго, онъ съ необыкновенной силой и яркостью выставилъ все то, что въ нихъ было высокаго, благороднаго, нравственнаго и поэтическаго. Такимъ образомъ въ *Пѣсни о Роландѣ* отразилась, такъ сказать, вся душа великой исторической эпохи—все, что въ ней было достойно сочувствія и благоговѣйнаго созерцанія. Но намъ можетъ быть, скажутъ, что вѣрное изображеніе рыцарства не можетъ представить картину, вызывающую благоговѣніе; что и въ немъ было много темныхъ, отталкивающихъ сторонъ, и что даже самъ Вальтеръ Скоттъ, этотъ ревностный поклонникъ среднихъ вѣковъ и великій живописецъ ихъ быта, не могъ закрасить многихъ непривлекательныхъ чертъ рыцарскихъ нравовъ. Правда; но рыцарство, изображенное въ *Пѣсни о Роландѣ* не то, какимъ обыкновенно представляетъ его исторія—не то рыцарство, которое образовалось гораздо послѣ клермонтскаго собора, во время священныхъ войнъ за Палестину. *Пѣснь о Роландѣ* сложена *до* крестовыхъ походовъ т. е. до того времени, когда рыцарство уже сдѣлалось какимъ-то, такъ сказать, оффиціальнымъ учрежденіемъ. Оттого рыцари, въ ней изображенные, лучше *настоящихъ рыцарей*, которыхъ мы

видимъ во время и послѣ крестовыхъ походовъ. *Пѣснь о Роландѣ* сложилась въ то время, когда мысль о крестовыхъ походахъ, еще неясная, какъ грезы, какъ предчувствіе, носилась въ воздухѣ и волновала и согрѣвала сердца высокимъ, но еще не приведеннымъ въ ясное сознаніе, стремленіемъ низложить владычество враговъ Христіанства въ землѣ, гдѣ впервые раздалась проповѣдь Христова; когда воины Христіанскаго Запада, еще не облеченные чиномъ рыцарства, были рыцарями въ душѣ; когда—повторяемъ—рыцарство не сложилось въ учрежденіе, когда еще не образовались рыцарскіе ордена, не составился кодексъ рыцарства, формулировавшій въ законы и обряды всѣ его высокія, задушевныя стремленія. Такимъ образомъ въ *Пѣснѣ о Роландѣ* отразились чувства и стремленія той эпохи, когда и крестовые походы, и рыцарство были еще только въ идеалѣ и такъ какъ идеалъ всегда стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ осуществленіе его въ дѣйствительности, то и рыцари, изображенные пѣвцомъ Роланда, неизмѣримо выше, по своимъ чувствамъ и стремленьямъ, тѣхъ рыцарей, о которыхъ мы знаемъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ. Къ этому надо прибавить, что поэтъ, какъ это дѣлаетъ всякій истинный поэтъ, возвелъ еще въ высшій идеалъ идеальныя чувства и стремленія своей эпохи: пройдя черезъ душу поэта, какъ чрезъ очистительное горнило творчества, они явились въ его произведеніи еще чище, благороднѣе—идеальнѣе. Теперь понятно, отчего это произведеніе пользовалось такой славой во времена рыцарства, отчего оно дѣйствовало такъ обаятельно на сердца: слушая *Пѣснь о Роландѣ*, воины среднихъ вѣковъ восторгались тѣмъ идеаломъ рыцарства, который былъ запечатлѣнъ въ душѣ каждаго истиннаго рыцаря, и къ осуществленію котораго стремилось безсознательно все рыцарство.

Одну изъ яркихъ характеристическихъ чертъ *Пѣсни о Ро-*

ландъ, составляетъ необыкновенная, дѣвственная чистота этой поэмы. Нельзя не удивляться, что произведеніе, писанное по крайней мѣрѣ восемь столѣтій тому назадъ, въ эпоху грубыхъ нравовъ, среди полуварварскаго народа, изображающее воинскую, лагерную жизнь этого народа, отличается такой скромностью, такой стыдливостью, какой не встрѣтишь и въ данскихъ произведеніяхъ современной французской словесности, даже и такихъ, которыя имѣютъ цѣлью нравственное поученіе. Читая *Пѣснь о Роландѣ*, вы не замѣтите, чтобъ хоть одинъ изъ ея героевъ — воиновъ IX вѣка — проронилъ хоть одно слово о женщинахъ или винѣ: всѣ они по рѣчамъ своимъ и поступкамъ какіе-то иноки, аскеты, какъ бы отрѣшившіеся отъ міра всякихъ чувственныхъ наслажденій. Ни оргій, ни пировъ, ни даже просто обѣдовъ — ѣды, нѣтъ у нихъ и въ поминѣ. Пѣвецъ Роланда свыше всего чувственнаго: онъ воспѣваетъ только душу — ея стремленія, ея радости, ея печали.

Другую, можетъ быть, еще болѣе яркую черту *Пѣсни о Роландѣ* представляетъ намъ необыкновенная вѣра поэта въ доблесть и въ нравственное могущество человѣка. Для него нѣтъ предѣловъ той нравственной высоты, до которой можетъ возвыситься человѣкъ, нѣтъ ничего невозможнаго, если человѣкъ рѣшился на какой-нибудь подвигъ: все, даже самая природа повинуется его желѣзной волѣ, если только эта воля направлена къ высокой, благородной цѣли. Но эта черта, столь дорогая въ отношеніи внутренняго достоинства поэмы, много должна ей вредить въ отношеніи формы. По формѣ своей *Пѣснь о Роландѣ* принадлежитъ къ произведеніямъ такъ называемаго богатырскаго эпоса, изучаемаго у насъ только одними любителями народной поэзіи, и почти совсѣмъ неизвѣстнаго большинству читателей. Сверхъестественная сила героевъ поэмы, дѣйствующихъ часто вопреки законамъ при-

роды; совершенное несоблюденіе условій мѣста и времени; чудовищныя преувеличенія, разсыпанныя щедрой рукой во всѣхъ описаніяхъ и разсказахъ,—все это должно странно поразить читателя, непривыкшаго къ такого рода поэтическимъ пріемамъ,—и *Пѣснь о Роландѣ* можетъ показаться ему, на первый взглядъ, просто дѣтской сказкой, не стоящей серьёзнаго вниманія. Читая разсказъ о томъ, какъ одинъ Христіанскій рыцарь, сражаясь съ десятками тысячъ Магометанъ, рубитъ ихъ цѣлыми рядами, а самъ остается непобѣжденнымъ и неуязвимымъ, или какъ тотъ же рыцарь трубитъ въ рогъ, и звукъ его рога доносится черезъ пространство нѣсколькихъ сотенъ верстъ изъ Испаніи во Францію,—читая такія страшныя несообразности, иной назоветъ, пожалуй, *Пѣснь о Роландѣ* нелѣпой волшебной сказкой. Но не волшебство и не сверхъестественную физическую силу прославляетъ пѣвецъ Роланда; онъ воспѣваетъ душевную мощь, несокрушимую волю человѣка, направленную къ высокой цѣли. Онъ вѣритъ, что все можетъ сдѣлать человѣкъ, стоящій твердо за правду, одушевленный стремленіемъ къ великому подвигу. Герой его, побивающій одинъ чуть не цѣлую армію, совершаетъ такое чудо, не вслѣдствіе сверхъестественной физической силы, но потому, что силенъ подвигъ, его одушевляющій, потому, что на сторонѣ его *правда*, а на сторонѣ его враговъ *кривда*; звукъ его рога доносится черезъ всѣ пиринейскія горы, не вслѣдствіе особеннаго богатырскаго сложенія его груди и крѣпости легкихъ, а потому, что приложивши къ своимъ устамъ свой призывный рогъ, онъ рѣшился пожертвовать собой для спасенія своихъ товарищей, рѣшился надорвать свою крѣпкую грудь, порвать ея внутренности—убить себя, только бы звукъ его рога долетѣлъ до слуха короля Франціи, и заставилъ бы его придти на помощь къ погибающей французской дружинѣ; эта-то готовность пожертвовать собой для спасенія своихъ

товарищей, для спасенія воинской чести родной страны и даетъ ему ту сверхъестественную силу, которая доноситъ его могучій призывъ черезъ вершины пиринейскаго хребта—изъ враждебной, вѣроломной Испаніи въ родную, вѣрную Францію. Пѣвецъ Роланда вѣритъ вполнѣ въ такое могущество воли человѣческой,—и этой вѣрой проникнута вся его поэма.

Но нигдѣ такъ не выразилась вѣра поэта—вѣра въ благородство душевное, въ непреодолимую силу высокихъ чувствъ, какъ въ одной маленькой, эпизодической сценѣ, гдѣ въ немногихъ чертахъ изображенъ цѣлый романъ женщины. Молодая дѣвушка, лишившись жениха, котораго не видѣла въ продолженіи семи лѣтъ и любовью къ которому жила все это время, лишь только успѣваетъ выслушать извѣстіе о его смерти, и выговорить исполненныя горькой рѣшимости слова: «онъ умеръ—для чего же жить его невѣстѣ,» —какъ въ ту же минуту падаетъ на землю, и умираетъ. Такая сцена, помѣщенная въ современномъ романѣ, возбудила бы только смѣхъ въ читателѣ, но она не возбудитъ смѣха въ читателѣ *Пѣсни о Роландѣ*, если онъ проникнется вполнѣ духомъ этого произведенія, ибо тогда онъ, хотя на нѣсколько мгновеній, самъ поддастся той же вѣрѣ, которой былъ полонъ поэтъ, когда изъ души его вылились слова его героини. Поэтъ вѣруетъ, что женщина съ высокой душой, любящая истинною любовью, не можетъ пережить того, кому отдалась всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ. По его понятіямъ, было бы недостойно высокой души, было бы неблагородно, низко, остаться жить, когда тотъ, кого истинно любишь, тотъ кто любилъ тебя всѣмъ сердцемъ, уже не существуетъ въ этомъ мірѣ. Вникая въ сцену, о которой мы теперь говоримъ, восторгаешься не содержаніемъ этой сцены, не словами умирающей героини, а самимъ поэтомъ—его высокимъ взглядомъ на жизнь, благородствомъ его чувствъ, его высокой, младен-

ческой вѣрой въ идеалъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на поэму, то и не придетъ въ голову упрекать поэта за преувеличенія и ненатуральность.

Но какъ бы то ни было, а преувеличенія все-таки существуютъ въ *Пѣсни о Роландѣ*, и, какъ мы уже сказали, придаютъ этому, столь серьезному по своему содержанію произведенію, характеръ сказки. Эта чисто внѣшняя черта средневѣковой эпопеи, конечно, сбавитъ съ нея очень много цѣны въ глазахъ современныхъ читателей, которые такъ избалованы произведеніями нашей текущей литературы, отличающимися по большей части дагеротипной вѣрностью дѣйствительности. Но еще непріятнѣе должна подѣйствовать на читателей другая черта времени, такъ рѣзко бросающаяся въ глаза въ *Пѣсни о Роландѣ*. Отразивъ въ своемъ произведеніи только одни хорошія стороны своей эпохи, пѣвецъ Роланда не могъ не отразить на себѣ самомъ главнаго ея недостатка — того невѣжества, въ которое было такъ глубоко погружено общество среднихъ вѣковъ. Всѣмъ извѣстны чудовищные анахронизмы, такъ часто встрѣчающіеся въ произведеніяхъ Шекспира, у котораго, напримѣръ, легіоны римской республики, за пять вѣковъ до Рождества Христова, идутъ на непріятеля подъ звуки барабановъ. Но Шекспиръ по своимъ познаніямъ профессоръ передъ поэтомъ, сложившимъ *Пѣснь о Роландѣ*. Нашъ поэтъ, повидимому, незнаетъ ни одной науки: исторія, хронологія, географія для него совершенный лабиринтъ. Въ поэмѣ его являются въ изобиліи небывалыя страны съ небывалыми обычаями и религіей *). Кромѣ этихъ недостатковъ поэмы, произшедшихъ отъ необразованности автора, есть еще въ ней и

*) Чтобъ дать обращикъ историческихъ несообразностей, которыми наполнена *Пѣснь о Роландѣ*, достаточно сказать, что въ ней въ числѣ городовъ, взятыхъ войсками Карла Великаго, названъ Константинополь.

другія погрѣшности, въ которыхъ онъ совершенно не виноватъ: таковы всѣ искаженія, которыя потерпѣла *Пѣснь о Роландѣ* отъ безвкусія и умничанья переписчиковъ— невѣжественныхъ грамотѣевъ среднихъ вѣковъ, поправлявшихъ, подновлявшихъ и украшавшихъ ея первоначальный текстъ. Но объ этихъ искаженіяхъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ послѣ; а напередъ намъ надо объяснить нашимъ читателямъ кто, когда и на какомъ языкѣ сложилъ *Пѣснь о Роландѣ* и съ какого времени она стала извѣстна французскимъ ученымъ.

Въ концѣ древняго манускрипта поэмы сказано, что ее сочинилъ *Терульдъ*. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что этотъ Терульдъ (Theroulde) или Турольдъ (Turoldus), былъ тотъ самый Терульдъ, о которомъ упоминается въ норманскихъ хроникахъ, какъ объ учителѣ Вильгельма-Завоевателя. Но между современниками и соотечественниками Вильгельма-Завоевателя было неисчислимое множество Терульдовъ: ихъ было столько же, сколько встрѣчаемъ мы въ наше время между нашими соотечественниками Соколовыхъ и Смирновыхъ. Потому никакъ нельзя сказать навѣрное, что Терульдъ, сложившій *Пѣснь о Роландѣ*, былъ тотъ самый, который занимался обученіемъ будущаго героя Гастингской битвы и покорителя Англіи. Гораздо важнѣе другой вопросъ: *на сколько* Терульдъ, кто бы онъ ни былъ, авторъ этой пѣсни? Самъ ли онъ сложилъ ее или только привелъ въ нѣкоторый порядокъ и записалъ все то, что въ его время пѣлось о Роландѣ въ народѣ, — другими словами: кому приписать созданіе поэмы, отдѣльному ли лицу или цѣлому народу? Стройность плана поэмы, при значительномъ ея объемѣ, и единство идеи, которой она вся проникнута, явно показываетъ, что она не есть собраніе многихъ пѣсенъ, записанныхъ съ голоса народа, и только механически связанныхъ между собой какимъ-нибудь

грамотѣемъ, но есть цѣльное, строго-обдуманное созданіе одной творческой мысли. Съ другой стороны, наивная вѣра, съ которой пѣвецъ Роланда разсказываетъ о сверхъестественныхъ подвигахъ своихъ героевъ, даетъ ясно понять читателю, что Терульдъ не самъ выдумалъ то, что разсказываетъ, и не выдаетъ за истину свой собственный вымыселъ, а только передаетъ тѣ факты, которые слышалъ отъ другихъ и въ непреложности которыхъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ они опираются въ его глазахъ на авторитетъ всеобщаго вѣрованія. Потому вѣрнѣе всего предположить, что Терульдъ въ своей поэмѣ *воссоздалъ* народныя легенды о Карлѣ Великомъ и сподвижникѣ его Роландѣ, подобно тому, какъ историкъ-художникъ, описывая какое-нибудь событіе, воссоздаетъ первоначальные источники и слагаетъ въ одно стройное цѣлое отрывки устныхъ народныхъ преданій или сказанія нѣсколькихъ лѣтописцевъ. *Пѣснь о Роландѣ* на столько же принадлежитъ Терульду, на сколько Геродотово описаніе персидскихъ войнъ принадлежитъ Геродоту. Древній греческій историкъ, въ разсказѣ котораго есть столько невѣроятнаго, ничего не выдумалъ самъ: всѣ событія, имъ описанныя, почерпнуты изъ сказаній, ходившихъ въ народѣ; но кто же скажетъ, что исторія имъ написанная, сочинена не имъ, а цѣлымъ народомъ: ибо былины, имъ собранныя, прошли черезъ его творческую душу, очистились отъ всякихъ посторонніхъ примѣсей, проникнись и одухотворились одной идеей, и сложились въ одно стройное, художественное цѣлое. Черезъ такой же процессъ творчества прошли и народныя сказанія и легенды, изъ которыхъ Терульдъ сложилъ свою поэму.

Древняя *Пѣснь о Роландѣ*, въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь знаемъ, была весьма долгое время неизвѣстна новой Франціи. Главной причиной тому было равнодушіе, съ кото-

рымъ еще такъ недавно французское общество и даже большинство французскихъ литераторовъ относились къ своей родной поэзіи среднихъ вѣковъ. Франція, гордая своими Корнелями и Расинами, представляющими безукоризненные образцы правильности и чистоты языка, ничѣмъ не нарушающими правила гостиныхъ приличій, никогда не преступающими законовъ здраваго смысла (le bon sens), провозглашеннаго въ кодексѣ Буало краеугольнымъ камнемъ всякаго творчества,— гордая этими гигантами лжеклассической поэзіи,— цивилизованная, приличная, раздушенная Франція, какъ бы стыдилась своего варварскаго прошедшаго, шокируясь его грубымъ, необработаннымъ языкомъ, и его безъискуственной поэзіей, незнавшей ни l'art poétique Буало, ни этикета двора Людовика XIV. Бѣлоручки французскіе литераторы лѣнивo и неохотно рылись въ запыленныхъ рукописяхъ средневѣковой литературы, скудно вознаграждаемые вниманіемъ общества за свои поиски и находки. Конечно такое равнодушіе къ родной старинѣ не могло продлиться вѣчно: между французскими писателями явились наконецъ Ренуары, Вильмены, Сисмонди— люди съ новыми, живыми взглядами на литературу,— и міръ поэзіи трубадуровъ былъ открытъ и всѣми признанъ; но *Пѣснь о Роландѣ* оставалась неизвѣстна долѣе другихъ, несравненно менѣе важныхъ произведеній древне-французской словесности; ученые имѣли только смутное понятіе о ея содержаніи. Нѣсколько старыхъ рукописей, заключающихъ въ себѣ сказаніе о ронсевальской битвѣ (li romans de Roncisvals) спокойно лежали на полкахъ общественныхъ библіотекъ Франціи: ихъ почти никто не тревожилъ; а если порой кой-кто въ нихъ и заглядывалъ, то эти розыски не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій. Первый, кто заговорилъ серьезно, съ точки зрѣнія современной науки объ этомъ памятникѣ древнѣйшей французской поэзіи, былъ воспитанникъ Париж-

ской нормальной школы, г. Моненъ. Въ 1832 году онъ защищалъ въ Сорбоннѣ диссертацію, и взялъ для ея темы содержаніе двухъ неизданныхъ манускриптовъ, заключающихъ въ себѣ повѣствованіе о ронсевальской битвѣ, т. е. подновленные и искаженные тексты поэмы Терульда. Молодой человѣкъ показалъ рѣдкую проницательность, при разборѣ и литературной оцѣнкѣ этихъ памятниковъ: онъ угадалъ сразу, что они представляютъ ничто иное, какъ подновленіе и передѣлку древней, истинно-національной эпопеи. Эта смѣлая догадка вскорѣ оправдалась: нѣсколько лѣтъ спустя послѣ диспута г. Монена въ Сорбоннѣ, во Францію пришло извѣстіе, что по ту сторону Ламанша—въ Оксфордѣ хранится рукопись, заключающая въ себѣ древнее поэтическое сказаніе о ронсевальской битвѣ. Въ то время министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи былъ Гизо. Онъ немедленно послалъ въ Англію французскаго ученаго г. Франсиска Мишеля съ порученіемъ снять копію съ драгоцѣннаго памятника первоначальной поэзіи Франціи. И вотъ два года спустя (въ 1837 г.) появился печатный текстъ *Пѣсни о Роландѣ*, по Оксфордскому списку. Вслѣдъ затѣмъ стали появляться переводы этой поэмы какъ на новомъ французскомъ, такъ и на другихъ европейскихъ языкахъ.

Но что же такое этотъ Оксфордскій списокъ *Пѣсни о Роландѣ*? Заключается ли въ его текстѣ та самая пѣснь, которую пѣлъ смѣлый воинъ Тайлльферъ, гарцуя на своемъ конѣ передъ непріятельскимъ войскомъ въ равнинахъ Гастингса. Текстъ поэмы Терульда, по Оксфордскому списку, какъ утверждаютъ знатоки древней французской словесности, писанъ тѣмъ же самымъ древне-французскимъ языкомъ, какимъ говорили воины Вильгельма Завоевателя, слѣдовательно и Тайлльферъ пѣлъ на томъ же самомъ языкѣ. Но пѣлъ ли онъ то же самое, что заключаетъ въ себѣ Оксфордская

рукопись? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ пѣлъ *то же*, да только *не совсѣмъ такъ*. Дѣло въ томъ, что и Оксфордскій списокъ не заключаетъ въ себѣ самаго первоначальнаго текста поэмы: онъ только самый древній изо всѣхъ, дошедшихъ до насъ, списковъ, и потому даетъ намъ не первоначальный, а только наименѣе подновленный и наименѣе искаженный текстъ *Пѣсни о Роландѣ*. Эта *Пѣснь*, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, представляетъ много мѣстъ совершенно не пѣсенныхъ; видно по всему, что первоначальный ея текстъ былъ сжатѣе, меньше по объему, стройнѣе по плану, проще и кратче по выраженію, и потому долженъ былъ производить впечатлѣніе несравненно сильнѣе и цѣльнѣе того, которое производитъ онъ въ подновленномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэма Терульда, какъ мы уже сказали выше, сильно пострадала отъ поправокъ, поясненій и дополненій грамотѣевъ, ее переписывавшихъ. Извѣстно, что переписчики рыцарскихъ поэмъ нисколько съ ними не церемонились; они ихъ украшали и распространяли совершенно по своему произволу. «Два стиха, писанные въ XI вѣкѣ,» говоритъ одинъ французскій ученый, «разгонялись въ десять въ рукописи XII вѣка, а въ XIV они уже разростались въ сотню.» Этой участи не могла миновать и *Пѣснь о Роландѣ*. Надо предполагать, что она дошла до насъ *почти вся*, но облеченная толстой корой позднѣйшихъ посторонніхъ наростовъ: золото истинной поэзіи перемѣшано въ ней съ наноснымъ пескомъ переправокъ и вставокъ старинныхъ книжниковъ и грамотѣевъ. Къ тому же эти грамотѣи, какъ мы полагаемъ, не ограничились дополненіемъ и распространеніемъ ея текста, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и выкидывали изъ него все то, что имъ не нравилось, и такимъ образомъ, можетъ быть, лишили насъ многихъ перловъ истинной поэзіи. На это указываютъ пробѣлы въ содержаніи поэмы, которые чувствуются, при внимательномъ ея чтеніи.

Пѣснь о Роландѣ, какъ полагаютъ ученые, сложена въ XI вѣкѣ или даже немного ранѣе. Она писана на древнефранцузскомъ или *романоваллонскомъ* языкѣ (иначе langue d'oïl) *). Лучшіе переводы этой поэмы принадлежатъ гг. Женену, Сентъ-Альбену и Аврилю. Особенно замѣчателенъ переводъ г. Женена; переводчикъ обладаетъ двумя, рѣдко совмѣстимыми качествами: съ огромной ученостью и тонкой проницательностью филолога онъ соединяетъ истинный поэтическій талантъ, который пробивается и сквозь прозаическую форму его перевода. Но поэтическая, сильно увлекающаяся натура переводчика повредила успѣху его книги. Г. Жененъ, вчитавшись въ поэтическія произведенія, писанныя на древнемъ французскомъ языкѣ, до того влюбился въ его безъискуственную простоту и наивность, до того проникнулся его духомъ, что ему казалось какой-то профанаціей перевести *Пѣснь о Роландѣ* на современный, чопорный французскій языкъ,—и ему пришла фантазія переложить поэму, писанную французскимъ языкомъ XI столѣтія на языкъ XVI. Переводъ самъ по себѣ превосходенъ, но понятенъ только для немногихъ даже и въ самой Франціи. — Прекрасный переводъ г. Аврилля особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ писанъ (почти неслыханное дѣло) *французскими бѣлыми* стихами.

По-русски мы имѣемъ переводъ большаго отрывка изъ *Пѣсни о Роландѣ*, сдѣланный г. профессоромъ Стасюлевичемъ и помѣщенный въ его практическомъ учебникѣ средней исторіи. Переводъ этотъ написанъ прозой и отличается близостью къ подлиннику, что совершенно соотвѣтствуетъ его цѣли—дать нашей учащейся молодежи точное понятіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ литературы среднихъ вѣковъ.

---

*) Такъ называется языкъ, которымъ говорила сѣверная Франція, въ отличіе отъ другаго языка—южной Франціи—провансальскаго (иначе langue d'oc).

Нашъ неутомимый изслѣдователь и ученый знатокъ народной эпической поэзіи—московскій профессоръ г. Буслаевъ, знакомящій русскихъ читателей съ произведеніями средневѣковаго искуства, напечаталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекрасную статью о поэмѣ Терульда *). Изложивъ въ сжатомъ очеркѣ весьма обстоятельно и толково все содержаніе *Пѣсни о Роландѣ*, онъ обставилъ этотъ очеркъ историческими, эстетическими и филологическими объясненіями, изъ которыхъ читатель можетъ достаточно познакомиться и съ красотами поэмы, и съ нѣкоторыми характеристическими особенностями языка, на которомъ она написана.

Трудясь надъ переводомъ *Пѣсни о Роландѣ*, мы больше всего руководствовались объясненіями французскаго ученаго, академика Витэ **), приведенными въ его превосходномъ историческомъ и критическомъ изслѣдованіи: «*La Chanson dė Roland.*» Отрывкомъ изъ этой статьи Витэ мы начали наше предисловіе, отрывки изъ нея приводимъ и въ заключеніе, дополненіе и подтвержденіе всего нами сказаннаго о поэмѣ Терульда ***)

---

*) Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1864.

**) Недавно умершій вице-президентъ Французскаго національнаго собранія.

***) Отрывки эти мы постарались связать въ одно цѣлое, причемъ исключили изъ сужденій французскаго ученаго все то, что неинтересно и ненужно для русскихъ читателей, а также нѣсколько распространили и пояснили своими словами нѣкоторыя, не совсѣмъ популярныя, по изложенію, мѣста его изслѣдованій.

«Содержаніе *Пѣсни о Роландѣ*,—говоритъ г. Витэ,—основано на исторической истинѣ. Правда, историческое событіе представлено въ ней не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, или, лучше сказать, исторія въ ней уступаетъ мѣсто легендѣ; но все таки зерно, изъ котораго развилась эта легенда, заключаетъ въ себѣ истинное происшествіе: ронсевальская битва—гибель франкскаго войска въ тѣснинахъ пиринейскихъ есть историческій фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. И тщетно историкъ Карла Великаго Эгингардъ старается умалить значеніе этого событія. Въ своемъ оффиціальномъ разсказѣ біографъ и другъ императора проронилъ какъ бы невольно нѣсколько словъ, которыя раскрываютъ то, что онъ хотѣлъ скрыть. «Французы» — говоритъ онъ — «бывшіе въ этомъ дѣлѣ, погибли всѣ до одного.» А въ другомъ мѣстѣ историкъ прибавляетъ: «это несчастіе отравило горемъ въ сердцѣ Карла Великаго всю радость, которую принесли ему его побѣды въ Испаніи.» И такъ ронсевальское дѣло было не просто стычка между двумя малыми отрядами, но истинное пораженіе, и притомъ единственное, которое испыталъ Карлъ Великій въ продолженіи сорокашестилѣтняго своего царствованія. Понятно, что эта катастрофа произвела сильное, глубокое впечатлѣніе на народъ. И это впечатлѣніе врѣзалось еще глубже въ народное сознаніе, когда, по роковому стеченію обстоятельствъ, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ тѣхъ же самыхъ тѣснинахъ пиринейскихъ было истреблено войско одного изъ сыновей Карла Великаго. Воображеніе народовъ Запада вскорѣ слило эти два событія въ одно, и потомъ, въ продолженіи длиннаго періода времени—времени совершеннаго невѣденія и наивныхъ вѣрованій—всѣ второстепенныя историческія подробности ронсевальской битвы, переходя изъ устъ въ уста, раскрашивались поэтической фантазіей и наконецъ сложились въ легенду, вѣрнымъ отголоскомъ которой является *Пѣснь о Роландѣ*. Та-

нимъ образомъ въ этой поэмѣ Карлъ Великій представленъ бѣловласымъ старцемъ-патріархомъ, тогда какъ въ годъ битвы ронсевальской ему было всего тридцать пять лѣтъ; онъ является въ ней императоромъ, за двадцать два года до принятія имъ этого титула; Роландъ, въ которомъ легенда олицетворила мужество французской дружины въ день роковой битвы, названъ племянникомъ Карла Великаго, между тѣмъ какъ историческіе факты не только не указываютъ на это родство, но скорѣе отвергаютъ его *); Гасконцы, измѣннически напавшіе на Французовъ въ ронсевальской долинѣ, превращены въ Сарацынъ, а предводитель ихъ «*Волкъ* по имени и по своимъ дѣламъ,» какъ названъ онъ въ одной древней грамотѣ, преобразился въ два лица—въ короля Марсидя и предателя Ганелона. Всѣ эти метаморфозы, происхожденіе которыхъ мы постараемся раскрыть передъ читателемъ, нисколько не измѣняютъ сущности дѣла: это только аксессуары: но они обязаны своимъ происхожденіемъ не капризу, не прихоти поэта, который выдумалъ ихъ для собственнаго удовольствія и забавы другихъ. Нѣтъ они сложились постепенно историческимъ, органическимъ процессомъ въ воображеніи цѣлаго народа, окрѣпли въ его сознаніи, и возвысились до степени непоколебимыхъ священныхъ вѣрованій.

«Какимъ же образомъ сложилась въ народномъ воображеніи главная историческая несообразность, такъ рѣзко бросающаяся въ глаза въ поэмѣ Терульда, а именно: какимъ образомъ Гасконцы превратились въ Сарацынъ, и битва между ними и Французами явилась какимъ-то великимъ эпизодомъ великой свя-

---

*) Роландъ въ поэмѣ Терульда называется прямо сыномъ сестры императора; но извѣстно, что единственная сестра Карла Великаго была отдана съ дѣтства въ монастырь.

щенной войны—борьбы поклонниковъ креста съ поклонниками корана? Есть внутреннія историческія причины, почему предательскій поступокъ Гасконцевъ приписанъ впослѣдствіи мусульманамъ. Прежде всего надо сказать, что Сарацыны, послѣ смерти Карла Великаго, столько разъ нападали на Аквитанію, и навели такой страхъ на западную Европу, что изгладили въ ней слѣды всякаго воспоминанія о столкновеніи Христіанъ съ Христіанами на испанскихъ границахъ: уже всѣ привыкли думать, что всякое нападеніе со стороны Испаніи, всякая непріятельская засада въ горахъ пиринейскихъ должна быть дѣломъ *невѣрныхъ* Сарацынъ. Къ тому же разсказы о бѣдствіяхъ Христіанъ на Востокѣ, мукахъ, которыя претерпѣваютъ поклонники Гроба Господня отъ поборниковъ корана, поселили во всѣхъ такую ненависть къ Магометанамъ, что народъ видѣлъ въ нихъ источникъ всѣхъ золъ какъ настоящихъ, такъ и прошедшихъ. Понятно, что и ронсевальская катастрофа, въ то время, когда ея историческія подробности уже изгладились изъ памяти народа, стала представляться его воображенію, какъ дѣло всѣмъ ненавистныхъ Сарацынъ. *Пѣснь о Роландѣ* сложилась въ то время, когда всеобщая ненависть къ Магометанамъ уже достигла крайнихъ предѣловъ: уже во всѣхъ умахъ зарождалась смутная, но глубоко ихъ волновавшая мысль: освободить Европу отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, истребить этихъ хищныхъ птицъ и разорить самое ихъ гнѣздо—другими словами, выгнать поклонниковъ корана изъ Палестины. Воспоминаніе о ронсевальской битвѣ—о вѣроломномъ избіеніи Христіанъ, совершённомъ будто бы Сарацынами, призывало къ отмщенію всѣ народы Запада. Еслибъ пѣвецъ Роланда зналъ истину,—зналъ, что Сарацыны ни въ чемъ не повинны въ этомъ бѣдствіи, онъ не взялъ бы сюжетомъ для своей поэмы гибель французскаго войска въ Пиринеяхъ; а еслибъ онъ и представилъ это событіе какъ оно было въ самомъ дѣлѣ, т. е. изо-

бразилъ бы битву не между поклонниками креста и поборниками корана, а рѣзню Христіанъ съ Христіанами, то поэма его не имѣла бы никакого успѣха въ народѣ, который жаждалъ только разсказовъ о борьбѣ съ невѣрными: во всякомъ злодѣйскомъ, гнусномъ дѣлѣ народъ хотѣлъ видѣть козни Сарацынъ, Сарацынъ, которые грезились ему повсюду. Повторяемъ: будущая священная война—война противъ гонителей Христіанства была въ то время во всѣхъ умахъ и сердцахъ; какъ же ей было не отразиться и въ эпопеѣ того времени?

«*Пѣснь о Роландѣ* хотя и не прямо проповѣдуетъ крестовые походы, но подготовляетъ, вызываетъ ихъ. Она является какъ бы вступленіемъ, прелюдіей къ проповѣди Петра-пустынника; поэтъ Терульдъ задолго,—можетъ быть, за сто лѣтъ—до священной войны за Гробъ Господень — является первымъ поборникомъ и глашатаемъ тѣхъ высокихъ чувствъ и помысловъ, которые подвигли народы Запада въ степи Сиріи и Палестины. Но мы считаемъ Терульда провозвѣстникомъ крестовыхъ походовъ не потому только, что въ его поэмѣ встрѣчается прямое указаніе на бѣдствія Христіанъ на Востокѣ, не потому, что въ послѣдней ея строфѣ Ангелъ Божій повелѣваетъ Карлу Великому идти въ Азію на спасеніе единовѣрцевъ; не на основаніи этихъ подробностей видимъ мы въ пѣвцѣ Роланда предшественника Петра-пустынника. Нѣтъ; но все содержаніе его поэмы, вся она —съ перваго до послѣдняго стиха—проникнута идеей священной войны. Что воспѣваетъ, что прославляетъ *Пѣснь о Роландѣ?* Геройское мужество, готовность къ самопожертвованію воиновъ-Христіанъ, падшихъ въ борьбѣ съ Магометанами и не имѣвшихъ въ виду никакой земной награды за свой подвигъ. И нельзя не замѣтить, что идея, вдохновившая Терульда, принадлежитъ къ высшимъ поэтическимъ идеямъ, и вполнѣ достойна Христіанской поэмы. Найдите въ какомъ нибудь другомъ вѣкѣ эпопею, которая бы имѣла цѣлью

прославить, обезсмертить несчастіе. Эпопеи всѣхъ вѣковъ воспѣваютъ успѣхъ, счастливое мужество, счастливую отвагу, увѣнчанную побѣдой; одна только *Пѣснь о Роландѣ* воспѣваетъ пораженіе и гибель — *несчастное* мужество, не увѣнчанное никакой земной наградой *.) Муза классической древности никогда не отваживалась воспѣвать несчастія своего отечества —прославлять пораженіе своихъ соотечественниковъ на полѣ битвы, какимъ бы высокимъ подвигомъ ни было ознаменовано это пораженіе. Никакой эпическій поэтъ не воспѣлъ гибель Леонида при Ѳермопилахъ; Римъ только оплакалъ смерть своихъ трехъ-сотъ Фабіевъ: Виргилію не могло и придти въ голову воспѣвать стихами гибель римскаго войска. Такія темы для эпическихъ поэмъ были немыслимы въ древнемъ языческомъ мірѣ: за нихъ могъ взяться только Христіанскій поэтъ. Поэзія только тогда могла подняться до такой высоты идей, когда въ дѣвственныя сердца новыхъ народовъ проникло, вмѣстѣ съ лучами Христіанства, высокое убѣжденіе въ суетности земнаго счастія, земной славы; когда они узнали цѣну земныхъ побѣдъ и поняли, что подвиги и слава героя ничто передъ подвигомъ и славой мученика. Мученическій подвигъ воина на полѣ битвы, вотъ главная идея *Пѣсни о Роландѣ*,—идея ее породившая. Легенды, предшествовавшія поэмѣ Терульда, прославляли только мучениковъ, павшихъ безъ сопротивленія своимъ мучителямъ. Терульдъ первый изобразилъ мучениковъ, умирающихъ въ борьбѣ съ противниками креста и не выпускающихъ изъ рукъ своихъ до послѣдней минуты меча, обнаженнаго ими на защиту Христіанства. *Пѣснь о Роландѣ* является какъ бы поученіемъ,

---

*) Г. Вите, разумѣется, никогда и не слыхалъ, что существуетъ на Руси *Слово о полку Игоря*, воспѣвающее *несчастный* походъ русскаго князя противъ Половцевъ.

школой для грядущихъ поколѣній, которыя лягутъ костьми подъ стѣнами Іерусалима и Антіохіи: поэтъ является воспитателемъ этихъ героевъ священной войны. Онъ самъ не зналъ, какое великое дѣло сдѣлалъ своей пѣсней! Чуждый въ своей поэзіи всякихъ страстей, разнѣживающихъ и разслабляющихъ душу, чуждый всего, что безполезно тѣшитъ воображеніе, онъ воспламенялъ въ своихъ слушателяхъ героизмъ, мужество и готовность къ самопожертвованію; онъ вызвалъ и укрѣпилъ тѣ высокія идеи, которыя разразились могучимъ взрывомъ въ концѣ XI столѣтія, но которыя уже были въ броженіи почти за сто лѣтъ до этого взрыва.

«Таковы идеи, одушевлявшія Терульда. И какая разница между *Пѣснью о Роландѣ*, между этимъ произведеніемъ мужественной и строгой поэзіи и поэмами послѣдующихъ вѣковъ, которыя такъ игриво и беззаботно толкуютъ о любви и не имѣютъ другой цѣли, какъ забавлять своими пустыми вымыслами праздныхъ людей. Отсутствіе всякой любовной интриги, всякихъ любовныхъ похожденій и строгость и чистота религіознаго чувства—вотъ двѣ черты, рѣзко отличающія *Пѣснь о Роландѣ* отъ другихъ рыцарскихъ поэмъ, имѣющихъ впрочемъ тоже свои поэтическія достоинства. Любовь и война—вотъ вѣчныя, неизбѣжныя темы всѣхъ эпическихъ произведеній среднихъ вѣковъ. Если въ иномъ изъ нихъ любовь и не играетъ главной роли, за то ей посвящены самыя лучшія мѣста поэмы. Герои рыцарскихъ поэмъ, даже въ самомъ пылу битвы, стремятся мечтами къ своимъ дамамъ и, умирая на полѣ чести, воспѣваютъ ихъ прелести. Рыцарская любовь (la galanterie chevaleresque)—это душа французской поэзіи среднихъ вѣковъ. Она является неисчерпаемымъ источникомъ тѣхъ безконечныхъ эпизодовъ, которыми наполнены рыцарскія поэмы. Напротивъ того въ *Пѣсни о Роландѣ* нѣтъ ни одной любовной сцены, нѣтъ ни одного слова о рыцарской любви. Только по одному

или двумъ неяснымъ намекамъ, проскользнувшимъ въ поэмѣ, узнаемъ мы, что Роландъ влюбленъ; но самъ онъ нигдѣ не говоритъ о своей сердечной привязанности. Въ какой поэмѣ послѣдующихъ временъ встрѣтимъ мы такую безмолвную любовь? Отъ героя рыцарской поэмы требовалось, чтобъ онъ умѣлъ и хорошо драться съ непріятелемъ и хорошо говорить о своей любви. Не таковы герои *Пѣсни о Роландѣ*—эти желѣзные люди суроваго долга. Кто можетъ ихъ заставить говорить о ранахъ своего сердца? И если бы нашелся изъ нихъ одинъ, который заговорилъ бы такія рѣчи,—то товарищи его со стыдомъ и съ краской въ лицѣ отвернулись бы отъ него, какъ отъ какого-то выродка, разслабленнаго и растлѣннаго сердцемъ. И самъ поэтъ такъ же скроменъ, такъ же высокоцѣломудренъ въ рѣчахъ своихъ, какъ и его герои. Во всей поэмѣ мы видимъ только двухъ женщинъ—Браннимунду—жену Марсиля и Оду—невѣсту Роланда. Браннимунда является идеаломъ женской преданности и покорности мужу. Ода показывается передъ нашими глазами только на нѣсколько мгновеній: — какъ свѣтлый ангелъ, она пролетаетъ передъ нами и исчезаетъ; она является для того только, чтобъ умереть. Правда она умираетъ отъ любви — любви глубокой, сосредоточенной, но чувство это у нея не выражается словами: ея любовь такъ чиста и возвышенна, что всякое описаніе этой любви, всякое сердечное изліяніе было бы ея профанаціей. Только поэтъ одиннадцатаго вѣка могъ такъ представить любовь—въ столь немногихъ словахъ, такъ сильно, такъ выразительно. Терульдъ, жившій, въ вѣкъ несокрушимой вѣры и энергіи, насмотрѣлся, какъ выражается истинно-глубокая, сосредоточенная привязанность сердца. Могъ ли бы поэтъ, родившійся хоть однимъ столѣтіемъ послѣ Терульда, упустить такой прекрасный случай, какъ несчастная любовь Оды, чтобъ не разразиться цѣлымъ потокомъ такъ называемой поэзіи. Такъ и поступили

всѣ подражатели и подновители *Пѣсни о Роландѣ*. Эта коротенькая *тема* разростается у нихъ въ безконечныя *варіяціи*. Въ ихъ поэмахъ Ода никакъ не можетъ умереть съ одного разу: она то говоритъ, то плачетъ, то опять говоритъ,— и нѣтъ конца ея сердечнымъ изліяніямъ.

«Другая отличительная черта *Пѣсни о Роландѣ* заключается, какъ мы уже сказали, въ особенной строгости и чистотѣ религіозныхъ чувствъ, въ ней выраженныхъ. Конечно религіи отведено почтенное мѣсто и въ другихъ рыцарскихъ поэмахъ. Ихъ герои, даже самые свѣтскіе и воинственные, отличаются большой набожностью: они очень аккуратно читаютъ свои молитвы, очень часто и усердно преклоняютъ колѣна передъ изображеніемъ святыхъ и съ большой готовностью поручаютъ свою душу Богородицѣ. Въ герояхъ поэмы Терульда почти не замѣчаешь внѣшнихъ признаковъ набожности и благочестія, но вѣра ихъ несравненно возвышеннѣе, чище и живѣе чѣмъ вѣра ихъ потомковъ, изображенныхъ въ рыцарскихъ поэмахъ послѣдующаго времени. Отчего жъ такая разница въ религіозныхъ чувствахъ между потомками и предками? Оттого, что потомки—герои поэмъ XII-го и послѣдующихъ за нимъ вѣковъ—уже возвратились изъ крестовыхъ походовъ, а предки—герои Терульда—только готовятся къ священной войнѣ, готовятся къ борьбѣ съ невѣрными; первые уже живутъ въ вѣкъ, породившій философію Абельяра, и сомнѣніе готово проскользнуть въ ихъ набожность, отличающуюся такой любовью къ обрядности; вторые—истинные крестоносцы въ душѣ,—и сомнѣніе въ вѣрѣ для нихъ такое же непонятное, неслыханное чувство, какъ и страхъ на полѣ битвы.

«Есть еще черта, рѣзко отличающая поэму Терульда отъ другихъ рыцарскихъ поэмъ. Въ *Пѣсни о Роландѣ* является въ первый разъ высокое, ясно-сознанное чувство патріотизма, національности. Во всѣхъ другихъ французскихъ поэмахъ сред-

нихъ вѣковъ мы видимъ или чувства космополитизма, или узкіе мѣстные интересы одной какой нибудь провинціи или даже одного какого нибудь феодальнаго замка; въ *Пѣсни о Роландѣ* является широкая мысль о единой и нераздѣльной Франціи. Лицо государя въ произведеніи Терульда является тоже совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, нежели у другихъ древнихъ французскихъ поэтовъ, которые представляютъ Карла Великаго какимъ-то тупымъ деспотомъ, обязаннымъ своими успѣхами только своимъ баронамъ. Дѣло въ томъ, что эти поэты, какъ вѣрный отголосокъ борьбы современной имъ феодальной аристократіи съ королемъ, славятъ только высшее дворянство и стараются всячески унизить королевскую власть. Но Терульдъ, постигнувъ величіе государственнаго единства, ставитъ высоко и представителя этого единства. Императоръ является у него главнымъ героемъ поэмы: онъ цѣлой головой выше своихъ сподвижниковъ—онъ выше самого Роланда—Роланда, имени котораго посвящена поэма; онъ царственно могучъ, царственно справедливъ, царственно величественъ; всѣ ему повинуются безпрекословно, не потому что онъ деспотъ, но потому что всѣ любятъ его, всѣ благоговѣютъ передъ нимъ.

«*Пѣснь о Роландѣ* была бы великой народной эпопеей, еслибъ была написана не на грубомъ, только что раждающемся нарѣчіи, а на языкѣ вполнѣ установившемся и вообще еслибъ ея внѣшняя форма не была несравненно ниже ея содержанія. Но таковы всѣ поэтическія, безъискуственныя произведенія среднихъ вѣковъ: ихъ внѣшняя оболочка, въ своихъ художественныхъ подробностяхъ, никогда не соотвѣтствуетъ достоинству идеи. И не одна поэзія, но и всѣ другія искусства среднихъ вѣковъ страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Художникъ того времени не могъ побѣдоносно бороться съ формой: вознесенный идеями Христіанства на такую высоту, до которой не достигали и самые мощные, самые возвышенные геніи ан-

тичнаго міра, и въ то же время подавленный невѣжествомъ и грубостью полуварварскаго вѣка, могъ ли онъ произвести что нибудь совершенное, представляющее гармоническое сочетаніе идеи съ формой? Его мысль постоянно парила на такой высотѣ, куда никакъ не могла подняться та грубая тяжелая матерія, въ которую онъ долженъ былъ облекать свои идеалы. Кто хочетъ понять искусство среднихъ вѣковъ, кто хочетъ наслаждаться его красотами, тотъ долженъ быть свыше всѣхъ мелочей и не обращать вниманія на его недостатки,—долженъ примириться съ несовершенствомъ формы, ради высоты содержанія. Всегда и вездѣ будутъ люди, которые, вооружась карманнымъ циркулемъ, *не позволятъ* себѣ восхищаться красотой древняго величественнаго собора, если замѣтятъ, что какой нибудь мелкій орнаментъ не согласуется съ характеромъ цѣлаго зданія, не подходитъ подъ тѣ законы, которые они заучили изъ книгъ; но, слава Богу, всегда и вездѣ найдутся и такіе цѣнители искусствъ, которые, не обращая вниманія на мелочи, справляются только съ собственными чувствами, чтобъ узнать достойно ли удивленія или порицанія то, что они видятъ. Искусство среднихъ вѣковъ, не смотря на несовершенство формы, умѣетъ говорить сердцу, и чѣмъ внимательнѣе изучаешь его, тѣмъ болѣе открываешь въ немъ красотъ. Въ этомъ отношеніи *Пѣснь о Роландѣ* представляетъ самое типическое произведеніе эпохи. Чѣмъ больше ее читаешь, тѣмъ больше находишь въ ней не только сокровищъ-самородковъ первоначальной, безъискуственной поэзіи, но даже красотъ, достойныхъ занять мѣсто въ произведеніяхъ классическаго искусства. Рядомъ съ тѣми величественными красотами, которыми поэтъ обязанъ не столько своему таланту, сколько силѣ своихъ вѣрованій, замѣчаешь другія, болѣе тонкія и нѣжныя красоты, какъ будто созданныя рукой образованнаго мастера; любуясь ими, невольно спрашиваешь себя: да гдѣ же и у кого научился

этотъ полуграмотный поэтъ такимъ тонкимъ художественнымъ пріемамъ?! Нашъ поэтъ не знаетъ ничего: онъ не имѣетъ никакого понятія ни объ исторіи, ни о географіи; онъ не знаетъ ничего такого, чему можно научиться изъ книгъ; онъ знаетъ только сердце человѣческое и за то знаетъ его глубоко: онъ извѣдалъ всѣ его сокровеннѣйшіе изгибы, и потому ни одинъ ученый литераторъ не въ силахъ его превзойти въ изображеніи характеровъ.

«*Пѣснь о Роландѣ* представляетъ намъ много высокихъ, свѣтлыхъ и величественныхъ образовъ въ давно минувшемъ прошедшемъ, и не худо оглядываться и созерцать эти отдаленные отъ насъ образы, въ тѣ дни, когда все то, что близко насъ, такъ мельчаетъ и тускнѣетъ.»

Теперь, когда наши читатели уже сколько нибудь знакомы съ историческимъ и эстетическимъ значеніемъ *Пѣсни о Роландѣ*, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ *вольномъ* переводѣ этой поэмы. Слово вольный уже само достаточно показываетъ читателю, что мы не предлагаемъ ему точнаго снимка съ одного изъ главныхъ памятниковъ народной словесности среднихъ вѣковъ; но мы хотимъ объяснить насколько и по какимъ причинамъ мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего переложенія отступили отъ подлинника.

Сперва мы было хотѣли перевести поэму Терульда, не уклоняясь ни въ чемъ отъ ея текста—перевести, какъ говорится, стихъ въ стихъ, слово въ слово. Придерживаясь такого способа переложенія, мы уже перевели почти третью часть поэмы, когда наконецъ увидали, перечитывая нашъ переводъ, что *Пѣснь о Роландѣ* мѣстами точно такъ же непереводима на Русскій языкъ, какъ непереводимы на Французскій произведенія Русскаго народнаго эпоса. Кромѣ того, ознакомясь ближе

съ произведеніемъ Терульда, мы убѣдились вполнѣ, что оно, какъ мы уже говорили выше, все испещрено вставками старинныхъ переписчиковъ: эти вставки чувствуешь, когда вникнешь въ духъ подлинника—онѣ рѣжутъ глаза, какъ яркія заплатки на платьѣ, сдѣланныя совершенно не подъ цвѣтъ той матеріи, изъ которой сшито все платье. Поправки, прикрасы и дополненія переписчиковъ *Пѣсни о Роландѣ* имѣютъ еще какое нибудь значеніе на языкѣ подлинника—онѣ любопытны для филологовъ; но въ переводѣ онѣ рѣшительно никому не нужны и не интересны и только бы нарушали общій тонъ поэмы и задерживали бы ходъ разсказа. Сообразивъ все это, мы рѣшились перевести *Пѣснь о Роландѣ* по другой системѣ — рѣшились оставить непереведенымъ все то, что теряетъ всякое значеніе въ переводѣ, сократить, напримѣръ, безконечныя описанія сраженій, описанія, которыя заключаютъ въ себѣ утомительное повтореніе одного и тогоже. Но тутъ намъ встрѣтилось новое затрудненіе: въ переводѣ нашемъ явились пробѣлы, которые было необходимо нужно пополнить, чтобы связать одну часть поэмы съ другой,—и тогда мы сами, поневолѣ, впали въ то же преступленіе, въ которомъ обвиняемъ старинныхъ переписчиковъ и подновителей поэмы Терульда.... Что касается до другихъ вольностей нашего переложенія, то скажемъ вообще, что мы заботились больше всего о томъ, чтобъ быть вѣрными идеѣ и духу *Пѣсни о Роландѣ* и воспроизвести какъ можно полнѣе и выпуклѣе характеры дѣйствующихъ лицъ. Кромѣ того, слѣдуя примѣру гг. Женена и Сентъ-Альбена, мы для большаго удобства читателя раздѣлили поэму на пѣсни и главы; этого раздѣленія нѣтъ въ подлинникѣ.

Въ примѣчаніяхъ къ нашей книгѣ приведенъ обращикъ тѣхъ мѣстъ, которыя мы рѣшились опустить въ переводѣ, по ихъ безцвѣтности и слишкомъ рѣзкому противорѣчію съ исторіей.

РОЛАНДЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ИЗМѢНА.

I.

Семь лѣтъ въ землѣ испанской воевалъ
Король нашъ Карлъ,—великій императоръ;
Изъ края въ край прошелъ онъ всю страну,
И покорилъ всю отъ моря до моря:
Сдались ему давно всѣ города,
Сдались ему всѣ крѣпости и замки,
Лишь не сдалась ему и не сдается,
А новыя все козни затѣваетъ
И все хитритъ предъ Карломъ Сарагосса;
Въ ней царствуетъ король Марсиль невѣрный —
Не вѣруетъ онъ въ истиннаго Бога,
И молится пророку Магомету.
И не добромъ Марсиль свой кончитъ вѣкъ:
Придетъ конецъ его крамоламъ темнымъ [1]).

II.

Въ саду своемъ въ тѣни зеленыхъ маслинъ
Сидѣлъ Марсиль на мраморномъ крыльцѣ,
И тысячи его вассаловъ вѣрныхъ
Вокругъ него тѣснилися толпами.
И рѣчь держалъ король къ своимъ вельможамъ;
Онъ говорилъ: «подайте мнѣ совѣтъ,

Разумные и опытные мужи!
Что дѣлать мнѣ?... Пришла погибель наша:
На насъ идетъ король французскій Карлъ.
Не устоятъ передъ его дружиной
Мои войска: возьметъ онъ Сарагоссу,
Сожжетъ до тла дворцы и замки наши,
И смертію позорной насъ казнитъ.
Рѣшите же вы, опытные мужи,
Что дѣлать мнѣ? Придумайте, скажите,
Какъ намъ спастись отъ смерти и безчестья?»

Никто не зналъ, что отвѣчать Марсилю
На рѣчь его; молчали Сарацыны.
Не промолчалъ одинъ лишь между ними
Мужъ опытный и хитрый, Бланкандринъ,
Уже не разъ совѣтами своими
Изъ тяжкихъ бѣдъ Марсиля выручавшій:

— «Не унывай!» сказалъ онъ королю.
«Вотъ мой совѣтъ: пошли посольство къ Карлу.
Вѣдь человѣкъ онъ гордый и надменный:
Ему нужна покорность и почетъ,
Такъ ты увѣрь его черезъ посольство,
Что будто ты смирился передъ нимъ,
И, какъ вассалъ покорный и смиренный,
Почти его богатыми дарами: —
Пошли ему въ подарокъ львовъ, медвѣдей,
И псовъ борзыхъ на сворахъ, и верблюдовъ,
Да тысячу отборныхъ ястребовъ [2]);
Отправь къ нему ты цѣлые возá
Съ червонцами — на жалованье войску,
И такъ пошли сказать ему съ послами:

«Великій Карлъ, довольно воевать
«Тебѣ у насъ: пора ужъ позвратиться
«Во Францію!» И поклянись ты Карлу,
Что власть его признаешь надъ собой,
И, что ко дню святаго Михаила
Ты самъ придешь къ нему въ его столицу,
Чтобы принять законъ тамъ Христіанскій.
А если онъ, словамъ твоимъ не вѣря,
Потребуетъ заложниковъ отъ насъ,
То мы ему и въ этомъ покоримся, —
И въ станъ его заложниковъ отправимъ.
А чтобъ скрѣпить вѣрнѣе нашу клятву, —
Чтобъ онъ скорѣй словамъ повѣрилъ нашимъ,
Мы сыновей къ нему своихъ пошлемъ
Въ заложники. Я первый, не колеблясь,
Отдамъ ему въ залогъ роднаго сына....
Да, государь, пусть лучше смертью лютой
Немногіе изъ подданныхъ твоихъ
Въ заложникахъ погибнутъ у Французовъ,
Чѣмъ весь народъ—мы всѣ навѣкъ утратимъ
Богатство, честь, отечество, свободу,
И въ тяжкій плѣнъ къ врагамъ своимъ пойдемъ.

«Клянусь тебѣ я правою рукой,
Клянусь тебѣ моими сѣдинами,
Что, выслушавъ посланниковъ твоихъ,
Тебѣ во всемъ повѣритъ императоръ.
И, положивъ конецъ войнѣ суровой,
Онъ будетъ радъ въ отчизну возвратиться.
Тамъ по домамъ онъ воиновъ распуститъ
Къ ихъ очагамъ семейнымъ — на покой,
А самъ войдетъ въ свою столицу — Ахенъ.

Наступитъ день святаго Михаила, —
И вспомнитъ Карлъ о нашемъ договорѣ,
И станетъ ждать прихода твоего.
Но день пройдетъ,—минуетъ срокъ урочный,
А не придетъ къ нему изъ Сарагоссы
Король Марсиль съ покорной головой.
Тогда поймётъ надменный императоръ,
Что, ослѣпленъ безумною гордыней,
Твоимъ словамъ напрасно онъ повѣрилъ,
И, можетъ быть, со злобы на тебя,
Онъ головы заложникамъ отрубитъ.
Но лучше пусть погибнутъ наши дѣти,
Чѣмъ сами мы навѣки потеряемъ
Испаніи прекрасную страну,
Добытую и кровію и потомъ.»

— «Онъ королю разумный далъ совѣтъ!»
Воскликнули кругомъ всѣ Сарацыны,
Лишь Бланкандринъ окончилъ рѣчь свою.

Доволенъ былъ его совѣтомъ хитрымъ
И самъ Марсиль, и, кончивъ совѣщанье,
Сталъ снаряжать вельможъ своихъ въ посольство.
И повелѣлъ быть старшимъ надъ послами
Онъ своему любимцу Бланкандрину.

— «Идите въ путь!» сказалъ король Марсиль
Своимъ посламъ. «Я съ вами шлю привѣтъ
Властителю земли французской Карлу
(Онъ въ лагерѣ теперь передъ Кордовой).
И отъ меня ему вы возвѣстите,
Что миръ ему я шлю во имя Бога,

Которому онъ молится и служитъ;
Что я готовъ идти къ нему въ вассалы
И въ вѣрности моей ему дамъ клятву,
И, что ко дню святаго Михаила
Я самъ приду въ его столицу Ахенъ,
Чтобы принять законъ тамъ Христіанскій.
А если Карлъ потребуетъ отъ васъ
Заложниковъ, то я и въ самомъ дѣлѣ
Заложниковъ послать ему готовъ.
А если вы искусными рѣчами
Съумѣете задобрить короля,
И договоръ съ нимъ мирный заключите, —
Я награжу васъ замками, землями,
И серебромъ и золотомъ осыплю.»

— «И безъ того у насъ всего довольно,»
Отозвались съ поклономъ царедворцы.

— «Повѣрь, что мы съ хорошими вѣстями
Придемъ назадъ,» примолвилъ Бланкандринъ.

Тогда Марсиль велѣлъ своимъ конюшимъ
Привесть посламъ своихъ завѣтныхъ муловъ,
Что въ даръ ему изъ за-моря прислалъ
Какой-то царь. И были эти мулы
Всѣ бѣлые отъ головы до ногъ;
Ихъ привели на золотыхъ уздечкахъ
Подъ сѣдлами, украшенными щедро
И серебромъ и золотомъ арабскимъ.
И вотъ на нихъ посланники Марсиля
Пустились въ путь къ Кордовѣ осажденной.

III.

Король нащъ Карлъ былъ въ радости великой:
Взялъ съ бою онъ Кордову — крѣпкій городъ
И разгромилъ снарядомъ стѣнобитнымъ
Вокругъ нея твердыню стѣнъ и башенъ.
Вся храбрая французская дружина,
Довольная побѣдой и добычей,
Веселіемъ и радостью сіяла;
Всего себѣ она достала вдоволь —
И боевыхъ доспѣховъ и коней,
И соболей, и тканей драгоцѣнныхъ,
И золота, и всякаго добра.

Былъ жарокъ день. Въ тѣни зеленой рощи
Сидѣлъ король среди своей дружины.
Былъ близъ него Роландъ, его племянникъ,
И вѣрный другъ Роланда — Оливье,
Былъ съ нимъ Готфридъ его знаменосецъ,
И Беранже, и старый герцогъ Неймскій...
И множество виднѣлось вкругъ него
Его дворянъ — сыновъ земли французской.
Всѣ рыцари сидѣли на коврахъ,
Разостланныхъ па муравѣ зеленой,
И за игрой досугъ свой коротали:
Надъ шашками сидѣла молодежь;
Но воины, которые лѣтами
И разумомъ другихъ зрѣлѣе были,
Тѣ въ шахматы играли межъ собой.
А въ сторонѣ — близъ ставки короля
Его пажи, мечтавшіе о битвахъ,

Но знавшіе о нихъ лишь по разсказамъ,
Сражался другъ съ дружкой на рапирахъ.

Подъ тѣнію сосны блистаетъ кресло,
Изъ золота червоннаго литое;
На немъ сидитъ могучій императоръ,
Великій Карлъ, король земли французской.
Бѣла его густая борода,
Его чело высоко и прекрасно,
Станъ бодръ и прямъ, осанка благородна —
Весь видъ его величественъ и гордъ.
Тѣмъ, кто въ толпѣ отыскиваютъ Карла,
Указывать не нужно на него:
Его вездѣ узнаетъ всякій сразу.
И вотъ послы лукавые Марсиля
Приблизились съ поклонами къ нему,
И Бланкандринъ сталъ рѣчь держать предъ Карломъ:

— «Могучій Карлъ, державный императоръ!
Да сохранитъ тебя всесильный Богъ,
Которому должны мы поклониться!

— «Король Марсиль, нашъ храбрый повелитель,
Тебѣ, король французскій, возвѣщаетъ,
Что ужъ давно съ тобой онъ ищетъ мира,
И наконецъ рѣшился твердо онъ
Признать себя на вѣкъ твоимъ вассаломъ,
И въ вѣрности поклясться предъ тобой.
И хочетъ онъ, какъ новый твой вассалъ,
Прислать тебѣ въ подарокъ львовъ, медвѣдей,
И псовъ борзыхъ на сворахъ, и верблюдовъ,
Да тысячу отборныхъ ястребовъ,

Да пятьдесятъ возовъ, набитыхъ верхомъ
Червонцами — на жалованье войску.

«Послушай насъ, великій императоръ!...
Уже семь лѣтъ ты, отдыха не зная,
Весь погруженъ въ трудахъ войны суровой,
Живешь у насъ — въ странѣ тебѣ чужой;
Такъ не пора ль тебѣ ужъ возвратиться
Въ свой край родной, въ свою столицу Ахенъ?»

Прослушавъ рѣчь посла, нашъ императоръ
Сперва возвелъ глаза и руки къ небу,
Потомъ, склонивъ главу свою на грудь,
Сталъ размышлять. И долго онъ въ молчаньи
Сидѣлъ, на грудь склонившись головой:
Онъ отвѣчать послу не торопился —
Такой его всегдашній былъ обычай.
И наконецъ чело свое онъ поднялъ
И, съ гордостью взглянувъ на Сарацына,
Сказалъ ему: «ты говоришь разумно,
Но твой король мнѣ недругъ заклятой —
Могу ли я словамъ его повѣрить;
Кто за него порукой будетъ мнѣ?»

— «Заложники!» воскликнулъ Сарацынъ.
«Готовы мы въ заложникахъ оставить
Своихъ дѣтей: я первый, не колеблясь,
Тебѣ въ залогъ отдамъ роднаго сына.
Когда же ты въ свой Ахенъ возвратишься,
То къ празднику святаго Михаила
Къ тебѣ придетъ и самъ король Марсиль,
Чтобы принять законъ вашъ Христіанскій.»

— «Ну, если такъ, то онъ еще спасется!»
Сказалъ король.

Уже садилось солнце, —
И приказалъ король гостепріимный
Разбить шатеръ особый для пословъ,
И на ночлегъ ихъ проводить съ почетомъ,
А муловъ ихъ на кормъ поставить въ стойла.

IV.

Наутро всталъ всѣхъ раньше императоръ;
Отслушалъ онъ заутреню, обѣдню,
И, сѣвъ опять подъ тѣнь сосны вѣтвистой,
Велѣлъ созвать къ себѣ своихъ бароновъ:
Держать совѣтъ онъ съ ними собирался
(Онъ ничего не дѣлалъ безъ согласья,
Безъ вѣдома своихъ Французовъ вѣрныхъ).
Вотъ собрались бароны на совѣтъ:
Пришелъ Турпинъ, архіепископъ Реймскій,
Пришелъ Готье, пришелъ Готфридъ Анжуйскій,
И Ганелонъ надменный, и Жераръ,
И Беранже, и Аселинъ Гасконецъ;
Пришелъ Роландъ, пришелъ и Оливье.
То были все французы коренные,
И много ихъ предстало передъ Карломъ:
До тысячи бароновъ именитыхъ
Явилося, по зову короля.
И сталъ онъ рѣчь держать передъ собраньемъ —
И такъ сказалъ: «французскіе бароны!
Король Марсиль прислалъ ко мнѣ посольство:

Онъ у меня смиренно проситъ мира,
И всякіе дары мнѣ предлагаетъ:
Сулитъ онъ мнѣ верблюдовъ, львовъ, медвѣдей,
И ястребовъ, и своры псовъ борзыхъ,
Сулитъ онъ мнѣ возы своихъ червонцевъ
И признаетъ себя моимъ вассаломъ,
Но съ тѣмъ, чтобъ я въ его оставилъ власти
Испанію, — и возвратился въ Ахенъ;
Но впрочемъ онъ даетъ мнѣ обѣщанье,
Что самъ придетъ ко мнѣ въ мою столицу,
И приметъ тамъ законъ нашъ Христіанскій.

«Вотъ, что король Марсиль мнѣ объявляетъ
Съ посломъ своимъ. Но право я не знаю,
Что̀ у него таится на душѣ.»

— «Онъ что нибудь недоброе затѣялъ!»
Послышалось въ толпѣ со всѣхъ сторонъ.

Тогда Роландъ, поспѣшно вставъ съ ковра,
Сталъ рѣчь держать (онъ не хотѣлъ и слышать
Всю жизнь свою о мирѣ съ Сарацыномъ).

— «Не вѣрь ни въ чемъ Марсилю, государь!»
Сказалъ Роландъ: «онъ насъ опять обманетъ;
Не въ первый разъ онъ шлетъ къ тебѣ посольство,
Не въ первый разъ въ покорности клянется:
Ты помнишь самъ, какъ онъ къ тебѣ прислалъ
Съ повинною отрядъ въ пятнадцать тысячъ:
Всѣ воины, оружье положивъ,
Несли въ рукахъ лишь масличныя вѣтви,
И поклялись за короля Марсиля

Въ покорности и вѣрности тебѣ.
Повѣрили лукавымъ обѣщаньямъ
Усердные совѣтники твои,
А ты своихъ совѣтниковъ послушалъ,
И, заключивъ съ Марсилемъ перемирье,
Посланниковъ къ нему своихъ послалъ —
Послалъ къ нему двухъ графовъ именитыхъ.
И какже ихъ король невѣрный принялъ?
Онъ головы велѣлъ имъ отрубить!
Нѣтъ, государь, не прекращай войны,
Веди войска свои на Сарагоссу,
И хоть всю жизнь сражайся съ Сарацыномъ,
Но покарай Марсиля за измѣну —
Отмсти ему, во что бы то ни стало,
Отмсти ему за кровь твоихъ Французовъ!»

Нахмурился сурово императоръ,
И сталъ крутить усы свои сѣдые,
И не сказалъ племяннику ни слова —
Ни да, ни нѣтъ. И всѣ кругомъ молчали.

Но вотъ встаетъ съ ковра неторопливо
Графъ Ганелонъ, сердитый и угрюмый,
И держитъ рѣчь съ надменною осанкой:
— «Не слушайся, правдивый императоръ,
Не слушайся совѣтниковъ своихъ,
Не принимай и отъ меня совѣта,
Когда совѣтъ мой будетъ неразуменъ:
Послушайся лишь выгоды своей.
Король Марсиль передъ тобой смирился:
Онъ самъ тебѣ отдаться хочетъ въ руки,
Готовъ признать себя твоимъ вассаломъ,

Готовъ принять законъ нашъ Христіанскій
И въ вѣрности дать клятву передъ нами.
Чего жъ еще намъ нужно отъ него?!
А у тебя совѣтники нашлись,
Которые, по гордости безумной,
Кричатъ, чтобъ ты послалъ отказъ Марсилю.
Оставимъ мы совѣты сумашедшихъ
И гордецовъ: здѣсь гордость не у мѣста.»

Тогда съ ковра поднялся величаво
Старикъ сѣдой—маститый герцогъ Нейнскій,
Мужъ доблестный, безстрашный и прямой,
Отъ юности до старости глубокой
Съ вождемъ своимъ державнымъ раздѣлявшій
Опасности и бранные труды.

— «Графъ Ганелонъ совѣтъ разумный подалъ»
(Такъ рѣчь повелъ сподвижникъ старый Карла);
«Подумай самъ, нашъ добрый государь,
Къ чему намъ длить войны жестокой распри?
Король Марсиль давно ужъ побѣжденъ:
Его войска твоимъ разбиты войскомъ;
Разорены его всѣ города,
Разрушены всѣ крѣпости и замки.
И вотъ теперь униженный, безсильный,
Трепещущій предъ силою твоей,
Онъ шлетъ къ тебѣ покорное посольство,
И молитъ насъ смиренно о пощадѣ
И сжалиться лишь проситъ надъ собой.
И будетъ грѣхъ великій, если ты
Не сжалишься теперь надъ побѣжденнымъ.
Да, государь, не рыцарское дѣло

Давить врага, простертаго въ пыли,
Молящаго смиренно о пощадѣ.»

— «Онъ правъ, онъ правъ — нашъ славный герцогъ Неймскій!
Зачѣмъ идти войной на побѣжденныхъ?!»
Воскликнули всѣ рыцари кругомъ,
Лишь рѣчь свою окончилъ добрый старецъ.

— «Теперь другой вопросъ мы разрѣшимъ,»
Сказалъ король. «Кого посломъ отправить
Намъ къ королю Марсилю?»

— «Я пойду,
Когда ты мнѣ вручишь свою перчатку [3]),»
Отозвался усердный герцогъ Неймскій.

— «Ты не пойдешь,» сказалъ ему король,
«Не отпущу тебя я такъ далёко.
Ты нуженъ мнѣ: ты мудрый человѣкъ,
И намъ даешь разумные совѣты. —
Рѣшайте же свой выборъ, паладины:
Кого послать къ Марсилю въ Сарагоссу?»

— «Да я пойду,» сказалъ Роландъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ!...
Ты не пойдешь!» воскликнулъ Оливье.
«Ты слишкомъ гордъ, горячъ и храбръ не въ мѣру;
Куда тебѣ вести переговоры!
Ты раздражишь Марсиля понапрасну,
И отъ него живой не возвратишься.

Вотъ если мнѣ король вручитъ перчатку,
То я пойду....»

— «Ты тоже не пойдешь,»
Сказалъ король. «Ни ты, ни графъ Роландъ
Къ невѣрному Марсилю не пойдете.
И я клянусь, что всѣ двѣнадцать перовъ
Останутся со мной — ни одного
Я не рѣшусь отправить въ Сарагоссу:
Не любитъ ихъ злопамятный Марсиль,
И не добромъ ихъ встрѣтятъ Сарацыны
Въ его дворцѣ.»

Такъ молвилъ императоръ, —
И всѣ кругомъ замолкли и притихли.

Но вотъ Турпинъ, архіепископъ Реймскій [1])
Осмѣлился молчаніе нарушить.

— «Вотъ мой совѣтъ,» сказалъ онъ королю.
«Дай отдохнуть своимъ бойцамъ отважнымъ:
Не посылай ихъ въ трудное посольство!
И безъ того трудовъ у нихъ довóльно:
Семь лѣтъ они безъ отдыха воюютъ....
Дай лучше мнѣ перчáтку, государь!
Я съ радостью готовъ идти къ Марсилю:
Давнымъ давно мнѣ хочется взглянуть,
Что̀ за лицо у нехристя....»

— «Молчи!»
Сказалъ король епископу съ досадой.
«Ужъ я сказалъ, что ни одинъ изъ перовъ

Посланникомъ къ Марсилю не пойдетъ. —
Чтожъ рыцари французскіе, рѣшите,
Кого должны въ посольство мы отправить!»

— «Пускай идетъ мой вотчимъ — Ганелонъ,»
Сказалъ Роландъ, — и дружно всѣ французы
Воскликнули: «Да, да—пусть онъ идетъ!...
Графъ Ганелонъ искусный человѣкъ —
Съумѣетъ онъ вести переговоры —
Король Марсиль его не проведетъ!..»

Но Ганелонъ, услышавъ эти рѣчи,
Впалъ въ сильное волненье и тревогу:
Онъ покраснѣлъ и задрожалъ отъ гнѣва,
Вскочилъ съ ковра и, засверкавъ глазами,
Сталъ укорять и поносить Роланда.

— «Что это ты затѣялъ сумасбродъ!?»
Воскликнулъ онъ, отъ злобы задыхаясь.
«Ты шлешь меня на вѣрную погибель:
Я вотчимъ твой, а ты мнѣ предлагаешь
Отправиться къ безбожному Марсилю!...
Ну, если я вернусь изъ Сарагоссы,
То расплачусь съ тобой!...»

— «Гордецъ безумный!»
Сказалъ Роландъ: «твой гнѣвъ не страшенъ мнѣ;
Но нужно намъ отправить въ Сарагоссу
Искуснаго и ловкаго посла....
И если ты идти туда не хочешь,
Я съ радостью отправлюсь за тебя....»

— «Съ чего ты взялъ,» воскликнулъ Ганелонъ,
«Что отъ тебя услугу я приму!?
Вѣдь ты ко мнѣ не поступалъ въ вассалы,
И за меня служить не обязался....
Я самъ пойду, когда король прикажетъ,
Но дайте мнѣ сперва придти въ себя —
Опомниться и отдохнуть отъ гнѣва.»

Взглянулъ Роландъ на графа Ганелона,
Дрожащаго отъ злобы и волненья, —
И хохотомъ веселымъ и безпечнымъ
На рѣчь его сердитую отвѣтилъ.
Тутъ Ганелонъ пришелъ въ такую ярость
На пасынка,—что чуть было не обмеръ,
И не упалъ отъ бѣшенства на землю.

— «Ну помни же!» вскричалъ онъ, поблѣднѣвъ,
«Ты выдумалъ послать меня на гибель, —
Такъ отъ меня добра теперь не жди!»
И голову назадъ закинувъ гордо,
Онъ выступилъ впередъ предъ всѣмъ собраніемъ,
И такъ сказалъ: «правдивый императоръ!
Я предъ тобой, — и все готовъ исполнить
Что ты велишь; скажи — и не колеблясь
Отправлюсь я къ жестокому Марсилю,
Хоть знаютъ всѣ, что кто къ нему пойдетъ,
Тотъ никогда назадъ не возвратится.
Но вспомни, Карлъ, я мужъ твоей сестры....
Притомъ мы съ ней — ты знаешь — не бездѣтны:
У насъ есть сынъ — онъ твой родной племянникъ —
Въ немъ кровь твоя.... Онъ будетъ храбрый воинъ —
Мой Бодуинъ!... Ему я оставляю

Теперь мои всѣ замки, и помѣстья,
И все, чѣмъ я владѣлъ до сей поры....
Прощу тебя, не забывай о немъ:
Мои глаза его ужъ не увидятъ.»

— «Я радуюсь, что ты привязанъ къ сыну;
Но не о немъ мы рѣчь теперь ведемъ,»
Сказалъ король. «Поди сюда поближе —
Ты получить мою перчатку долженъ:
Тебя въ послы избрали всѣ Французы —
Ты слышалъ самъ ихъ кликъ единодушный....»

— «Нѣтъ, государь, меня Роландъ назначилъ,—
И на всю жизнь я врагъ ему отнынѣ....
Скажу тебѣ я прямо и открыто,
Что чувствую я злобу и презрѣнье
И къ твоему племяннику Роланду.
И къ Оливье, пріятелю его,
Да и ко всѣмъ твоимъ вельможнымъ перамъ,
Которые въ глаза глядятъ Роланду,
И передъ нимъ не смѣютъ молвить слова!»

— «Завистливъ ты не въ мѣру, Ганелонъ,»
Сказалъ король. «Но отвѣчай мнѣ прямо:
Пойдешь ли ты посланникомъ къ Марсилю?»

— «Да, я пойду! Но я пойду одинъ,
Какъ тѣ послы, которыхъ въ Сарагоссѣ
Предательски невѣрные казнили:
И я пойду безъ стражи, какъ они.»

Тогда король съ руки перчатку скинулъ,
Чтобы вручить послу; но Ганелонъ
Былъ далеко въ тотъ мигъ отъ короля,

И нехотя къ ней руку протянулъ
Издалека — перчатка пала на земь.

— «Недобрый знакъ!» послышалось кругомъ,
«Несчастливо посольство будетъ это!»

— «И памятно вамъ будетъ господа!»
Сказалъ посолъ, перчатку поднимая,
И продолжалъ, приблизясь къ королю:
«Я въ путь теперь немедля отправляюсь —
И знаютъ всѣ, что отправляюсь я
Въ опасное и трудное посольство, —
Такъ отпусти ты съ честію и миромъ
Усерднаго вассала своего!»

И вотъ король, средь общаго молчанья,
Всталъ предъ посломъ, — и знаменьемъ креста
Благословилъ его на подвигъ трудный,
И грамоту съ печатью королевской
Онъ самъ ему торжественно вручилъ.

Пришелъ въ свою палатку Ганелонъ,
И скоро въ путь-дорогу снарядился.
И вотъ въ броню желѣзную окованъ,
Мечемъ своимъ любимымъ опоясанъ [5]),
И шпорами бряцая золотыми,
Онъ на коня садится боеваго.
И, обступивъ его со всѣхъ сторонъ,
Прощаются съ нимъ добрые вассалы,
И слышится межъ ними плачъ и ропотъ:
— «Намъ жаль тебя, нашъ храбрый господинъ!
Твой пасынокъ тебя со свѣта гонитъ....

И какъ онъ могъ рѣшиться, какъ онъ смѣлъ
Тебя посломъ отправить къ Сарацынамъ?!
Извѣстенъ ты и въ войскѣ и въ народѣ
И разумомъ, и доблестью воинской,
И каждый день бываешь при дворѣ,
И всѣ тебя вельможей почитаютъ,
И самъ король съ тобою породнился,
И столько лѣтъ въ его ты войскѣ служишь....
И вотъ тебя за всѣ твои заслуги
На вѣрную погибель посылаютъ.
Но если ты, нашъ храбрый господинъ,
Отправиться рѣшился въ Сарагоссу,
Такъ ужъ позволь и намъ — твоимъ вассаламъ
Идти съ тобой.»

— «Нѣтъ, мы должны разстаться
Теперь навѣкъ,» сказалъ имъ Ганелонъ.
«Что пользы мнѣ вести и васъ на гибель?
Останьтесь здѣсь. Теперь настанетъ миръ,
И въ край родной вы скоро возвратитесь;
Тамъ отъ меня поклонъ вы отнесете
Женѣ моей и маленькому сыну....
Вы знаете, вы помните его....
Въ мои права теперь онъ скоро вступитъ —
Мой маленькій, мой милый Бодуинъ!...
Вы будете вассалами его.
Служите же ему усердно, вѣрно,
И молодость его вы берегите!...
Еще поклонъ свезите отъ меня:
Вы помните навѣрно Пинабеля —
Товарища и друга моего —
Ему привѣтъ я шлю теперь прощальный.»

V.

Отправился въ дорогу Ганелонъ,
И вскорѣ онъ догналъ пословъ Марсиля
(Они свой путь замедлили нарочно,
Чтобы свести знакомство съ нимъ дорогой).
И вотъ посолъ Марсилевъ, Бланкандринъ
Знакомится съ суровымъ Ганелономъ,
И рѣчи съ нимъ лукавыя заводитъ, —
И Ганелонъ на рѣчи Сарацына
Лукавыми рѣчами отвѣчаетъ.

— «Дивитъ меня вашъ императоръ Карлъ,»
Сказалъ посолъ Марсилевъ Ганелону:
«Онъ столько царствъ великихъ покорилъ,
Что нѣтъ границъ теперь его державѣ;
Къ чему же онъ ведетъ войну съ Марсилемъ?
Ужели онъ отнять у насъ задумалъ
Испанію? Зачѣмъ ему она?!»

— «Таковъ его отважный духъ воинскій;
Онъ все возьметъ, что только взять захочетъ,
И передъ нимъ никто не устоитъ,»
Сказалъ посолъ французскій Сарацыну.

И снова рѣчь заводитъ Сарацынъ:
— «Я полюбилъ Французовъ,» молвилъ онъ.
«Что за народъ прямой и благородный!
Мнѣ только жаль, что добрый вашъ король
Совѣтникамъ недобрымъ поддается;

Мнѣ кажется, что герцоги и графы,
Которыми король вашъ окруженъ,
Мутятъ его съ сосѣдями. Не такъ ли?»

— «Нѣтъ,» возразилъ сурово Ганелонъ,
«Французскіе дворяне и вельможи
Съ сосѣдями не ссорятъ короля....
И лишь одинъ межъ ними замѣшался
Сварливый, злой и гордый царедворецъ —
То графъ Роландъ — родной племянникъ Карла;
Онъ всѣмъ одинъ ворочаетъ въ совѣтѣ,
И на войну все дядю подбиваетъ.
Еще вчера, когда нашъ императоръ
Въ кругу вельможъ бесѣдовалъ спокойно,—
Вдругъ подошелъ къ нему его племянникъ,
Весь въ бранные доспѣхи облеченный,
И яблоко поднесъ ему, и молвилъ:
«Вотъ, государь, передъ тобой короны
«Всѣхъ царствъ земныхъ; прими ихъ отъ меня.
«Повѣрь мнѣ, Карлъ, со мной тебѣ нетрудно
«Во власть свою всѣ царства захватить:
«Они твои — лишь протяни къ нимъ руку,
«Какъ къ яблоку, которое ты видишь!»

— «Такъ вашъ Роландъ жестокій человѣкъ
И сумасбродъ надменный и опасный....
Затѣялъ онъ неслыханное дѣло:
Легко сказать—заграбить цѣлый свѣтъ!
Вѣдь для такой затѣи небывалой
Во Франціи людей не наберется....
Но, можетъ быть, онъ въ племенахъ сосѣднихъ
Надѣется союзниковъ найти?»

— «Надѣется онъ на французовъ нашихъ:
Они ему всѣ преданы, какъ дѣти,
И для него на все идти готовы:
Вѣдь имъ житье съ такимъ вождемъ отважнымъ,
Какъ нашъ Роландъ; вѣдь послѣ каждой битвы
Имъ славная добыча достается.
И съ той поры, какъ онъ, по волѣ Карла,
Ихъ водитъ въ бой, они себѣ добыли
И серебра и золота безъ счету....
Самъ нашъ король обязанъ всѣмъ Роланду....
И недалекъ тотъ день, когда нашъ рыцарь
И цѣлый свѣтъ для Карла покоритъ....»

— «Такъ вотъ какой онъ грозный!... Неужели
Его никто не можетъ укротить!»

— «Никто, никто! Я на одно надѣюсь —
Что какъ нибудь, по дерзости безумной,
Онъ самъ въ бою на гибель налетитъ:
Тогда-то миръ для насъ наступитъ долгій,
И наконецъ увидимъ снова мы
Сыновъ своихъ, и женъ, и край родимый.»

Такъ Ганелонъ и Сарацынъ лукавый,
Между собой толкуя на пути,
Все гордый нравъ Роланда порицали, —
И наконецъ рѣшили дружно оба,
Что не бывать ни миру, ни согласью,
Межъ королемъ французскимъ и Марсилемъ,
И что житья не будетъ никому —
Ни подданнымъ Марсиля, ни французамъ,
Покуда живъ падменный графъ Роландъ.

VI.

Подъ тѣнію сосны стояло кресло,
Покрытое атласомъ многоцѣннымъ;
На немъ сидѣлъ Испаніи владѣтель —
Король Марсиль. Вокругъ него бродили
Нестройными толпами Сарацыны,
И громкій шелъ межъ ними шумъ и говоръ,
И голоса ихъ слышались далеко;
Но всѣ они внезапно замолчали,
И тишина глубокая настала,
Когда вдали предъ ними показался
Графъ Ганелонъ. И, притаивъ дыханье,
Невѣрные въ волненьи ожидали,
Что̀ королю посолъ французскій скажетъ.

И Бланкандрипъ, взявъ за руку посла,
Подвелъ его къ Марсилю и сказалъ:
«Я возвѣстилъ, мой храбрый повелитель,
Властителю земли французской, Карлу
Все, что ему хотѣлъ ты возвѣстить.
По рѣчь мою прослушавъ, императоръ
Не вымолвилъ ни слова мнѣ въ отвѣтъ:
Онъ лишь возвелъ глаза и руки къ небу,
Благодаря и восхваляя Бога....
Но вотъ его посолъ передъ тобой, —
И отъ него теперь же ты узнаешь,
Войну иль миръ намъ предлагаетъ Карлъ.»

— «Пусть говоритъ посолъ,» сказалъ Марсиль,
«Мы слушаемъ.»

Тогда посолъ французскій,
Графъ Ганелонъ сталъ рѣчь держать къ Марсилю:

— «Да сохранитъ тебя Господь всесильный,
Въ котораго всѣ вѣрить мы должны!

«Король нашъ Карлъ, мой славный императоръ,
Тебѣ, Марсиль, со мною объявляетъ,
Что долженъ ты принять Христову вѣру,
А онъ за то, по щедрости своей,
Тебѣ въ удѣлъ пожалуетъ полъ царства,
Которое съ дружинами своими
Оружіемъ онъ отнялъ у тебя.
А если ты предъ нимъ не покоришься,
И нашъ законъ не примешь Христіанскій, —
То разгромитъ онъ стѣны Сарагоссы, —
И мы возьмемъ въ полонъ тебя живьемъ,
Веревками скрутимъ немилосердо,
И отвеземъ во Францію въ обозѣ.
И будетъ судъ наряженъ надъ тобой, —
И ты умрешь позорно и безчестно.»

Весь обомлѣлъ отъ ярости и гнѣва
Король Марсиль, услышавъ рѣчь такую.
Сначала онъ опомниться не могъ
Отъ бѣшенства, и блѣдный, какъ мертвецъ,
Внималъ послу въ тупомъ оцѣпенѣньи:
Онъ дерзостью неслыханной его
Былъ пораженъ, былъ оглушенъ, какъ громомъ.
Но, услыхавъ послѣднія слова,
Онъ вдругъ вскочилъ, сверкнулъ свирѣпо взоромъ,
И весь дрожа отъ злобы, какъ въ припадкѣ,

Стремительно схватился за копье,
Чтобъ поразить безстрашнаго Француза.
А Ганелонъ за мечъ спокойно взялся,
И, обнаживъ его лишь на два пальца,
Сказалъ, держась рукой за рукоятку:

«Мой добрый мечъ! Покуда ты со мной,
Никто въ моемъ отечествѣ не скажетъ,
Что я погибъ въ чужой землѣ безъ бою....
Нѣтъ, прежде чѣмъ враги меня сразятъ,
Прольешь ты кровь храбрѣйшихъ между ними.»

Одинъ бы мигъ, — и вражее копье
Вонзилось бы въ доспѣхи Ганелона,
Но близъ него стоялъ какъ бы на стражѣ
Мужъ опытный и хитрый, Бланкандринъ:
Онъ бросился стремительно къ Марсилю
Въ тотъ самый мигъ, когда властитель грозный
Хотѣлъ ударъ въ посланника направить,
И удержалъ копье въ его рукѣ.
И вслѣдъ за нимъ толпою царедворцы
Со всѣхъ сторонъ Марсиля обступили
И гнѣвъ его старались укротить.
— «И ты не правъ.... Къ чему такая ярость?»
Сказалъ калифъ (онъ дядя былъ Марсилю),
«Зачѣмъ занесъ ты руку на посла?»

— «Пусть вашъ король убить меня грозится»
(Такъ возразилъ калифу Ганелонъ).
Его угрозъ я не приму въ обиду,
Но и отъ словъ моихъ не отступлюсь.
И знайте всѣ, что ни угрозы ваши,

Ни золото, ни ласки и прельщенья,
Меня молчать предъ вами не заставятъ, —
И доскажу я отъ слова до слова
Все, что велѣлъ великій императоръ
Здѣсь объявить предъ королемъ Марсилемъ,
Передъ своимъ лютѣйшимъ супостатомъ,
И недругомъ, который какъ измѣнникъ,
Безсовѣстно, безчестно, вѣроломно, —
Предъ вашими очами, Сарацины, —
Посланниковъ французскихъ умертвилъ!»

Такъ говоря, съ себя на землю сбросилъ
Онъ мантію роскошную соболью,
Покрытую атласомъ драгоцѣннымъ,
И вновь рукой за вѣрный мечъ свой взялся,
И грозный взглядъ надменный и спокойный
Вокругъ всего собранья онъ обвелъ,
Какъ бы на бой невѣрныхъ вызывая.

— «Вотъ дворянинъ, такъ дворянинъ!» сказали
Невѣрные, любуясь Ганелономъ.

Тогда посолъ, приблизившись къ Марсилю,
Сказалъ ему: «я право удивляюсь,
Изъ за чего ты вышелъ изъ себя!...
Ты сердишься за то, что императоръ
Велитъ тебѣ принять Христову вѣру!!..
Но онъ даритъ въ удѣлъ тебѣ полъ царства...
Конечно, ты желалъ бы воцариться
Опять надъ всей испанскою землей;
Но — не гнѣвись — другая половина
Твоихъ земель обѣщана Роланду —
Племяннику, любимцу короля....

То правда — я скажу тебѣ открыто —
Что графъ Роландъ гордецъ и забіяка:
Сосѣдомъ онъ тебѣ недобрымъ будетъ;
Но не забудь, Марсиль, ты побѣжденъ:
И жизнь твоя, и честь въ рукахъ у Карла, —
Такъ будь же всѣмъ доволенъ, что даютъ —.
Не разбирай! Не то нашъ императоръ
Возьметъ тебя въ полонъ въ твоей столицѣ,
Велитъ связать, и на обозной клячѣ
Во Францію отправитъ вслѣдъ за войскомъ,
И тамъ на казнь ты будешь осужденъ.

«Вотъ все, что я, по волѣ государя,
Передъ тобой былъ долженъ объявить!
А вотъ тебѣ и грамота отъ Карла.»

Дрожалъ Марсиль отъ ярости безсильной,
Рѣчамъ посла надменнаго внимая,
Но грамоту онъ принялъ отъ него.
Сорвавъ печать, онъ бросилъ воскъ на землю
И, прочитавъ посланье короля,
Сказалъ своимъ вельможамъ: «императоръ
За прошлое насъ вздумалъ укорять:
Онъ все твердитъ о тѣхъ послахъ французскихъ,
Которыхъ я велѣлъ казнить. Онъ хочетъ,
Онъ требуетъ, чтобъ дядю моего
Отправилъ я заложникомъ къ Французамъ;
Не то — конецъ переговорамъ нашимъ:
Онъ смертію позорной мнѣ грозитъ.»

— «Отдайте мнѣ французскаго посла!»
Воскликнулъ сынъ Марсиля въ изступленьи.
«Отецъ, отдай мнѣ въ руки Гапелона!...

Онъ говорилъ съ тобой, какъ сумашедшій:
Онъ, въ дерзости безумной, небывалой,
Забылъ твой санъ — ругался надъ тобой.
Позволь же мнѣ расправиться съ нахаломъ:
Онъ у меня въ минуту присмиреетъ —
Я судъ надъ нимъ короткій учиню!»

Но Ганелонъ, въ отвѣтъ на это слово,
Поспѣшно мечъ извлекъ свой наголо̀,
И, къ дереву спиною прислонясь,
Чертилъ мечемъ по воздуху съ размаху,
Готовясь въ бой съ невѣрными врагами.

Въ тотъ мигъ Марсиль, въ пылу негодованья,
Уже на все рѣшиться былъ готовъ,
Но Бланкандринъ, средь общаго волненья,
Шепнулъ ему: «уйдемъ скорѣй отсюда!
Не поперечь французскому послу:
Онъ другъ тебѣ--онъ съ нами заодно....
Наединѣ я все тебѣ открою....
Уйдемъ скорѣй отсюда, государь!»

Былъ изумленъ такой нежданно́й вѣстью
Король Марсиль, — и ловкій царедворецъ
Увлекъ его поспѣшно во дворецъ,
И во дворцѣ въ покояхъ королевы
Сказалъ ему; «ты долженъ примириться
Съ посланникомъ, во что бы то ни стало.
Повѣришь ли, онъ честью мнѣ поклялся,
Что помогать готовъ намъ противъ Карла;
Онъ во враждѣ съ французами своими,
И отомстить задумалъ имъ измѣной....»

— «Такъ приведи скорѣй его сюда!»
Сказалъ Марсиль.

— «Привесть его не трудно —
Мы съ нимъ друзья.... Но помни, государь,
Что честь твоя, и жизнь, и власть, и сила
Теперь въ рукахъ у этого Француза....
И если ты хотя единымъ словомъ
Не угодишь надменному послу, —
Все кончено: — Испанія не наша,
И мы въ плѣну и рабствѣ у враговъ!
Старайся же и лаской и дарами
Поступокъ свой загладить передъ нимъ,
И все стерпи, что онъ тебѣ ни скажетъ....
Смири въ себѣ ты царскую гордыню,
И преклонись предъ сильнымъ человѣкомъ.
Что за бѣда унизиться на время
Предъ гордецомъ! Вѣдь это униженье
Проложитъ путь къ свободѣ, силѣ, власти —
Оно тебя прославитъ, — возвеличитъ
Въ грядущихъ дняхъ, когда, окрѣпнувъ въ силѣ,
Ты сокрушишь могущество Французовъ.»

VII.

И вотъ предсталъ опять передъ Марсилемъ
Графъ Ганелонъ; явились вмѣстѣ съ нимъ
Лишь Бланкандринъ, да двое царедворцевъ —
Два главные вельможи короля.
Въ покоѣ же сосѣднемъ, въ блескѣ чудномъ
И красоты, и камней самоцвѣтныхъ,
Потупивъ взоръ, сидѣла королева.

— «Любезный другъ, не сѣтуй на меня,»
Сказалъ Марсиль французскому послу
«То правда, я съ тобой погорячился,
И сгоряча схватился за копье....
Но предадимъ все прошлое забвенью, —
И въ знакъ того, что ты со мной миришься,
Не откажись изъ рукъ моихъ принять
Вотъ этотъ мѣхъ соболій.... Посмотри,
Какъ онъ красивъ! Прекрасный, рѣдкій соболь —
Ему цѣна пятьсотъ червонцевъ слишкомъ....
Ты отъ меня сегодня же получишь
Еще кой-что и лучше и дороже,
Чѣмъ этотъ мѣхъ.»

— «Чтожъ, я возьму, пожалуй,
Подарокъ твой,» сказалъ посолъ французскій.
«Пусть Богъ тебя за щедрость наградитъ!»

— «Повѣрь ты мнѣ,» сказалъ опять Марсиль,
«Что я съ тобой свести желаю дружбу....
Мнѣ хочется съ тобою откровенно
Потолковать о королѣ твоемъ.
Вѣдь онъ ужъ старъ, и вѣкъ давно свой отжилъ:
Ему теперь ужъ слишкомъ двѣсти лѣтъ,
Я думаю. Въ походахъ безпрестанныхъ,
Въ трудахъ войны онъ тѣло изнурилъ;
Онъ одряхлѣлъ давно для поля битвы:
Пора ему вложить свой мечъ въ ножны,
И отдохнуть отъ подвиговъ воинскихъ.»

— «Король нашъ Карлъ не то, что про него
Ты думаешь» (такъ съ недовольнымъ видомъ

Графъ Ганелонъ Марсилю возразилъ)
«Кто на него ни взглянетъ, всякій скажетъ,
Что онъ еще и бодръ, и храбръ, и силенъ.
Чтобъ ни сказалъ ему я въ похвалу,
Все доблестей его не перечелъ бы,
Да и никто исчислить ихъ не можетъ.»

— «Повѣрь, я самъ дивлюсь его отвагѣ!»
Сказалъ Марсиль. «Вѣдь Карлу двѣсти лѣтъ,
А можетъ быть и больше — чудный старецъ
Онъ тѣломъ дряхлъ, но бодръ и молодъ духомъ!
Ужъ сколько царствъ великихъ онъ разрушилъ,
И ихъ царей могучихъ, непреклонныхъ
Лишилъ всего: богатства, власти, крова,
И нищими пустилъ бродить по свѣту.
А все еще онъ жаждетъ новой славы.
Когда же онъ устанетъ побѣждать
И воевать съ сосѣдями наскучитъ?»

— «Онъ воевать всю жизнь не перестанетъ,
Покуда живъ Роландъ, его племянникъ,
Которому нѣтъ равнаго на свѣтѣ
По мужеству и доблести воинской....
Да мало ли бойцовъ надежныхъ, сильныхъ
У насъ въ войскахъ! Возьмемъ хоть Оливье;
Немного въ чемъ уступитъ онъ Роланду....
Да таковы и всѣ двѣнадцать перовъ —
Совѣтники, любимцы короля:
До той поры, пока они всѣ живы,
Король нашъ Карлъ меча въ ножны не вложитъ,
И передъ нимъ никто не устоитъ.»

— «Другъ Ганелонъ, и я не беззащитенъ,
И у меня есть храбрые бойцы,
И у меня есть войско — да какое!...
Не спорю я, и ловки, и отважны
У васъ бойцы, да у меня ихъ больше:
Самъ разсуди—вы можете сто тысячь
Поставить въ бой, а я поставлю триста,
И разобью Французовъ!...»

— «И не думай —
Поплатишься ты дорого за дерзость,
И нехристей своихъ погубишь даромъ.
Нѣтъ, лучше ты на хитрость поднимись.
Пошли-ка ты со мной въ подарокъ Карлу,
Чтобъ удивить всѣхъ воиновъ французскихъ,
Сокровища казны твоей несмѣтной;
Пошли ему ключи отъ Сарагоссы;
Отправь къ нему заложниковъ, — и Карлъ
Во Францію довольный возвратится.
И вотъ тогда, ты можешь, если хочешь,
Избавиться навѣки отъ Роланда.
Да если ты послушаешь меня,
То и Роландъ и всѣ двѣнадцать перовъ
Въ твоихъ рукахъ, и не избѣгнутъ смерти.»

— «Другъ Ганелонъ!» вскричалъ король Марсиль,
«Пусть наградитъ тебя самъ Богъ всещедрый!...
Молю тебя, скажи и научи,
Какъ намъ убить Роланда!?»

— «Ну, такъ слушай!»
Сказалъ посолъ. «Когда мой императоръ

Увѣрится въ покорности твоей,
Взявъ отъ тебя заложниковъ въ поруки, —
И миръ тебѣ даруетъ и прощенье,
И поведетъ во Францію родную
Свои полки, — то близъ границы нашей
У горнаго ущелья въ Ронсевалѣ [6])
Поставитъ онъ отрядъ сторожевой,
(Хоть онъ не ждетъ конечно нападенья,
Но ужъ таковъ обычай нашъ воинскій)
А тотъ отрядъ — увѣренъ я заранѣ —
Поручитъ онъ Роланду самому
А гдѣ Роландъ, навѣрно тамъ увидишь
И Оливье, товарища его.
Тогда сбери ты всѣ свои дружины
И нападни внезапно на Роланда.
Но не спѣши, а выжди терпѣливо,
Пока король съ своей дружиной главной,
Переступивъ французскую границу,
Уже пройдетъ Гасконскія поля.
Тогда ударь ты смѣло на Роланда:
Вѣдь нашъ король ужъ будетъ далеко,
И не придетъ къ племяннику на помощь;
Къ тому же нашъ отрядъ сторожевой
Такъ будетъ малъ передъ твоею ратью,
Что я тебѣ ручаюсь за удачу:
Ты истребишь всѣхъ воиновъ французскихъ.

«И вотъ падетъ Роландъ непобѣдимый
И для тебя наступитъ вѣчный миръ:
Ужъ нашъ король тебя не потревожитъ;
Дружинъ своихъ не поведетъ онъ въ битву —
Останется безъ правой онъ руки,
Когда Роландъ погибнетъ въ Ронсевалѣ.»

— «Другъ Ганелонъ, ты возвратилъ мнѣ жизнь!»
Вскричалъ Марсиль, и бросился на шею
Къ французскому посланнику, и долго
Онъ обнималъ его и цѣловалъ.
Но вдругъ взглянувъ пугливо на Француза,
Онъ отошелъ поспѣшно отъ него,
Встревоженный внезапнымъ опасеньемъ;
Лице его сомнѣньемъ омрачилось,
И онъ сказалъ: «послушай, Христіанинъ!
Конечно я навѣкъ тебѣ обязанъ
За твой совѣтъ: разуменъ онъ — нѣтъ спору,
Но прежде чѣмъ совѣтъ я твой приму,
Увѣриться въ совѣтникѣ мнѣ нужно.
Дай клятву мнѣ, что ты предашь Роланда!
Ты мнѣ сказалъ, что императоръ Карлъ
Въ Испаніи племянника оставитъ —
Въ ущельи горъ, въ сторожевой дружинѣ, —
Такъ подтверди мнѣ клятвой это слово —
И поклянись мнѣ вѣрою своей!»

И поклялся въ измѣнѣ Ганелонъ!
И на мечѣ своемъ принесъ онъ клятву:
То былъ его любимый мечъ завѣтный. —
Въ его златой безцѣнной рукояткѣ
Святыхъ мощей хранилися частицы.
И присягнулъ на нихъ посолъ французскій
Предать своихъ врагамъ невѣрнымъ въ руки!

Затѣмъ Марсиль своимъ вельможамъ ближнимъ
Передъ собой велѣлъ поставить книгу
Съ законами пророка Магомета,
И поклялся на ней предъ Ганелономъ,

Что нападетъ со всей своею ратью
Онъ на отрядъ сторожевой французскій,
И умертвитъ надменнаго Роланда.

Тогда одинъ изъ главныхъ царедворцевъ,
(Онъ прежде былъ учителемъ Марсиля)
Приблизился къ французскому послу,
Съ сіяющимъ отъ радости лицемъ,
И такъ сказать съ улыбкой дружелюбной:

«Графъ Ганелонъ, взгляни на этотъ мечъ!...
Повѣрь, нигдѣ за тысячу червонцевъ
Не купишь ты сокровища такого....
Возьми его, да только помоги
Намъ одолѣть Роланда!»

— «Будь покоенъ:
Я помогу,» сказалъ графъ Ганелонъ.
И Сарацынъ съ посланникомъ французскимъ,
Какъ нѣжные друзья, облобызались.

Потомъ другой вельможа — царедворецъ
Приблизился съ подаркомъ къ Ганелону,
И съ радостью въ лицѣ ему сказалъ:

«Вотъ мой шеломъ!... Такого въ цѣломъ свѣтѣ
Ты ни на комъ навѣрно не увидишь....
Возьми его, да только помоги
Намъ умертвить Роланда.»

— «Будь покоенъ:
Я помогу,» сказалъ графъ Ганелонъ.
И Сарацынъ съ посланникомъ французскимъ,
Какъ нѣжные друзья, облобызались.

Тогда жена Марсиля, Бранимунда,
Явилася изъ ближняго покоя,
И ласково сказала Ганелону:

«Король Марсиль, мой мужъ и господинъ,
И лучшіе друзья его и слуги
Такъ чествуютъ тебя, посолъ французскій,
Что̀ вижу я, какъ ты имъ милъ и дорогъ;
А я люблю всѣхъ тѣхъ, кого мой мужъ
И вѣрные его вассалы любятъ.
Возьми же въ знакъ любви моей къ тебѣ,
И отвези женѣ твоей въ подарокъ
Вотъ эти два браслета. Посмотри,
Какіе въ нихъ алмазы, изумруды!..
Они горятъ яснѣе звѣздъ небесныхъ....
И въ Римѣ нѣтъ такихъ сокровищъ рѣдкихъ!»

И Ганелонъ взялъ у нея браслеты,
И молча ихъ въ сапогъ къ себѣ засунулъ.

Тогда король, взявъ за руку посла,
Сказалъ ему: «насталъ давно желанный
Счастливый день — мы примирились съ Карломъ!..
Теперь возьми ключи отъ Сарагоссы....
Заложниковъ отдастъ тебѣ калифъ
(Онъ родичъ мнѣ.... Смиренный, кроткій старецъ....
Вы тоже съ нимъ — я знаю — подружитесь);
Вручитъ тебѣ онъ также всѣ подарки,
Которые я Карлу посылаю.
Потомъ еще ты отъ него получишь
Пять, шесть мѣшковъ съ червонцами.... Будь другомъ —
Не откажись съ собой ихъ захватить.

А послѣ дня святаго Михаила,
Ты отъ меня получишь вдвое больше....
Лишь объ одномъ молю тебя усердно —
Сдержи обѣтъ: ты мнѣ поклялся — помни —
Поклялся ты мнѣ вѣрою своей,
Которую считаешь лучше нашей,
Что я найду Роланда въ Ронсевалѣ,
Въ ущельи горъ, въ сторожевой дружинѣ, —
Такъ помни же ты твердо....

— «Помню, помню,»
Прервалъ его сердито Ганелонъ.
«Я разъ тебя поклялся—и довольно.
А толковать о вѣрности моей,
Мнѣ некогда: навѣрно императоръ
И безъ того меня ужъ заждался.»

VIII.

Едва взошло на ясномъ небѣ солнце,
Какъ всталъ отъ сна французскій императоръ;
Отслушалъ онъ заутреню, обѣдню [7]),
И, окруженъ баронами своими,
Изъ лагеря на лугъ зеленый вышелъ,
И сѣлъ въ тѣни — подъ деревомъ вѣтвистымъ.
И вотъ предъ нимъ явился Ганелонъ.

— «Какую вѣсть о королѣ Марсилѣ
Ты намъ принесъ?» спросилъ его король.

— «Вотъ, государь, ключи отъ Сарагоссы,»
Отвѣтствовалъ посланникъ торопливо.

«Король Марсиль прислалъ тебѣ со мной
Великія, несмѣтныя богатства.
Онъ признаетъ себя твоимъ вассаломъ,
И ужъ прислалъ заложниковъ въ нашъ лагерь...
Вели стеречь ихъ крѣпче, государь!...
Но не гнѣвись — онъ не прислалъ калифа....
Калифа нѣтъ — онъ утонулъ несчастный!
И вмѣстѣ съ нимъ всѣ полчища Марсиля
Теперь лежатъ на днѣ морской пучины....
Ихъ покаралъ самъ Богъ за преступленье:
Старикъ калифъ разсорился за что-то
Съ племянникомъ, — и взбунтовалъ дружину;
Прельщеньями и хитрыми рѣчами
Уговорилъ онъ воиновъ корыстныхъ
Отъ короля Марсиля отложиться,
И за моремъ добычи поискать.
И вотъ они на корабляхъ Марсиля
Пустились въ путь невѣдомый; но вскорѣ
Мятежниковъ застигла злая буря —
Ихъ корабли пошли ко дну морскому,
И всѣ пловцы погибли до едина.

«Теперь тебѣ и о самомъ Марсилѣ
Скажу я вѣсть: едва успѣешь ты
Во Францію съ войсками возвратиться,
Какъ онъ придетъ къ тебѣ въ твою столицу,
Чтобы принять законъ нашъ Христіанскій.»

— «Хвала Творцу!» сказалъ король французскій.
«Ты сослужилъ мнѣ службу, Ганелонъ, —
И награжу тебя я по заслугѣ.»

Трубятъ рога; войска снимаютъ лагерь
И лошадей въ походъ далекій вьючатъ;
Войнѣ конецъ: во Францію родную
Свои полки уводитъ императоръ,
И графъ Роландъ рукой своей могучей, —
Въ честь подвиговъ и въ память силы грозной
Французскихъ войскъ и старца короля, —
На выси горъ скалистыхъ водружаетъ
Родныхъ полковъ прославленное знамя,
И развѣваетъ знамя легкій вѣтеръ
И въ путь идутъ французскія дружины.

IX.

И вотъ пришли французскія войска
Къ ущельямъ горъ—въ долину Ронсевала.
Остановилъ полки свои король,
Окинулъ онъ окрестность быстрымъ взоромъ,
Сошелъ съ коня, и, опершись на мечъ,
Держалъ совѣтъ съ баронами своими.
Онъ говорилъ: «теперь лежитъ намъ путь
Чрезъ темныя и узкія ущелья;
Кому жъ изъ васъ, рѣшите, паладины,
Остаться здѣсь въ сторожевомъ отрядѣ?»

— «Пусть графъ Роландъ на стражѣ остается!»
Отозвался съ усмѣшкой Ганелонъ.
«Мой пасынокъ достоинъ этой чести:
Слыветъ у насъ онъ первымъ храбрецомъ;
Всѣ говорятъ, — и я конечно вѣрю —
Что графъ Роландъ съ великимъ наслажденьемъ

Идетъ всегда на явную опасность.
Ужель такой безстрашный паладинъ
Кому нибудь изъ насъ уступитъ право
Остаться здѣсь въ сторожевомъ отрядѣ?»

И посмотрѣлъ сердито императоръ
На хитраго совѣтника и молвилъ:
«Ну, Ганелонъ, ты настоящій дьяволъ!
Откуда злость въ тебѣ всегда берется?!»

Но графъ Роландъ, приблизясь къ Ганелону,
Сказалъ ему: «спасибо, добрый вотчимъ!
Ты выпросилъ великую мнѣ милость
У короля: я радъ, что мнѣ поручатъ
Стоять въ тылу дружины королевской,
И охранять обозъ отъ грабежа:
Съумѣю я нести и эту службу!
У короля — повѣрь — не пропадетъ
Ни скакуна арабскаго, ни мула,
Ни лошака, ни даже вьючной клячи —
Ручаюсь я моимъ мечемъ!...»

— «О вѣрю!
Вѣдь ты храбрецъ!» сказалъ графъ Ганелонъ,
И, посмотрѣвъ лукаво на Роланда,
Презрительно и злобно усмѣхнулся.

— «О, гнусное и подлое отродье!»
Вскричалъ Роландъ. (Онъ больше былъ не въ силахъ
Сдержать свой гнѣвъ и скрыть негодованье.)
«Ты думаешь, презрѣнный человѣкъ,
Что выпадетъ изъ рукъ моихъ перчатка,

Какъ у тебя, когда нашъ императоръ
Тебя посломъ къ Марсилю отправлялъ....
Прошу тебя, правдивый государь,
Вручи теперь мнѣ въ знакъ воинской власти
Твой славный лукъ — повѣрь, что я съумѣю
Его въ рукѣ усердной удержать —
Не уроню — вѣдь я не Ганелонъ!»

Такъ говорилъ отважный графъ Роландъ,
Прося себѣ начальство надъ отрядомъ;
Но, рѣчь его оставивъ безъ отвѣта,
Задумался великій императоръ:
Какое-то предчувствіе внезапно
Ему, какъ гнетъ, на сердце налегло,
И взоръ его печалью омрачился.

— «О чемъ же ты задумался такъ мрачно?»
Спросилъ его усердный герцогъ Неймскій.
«Тутъ нечего, повѣрь мнѣ, колебаться —
Отдай свой лукъ племяннику: ты знаешь
Никто изъ насъ не можетъ съ нимъ равняться
Ни въ храбрости, ни въ ловкости воинской —
Вручи ему начальство надъ отрядомъ:
Когда Роландъ останется въ тылу,
Намъ нечего страшиться нападенья;
Ужъ сколько разъ твой доблестный племянникъ
Насъ выручалъ.»

Послушался король
Стариннаго совѣтника и друга,
И отдалъ лукъ Роланду, но сказалъ:
«Не хочется съ тобой мнѣ разставаться,

Мой другъ Роландъ.... Кто можетъ угадать,
Что ждетъ тебя въ ущельяхъ этихъ мрачныхъ,
Въ землѣ чужой, средь Сарацынъ невѣрныхъ!?...
Но знаешь ли, что̀ я теперь придумалъ!
Хочу тебѣ оставить половину
Всѣхъ войскъ моихъ: ты будешь безопасенъ.»

— «Возможно ли!!» воскликнулъ графъ Роландъ:
«Ты посрамишь меня предъ цѣлымъ войскомъ.
Не нужно мнѣ охраны отъ враговъ, —
Я буду самъ твоей охраной вѣрной:
Довольно мнѣ отряда въ двадцать тысячъ;
Веди теперь полки свои спокойно
Черезъ всѣ ущелья и тѣснины: —
Пока я живъ; не бойся ничего!»

Вскочилъ Роландъ проворно на коня
И кликнулъ кличъ: «друзья мои Французы!»
Онъ возгласилъ, «король мнѣ повелѣлъ
Остаться здѣсь въ сторожевомъ отрядѣ.
Кто хочетъ быть товарищемъ моимъ?»

И множество воителей отважныхъ
Стеклись на зовъ любимаго вождя,
И вызвались остаться съ нимъ на стражѣ.
Межъ ними былъ и мудрый Оливье,
И графъ Готье, и Аселинъ Гасконецъ,
И Беранже, — и разомъ вкругъ Роланда
Столпилася дружина въ двадцать тысячъ.

— «И я хочу остаться здѣсь съ Роландомъ!»
Вскричалъ Турпинъ, архіепископъ Реймскій,
И сталъ въ ряды сторожевой дружины.

Тогда король съ племянникомъ простился
И двинулъ рать чрезъ горныя ущелья.

X.

Ужъ день угасъ, чернѣетъ мгла ночная;
Заснулъ король въ шатрѣ своемъ походномъ.
И вотъ ему представилось во снѣ,
Что онъ стоитъ въ тѣснинахъ Ронсевала,
Вооруженъ копьемъ своимъ надежнымъ.
И вдругъ къ нему подходитъ Ганелонъ,
И, рыхвативъ изъ рукъ его копье,
Древкомъ его о землю ударяетъ —
Ломается дубовое древко,
И до̀ неба летятъ его̀ осколки.
И, подданнымъ своимъ обезоруженъ,
Стоитъ одинъ во мракѣ черной ночи
Средь горнаго ущелья императоръ....

И новый сонъ приснился королю,
И видитъ Карлъ, что онъ ужъ возвратился
Во Францію, и грустный, одинокій
Сидитъ въ своихъ палатахъ королевскихъ.
Вдругъ во дворецъ врывается медвѣдь,
Бросается на Карла съ грознымъ ревомъ,
И за руку за правую хватаетъ
Огромными и острыми зубами.
И вслѣдъ за нимъ врывается въ палаты
Арденнскій барсъ — свирѣпый, разъяренный,
И королю кидается на грудь,
И ужъ готовъ схватить его за горло;

Но въ этотъ мигъ домовый вѣрный песъ
Въ одинъ прыжокъ бросается на барса,
И, за ухо схвативъ его зубами,
Къ землѣ его старается пригнуть.
И мечется отъ боли дикій звѣрь
И захватить въ свои онъ когти хочетъ
Свирѣпаго и смѣлаго врага;
Но ловкій песъ ему не поддается.
И собралась въ палаты къ королю
Толпа людей: всѣ, въ страхѣ и тревогѣ,
Конца борьбы неравной ожидаютъ,
И говорятъ: «какой упорный бой!»

Взошла заря; проснулся императоръ,
И снова въ путь повелъ свои дружины.

Высóки горъ кремнистые хребты
И глубоки и темны ихъ долины;
Чернѣютъ въ нихъ стремнины и ущелья,
Сверкаютъ въ нихъ свирѣпые потоки.
Межъ дикихъ скалъ, по узкимъ переходамъ
Идутъ полки французскіе во мракѣ,
И гулъ глухой отъ ихъ шаговъ тяжелыхъ
Гудитъ въ горахъ, — и на пятнадцать миль
Разносится въ окрестности пустынной.
Вотъ къ Франціи родной они подходятъ,
И узнаютъ, увидя издалека,
Гасконіи знакомыя поля, —
И вспомнились имъ жены ихъ и дѣти,
И мирныя ихъ села и жилища,
И потекли вдругъ радостныя слезы
У воиновъ суровыхъ изъ очей.

Но больше всѣхъ лилъ слезы императоръ: —
Тоска и скорбь его тѣснила сердце —
Онъ своего племянника Роланда
Въ землѣ чужой покинулъ безразсудно.
И мантіей своей закрылъ онъ очи,
Чтобъ слезы его не видѣли Французы.

Но увидалъ ихъ старый герцогъ Неймскій
(Онъ съ королемъ все время ѣхалъ рядомъ).
— «Ты огорченъ, ты плачешь государь?»
Спросилъ старикъ съ тревогой и участьемъ.
«Скажи мнѣ, Карлъ, что сдѣлалось съ тобой?»

— «Не стыдно ли и спрашивать тебѣ!»
Сказалъ король. «Мою печаль ты знаешь:
Ты знаешь, я въ Испаніи оставилъ
Племянника!... Могу ли я не плакать?!..
Напрасно я послушалъ Ганелона....
Сегодня въ ночь я видѣлъ сонъ зловѣщій, —
И съ ужасомъ о немъ я вспоминаю....
Предчувствіе мнѣ истомило душу....
О Господи, что станется со мной
Безъ моего безцѣннаго Роланда!?
Вѣдь Франція погибнетъ безъ него!»

Такъ говорилъ великій императоръ,
И къ рубежу имперіи своей
Приблизился онъ грустный и унылый,
И своего коня остановилъ
У выхода изъ горнаго ущелья.
И начали тогда его дружины
Переходить земли родной границу.

И радостно забилися сердца
У воиновъ, сыновъ отчизны вѣрныхъ,
И торжествомъ ихъ лица просіяли
Въ тотъ мигъ святой. И мимо короля
Его полки, доспѣхами блистая,
При звукѣ трубъ и топотѣ коней,
Торжественно, величественно, гордо,
За строемъ строй, въ ущельи проходили,
Привѣтствуя громовымъ дружнымъ кликомъ
Маститаго державнаго вождя,
Привѣтствуя рубежъ земли французской.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

РОНСЕВАЛЬСКАЯ БИТВА.

I.

Гремятъ рога и трубы въ Сарагоссѣ:
Король Марсиль войска свои сбираетъ.
Онъ кликнулъ кличъ по всѣмъ своимъ владѣньямъ;
На зовъ его явилось триста тысячь
Наѣздниковъ отважныхъ мусульманскихъ.

Гремятъ рога и трубы въ Сарагоссѣ;
Валитъ народъ на площадь городскую:
На площади предъ замкомъ королевскимъ
Король Марсиль велѣлъ поставить знамя,
На коемъ былъ написанъ, какъ живой,
Самъ Магометъ, гонитель Христіанства.
Увидѣли пророка своего
Поборники усердные корана, —
И пали ницъ передъ его лицемъ,
И плакали, и били въ грудь руками.
И предъ толпой арабовъ изступленныхъ
Явился на площадь городскую

Служители мечетей и улемы,
Любимые и чтимые народомъ, —
И именемъ пророка Магомета
Ревнителей корана призывали
Подвигнуть мечъ за вѣру и законы
Своихъ отцовъ, — на гибель Христіанства.
Воспалены ихъ жгучими рѣчами
Ужъ за мечи хватались Сарацыны.
И ревностью исполнились великой
Къ жестокому закону своему,
И новою враждой разсвирѣпѣли
На Христіанъ, — и, въ ярости воинской,
Рвалися въ бой съ французскими войсками

— «Позволь, король, позволь, молю тебя,
Мнѣ первому ударить на Роланда!»
Кричалъ, копьемъ тяжелымъ потрясая,
Князь Аэльротъ, племянникъ короля.
«Я поражу, во славу Магомета,
Я поражу копьемъ моимъ Роланда, —
И умерщвлю его однимъ ударомъ,
И положу конецъ войнѣ, — и сразу
Избавлю всю испанскую страну
Отъ тяжкаго владычества Французовъ.»

— «И я, и я хочу сразить Роланда!»
Воскликнулъ братъ Марсиля Фальсеронъ.

— «И я, и я!» всѣ рыцари кричали
Наперерывъ предъ королемъ Марсилемъ.
Всѣ злобою пылая на Роланда.

II.

Вотъ двинулся къ ущелью Ронсевала
Король Марсиль со всей своей дружиной.
И понеслись наѣздники его
И дебрями, и темными лѣсами
Черезъ поля, долины и ущелья,
И шпорили коней своихъ ретивыхъ,
Отвагою и мщеніемъ пылая.

Не доходя долины Ронсевальской,
Предъ вѣковымъ, дремучимъ, мрачнымъ боромъ
Остановилъ полки свои Марсиль,
И далъ приказъ готовиться къ сраженью.
И отдѣлилъ отрядъ онъ во сто тысячь
И повелѣлъ идти ему впередъ,
И бой начать съ французскими полками.
Другой отрядъ — отборную дружину —
Оставилъ онъ въ равнинѣ передъ лѣсомъ,
И самъ его готовился вести,
Передовой дружинѣ на подмогу;
А своему вельможѣ Марганису
Въ тылу всѣхъ войскъ остаться повелѣлъ
Съ дружинами Арабовъ африканскихъ,
И выступить послѣднему въ сраженье.

И двинулся отрядъ передовой
Чрезъ темный лѣсъ къ ущелью Ронсевала,
И по лѣсу раздался конскій топотъ, —
И дрогнулъ лѣсъ, и глухо застонали

Окрестныя поляны и долины,
И грозный гулъ понесся по горамъ, —
И отдался въ ущельи Ронсевала

И слышитъ вся французская дружина
Тотъ грозный гулъ, въ недоумѣньи грознемъ.
И Оливье, прислушавшись, сказалъ:
«Ну, другъ Роландъ, повѣрь мнѣ, этотъ шумъ
Недоброе намъ что-то предвѣщаетъ....
Не миновать намъ схватки съ Сарацыномъ....»

— «Ну чтожъ?! Дай Богъ!» сказалъ ему Роландъ.
«Не даромъ Карлъ поставилъ насъ на стражѣ:
Мы каждый мигъ должны быть наготовѣ —
И день и ночь сраженья ожидать.»

Межъ тѣмъ въ горахъ гремѣлъ все тотъ же гулъ
И все сильнѣй въ долинѣ отдавался,
И Оливье, чтобы узнать, въ чемъ дѣло,
Влѣзъ на сосну высокую; оттуда
Взглянулъ онъ вдаль — въ зеленыя равнины —
И съ дерева Роланду закричалъ:
«Роландъ! на насъ невѣрные идутъ!...
Насъ погубить хотѣлъ графъ Ганелонъ....
Онъ вѣрно зналъ, что будетъ здѣсь засада:
Онъ съ умысломъ далъ королю совѣтъ —
Оставить насъ въ сторожевомъ отрядѣ.
Онъ предалъ насъ!»

— «Молчи,» сказалъ Роландъ,
«Вѣдь Ганелонъ мужъ матери моей.
Не говори о немъ худаго слова.»

И снова вдаль глядѣть сталъ Оливье.
И видитъ онъ: колышатся знамена,
Блестятъ щиты, и шлемы, и кольчуги,
И рать идетъ отъ лѣса по равнинѣ —
Такая рать, что потерялъ и счетъ
Онъ всѣмъ полкамъ.

Смутился Оливье,
Сошелъ съ сосны, но, скрывъ свое смущенье,
Онъ поступью спокойной и безпечной
Приблизился къ рядамъ французской рати
И голосомъ веселымъ ей сказалъ:

«Ну, воины, теперь готовьтесь къ битвѣ!
Ручаюсь вамъ моею головой,
Что будетъ бой, и будетъ бой на славу,
Сражайтеся, какъ мы всегда сражались
Подъ знаменемъ Роланда! Стойте крѣпко,
И ни на шагъ назадъ не подавайтесь!»

— «Позоръ и смерть всѣмъ бѣглецамъ и трусамъ!»
Воскликнули въ отвѣтъ ему французы.
«Не посрамимъ мы Франціи родной,
И знамени Роланда не покинемъ!»

Тутъ Оливье, взявъ за руку Роланда,
Отвелъ его поодаль отъ дружины,
И съ думою заботливой во взорѣ
Сказалъ ему: «послушай, другъ Роландъ!
На насъ идетъ теперь такая сила,
Какой и самъ нашъ славный императоръ
Не видывалъ всю жизнь на полѣ брани:

Передовой отрядъ я только видѣлъ,
А будетъ въ немъ навѣрное сто тысячъ.
Не сладить намъ съ такой великой ратью,
И надо звать на помощь короля.
Труби въ свой рогъ, — король тебя услышитъ, —
И къ намъ придетъ со всей своей дружиной.»

— «Какъ?! Мнѣ трубить, просить себѣ защиты?»
Сказалъ Роландъ. «Нѣтъ, я не сумашедшій: —
Не уроню своей воинской чести —
Не посрамлю себя передъ дружиной.
Не нужно мнѣ защиты отъ невѣрныхъ:
Мой мечъ со мной — вотъ вся моя защита!
Я омочу его до рукоятки
Въ крови враговъ.... Повѣрь, что Сарацыны
Всѣ лягутъ здѣсь: самимъ себѣ на гибель,
Измѣнники въ ущельи собрались.»

— «Нѣтъ, другъ Роландъ, не справимся мы съ ними.
Ты знаешь самъ: насъ только двадцать тысячь
А Сарацынъ.... кто сосчитаетъ ихъ!?..
На насъ идутъ всѣ полчища Марсиля!
И если мы изъ удальства пустаго
Не призовемъ къ себѣ на помощь Карла,
То весь отрядъ погубимъ понапрасну.
Роландъ, мой другъ, послушайся меня —
Труби въ свой рогъ! Король твой рогъ узнаетъ,
И приведетъ сюда свои дружины.»

— «Нѣтъ, Оливье, не стану я трубить,
Не посрамлю знаменъ земли французской!
Мнѣ дорога честь родины моей:
Я не хочу, чтобъ злобные сосѣди —

Завистники ея воинской славы —
На цѣлый свѣтъ съ злорадствомъ разславляли,
Что графъ Роландъ — французскій полководецъ
Сробѣлъ, какъ трусъ, предъ дикою ордой.»

— «Прошу тебя Роландъ, мой другъ безцѣнный,
Труби въ свой рогъ, пока еще не поздно,
Пока король тебя услышать можетъ!
Теперь еще ушелъ онъ недалеко,
И подойти успѣетъ къ намъ на помощь....
Труби скорѣй — не то мы всѣ погибли!»

— «Другъ Оливье, я не боюсь враговъ:
Со мной мой мечъ, со мной мои Французы, —
И весело помчусь я на конѣ
Въ кровавый бой: но я боюсь безчестья:
Я не хочу, чтобъ про меня сказали,
Что я просилъ у короля защиты
Отъ нехристей — отъ шайки негодяевъ;
Я не хочу, чтобы такимъ позоромъ
Мою семью и родъ мой упрекали.»

— «Какой позоръ?!.. Клянусь тебѣ, Роландъ,
Никто тебя не станетъ осуждать,
Никто тебя не упрекнетъ въ боязни!
Твой долгъ призвать на помощь короля,
Когда грозитъ бѣда его вассаламъ,
А намъ, повѣрь, не миновать бѣды:
Я видѣлъ самъ, какая рать невѣрныхъ
Идетъ на насъ — всѣ долы, всѣ равнины
И всѣ холмы покрыты ихъ войсками —
Имъ счету нѣтъ....»

— «Тѣмъ лучше для меня
Чѣмъ больше я передъ собою вижу
Въ бою враговъ, тѣмъ жарче и сильнѣй
Кипитъ во мнѣ отвага боевая....
Нѣтъ, Оливье, я смерти не боюсь.»

Такъ спорили друзья между собой,
А между тѣмъ все громче и грознѣе,
Зловѣщій шумъ въ долинѣ отдавался.
И вотъ изъ горъ пахнула на равнину
Густая пыль, и понеслась клубами, —
И полчища невѣрныхъ показались
Въ ущельяхъ горъ....

— «Взгляни, взгляни Роландъ —
Враги ужъ здѣсь!» воскликнулъ Оливье,
«Вотъ, вотъ они!... А нашъ защитникъ грозный —
Нашъ добрый Карлъ, незная ничего,
Теперь свой путь спокойно продолжаетъ.
Не хочешь ты призвать его на помощь, —
Такъ помни же, что по твоей винѣ
Мы всѣ, мы всѣ погибнемъ здѣсь....»

«Молчи!»
Сказалъ Роландъ. «Къ чему такія рѣчи
Предъ битвою. Да будетъ проклятъ тотъ,
Кто предъ врагомъ робѣетъ! Станемъ крѣпко
Мы тамъ, гдѣ насъ поставилъ императоръ, —
И побѣдимъ или умремъ со славой!»

Лишь графъ Роландъ увидѣлъ предъ собой
Полки враговъ, лишь сердцемъ онъ почуялъ,

Что близокъ бой, какъ брашною отвагой
Его душа могучая взыграла,
И словно левъ, завидѣвшій добычу,
Онъ радостно глазами засверкалъ.

— «Другъ Оливье, забудемъ наши споры!»
Воскликнулъ онъ. «Давай скорѣе руку....
Но отчего твой взоръ такъ строгъ и мраченъ?
Развеселись!... Бери свое копье,
И съ Богомъ въ бой! Мы весело и дружно
На полчища измѣнниковъ ударимъ.»

Вскочилъ Роландъ на борзаго коня,
И выѣхалъ передъ своей дружиной;
Красивъ онъ былъ, величественъ и грозенъ
На боевомъ конѣ своемъ любимомъ,
Съ копьемъ въ рукѣ, въ доспѣхахъ золоченыхъ!
Окинулъ онъ спокойнымъ, яснымъ взоромъ
Ряды своей дружины удалой,
И радостной и ласковой улыбкой
Лице его мгновенно озарилось.
И, посмотрѣвъ съ любовью братски-нѣжной
На доблестныхъ сподвижниковъ своихъ,
Онъ имъ сказалъ: «товарищи-Французы!
Сюда идутъ всѣ полчища невѣрныхъ,
А у меня васъ только двадцать тысячь.
Немного насъ! За то въ моей дружинѣ
Ни одного нѣтъ труса: вкругъ меня
Цвѣтъ воинства французскаго собрался:
Храбрѣйшіе изъ всей дружины Карла,
Вы вызвались по доброй волѣ сами
Остаться здѣсь, опасность презирая.

Да, рыцари, я знаю доблесть вашу!
Надѣется на васъ нашъ императоръ,
Надѣется на васъ его дружина:
Увѣренъ онъ, увѣрено все войско,
Что рады вы здѣсь головы сложить
За короля, что для него готовы
Все перенесть охотно — жажду, голодъ,
Морозъ и зной и всякія мученья.
Смотрите же, товарищи, и нынче
Вы честь свою и славу поддержите!
Не то про насъ пѣвцы и трубадуры
Позорную и злую сложатъ пѣсню» [8])

Лишь кончилъ рѣчь Роландъ, какъ передъ войскомъ
Предсталъ Турпинъ, архіепископъ Реймскій,
И такъ сказалъ, средь общаго молчанья:

«Французы! Часъ великій наступилъ:
Уже враги предъ нашими очами, —
И скоро бой жестокій закипитъ,
И смерть, какъ вихрь, въ ряды ворвется ваши,
И много васъ падетъ на полѣ чести.
Мужайтеся, и будьте всѣ готовы
Передъ судомъ Всевышняго предстать!
Великій часъ! Забудьте все мірское
И о душахъ подумайте своихъ —
Покайтеся въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ.
Въ день нынѣшній, по Божьей благодати,
Открытъ для васъ широкій путь къ спасенью, —
Послушайте лишь слова моего:
Какъ пастырь вашъ, я нынче налагаю
На всѣхъ на васъ одну эпитимью:

Сражайтеся упорно, храбро, дружно,
Безъ отдыха разите супостатовъ,
Рубите ихъ нещадно, — и Господь
Отпуститъ вамъ всѣ ваши прегрѣшенья!
Покайтесь же предъ Господомъ теперь!»

Тогда сошли всѣ воины съ коней
И набожно колѣни преклонили,
И пали ницъ предъ пастыремъ духовнымъ.
И, осѣнивъ ихъ знаменьемъ креста,
Имъ отпустилъ грѣхи архіепископъ.
И радостно, свободно и легко,
И празднично у нихъ на сердцѣ стало,
Когда грѣхи отпущены имъ были.
И поднялись всѣ воины съ земли
И весело вскочили на коней,
И, мужествомъ исполнены великимъ,
Рвалися въ бой душею обновленной.

Тогда предсталъ предъ войскомъ Оливье
На боевомъ конѣ своемъ ретивомъ,
И возгласилъ: «ну, рыцари, теперь
Во весь опоръ коней своихъ пустите,
И на враговъ ударьте дружно въ копья,
И все впередъ неситесь за Роландомъ,
Но ни на шагъ назадъ не отступайте:
Ужъ если мы рѣшились на сраженье, —
То намъ теперь одно изъ двухъ осталось:
Иль побѣдить всѣ полчища Арабовъ,
Иль лечь костьми за честь знаменъ французскихъ!
Теперь, друзья, передъ началомъ сѣчи
Воспомните свой славный кличъ воинскій —

Священный кличъ, который передъ битвой
Король нашъ Карлъ всегда провозглашаетъ.»

И лишь успѣлъ напомнить Оливье
Сподвижникамъ воинственнаго Карла
Побѣдный кличъ великаго бойца, —
Какъ разомъ вся французская дружина
Воскликнула, оружьемъ потрясая:
«Священъ мой мечъ!» И кто бъ въ сей чудный мигъ
Воинскій кликъ Французовъ могъ услышать,
Тотъ никогда въ сей жизни не забылъ бы,
Какъ воины предъ битвой Ронсевальской
Ущелья горъ тѣмъ кликомъ огласили [9]).

Тогда, вскипѣвъ отвагой боевой,
Пришпорили коней своихъ Французы,
И понеслись на встрѣчу Сарацынамъ.
Не дрогнули предъ ними Сарацыны,
Не подались назадъ, — и Христіане
Лицемъ къ лицу съ невѣрными сошлися.

III.

Всѣхъ впереди предъ ратью мусульманской
Съ копьемъ въ рукѣ, съ осанкою надменной,
На скакунѣ арабскомъ гарцовалъ,
Надъ воинствомъ французскимъ насмѣхаясь,
Князь Аэльродъ, племянникъ короля.

— «Безбожники Французы!» онъ кричалъ,
«Попробуйте сегодня сладить съ нами!

Защитникъ вашъ, король вашъ сумашедшій,
Вамъ измѣнилъ: врагамъ васъ предалъ въ руки.
Пришелъ конецъ воинской славѣ вашей:
Она навѣкъ затмится въ этой битвѣ,
Вся Франція покроется погоромъ, —
И гордый Карлъ смирится передъ нами.»

О Боже, какъ вскипѣлъ негодованьемъ
Роландъ, когда слова его услышалъ!
Вонзилъ въ коня онъ шпоры золотыя,
И на врага во весь опоръ помчался:
На всемъ скаку копьемъ своимъ булатнымъ
Пробилъ насквозь ему онъ щитъ и панцырь,
И грудь пронзилъ, и проломилъ хребетъ, —
И мертваго съ копья на землю сбросилъ.

— «Ты ложь сказалъ!» воскликнулъ графъ Роландъ,
Взглянувъ въ лице убитому съ презрѣньемъ.
«Ты ложь сказалъ, разбойникъ закоснѣлый:
Король нашъ Карлъ ума не потерялъ,
И никогда измѣнникомъ онъ нѣ былъ.
Его никто не въ правѣ укорять,
За то, что онъ оставилъ насъ на стражѣ
Въ ущельи горъ: предвидѣлъ мудрый старецъ,
Что вашъ Марсиль своей измѣнитъ клятвѣ.

«Нѣтъ, воины, не сгинетъ наша слава
Въ бою съ толпой разбойниковъ презрѣнныхъ!
Колите ихъ, рубите ихъ, Французы!
Вѣдь правда вся на нашей сторонѣ;
На сторонѣ невѣрныхъ только кривда!»

Былъ межъ вождей въ отрядѣ мусульманскомъ
Братъ короля Марсиля, Фальсеронъ,
Уродъ лицемъ, но богатырь по силѣ,
Когда онъ смерть племянника увидѣлъ,
То въ бѣшенство великое пришелъ:
Онъ сталъ ругать и поносить Французовъ,
И вызывалъ бойцевъ на поединокъ,
Побѣдою заранѣ похваляясь.
Но услыхалъ правдивый Оливье
Его слова, — и возмутился сердцемъ, —
Всадилъ въ коня онъ шпоры золотыя,
Какъ бурный вихрь помчался на враговъ,
И въ хвастуна копьемъ своимъ ударилъ:
Разбилъ ему онъ щитъ его тяжелый,
Пронзилъ насквозь кольчугу, грудь и сердце, —
И вышибъ духъ изъ нехриста, и молвилъ:
«Не будешь ты отнынѣ никогда
Отвагою и силой похваляться
И клеветой позорить наше войско!»

Такъ начался неровный бой; но дружно
На мусульманъ ударили Французы:
Силачъ Готье, Жераръ изъ Руссильйона,
И Беранже, и Аселинъ Гасконецъ,
И съ ними всѣ сподвижники Роланда
Безъ отдыха и устали разили
Наѣздниковъ отважныхъ мусульманскихъ.
И множество великое враговъ
Подъ грозными ударами ихъ пало.
Но всѣхъ грознѣй изъ рыцарей французскихъ
Былъ самъ Роландъ. Бросая трупъ на трупъ,
Всѣхъ дальше онъ умчался по долинѣ,
Прорвавъ ряды густые Сарацынъ.

Сперва копьемъ сражался онъ, но вскорѣ
Сломилося копье его стальное,
И выхватилъ онъ быстро изъ ноженъ
Свой вѣрный мечъ, прославленный во брани.
И страшенъ былъ ударъ его меча —
Онъ все крушилъ: желѣзо, мѣдь и сталь,
И съ одного могучаго размаха
Онъ надвое мгновенно разсѣкалъ
Наѣздника, закованнаго въ латы, —
И, разрубивъ подъ нимъ сѣдло и войлокъ,
Перерубалъ хребетъ его коня.
Никто не могъ противостать Роланду,
И отразить меча его ударъ.
Толпы враговъ бѣжали передъ нимъ,
А вслѣдъ за нимъ неслися по долинѣ
Межъ грудой тѣлъ потоки крови вражьей.
И самъ онъ весь дымился свѣжей кровью:
Она текла съ меча его и длани,
Струилася съ доспѣховъ позлащенныхъ,
И капала съ коня его на землю.

Не отставалъ отъ друга Оливье.
И у него давно уже сломился
Конецъ копья (довольно въ этой битвѣ
Оно стальныхъ доспѣховъ сокрушило!)
Одно древко въ рукѣ его осталось.
И сталъ древкомъ сражаться Оливье,
И наносилъ онъ тяжкіе удары
По шишакамъ и панцырямъ желѣзнымъ.
Издалека товарища замѣтивъ,
Роландъ ему съ досадой закричалъ:
«Что это ты затѣялъ, Оливье, —

Возможно ли въ такой великой битвѣ,
Гдѣ всюду сталь сверкаетъ и гремитъ,
О крѣпкіе доспѣхи сокрушаясь,
Возможно ли простою палкой драться?!
Берись за мечъ!»

— «Не до меча мнѣ право!»
Проговорилъ сердито Оливье.
«Мнѣ некогда мѣнять теперь оружье —
Тащить свой мечъ тяжелый изъ ноженъ;
И безъ того едва я успѣваю
Разить враговъ — такъ много ихъ столпилось!»

Однако онъ послушался Роланда —
Схватилъ свой мечъ — и съ перваго удара
Наѣздника какого-то разсѣкъ
Онъ надвое съ шеломомъ и кольчугой.

— «Вотъ рыцарскій, такъ рыцарскій ударъ!»
Вскричалъ Роландъ. «Другъ Оливье, недаромъ
Тебя своимъ я братомъ называю!...
Какъ жаль, что насъ не видитъ императоръ!...
О, какъ бы онъ доволенъ былъ тобой
И всей моей безстрашною дружиной!»

IV.

Разитъ враговъ могучій графъ Роландъ,
И все впередъ несется по равнинѣ.
И Оливье, и дружно всѣ бароны,
А съ ними всѣ Французы до едина

Несутся вслѣдъ отважному Роланду, —
И падаютъ предъ ними мусульмане.
Вездѣ, вездѣ Французы взяли верхъ.
Вездѣ бѣгутъ невѣрные толпами:
Ихъ трупами усѣяна долина,
И вся трава обагрена ихъ кровью.
Такъ весь отрядъ передовой Марсиля
Погибъ въ бою въ долинѣ Ронсевальской.

Побѣда! Рать французская ликуетъ:
Побѣдный кликъ гремитъ по всей долинѣ,
И радостью сіяютъ всѣ Французы.
Но вдругъ, среди ихъ радости и кликовъ,
Зловѣщій шумъ послышался въ горахъ, —
И понеслись изъ всѣхъ ущелій горныхъ,
Какъ бурные потоки водъ весеннихъ,
Толпы враговъ: то шелъ король Марсиль
И велъ съ собой онъ главную дружину.

— «Другъ Оливье, смотри, какая рать!»
Сказалъ Роландъ. «Должно быть Сарацыны
Хотятъ теперь во что бы то ни стало
Намъ отомстить за всѣ побѣды наши.
Безбожники.... Какое вѣроломство!...
Но дорого поплатятся они
За свой обманъ, и долго помнить будутъ
Ущелья горъ и битву въ Ронсевалѣ.»

Такъ говорилъ безстрашный паладинъ;
Спокоенъ онъ и веселъ былъ душею.
Спокоенъ былъ и храбрый Оливье,
Да и никто изъ перовъ и бароновъ

Предъ новою опасностью не дрогнулъ.
Но храбрая и вѣрная дружина
Смутилася, увидѣвъ предъ собой
Опять враговъ, представшихъ ей нежданно.
Утомлены упорной, долгой битвой,
Всѣ воины, полны недоумѣнья,
Задумчиво глядѣли на Роланда:
— «Ужель еще готовится имъ битва?
Довольно ихъ ужъ выбыло изъ строя!
Всѣ старые, бывалые бойцы
Легли костьми — и больше половины
Теперь мечей въ дружинѣ не дочтешься;
А снова врагъ явился передъ ними,
На новую ихъ битву вызывая.»

Такъ думали фращузскіе бойцы,
И на вождей взирали съ безпокойствомъ.
Но вотъ Турпинъ, архіепископъ Реймскій,
Замѣтивъ ихъ раздумье и смущенье,
Сталъ ободрять дружину, и сказалъ:

«Зачѣмъ вы такъ задумались, уныли,
Не падайте и не слабѣйте духомъ!
Не миновать намъ битвы. Будьте тверды:
Бѣжать нельзя: побѣгомъ малодушнымъ
Мы Францію родную опозоримъ, —
И насъ самихъ правдивая молва,
Изъ рода въ родъ глася о нашемъ бѣгствѣ,
Въ родной землѣ безчестіемъ покроетъ.
Пусть лучше всѣ умремъ мы въ этой битвѣ,
Чѣмъ предъ врагомъ отступимъ хоть на шагъ.
А я клянусь вамъ Богомъ всемогущимъ,

Что всякій, кто падетъ на полѣ ратномъ,
Передъ Творцомъ великъ и славенъ будетъ,
И въ царствіе небесное взойдетъ,
И будетъ жить съ блаженными душами!»

Такъ воинамъ сказалъ архіепископъ,
Сказалъ, и въ бой онъ первый устремился:
Схватилъ копье тяжелое онъ въ руки,
Сѣлъ на коня, и, какъ боецъ отважный,
Одинъ врагамъ на встрѣчу полетѣлъ.

Всѣхъ впереди со знаменемъ въ рукѣ
Предъ грозными дружинами Марсиля,
Съ осанкою спокойно-величавой,
На скакунѣ ретивомъ ѣхалъ тихо
Какой-то князь, храбрецъ и богатырь,
Прославленный и посѣдѣлый въ битвахъ.
И на него, несясь во весь опоръ,
Вдругъ налетѣлъ Турпинъ архіепископъ,
Прошибъ насквозь его копьемъ булатнымъ
И на копьѣ на землю сбросилъ мертвымъ.

— «Вотъ такъ ударъ! Каковъ архіепископъ!»
Вскричалъ Роландъ. «За нимъ, за нимъ Французы!
Не выдадимъ его мы Сарацынамъ.
Глядите, онъ одинъ въ толпѣ враговъ
Сражается, какъ рыцарь настоящій!
Къ нему скорѣй!... Впередъ, впередъ Французы!»

И въ мигъ одинъ Роландъ и вся дружина
Рванулася на встрѣчу мусульманамъ —
Сломила ихъ ряды передовые
И всѣхъ назадъ въ ущелье горъ вогнала.

Такъ грозные враги четыре раза
На воиновъ французскихъ наступали
И каждый разъ, отбитые жестоко,
И груды тѣлъ оставивъ за собой,
Они опять въ ущелья укрывались.
Но былъ за то ужасенъ пятый натискъ:
Ручьями кровь французская лилась,
И падали Французы строй за строемъ,
И изо всей дружины ихъ удалой
И тысячи бойцевъ не оставалось
Но все еще они стояли крѣпко,
Предъ узкими ущельями сражаясь.

V.

И вотъ тогда, окинувъ грустнымъ взоромъ
Ряды своихъ бойцевъ неустрашимыхъ,
И самъ Роландъ увидѣлъ наконецъ,
Что удалью своею безразсудной
Онъ погубилъ французскую дружину;
Увидѣлъ онъ, что правъ былъ Оливье,
Когда просилъ призвать на помощь Карла, —
И сердце въ немъ стѣснилось и заныло
Раскаяньемъ и скорбію великой.
И, устремивъ печальный взоръ на друга,
Онъ голосомъ встревоженнымъ сказалъ:

— «Братъ Оливье, товарищъ вѣрный мой,
Что дѣлать намъ? Взгляни, вѣдь наши гибнутъ,
Взгляни, вездѣ Французовъ нашихъ трупы!...
И сколько ихъ погибло въ этой битвѣ!

Несчастная французская земля: —
Какихъ сыновъ и доблестныхъ и вѣрныхъ
Лишилась ты въ ужасный этотъ день!...
Несчастный Карлъ!... Какъ злобно ты обманутъ!
Гдѣ ты теперь, нашъ мощный императоръ,
Нашъ добрый Карлъ, нашъ неизмѣнный другъ?!
О, если бы ты зналъ объ этой битвѣ,
О, если бы ты съ нами былъ теперь!...
Братъ Оливье, что дѣлать намъ? —»

— «Незнаю.
По моему осталось намъ одно:
Всѣмъ умереть подъ вражьими мечами,
Но умереть безъ ропота и жалобъ.
Ужъ если мы рѣшились выдти въ битву,
То отступать и поздно и постыдно:
Ты знаешь самъ, безчестье хуже смерти. —
Ничѣмъ теперь мы не поправимъ дѣла:
Раскаянье и слезы не помогутъ....
И ты, и я, и всѣ Французы наши
Обречены на гибель въ этой битвѣ.»

— «Ахъ, Оливье, ужель тебѣ не жаль
Обречь на смерть товарищей послѣднихъ —
Остатокъ, цвѣтъ моей дружины вѣрной....
Нѣтъ, надо звать на помощь короля!
Я стану въ рогъ трубить: еще не поздно,
Еще король меня услышать можетъ
И къ намъ придетъ....»

— «Но это будетъ срамъ!
Ты честь свою навѣки запятнаешь.

Когда тебѣ я говорилъ: «труби,»
Ты не хотѣлъ — ты не послушалъ друга
И бранною отвагою кичился.
Чтожъ вдругъ теперь остылъ твой пылъ воинскій?
Нѣтъ, другъ Роландъ, теперь трубить ужъ поздно,
Ужъ Карлъ ушелъ далеко — не услышитъ....
Да и трубить не въ силахъ ты теперь:
Ты ослабѣлъ — твой рогъ не будетъ слышенъ:—
Смотри, ужъ кровь изъ рукъ твоихъ течетъ!»

— «Пускай течетъ. За то я бился крѣпко,
За то врагамъ — измѣнникамъ презрѣннымъ
Такіе я удары наносилъ,
Что самъ себѣ изранилъ объ руки....
Ужасный бой!... Нѣтъ, слушай Оливье,
Мнѣ долгъ велитъ, велитъ мнѣ Богъ и совѣсть
Спасти моихъ товарищей послѣднихъ....
Я призову на помощь короля.»

— «Ну, чтожъ, зови, — но это будетъ трусость:—
Ты не хотѣлъ призвать на помощь Карла,
Чтобы спасти отъ гибели все войско,
А вотъ теперь, когда оно погибло,
Тебѣ молить не стыдно о защитѣ, —
Чтобъ самого себя спасти отъ смерти.
Нѣтъ, рыцари не поступаютъ такъ!...
О, если я теперь останусь живъ,
И возвращусь во Францію родную,
И тамъ сестру мою увижу — Оду,
То никогда, кляпусь тебѣ Роландъ,
Моя сестра женой твоей не будетъ!»

— «Братъ Оливье, за что такая злоба?!»

— «За то, что ты безумною отвагой
Безжалостно сгубилъ свою дружину!
Побѣдами и славой избалованъ,
Ужъ слишкомъ ты самонадѣянъ сталъ.
Нѣтъ, другъ, повѣрь, что истинная доблесть
Не въ дерзости слѣпой и сумашедшей,
А въ мужествѣ холодномъ и разумномъ.»

Такъ укорялъ Роланда Оливье.
И услыхалъ ихъ споръ архіепископъ:

— «Друзья мои, не ссорьтесь ради Бога!»
Сказалъ онъ имъ. «Теперь конечно поздно
Намъ короля на помощь призывать:
Онъ никого въ живыхъ ужъ не застанетъ;
Намъ нечего и думать о спасеньи.
Но пусть Роландъ трубитъ въ свой звонкій рогъ —
Пускай король придетъ сюда съ дружиной:
Увидитъ онъ, что пали мы въ бою,
Узнаетъ онъ Марсиля вѣроломство, —
И отомститъ за нашу смерть невѣрнымъ.
Подумай самъ, правдивый Оливье,
Вѣдь если Карлъ теперь же не узнаетъ,
Что здѣсь на насъ напали Сарацыны, —
Спокойно онъ пройдетъ всѣ Пиринеи,
Спокойно онъ во Францію придетъ,
И по домамъ всѣхъ воиновъ распуститъ;
А между тѣмъ, тѣла и кости наши
Останутся навѣкъ безъ погребенья,
И будутъ тлѣть на вражеской землѣ:

Никто молитвъ надъ ними не прочтетъ,
Никто на нихъ не взглянетъ съ сожалѣньемъ,
Никто на нихъ слезинки не уронитъ.
И станутъ ихъ ногами попирать
Невѣрные, ругаяся надъ нами,
Да стаи псовъ голодныхъ и волковъ
Ихъ острыми зубами растерзаютъ.

«Но если Карлъ, услыша зовъ Роланда,
Придетъ сюда, — не дастъ онъ наши трупы
Въ добычу псамъ, — и добрые Французы
Прольютъ на нихъ потоки слезъ горячихъ,
И бережно поднимутъ насъ съ земли,
И отнесутъ въ гроба съ благоговѣньемъ,
И предадутъ честно́му погребенью.»

— «Разумна рѣчь твоя, архіепископъ,»
Сказалъ Роландъ. И взялъ свой рогъ онъ въ руки,
Прижалъ къ губамъ, дохнулъ въ него всей грудью, —
И затрубилъ, — и горы и долины
Откликнулись на тридцать миль кругомъ
На звонкій рогъ могучаго Роланда.
Услышалъ Карлъ, услышалъ издалёка,
Услышали всѣ воины его
Призывный рогъ.

— «Вы слышите, тамъ битва!»
Сказалъ король. «Вѣдь это наши трубятъ,
И насъ зовутъ....»

— «Ты шутишь, государь!»
Сказалъ ему съ усмѣшкой Ганелонъ.

«У насъ вѣдь миръ — всѣ наши знаютъ это;
За что и съ кѣмъ они затѣютъ драку?
Когда бъ не ты, а кто нибудь другой
Намъ говорить такія рѣчи вздумалъ,
То всѣ бы мы, повѣрь, расхохотались....»

* * *

Трубитъ Роландъ, трубитъ въ свой звонкій рогъ,
Трубитъ Роландъ — всѣ силы напрягаетъ,
Чтобы его услышалъ императоръ;
Ужъ ноетъ грудь могучая отъ боли,
Кровь алая струится изъ гортани,
Онъ все трубитъ: за то трубитъ онъ громко
И слышитъ Карлъ его призывный рогъ, —
И говоритъ: «Вѣдь это рогъ Роланда.»

— «Ахъ, государь, вѣдь ты ужъ старъ и сѣдъ,
А говоришь, какъ маленькій ребенокъ!»
Сказалъ ему сердито Ганелонъ.
«Чтожъ изъ того, что это рогъ Роланда?
Ну развѣ ты племянника не знаешь.
Роландъ чудакъ, повѣса, сумасбродъ:
Вѣдь если онъ въ лѣсу увидитъ зайца, —
То радъ трубить въ свой рогъ хоть цѣлый день.»

* * *

Трубитъ Роландъ — трубитъ въ свой звонкій рогъ,
Трубитъ Роландъ — всѣ силы напрягаетъ,
Чтобы его услышалъ императоръ;
Ужъ ноетъ грудь могучая отъ боли,

Давно ужъ кровь струится изъ гортани,
Онъ все трубитъ сильнѣе и сильнѣе;
На лбу его высоко поднялись
И кровію напружились всѣ жилы,
Онъ все трубитъ, — и кровь уже сочится
Изъ жилъ его, и алыми струями
Съ чела его сбѣгаетъ на ланиты;
За то трубитъ все громче онъ и громче.
И слышитъ Карлъ его призывный рогъ,
И говоритъ: «да, это рогъ Роланда:
Никто другой не въ силахъ такъ трубить.»

— «Да, это рогъ Роланда, государь!»
Сказалъ ему маститый герцогъ Неймскій.
«Племянникъ твой въ опасности: ты слышишь,
Вѣдь это онъ съ отчаянья трубитъ.
Повѣрь мнѣ, Карлъ, Марсиль насъ обманулъ:
Невѣрные напали на Роланда.
А кто тебя въ томъ хочетъ разувѣрить —
Тотъ нѣдругъ твой, предатель и измѣнникъ....
Спѣши же, Карлъ, къ племяннику на помощь,
Сзывай войска своимъ воинскимъ кличемъ,
Веди ихъ въ бой, — и выручи Роланда!»

Тогда король разгнѣванный и грозный
Велѣлъ схватить злодѣя Ганелона:

— «Скорѣй, скорѣй возьмите съ глазъ моихъ
Измѣнника! Мнѣ видъ его ужасенъ:
Онъ кровь мою моимъ злодѣямъ прѐдалъ!»
Воскликнулъ Карлъ, закрывъ глаза руками.

И схваченъ былъ измѣнникъ Ганелонъ
И отведенъ къ обозу конюхами,
И отданъ тамъ простымъ холопьямъ въ руки:
Изъ рыцарей никто и прикоснуться
До гнуснаго злодѣя не хотѣлъ,
Чтобъ взять его, и отвести подъ стражу: —
Противенъ имъ и страшенъ былъ предатель,
Какъ будто былъ самимъ онъ Богомъ проклятъ
Иль зараженъ проказою тлетворной.
За то надъ нимъ натѣшилась вся челядь:
Сперва она избила кулаками
И палками преступника нещадно;
Потомъ его веревками скрутила,
И, привязавъ къ негодной старой клячѣ,
Везла на ней въ обозѣ вслѣдъ за войскомъ.
Вокругъ него толпились поварята
И съ хохотомъ въ лице ему глядѣли
И весело дразнили какъ медвѣдя.

Трубятъ рога: король и всѣ Французы
Коней своихъ назадъ поворотили, — .
И понеслись къ долинѣ Ронсевальской.

Высóки горъ кремнистые хребты
И глубоки и темны ихъ долины;
Чернѣютъ въ нихъ стремнины и ущелья,
Сверкаютъ въ нихъ свирѣпые потоки.
Межъ темныхъ скалъ, по мрачнымъ переходамъ,
Чрезъ грозные стремнины и потоки
Проносятся французскія дружины.
Всѣхъ впереди разгнѣванный и мрачный
На боевомъ конѣ своемъ ретивомъ
Несется Карлъ маститый императоръ....

VI.

Умолкнулъ рогъ призывный въ Ронсевалѣ;
Задумчивый, унылый, утомленный
Сидитъ Роландъ на боевомъ конѣ;
Куда теперь ни взглянетъ онъ, — повсюду
Однихъ своихъ Французовъ видитъ трупы;
Со всѣхъ сторонъ доносятся къ нему
Товарищей предсмертныя стенанья,
И сердце въ немъ терзаютъ лютой скорбью, —
И горько онъ заплакалъ, — и въ слезахъ
Такъ голосомъ растроганнымъ воскликнулъ,
На страждущихъ товарищей взирая:

«Простите мнѣ, товарищи мои!
Вѣдь по моей винѣ вы всѣ погибли.....
А не было на свѣтѣ и не будетъ
Такихъ людей и воиновъ, какъ вы!
Какъ долго вы, какъ вѣрно мнѣ служили!
Во всѣхъ бояхъ, по кличу моему,
Довѣрчиво за мною вы стремились,
Дѣля со мной опасность и побѣду.
И сколько вы для Карла короля
Со мною царствъ великихъ покорили!...
И я, кому вы такъ служили вѣрно, —
Я погубилъ васъ, рыцари мои!
Я отнялъ васъ у Франціи прекрасной,
Я отнялъ васъ у старца короля,
Которому опорою вы были.
Но, видитъ Богъ, я не хотѣлъ, не думалъ

Васъ погубить: я радъ бы самъ погибнуть,
Чтобъ только васъ отъ гибели спасти.

«Простите же мнѣ, добрые Французы,
Простите мнѣ, товарищи мои!
Изъ-за моей вины вы всѣ погибли,
Изъ-за меня вы страждете теперь,
Изъ-за меня такъ стонете ужасно....
Но благъ Господь, Онъ сжалится надъ вами, —
Съ любовію Онъ. приметъ ваши души
Въ свой свѣтлый рай, — и на цвѣтахъ небесныхъ
Отъ тяжкихъ мукъ земныхъ васъ успокоитъ....
А я.... О какъ обидно мнѣ и стыдно
Васъ пережить, товарищи мои....
Къ чему мнѣ жизнь?!... Я снова брошусь въ сѣчу:
Не лучше ль мнѣ въ бою погибнуть сразу
Чѣмъ известись отъ скорби и тоски,
И день и ночь раскаяньемъ терзаясь,
И совѣсти внимая вѣчный ропотъ.»

И снова въ бой понесся графъ Роландъ
И на враговъ ударилъ съ новой силой,
И сталъ разить мечемъ своимъ тяжелымъ, —
И стали вновь валиться Сарацыны
Подъ грозными ударами Роланда.

Какъ, невзначай завидѣвъ стаю псовъ,
Бѣжитъ отъ нихъ оленей робкихъ стадо,
Такъ въ ужасѣ нестройными толпами
Невѣрные бѣжали отъ Роланда.

Межъ Сарацынъ—въ отборной ихъ дружинѣ
Былъ великанъ — природный Азіатецъ,

Лишь за̀ три дня до битвы Ронсевальской
Изъ-за̀ моря прибывшій въ Сарагоссу.
Онъ славенъ былъ давно во всемъ Востокѣ
Отвагою и силой богатырской,
И признанъ былъ борцомъ неодолимымъ.
И вотъ теперь въ тѣснинахъ Ронсевала,
Сражаясь въ рядахъ передовыхъ,
И, всѣхъ дивя невиданною силой,
Ужъ много онъ воителей французскихъ
Пронзилъ своимъ копьемъ неотразимымъ.
Но увидавъ Роланда предъ собой —
Могучаго, великаго Роланда,
Летящаго въ бою, какъ ураганъ,
Разящаго мгновенно на пути
За строемъ строй наѣздниковъ. Марсиля, —
Былъ изумленъ надменный богатырь,
Былъ пораженъ однимъ его лишь видомъ,
И въ первый разъ въ душѣ своей безстрашной
Почувствовалъ онъ страхъ неодолимый, —
И, выронивъ копье изъ рукъ могучихъ,
Хотѣлъ бѣжать изъ битвы, но не могъ:
Какой-то хладъ сковалъ ему всѣ члены, —
И великанъ недвижимъ, какъ скала,
Оцѣпенѣлъ отъ ужаса на мѣстѣ.

— «Какъ ты великъ, Роландъ, на полѣ битвы!»
Сказалъ тогда Турпинъ архіепископъ.
«Какъ весело глядѣть мнѣ на тебя,
Когда врагамъ наносишь ты удары!
О, еслибъ такъ всѣ воины сражались!
По моему, кто въ рыцари пошелъ,
И въ бранные доспѣхи нарядился —

Надѣлъ шишакъ и мечъ себѣ привѣсилъ,
И на коня взобрался боеваго, —
Тотъ на войнѣ жалѣть враговъ не долженъ: —
Руби и бей, пока хватаетъ силы!
Не то бери скорѣе четки въ руки,
Надѣнь клобукъ, — и поступай въ монахи —
И день и ночь, кладя поклоны въ землю,
Вдали отъ всѣхъ, молись усердно Богу
За грѣшныхъ насъ. Не такъ ли?»

— «Правда, правда!»
Вскричалъ Роландъ. «Вы слышите, Французы,
Что говоритъ архіепископъ нашъ?
За мной, впередъ, — и бейте безъ пощады
Злыхъ Сарацынъ!»

И ринулись Французы
Всѣ снова въ бой, заслышавъ кличъ Роланда, —
И кинулись, какъ львы, на супостатовъ.

Тогда Марсиль, чтобъ ободрить примѣромъ
Свои войска, самъ бросился впередъ,
И въ бой вступилъ, какъ рыцарь благородный.
Искусно онъ сразилъ однимъ ударомъ
Отважнаго Жерара Руссильйона,
Сразилъ еще трехъ рыцарей французскихъ.
И много онъ отважныхъ паладиновъ
Своимъ мечемъ дамасскимъ поразилъ бы, —
Но вдругъ предъ нимъ явился графъ Роландъ,
Весь мщеніемъ и яростью пылая,
И голосомъ могучимъ загремѣлъ:

«Да проклянетъ тебя самъ Богъ всевышній!
Ты хитростью и гнуснымъ вѣроломствомъ
Цвѣтъ воинства французскаго сгубилъ,—
Такъ расплатись теперь своею кровью
За кровь моихъ товарищей и братьевъ!»

Такъ говоря, разгнѣванный Роландъ
Сверкнулъ мечемъ, — и мигомъ у Марсиля
Одной руки какъ будто не бывало.

Близъ короля Марсиля въ этотъ мигъ
Былъ сынъ его — красавецъ статный, юный....
Узналъ его мгновенно графъ Роландъ,
И, ухвативъ за кудри молодыя,
Поднялъ съ коня высоко надъ сѣдломъ,
И голову отсѣкъ ему по плечи
Въ глазахъ отца, — и въ ужасѣ великомъ
Король Марсиль умчался съ поля битвы.

VII.

Но лишь Марсиль исчезъ изъ глазъ Роланда,
Какъ новыя дружины мусульманъ
Вдругъ хлынули изъ горнаго ущелья:
То подходилъ со свѣжими войсками
Князь Марганисъ — Марсилевъ воевода.

— «Ну, рыцари,» воскликнулъ графъ Роландъ,
«Мы всѣ теперь падемъ на полѣ ратномъ!
Но надо пасть со славой. Проклятъ тотъ,
Кто не отмститъ врагамъ за вѣроломство,

И дешево имъ жизнь свою продастъ.
Когда король придетъ въ долину эту,
И насъ найдетъ простертыми въ крови,—
То пусть тогда вкругъ каждаго изъ насъ
Увидитъ онъ холмы изъ труповъ вражьихъ.»

Окончивъ рѣчь, Роландъ коня пришпорилъ,
И полетѣлъ на встрѣчу Сарацынамъ.
Вослѣдъ ему помчался Оливье,
Готье, Турпинъ, и Аселинъ Гасконецъ,
И Беранже и съ ними всѣ Французы.
И бѣшено врубилися они
Въ толпу враговъ, смѣшались быстро съ ними, —
И началась убійственная свалка.

Былъ изумленъ ихъ дерзкою отвагой
Князь Марганисъ, и, внѣ себя отъ злобы,
Глядѣлъ на бой, — и грозными очами
Отыскивалъ вождей французской рати.
И вотъ среди наѣздниковъ своихъ
Онъ рыцаря французскаго увидѣлъ,
Пробившаго мечемъ себѣ дорогу
Черезъ ряды густые Сарацынъ.
Тотъ рыцарь былъ самъ славный Оливье;
Узналъ его арабскій полководецъ,—
И радостью глаза его сверкнули.
Но не дерзнулъ коварный мусульманинъ
Лицемъ къ лицу сразиться съ паладиномъ,
А въ тылъ ему заѣхавъ, какъ убійца,
Копьемъ въ него украдкою ударилъ.
И роковой ударъ его копья
Ужасенъ былъ для всей французской рати,

Ужасенъ былъ для всей земли французской:—
Имъ пораженъ, имъ раненъ былъ смертельно
Сподвижникъ, другъ, названный братъ Роланда:
Прошло копье чрезъ панцырь вороненый,—
И Оливье, пронзенный острой сталью,
Почувствовалъ, что часъ его насталъ,
Что смертный хладъ его объемлетъ сердце,—
И головой поникнулъ храбрый рыцарь.

—«Каковъ ударъ!» воскликнулъ Сарацынъ,
Глядя въ лице сраженному бойцу
Съ усмѣшкою и радостной и злобной.
«Каковъ ударъ! Теперь твой грозный мечъ
Ужъ не сразитъ и слабаго ребенка,
А ты вѣдь слылъ бойцомъ непобѣдимымъ!
Я радъ, что мнѣ досталося на долю
Угомонить богатыря такого:
Отмстилъ теперь я на тебѣ однимъ
Всей Франціи за наше униженье!
А согласись — вашъ дряхлый императоръ
Хитро и зло надъ вами подшутилъ,
Оставивъ васъ врагамъ на избіенье.»

Хоть чувствовалъ безстрашный Оливье,
Что пораженъ смертельнымъ онъ ударомъ,
Но онъ не могъ снести и въ часъ предсмертный
Ругательства надъ королемъ своимъ
И похвальбу презрѣннаго злодѣя:
Вскипѣла въ немъ душа негодованьемъ,
Взыграла кровь и сердце встрепенулось,—
И вдругъ въ себѣ почуялъ богатырь
Въ послѣдній разъ приливъ могучей силы:—

Глаза его блеснули дивнымъ блескомъ,
И съ гордостью воспрянулъ онъ главой,
Взмахнулъ мечемъ, — и прямо въ гребень шлема
Противника внезапно поразилъ;
Разсѣкъ ему онъ сразу и шеломъ
И голову до самой до гортани,
И молвилъ такъ: «умри, проклятый грѣшникъ!
Я для того убилъ тебя, хвастунъ,
Чтобъ ты не могъ вернуться въ Сарагоссу,
И, тамъ своей отвагой похваляясь,
Не хвастался передъ своей женой
Или другой, тебѣ знакомой дамой,
Что побѣдилъ ты графа Оливье.»

Сразивъ врага, безстрашный богатырь
Вновь ощутилъ упадокъ силъ могучихъ,
И вспомнилъ онъ, что жить ему недолго, —
И голосомъ слабѣющимъ и нѣжнымъ
Сталъ звать къ себѣ Роланда своего:
Хотѣлъ онъ съ нимъ проститься передъ смертью.

Ужъ борется со смертью Оливье:
Онъ кровію исходитъ, онъ слабѣетъ;
Въ его глазахъ давно ужъ потемнѣло —
Онъ никого и ничего не видитъ;
Но все еще не падаетъ онъ духомъ —
Все хочетъ онъ разить враговъ невѣрныхъ: —
Все грезится ему, что вкругъ него
Они толпой свирѣпой собрались, —
И машетъ онъ мечемъ своимъ тяжелымъ,
Въ ихъ скопище удары направляя.
И вотъ къ нему примчался графъ Роландъ,

Прощальный зовъ товарища услышавъ;
Но Оливье уже не видитъ друга,
Лишь слышитъ онъ дыханіе и топотъ
Его коня. И думалъ Оливье,
Что это врагъ приблизился къ нему:
Собрался онъ опять съ послѣдней силой, —
Взмахнулъ мечемъ, и со всего размаха
Нанесъ ударъ въ желѣзный шлемъ Роланда, —
И надвое распался крѣпкій шлемъ,
Но голова осталась невредима.

Взглянулъ Роландъ на друга съ изумленьемъ
И съ кротостью и нѣжностью сказалъ:
«Братъ Оливье, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?
Скажи мой другъ, скажи, скажи скорѣй,
Вѣдь это ты безъ умысла дурнаго —
Нечаянно въ шеломъ меня ударилъ —
Ты не узналъ меня въ пылу сраженья?
Взгляни теперь, всмотрись, вѣдь это я —
Твой братъ, твой другъ давнишній — твой Роландъ,
Съ которымъ ты всю жизнь не разставался,
Который былъ отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Тебѣ всегда такъ преданъ неизмѣнно.
Ужели мы теперь врагами стали?!»

— «Ахъ, это ты, мой другъ, мой братъ Роландъ!»
Проговорилъ чуть слышно Оливье,
«Мои глаза тебя уже не видятъ,
И узнаю я только голосъ твой....
Прости меня!... Самъ Богъ тебѣ свидѣтель,
Что не хотѣлъ тебѣ я сдѣлать зла,
И ежели нанесъ тебѣ я рану,

Иль оскорбилъ тебя, — то сдѣлалъ это
Безъ умысла — повѣрь мнѣ! »

— « Вѣрю, вѣрю! »
Сказалъ Роландъ. «Не бойся Оливье —
Не раненъ я тобой и не обиженъ,
И не сержусь и все люблю тебя,
И никогда любить не перестану! »

Такъ говоря, Роландъ и Оливье
Склонилися другъ къ другу близко, близко
И съ нѣжностью по братски обнялись, —
И въ этотъ мигъ разстались навѣки.

Такъ кончилъ вѣкъ правдивый Оливье.
Онъ всѣхъ любилъ своимъ горячимъ сердцемъ:
Онъ радъ былъ жизнь отдать за короля
И лечь костьми за Францію родную;
Но больше всѣхъ любилъ онъ въ этомъ мірѣ
Безцѣннаго Роланда своего: —
Онъ былъ ему милѣе и дороже
И короля, и родины, и жизни

Глядитъ Роландъ на друга своего:
Онъ недвижимъ, онъ нѣмъ, онъ страшно блѣденъ.
Ужели онъ не встанетъ никогда?
Ужель навѣкъ уста его закрылись?
Ужель навѣкъ его замолкли рѣчи?
Ужели нѣтъ его? И долго, долго
Стоялъ Роландъ, въ тупомъ оцѣпенѣньи,
На хладный трупъ товарища взирая.
И наконецъ потоки слезъ горючихъ

Изъ глазъ его обильно полились.
Онъ зарыдалъ, и жаркими устами
Припалъ къ устамъ холоднымъ Оливье.

VIII.

Межъ тѣмъ пока Роландъ прощался съ другомъ,
И слезы лилъ надъ тѣломъ бездыханнымъ,
Забывши все — себя, враговъ, дружину, —
Упорная, отчаянная битва
Вблизи его кипѣла; кровь лилась,
И храбрые Французы погибали.
И наконецъ изъ всей французской рати
Лишь три бойца остались въ живыхъ —
Готье, Турпинъ — архіепископъ Реймскій,
Да самъ Роландъ. Уже изнемогали
Турпинъ съ Готье въ отчаянномъ бою.
Давно они сошли съ коней усталыхъ,
И, прислонясь къ гранитному утесу,
Тѣснимые толпою Сарацынъ,
Одни напоръ ихъ грозный отражали.
Тогда Готье вдругъ вспомнилъ о Роландѣ,
Сталъ звать его на помощь и кричалъ:
«Гдѣ ты Роландъ? Сюда, сюда скорѣе!
Тебя зоветъ товарищъ твой Готье,
Котораго ты такъ любилъ за храбрость.
Разбитъ мой щитъ, сломилося копье,
И панцырь весь исколотъ и изсѣченъ,
И самъ давно я кровью истекаю;
Но если ты придешь ко мнѣ на помощь,
То снова я и бодръ, и силенъ стану:

Мнѣ весело, когда со мною рядомъ
Сражается нашъ доблестный Роландъ.»

Опомнился отъ скорби графъ Роландъ,
Призывъ бойца отважнаго услышавъ, —
И, словно вихрь, помчался снова въ битву,
И съ горести, отчаянья и мести
Разить враговъ онъ съ новой силой началъ.
И поразилъ онъ двадцать Сарацынъ,
Десятерыхъ сразилъ Готье отважный,
Да пятерыхъ убилъ архіепископъ.
Изумлены и мужествомъ, и силой
Трехъ доблестныхъ воителей французскихъ,
Полки враговъ отхлынули назадъ,
И, обуявъ отъ ужаса, не смѣли
Идти на бой съ тремя богатырями.

Тогда одинъ изъ родичей Марсиля,
Чтобъ пробудить въ нихъ мужество и храбрость,
Сталъ рѣчь держать предъ войскомъ, и сказалъ:

«Давно пора намъ кончить эту битву.
Насъ тысячи: ужели мы не въ силахъ
Трехъ воиновъ французскихъ одолѣть.
Я знаю самъ, что эти три Француза
Опаснѣе всей Франціи для насъ,
Но оттого и умертвить ихъ должно:
Пока они останутся въ живыхъ,
Намъ не видать ни счастья, ни свободы!»

И, внявъ рѣчамъ бывалаго вождя,
Опомнились отъ страха Сарацыны;

Въ одну толпу опять они сомкнулись,
И, огласивъ все поле грознымъ крикомъ,
Всѣ кинулись на трехъ бойцевъ французскихъ, —
И начался опять кровавый бой.

IX.

Сражается могучій графъ Роландъ,
Глотая пыль, отъ жару задыхаясь,
Съ лица его катится градомъ потъ,
Струится кровь изъ ранъ его на землю,
Но все назадъ не подается онъ,
Все добрый мечъ изъ рукъ не выпускаетъ,
И все враги вокругъ него валятся.
И наконецъ сталъ чувствовать Роландъ,
Что убывать въ немъ силы начинаютъ.
И вспомнилъ онъ о королѣ своемъ,
И въ тотъ же мигъ про звонкій рогъ свой вспомнилъ, —
И сталъ трубить: но жалобно и слабо
Звучалъ теперь его могучій рогъ.
Но подходилъ ужъ близко императоръ
Съ дружиною къ ущельямъ Ронсевала,
И быстро онъ коня остановилъ,
Послѣдній зовъ племянника услышавъ.
И долго онъ прислушивался къ звуку,
И наконецъ сказалъ своимъ вельможамъ:

«Все кончено: Роландъ нашъ погибаетъ!
Вы слышите, какъ онъ трубитъ тоскливо:
Я чувствую, я чувствую по звуку
Его трубы, что жить ему недолго,

Что онъ умретъ сегодня же.... Несчастный!
Но пусть же онъ узнаетъ передъ смертью,
Что слышалъ я призывъ его далекій,
И всѣ полки къ нему на помощь двинулъ.
Такъ пусть теперь въ отвѣтъ на зовъ Роланда
Откликнутся всѣ трубы въ нашемъ войскѣ!»

И грянули вдругъ сорокъ тысячь трубъ,
Лишъ подалъ знакъ рукою императоръ;
И грянули отвѣтнымъ отголоскомъ
Ущелья горъ, долины и лѣса,
И отдался могучій отголосокъ
Въ ущеліи долины Ронсевальской, —
И дрогнули внезапно Сарацыны,
И въ ужасѣ сказали: «Мы погибли —
На насъ идетъ съ войсками Карлъ Великій!»

Уже бѣжать хотѣли съ поля битвы
Невѣрные и бросились къ ущелью;
Но ихъ вожди еще не пали духомъ,
И снова въ бой полки свои сзывали:

— «Что пользы намъ уйти теперь отъ Карла?
Вѣдь отъ него мы бѣгствомъ не спасемся:
Онъ насъ теперь въ покоѣ не оставитъ,
И ни за что не прекратитъ войны.
Покуда живъ Роландъ, его племянникъ: —
Лишь имъ однимъ и силенъ дряхлый Карлъ,
Лишь имъ однимъ и грозенъ онъ, и страшенъ:
Одинъ Роландъ навѣтами своими
Воинскій духъ поддерживаетъ въ старцѣ.
Спѣшите же, пока еще есть время,

Избавиться навѣки отъ Роланда.
Смотрите: онъ одинъ теперь остался —
Другіе два французскіе бойца
Ужъ плаваютъ въ крови своей. Ужели
Мы не дерзнемъ съ однимъ бойцемъ сразиться?!»

Послушались вождей своихъ Арабы —
Столпилися опять на полѣ битвы,
Но, не дерзнувъ приблизиться къ Роланду,
Издалека въ него метали стрѣлы.
И тысячи пернатыхъ острыхъ стрѣлъ,
Какъ частый дождь спустились на Роланда;
Разрушился его тяжелый щитъ,
Изсѣклася броня его стальная
И былъ убитъ подъ нимъ любимый конь;
Но самъ Роландъ остался не сраженнымъ,
И лишъ упалъ съ конемъ своимъ на землю.
И думали невѣрные тогда,
Что умерщвленъ ихъ врагъ непримиримый,
И скрылися поспѣшно съ поля битвы.

X.

Возсталъ съ земли израненный Роландъ, —
И, страждущій отъ ранъ и скорби лютой,
Межъ трупами товарищей побрелъ,
Отрадною надеждою влекомый,
Что, можетъ быть, межъ мертвыми тѣлами,
Живыхъ друзей еще отыщетъ онъ,
И помощь имъ послѣднюю подастъ.

Уже давно лежали бездыхàнны
И Аселинъ Гасконецъ, и Готье,
И Беранже, и всѣ друзья Роланда,
И лишь одинъ Турпинъ архіепископъ
Былъ живъ еще. Весь ранами покрытый,
На грудѣ тѣлъ лежалъ онъ недвижимъ;
Съ спокойною и свѣтлою душею
И съ тихою улыбкой на устахъ
Готовился онъ съ жизнію разстаться.
И вотъ къ нему приблизился Роландъ
И приподнялъ страдальца осторожно,
И бережно отнесъ на лугъ зеленый,
И положилъ на мягкой муравѣ,
И подалъ онъ воды ему студеной,
И, оторвавъ края его одежды,
Перевязалъ заботливо всѣ раны.

— «Прощай Роландъ!» сказалъ архіепископъ.
«Я каждый мигъ готовлюсь умереть,
И объ одномъ жалѣю передъ смертью,
Что не могу взглянуть еще хоть разъ
На короля: мнѣ не дождаться Карла!»

— «Мой добрый другъ,» сказалъ ему Роландъ,
«И мнѣ ужъ жить недолго: я слабѣю
Отъ ранъ моихъ; благослови меня,
И отпусти мнѣ именемъ Господнимъ
Грѣхи мои, — и — грѣхъ мой самый тяжкій —
Смерть рыцарей французскихъ, здѣсь погибшихъ:
Я погубилъ ихъ дерзостью безумной!

«Еще молю тебя я объ одномъ:
Благослови друзей моихъ усопшихъ!

Ты самъ теперь не въ силихъ встать съ земли,
И подойти къ останкамъ ихъ безцѣннымъ,
Но я еще могу собраться съ силой,
И на рукахъ своихъ перенесу
Тѣла моихъ товарищей любимыхъ,
И положу ихъ здѣсь передъ тобой:
Надъ ними ты молитву прочитаешь,
И знаменьемъ креста ихъ осѣнишь.»

— «Мысль добрая на умъ тебѣ пришла —
Ступай скорѣй!» сказалъ архіепископъ,
Едва въ глазахъ удерживая слезы.
«Я радъ и самъ проститься съ молодцами:
Они дрались не худо! Такъ ступай же
И отыщи скорѣе ихъ тѣла....
Теперь ужъ намъ никто не помѣшаетъ
Разгуливать свободно по равнинѣ:
Мы здѣсь съ тобой хозяева теперь;
Мы сражены врагами, но за то
Осталося за нами поле битвы!»

Пошелъ искать товарищей Роландъ.
Онъ отыскалъ Жерара Руссильйона,
И храбраго Гасконца, и Готье,—
И каждаго изъ нихъ съ благоговѣньемъ
Онъ на рукахъ къ епископу принесъ,
И положилъ на муравѣ зеленой.
Когда же онъ средь труповъ мусульманскихъ,
Трупъ Оливье увидѣлъ предъ собой —
Увидѣлъ ликъ его безкровный, блѣдный,
Безжизненный, тотъ ликъ, что такъ недавно
Еще блисталъ избыткомъ жизни юной, —

Онъ задрожалъ, въ немъ сердце обомлѣло,
И свѣтъ дневной въ глазахъ его померкнулъ,—
И онъ упалъ въ безпамятствѣ на землю.

И видѣлъ все, все понялъ чуткимъ сердцемъ, —
И тронутъ былъ до слезъ архіепископъ.
Исполнился онъ нѣжностью къ Роланду,
И, позабывъ и смертный часъ и раны,
Хотѣлъ его онъ въ чувство привести:
Схватилъ онъ шлемъ, вблизи его лежавшій,
И на ноги хотѣлъ уже подняться,
Чтобъ зачерпнуть воды въ потокѣ ближнемъ;
Но лишь успѣлъ привстать онъ на колѣни,
Какъ снова палъ на землю блѣдный, хладный:
Его душа уже разсталась съ тѣломъ.

Пришелъ въ себя Роландъ изнеможенный,
И тихими, неровными стопами
Онъ подошелъ къ епископу, и долго
Стоялъ надъ нимъ задумчивый и грустный.
Потомъ, склонивъ колѣни предъ усопшимъ,
Онъ съ горестью и нѣжностью сыновней
Облобызалъ уста его и руки.
И, навсегда глаза ему закрывъ,
Омылъ онъ кровь съ одеждъ его и лика
И волосы оправилъ на челѣ,
И бѣлыя епископскія руки
Съ прекрасными и нѣжными перстами
Сложилъ ему крестъ на крестъ на груди.

— «Прощай Турпинъ! прощай, товарищъ вѣрный!»
Сказалъ Роландъ торжественно и грустно.

«Ты въ рай идешь: ты чистъ и безупреченъ
Передъ судомъ небеснымъ и земнымъ.
Ты всей душей стоялъ за Христіанство,
И сколько ты племенъ невѣрныхъ, дикихъ
Ученіемъ Христовымъ просвѣтилъ,
Любовію высокой побѣждая
Ихъ грубое упорство и вражду.
Ты не любилъ ни лести, ни лукавства,
Безтрепетно отстаивалъ ты правду,
И слабаго предъ сильнымъ защищалъ.
Былъ человѣкъ ты твердый, благородный,
Съ младенческимъ, простымъ, горячимъ сердцемъ;
Ты истинный былъ пастырь и апостолъ,
Ты истинный былъ Христіанинъ духомъ,
Ты истинный былъ дворянинъ и рыцарь!

XI.

Такъ графъ Роландъ въ словахъ простосердечныхъ
Съ товарищемъ послѣднимъ распростился;
Но ужъ и самъ, отъ ранъ своихъ слабѣя,
Онъ доживалъ послѣднія минуты.
Прощаніемъ съ друзьями потрясенъ,
Ужъ чувствовалъ онъ смерти приближенье, —
И страждущій, тоскующій и блѣдный,
Съ померкшими и тусклыми очами
Въ безсиліи на землю распростерся.

Полуживой, въ предсмертномъ забытьѣ,
Разслабленный, въ оцѣпенѣньи хладномъ
Лежалъ Роландъ, не вѣдая, не чуя,

Что ужъ давно его подстерегалъ
Сокрытый врагъ: то былъ высокій, сильный,
И храбростью извѣстный Сарацынъ;
Въ тотъ мигъ, когда товарищи его
Въ смятеніи бѣжали изъ долины,
Остался онъ одинъ на полѣ битвы
И, вымазавъ лице и руки кровью,
Легъ на землю и мертвымъ притворился.
И вотъ теперь, когда увидѣлъ онъ,
Что богатырь — боецъ непобѣдимый
Израненъ, слабъ, владѣть мечемъ не въ силахъ,
И на землѣ лежитъ въ оцѣпенѣньи,
То съ радостью неистовой, какъ звѣрь,
Вскочилъ съ земли, и, подбѣжавъ къ Роланду,
Впился въ него обѣими руками
И закричалъ: Роландъ, ты побѣжденъ!
Конецъ, конецъ владычеству Французовъ!
Ты живъ еще, но императоръ Карлъ
Тебя въ живыхъ, повѣрь, ужъ не застанетъ:
Я нанесу тебѣ ударъ послѣдній
Твоимъ мечемъ, — и этотъ славный мечъ
Я отнесу къ Марсилію въ Сарагоссу, —
И нашъ король, побѣду торжествуя,
Съ твоимъ мечемъ предстанетъ предъ народомъ.»

И выхватилъ онъ быстро изъ ноженъ
Роландовъ мечъ; но рыцарь вдругъ очнулся,
Открылъ глаза, взглянулъ на Сарацына,
И лишъ сказалъ: «не хвастайся заранѣ!»
И ухвативъ свой рогъ тяжелый въ руки,
Изъ золота червоннаго литой,
Ударилъ имъ врага по гребню шлема, —

И раздробилъ ему и шлемъ и черепъ,
И, кинувъ взоръ на мертваго, воскликнулъ:
«Какъ это ты отважился, бездѣльникъ,
Дотронуться руками до Роланда!?
Вѣдь еслибъ кто узналъ про твой поступокъ,
То вѣрно бы назвалъ тебя безумнымъ.»

Тогда въ умѣ Роланда вдругъ мелькнула
Тревожная, мучительная мысль,
Что, можетъ быть, когда его не станетъ,
То мечъ его — его послѣдній другъ,
Съ которымъ онъ всю жизнь не разставался,
Достанется врагамъ невѣрнымъ въ руки.
И ужасомъ исполнился Роландъ,
И собрался опять съ послѣдней силой,
Всталъ на ноги, — и съ горести и гнѣва
О ближнюю гранитную скалу
Съ размаху онъ мечемъ своимъ ударилъ;
Скользнула сталь по камню, зазвенѣла,
Но вѣрный мечъ остался невредимъ.

Въ отчаяньи и горести Роландъ
Клинкомъ меча опять въ скалу ударилъ,
Но сталь опять осталась невредима.
И горестно поникнулъ онъ главой,
И устремилъ на мечъ свой взоръ унылый.
«Зачѣмъ мой мечъ,» сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ,
«Зачѣмъ меня не слушаешься ты?
Ты столько лѣтъ во всѣхъ бояхъ и схваткахъ
Моимъ слугой былъ вѣрнымъ и послушнымъ,
Такъ сослужи послѣднюю мнѣ службу —

Сломись въ куски, разсыпься прахомъ, пылью!...
Ты мнѣ священъ: ты даръ безцѣнный Карла —
Онъ самъ тобой мой станъ перепоясалъ
На первый бой меня благословляя.
Съ тѣхъ поръ съ тобой мы были нераалучны,
И королю служили вѣрой, — правдой....
Не мы ль съ тобой ему завоевали
Нормандію, Бургундію, Бретань,
Ломбардію, Романью и Лоренну,
Саксонію и Фландрію?!... И много
Ему земель и славы мы стяжали!
Ужель теперь достанешься ты въ руки
Злымъ недругамъ, злодѣямъ короля,
И станешь имъ служить, ему на гибель?!»

И снова онъ ударилъ по скалѣ
Своимъ мечемъ: — распалася на части
Гранитная громада отъ удара,
Но вѣрный мечъ остался невредимъ, —
И графъ Роландъ въ отчаяньи воскликнулъ:

«Мой вѣрный мечъ, что дѣлать мнѣ съ тобой?!
Гдѣ скрыть тебя отъ глазъ враговъ невѣрныхъ?
Въ твоей златой священной рукояткѣ
Святыхъ мощей заключены частицы;
Хранится въ ней подъ камнемъ самоцвѣтнымъ
Частица ризъ самой Пречистой Дѣвы!
Ужель къ твоей святынѣ прикоснутся
Враги Христа нечистыми руками?!»

И снова онъ хотѣлъ было ударить
Мечемъ своимъ о мраморную глыбу,

Но ужъ рука его не поднималась:
Онъ умиралъ — въ глазахъ его темнѣло,
И билося едва, едва въ немъ сердце,
И пробѣгалъ по тѣлу смертный холодъ, —
И онъ упалъ въ безсиліи на землю.

Ужъ близокъ былъ послѣдній мигъ Роланда,
И вдругъ предъ нимъ какъ будто въ сновидѣньи
Все прошлое мгновенно промелькнуло.
И вспомнилъ онъ тѣ города и страны,
Что покорилъ онъ Карлу своему,
И вспомнилъ онъ всѣ битвы и походы,
Гдѣ раздѣлялъ опасности и славу
Онъ съ преданнымъ и добрымъ Оливье.
И Францію родную вспомнилъ онъ,
И замокъ свой, и преданныхъ вассаловъ,
И добрыхъ слугъ, ему служившихъ въ дѣтствѣ.
И вспомнилъ онъ о старцѣ сѣдовласомъ
О королѣ своемъ и господинѣ,
Взлелѣявшемъ его и воскормившемъ
Средь царственной семьи своей, какъ сына.
И вспомнилъ онъ свой свѣтлый дѣтскій возрастъ,
И живо вдругъ въ его воображеньи
Представилось, какъ старецъ вѣнценосный,
Въ часъ отдыха отъ царственныхъ трудовъ
Ласкалъ его, бралъ на руки съ улыбкой,
И шутками ребенка забавлялъ,
И волновалъ въ немъ сладостно всѣ чувства
Разсказами о битвахъ и походахъ....
И многое припомнилъ графъ Роландъ, —
И жгучія, но сладостныя слезы
Изъ глазъ его померкшихъ полились.

Но оторвалъ мечты свои Роландъ
Отъ суетныхъ земныхъ воспоминаній,
И мыслію на небо устремился.
И вспомнилъ онъ небесный страшный судъ,
И съ трепетомъ, надеждой и смиреньемъ
Сталъ каяться въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ, —
И такъ сказалъ: «Нашъ истинный Отецъ,
Ты никогда ни въ чемъ не погрѣшавшій!
Ты Лазаря изъ мертвыхъ воскресилъ,
Ты дивно спасъ пророка Даніила,
Изъ челюстей голодныхъ львовъ исхитивъ, —
Исторгни же мою Ты душу нынѣ
Изъ челюстей зіяющихъ грѣха!»

Такъ говоря, простеръ онъ къ небу рѹки,
Потомъ сложилъ ихъ на груди крестъ на крестъ
И отошелъ.
И Ангелы святые
Къ нему съ небесъ слетѣли свѣтлымъ сонмомъ,
И приняли съ любовію и миромъ
Они его незлобивую душу.

Въ тотъ самый часъ надъ родиной Роланда —
Надъ Франціей — сдвигались грозно тучи, —
И облекли все небо; солнце скрылось
И черный мракъ всю Францію покрылъ —
Отъ Пиренеи до города Парижа,
Отъ города Парижа вплоть до моря.
Свирѣпый вихрь понесся по землѣ,
Все на пути срывая съ грознымъ воемъ;
Шатнулися столѣтніе лѣса,
Ломаясь, треща и сокрушаясь,

И молнія пылающимъ потокомъ
Изъ черныхъ тучъ на землю полилась,
Спустился градъ, загрохотали громы,
И вся земля, дрожа, заколебалась
Отъ Пиринеи до города Парижа,
Отъ города Парижа вплоть до моря.
Вездѣ гремѣлъ, сливаясь съ громами,
Подземный гулъ; дрожали, колебались
Дома, дворцы, палаты, замки, башни,
И съ грохотомъ валились на землю;
Неслись рѣкой потоки дождевые
Черезъ поля и стогны городовъ,
Крутя въ волнахъ деревья вѣковыя, —
И въ ужасѣ метались и стенали,
Молились и плакали всѣ люди,
Ища во тьмѣ дѣтей, супруговъ, братьевъ....
Всѣ думали, что рушится земля,
Что наступилъ конецъ послѣдній міра.
Не вѣдали, не вѣдали они,
Зачѣмъ гроза надъ ними проносилась,
И черной мглой покрылося все небо,
И вѣтеръ выл, и разливались рѣки,
И долъ стоналъ и колебались горы: —
То плакала французская земля,
И въ горести рвалась и тосковала,
Какъ сирая вдовица, по Роландѣ [10])!

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

СУДЪ БОЖІЙ.

I.

Вступилъ король въ ущелье Ронсевала, —
И передъ нимъ открылася долина,
Покрытая вся мертвыми тѣлами.
И ужасомъ исполнился король,
И голосомъ, взволнованнымъ отъ скорби,
Сталъ звать къ себѣ Роланда своего,
Но зовъ его остался безъ отвѣта.
И сталъ онъ звать Турпина, Оливье,
Звалъ Беранже, Жерара Руссильйона....
И многихъ звалъ онъ рыцарей, но тщетно:
Никто на зовъ его не откликался.
И зарыдалъ съ отчаянья король,
И бороду сталъ рвать свою сѣдую,
И вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его Французы,
Отъ герцога до конюха простаго,
Заплакали, взглянувъ на поле битвы:
Кто слезы лилъ по сынѣ, кто по братѣ;
Одинъ друзей оплакивалъ убитыхъ,
Другой рыдалъ по добромъ господинѣ.
И многіе съ отчаянья и скорби
Въ безчувствіи на землю упадали.

Но, прежде всѣхъ опомнившись отъ горя,
Сталъ помышлять о мщеньи герцогъ Неймскій.
Проѣхалъ онъ черезо всю долину
И вдаль взглянулъ чрезъ горное ущелье, —
И, возвратясь поспѣшно къ королю,
Сказалъ ему: «оставь свою кручину:
Пора ужъ намъ за дѣло приниматься.
Взгляни сюда скорѣе, государь!
Ты видишь, пыль дымится по дорогѣ —
Вѣдь то бѣгутъ отъ насъ войска Марсиля.
Ударь имъ въ тылъ со всей своей дружиной, —
Отмсти за кровь сыновъ и братій нашихъ!»

Пришелъ въ себя, воспрянулъ императоръ
Отъ горести и скорби неутѣшной,
При имени безчестнаго Марсиля.
Отеръ рукой дрожащею онъ слезы,
Сѣлъ на коня, окликнулъ громко войско,
И вмѣстѣ съ нимъ во слѣдъ врагамъ помчался.

II.

Несется Карлъ, летятъ за королемъ
Его полки въ погоню за врагами;
Летятъ они быстрѣе вихрей бурныхъ....
Уже давно они пустились въ путь,
И далеко впередъ уже умчались,
Но все враговъ настигнуть не могли;
А время шло: уже садилось солнце,
И на поля, и рощи, и долины
Ужъ сумерки вечерніе спускались.

И впалъ король въ тревогу и печаль,
Когда взглянулъ на небо, и увидѣлъ,
Что гаснетъ день, и близокъ часъ заката: —
Страшился онъ, чтобы во тьмѣ ночной
Враги его не скрылись отъ погони.
Остановилъ онъ свой поспѣшный бѣгъ,
Сошелъ съ коня, и съ жаркою молитвой
Предъ Господомъ на землю распростерся,
И такъ къ Нему взывалъ: «Великій Боже,
Не попусти неправдѣ совершиться!
Не попусти, чтобъ скопище злодѣевъ, —
Враговъ креста, безчестнымъ вѣроломствомъ
Пролившихъ кровь Твоихъ рабовъ усердныхъ, —
Сокрылося теперь во мглѣ ночной
Отъ праваго возмездія и кары!»

И вотъ среди молитвы императоръ
Гласъ Ангела хранителя услышалъ:
«Мужайся Карлъ! Богъ внялъ твоей молитвѣ,
И дастъ тебѣ побѣду на враговъ.
Иди впередъ! Твой подвигъ чистъ и свѣтелъ
Предъ Господомъ, — и на пути твоемъ
Преградою не станетъ тьма ночная.

Такъ провѣщалъ Архангелъ Гавріилъ,
Невидимый и вѣрный спутникъ Карла
На всѣхъ стезяхъ; (отъ самой колыбели
Хранителемъ онъ былъ къ нему приставленъ.)

Сѣлъ на коня, и снова въ путь помчался
Съ дружиною своею императоръ.
И дологъ былъ томительный ихъ путь:

Давнымъ давно прошелъ ужъ часъ заката,
И къ полночи уже клонилось время,
А все свѣтло надъ ними было небо:
На западѣ еще блистало солнце,
И все не меркъ осенній ясный вечеръ.
Уразумѣлъ король благочестивый,
И поняли всѣ воины его,
Что совершилъ Господь предъ ними чудо:
Остановилъ своей десницей солнце.

И вотъ настигъ враговъ своихъ король
На берегахъ рѣки глубокой Эбро, —
И началась губительная сѣча:
Лилася кровь, и гибли Сарацыны
Подъ мстящими ударами Французовъ.
Окружены, тѣснимы съ трехъ сторонъ
Сплошной стѣной мечей, щитовъ и копій,
Невѣрные оружье побросали,
И кинулись въ отчаяньи къ рѣкѣ,
Тѣсня, давя въ смятеніи другъ друга,
И съ крутизны высокихъ береговъ
Бросалися на всемъ скаку съ конями
Въ пучину водъ, ища въ волнахъ спасенья.
Но грозный вихрь стремился имъ на встрѣчу:
Вздымалася, ревѣла, клокотала
Широкая и быстрая рѣка;
То падали, то снова выростали
И пѣнились высокіе валы,
О берега крутые разбиваясь.
И силились напрасно Сарацыны
До берега другаго переплыть,
И шпорили коней своихъ ретивыхъ:

Упрямились испуганные кони
И на дыбы вздымались, — и тонули
Въ волнахъ рѣки; тонули вмѣстѣ съ ними
И грозные наѣздники Марсиля.
А между тѣмъ густыя тучи стрѣлъ
Неслись на нихъ, свистя и завывая, —
И пѣнилась ихъ кровію рѣка,
И раненыхъ на дно свое тянула,
Крутя въ волнахъ пловцевъ изнеможенныхъ.
И съ ропотомъ, мольбой и воплемъ дикимъ
Невѣрные взывали къ Магомету.
И съ берега на гибель ихъ взирая,
И стрѣлами пронзая ихъ тѣла,
Французская дружина имъ гремѣла:
«Вотъ вамъ отъ насъ расплата за Роланда!»

Такъ полчища безчестнаго Марсиля
Подъ стрѣлами французскими погибли
Въ волнахъ рѣки.

Сошелъ съ коня король,
И снова въ прахъ простерся предъ Всевышнимъ,
Благодаря усердно Бога силъ
За новую побѣду надъ врагами.
Когда же онъ, окончивши молитву,
Возсталъ съ земли, — исчезло съ неба солнце,
И мракъ ночной на землю опустился.

— «Теперь пора и отдохнуть съ похода,»
Сказалъ своей дружинѣ императоръ.
«Назавтра мы поднимемся съ зарей,
И въ путь пойдемъ обратный къ Ронсевалу,

Чтобы тѣла погибшихъ братьевъ нашихъ
Предать землѣ съ молитвой и почетомъ.
Слѣзайте же теперь съ своихъ коней —
Пустите ихъ по волѣ — разсѣдлайте,
Снимите съ нихъ и узды и подпруги —
Пускай они до утра отдохнутъ,
И, полною свободой наслаждаясь,
На муравѣ зеленой здѣсь пасутся.»

И вотъ сошли съ коней своихъ Французы
И сняли съ нихъ и сѣдла и уздечки,
И ихъ въ луга зеленые пустили
На сочную и свѣжую траву.
И сами всѣ, доспѣховъ не снимая,
Усталые на землю полегли,
И вскорѣ сномъ забылась вся дружина.
И самъ король маститый, сѣдовласый,
Какъ молодой, неприхотливый воинъ,
Или бѣднякъ, всю жизнь не знавшій нѣги,
Легъ на траву, и, вмѣсто изголовья,
Онъ на сѣдло склонился головой.
Не снялъ и онъ съ себя доспѣховъ ратныхъ,
И былъ мечемъ любимымъ препоясанъ;
И былъ тотъ мечъ святыней для него,
А святъ онъ былъ своею рукояткой:
Хранился въ ней осколокъ отъ копья,
Которымъ нашъ Божественный Спаситель
Былъ прободенъ врагами на крестѣ.
И оттого король такъ чтилъ свой мечъ,
И далъ ему названіе «священный»;
И оттого никто на полѣ битвы
Противостать не въ силахъ былъ ему,

Когда свой мечъ завѣтный обнажалъ онъ;
И оттого, когда его дружины,
Воинскій кликъ его провозглашая,
Въ пылу борьбы, въ шуму кровавой сѣчи,
Передъ врагомъ внезапно восклицали:
«Священъ мой мечъ», — то въ ужасѣ великомъ,
Толки враговъ дрожали передъ ними.

Безмолвна ночь; блистаютъ въ небѣ звѣзды,
Плыветъ луна въ прозрачныхъ облакахъ,
И свѣтится въ водахъ спокойныхъ Эбро.
Давно всѣ спятъ; не спитъ лишь императоръ:
Томитъ его кручина и тоска,
И мрачныя его волнуютъ думы;
Все по своемъ Роландѣ онъ тоскуетъ;
Все видится ему въ воображеньи
Ужасная долина Ронсевала,
Покрытая и кровью и тѣлами
Его бойцевъ — его Французовъ вѣрныхъ,
Отдавшихъ жизнь безъ ропота и страха
За честь его—за честь земли французской.

Не могъ всю ночь усталый императоръ
Сомкнуть очей, и только передъ утромъ
Забылся сномъ; но кратокъ и тревоженъ
Былъ сонъ его; ужасныя видѣнья,
Какъ тяжкій гнетъ, его томили душу:
Онъ трепеталъ, онъ слезы лилъ во снѣ,
И хладный потъ съ чела его катился.

III.

Межъ тѣмъ Марсиль, умчавшись прежде всѣхъ
Съ толпой вельможъ изъ битвы Ронсевальской,
Лишенъ руки и кровью истекая,
Уже давно достигъ до Сарагоссы,
И на рукахъ усердныхъ царедворцевъ,
Полуживой, въ безпамятствѣ глубокомъ,
Былъ отнесенъ въ свой садъ густой и темный —
На муравy подъ сѣнь дубовъ и маслинъ.
А въ томъ саду, въ кругу подругъ веселыхъ,
Не вѣдая о горѣ и бѣдѣ,
Ждала его безпечно Бранимунда.
Но, увидавъ внезапно предъ собой
Властителя и мужа своего,
Недвижнаго, какъ трупъ оцѣпенѣлый,
Всего въ крови, — мгновенно поблѣднѣла,
И вскрикнула отъ ужаса она,
И бросилась стремительно къ Марсилю,
И плакала надъ нимъ, ломая руки,
И волосы прекрасные рвала,
И пышную одежду разрывала....

Опомнился Марсиль, открылъ глаза,
И голосомъ чуть слышнымъ и унылымъ
Велѣлъ себя снести въ опочивальню,
И, тамъ одинъ оставшись съ Бранимундой,
Мгновенно онъ все прошлое припомнилъ,
И весь тоскѣ отдался безнадежной.

Но суждено еще Марсилю было
Въ послѣдній разъ увидѣть въ жизни радость.

IV.

Еще давно—семь лѣтъ тому назадъ,
Въ тотъ годъ, какъ Карлъ съ Французами своими
Испанскую границу перешелъ,
И побѣдилъ Марсиля въ первой битвѣ,—
Еще тогда Марсиль, предвидя гибель,
Послалъ пословъ въ Аравію съ письмомъ
Къ арабскому эмиру Болигану,
И умолялъ эмира въ томъ письмѣ
Придти къ нему на помощь противъ Карла.

—«А если ты мнѣ въ помощи откажешь,»
Писалъ Марсиль, «то принужденъ я буду,
Чтобы спасти страну отъ разоренья,
Со всей моей дружиной и народомъ
Отъ нашего закона отступиться,
И перейти позорно въ Христіанство.»

Съ тѣхъ поръ Марсиль, въ борьбѣ съ могучимъ Карломъ,
Все ожидалъ подмоги отъ эмира;
Но годы шли, а не было и вѣсти
Отъ стараго союзника и друга.
И наконецъ надежду потерялъ
Король Марсиль. А между тѣмъ союзникъ,—
Когда его посланье прочиталъ,
И выслушалъ пословъ его разсказы
О бѣдствіяхъ поклонниковъ пророка
Въ безпомощной, далекой сторонѣ,—

Исполнился враждой великой къ Карлу,
И положилъ: во чтобы то ни стало,
Сломить его могущество и власть,
И, покоривъ ученью Магомета
Всѣ племена, подвластныя Французамъ,
Искоренить навѣки Христіанство.

И началъ онъ готовиться къ походу —
Созвалъ къ себѣ царей и воеводъ
Изъ сорока земель, ему подвластныхъ,
И повелѣлъ имъ строить корабли
И призывать народъ къ войнѣ священной.

И силу онъ великую собралъ,
И поплылъ съ ней на корабляхъ тяжелыхъ
Къ далекому союзнику на помощь.
И много лѣтъ съ своими кораблями
Онъ по морямъ невѣдомымъ скитался,
И наконецъ къ Испаніи пристalъ,
И на берегъ съ своей дружиной вышелъ.

V.

Разслабленный, больной и сокрушенный
Лежалъ Марсиль, отъ боли изнывая;
У ногъ его съ отчаяньемъ во взорахъ
Прекрасная сидѣла Бранимунда.
И вдругъ къ нему поспѣшною стопой
Вошелъ одинъ изъ ближнихъ царедворцевъ
И возвѣстилъ, что прибыли послы
Отъ славнаго эмира Болигана.

— « Ввести пословъ! » сказалъ король Марсилъ,
Весь радостью мгновенно просіявшій.

И вотъ вошли два старца величавыхъ —
Два главные совѣтника эмира,
И стали рѣчь держать предъ королемъ:

— « Привѣтъ тебѣ Испаніи властитель!
Да сохранитъ тебя и королеву
Всесильный Богъ! Пусть нашъ пророкъ великій,
Нашъ Магометъ....»

— « Оставьте Магомета! »
Воскликнула, глазами засверкавъ,
И вся дрожа отъ гнѣва, Бранимунда.
«Что̀ Магометъ! Онъ лжецъ, а не пророкъ:
Не въ силахъ онъ сдержать своихъ обѣтовъ!!..
Онъ обманулъ, онъ предалъ насъ безчестно!...
Смотрите, вотъ коро́ль Марсиль предъ вами:
Онъ былъ великъ, и славенъ, и богатъ,
И ревностно служилъ онъ Магомету,
И столько лѣтъ въ войнѣ упорной, трудной,
Оставленный сосѣдями своими,
Одинъ стоялъ онъ твердо за пророка
И за коранъ; одинъ не покорялся
Онъ мощному властителю Французовъ.
И вотъ теперь лежитъ онъ изувѣченъ,
Безсиленъ, слабъ, какъ малое дитя!...
Не спасъ его всесильный нашъ пророкъ
Отъ грознаго Роланда.... Войско наше
Погибло все въ войнѣ съ могучимъ Карломъ,
И онъ идетъ теперь на Сарагоссу,

И превратитъ ее онъ въ прахъ и пепелъ,
И умертвитъ супруга моего,
И я вдовой останусь беззащитной,
И повлекутъ меня въ позорный плѣнъ,
И буду я рабыней на чужбинѣ....
Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ плѣнъ и униженье!
О, еслибъ кто изъ жалости ко мнѣ
Вонзилъ мнѣ ножъ въ измученное сердце!...
Мнѣ тяжко жить!...»

— «Къ чему такія рѣчи?»
Ей возразилъ старѣйшій изъ пословъ.
«Король Марсиль теперь не беззащитенъ:
Ручаемся тебѣ мы жизнью нашей,
Что не падетъ предъ Карломъ Сарагосса,
И плѣнницей французской ты не будешь:
Мы вѣстники великаго эмира —
Онъ здѣсь теперь — въ Испаніи прекрасной;
Онъ рать съ собой великую привелъ;
Разсѣетъ онъ французскія дружины, —
И гордый Карлъ смирится передъ нимъ....»

— «Нѣтъ, ни предъ кѣмъ, повѣрьте, не смирится
Великій Карлъ.... Еще никто доселѣ
Не поборалъ его на полѣ битвы:
Всѣ короли и воеводы ваши
И самъ эмиръ — все дѣти передъ Карломъ!..»

— «Не слушайте ея!» сказалъ Марсиль,
«А отъ меня эмиру возвѣстите,
Что всѣ мои сокровища и замки,
И власть мою надъ всей землей испанской

Я въ даръ ему усердный приношу.
Я раненъ, слабъ, и проживу недолго....
Нѣтъ у меня наслѣдниковъ: мой сынъ
Погибъ въ бою, Роландомъ пораженный, —
Такъ пусть эмиръ возьметъ мои владѣнья,
И царствуетъ со всѣмъ своимъ потомствомъ
Въ Испаніи. Но также не забудьте
Сказать ему, что съ тѣмъ лишь уступаю
Ему я власть, чтобъ онъ отмстилъ Французамъ
За весь мой родъ, за сына моего,
И за меня. Пускай не медлитъ онъ,
Пусть нападетъ внезапно на невѣрныхъ,
Пока еще не свѣдали они,
Что новая готовится имъ битва,
Пока они, въ безпечности и нѣгѣ,
Отъ труднаго похода отдыхаютъ.»

Такъ отпустилъословъ король Марсиль.
И быстро въ путь помчалися они,
И въ тотъ же день къ эмиру возвратились.
И лишь успѣлъ ихъ выслушать эмиръ,
Какъ приказалъ сѣдлать себѣ коня,
Созвалъ войска и двинулся на Карла.

Хотя эмиръ и не былъ Христіанинъ,
Но духомъ былъ онъ рыцарь настоящій:
Онъ не хотѣлъ, какъ бы простой убійца,
Напасть въ расплохъ на слабаго врага, —
И, подходя въ дружинѣ королевской,
Двухъ вѣстниковъ впередъ себя послалъ,
Чтобы на бой заранѣ вызвать Карла

VI.

Взошла заря румяная на небѣ,
И заревомъ багровымъ освѣтила
Широкую зеленую равнину,
Гдѣ, горестью великой удрученный,
И утомленъ погоней за врагами,
Сномъ опочилъ на самомъ полѣ битвы,
Великій Карлъ съ своей дружиной вѣрной.
И прежде всѣхъ проснулся императоръ.
И лишь открылъ усталыя онъ вѣжды,
Какъ, преклонясь къ нему надъ изголовьемъ,
И осѣнивъ крестомъ его трикраты,
Небесный стражъ — Архангелъ Гаврінлъ
Благословилъ сѣдаго вѣнценосца
На подвиги дневные и труды.
Возсталъ съ земли послѣшно императоръ,
И приказалъ трубить въ рога и трубы,
И на коней всѣмъ рыцарямъ садиться —
И путь держать къ долинѣ Ронсевальской,
Чтобы предать честному погребенью
Всѣхъ воиновъ, въ великой битвѣ падшихъ.

И прежде всѣхъ въ долину Ронсевала
Вступилъ король и, содрогаясь сердцемъ,
Онъ проходилъ съ поникшей головой
Межъ грудами окровавленныхъ труповъ,
Ища средь нихъ Роланда своего.
И лишь его онъ издали увидѣлъ,
Какъ бросился къ нему дрожащій, блѣдный,

И замертво на грудь его упалъ.
И кинулись въ испугѣ къ королю
И рыцари, и слуги, и вельможи,
И подняли, и въ чувство привели
Они его съ заботливостью нѣжной,
И на травѣ зеленой посадили
Подъ деревомъ тѣнистымъ — близъ Роланда.

И, опустивъ въ изнеможеньи руки,
Глядѣлъ на трупъ Роланда императоръ
Съ тоской въ очахъ, и тихо слезы лилъ
И говорилъ, качая головою:

«Роландъ, Роландъ! Да приметъ самъ Господь
На небеса твою прямую душу!
Пусть тамъ она живетъ въ селеньяхъ райскихъ,
И радостью ликуетъ безконечной!...
А я — я здѣсь остался, чтобъ страдать
И тосковать и слезы лить по другѣ....
Нѣтъ радостей мнѣ больше на зеллѣ
Безъ моего Роланда: все мнѣ чуждо!...
И каждый часъ, и каждый мигъ отнынѣ
Къ нему мои стремиться будутъ думы.
И въ тишинѣ ночей, когда всѣ люди
Покоятся, забывшись сномъ желаннымъ,
Одинъ лишь я не буду знать покоя,
И все о немъ я стану вспоминать,
И изнывать тоскою безнадежной.

* * *

«Роландъ, Роландъ! Что станется со мной?
Я старъ и дряхлъ: ты былъ моей опорой,

Ты былъ красой всей Франціи моей,
Ты былъ ея оплотомъ и защитой.
И нѣтъ тебя и нѣтъ моей опоры!
Я одинокъ остался на землѣ....
Есть у меня родные и друзья,
И много ихъ, и вѣрны мнѣ они,
И преданы всѣмъ сердцемъ; но межъ ними
Другаго нѣтъ Роланда и не будетъ!

(Такъ говоря, лилъ слезы императоръ,
И плакали вокругъ него вельможи,
И плакало вокругъ него все войско,
На скорбь его великую взирая.)

* * *

«Роландъ, Роландъ! Когда покрытый славой
Твоихъ побѣдъ и подвиговъ великихъ,
Я возвращусь во Францію родную,
И во дворецъ любимый свой войду, —
Ко мнѣ придутъ толпой мои вассалы,
И старые и преданные слуги,
И радостно стѣснятся вкругъ меня,
Какъ вкругъ отца, и спросятъ съ изумленьемъ:
«Гдѣ жъ нашъ Роландъ, твой вѣрный паладинъ?»
Жестокъ для нихъ отвѣтъ мой будетъ скорбный.
«Роланда нѣтъ!» и горько это слово
Во всѣхъ сердцахъ отдастся благородныхъ.
И быстро вѣсть повсюду пронесется,
Что нѣтъ со мной Роланда моего, —
И на меня поднимутся войной
И Римляне, и Сакѣы, и Баварцы —

Всѣ племена, не смѣвшія доселѣ
Противиться моей державной волѣ,
Дрожавшія при имени Роланда!
Всѣ, всѣ они возстанутъ на меня!...
Кто поведетъ тогда мои дружины
Въ неравный бой съ несмѣтными врагами!
Кто голосомъ могучимъ или взглядомъ
Пробудитъ въ нихъ воинскую отвагу
Въ тотъ мигъ, когда въ борьбѣ ослабѣвая,
Они падутъ и силами и духомъ?
Того ужъ нѣтъ, за кѣмъ мои Французы
Довѣрчиво, какъ дѣти за отцемъ,
Повсюду шли — стремились въ бой опасный,
Текли на смерть, съ любовью повинуясь
Любимому вождю.... Его ужъ нѣтъ!
Погибъ Роландъ, — и Франція родная
Останется навѣки беззащитной,
И выпадетъ изъ дряхлыхъ рукъ моихъ
Власть тяжкая державнаго правленья.

(Такъ говорилъ, рыдая, императоръ,
И волосы обѣими руками
Съ отчаянья онъ рвалъ, — и всѣ Французы
Съ нимъ заодно скорбѣли и страдали.
И не могли смотрѣть они безъ боли,
Какъ мучится ихъ добрый государь,
И всѣ глаза руками закрывали.)

* * *

«Зачѣмъ тебя я пережилъ, Роландъ?!
Зачѣмъ, зачѣмъ я пережилъ несчастный

Васъ всѣхъ, бойцы безстрашные мои,
Здѣсь за меня погибшіе напрасно?!
Зачѣмъ, зачѣмъ я не былъ въ этой битвѣ,
Зачѣмъ и я не палъ здѣсь вмѣстѣ съ вами,
Въ бою съ врагомъ, какъ вашъ товарищъ вѣрный?!..
О, если бы изъ тѣла моего
Моя душа вдругъ вырвалась на волю, —
Какъ радостно она бы понеслась
Въ тотъ міръ, куда сокрылись ваши души!»

— «Какъ нашъ король печально сокрушенъ,
Какъ страждетъ онъ!» воскликнулъ герцогъ Неймскій,
Самъ скорбію терзаемъ. —

— «Государь,
Зачѣмъ ты такъ печали предаешься?»
Сказалъ Готфридъ Анжуйскій королю.
«Пора ужъ намъ молиться за умершихъ,
И приступить къ обряду погребенья:
Мы только ждемъ приказа твоего.»

— «Труби въ свой рогъ!» сказалъ ему король.
И протрубилъ въ свой рогъ Готфридъ Анжуйскій.
Тогда сошли всѣ воины съ коней
И, снявъ съ себя пернатые шеломы,
Молитвенно колѣни преклонили.
И тишина глубокая настала,
И, выступивъ торжественно предъ войскомъ,
Епископы, священники, монахи
Молилися усердно за усопшихъ,
И ладонъ жгли надъ ними благовонный,
И съ пѣніемъ молитвъ заупокойныхъ

Въ могилу ихъ напутствовали съ миромъ.
Такъ погребли всѣхъ воиновъ убитыхъ, —
Всѣхъ, кромѣ трехъ: Роланда, Оливье,
И воина-епископа Турпина: —
Велѣлъ король своимъ вельможамъ ближнимъ
Въ особые ихъ гробы положить,
И отвезти во Францію, чтобъ тамъ
Въ землѣ родной покоились ихъ кости.

Но вотъ едва успѣли паладины
Похоронить товарищей своихъ, —
Какъ звонъ роговъ въ ущельи горъ раздался,
И вѣстники эмира Болигана
Предъ королемъ предстали.

— «Царь надменный!»
Такъ передъ нимъ они держали рѣчь;
«Ты весь погрязъ въ дѣяньяхъ беззаконныхъ:
Ты разорилъ мечемъ войны неправой
Испаніи прекрасную страну —
Разрушилъ въ ней всѣ города и замки,
И превратилъ въ безплодную пустыню
Цвѣтущіе сады ея и нивы,
И кровію поклонниковъ пророка
Зеленыя равнины упоилъ,
И тысячи рабовъ его усердныхъ
Ты совратилъ въ законъ свой Христіанскій.
Но наступилъ часъ мщенья и суда —
Тебя зоветъ къ отвѣту и расплатѣ
Аравіи могучій властелинъ:
Онъ переплылъ пучины океана,
Чтобъ покарать тебя, надменный царь.

Онъ рать ведетъ великую съ собой,
И, если ты съ дружинами своими
Вступить съ нимъ въ бой неравный не дерзаешь —
То покорись его могучей власти,
И въ даръ ему вѣнецъ свой принеси.»

Очнулся Карлъ отъ скорби неутѣшной,
Услышавъ рѣчь глашатаевъ эмира;
Поднялся онъ съ земли съ осанкой гордой
И голосомъ могучимъ закричалъ:
«Къ оружію и на коней Французы!»

Еще послы эмира не успѣли
Въ ущелье горъ умчаться изъ долины,
Какъ ужъ въ ряды сомкнулись всѣ Французы,
И копьями и шлемами сверкая,
На боевыхъ коняхъ своихъ сидѣли.

Окинулъ Карлъ спокойнымъ, яснымъ взоромъ
Свои полки и съ гордою улыбкой
Сказалъ, къ своимъ вельможамъ обращаясь:
«Ну, кажется, съ такими молодцами
Мнѣ нечего робѣть передъ сраженьемъ.»
И маніемъ руки своей король
Позвалъ къ себѣ двухъ графовъ именитыхъ,
Двухъ доблестныхъ сподвижниковъ своихъ,
И одному вручилъ онъ орифламму
(Хоругвь временъ Апостола Петра),
Другому — рогъ прославленный Роланда,
И повелѣлъ имъ ѣхать впереди
Всѣхъ войскъ своихъ.

И выступилъ король
Съ дружинами своими изъ долины.
И вотъ опять чрезъ горныя ущелья
Проносятся французскія войска;
Гудитъ въ горахъ далеко конскій топотъ
И тысячи роговъ, не умолкая,
Гремятъ заразъ во всѣхъ полкахъ французскихъ;
Но громче всѣхъ межъ ними раздается,
Звучнѣе всѣхъ гремитъ въ ущельяхъ горныхъ
Священный рогъ безстрашнаго Роланда.
И глубоко его могучій голосъ
Въ сердца бойцевъ французскихъ проникаетъ,
Какъ будто кличъ товарища загробный.
И слушаютъ товарищи Роланда
Знакомый звукъ съ тоскливой грустью въ сердцѣ,
И о самомъ Роландѣ вспоминаютъ,
И слезы льютъ, въ молчаніи тяжеломъ.

VII.

И пронеслись французскія войска
Чрезъ горныя ущелья, и вступили
Въ широкую, пустынную равнину.
Равниной той стремились къ нимъ на встрѣчу,
Вздымая пыль, наѣздниковъ толпы:
То шелъ эмиръ съ Арабами своими.
И начали сходиться обѣ рати,
И тучи стрѣлъ со свистомъ понеслись,
Послышались стенанья, вопли, крики,
Ударились мечи, сѣкиры, копья
О панцыри, шеломы и щиты —
Кровь пролилась, и битва закипѣла.

Вотъ выѣхалъ впередъ Моприм отважный,
Любимый сынъ эмира Болигана.
Врубился онъ въ ряды полковъ французскихъ,
И сталъ разить направо и налѣво
Своимъ мечемъ, и падали Французы
Вокругъ него, и все впередъ онъ мчался,
Мечемъ себѣ дорогу пролагая.
И, съ гордостью имъ издали любуясь,
Сѣдой эмиръ сказалъ своимъ Арабамъ:

«Каковъ мой сынъ! Смотрите, какъ отважно,
Средь тысячи мечей и копій вражьихъ
Несется онъ на скакунѣ любимомъ.
И знаю я, куда стремится онъ:
Онъ встрѣтиться съ надменнымъ Карломъ хочетъ!...
Но что жъ вы здѣсь толпой стоите праздной
Вокругъ меня? Скачите вслѣдъ за нимъ!...
Ужель ему дадите вы погибнуть?!»

И понеслись невѣрные толпами
Удалому воителю во слѣдъ,
И съ новою и яростью, и силой
Повсюду бой упорный закипѣлъ.

Межъ тѣмъ Моприм умчался далеко,
Врубаясь мечемъ въ ряды Французовъ:
Онъ все искалъ межъ ними короля,
Чтобы сразить его однимъ ударомъ.
И былъ ужъ онъ отъ Карла въ двухъ шагахъ;
Но ужъ давно замѣтилъ зоркимъ окомъ
Издалека усердный герцогъ Неймскій
Удалаго и сильнаго бойца,

И ждалъ его, копьемъ въ него намѣтивъ: —
Взглянулъ старикъ на юношу съ презрѣньемъ, —
И прянуло копье его стальное
Въ тяжелый щитъ противника со звономъ, —
Разбило щитъ, прошло насквозь чрезъ панцырь, —
И палъ съ коня воитель молодой
И навсегда его закрылись очи.

Едва успѣлъ маститый герцогъ Неймскій
Копье свое исторгнуть изъ врага, —
Какъ младшій братъ эмира Болигана
(Онъ поспѣшалъ къ племяннику на помощь)
Копьемъ въ него на всемъ скаку ударилъ;
Не поддалась копью броня стальная,
И невредимъ остался герцогъ Неймскій,
Но тяжестью удара потрясенъ,
Онъ изнемогъ, и блѣдный и безсильный
Упалъ съ коня. И грозный мусульманинъ
Свой острый мечъ дамасскій обнажилъ,
И бросился стремительно на старца.
И ужъ занесъ надъ герцогомъ онъ руку, —
Но въ этотъ мигъ надъ нимъ самимъ внезапно
Вдругъ чей-то мечъ, какъ молнія, сверкнулъ,
И словно громъ въ его шеломъ желѣзный
Упалъ съ небесъ, —то былъ ударъ смертельный:
Его нанесъ самъ императоръ Карлъ.

— «Зачѣмъ всегда впередъ ты выступаешь?»
Проговорилъ съ досадой императоръ
Старинному сподвижнику и другу.
«Не отъѣзжай далеко отъ меня!...
Когда бъ не я, то этотъ мусульманинъ
Тебя бы вмигъ покончилъ.»

— «Я ужъ старъ,»
Сказалъ ему сквозь слезы храбрый герцогъ,
«И отъ меня тебѣ немного пользы;
Но что̀ бъ я далъ, чтобъ быть теперь моложе, —
Я предъ тобой въ долгу бы не остался.»

Межъ тѣмъ эмиръ на скакунѣ степномъ
Съ мечемъ въ рукѣ носился по равнинѣ,
И гордыми рѣчами онъ повсюду
Въ своихъ войскахъ воспламенялъ отвагу.
Но вотъ къ нему, дрожа и задыхаясь,
Въ пыли, въ крови, на взмыленномъ конѣ
Во весь опоръ примчался блѣдный всадникъ
И голосомъ прерывистымъ сказалъ:
«Эмиръ, тебя постигло злое горе!...
Въ несчастный день мы выступили въ битву!...
Твой сынъ и братъ умерщвлены врагами,
Два старика высокіе, сѣдые
(Одинъ изъ нихъ, должно быть, самъ король)
Убиты ихъ.»

И почернѣлъ эмиръ,
Услышавъ вѣсть ужасную. И долго
Онъ на конѣ сидѣлъ, какъ полумертвый.
И, будто вдругъ очнувшись отъ дремоты,
Вонзилъ въ коня онъ шпоры золотыя,
И поскакалъ, сверкая злобнымъ взоромъ,
Туда, гдѣ Карлъ подъ сѣнью орифламмы
Напоръ враговъ свирѣпыхъ отражалъ.

VIII.

Струится кровь ручьями по равнинѣ
И грудами виднѣются повсюду
Разбитые шеломы и щиты;
Разносится далекій конскій топотъ,
И кликъ вождей, и раненыхъ стенанья;
Звенятъ мечи; гремятъ рога и трубы,
И громче всѣхъ, всѣхъ дальше раздается
Могучій рогъ погибшаго Роланда.

Упоренъ бой; съ отчаянной отвагой
Сражаются Французы и Арабы.
Отваженъ, храбръ эмиръ на полѣ битвы,
Отважны всѣ наѣздники его;
Отваженъ, храбръ въ бою Готфридъ Анжуйскій,
Отважны всѣ французскіе бароны,
Но всѣхъ храбрѣй, отважнѣй между ними
И краше всѣхъ маститый императоръ:
Спокоенъ, гордъ, величественъ и свѣтелъ
Несется онъ на боевомъ конѣ,
Завѣтный мечъ въ рукѣ его сверкаетъ,
И падаютъ вокругъ него враги.
Любуются вождемъ своимъ Французы,
И говорятъ: «каковъ нашъ императоръ!»

Ужъ гаснулъ день, и изъ ущелій горныхъ
Уже неслась вечерняя прохлада,
Когда король французскій и эмиръ
Лицомъ къ лицу другъ съ другомъ повстрѣчались.

Хоть въ первый разъ встрѣчалися они,
Но издали другъ друга отличили
Отъ всѣхъ другихъ по царственной осанкѣ
И голосу (ихъ голоса далёко,
Какъ львиный ревъ, неслися по равнинѣ).
И бросились съ мечами другъ на друга
Два мощные властителя земли,
И начался упорный поединокъ.

Хоть ловокъ былъ и силенъ мусульманинъ
И съ яростью на Карла наступалъ онъ,
Но съ мужествомъ спокойнымъ императоръ
Искусно всѣ удары отражалъ.
И вотъ эмиръ, прервавъ на время бой,
Хотѣлъ склонить противника на сдѣлку.

— «Послушай Карлъ,» сказалъ онъ, «брось оружье!
Ты виноватъ передо мной:
Ты утѣснилъ войной несправедливой
Союзника и друга моего,
Ты у меня роднаго сына отнялъ....
Но вѣрь мнѣ, Карлъ, я все тебѣ прощу,
Лишь покорись, и будь моимъ вассаломъ:
Я навсегда все прошлое забуду,
И въ милости ты будешь у меня.
Я облеку тебя высокимъ саномъ....»

— «Молчи, эмиръ,» прервалъ его король.
«Я не могу жить въ мирѣ и любви
Съ язычникомъ: [11]) прими Христову вѣру
И навсегда съ тобой я примирюсь,
И будешь ты и другомъ мнѣ и братомъ,
И будешь милъ ты сердцу моему....»

— «Ты, кажется, пустился въ поученья,»
Сказалъ эмиръ, сказалъ — и въ гребень шлема
Противника внезапно поразилъ.
И, оглушенъ ударомъ богатырскимъ,
Едва не палъ на землю императоръ,
И на сѣдло склонился головой:
Въ немъ замерло, оледенѣло сердце,
А взоръ его подернулся туманомъ.
И, радуясь удару своему,
Уже эмиръ торжествовалъ: онъ думалъ,
Что умерщвленъ его противникъ грозный;
Но въ этотъ мигъ Архангелъ Гавріилъ
Неслышною стопой, какъ въ сновидѣньи,
Приблизился незримо къ королю
И голосомъ, журчанью струй подобнымъ,
Сказалъ ему съ любовью: «что съ тобой
Великій Карлъ? приди въ себя, мужайся!»
И лишъ король услышалъ этотъ голосъ,
Его душѣ знакомый отъ рожденья, —
Какъ мужество, и сила, и отвага
Воспрянули въ душѣ его могучей: —
И поднялъ онъ, нежданно для эмира,
Свой тяжкій мечъ, — сверкнула грозно сталь, —
И палъ эмиръ на землю бездыханный.

— «Священъ мой мечъ!» воскликнулъ императоръ.
«Священъ, священъ!» воскликнули Французы.
И дрогнули душей при этомъ кликѣ
Невѣрные, вдругъ ужасомъ объяты.
И быстро вѣсть о гибели эмира
Изъ устъ въ уста по ихъ рядамъ промчалась, —
И бросили они мечи и копья,

И кинулись толпами съ поля битвы.
И понеслись Французы имъ во слѣдъ,
Ихъ трупами равнину покрывая.

IX.

Король Марсиль, въ тоскѣ и нетерпѣньи,
Всечасно ждалъ извѣстья съ поля битвы
Отъ своего союзника эмира.
Не въ силахъ былъ подняться онъ съ одра,
И, думами тревожными волнуемъ,
Все посылалъ къ окошку Бранимунду,
Все спрашивалъ, не видитъ ли она
На площади народнаго движенья?
Не слышенъ ли толпы веселый кликъ,
Иль звукъ трубы, иль дальній конскій топотъ?
Не скачетъ ли къ нему гонецъ эмира?
И, мучима давно сама желаньемъ,
Узнать скорѣй исходъ великой битвы,
Въ волненіи тоскливомъ, Бранимунда
Оставила опочивальню мужа,
И поднялась по мраморнымъ ступенямъ
На самый верхъ высокой древней башни.
И съ высоты той башни королева
Взглянула въ даль. Былъ ясенъ знойный день,
И далеко окрестности виднѣлись;
На синевѣ безоблачной небесъ
Чернѣлися далекихъ горъ вершины
И по лугамъ зеленымъ и полянамъ,
Красуяся на солнечныхъ лучахъ,
Вилась рѣка, волнуясь и сверкая.

И долго въ даль смотрѣла Бранимунда.
И вотъ предъ ней явилася вдали
Какая-то чуть видимая точка,
И все росла, росла и приближалась,
И въ облако большое разрослась:
То пыль. неслась густая по равнинѣ,
И сквозь нея на солнцѣ засверкали
Блестящія кольчуги, шлемы, латы,
И всадниковъ нестройныя толпы
Безъ знамени, безъ копій и щитовъ
Предъ городомъ въ равнинѣ показались;
А тамъ вдали, за ними по слѣдамъ,
Громадою величественно-стройной
Колебляся росла и подвигалась
Желѣзная стѣна щитовъ и шлемовъ,
И знамена по вѣтру развѣвались
И цѣлый лѣсъ высокихъ, грозныхъ копій
Надъ пыльною равниной волновался.

Все поняла мгновенно Бранимунда
И вскрикнула пронзительно она,
И бросилась быстрѣе горной лани
По лѣстницѣ извилистой и длинной,
И, прибѣжавъ въ опочивальню къ мужу,
Воскликнула: «все кончено, Марсиль!
Что дѣлать намъ?... Мы всѣ, мы всѣ погибли....
Что ждетъ тебя, что станется съ тобой,
Мой бѣдный другъ, мой добрый повелитель?!...
Эмиръ разбитъ — бѣгутъ его войска:
Великій Карлъ подходитъ къ Сарагоссѣ!...»

И не сказалъ ни слова ей Марсиль,
И лишь къ стѣнѣ лицемъ оборотился;

Наполнились глаза его слезами
И онъ затихъ. И быстро Бранимунда
Приблизилась къ одру его, — взглянула
Ему въ лице, — и пала на колѣни,
Безъ словъ, безъ слезъ, предъ хладнымъ трупомъ мужа

X.

И вотъ вступилъ съ войсками въ Сарагоссу
Король нашъ Карлъ, сіяющій побѣдой,
И бросились Французы по мечетямъ
Въ нихъ ложную святыню истребляя.
И тысячи невѣрныхъ Сарацынъ
Въ тотъ грозный часъ добычей мщенья пали.

День вечерѣлъ. На башняхъ Сарагоссы
Французскія знамена развѣвались:
Окончилась свирѣпая война,
Невѣрные смирились передъ Карломъ.
И даровалъ прощенье и свободу
Всѣмъ плѣнникамъ правдивый императоръ.
И повелѣлъ глашатаямъ своимъ
Онъ кликнуть кличъ по стогнамъ Сарагоссы,
Чтобъ собрались на берегу рѣки
Всѣ жители — отъ мала до велика —
Отъ знатнаго вельможи до раба.
И вотъ толпа несмѣтная стеклась
На берегу рѣки веселой Эбро.
И вышли къ ней, сіяя въ свѣтлыхъ ризахъ,
Съ кадилами, крестами и свѣчами
Священники; ступалц имъ во слѣдъ

Епископы величественнымъ сонмомъ;
За ними шелъ въ порфирѣ и вѣнцѣ
Съ вельможами своими императоръ.
И раздалось молитвенное пѣнье,
Кадильный дымъ понесся надъ рѣкой,
И пастыри десницы распростерли
Надъ тихими и свѣтлыми водами,
И знаменьемъ креста ихъ осѣнили.
И низошла на воды благодать, —
И въ тѣхъ водахъ толпами погружались
Невѣрные, отрекшись отъ пророка,
Предавшаго ихъ родину врагамъ.
И ликовалъ всѣмъ сердцемъ императоръ!

Высоки горъ кремнистые хребты,
Пустынны ихъ тѣнистыя долины,
Глубоки ихъ тѣснины и ущелья;
Чернѣютъ въ нихъ громады скалъ угрюмыхъ,
Сверкаютъ въ нихъ свирѣпые потоки,
Журчатъ ручьи — и съ шумомъ надъ горами
Проносится по скаламъ и утесамъ
Пустынный вѣтръ, колебля въ вышинѣ
Верхи дубовъ и кедровъ исполинскихъ.

Межъ грозныхъ скалъ, чрезъ бурные потоки,
Чрезъ темныя долины и ущелья
Идутъ въ горахъ французскія дружины,
Въ свой край родной съ чужбины возвращаясь
Разносится по дебрямъ и тѣснинамъ,

Какъ моря шумъ, людей немолчный говоръ
И гулъ глухой отъ ихъ шаговъ тяжелыхъ.
Гудитъ въ горахъ далеко конскій топотъ,
Клубится пыль, гремятъ рога и трубы —
И движутся французскія дружины
Между громадъ обрывистыхъ утесовъ,
Какъ движутся рѣки бурливой воды,
Волнуяся въ скалистыхъ берегахъ.
И жители пустыни молчаливой,
Питомцы горъ — олени, серны, лани,
Испуганы внезапнымъ грознымъ шумомъ,
Проносятся стадами по горамъ,
И прячутся въ разсѣлинахъ утесовъ.
И съ высей горъ поднявшись величаво,
Парятъ орлы высоко въ небесахъ,
Внимая гулъ нежданный, въ изумленьи,
И на полки французскіе взирая.

XI.

Семь лѣтъ въ землѣ испанской воевалъ
Король нашъ Карлъ — великій императоръ,
И наконецъ во Францію родную
Изъ труднаго похода возвратился,
Торжественно вступилъ въ свою столицу,
И во дворецъ любимый свой вошелъ.
Ужъ тамъ ждала его толпа густая
Его вельможъ, дворянъ и домочадцевъ.
И проходилъ межъ ними императоръ,
Привѣтствуемъ ихъ радостью и кликомъ.
И съ нѣжностью тѣснились всѣ къ нему,

И на глазахъ у всѣхъ блистали слезы.
И умиленъ былъ добрый императоръ
Любовію своихъ вассаловъ вѣрныхъ.

Но вотъ, когда ихъ пестрая толпа
Уже рѣдѣть вкругъ Карла начинала
И по домамъ всѣ стали расходиться, —
Приблизилась къ нему стопою тихой
Красавица задумчивая, Ода,
И, посмотрѣвъ на Карла съ удивленьемъ,
Съ тревогою сказала: «государь,
Гдѣ жъ твой Роландъ, твой славный полководецъ?
Онъ мой женихъ — со мной онъ обручился,
И далъ обѣтъ моимъ быть мужемъ вѣрнымъ....»

И вздрогнулъ Карлъ, маститый императоръ;
Былъ потрясенъ вопросомъ онъ ужаснымъ:
Вся скорбь его, вся тяжкая кручина
Со дна души мгновенно поднялась, —
Недавняя, мучительная рана
Раскрылась вновь въ его горячемъ сердцѣ,
И болію заныла нестерпимой.
И долго онъ не могъ промолвить слова,
Чтобъ отвѣчать обручницѣ Роланда.
И наконенъ, себя перемогая,
Онъ голосомъ дрожащимъ ей сказалъ:

«Дитя мое, прекрасное дитя!
Какъ жаль тебя!... Ты ничего не знаешь!
Роланда нѣтъ — ты говоришь о мёртвомъ....
Но не крушись: я дамъ тебѣ другаго
Взамѣнъ его — я дамъ роднаго сына:

Мой первенецъ твоимъ супругомъ будетъ....
И въ день, когда въ могилу я сойду,
На мой престолъ возсядетъ онъ по праву,
И мой вѣнецъ наслѣдуетъ державный.
И онъ съ тобой раздѣлитъ тотъ вѣнецъ
И тотъ престолъ...»

— «Не надо мнѣ, не надо!»
Воскликнула красавица, блѣднѣя,
«Нѣтъ, ужъ когда угодно было Богу,
Чтобъ не было Роланда въ этомъ мірѣ, —
Такъ для чего жъ его невѣстѣ вѣрной
Еще хоть мигъ на свѣтѣ оставаться!»

Такъ говоря, блѣднѣла и мертвѣла
Несчастная обручница Роланда
И все слабѣлъ ея прекрасный голосъ,
И, прошептавъ послѣднія слова,
Она лицо склонила передъ Карломъ,
И мертвая къ ногамъ его упала.

Тогда король созвалъ своихъ бароновъ
Со всей своей имперіи великой —
Со всѣхъ земель, власть Франціи признавшихъ —
И приказалъ судить имъ Ганелона.
И выбрали бароны тридцать судей,
Все рыцарей такихъ же, какъ и сами.
И собрались тѣ рыцари на судъ,
И привести виновнаго велѣли.
И вотъ предсталъ предъ ними Ганелонъ;
Онъ былъ въ цѣпяхъ, въ разодранной одеждѣ,
Полунагой, съ веревкою на шеѣ,

Изсѣченный, избитый, загрязненный —
Покрытый весь кровавыми рубцами:
Но въ поступи, во взорахъ и осанкѣ
Онъ сохранилъ свой прежній видъ надменный.
И голову держалъ свою высоко —
И рыцаремъ глядѣлъ онъ настоящимъ.

— «Графъ Ганелонъ!» ему сказали судьи,
«Готовъ ли ты сознаться въ преступленьи: —
Винишься ли предъ Богомъ, государемъ,
И предъ судомъ въ измѣнѣ и злодѣйствѣ?
Винишься ли, что, соблазненъ дарами,
Ты королю невѣрному Марсилю
Отборную французскую дружину
Умышленно на избіенье предалъ?
Винишься ли, что по твоей измѣнѣ
Погибъ въ бою нашъ славный графъ Роландъ,
И Оливье, и весь отрядъ французскій,
Поставленный на стражѣ въ Ронсевалѣ?»

И, выступивъ впередъ съ осанкой гордой,
И посмотрѣвъ съ усмѣшкой на судей,
Графъ Ганелонъ спокойно имъ отвѣтилъ:

«Я былъ бы лжецъ, обманщикъ самый наглый,
Когда бы сталъ предъ вами запираться,
Когда бъ сказалъ, что будто я не предалъ
Во власть врагамъ Роланда гордеца.
Но въ чемъ же тутъ, скажите мнѣ, измѣна?
Вѣдь вашъ Роландъ былъ врагъ мой самый лютый,
И наносилъ мнѣ тяжкія обиды, —
И я за то по долгу дворянина

Отмстилъ ему. Такъ гдѣ же тутъ измѣна?
Я королю служилъ всегда усердно;
Но сознаюсь, что были издавна
Противны мнѣ его двѣнадцать перовъ,
И больше всѣхъ противенъ былъ Роландъ.
Когда же сталъ онъ пасынкомъ моимъ,
То сдѣлался мнѣ просто ненавистенъ;
Мнѣ отъ него совсѣмъ житья не стало:
Во всемъ онъ мнѣ перечилъ и мѣшалъ
И не давалъ ничѣмъ распоряжаться
Въ имѣніяхъ жены моей — какъ будто
Я долженъ былъ изъ рукъ его смотрѣть.
Я не хотѣлъ молчать передъ мальчишкой,
И правъ моихъ ему не уступалъ.
И вотъ тогда по гордости и злобѣ,
Онъ сталъ искать погибели моей, —
И выдумалъ послать меня къ Марсилю:
Онъ разсчиталъ навѣрное, что я
Не возвращусь живой изъ Сарагоссы.
Отправился я въ трудное посольство —
Во вражій станъ, но разсудилъ заранѣ,
Что выгоднѣй гораздо будетъ мнѣ
Избавиться отъ пасынка дурнаго,
Чѣмъ пасынка избавить отъ себя,
И голову сложить ему въ угоду.
Такъ гдѣ же тутъ измѣна? укажите!
А что я взялъ подарки отъ Марсиля,
Такъ отчего жъ мнѣ было ихъ не взять?!
Я развѣ ихъ просилъ у Сарацына?!
Ничуть! Онъ самъ мнѣ навязалъ насильно
И соболей и всякаго добра.
Повѣрьте мнѣ: и безъ его подарковъ
Я предалъ бы Роланда Сарацынамъ.

«Да, рыцари, вы видите теперь:
Предъ королемъ ни въ чемъ я неповиненъ,
Какъ подданный. Но можетъ быть, какъ рыцарь,
Повиненъ я передъ закономъ чести —
Предъ рыцарскимъ обычаемъ? Нисколько!
Долгъ рыцаря ни въ чемъ я не нарушилъ —
Съ врагомъ своимъ я честно поступилъ: —
Я поклялся торжественно Роланду
При королѣ и всѣхъ баронахъ нашихъ,
Что отомщу ему за всѣ обиды,
Коли приду назадъ изъ Сарагоссы.
Вы видите: я объявилъ заранѣ
Обидчику, что ждетъ его опасность —
Сказалъ ему, чтобъ былъ онъ наготовѣ;
Я поступилъ открыто, прямодушно: —
Самъ отъ себя врага предостерегъ!
Поистинѣ, не я тому виной,
Что самъ Роландъ, какъ маленькій ребенокъ,
По простотѣ несказанной своей,
На явную погибель напросился:
Онъ могъ бы самъ, я думаю, понять,
Что если я, его открытый недругъ
Подать совѣтъ рѣшился королю
Въ сторожевой отрядъ его поставить, —
То не добра, а зла ему желалъ.»

Въ молчаньи рѣчь виновнаго прослушавъ,
Всѣ рыцари рѣшили, не колеблясь,
Что Ганелонъ достоинъ смертной казни.

Но Ганелонъ себѣ уже заранѣ
Отважнаго заступника нашелъ,

И вмѣстѣ съ нимъ предъ судьями явился:
То былъ его товарищъ, другъ и родичъ —
Сосѣдъ ему по замку — Пинабель.
Онъ рыцарь былъ богатый, простодушный,
Былъ честенъ, храбръ, и первымъ силачемъ
Межъ рыцарей французскихъ почитался.
Онъ крѣпко сталъ за друга своего —
Оправдывалъ его какъ могъ: то спорилъ
Онъ съ судьями, то ихъ просилъ смиренно,
Но ни на что они не поддавались.
И наконецъ онъ вышелъ изъ себя,
И, засверкавъ глазами, закричалъ:
«Ну, если вы всѣ противъ Ганелона,
И обвинить его ужъ сговорились,
Такъ будетъ онъ мечемъ моимъ оправданъ!»

Такую рѣчь нежданную услышавъ,
Въ смущеніи переглянулись судьи,
И начали шептаться межъ собой.
Межъ рыцарей сидѣли на судѣ
Не все одни Французы коренные;
Но были тутъ и Нѣмцы, и Саксонцы,
И жители другихъ земель сосѣднихъ,
Французами недавно покоренныхъ.
И больше всѣхъ они-то и смутились,
Услышавъ рѣчь и вызовъ Пинабеля,
И прежде всѣхъ склонились на милость.

— «Къ чему искать намъ смерти Ганелона?»
Они своимъ товарищамъ сказали.
«Подумайте, какая будетъ польза
Для короля, для насъ и для народа,

Когда на казнь онъ будетъ осужденъ?
Роланда мы изъ гроба не поднимемъ,
Приговоривъ его убійцу къ смерти.
А ежели казнимъ мы Ганелона,
То другъ его и родичъ, Пинабель,
Намъ отомститъ — свое онъ сдержитъ слово.
Когда онъ намъ свою перчатку броситъ,
То кто нибудь изъ насъ обязанъ будетъ
Поднять ее. А кто? Кому охота
Обречь себя на вѣрную погибель —
Идти на бой изъ-за чужаго дѣла
Съ такимъ бойцемъ, какъ этотъ Пинабель.
Не лучше ль намъ уладить дѣло мирно:
Отправиться всѣмъ вмѣстѣ во дворецъ,
И попросить усердно короля,
Чтобы простилъ онъ графа Ганелона.»

Подумали и помолчали судьи,
Между собой еще потолковали,
Поспорили, — и наконецъ рѣшили:
Покончить судъ, умилостивить Карла,
И выпросить виновному прощенье.
И лишь одинъ изъ тридцати судей
Остался твердъ до самаго конца,
И не хотѣлъ и слышать о прощеньи:
То былъ Тьерри — братъ герцога Готфрида.

XII.

И вотъ пришли всѣ судьи во дворецъ.
И принялъ ихъ король въ палатѣ тронной,

Толпой своихъ бароновъ окруженъ,
И, поклонясь усердно государю,
Они свое рѣшенье объявили:

— «Пришли тебя просить мы, государь,
Чтобъ ты призналъ невиннымъ Ганелона.
Передъ тобой ни въ чемъ онъ неповиненъ.

«Племянникъ твой обидѣлъ Ганелона,
И Ганелонъ, какъ честный дворянинъ,
Не могъ снести отъ равнаго обиды,
И отомстить Роланду былъ обязанъ;
Тебѣ же онъ служилъ всегда усердно, —
Такъ прикажи помиловать его:
Онъ предъ тобой заслужитъ эту милость.
И что тебѣ за прибыль, государь,
Казнить его? Отъ казни Ганелона
Племянникъ твой изъ мертвыхъ не воскреснетъ.»

— «Вы сами всѣ измѣнники, я вижу!»
Сказалъ король, въ отвѣтъ на эту рѣчь.
И тяжело и горько было Карлу,
Что въ рыцаряхъ его не стало правды,
Что не нашелъ онъ въ нихъ себѣ поддержки.
Лице его печалью омрачилось,
Поникнулъ онъ сѣдою головой
И въ скорбное раздумье погрузился.

Тогда, толпу раздвинувъ предъ собой,
Предъ королемъ предсталъ какой-то рыцарь,
Закованъ весь въ доспѣхи боевые,
И такъ ему съ участіемъ сказалъ:

«Не унывай, нашъ добрый государь —
Не всѣ твои усердные вассалы
Легли костьми въ ущельяхъ Ронсевальскихъ!
Нѣтъ, и теперь найдутся у тебя
И честные, и преданные слуги,
И постоятъ за честь твою и пользу.»

Такъ говоря, онъ выступилъ впередъ,
Сталъ посреди палаты королевской,
Поднялъ съ лица желѣзное забрало
И голосомъ могучимъ произнесъ:

«Я графъ Тьерри Аргонскій, братъ Готфрида,
Здѣсь передъ всѣмъ собраньемъ объявляю,
Что Ганелонъ предатель и измѣнникъ, —
И умереть позорной смертью долженъ.
А если кто изъ сродниковъ его
Или друзей захочетъ доказать,
Что клевету я взвелъ на Ганелона,
То правду словъ моихъ, не обинуясь,
Моимъ мечемъ готовъ я подтвердить.»

— «Я говорю, что ты сказалъ неправду!»
Въ отвѣтъ ему воскликнулъ Пинабель,
«И я готовъ на честномъ поединкѣ
Тебя во лжи мечемъ изобличить!»

Такъ говоря, онъ снялъ съ руки перчатку,
И королю съ поклономъ низкимъ подалъ,
И продолжалъ: «правдивый императоръ,
Я, Пинабель, и графъ Тьерри Аргонскій
На честный бой другъ друга вызываемъ,

И, если ты дозволишь намъ, — мы оба
На Божій судъ предстанемъ всенародно.
Онъ защищать твое берется право,
А я стою за право Ганелона;
Пускай самъ Богъ рѣшитъ своимъ судомъ,
Кто правъ изъ насъ. И если графъ Тьерри,
Твой грозный искъ оружьемъ защищая,
Падетъ въ бою, мечемъ моимъ сраженный, —
То Ганелонъ оправданъ всенародно
Самимъ Судьей Всевышнимъ неподкупнымъ, —
И на землѣ людьми оправданъ будетъ.
А если я паду на поединкѣ, —
То Ганелонъ умретъ позорной смертью,
Самимъ судомъ небеснымъ осужденъ.»

— «Да будетъ такъ!» отвѣтствовалъ король.
«Тьерри! Подай и ты свою перчатку:
Ты за меня идешь на поединокъ
Съ защитникомъ отважнымъ Ганелона.
Пусть самъ Господь рѣшитъ своимъ судомъ,
И въявѣ намъ покажетъ всенародно,
Кто правъ предъ Нимъ: король французскій Карлъ,
Иль Ганелонъ. Готовьтесь къ поединку!»

XIII.

И вотъ три дня Тьерри и Пинабель
Въ трудахъ поста, въ молитвѣ непрестанной,
На Божій судъ готовились предстать,
И, отстоявъ обѣдню въ церкви Божьей [12]),
Покаялись въ грѣхахъ и причастились,

Простилися съ родными и друзьями,
И вкладами богатыми почтили
Монастыри, приходы и часовни.

XIV.

За Ахеномъ, столицей королевской
Широкая равнина зеленѣетъ.
Въ равнинѣ той передъ толпой народной,
Предъ королемъ, предъ всѣмъ дворомъ и войскомъ
Противники сошлись на поединокъ.
Горятъ, какъ жаръ, ихъ бранные доспѣхи
И серебромъ, и золотомъ арабскимъ
И статные ихъ кони боевые,
На золотыхъ узорчатыхъ уздечкахъ,
Красуяся, подъ ними выступаютъ.—
Давно бойцы готовы къ поединку;
Вотъ подалъ знакъ рукою императоръ:
Провозгласилъ глашатай предъ собраньемъ
Ихъ имена, — и старый герцогъ Неймскій
Велѣлъ трубить. И загремѣли трубы
И рыцари, коней своихъ пришпоря,
Во весь опоръ помчались другъ на друга, —
И копьями булатными своими
На всемъ скаку среди равнины сшиблись.
И съ одного могучаго удара
Разсыпались ихъ крѣпкіе щиты,
Распалися ихъ панцыри стальные
И лопнули ремянныя подпруги
На ихъ коняхъ, — свернулись на бокъ сѣдла,
И рыцари съ коней на землю пали.

Но смѣлые бойцы не потерялись.
Въ единый мигъ съ земли вскочили оба,
И бросились съ мечами другъ на друга.
И встрѣтились ихъ острые мечи,
И брызнули отъ ихъ ударовъ искры,
И начался упорный поединокъ.

Искусенъ, храбръ и силенъ Пинабель,
Но и Тьерри ему не уступаетъ
Ни въ ловкости, ни въ храбрости, ни въ силѣ;
Уже давно идетъ межъ ними бой,
Но никому изъ двухъ бойцевъ могучихъ
Желанная побѣда не дается.
И наконецъ защитникъ Ганелона
Рѣшился звать противника на сдѣлку:

«Стой, стой Тьерри!» воскликнулъ Пинабель,—
«Покончимъ бой, иди на мировую!
Клянусь тебѣ я честію моей,
Что я тебѣ по гробъ останусь другомъ,
И раздѣлю съ тобою полюбовно
Сокровища мои и всѣ имѣнья!
Проси, бери, что хочешь, у меня —
Я все отдамъ, но только дай мнѣ слово,
Что выпросить берешься ты навѣрно
У короля прощенье Ганелону»

«Нѣтъ,» возразилъ Тьерри, «я не хочу
Выпрашивать измѣннику прощенье!
Казной своей меня ты не подкупишь!
Нѣтъ, докажи мечемъ своимъ булатнымъ
И королю, и всѣмъ его баронамъ,

Что правое ты дѣло защищаешь.
Тебя на бой я снова вызываю:
Пусть самъ Господь творитъ свой судъ надъ нами!»

И съизнова вступили въ поединокъ
Противники: сверкнули ихъ мечи,
Ударились со звономъ другъ о друга,—
И полились отъ ихъ ударовъ искры.

Сражаются Тьерри и Пинабель;
Давно ужъ съ нихъ катится потъ ручьями,
Уже давно на солнцѣ раскалились
Желѣзные ихъ шлемы и забрала,
И жгутъ огнемъ ихъ головы и лица —
И вся толпа народная вокругъ
Давно ужъ ждетъ, въ тревожномъ нетерпѣньи,
Чѣмъ кончится ихъ грозный поединокъ.
Но равенъ ихъ упорный, ярый бой,
И никому побѣда не дается.

— «Стой Пинабель, ты право молодецъ!»
Сказалъ Тьерри. «Ты храбръ и благороденъ,
И я готовъ съ тобой на мировую.
Мирись со мной, оставимъ поединокъ....
Неправое ты дѣло защищаешь:
Оставь его, послушайся меня!
Пусть Ганелонъ умретъ позорной смертью —
Онъ заслужилъ ее своей измѣной.
А я тебѣ клянусь моею честью,
Что если ты откажешься отъ бою,
То выпрошу тебѣ у короля
Я почести великія въ награду.»

— «Нѣтъ, никогда,» воскликнулъ Пинабель,
«Я не продамъ, не выдамъ Ганелона.
Подумай самъ, нашъ доблестный Тьерри,
Могу ли я оставить безъ защиты
Давнишняго товарища и друга
И близкаго мнѣ сродника по крови?!...
Ты знаешь ли—я съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Привязанъ былъ всѣмъ сердцемъ къ Ганелону:
Мы вмѣстѣ съ нимъ росли и воспитались,
И дружно все дѣлили пополамъ —
Насущный хлѣбъ, труды, веселье, горе, —
И я всю жизнь любилъ его, какъ брата.
Могу ль теперь все прошлое забыть?
Скажи, могу ль съ холодностью бездушной,
Съ презрѣніемъ отъ друга отвернуться, —
И палачамъ отдать на истязанье
Того, кто мнѣ такъ преданъ съ дѣтскихъ лѣтъ,
Кого своимъ я братомъ называю?!...
Теперь онъ сиръ остался въ этомъ мірѣ,
И за него не вступится никто:
Всѣ съ ужасомъ, со злобой, съ омерзѣньемъ
Клянутъ его; друзья, вассалы, слуги —
Всѣ, всѣ теперь ему врагами стали
И весь нашъ родъ отрекся отъ него;
Жена его (она вѣдь мать Роланда)
Приходитъ въ гнѣвъ неистовый, и ярость,
И бѣшенство, при имени супруга: —
Она его готова растерзать
За дѣтище родное, — словно львица....
А сынъ его.... Онъ малое дитя!
Ему ль поднять младенческой рукою
Тяжелый мечъ, — вступиться за отца?!

Ктожъ защититъ оставленнаго всѣми,
Но славнаго на полѣ битвы мужа?
Кто падшему протянетъ братски руку?
Лишь я одинъ остался для него
Здѣсь на землѣ прибѣжищемъ, опорой!
Лишь я одинъ жалѣю о несчастномъ, —
И противъ всѣхъ одинъ иду за друга!
И я теперь молю всѣмъ сердцемъ Бога,
Да сжалится хоть Онъ надъ беззащитнымъ,
И тяжкій грѣхъ заблудшему отпуститъ, —
И мнѣ пошлетъ побѣду надъ тобой.

«Такъ если ты, нашъ рыцарь благородный,
Все злобою пылаешь къ Ганелону,
И за него просить не хочешь Карла, —
То выходи опять на поединокъ!
Пускай мечи рѣшатъ межъ нами споръ —
Пусть самъ Господь творитъ свой судъ надъ нами.»

И снова въ бой вступили паладины,
И снова онъ былъ равенъ и упоренъ.
Но наконецъ искусный Пинабель
Противника въ желѣзный шлемъ ударилъ: —
Какъ молнія, сверкнули отъ удара,
И брызнули, какъ дождь, на землю искры,
И мураву зеленую спалили.
Не поддался удару добрый шлемъ,
Но надвое распалося забрало
И по лицу скользнулъ конецъ меча.
И уязвилъ въ ланиту паладина.
И брызнули потоки алой крови,
И на травѣ зеленой заблистали.

И дрогнули сердца у всѣхъ Французовъ,
Когда по всей равнинѣ межъ народомъ
Прочелся слухъ, что раненъ графъ Тьерри
Защитникомъ злодѣя Ганелона.
И всѣ пришли въ смятеніе и ужасъ.
Всѣ рыцари, все войско, весь народъ,
Молились вслухъ, чтобъ Богъ послалъ побѣду
Правдивому Тьерри надъ Пинабелемъ, —
Чтобъ оправдалъ Онъ Карла короля,
Чтобъ оправдалъ Онъ славнаго Роланда,
И осудилъ злодѣя Ганелона.

Какъ гордый левъ, стрѣлою уязвленный,
Пришелъ Тьерри въ неистовую ярость,
Почувствовавъ внезапно боль отъ раны
И кровь свою увидѣвъ на землѣ.
И силой онъ исполнился великой,
И бросился тогда на Пинабеля,
Какъ на врага,—весь мщеніемъ пылая.
Недолго шелъ межъ ними поединокъ:
Сталъ отступать усталый Пинабель,
Мечемъ своимъ искусно отбиваясь,
Но графъ Тьерри, исполненъ новой силы,
Нанесъ ему ударъ неотразимый —
Такой ударъ, что сразу разлетѣлся
На мелкіе осколки, какъ стекло,
И мечъ его, и крѣпкій шлемъ, и черепъ, —
И брызнулъ мозгъ изъ черепа на землю.

Пронесся гулъ по всей толпѣ народной,
И кликами все поле огласилось:
«Король нашъ правъ!... Судъ Божій совершился!

Казнить, казнить злодѣя Ганелона!»
Гремѣлъ народъ, волнуясь по равнинѣ.

И былъ казненъ измѣнникъ Ганелонъ
Жестокою, мучительною казнью.

Тогда король созвалъ въ свои палаты
Епископовъ, священниковъ, монаховъ
Со всей своей столицы и сказалъ:
«Я васъ призвалъ, чтобъ вамъ повѣдать радость.
Я плѣнницу привезъ изъ Сарагоссы;
Она была испанской королевой
И родилась въ законѣ Магомета,
И славилась по всѣмъ землямъ Востока
И красотой, и кротостью душевной,
И ревностью къ закону своему.
Приставилъ къ ней я пастырей духовныхъ, —
И, внемля ихъ высокимъ поученьямъ,
Исполнилась она святою вѣрой,
И ко Христу всѣмъ сердцемъ обратилась.
И я хочу, во славу Христіанства,
Крестить ее съ великимъ торжествомъ.
Идите же всѣмъ сонмомъ въ Божій храмъ
И таинство крещенья совершите.»

И съ торжествомъ великимъ Бранимунда
Крестилася въ законъ нашъ Христіанскій,
И назвалась въ крещеньи Юліаной.

XV.

Сокрылся день; чернѣетъ тьма ночная,
И, утомленъ тревогами дневными,
Въ своемъ дворцѣ, въ покоѣ отдаленномъ

Сномъ опочилъ великій императоръ.
И въ самый мигъ полуночи безмолвной
Предсталъ предъ нимъ Архангелъ Гавріилъ.
И подошелъ къ одру посланникъ Божій,
И, наклонясь главой надъ изголовьемъ,
И спящаго крылами осѣнивъ,
Сказалъ ему: «проснись великій Карлъ!
Тебѣ ль почить отъ подвиговъ тяжелыхъ,
Тебѣ ль искать покоя отъ трудовъ!
Возстань! Сзывай опять свои дружины
Со всѣхъ концовъ имперіи великой, —
И на Востокъ ты рать свою подвигни, —
И Христіанъ отъ гибели спаси!
Тамъ въ Сиріи, въ стѣнахъ Антіохіи
Поборники святой Христовой вѣры,
Осаждены невѣрными врагами,
И голодомъ, и жаждою томятся,
И каждый день, и каждый часъ и мигъ
Жестокихъ мукъ и смерти ожидаютъ,
И день и ночь въ стенаньяхъ молятъ Бога,
Чтобъ Онъ тебя на помощь къ нимъ подвигнулъ.
Возстань же Карлъ, иди на помощь къ братьямъ!
Они зовутъ и ждутъ тебя.... иди!»

И залился слезами императоръ,
Услышавъ вѣсть посланника Господня.
Возвелъ глаза онъ къ небу и воскликнулъ:
«Вся жизнь моя есть тяжкій трудъ и бремя!»

Тутъ кончается пѣсня, которую сложилъ Терульдъ

Finito libro laus detur magna Rolando.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Послѣ этого вступленія въ подлинникѣ поставленно загадочное слово: AOI; это слово повторяется въ поэмѣ почти черезъ каждую строфу: оно по большей части стоитъ въ заключеніи строфы, но встрѣчается иногда въ началѣ или серединѣ ея. Смыслъ его филологи объясняютъ весьма различно. Одни изъ толкователей *Пѣсни о Роландѣ* говорятъ, что это AOI есть ничто иное, какъ воинскій кличъ (cri de guerre), провозглашавшійся пѣвцомъ, какъ припѣвъ, который повторяло все войско, слушавшее пѣсню; они переводятъ его словами: „впередъ“ или „Боже, помоги намъ!“ Другіе полагаютъ, что этотъ непонятный теперь звукъ есть простое восклицаніе пѣвца, которымъ онъ давалъ знать музыканту, его акомпанировавшему, что строфа кончена, и что слѣдуетъ пауза.

[2]) Въ *Пѣсни о Роландѣ*, какъ и во всѣхъ французскихъ поэмахъ среднихъ вѣковъ, встребамъ дается очень оригинальный и непереводимый эпитетъ. Бланкандринъ, говоря о подаркахъ, которые Марсиль долженъ послать во французскій лагерь, чтобъ умилостивить Карла Великаго, вычисляетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ:.

urs e leuns e chens,
Set cenz camelz e mil *hosturs muës*,
D'or e d'argent .iiii. c. mulz cargez,
Cinquante carre qu'en ferat carier.

Выраженіе hostur mué или hosturs mués французскіе толкователи поэмы Терульда объясняютъ такъ: autours qui ont accompli leur mue, что по русски значитъ: *линные* т. е. выронившіе перья ястреба (см. Словарь Даля, выпускъ 8, стран. 855). Вышло бы крайне смѣшно, еслибъ мы перевели буквально эти слова. Французскій переводчикъ Сентъ-Альбенъ перевелъ ихъ такимъ образомъ: mille autours *déjà grands*. Дѣло въ томъ, что эпитетомъ линяный, линные обозначается высокое достоинство ястребовъ, ибо ястребъ и всякая охотничья птица особенно хороши на охотѣ, въ то время, когда вышли изъ линки. Въ средніе вѣка, когда процвѣтала соколиная и ястребиная охота, было очень хорошо всѣмъ извѣстно такое свойство охотничьихъ птицъ, и потому и эпитетъ, о которомъ мы говоримъ, такъ часто употребляется въ средневѣковыхъ поэмахъ. Императоръ Фридрихъ II (+ 1250), написавшій дѣлую книгу объ охотѣ, говоритъ очень подробно о достоинствахъ птицъ, вышедшихъ изъ линки.

Мы здѣсь такъ распространились объ эпитетѣ *линный* для того, чтобъ показать, какъ трудно русскому переводчику древнефранцузской поэмы сохранить колоритъ подлинника. *Пѣснь о Роландѣ* наполнена выраженіями, давно вышедшими изъ употребленія во французскомъ языкѣ, но понятными для всякаго сколько нибудь образованнаго Француза. Эти архаизмы языка Терульда придаютъ особенную прелесть его поэмѣ въ глазахъ его соотечественниковъ; но они непереводимы, какъ непереводимы многія, весьма дорогія намъ по дѣтской наивности языка, мѣста изъ Несторовой лѣтописи, сказанія о Мамаевомъ побоищѣ и сборника Кирши Данилова. Такъ напримѣръ у Терульда Бланкандринъ говоритъ: „когда французскій король Карлъ будетъ въ Ахенѣ“ и проч. Эти слова въ русскомъ переводѣ не поразятъ никакой особенностью. А между тѣмъ въ подлинникѣ самое названіе столицы Карла Великаго должно поразить своей оригинальностью всякаго знающаго французскій языкъ. Въ подлинникѣ сказано: „Carles serat ad Ais, a *sa* capele,“ то есть: Charles

sera à Aix à *sa* Chapelle, что въ переводѣ на нынѣшній французскій языкъ значитъ: sera à Aix-la-Chapelle.

Замѣчательно также, что Карлъ Великій (Charlemagne) называется постоянно empereres *magne*, reis *magne*, что значитъ *великій* императоръ, *великій* король. Нѣкоторые французскіе переводчики сохранили въ своемъ переводѣ прилагательное magne, и этотъ архаизмъ придаетъ особенный средневѣковой оттѣнокъ ихъ слогу, оттѣнокъ недостижимый для русскаго переводчика.

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о языкѣ, какимъ писана *Пѣснь о Роландѣ* и чтобы показать, въ чемъ заключается различіе между этимъ языкомъ и нынѣшнимъ французскимъ, приводимъ одну строфу изъ поэмы Терульда въ томъ самомъ видѣ, какъ она читается въ подлинникѣ, съ переводами на старый и новый французскій языкъ. Въ этой строфѣ описывается, какъ Сарацины (которые, какъ всѣмъ извѣстно, были магометане), узнавъ о пораженіи короля Марсиліи, низвергаютъ истуканы *своихъ боговъ*. Это описаніе, какъ и множество ему подобныхъ, опущено въ нашемъ переводѣ и можетъ служить обращикомъ тѣхъ мѣстъ въ поэмѣ, которыя мы не сочли нужнымъ переводить въ русскіе стихи.

Подлинный текстъ *Пѣсни о Роландѣ* на романоваллонскомъ языкѣ:

Li reis Marsilie s'enfuit en Sarragoce,
Suz un olive est descendut en l'umbre,
S'espee rent e sun elme e sa bronie,
Sur la verte herbe mult laidement se culcet;
La destre main ad perdue trestute,
Del sanc qu'en ist se pasmet e angoisset;
De devant lui sa muiller Bramimunde
Pluret e criet, mult forment se doluset.
Ensembl'od li plus de .XXX. mil humes

Ki si maldient Carlun e France dulce;
Ad Apolin encurent en une crute,
Tencent a lui, laidement le despersunent:
«E, malvais Deus! por quei nus fais tel hunte?
C'est nostre rei: por quei l'lessas cunfundre?
Ki mult te sert malvais luer l'en dunes!»
Puis si li tolent sun sceptre e sa curune,
Par les mains le pendent en sum une culumbe,
Entre lur piez a tere le tresturnent,
A granz bastuns le batent e defruisent,
E Tervagan tolent sun escarbuncle,
E Mahumet enz en un fosset butent,
E porc e chen le mordent e defulent!

Переводъ г. Женена на старый французскій языкъ:

Le roi Marsille s'enfuit en Saragosse; met pied à terre á l'ombre d'un olivier; rend aux serviteurs son espée, son heaume, sa cuirasse, et sur le vert gazon piteusement se couche: il a perdu sa main droite coupée; à voir son sang qui coule, il se pasme d'angoisse, et devant lui sa femme Bramimonde, qui pleure et crie, et se désole! Là sont aussi plus de trente mille hommes, tous maudissant Charlemagne et nostre chère France. Ils s'en courent vers une grotte, où loge leur Apollon, et le criant à qui mieux mieux, l'outragent de vilains propos: „Ah, mauvais Dieu, qui nous fais telle honte! c'est nostre roi, pourquoi l'as-tu laissé confondre? Qui trop te sert mauvais loyer en tire!“ Et tout d'un temps, sceptre et couronne lui arrachent, par ses deux mains l'accrochent au pilier, et puis l'ayant foulé, trespigné, trestourné, lui baillent vertueusement les estrivières! A Tervagan ostent son escarboucle, et boutent Mahomet au fin fond d'un fossé, où la chienaille et les cochons à leur plaisir le mordent et salissent!

Переводъ г. Адольфа Аврия на современный французскій языкъ:

Le roi Marsile a fui vers Saragosse.
Sous l'olivier il descend de cheval,
Rend à ses gens cuirasse, épée et casque,
Et tristement se couche en l'herbe verte.
Il a perdu la main droite en entier;
Du sang qui sort il s'est pâmé d'angoisse.
Est devant lui sa femme Bramimonde,
Qui pleure, crie et se désole fort;
Sont avec eux plus de trente mille hommes,
Qui maudissaient Charles et la douce France.
Vers Appollon ils courent en sa grotte,
Tous à l'envi le tancent, l'injurient:
«Eh! mauvais dieu, tu nous fis telle honte!
«C'est notre roi, tu le laissas confondre!
«Qui bien te sert, mal tu le récompences.»
Ils ont ôtè son sceptre et sa couronne,
Par les deux mains l'ont au pilier pendu,
Puis à leurs pieds par terre ils l'ont foulé,
De leurs bâtons l'ont battu, l'ont brisé.
De Tervagant ils prennent l'escarboucle,
Et Mahomet jettent dans un fossé,
Où porcs et chiens le mordent et le foulent.

*) Здѣсь идѣтъ рѣчь о перчаткѣ, какъ о знакѣ полномочія отъ государя: перчатка короля является какъ бы изображеніемъ, слѣпкомъ съ его руки, а изображеніе руки въ средніе вѣка представляло символъ власти.

Перчатка въ древней Франціи, кромѣ этого, такъ сказать государственнаго значенія, имѣла и значеніе юридическое: она употреблялась и въ частномъ быту, какъ символъ всякаго права. Передача перчатки отъ одного лица другому обозначала передачу права собственности на какой нибудь предметъ — служила обрядомъ при вводѣ во владѣніе. Такъ напримѣръ, если землевладѣлецъ продавалъ свою землю, то вручалъ покупщику,

передъ совершеніемъ купчей крѣпости, перчатку, наполненную землей: это означало, что онъ передаетъ свою землю новому владѣльцу *изъ руки въ руки* («de la main à la main»). Во французскомъ языкѣ еще до сихъ поръ осталось—въ просторѣчіи—выраженіе, свидѣтельствующее о прежнемъ значеніи перчатки, какъ эмблемы власти, права: se donner les gants de quelque chose, значитъ имѣть на что нибудь незаконное притязаніе—дать самому себѣ право. (F. Génin. *La Chanson de Roland.* Notes du chant 1-er).

[1]) Этотъ Турпинъ (лицо дѣйствительно существовавшее) долгое время почитался авторомъ баснословной исторіи Карла Великаго и Роланда (Historia de vita Caroli Magni et Rolandi ejus nepotis), написанной, какъ оказалось вспослѣдствіи, гораздо послѣ смерти архіепископа Реймскаго. Такъ какъ въ книгѣ, приписываемой Турпину, разсказывается мѣстами о тѣхъ же самыхъ подвигахъ Роланда, которые воспѣты въ поэмѣ Терульда, то намъ нельзя пройти совершенно молчаніемъ этого въ свое время знаменитаго произведенія латинской литературы среднихъ вѣковъ.

Книга лже-Турпина, какъ весьма основательно доказываетъ одинъ изъ французскихъ переводчиковъ и толкователей *Пѣсни о Роландѣ*, г. Жененъ, написана папой Каликстомъ II, когда еще онъ былъ архіепископомъ. Цѣль, побудившая эту духовную особу написать фантастическую исторію Карла Великаго, чрезвычайно оригинальна, но совершенно въ духѣ Римско-католическаго духовенства. Въ то время, когда будущій папа занималъ архіепископскую каѳедру въ Віеннѣ (въ Дофинэ), братъ его Раймондъ Бургундскій женился на дочери Альфонса VI, Уракѣ, и взялъ за нею въ приданое Испанскую Галицію съ главнымъ городомъ Компостеллой. Патрономъ Компостеллы почитается св. Іаковъ,—и архіепископу Віеннскому пришла мысль поставить этого святаго во мнѣніи католическаго міра наравнѣ съ Петромъ и Іоанномъ, и тѣмъ прославить резиденцію своего брата и сдѣлать ее вторымъ Римомъ въ глазахъ западнаго Христіанства.

Съ этой цѣлью написалъ онъ подъ псевдонимомъ Турпина книгу, прославляющую чудеса Іакова Компостельскаго; для того чтобъ эта книга привлекла вниманіе тогдашняго малограмотнаго общества, страстно любившаго разсказы о военныхъ подвигахъ, онъ включилъ въ нее повѣствованіе о геройскихъ подвигахъ Роланда, приправивъ ихъ разными богословскими и моральными сентенціями. Книга имѣла громадный успѣхъ, и такъ прославила чудеса Іакова Компостельскаго, что богомольцы изо всѣхъ странъ западной Европы повалили толпами въ Компостеллу, что было очень выгодно владѣльцу этого города, брату автора. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія въ свѣтъ *Исторіи Карла Великаго и Роланда*, авторъ ея сдѣлался папой и объявилъ свое произведеніе книгой канонической.

Таковы результаты историческихъ изслѣдованій г. Женена о происхожденіи книги, приписываемой Турпину. Что касается до литературныхъ достоинствъ *Исторіи Карла Великаго и Роланда*, то автору ея нельзи отказать въ поэтическомъ талантѣ. Но поэтическая фантазія у папы Каликста II несравненно грубѣе и холоднѣе, чѣмъ у трубадура Терульда. Когда Терульдъ разсказываетъ о чемъ нибудь чудесномъ, сверхъестественномъ, то слова его дышатъ младенческой наивностью самой искренней вѣры; притомъ же что бы онъ ни говорилъ, онъ говоритъ всегда безо всякой задней мысли. Напротивъ того у лже-Турпина вездѣ проглядываетъ мысль выдать за истину сказку, въ которую онъ самъ не вѣритъ, вездѣ разсчетъ на невѣжество читателей и желаніе воспалить ихъ воображеніе. Уже самая рѣшимость автора, облеченнаго высокимъ духовнымъ саномъ, сдѣлать подлогъ—выдать свою книгу за сочиненіе прославленнаго въ народныхъ преданіяхъ архіепископа Реймскаго, — не показываетъ въ немъ большой искренности и особенной любви къ правдѣ.

[5]) Мечъ Ганелона называется въ подлинникѣ Murgleis, а лошадь, на которой онъ отправляется въ Сарагоссу— Tachebrun. Вообще мечи и боевые кони героевъ *Пѣсни о Роландѣ* носятъ каждый свое названіе: мечъ Роланда называется Durandal, а

любимый конь его—Veillantif; мечъ Карла Великаго—Joyeuse; мечъ Оливьё—Hauteclaire и проч. Всѣ эти три меча, по сказаніямъ поэтовъ среднихъ вѣковъ, были сдѣланы однимъ мастеромъ и каждый изъ нихъ имѣетъ свою исторію. Намъ крайне жаль, что мы не могли сохранить въ нашемъ переводѣ имена коней и мечей; слышится что-то задушевное, когда Роландъ, прощаясь съ своимъ мечемъ, называетъ его по имени: «hélas ma Durandal, que tu es claire et blanche!» Но слова *Дюрандаль*, *Ташбрёнъ* звучали бы такимъ же страннымъ диссонансомъ въ русскихъ стихахъ, какимъ звучало бы по-французски слово сивка-бурка. Окрестить же по-русски Durandal Крѣпышемъ, а Tachebrun—Пѣгашкой мы не желали.

[6]) Ронсесвалесъ—долина въ Испаніи близъ города Памплуны (въ Королевствѣ Наваррѣ). Ущелье или горный проходъ, о которомъ говоритъ Ганелонъ, называется въ *Пѣсни о Роландѣ* Сизерскимъ (défilé de Cisaire), названіе нынѣ не существующее.

[7]) Карлъ Великій дѣйствительно ходилъ каждый день въ церковь, и отстаивалъ въ ней по возможности всѣ службы.

[8]) Роландъ въ поэмѣ Терульда высказываетъ не одинъ разъ, какъ сильно заботитъ его мысль, какую пѣсню сложатъ о немъ и о его дружинѣ. Г. Адольфъ Авриль говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Пѣсни о Роландѣ*, что во многихъ рыцарскихъ поэмахъ герои ихъ высказываютъ ту же заботу. Терульдъ нисколько не преувеличиваетъ значеніе рыцарской поэзіи въ среднія вѣка, заставляя своего Роланда—Роланда, который не боится ничего на свѣтѣ—опасаться суда пѣсни. Произведенія трубадуровъ дѣйствовали, можетъ быть, въ то время на народныя массы еще сильнѣе, чѣмъ дѣйствуютъ теперь на общественное мнѣніе запада политическія газеты. Пѣсни, по свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ средневѣковой литературы, до такой степени возбуждали и воспламеняли народныя страсти, что толпа, слушавшая пѣвца, бывала готова идти на всѣ тѣ подвиги, которые онъ ей воспѣвалъ. Что пѣсня имѣла великое вліяніе на народъ

и что нужно было употреблять сильныя средства тому, кто хотѣлъ бороться съ этимъ вліяніемъ—эту истину доказываетъ и тотъ фактъ, что папа Каликстъ II предалъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, кто слушаетъ произведенія трубадуровъ.

Здѣсь кстати сдѣлать оговорку о словѣ трубадуръ, неточно нами употребляемомъ какъ въ примѣчаніяхъ, такъ и въ текстѣ поэмы. Трубадурами собственно назывались въ средніе вѣка поэты южной Франціи, слагавшіе свои произведенія на провансальскомъ языкѣ; тогда какъ поэты сѣверной Франціи, къ которымъ принадлежитъ и Терульдъ, авторъ *Пѣсни о Роландѣ*, говорившіе языкомъ романоваллонскимъ, назывались *труверами*. Но мы назвали Терульда и его собратій трубадурами, во избѣжаніе всякаго рода неясностей въ нашемъ переводѣ и для устраненія всѣхъ, мало извѣстныхъ и рѣдко употребляемыхъ въ разговорномъ языкѣ, словъ. Значеніе слова труверъ извѣстно у насъ немногимъ, между тѣмъ какъ слово трубадуръ извѣстно и понятно всѣмъ: оно употребляется въ разговорномъ языкѣ, какъ общее родовое названіе не только всѣхъ пѣвцевъ древней Франціи какъ южной, такъ и сѣверной, но и прилагается безразлично ко всѣмъ средневѣковымъ пѣвцамъ, къ какой бы странѣ западной Европы они ни принадлежали. Къ тому же слово труверъ звучало бы какъ-то странно въ стихотворномъ произведеніи, отзываясь черезъ-чуръ учебникомъ литературы.

[9]) Въ подлинникѣ французскіе рыцари, провозглашая кличъ Карла Великаго, восклицаютъ: *Munjoie* (Monjoie)! Много было написано объ этимологическомъ значеніи этого слова, возбуждавшаго столько толковъ между французскими филологами! Теперь можно сказать, не опасаясь впасть въ ошибку, что Monjoie—слово сложное изъ мѣстоименія mon (мой) и существительнаго joyau (драгоцѣнность, сокровище), потому что оно есть ничто другое какъ воззваніе Карла Великаго къ своему мечу, который назывался *драгоцѣннымъ* (Joiuse, Joyeuse). Мы позволили себѣ перевести это названіе словомъ *священный* на томъ основаніи,

что этотъ эпитетъ совершенно вѣрно и точно характеризуетъ существенное достоинство знаменитаго меча: императоръ, по словамъ Терульда, называетъ свой мечъ драгоцѣннымъ въ томъ именно смыслѣ, что онъ для него священъ, какъ хранилище великой святыни. А въ чемъ состояла эта святыня,—читатели могутъ узнать изъ самой поэмы (см. пѣснь III, стран. 438, начиная съ 23 стиха).

[10]) Описаніе битвы, заключающееся въ этой пѣсни, имѣетъ слѣдующее историческое основаніе. Въ 777 году къ Карлу Великому прибыли изъ Испаніи Сарацынскіе сановники, и просили у него помощи противъ Калифа Абдеррахмана. Императоръ не упустилъ случая воспользоваться распрей между Сарацынами, чтобъ подчинить нѣкоторыхъ изъ нихъ своей зависимости. Въ слѣдующемъ году онъ собралъ многочисленное войско, перешелъ Пиринеи и взялъ Памплуну и Сарагоссу. Когда онъ возвращался во Францію, то въ Ронсевальской долинѣ на арьергардъ Франкскаго войска напали Баски (Гасконцы), разграбили обозъ и истребили отрядъ, его прикрывавшій. Вотъ какъ описываетъ это событіе приближенный сановникъ и историкъ Карла Великаго, Эгингардъ:

„Между тѣмъ какъ велась дѣятельная и почти безпрерывная борьба съ саксами, Карлъ, расположивъ въ удобныхъ мѣстахъ гарнизоны по ихъ границамъ, отправился съ огромными военными силами въ Испанію, перешелъ вершины Пиринеевъ, и овладѣвъ всѣми городами, къ которымъ только подступалъ, а крѣпости принудивъ къ сдачѣ, благополучно и безъ потерь возвратился съ войскомъ; только въ самомъ проходѣ Пиринеевъ на обратномъ пути пришлось ему нѣсколько испытать гасконское вѣроломство. Когда войско двигалось растянутымъ строемъ, какъ то требовала мѣстность и расположеніе тѣснинъ, гасконцы, устроивъ засаду на вершинахъ горъ—мѣсто же то при густотѣ лѣсовъ, которые растутъ тамъ въ изобиліи, весьма удобно для засады—напали сверху на заднюю часть обоза и на отрядъ, прикрывавшій его, опрокинули ею въ долину, и завязавъ бой, избили всѣхъ до одного, разграбили обозъ, и подъ покровомъ наступившей ночи съ быстротою разсѣялись въ различныя стороны. Въ этомъ дѣлѣ гасконцамъ помогли и легкость ихъ вооруженія и положеніе мѣстности, на которой происходилъ бой; напротивъ того, тяжелое вооруженіе и неровность поля битвы ставили франковъ во

всѣхъ отношеніяхъ ниже гасконцевъ. Въ этомъ сраженіи пали Эггигардъ, королевскій стольникъ (regiæ mensæ praepositus), Ансельмъ пфальцграфъ (comes palatii) и правитель Бретани (Brittanici limitis præfectus) Роландъ (Hruodlandus). И это дѣло не могло быть отомщено на мѣстѣ, потому что непріятель, исполнивъ свое намѣреніе, разсѣялся такъ, что о немъ не осталось и слуха, гдѣ его искать."

(Изъ книги г. Стасюлевича: *Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ*, часть II).

И такъ въ Ронсевалѣ дѣйствительно была битва, въ которой въ самомъ дѣлѣ погибъ Роландъ въ сторожевомъ отрядѣ Карла Великаго, но въ борьбѣ съ Гасконцами, а не съ Сарацынами. Вотъ все, что есть историческаго въ *Пѣсни о Роландѣ*. Все остальное поэтическій вымыселъ — произведеніе народной фантазіи, возсозданное Терульдомъ.

[11]) Въ *Пѣсни о Роландѣ* Сарацыны постоянно называются язычниками (*païens*, païens). Терульдъ увѣренъ вполнѣ, что, кромѣ Магомета, они еще поклоняются Аполлону и *Тервагану*.

[12]) Для готовящихся идти на судъ Божій служилась особенная обѣдня (une messe spéciale), которая и называлась обѣдней суда Божія — missa judicii.

IX.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

IV.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

(изъ Romancero).

На лугу предъ древнимъ замкомъ,
На скамьѣ, въ тѣни оливы
Донья Гарція сидѣла
И глядѣла въ даль тревожно.
Вотъ глядитъ она и видитъ:
Мимо замка ѣдетъ рыцарь,
Съ головы до ногъ закованъ
Въ латы крѣпкія стальныя,
Съ головы до ногъ покрытый
Ѣдкой ржавчиной и пылью;
Конь подъ нимъ едва ступаетъ
Утомленъ походомъ дальнимъ.
Увидавъ его, синьйора
Со скамьи поспѣшно встала
И стопою торопливой
Подошла къ рѣшеткѣ замка.

— «Рыцарь, рыцарь, добрый рыцарь!...
Отчего ты ѣдешь мимо?
Отчего въ мой замокъ мирный
Завернуть съ пути не хочешь?»
Такъ въ волненьи и тревогѣ
Громко къ путнику взывала
Донья Гарція. И путникъ
Слѣзъ съ коня неторопливо
И приблизился съ поклономъ
Къ доньѣ Гарціи прекрасной.

— «Ты усталъ съ дороги, рыцарь,
Донья Гарція сказала,
Отдохни же въ этомъ замкѣ,
Подкрѣпись виномъ и пищей!...
Добрый рыцарь! ты навѣрно
Возвращаешься въ свой замокъ
Изъ похода противъ Мавровъ, —
Такъ, молю тебя, скажи мнѣ,
Гдѣ мой мужъ?... Уже три года,
Какъ о немъ пропали слухи....

—Но скажите мнѣ, синьйора,
Кто вашъ мужъ и опишите
Точно всѣ его примѣты....

— Мужъ мой — рыцарь, графъ донъ-Гарцій;
Онъ высокъ, прекрасенъ, строенъ
Храбръ, уменъ, любезенъ, ловокъ....
На устахъ его играетъ
Вѣчно-свѣтлая улыбка;
Надъ челомъ его высокимъ

Вьются шелковыя кудри —
Свѣтлорусыя, густыя,
И горятъ, какъ звѣзды ночи,
У него младыя очи,
Очи темно-голубыя.

— Знаю я, и кто не знаетъ
Графа Гарція?! Съ нимъ вмѣстѣ
Мы сражались подъ Кордовой:
Тамъ, въ глазахъ моихъ, донъ-Гарцій
Изувѣченъ былъ врагами.
Видѣлъ, видѣлъ я синьйора,
Какъ одинъ наѣздникъ маврскій
Остріемъ копья стальнаго
Въ правый глазъ ему ударилъ,
А другой мечемъ дамасскимъ
Отрубилъ однимъ ударомъ
Руку правую по локоть.
И упалъ съ коня на землю
Вашъ супругъ, покрытый кровью
И изъ статнаго красавца
Сталъ онъ вдругъ уродъ уродомъ.
Одноглазый, однорукій
Онъ достался въ плѣнъ Арабамъ
И живетъ теперь въ Кордовѣ.
Тамъ отъ вѣры Христіанской,
Отъ родныхъ и отъ отчизны
Онъ отрекся предъ кораномъ, —
И за то въ такую милость
И любовь вошелъ къ калифу,
Что теперь въ его палатахъ
Онъ живетъ и утопаетъ

Въ нѣгѣ, роскоши, веселья....
Далъ ему калифъ въ подарокъ
Четырехъ красавицъ юныхъ, —
И вступилъ донъ-Гарцій съ ними
Въ мусульманскій бракъ постыдный.
И въ горячихъ ихъ объятьяхъ
Онъ забылъ и васъ синьйора,
И вашъ замокъ мирный, тихій,
И страну свою родную.

— Горе, горе мнѣ несчастной!
Я навѣкъ вдовой осталась....
Цѣлый вѣкъ я стану плакать
По своемъ несчастномъ мужѣ!»
Такъ сказала, тихо плача,
Донья Гарція въ печали
И дрожащими руками
Очи влажныя закрыла.

— «Не печальтесь такъ синьйора,
Молвилъ рыцарь, поправляя
На себѣ свой шлемъ пернатый:
Съ вашей дивной красотою
Вы останетесь недолго
Скорбной, плачущей вдовицей: —
Лишь примчится слухъ въ столицу,
Что свободны вы, графиня,
Какъ взволнуется тревожно
Изъ конца въ конецъ все царство,
И, полны надеждой сладкой,
Всѣ сердца любовью вспыхнутъ, —
И придутъ толпой влюбленной

Къ вамъ и рыцари, и гранды,
И съ мольбою нѣжной, страстной
Вокругъ васъ тѣсниться станутъ
Женихи съ утра до ночи.
Первый я — простите дерзость —
Предложить хочу вамъ руку.
Вѣрьте мнѣ, ничѣмъ не хуже
Я донъ-Гарція: клянусь вамъ,
Я, какъ онъ, богатъ и знатенъ,
Я какъ онъ и храбръ и молодъ;
Я ему не уступаю
Ни красой, ни даромъ слова,
Ни любезностью веселой;
Чтожъ до роста и до стана,
То и сами вашимъ взоромъ
Ростъ мой можете вы смѣрить
И моимъ красивымъ станомъ
Отъ души полюбоваться.
Чтожъ вы плачете синьйора?!
Вѣроломный вашъ донъ-Гарцій
Недостоинъ этой чести:
Онъ, по совѣсти, нестоитъ
Ни одной слезинки вашей.
Онъ себя тройной измѣной
Запятналъ предъ всей страною:
Измѣнилъ своей онъ вѣрѣ,
Измѣнилъ своей отчизнѣ,
Измѣнилъ женѣ прекрасной....
Ахъ одно лишь ваше слово,
Лишь одинъ вашъ взглядъ привѣтный —
Взглядъ одинъ, — и я навѣки
Здѣсь у вашихъ ногъ останусь

Вашимъ плѣнникомъ послушнымъ
И любовію моею
И заботливой, и нѣжной,
И почтительной и страстной
Воскрешу я вашу душу
Отъ унынія и скорби —
Исцѣлю всѣ раны сердца!...
Взглядъ одинъ, и я мгновенно
Для одной для васъ забуду
Цѣлый міръ — одно лишь чувство
Я въ душѣ лелѣять стану —
Пламень страсти свѣтлый, чистый
Къ вамъ, чистѣйшая изъ женщинъ!
Еслижъ вы моимъ моленьямъ
Не хотите внять, синьйора, —
То введете въ грѣхъ ужасный
Вы меня отказомъ вашимъ:
Здѣсь — предъ вашими глазами —
Я моимъ мечемъ толедскимъ
Усмирю въ себѣ навѣки
Сердца нѣжнаго мученья....

— Рыцарь, рыцарь, для чего ты
Говоришь такія рѣчи!
Ахъ, повѣрь мнѣ, ни мольбами,
Ни прельщеньями, ни лестью
Не зажжешь въ моемъ ты сердцѣ
Бурный пламень новой страсти:
Ахъ, повѣрь, одной душою
Я любить двоихъ не въ силахъ, —
И донъ-Гарцію до гроба
Я женой останусь вѣрной!

Пусть лишился онъ несчастный
Красоты своей навѣки,
Пусть измѣной заплатилъ мнѣ
За любовь мою и вѣрность,
Пусть меня для женъ презрѣнныхъ
Разлюбилъ и позабылъ онъ;
Но не въ силахъ я, не въ правѣ
Разлюбить его. Ужели
Отплатить ему рѣшуся
Я измѣной за измѣну?
Нѣтъ, никто, ничто не въ силахъ
Потушить во мнѣ то пламя —
Пламя чистое, святое,
Что̀ въ моемъ пылаетъ сердцѣ
Съ той поры, какъ полюбила
Я донъ-Гарція: то пламя
Лишь съ моей угаснетъ жизнью.
И меня своей любовью
Ты теперь утѣшить хочешь
И сулишь мнѣ въ дняхъ грядущихъ
Счастье новое и радость!
Нѣтъ мое исчезло счастье,
Безвозвратно скрылась радость;
Опустѣлъ и опостылѣлъ
Для меня весь міръ отнынѣ!...
Ахъ, когда-бъ была я въ силахъ
Съ этой жизнью распроститься:
Что̀ мнѣ въ ней, когда донъ-Гарцій
Разлюбилъ меня и бросилъ!...
Завтра... нынче же покину
Я постылый этотъ замокъ —
Навсегда разстанусь съ міромъ

И одна съ своей тоскою
Въ монастырь укроюсь дальній!
Тамъ запрусь я въ кельѣ тѣсной,
Буду лить ручьями слезы,
Лить, пока всю жизнь, всю душу
Я не выплачу слезами!..

« — Не спѣшите такъ, синьйора,
Въ монастырь — побудьте съ нами!»
Молвилъ рыцарь-незнакомецъ
И, съ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ,
Поднялъ онъ съ лица забрало,
И къ нему на шею, съ крикомъ,
Съ крикомъ радости внезапной,
Быстро бросилась графиня
И, лаская, и лобзая,
Увлекла его въ свой замокъ.

X.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

(Посвящается памяти С. З. А.).

Въ дни кесарей великихъ, въ ветхомъ Римѣ
Жилъ кесарскій сановникъ именитый,
Благочестивый мужъ Евѳиміанъ
Съ женой благочестивой Аглаидой.
Ужъ много лѣтъ они счастливо жили
Въ согласіи, богатствѣ и почетѣ;
Господь ихъ всѣмъ благословилъ всещедро,
Лишь одного не даровалъ имъ блага —
Не посылалъ имъ чадъ, давно желанныхъ.
И много лѣтъ молилась Аглаида,
Чтобъ разрѣшилъ Господь ея неплодье,
Чтобъ дѣтище имъ милое послалъ,
На украшенье жизни одинокой
И на подпору въ старости грядущей.
И услыхалъ Господь ея молитву,
И даровалъ имъ сына, — и супруги
Исполнилися радостью великой,
И плакали, и Бога прославляли.
И нарекли младенца Алексѣемъ.

Сталъ подрастать младенецъ Алексѣй —
Сталъ отрокомъ прекраснымъ, кроткимъ, тихимъ;
Не по лѣтамъ онъ разумомъ былъ мудръ

И къ книжному ученью прилѣплялся.
И возлюбилъ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ
Храмъ Божій и божественныя книги,
И клиросное пѣнье и молитву, —
И дѣтскую казну свою тайкомъ
Сталъ расточать на помощь нищей братьи.
И съ каждымъ годомъ разумомъ своимъ
И сердцемъ отдалялся онъ отъ міра, —
И ясно наконецъ уразумѣлъ
Ничтожество и тлѣнъ всего земнаго,
Уразумѣлъ богатства, власти бремя
И суету всѣхъ почестей мірскихъ,
И скверну всякихъ плотскихъ наслажденій.
И положилъ онъ на сердцѣ завѣтъ:
Покинуть все и отойдти отъ міра,
И посвятить себя одной молитвѣ.

Прошли года, возросъ онъ, возмужалъ.
Родители, съ любовію радѣя
О счастіи единственнаго сына,
Нашли ему достойную невѣсту
Изъ царственнаго кесарскаго роду,
Прекрасную лицомъ, умомъ и сердцемъ,
И обручили съ нею Алексѣя,
И въ церкви Божьей честно повѣнчали.
Изъ-подъ вѣнца послушною четой
Ихъ привели въ чертогъ Евѳміана.
И встрѣтилъ самъ отецъ-домовладыка
Ихъ съ почестью, а радостная мать
Къ нимъ бросилась, завидѣвъ издалече,
И лобызала дорогихъ дѣтей
И къ сердцу со слезами прижимала.

Затѣмъ за столъ сажали новобрачныхъ.
И угощали пышною трапезой
Всѣхъ сродниковъ и всѣхъ гостей почетныхъ.
Когда же часъ покоя наступилъ,
Невѣсту отвели съ благословеньемъ
Въ ея опочивальню, а женихъ,
Безмолвенъ, тихъ и погруженный въ думу,
Во храминѣ трапезной оставался.
Тогда сказалъ ему Евѳиміанъ:
— «Иди и ты въ ложницу, сынъ любезный!
Ужъ часъ приспѣлъ: полънощи протекло.»
И кроткій Алексѣй его послушалъ:
Простился онъ съ родителями нѣжно,
Благословеніе великое ихъ принялъ
И медленно вошелъ въ опочивальню.

Стыдливый взоръ склонивши боязливо,
Недвижно новобрачная сидѣла.
И подошелъ къ ней тихо Алексѣй,
И снявъ съ перста свой перстень обручальный,
Онъ съ кротостью во взорѣ ей сказалъ:
— «Возьми свой даръ! Пусть будетъ между нами
Стоять незримо ангельская сила
И для иныхъ даровъ насъ сохранитъ,
Для оныхъ дней, когда преобразимся
И разумомъ, и сердцемъ, и душой,
И презримъ міръ, и горнихъ благъ взалкаемъ.»

Сказавъ сіе, онъ вышелъ изъ ложницы
И, выждавъ часъ, когда забылись сномъ
Отецъ и мать, и слуги, и привратникъ, —
Покинулъ домъ родительскій украдкой,

Оставилъ Римъ, и продолжая путь,
Онъ на разсвѣтѣ съ нищими повстрѣчался
И помѣнялся съ нимъ своей одеждой.
Когда жъ достигъ онъ пристани морской,
То отыскалъ меж многими судами,
Готовыми отъ берега отчалить,
Корабль, къ землѣ Сирійской отплывавшій.
И на корабль съ молитвой онъ взошелъ,
И съ кораблемъ принялъ въ Лаодикію.
Не отдохнувъ отъ дальняго пути,
Ужъ въ новый путь пошелъ убогій странникъ,
И прибылъ онъ во градъ святой Эдессу:
Во градѣ томъ съ апостольскихъ временъ
Хранилася въ большой соборной церкви
Святая чудотворная икона —
Спасителя нерукотворный ликъ,
Его же Самъ Божественный Учитель
Эдесскому властителю Авгарю,
Недужному недугомъ многолѣтнимъ,
Прислалъ во исцѣленье и въ награду
За вѣру во пришедшаго Христа.
И Алексѣй сподобился узрѣть
Господень ликъ, и, падши, поклонился
Онъ съ трепетомъ и страхомъ предъ иконой.
И пожелалъ молиться день и ночь
По близости святыни сей великой.
И съ той поры на паперти церковной
Он[illegible]ребывалъ въ молитвѣ непрестанной,
Ис[illegible] нищими, питаясь подаяньемъ.
И много лѣтъ въ молитвѣ и постѣ
Онъ у дверей церковныхъ оставался,
И раздавалъ онъ щедро нищей братьи

Все, что ему давали Христа ради,
Едва себѣ на пищу оставляя:
Питался онъ всѣ дни единымъ хлѣбомъ
И жажду лишь водою утолялъ;
Во всемъ свои желанья подавляя,
И хлѣба онъ досыта не вкушалъ,
Но утишалъ въ себѣ лишь муки глада,
Чтобъ жизнь свою отъ смерти сохранить.
И даже сномъ онъ забывался рѣдко,
Молитвою дремоту прогоняя.
Такъ плоть свою онъ долго умерщвлялъ,
И юноша цвѣтущій дряхлымъ старцемъ
Сталъ отъ поста и бдѣнья, и молитвы:
Согнулся станъ высокій и прямой,
И алыя ланиты пожелтѣли,
Морщинами покрылося чело,
И развилися кудри молодыя,
И мягкіе власы посѣклись, пали,
И очи потускнѣли и ввалились,
И руки, возлелѣянныя въ нѣгѣ,
Какъ у раба очерствнувъ, огрубѣли,
И борода до чреслъ произрасла,
И Алексѣй всѣмъ тѣломъ превратился
Какъ бы въ изсохшій остовъ человѣка,
Безсмертною душою оживленный.

А той порой въ дому Евѳиміана
Печаль и плачъ всечасно обитали;
Томился скорбью горестный отецъ,
Мать плакала и плакала невѣста:
Никто не зналъ, что̀ сталось съ Алексѣемъ.
И долго ждалъ его Евѳиміанъ,

И разослалъ рабовъ по разнымъ странамъ
Искать его повсюду, — и рабы
Пустились въ путь и много лѣтъ ходили,
И множество прошли земель далекихъ,
И наконецъ пришли они въ Эдессу
И видѣли не разъ тамъ Алексѣя,
И видѣли его лицомъ къ лицу,
И за себя просили помолиться,
И милостыню подали ему,
Но юношу сіявшаго красою,
Въ отшельникѣ согбенномъ не узнали.
А онъ, отъ нихъ принявши благостыню,
Такъ мысленно Творца благодарилъ:
«Благодарю, Владыко милосердый,
Благодарю, что Ты меня сподобилъ
Съ любовью и смиреніемъ принять
Отъ слугъ моихъ святое подаянье.»

Въ обратный путь отправились рабы
И въ Римъ пришли съ нерадостною вѣстью:
Повѣдали они Евѳиміану,
Что Алексѣй нигдѣ имъ не встрѣчался,
Что и слѣдовъ его нигдѣ не видно.
И сталъ еще печальнѣе отецъ,
А мать, сорвавъ съ себя всѣ украшенья,
Вся въ черную одежду облеклась,
И приняла обѣтъ она суровый —
Не оставлять печальную одежду
И за порогъ ложницы не ступать,
Пока къ нимъ въ домъ ихъ сынъ не возвратится.
Тогда предъ ней простерлась со слезами
Несчастная невѣста Алексѣя:
— «Молю тебя, — она ей говорила, —

Позволь ты мнѣ отъ нынѣшняго дня
Съ тобой въ одномъ покоѣ поселиться
И горькую печаль съ тобой дѣлить!
И я, какъ ты, не преступлю порога,
Какъ ты, одеждъ печальныхъ не покину,
Пока ко мнѣ твой сынъ не возвратится.»
И съ той поры остались неразлучны
Вдова и мать, — и вмѣстѣ слезы лили,
Бесѣдуя о миломъ Алексѣѣ.

А онъ межъ тѣмъ усердно, неустанно
Въ трудахъ своихъ великихъ подвизался.
И стали всѣ трудамъ его дивиться
И чтить его подвижникомъ святымъ.
И разнеслась объ немъ молва далеко:
Изъ ближнихъ странъ, изъ дальнихъ городовъ
Народъ къ нему стекался повседневно;
Во прахъ предъ нимъ склонялися главой
Сановники и знатные вельможи,
И богачи дары ему несли,
И многія изъ женъ благочестивыхъ
Стопы его лобзали съ умиленьемъ
И, отъ одеждъ лоскутья отрывая,
Хранили ихъ, какъ нѣкую святыню.
Но Алексѣй, въ смиреньи твердъ и крѣпокъ,
Не обольстился славою людскою,
И принялъ за соблазнъ и искушенье
За тяжкое въ смиреньи испытанье
Всѣ почести, которыя ему
Въ благоговѣньи люди воздавали.
И самъ себѣ сказалъ онъ, размышляя:
«Затѣмъ ли я отъ міра отошелъ,

Затѣмъ ли я покинулъ невозвратно
Отца и мать, и домъ, богатствомъ полный,
И множество рабовъ, во всемъ послушныхъ,
Чтобъ почести предъ родомъ и богатствомъ
На почести иныя промѣнять?
Нѣтъ, это врагъ мнѣ сѣть разставить хочетъ,
Чтобъ гордостью мой разумъ уловить.
Въ сію же ночь оставлю я сей городъ,
Гдѣ какъ святаго чествуютъ меня,
И за море въ пустыню удалюся.
Мнѣ ль грѣшнику съ нечистою душой,
Унынiемъ грѣховнымъ одержимой,
Не просвѣтленной Божьей благодатью,
За праведника чтиться подобаетъ?!»

И вышелъ онъ украдкой изъ Эдессы,
Какъ нѣкогда изъ Рима, — и прошелъ
Дамаскъ и Тиръ, и въ дальней Кесарiи
Обрѣлъ корабль, въ Египетъ снаряженный,
И, помолясь, пустился въ дальнiй путь.

Попутный вѣтеръ тихо вѣялъ въ парусъ
И плылъ корабль два дня благополучно.
На третiй день вдругъ буря поднялась,
И черной тучей небо все покрылось,
И вѣтеръ заревѣлъ, и море вздулось,
И затрещали снасти и корабль
По сторонамъ метался, падалъ въ бездну,
Всплывалъ на верхъ и снова опускался.
И кормчiй, путь въ испугѣ потерявъ,
Пустилъ корабль идти по волѣ Божьей.
И долго по невѣдомымъ водамъ

Корабль носился. И въ великомъ страхѣ
Молились люди, смерти ожидая.
И вотъ (то было самой темной ночью)
Вдругъ въ сторону корабль рванулся съ трескомъ
И потянулся медленно и тихо,
Какъ будто шелъ онъ по песку морскому,
И покачнувшись, сталъ какъ на мели.
И, Алексѣй, и кормчій, и всѣ люди
Не вѣдали, что̀ съ ними, гдѣ они,
Что̀ Богъ имъ далъ — спасенье иль погибель?
Всѣ стали ждать разсвѣта. Разсвѣло.
Глядятъ: корабль въ рѣкѣ остановился.
И вдаль взглянулъ невольно Алексѣй,
И передъ нимъ предсталъ изъ-за тумана
Великій градъ — необозримый, пышный,
Стоящій на семи холмахъ отлогихъ;
Въ немъ высятся палаты и дворцы,
И храмы, осѣненные крестами,
И вкругъ сады и рощи зеленѣютъ....
И благовѣстъ отъ города несется....
И Алексѣй глядитъ, очамъ не вѣритъ,
Глядитъ, — и вдругъ затрепетало сердце,
Узналъ онъ свой родимый городъ Римъ,
И слезы полились изъ глазъ обильно,
И зарыдалъ отшельникъ, какъ дитя,
Родимыя мѣста свои увидѣвъ:
Онъ живо вспомнилъ домъ родной и дѣтство,
Родителей своихъ и слугъ любимыхъ,
Все, что̀ еще любилъ онъ въ этой жизни,
Все, отъ чего не могъ онъ оторвать
И отчуждить привязчиваго сердца.
И падши ницъ, молился Алексѣй,

Увидѣвъ въ явѣ перстъ святой Господень.
— «Такъ Господу угодно, — онъ сказалъ, —
Чтобъ въ отчій домъ теперь я возвратился,
Для новыхъ испытаній и трудовъ —
Да будетъ же Его святая воля!»

Вошедши въ Римъ, въ виду роднаго дома,
Онъ повстрѣчалъ отца съ толпой прислуги,
Идущаго изъ церкви отъ обѣдни.
Приблизившись къ нему, онъ такъ сказалъ:
— «Братъ о Христѣ! Воззри ты милосердо
На странника, живущаго безъ крова, —
Дай уголъ мнѣ въ твоемъ дворцѣ пространномъ.
Тамъ буду жить, питаясь отъ крупицъ,
Спадающихъ отъ трапезы обильной.
Будь милостивъ! Тебѣ Господь воздастъ
Сторицею и въ той, и въ этой жизни.
И если кто изъ сродниковъ твоихъ
Или друзей, въ чужой землѣ скитаясь,
Останется безъ пищи и безъ крова,
Господь пошлетъ ему и кровъ, и пищу,
И странника чужіе люди призрятъ,
Какъ призришь здѣсь ты странника меня.»

Слова сіи отозвались глубоко
Въ душѣ отца: объ сынѣ вспомнилъ онъ,
И къ страннику съ любовью обратился:
— «Иди въ мой домъ, — сказалъ онъ Алексѣю, —
Рабы тебѣ обитель отведутъ,
Въ ней навсегда ты оставайся съ миромъ
И трапезой со мной одной питайся.»
И отвели рабы ему пріютъ

Въ привратничьей давно забытой клѣти,
Въ полуразрушенной, и ветхой, и сырой,
И Алексѣй въ той клѣти поселился.
Сталъ посылать ему Евѳиміанъ
Отъ трапезы своей роскошной яства,
Но Алексѣй питался только хлѣбомъ,
И раздавалъ другія яства нищимъ.
Тогда ему предстали испытанья.
Сталъ ненавистенъ онъ рабамъ своимъ,
И всячески они надъ нимъ ругались —
И били, и въ лицо ему плевали,
И на главу его помои лили, —
И все сносилъ безъ гнѣва Алексѣй.
Но предъ другимъ великимъ испытаньемъ
Онъ устоять едва, едва былъ въ силахъ:
Онъ изъ окна обители своей
Вседневно видѣлъ матерь и супругу
Сидящихъ у окна своей свѣтлицы,
Смотрящихъ вдаль въ тоскливомъ ожиданьи
И льющихъ слезы горько, неутѣшно.
И вѣдалъ онъ, по комъ онѣ такъ плачутъ, —
И сердце въ немъ и ныло, и болѣло.

Такъ жилъ онъ долго въ келіи своей,
Незнаемый никѣмъ, терпя обиды,
И наконецъ исполнилася мѣра:
Суровый постъ и тяжкіе труды
Плоть бренную, осиливъ, сокрушили, —
И посѣтилъ его недугъ великій.
Заслышалъ онъ кончины приближенье
И вымолилъ у старшаго раба
Трость для писанья, хатрію, чернила,

И описавъ все житіе свое,
Онъ сталъ творить послѣднюю молитву,
И, по молитвѣ долгой и усердной,
Возлегъ на одръ, взялъ хартію въ десницу
И, возведя съ любовью очи къ небу,
Преставился.

Въ часъ оный патріархъ
Предъ Кесаремъ, при множествѣ народа,
Самъ совершалъ въ соборѣ литургію.
И вдругъ среди молитвеннаго пѣнья
Надъ алтаремъ раздался нѣкій гласъ
И возвѣстилъ всѣмъ предстоящимъ людямъ,
Что въ оный мигъ въ семъ царствующемъ градѣ
Отходитъ праведникъ великій въ лоно Божье.
И всѣхъ объялъ благоговѣйный страхъ,
И съ плачемъ всѣ молились, да откроетъ
Всевышній имъ, гдѣ праведникъ почилъ,
И снова гласъ надъ алтаремъ прокесся
И указалъ на домъ Евѳиміана.

Тогда самъ царь державный и вельможи,
И весь народъ, и патріархъ святѣйшій,
Святители и сонмы іереевъ —
Всѣ въ полномъ облаченіи церковномъ,
Съ кадилами, съ горящими свѣчами,
И съ пѣніемъ, и съ колокольнымъ звономъ,
По стогнамъ Рима шествіе свершая,
Пришли во дворъ палатъ Евѳиміана.
Завидѣвъ и царя и патріарха,
Евѳиміанъ ихъ встрѣтить поспѣшилъ.
(Онъ, удрученъ и горемъ, и годами,

Давно къ царю въ палаты не являлся
И избѣгалъ всѣхъ сборищъ многолюдныхъ)
И вѣстію чудесной изумленъ,
Онъ созвалъ всѣхъ рабовъ и домочадцевъ
И вопросилъ, не знаютъ ли они,
Кто, жизнію высокою извѣстенъ,
Въ дому его преставился въ сей день.
И долго всѣ молчали. Наконецъ
Старѣйшій рабъ, объ Алексѣѣ вспомнивъ,
Все разсказалъ, что зналъ о пришлецѣ,
Который жилъ въ гнилой и ветхой клѣти:
О томъ, какъ онъ постился и молился,
И какъ сносилъ побои и обиды.
И потекли и царь, и патріархъ
Вслѣдъ за рабомъ въ обитель Алексѣя,
Отверзли дверь, — и разлилось далече
Почіющихъ мощей благоуханье.

И повелѣлъ владыка патріархъ
Одръ отыскать въ дому Евѳиміана —
Роскошнѣйшій и самый многоцѣнный,
Покрыть парчей, среди двора поставить
И возложить на немъ святыя мощи.
Исполнили велѣнье патріарха.

Тогда, крестомъ трикраты осѣнясь,
Взялъ хартію изъ длани Алексѣя
Святый отецъ, и прочиталъ предъ всѣми
Безвѣстнаго пришельца житіе, —
И возрыдалъ Евѳиміанъ несчастный,
Уразумѣвъ, кто былъ почившій странникъ,
И палъ предъ нимъ, и горько возопилъ:

«О, горе мнѣ несчастному, о, горе!
Что сдѣлалъ я съ тобой, страдалецъ бѣдный!
Когда бъ я зналъ, что ты мой сынъ любезный,
Мое единое, возлюбленное чадо,
Моя единая и отрасль, и опора,
Не жилъ бы ты въ хлѣвинѣ мрачной, смрадной,
Ты бъ не терпѣлъ обидъ и поруганій.
Роскошнѣйшую храмину въ палатахъ
Тебѣ бы я на жительство избралъ,
И съ радостью, съ любовью непритворной
Тебѣ бъ рабы любимые служили.»

Такъ говорилъ Евѳиміанъ, и вдругъ
Вопль изъ толпы отчаянный раздался.
Всѣ вздрогнули: — то былъ ужасный голосъ —
Плачъ матери, все въ жизни потерявшей:
«Пустите, люди добрые, пустите,»
Она къ толпѣ взывала въ изступленьи,
«Раздайтесь, дайте матери дорогу,
Взглянуть хоть разъ на сына мнѣ позвольте!»
Толпа предъ ней разсѣклась въ одинъ мигъ, —
И, вся въ слезахъ, въ растерзанной одеждѣ,
Предстала мать, дрожа и задыхаясь,
И, увидавъ трупъ сына бездыханный,
Вдругъ вскрикнула пронзительно она
И бросилась на грудь его, рыдая.
И цѣловала очи, руки, ноги,
И, жалобно стеня, къ нему взывала:
«Ахъ сынъ мой несравненный, ненаглядный,
Дитя мое родное!... Алексѣй!...
Что̀ сдѣлалъ ты со мною безутѣшной,
Зачѣмъ ты мнѣ при жизни не открылся?

Какъ ты не сжалился надъ матерью несчастной?!
Какъ ты не сжалился надъ бѣдною женой,
На слезы ихъ и на печаль взирая?!
Какъ не узнала я, не догадалась,
Какъ сердце не почуяло мое,
Что отъ меня такъ близко, близко ты!
Ахъ, еслибъ я узнала, сынъ мой милый,
Что ты у насъ — предъ нашими очами,
Предъ нашими очами и больной,
Больной и одинокій, и страдаешь,
И сносишь поруганья слугъ своихъ,
Не видя утѣшенія и ласки, —
Сама бы я тогда тебѣ служила,
Служила бъ, какъ послѣдняя служанка,
И за больнымъ тобой сама бъ ходила,
Какъ встарь, когда ты былъ еще дитя,
Сама бъ тебя изъ рукъ своихъ кормила,
И волосы прекрасные чесала,
И прахъ отъ ногъ слезами обмывала!»

Такъ говоря, металася она,
И наконецъ внезапно замолчала,
И замертво простерлась возлѣ сына.

Тогда, давно стоявшая въ молчаньи,
Приблизилась стопою боязливой
Прекрасная и вѣрная невѣста,
Сокрушена неутолимой скорбью,
И тихо плача, тихо говорила:
«Когда бы прежде я узнать могла,
Что это ты — супругъ мой, господинъ мой,
Кого такъ долго тщетно я ждала,
По комъ такъ горько плакала и плачу, —

Утѣшилась бы я въ моей печали:
Къ тебѣ бы каждый день я приходила,
Не для того чтобы тебя тревожить
Мірскихъ рѣчей грѣховнымъ суесловьемъ,
Не для того, чтобы смущать твой духъ
Любви моей докучными словами:
Нѣтъ! я бы слова вымолвить не смѣла,
Но тихо, тихо, притаивъ дыханье,
Склонившись въ прахъ и умилясь душой,
Молилась бы съ тобою, преподобный!»

Внимая плачу горестной семьи,
Всѣ плакали — и патріархъ, и кесарь,
И весь народъ, толпившійся кругомъ.
Когда же стихли вопли и стенанья,
То патріархъ и царь благочестивый
На рамена подняли оный одръ,
Гдѣ почивало праведника тѣло,
И понесли торжественно по Риму,
И съ пѣніемъ предъ церковью соборной
На площади народной опустили, —
Дабы возмогъ свободно весь народъ
Къ святымъ мощамъ устами приложиться.
И на площадь подвигнулся весь Римъ,
И съ рвеньемъ великимъ всѣ стремились
Угоднику святому поклониться,
И многіе недужные, слѣпые,
Мгновенно исцѣлялись, прозрѣвали,
Къ его святымъ останкамъ прикоснувшись.
Толпа росла, и площадь городская
Уже тѣсна ей становилась. Кесарь
Велѣлъ метать въ народъ сребро и злато,

Дабы толпу отвлечь и раздѣлить.
Но чувствъ святыхъ исполненный обильно,
Народъ, въ тотъ день и златомъ не прельстился,
И дружно текъ къ сокровищу святыни.

И полную седмицу денно, нощно,
Отъ утренней зари и до вечерней
Была полна вся площадь городская.
Въ осьмой же день святѣйшій патріархъ,
При кесарѣ надъ тѣломъ всенародно
На площади литію отслуживъ,
Такъ возгласилъ съ высокаго амвона:
«Державный кесарь и народъ весь римскій!
Мы въ очью всѣ свидѣтелями были
Чудесъ великихъ, въявѣ совершенныхъ
Останками честными Алексѣя!
Великъ Господь! Онъ своему рабу
Открылъ тщету и тлѣнъ всего земнаго
И духъ его къ небесному направилъ. —
И Алексѣй, отвергшись князя міра,
Всѣмъ сердцемъ и душой отдавшись Богу,
Воистину сталъ Божьимъ человѣкомъ.
И былъ онъ малъ и нищъ здѣсь на землѣ,
Но сталъ великъ и славенъ послѣ смерти,
Занѣ Господь къ себѣ его пріялъ
И одарилъ сокровищемъ нетлѣннымъ
На небесахъ, а на земли предъ нами,
Намъ грѣшнымъ въ назиданіе святое,
Онъ осіялъ его великой славой.
И такъ мы всѣ, собравшіеся здѣсь: —
Державнѣйшій Гонорій Кесарь Августъ,
И я смиренный пастырь Иннокентій

И Божьей милостью первосвященникъ римскій,
И православный весь народъ здѣсь сущій,
Всѣ признаемъ, что праведно почившій,
Новопреставленный рабъ Божій Алексѣй
Достоинъ быть причисленъ въ ликъ святыхъ
Святой апостольской соборной церкви.»

«Аминь!» провозгласилъ державный кесарь.
«Аминь, аминь!» за нимъ народъ воскликнулъ.

И съ той поры святая церковь наша
Подвижника честнаго Алексѣя
Неукосненно чтитъ своимъ святымъ
И именуетъ *Божьимъ человѣкомъ*.

1-го Марта 1864 г.

XI.

ЩЕДРЫЙ БОГАЧЪ.

ЩЕДРЫЙ БОГАЧЪ.

(Посвящено Е. В. Шереметевой).

I.

Въ тѣ времена, когда Христова церковь
Еще едва въ покоѣ отдохнула
Отъ козней, бѣдъ, страданій и гоненій
И, твердостью, любовью и смиреньемъ
Своихъ враговъ могучихъ побѣдивъ,
Изъ рубища скиталицы убогой
Въ достойную своихъ дѣяній ризу
Величія земнаго облеклась,
И подъ покровъ верховной власти стала;
Когда еще не остывала память
Въ сердцахъ людей о мученикахъ церкви,
За вѣру твердо душу положившихъ,
И ихъ примѣръ и подвиги святые,
Избранниковъ сердца воспламеняя,
Ихъ на дѣла благія подвизали;
Когда Сіонъ, Наинъ и Веѳлеемъ,
Капернаумъ, и Назаретъ, и Кана,
Еще живымъ преданіемъ полны,
О чудесахъ Спасителя вѣщали,
И на себѣ земля еще хранила

Апостоловъ недавніе слѣды, —
Въ тѣ времена святыя, на Востокѣ
Жилъ человѣкъ простой умомъ и сердцемъ.
Съ женой своей и чадами своими —
Мужъ праведный и кроткій, Филаретъ.
Какъ Іова, Богъ надѣлилъ его
Богатствами и благами земными:
Онъ получилъ въ наслѣдье отъ отца
Обширныя и пастбища, и нивы,
Сады смоковницъ, кедровъ вѣковыхъ,
И виноградники, и рощи маслинъ,
И житницы, обильныя пшеницей,
И улья пчелъ, точащіеся медомъ,
Стада овецъ, верблюдовъ и воловъ,
И множество рабовъ, рабынь усердныхъ,
И утвари и тканей дорогихъ,
И древній домъ, всегда, какъ чаша, полный
Сластей и винъ, и всякаго добра.
И славенъ былъ далеко Филаретъ
Въ своей странѣ и странахъ сопредѣльныхъ
И родомъ, и богатствами своими.
Но чистъ душой и сердцемъ, какъ младенецъ,
Онъ гордостью въ душѣ не превознесся,
Наслѣдіе отцовское стяжавъ,
Не погрузился въ роскоши и нѣгѣ,
Не пресыщался яствами, сластями,
Не пировалъ со знатными друзьями,
Не тѣшился утѣхами мірскими,
И ни къ какимъ земнымъ житейскимъ благамъ
Не прилежалъ ни сердцемъ, ни умомъ.
Единую любовь онъ въ жизни вѣдалъ —
Любовь ко всѣмъ живущимъ на землѣ,

И этою любовью полонъ съ дѣтства,
Онъ въ ближняго всю душу положилъ,
И всякаго живаго человѣка,
Кто бъ ни былъ онъ — мужъ праведный, иль грѣшникъ —
Всѣмъ сердцемъ онъ любилъ нелицемѣрно.
Кого бы онъ ни встрѣтилъ, ни увидѣлъ
Знакомаго, иль сродника, раба ли,
Прохожаго ль изъ стороны далекой,
Котораго и имени не вѣдалъ, —
Его лицо мгновенно озарялось
И радостью, и счастьемъ, и блаженствомъ,
И райская улыбка на устахъ
Вдругъ разцвѣтала, и блистали очи,
И весь сіялъ блаженствомъ онъ святымъ,
И ликовалъ веселіемъ великимъ,
Какъ будто бы сокровище обрѣлъ:
Такъ созерцалъ онъ всякій ликъ живой,
Въ немъ образъ Божій сердцемъ прозрѣвая.
И всѣ свои утѣхи, все веселье,
Всю жизнь свою онъ въ ближнихъ заключилъ,
Скорбѣлъ ихъ скорбью, счастливъ былъ ихъ счастьемъ.
Жилъ для другихъ. Себя позабывая,
О завтрашнемъ онъ днѣ не помышлялъ,
Евангельскую заповѣдь святую
Запечатлѣвъ въ душѣ своей глубоко,
Всѣмъ страждущимъ являлся онъ усладой:
Съ любовію онъ алчущихъ питалъ,
И призрѣвалъ и сирыхъ, и бездомныхъ,
И посѣщалъ больныхъ и прокаженныхъ,
И узниковъ въ темницѣ навѣщалъ,
И утѣшалъ скорбящихъ и печальныхъ,
И щедрою рукой свою казну

Онъ отверзалъ, съ веселіемъ, для нищихъ.
И начали рѣдѣть его стада,
И съ каждымъ днемъ казна оскудѣвала,
И житницы обильныя пустѣли
И видимо богатство умалялось, —
И наконецъ бѣднѣть сталъ Филаретъ:
Въ дому его уже не видно стало
Обилія, довольства и избытка,
Всѣмъ оскудѣлъ богатый нищелюбецъ,
Лишь сердце у него не оскудѣло
Любовію. Онъ будто и не видѣлъ,
Не замѣчалъ, какъ онъ кругомъ бѣднѣетъ
И помогалъ попрежнему убогимъ,
И раздавалъ попрежнему, что могъ:
Онъ отказать просящимъ былъ не въ силахъ.

Такъ расточалъ свое имѣнье онъ,
И ужъ во всемъ сталъ виденъ недостатокъ
Въ его дому, — когда его владѣнья
И всю страну, гдѣ онъ спокойно жилъ,
Нежданное несчастье посѣтило:
Тогда надъ всѣмъ Востокомъ гнѣвъ Господень
Великой ка́рой грозно разразился:
Вдругъ изъ степей пустынныхъ Аравійскихъ
На Сирію, Арменію, и Понтъ,
На Халкедонъ, Эфесъ, Каппадокію —
На всѣ страны отъ Каспія съ Евксиномъ
Вплоть до морей Фракійскаго съ Эгейскимъ
Нахлынули толпы Измаильтянъ.
Какъ саранча иль язва моровая,
Изъ края въ край носилися они,
И пламенемъ и остріемъ меча

Все на пути своемъ опустошали.
И по садамъ и нивамъ Филарета
Они прошли и истребили все:
Всѣ житницы сожгли, и порубили
Смоковницы и масличныя рощи,
Угнали скотъ и улья разбросали,
И только чудомъ Божьимъ уцѣлѣли:
Самъ Филаретъ, семья его и домъ,
Рабыня старая, пшеницы закромъ,
Корова, конь, да два вола рабочихъ.

II.

Не впалъ въ печаль и горесть Филаретъ
Отцовское наслѣдіе утративъ,
И, на поля пустынныя взирая,
Не пролилъ слезъ, не возроптalъ на Бога:
«Богъ даровалъ, Богъ и отъялъ!» сказалъ онъ,
Объ Іовѣ страдальцѣ вспоминая.
«И нищъ и нагъ родился я на свѣтъ,
Но Богъ мнѣ далъ и пищу, и одежду,
И властенъ Онъ въ даяніи Своемъ;
Дары свои даруя и отъемля,
Онъ вѣдаетъ, что на потребу людямъ,
Что ко вреду и что ко благу имъ.
И нынѣ Онъ, ко благу моему,
Лишилъ меня богатства и обилья
И отнялъ слугъ, воздѣлывавшихъ нивы,
Да въ праздности души не погублю,
Но да тружусь, и хлѣбъ насущный свой,
Какъ первый мужъ, Адамъ, нашъ прародитель,

Своимъ трудомъ и потомъ добываю.
Благодарю тебя, великій Боже,
Что въ благости и мудрости Своей
Ты самъ мнѣ путь къ спасенью указуешь!»

И съ радостью на сердцѣ взялъ онъ плугъ,
Привелъ воловъ, бродившихъ въ ближнемъ полѣ,
И, нѣжными руками богача,
Не знавшаго простыхъ трудовъ доселѣ,
Насилу впрягъ въ ярмо своихъ воловъ,
И, самъ своей неловкости смѣясь,
Онъ весело отправился на ниву.

Въ тотъ самый часъ въ селеніи сосѣднемъ
Пахалъ на нивѣ бѣдный селянинъ.
Своихъ воловъ онъ не имѣлъ, а нанялъ,
И то съ трудомъ, ихъ у сосѣда, въ долгъ,
И лишь успѣлъ провесть онъ борозду,
Вдругъ волъ одинъ изъ упряжи рванулся
И съ ревомъ палъ на землю, и издохъ.
Въ отчаяньи, какъ громомъ пораженный,
Стоялъ надъ нимъ несчастный селянинъ —
Безъ словъ, безъ слезъ, безъ мыслей, безъ сознанья
И наконецъ онъ горько зарыдалъ:
— «Что дѣлать мнѣ, что станется со мною,»
Воскликнулъ онъ, какъ покажусь сосѣду
Съ однимъ воломъ!? Богачъ жестокосердый
Меня убьетъ своимъ единымъ взглядомъ,
И въ кабалу къ себѣ на вѣкъ возьметъ
Меня, жену и дѣтокъ малолѣтныхъ,
Невинныхъ дѣтокъ, малыхъ, несмысленыхъ!
О Господи, кто мнѣ теперь поможетъ?!

Кто сжалится надъ бѣднякомъ постылымъ?!...
Ахъ если бы теперь былое время,
Когда богатъ былъ добрый мой сосѣдъ,
Нашъ Филаретъ — отецъ нашъ, нищелюбецъ,
Не сталъ бы я минуты горевать;
Къ нему бъ теперь отправился я смѣло,
И въ мигъ съ воломъ на пашню бъ воротился,
Но времена счастливыя прошли:
Самъ обнищалъ питалецъ всѣхъ убогихъ —
И радъ бы дать, да нечего. Что дѣлать?!...
Ну, все равно пойду я къ Филарету: —
Хоть дѣломъ онъ и пособить не можетъ,
За то поможетъ лаской и любовью:
Со мною онъ поплачетъ, погорюетъ
И укрѣпитъ мой духъ онъ мудрымъ словомъ
И сладкою бесѣдой и любовью
Мою печаль и душу прояснитъ.»
И онъ пошелъ, немедля, къ Филарету,
Заставъ его на пашнѣ, разсказалъ онъ
Свою бѣду, — и Филаретъ мгновенно
Отпрягъ вола, подвелъ его къ сосѣду
И съ радостной улыбкою сказалъ:
— «Возьми скорѣй, веди къ себѣ на ниву!
Когда жъ ее допашешь, взборонуешь, —
Вола отдай сосѣду твоему.
Что жъ ты стоишь? Иди скорѣй на пашню
И торопись теперь съ своей работой,
Пока Господь намъ ведро посылаетъ!»

Но передъ нимъ въ глубокомъ изумленьи
Поселянинъ растроганный стоялъ.
— «Мужъ праведный,» сказалъ онъ со слезами,

«Что дѣлаешь? Опомнись ты, и вспомни,
Что ты бѣднякъ такой же, какъ и я,
Что потерялъ ты всѣ свои богатства,
Что у тебя не тысячи воловъ,
А только два! Что будешь дѣлать ты
Съ однимъ воломъ, отдавши мнѣ другаго?...»

— Ты думаешь, что бѣденъ я. Напрасно!...»
Прервалъ его съ усмѣшкой Филаретъ, —
«Послушай, я тебѣ открою тайну —
Вѣдь я богатъ!... Богаче несравненно
Чѣмъ прежде былъ.... Есть у меня богатства
Несмѣтныя — ихъ станетъ мнѣ на вѣкъ,
Но до поры до времени я долженъ
Отъ всѣхъ скрывать сокровища мои...
Объ участи моей ты не печалься: —
Я человѣкъ запасливый и хитрый —
Кормя другихъ, себя не забываю —
И думаю о будущемъ всечасно!..,
Бери вола и отправляйся съ миромъ!»

И селянинъ повѣрилъ простодушно
Правдивому и праведному мужу,
Облобызалъ его онъ со слезами,
И, взявъ вола, на пашню поспѣшилъ.
А Филаретъ съ воломъ своимъ и плугомъ
Пошелъ домой, и, выйдя на дорогу,
Другаго онъ сосѣда повстрѣчалъ,
И слезы на глазахъ его замѣтивъ,
Онъ вопросилъ его, «о чемъ онъ плачетъ?»

— «Какъ мнѣ не плакать!» отвѣчалъ сосѣдъ
«Ты знаешь, никогда богатъ я не былъ.

Когда жъ на насъ напали Агаряне,
И все кругомъ пожгли и разорили,
То у меня осталась лишь корова,
И всю семью мою одна кормила;
Но и она сегодня утромъ пала,
И мы теперь безо всего остались:
Жена моя совсѣмъ убита горемъ,
Кричатъ и плачутъ маленькія дѣти —
Пить — ѣсть хотятъ и молока все просятъ....
Ихъ плачъ и крикъ мнѣ душу истерзалъ, —
Я зарыдалъ и убѣжалъ изъ дома....
Теперь иду, не зная самъ куда —
До перваго колодца, можетъ быть —
И привязавъ себѣ на шею камень,
На дно его на вѣки опущуся,
Домой же я не въ силахъ воротиться,
Чтобы смотрѣть, какъ дѣти и жена,
Другъ къ другу руки съ воплемъ простирая,
Голодной смертью станутъ умирать....
Прощай!»

— Постой! постой, слѣпецъ безумный,
Ты позабылъ, что въ небесахъ есть Богъ,
А на землѣ вокругъ тебя есть люди,
Которымъ Богъ велѣлъ любить другъ друга....
Ни къ Богу ты, ни къ людямъ не прибѣгнулъ,
И ужъ спѣшишь, какъ бы на пиръ веселый,
Низринуться въ огонь геенны вѣчный!
Подумай, братъ, изъ-за чего ты хочешь
Отъ Господа дарованную душу,
Продать врагу Господню, сатанѣ?!
Изъ-за чего? Стыдись — изъ-за коровы!

Ну стоитъ ли она такой цѣны!
Да и достать ее не слишкомъ трудно....
Иди за мной, я дамъ тебѣ корову....
— «Я не возьму,» сказалъ бѣднякъ въ смущеньи —
«Какъ отниму послѣднюю корову
У бѣдняка? Я не грабитель....

— Слушай!.. »
Прервалъ его поспѣшно Филаретъ,
«Мнѣ не нужна совсѣмъ теперь корова,
И если ты возьмешь ее себѣ,
То отъ большихъ хлопотъ меня избавишь: —
Я собрался въ далекій трудный путь
Со всей семьей — иду я за наслѣдствомъ
Въ далекую богатую страну,
И ничего въ дорогу не беру я;
Тамъ у меня всего довольно будетъ:
Вѣдь та страна кипитъ млекомъ и медомъ,
Но путь въ нее гористый, узкій, трудный...
За чѣмъ же мнѣ вести туда корову?
Какъ буду съ ней въ ущельяхъ пробираться?...
Утѣшь меня — возьми ее себѣ!»

И Филаретъ повелъ его къ хлѣву,
Гдѣ отъ лучей палящихъ въ часъ полудня
Съ тельцомъ своимъ корова укрывалась,
И съ лаской вручивъ ее сосѣду,
Онъ заперъ хлѣвъ, оставивъ въ немъ теленка;
Ужъ селянинъ хотѣлъ вести корову,
Но взаперти оставленный теленокъ,
Осиротѣвъ безъ матери своей,
Сталъ тосковать по ней, рвался изъ хлѣва

И жалобно мычалъ онъ, къ ней взывая.
И жалобно отвѣтила она
На голосъ дѣтища, назадъ рванулась,
И вырвавшись отъ новаго владѣльца,
Стучала въ хлѣвъ рогами и мычала.
И сжалился надъ ними Филаретъ.
— «Какой я человѣкъ жестокосердый!»
Воскликнулъ онъ съ улыбкой благодушной,
«Нѣтъ, не добро мать съ сыномъ разлучать.
И, отворивши хлѣвъ, смотрѣлъ онъ долго
На радость двухъ живыхъ созданій Божьихъ,
Которымъ могъ онъ счастье возвратить,
И весело сказалъ поселянину,
Стоявшему предъ нимъ въ недоумѣньи:
— «Братъ, взмилуйся, не разлучай коровы
Съ ея тельцомъ! Пусть онъ идетъ за ней!»

III.

Провѣдала рабыня Филарета,
Что отдалъ онъ послѣднюю корову
И одного рабочаго вола,
И госпожѣ своей о томъ сказала.
И добрая хозяйка, терпѣливо
Сносившая доселѣ всѣ лишенья,
Разгнѣвалась и говорила мужу:
— «Гдѣ разумъ твой, отецъ жестокосердый?
Ты позабылъ, что у тебя есть дѣти....
Ты расточилъ наслѣдіе отца,
И нынѣ у дѣтей и у жены
Послѣднія ты крохи отнимаешь,

Чтобы кормить чужихъ тебѣ людей!
Когда же ты опомнишься, несчастный?!...
Хоть ты ужъ старъ, а все еще младенецъ —
Живешь и ни о чемъ не помышляешь —
Какъ малое и глупое дитя,
Бросаешь все, что въ руки попадется....
Ты насъ теперь безо всего оставилъ,
И съ голоду мы умереть должны....
Скажи, кто насъ питать отнынѣ будетъ?!»
— «А ты не знаешь?» Мужъ ей возразилъ.
— «Не знаю, да!»

— «Воззри на птицъ небесныхъ!
Воззри, онѣ не сѣютъ, и не жнутъ,
И въ житницы пшеницы не сбираютъ:
Питаетъ ихъ Отецъ небесный нашъ.
Не лучше ли мы ихъ, не созданы ли
По образу его и по подобью
И не вѣнецъ ли мы его твореній?
Ужели Онъ, всѣмъ подающій пищу,
Забудетъ насъ?!»

Такъ говорилъ старикъ,
И взоръ его блисталъ святою вѣрой
И ликъ сіялъ... И смолкнула жена.
Хоть не остыла въ ней еще досада,
Но противъ словъ Евангелья святаго
Она поднять свой голосъ не дерзнула.

Въ тѣ дни былъ гладъ великій въ той странѣ, —
И нищіе толпами приходили
Во дворъ палатъ высокихъ Филарета,

И Филаретъ имъ раздавалъ, что могъ,
И наконецъ все роздалъ совершенно.
Тогда пришелъ для всей его семьи,
Къ ней медленно и грозно подходившій,
Издалека, какъ туча, черный день —
Ужасный день: у нихъ не стало хлѣба!
И въ первый разъ они узпали голодъ.
И въ первый разъ отецъ нищелюбивый,
Самъ, нищему скитальцу уподобясь,
Пошелъ просить себѣ на пропитанье:
И вотъ пришелъ къ старинному онъ другу,
И попросилъ взаймы пшеницы мѣру.
Въ отвѣтъ ему другъ залился слезами,
И бросился онъ въ житницу мгновенно,
И высыпавъ пшеницы цѣлый закромъ,
Велѣлъ ее разсыпать по мѣшкамъ,
И отвезти, немедля, къ Филарету.
И ожила голодная семья,
Увидѣвъ хлѣбъ насущный предъ собою.
Когда же мать, готовясь ставить хлѣбы,
Съ рабынею пшеницу просѣвала,
Къ нимъ въ домъ пришелъ слѣпецъ за подаяньемъ;
Едва успѣлъ онъ слово произнесть,
Какъ Филаретъ, схвативши въ руки мѣру,
Пшеницею ее наполнилъ вѣрхомъ
И высыпалъ убогому въ суму.
— «Что мало такъ? Зачѣмъ скупишься ты?»
Съ досадою ему жена сказала.
«Мы богачи, во всемъ у насъ избытокъ.
Всѣ житницы полны у насъ пшеницей,
А погреба всѣ золотомъ набиты!
Зачѣмъ же ты добро свое жалѣешь?

Отмѣрь ему еще хотя двѣ мѣры.
Что жъ медлишь ты? Отмѣрь ему, отмѣрь!»
Но Филаретъ какъ будто не замѣтилъ
Въ словахъ жены насмѣшки злой и явной,
И воротивъ убогаго, спокойно.
Отмѣрилъ онъ ему еще двѣ мѣры!
— «Да ты совсѣмъ ужъ разумъ потерялъ!
Воскликнула жена, дрожа отъ гнѣва, —
«Ты ужъ рѣчей простыхъ не понимаешь!
Я надъ тобой хотѣла посмѣяться.
Сказавъ, что къ намъ богатство возвратилось,
А ты, въ своемъ младенческомъ умѣ,
Разслабленномъ давно отъ изувѣрства,
И бредящемъ во снѣ и на яву
Видѣньями, — вообразилъ, что вправду
У насъ въ ларцахъ сокровища хранятся!...»
— «А ты меня считаешь бѣднякомъ?
Сказалъ старикъ разгнѣванной супругѣ.
Ужели ты еще не догадалась,
Что у меня въ далекомъ тайникѣ
Сокровища великія хранятся?!
Вотъ отчего такъ щедръ я и безпеченъ
И бѣдностью моей не тягощуся,
И о своемъ семействѣ не пекусь!
Я знаю: день настанетъ вожделѣнный,
И вы узнаете, гдѣ кладъ хранится мой,
И путь въ тайникъ завѣтный обрететe
И вслѣдъ за мной, съ ликующей душой,
Къ сокровищамъ безцѣннымъ притечете:
Обиліемъ наполнится нашъ домъ,
И въ роскоши, съ безпечною душою
За вѣчный пиръ мы сядемъ всей семьею,
И новою мы жизнью заживемъ!»

Изумлена нежданной, чудной вѣстью,
Въ смущеніи умолкнула жена,
И съ этихъ поръ ждала нетерпѣливо,
Когда супругъ откроетъ передъ нею
Невѣдомый доселѣ ей тайникъ.
Но время шло, а вожделѣнный день
Не приходилъ. Пришла къ концу пшеница;
И на душѣ хозяйки домовитой
Ужъ снова гнѣвъ на мужа пробуждался,
Когда одинъ изъ ихъ друзей старинныхъ,
Давно въ краю далекомъ обитавшій,
О бѣдности друзей своихъ услышавъ,
Отправилъ къ нимъ съ рабами семь верблюдовъ,
Навьюченныхъ пшеномъ и чечевицей,
И всякими плодами и сластями.
Утѣшилась супруга Филарета
И, съ кротостью въ душѣ, ему сказала:
— «Послушай, другъ, раздѣлимъ между нами
Все, что̀ прислалъ намъ новый благодѣтель,
А то — (тебя я знаю коротко)—
Ты все раздашь сегодня же убогимъ.
Вѣдь ты совсѣмъ не человѣкъ: ты ангелъ;
Ни пить, ни ѣсть тебѣ почти не нужно,
И ты живешь любовью да молитвой,
Не то, что мы, — мы грѣшные все люди,
И пища намъ нужнѣе чѣмъ молитва.
Прошу тебя, — раздѣлимъ на двѣ части
Весь нашъ запасъ пшеницы и плодовъ:
Одну себѣ возьмешь ты, а другую
Семьѣ своей отдашь.» И раздѣлили
Между собой они свое богатство,
И Филаретъ ужъ роздалъ въ тотъ же день

Все, что̀ ему досталося на долю.
И вспыхнула супруга лютымъ гнѣвомъ.
— «Нѣтъ, кончѐно, воскликнула она.
«Когда ты самъ себя ужъ не жалѣешь
И я тебя жалѣть теперь не стану:
Питайся ты чѣмъ хочешь и гдѣ хочешь,
А къ трапезѣ моей не приступай:
Не дамъ тебѣ зерна на пропитанье!»

И былъ два дня безъ пищи Филаретъ.
На третій день, когда жена и дѣти
За трапезой безмолвные сидѣли, —
Вдругъ въ храмину вошелъ домовладыка
Отецъ и мужъ — смѣющійся, веселый,
И, ставъ въ дверяхъ, всѣмъ низко поклонился.
— «Плоть немощна!» сказалъ онъ, улыбаясь.
«Не гнѣвайтесь и сжальтесь люди Божьи —
Примите странника убогаго къ себѣ!
Не сѣтуйте вы, дѣти дорогія,
И блуднаго отца не оттолкните —
Не откажите алчущему въ пищѣ!»

И встали всѣ предъ нимъ съ благоговѣньемъ
И Филаретъ за трапезу возсѣлъ, —
И трапеза мгновенно оживилась:
Печальная семья повеселѣла,
На добраго родителя взирая.
Съ любовію къ супругу обращаясь,
— «Прости ты мнѣ,» жена ему сказала,
«Я на тебя посѣтовать дерзнула.
Но вѣдь и самъ не правъ ты передъ нами:
Ты намъ открылъ, что ты богатъ несмѣтно;

Зачѣмъ же ты таишь свое богатство,
И насъ въ нуждѣ суровой оставляешь?
Молю тебя, открой ты намъ теперь же,
Гдѣ у тебя сокровища зарыты?»
И Филаретъ, отъ трапезы вставая,
Ей отвѣчалъ: «Зачѣмъ вамъ знать заранѣ,
Гдѣ я укрылъ сокровище мое?
Я положилъ его въ надежномъ мѣстѣ....
Не бойтеся: оно не пропадетъ,
И никогда цѣны не потеряетъ....
Тамъ стражъ его надежный стережетъ.
Его не гложетъ червь и пламень не сожжетъ;
Ни тля не тлитъ, ни тать не подкопаетъ!»
Такъ говоря, изъ храмины онъ вышелъ,
Но лишь успѣлъ войдти въ свои покои,
Какъ странника въ окно свое увидѣлъ,
Усталаго отъ дальняго пути,
Просящаго о питіи и пищѣ.
Задумался глубоко Филаретъ:
Онъ страннику желалъ помочь всѣмъ сердцемъ,
Но чѣмъ помочь — никакъ не могъ придумать:
Самъ ничего въ рукахъ онъ не имѣлъ —
Хлѣбъ у жены хранился подъ затворомъ,
А къ ней идти за хлѣбомъ онъ боялся —
Боялся гнѣвъ въ ней снова возбудить
И въ грѣхъ ввести ее безъ всякой пользы.
И размышлялъ немало онъ, — и вдругъ
Въ садъ побѣжалъ, и тамъ между ульями,
Лежавшими безъ меду и безъ пчелъ,
Съ трудомъ онъ могъ найдти какой-то улей,
Наполненный сотами, и принесъ
Ихъ страннику. «Возьми,» онъ говорилъ,

«И утоли хоть жажду этим медом,
И, отдохнувъ, иди вотъ той дорогой —
Придешь къ сосѣду, другу моему:
Скажи ему, что я тебя прислалъ,
И онъ тебя до сыта напитаетъ.»
И путникъ взялъ его посильный даръ,
И освѣжилъ онъ медомъ благовоннымъ
Свои уста, запекшіяся зноемъ,
И грудь, путемъ далекимъ утомленну, —
И, отдохнувъ, пошелъ онъ снова въ путь,
Благословляя кровъ гостепріимный.

IV.

Въ тѣ дни владѣлъ имперіей Восточной
Царь юноша и правилъ подъ надзоромъ
Правительницы — матери своей.
Едва вступилъ онъ въ возрастъ совершенный,
Какъ мудрая правительница мать
Найдти ему супругу пожелала,
И созвала сановниковъ своихъ,
И выбрала мудрѣйшихъ между ними,
И повелѣла имъ объѣхать царство,
Въ одеждѣ скромной странниковъ простыхъ,
И изо всѣхъ красавицъ византійскихъ
Двѣнадцать дѣвъ прекраснѣйшихъ избрать,
Достойнѣйшихъ по разуму и сердцу,
И привести въ Царьградъ, чтобъ государь
Одну изъ нихъ своей невѣстой назвалъ.
Отправились сановники въ дорогу,
И обошли восточныя всѣ страны,

И выбрали одиннадцать невѣстъ
Всѣхъ красоты лица необычайной.
И долго имъ подобную искали.
И наконецъ пришли они въ ту область,
Гдѣ Филаретъ страннопріимный жилъ.
Когда жъ къ его селенью подошли
И домъ его увидѣли высокій,
Украшенный, какъ царскія палаты,
То, повстрѣчавъ прохожую старуху,
Спросили у нея: чей это домъ
И приметъ ли хозяинъ именитый
Въ свои палаты странниковъ простыхъ?
— «Ахъ странники честные, старцы Божьи,»
Со вздохомъ имъ старуха отвѣчала.
«Онъ приметъ васъ, какъ сродниковъ своихъ,
И будетъ радъ, какъ Божьей благодати,
Да только не взыщите вы на немъ: —
Васъ угостить онъ радъ бы былъ, да не чѣмъ,
Быть-можетъ онъ теперь и корки хлѣба
Въ дому своемъ богатомъ не отыщетъ.»
И не могли сановники повѣрить,
Чтобы въ такомъ большомъ, роскошномъ домѣ
Такой бѣднякъ несчастный обиталъ.
Но имъ въ отвѣтъ старуха разсказала
Подробно все, какъ добрый Филаретъ
Свое добро на милостыню роздалъ.
Тогда они спросили въ одинъ голосъ:
«А есть ли дочери невѣсты у него?»
«Двѣ дочери,» старуха отвѣчала.
При сихъ словахъ они переглянулись
И подошли къ палатамъ Филарета.
— «Самъ Богъ сюда намъ указалъ дорогу» —

Между собой вельможи говорили,
«Онъ насъ привелъ къ сокровищамъ безцѣннымъ: —
Сей Филаретъ, сей праведникъ святой
И чадъ имѣть благочестивыхъ долженъ —
И въ дочеряхъ онъ вѣрно поселилъ
Господень страхъ, смиреніе и кротость.»

Издалека увидѣлъ Филаретъ
Трехъ странниковъ маститыхъ, величавыхъ,
И праотцевъ обычаи храня,
Взялъ въ руки жезлъ и вышелъ къ нимъ на встрѣчу
И, до земли предъ ними преклонившись,
Онъ съ ласковымъ привѣтомъ ввелъ ихъ въ домъ.
Когда они возсѣли, то хозяинъ
Спросилъ у нихъ, куда ихъ путь лежитъ.
— «Во Фракію идемъ мы въ путь обратный,»
Ему одинъ изъ старцевъ отвѣчалъ.
«Ходили мы молиться въ Палестину,
Теперь идемъ на родину свою,»
— «Ахъ, странники,» воскликнулъ Филаретъ,
«Не откажите въ милости великой —
Повѣдайте намъ, праздным домосѣдамъ,
Что видѣли вы въ дальней Палестинѣ....
Позвольте и женѣ моей придти —
Она внимать готова до разсвѣта
Сказаніямъ о той странѣ священной,
Гдѣ чудеса великія свершились,
Гдѣ каждый шагъ запечатлѣнъ святыней.»
И поспѣшилъ отъ извѣстить жену
О странникахъ, отъ мѣстъ святыхъ пришедшихъ;
Тогда ихъ дочь старѣйшая, Марія,
Какъ милости, просила у отца,

Чтобы и ей позволили послушать
Священные разсказы богомольцевъ.
И съ радостью отецъ ей далъ согласье.
Когда послы увидѣли Марію
Смиренную, цвѣтущую красой —
Увидѣли въ лицѣ ея и взорѣ
Подобіе живое Филарета,—
Его души прекрасной отпечатокъ,—
То не могли скрыть радости сердечной,
Покаялись предъ ней въ своемъ обманѣ
И царское велѣнье объявили

И повезли Марію въ путь далекой
Какъ царскую невѣсту. Вмѣстѣ съ нею
Отправилась и вся ея семья.
Когда они всѣ прибыли въ Царьградъ,
То въ тотъ же день невѣсту проводили
Въ роскошный домъ, внѣ города стоявшій,
Гдѣ ужъ давно одиннадцать невѣстъ —
Одиннадцать прекрасныхъ звѣздъ Востока —
Въ созвѣдіе свое ревниво ждали
Еще одну послѣднюю звѣзду,
Чтобы предстать всѣмъ сонмомъ лучезарнымъ
Предъ женихомъ своимъ и властелиномъ.
И вотъ насталъ конецъ ихъ ожиданьямъ:
Ихъ повели съ почетомъ во дворецъ,
Гдѣ ужъ ждала ихъ въ храминѣ посольской
Царица мать со всѣмъ дворомъ, сенатомъ
И съ первыми сановниками царства.

Межъ дѣвами, избранными въ невѣсты,
Надѣялась всѣхъ больше быть царицей

Елена, дочь правителя Коринѳа.
Хоть красотой, и станомъ, и лѣтами
Марія съ ней равнялась совершенно,
Но важностью осанки величавой,
И поступи свободою спокойной,
И стройностью обдуманныхъ рѣчей,
И смѣлостью и быстротой отвѣтовъ,
И знаніемъ обычаевъ придворныхъ,
Красавица роскошнаго Коринѳа
Прѳвосходила робкую Марію,
Рожденную въ безвѣстной мирной вѳси,
Въ тиши, вдали отъ Рима и Царьграда,
Ступившую впервые за порогъ
Обители отца благочестивой.

Когда онѣ палатъ достигли царскихъ
И въ сѣни позлащенныя вступили,
И по коврамъ и тканямъ драгоцѣннымъ
По лѣстницѣ порфировой взошли
Въ чертогъ царя — властителя полсвѣта, –
То, будто бы въ чудесномъ сновидѣньи,
Вдругъ въ міръ иной мечтой перенеслися.
И вотъ, среди сокровищъ и чудесъ,
Содѣланныхъ руками человѣка
Или самой природой порожденныхъ
И собранныхъ со всѣхъ концовъ вселенной,
Прошли онѣ до храмины посольской,
Поражены величіемъ и блескомъ.
Но гордая Елена, не смущаясь,
Шла поступью свободною и смѣлой
По храминамъ громаднаго дворца,
На царскій блескъ взирая равнодушно,

Какъ будто бы ей было все не ново,
И ничему она ужъ не дивилась,
Какъ будто бы царицей родилась,
И все давно въ своей держала власти.
И въ храмину посольскую вступивъ,
Увѣрена въ красѣ своей всевластной, —
Съ величіемъ въ осанкѣ и во взорѣ,
Коринеская красавица предстала
Передъ дворомъ, сенатомъ и царицей.

За нею шла смущенная Марія:
Несмѣлыми дрожащими стопами
Она взошла по мраморнымъ ступенямъ
И съ робостью во взорахъ и въ душѣ
Всѣ царскіе чертоги проходила.
Когда жъ она предстала предъ царицей
И предо всѣмъ собраньемъ многолюднымъ,
То вругъ совсѣмъ смѣшалась, застыдилась:
Лицо ея зардѣлось, какъ заря,
Потупились лазоревыя очи,
И по густымъ опущеннымъ рѣсницамъ
Невинныя младенческія слезы,
Какъ чистые алмазы, заблистали,

Когда вошли и всѣ другія дѣвы,
Тогда одинъ изъ главныхъ царедворцевъ
О нихъ царя младаго повѣстилъ.
И вотъ предсталъ женихъ багрянородный
И лишъ вошелъ во храмину, невольно
Остановилъ онъ взоръ свой изумленный
На красотѣ Елены величавой.
И долго ей безмолвно онъ дивился,

Какъ статуѣ, искусно изваянной,
Когда онъ взглянулъ на скромную Марію, —
То вдругъ и самъ смутился, покраснѣлъ,
Какъ дѣва взоръ стыдливо свой потупилъ,
И въ тотъ же мигъ изъ храмины исчезъ.
И всѣ тогда мгновенно догадались,
Что тихая и скромная Марія
Ужъ избрана царицей Византійской.

И въ тотъ же день узнала вся столица,
Что юный царь избралъ себѣ невѣсту.
На завтра же, какъ только разсвѣло,
Явились къ Филарету съ поздравленьемъ,
Какъ къ будущему тестю государя,
Сенаторы, вельможи, царедворцы
И многіе изъ гражданъ именитыхъ;
Но Филаретъ въ то время въ ближней церкви.
Заутреню со всѣмъ семействомъ слушалъ;
Остался всѣ ждать его прихода,
И каждый сталъ обдумывать заранѣ,
Какое бы привѣтствіе польстивѣй
Временщику высокому сказать,
Чтобы къ нему войти скорѣе въ милость.
И лишь въ дверяхъ хозяинъ показался,
Всѣ бросились къ нему и поздравляли,
Наперерывъ привѣты расточая.
И Филаретъ смѣшался совершенно
Увидя ихъ: — не зналъ, что съ ними дѣлать,
И.... сталъ просить у нихъ у всѣхъ прощенья,
И кланяясь имъ въ ноги простодушно,
Всѣхъ величалъ свѣтлѣйшими князьями.
Сановники ушли въ недоумѣньи,

Не зная, что подумать о пріемѣ,
Который имъ тесть царскій оказалъ: —
Была ли то насмѣшка и немилость,
Иль хитрая, коварная уловка —
Никто изъ нихъ никакъ не могъ рѣшить.

V.

И назвалась царицей византійской
Безвѣстная и скромная Марія.
И полюбилъ великій Новый Римъ
Прекрасную и добрую царицу,
И вскорѣ и сестра ея меньшая
Вступила въ бракъ съ префектомъ цареградскимъ.
Счастливый царь излилъ свои щедроты
На щедраго отца своей супруги:
Велѣлъ отвесть ему дворецъ особый,
Наполненный богатствомъ и прислугой,
Блистающій и златомъ и сребромъ,
И всячески ласкалъ благаго старца
И принималъ съ любовью и почетомъ
Во всякій день и часъ въ своихъ покояхъ.
И вспомнила супруга Филарета,
Какъ на него она порой роптала
Въ тѣ дни, когда ихъ бѣдность посѣтила,
И въ глубинѣ незлобиваго сердца
Раскаянье ее тревожить стало.
И въ день, когда ихъ зять и государь,
Осыпалъ ихъ великими дарами,
И во дворецъ къ себѣ они вошли, —
Она въ слезахъ простерлась передъ мужемъ

И такъ ему отъ сердца говорила:
— «Прости ты мнѣ, старухѣ неразумной,
Мои слова строптивыя, упреки,
И все, чѣмъ я твое смущала сердце,
Когда творилъ ты добрыя дѣла.
Но нынѣ я во тьмѣ своей прозрѣла, —
И вижу я, кто ты, смиренный старецъ,
И поняла, какъ мудръ твой свѣтлый разумъ,
Какъ ты великъ у Господа и силенъ!
И знаю я, что нынѣ за тебя, —
За житіе безгрѣшное твое,
За чистое, младенческое сердце,
И за твою живую вѣру въ Бога
И твердую надежду на Него,
Онъ осѣнилъ твой домъ благословеньемъ
И дочь твою, и насъ всѣхъ возвеличилъ.»

— «Встань, встань жена,» давно ужъ повторялъ
Ей Филаретъ, и обращаясь къ сыну,
Сказалъ ему: «вотъ видишь, сынъ любезный,
Какіе мы всѣ маловѣры! Да!
Все знаменья мы требуемъ у Бога,
А на слово Ему боимся вѣрить,
И тѣхъ, кто на слово Ему во всемъ повѣрилъ,
Въ невѣдѣньи своемъ, мы часто гонимъ,
Пока надъ нимъ вдругъ знаменья не узримъ.
Такъ и со мной. Вѣдь такъ еще недавно
Смѣялись мнѣ и глупымъ называли,
А нынѣ я за тѣ дѣла мои,
Что глупыми иные величали
Вдругъ въ мудрецы попалъ и во святые.
И такъ всегда со всѣми. Знай мой сынъ,

Что на людей, труднѣе чѣмъ на Бога
Намъ угодить; они все порицаютъ;
Твори дѣла и подвиги святые, —
Немногіе почтутъ тебя хвалами,
Пока дѣла и подвиги твои
Не принесутъ земныхъ плодовъ богатыхъ.
Да, милый сынъ, не всуе намъ сказали,
Что наша жизнь есть странствіе, не болѣ.
И надо путь надежный отыскать,
Чтобъ странствіе не втунѣ совершилось.
Когда же путь найдешь ты вожделѣнный,
Иди по немъ неутомимо, твердо.
Пускай по немъ и тернія растутъ,
И пропасти ужасныя зіяютъ,
И горы возвышаются крутыя,
Пусть близь пути, по сторонамъ его
Цвѣтутъ сады и высятся чертоги,
Не заходи — иди своей дорогой!
Пускай друзья назадъ тебя зовутъ,
А недруги въ тебя каменья мещутъ,
Иди впередъ, — и тернія изчезнутъ,
И пропасти сомкнутся предъ тобой
Разступятся и распадутся горы,
И рушатся высокіе чертоги,
И пропадутъ цвѣтущіе сады,
И надъ твоей главою пронесутся
Враговъ твоихъ и недруговъ каменья,
И за тобой друзья твои пойдутъ....
И такъ, мой сынъ, иди одной дорогой,
Не слушай ни похвалъ, ни порицаній.
Вотъ нынче я заслушался похвалъ
Моей жены, — и мигомъ возгордился

И пиръ хочу я дать на новоселье —
Позвать къ себѣ вельможъ и государя,
Смотри жена, чтобъ было все готово —
Не посрами меня передъ царемъ, —
Чтобы столы подъ яствами трещали,
И чтобъ вино лилося, какъ на свадьбѣ!
Смотри, не то я разсержусь жестоко!
Отъ гордости я сталъ и строгъ, и золъ,
А въ гордости моей ты виновата.»
Такъ говоря, онъ вышелъ изъ дворца
И къ вечеру домой лишь воротился,
И въ храмину вошедши торопливо,
Позвалъ жену и громко ей воскликнулъ:
— «Ну, принимай гостей моихъ, жена, —
Все знатные и сильные вельможи —
Все царскіе любимцы и самъ царь!»
И отворилъ онъ двери, и въ палаты
Вошла толпа убогихъ и слѣпыхъ.
— «А гдѣ же царь?» смѣясь жена спросила.
— «Онъ здѣсь, онъ здѣсь, среди своихъ любимцевъ!
Да только здѣсь темно, и мы не видимъ,»
Мужъ отвѣчалъ, блистая кроткимъ взоромъ.

Всѣ возлегли, и добрая хозяйка,
Съ любовію и лаской непритворной,
Гостей своихъ высокихъ угощала.
И Филаретъ возлегъ, и былъ онъ веселъ,
И весь сіялъ блаженствомъ и любовью.

Сей вечерей для братіи убогой
Онъ новое жилище освятилъ.
И царскій тесть въ своемъ дворцѣ роскошномъ,
Средь шумнаго, блестящаго Царьграда,

Сталъ жить, какъ жилъ въ своемъ селѣ далекомъ: —
По прежнему онъ странныхъ принималъ,
И посѣщалъ темницы, богадѣльни,
И смрадные вертепы и больницы,
И помогалъ убогимъ и больнымъ,
А для людей опальныхъ и преступныхъ
Онъ у царя вымаливалъ прощенье.
Когда же онъ преставился, — въ Царьградѣ
Поднялся плачъ великій, неутѣшный:
Восплакали всѣ нищіе страдальцы,
Восплакали они у вратъ церковныхъ,
Восплакали на торжищахъ и стогнахъ,
Восплакали въ вертепахъ и темницахъ.
Когда-жъ его въ могилу понесли,
То за его простымъ дубовымъ гробомъ
(Такъ завѣщалъ себя онъ схоронить)
Торжественное шествіе открылось:
За гробомъ шли толпою безконечной
Убогіе: брели слѣпцы съ клюками,
Влачились хромые и больные,
Ползли безногіе, — и съ громкимъ плачемъ
Взывали всѣ: «кто будетъ насъ питать,
Кто призритъ насъ, одѣнетъ и утѣшитъ?!»

VI.

Невдалекѣ отъ шумнаго Царьграда
Есть мрачное, пустынное ущелье.
Въ ущельи томъ, въ пещерѣ темной, тѣсной
Въ тѣ времена пустынникъ нѣкій жилъ;
Уже давно забытый грѣшнымъ міромъ,
За грѣшный міръ всечасно онъ молился.

Съ нимъ много разъ передъ своей кончиной
Бесѣдовалъ смиренный Филаретъ,
И въ дни поста, когда съ великимъ страхомъ,
Готовился, какъ грѣшникъ недостойный,
Великихъ Тайнъ Христовыхъ пріобщиться,
Въ своихъ грѣхахъ онъ каялся предъ старцемъ.
И въ ночь, когда блаженный Филаретъ
Преставился, въ то самое мгновенье,
Когда въ другой онъ возносился свѣтъ,
Святой отецъ зрѣлъ сонное видѣнье.
Предъ тѣмъ всю ночь молитву онъ творилъ;
Когда же сномъ забылся предъ денницей,
Незримою, невѣдомой десницей,
Онъ отъ земли горѣ восхищенъ былъ,
И, ужаса исполненный святаго,
Онъ видѣлъ міръ.... міръ царства неземнаго.

Внизу подъ нимъ струились облака,
Неслись міры, вращаясь и мелькая,
Предъ нимъ неслась безводная рѣка.
Вся пламенемъ пылая и сверкая,
А за рѣкой пестрѣли и цвѣли
Сады, поля, холмы, лѣса и долы,
И слышались, какъ ропотъ водъ, вдали
Неизреченные глаголы.

И по рѣкѣ средь огненныхъ зыбей
Шелъ нѣкій мужъ, весь въ блескѣ и сіяньи,
Въ златомъ вѣнцѣ и дивномъ одѣяньи
Какъ бы изъ звѣздъ и солнечныхъ лучей,
И передъ нимъ, какъ спутникъ и вожатый,
Съ мечемъ въ рукѣ шелъ юноша крылатый.

И лишь присталъ онъ къ берегу тому, —
Тамъ радостью взыграло все великой
И стройные невидимые лики
Гремѣли пѣснь во срѣтенье ему,
И отъ высотъ — съ вершины мірозданья
Вдругъ нѣкое повѣяло дыханье.

То былъ полетъ безплотныхъ горнихъ силъ:
Неслись, шумя воздушными крылами
Полки духовъ, парящихъ надъ міpами,
И пришлеца покровомъ свѣтлыхъ крылъ,
Какъ облакомъ шумящимъ осѣнили,
И въ высоту съ нимъ вмѣстѣ воспарили.

Межъ тѣмъ святой отшельникъ — гость земной
Стоялъ вдали, весь ужасомъ объятый;
И, нѣкій гласъ услышавъ за собой,
Взглянулъ назадъ, — и юноша крылатый
Съ мечемъ въ рукѣ очамъ его предсталъ
И голосомъ громовымъ провѣщалъ:

«Не трепещи! Я спутникъ твой незримый —
Всегда, вездѣ я шествую съ тобой.
Моимъ крыломъ невидимо хранимый,
Ты всюду шелъ дорогою земной,
И нынѣ я незримою рукою
Тебя вознесъ высоко надъ землею
И къ рубежу небесному привелъ:
Сія рѣка, что пламенемъ сверкая,
Несется вдаль, — есть ваша жизнь земная —
Вмѣстилище добра и всякихъ золъ,
Тревогъ, заботъ, веселія и горя —
Житейское обманчивое море.

И кто въ волнахъ огнемъ горящихъ водъ,
Въ борьбѣ со зломъ, во зло не погрузится,
Тотъ въ семъ огнѣ душою закалится
И до браговъ онъ злачныхъ доплыветъ,
И передъ нимъ отверзетъ Всемогущій
Врата небесъ и ангельскія кущи.
А оный мужъ, что предъ тобою былъ,
Взятъ на небо небесными чинами,
То Филаретъ; онъ между вами жилъ,
И всѣмъ, чѣмъ могъ, дѣлился щедро съ вами.
И нынѣ онъ высоко вознесенъ —
Къ златымъ верхамъ небеснаго Сіона:
Господь пріялъ его въ святое лоно
За то, что всѣхъ любилъ всѣмъ сердцемъ онъ,
Что сердце въ немъ горѣло той любовью,
Которой Богъ любить всѣхъ повелѣлъ,
Когда для ней своей святою кровью
Свой скорбный путь земной запечатлѣлъ.
Внемли же мнѣ: кто хочетъ между вами
Лишь вѣрою, молитвой и дѣлами
Путь обрѣсти въ сей горній Божій свѣтъ,
Кто чтитъ Творца молитвой и хвалою,
Но къ ближнему горитъ въ душѣ враждою
И въ немъ любви живой, сердечной нѣтъ —
Не будетъ онъ во вѣки между нами
И въ горніе чертоги не войдетъ.
Напрасно онъ немолчными устами
Свои мольбы къ творцу всечасно шлетъ:
Нѣтъ! Безъ любви святой, животворящей,
Онъ предъ Творцомъ — металлъ звенящій!»

28 апрѣля 1864 г.

XII.

МАРІЯ ЕГИПЕТСКАЯ.

МАРІЯ ЕГИПЕТСКАЯ.

На берегахъ песчаныхъ Іордана
Убогій скитъ стоялъ уединенно;
Въ немъ отъ тревогъ житейскихъ и соблазновъ
Спасалися отшельники святые.
Ограждены пустынными степями
Отъ шумнаго и суетнаго міра,
Ограждены своимъ уставомъ строгимъ
Отъ всѣхъ утѣхъ мірскихъ и наслажденій,
Они въ трудахъ, душевныхъ и тѣлесныхъ
Плоть грѣшную вседневно умерщвляли,
Чтобъ сокрушивъ ея тупую силу,
Здѣсь на землѣ заранѣ отрѣшить
Безсмертный духъ отъ узъ земныхъ тяжелыхъ,
Чтобъ въ смертный часъ вознесся онъ свободно
Безгрѣшный, чистъ и свѣтелъ, какъ эоиръ,
Къ чистѣйшему изъ всѣхъ духовъ небесныхъ.
И много въ сей обители пустынной
Прекрасныхъ дѣлъ и подвиговъ высокихъ
Свершалося, невѣдомо для міра;
И много думъ глубокихъ, благотворныхъ

Отшельники смиренно повѣряли
Въ тиши ночной лишь хартіямъ безмолвнымъ,
И многія молитвы, пѣснопѣнья
Для пѣнія церковнаго сложили.
Какъ съ высоты ихъ ветхой колокольни
Ихъ колоколъ величественно, звучно
Свой благовѣстъ далеко разливалъ
Окрестъ скита въ пустыняхъ безпредѣльныхъ,
Но никогда могучій голосъ свой
Не доносилъ до городовъ и весей,
И слышенъ былъ лишь инокамъ самимъ:
Такъ стройныя ихъ пѣсни и молитвы
Для нихъ однихъ на клиросахъ звучали
И письмена на хартіяхъ тяжелыхъ
Таились въ ихъ темныхъ, тѣсныхъ кельяхъ.
И лишь когда промчались вѣка,
И унесли съ собою поколѣнья,
И опустѣлъ давно сей мирный скитъ,
И новые въ немъ братья водворились,
И обрѣли наслѣдіе святое
Отъ братіи, въ немъ прежде обитавшей, —
Плоды трудовъ и помысловъ высокихъ: —
Тогда изъ стѣнъ обители безвѣстной
Духовныя сокровища проникли
Во всѣ страны, гдѣ чтится крестъ Господень.
И разошлись по хижинамъ смиреннымъ
И по дворцамъ книгохранилищъ царскихъ,
И пронеслись въ далекія пустыни
Къ пустынникамъ и схимникамъ святымъ.
И міръ узналъ о подвигахъ высокихъ,
И о трудахъ, и пѣсняхъ, и молитвахъ
Отшельниковъ, когда-то обитавшихъ

Въ обители убогой и безвѣстной
На берегахъ пустынныхъ Іордана.

Былъ въ томъ скиту обычай установленъ:
Въ великій постъ вся братья для молитвы
За Іорданъ въ пустыню удалялась: —
Лишь наступалъ полночный часъ, — надъ скитомъ
Печальный звонъ протяжно раздавался
И возвѣщалъ начало дней поста, —
Всѣ братіи изъ келій выходили
И тихими стопами собирались
Среди скита предъ папертью церковной
И въ тиѣ ночной, въ безмолвіи глубокомъ,
Игумена честнаго ожидали.
Когда же онъ изъ церкви выходилъ
И умолкалъ вдругъ колоколъ печальный, —
Во слѣдъ ему отшельники безмолвно
Шли ко вратамъ ограды монастырской.
Когда-жъ они ограды достигали
Въ тотъ самый мигъ предъ ними отворялись
Тяжелыя врата, и стройнымъ хоромъ
Отшельники пустыню оглашали,
И, съ пѣніемъ молитвенныхъ псалмовъ,
Шли изъ скита на берегъ Іордана.
Тамъ за рѣку они переправлялись
И, на другомъ собравшись берегу,
Вновь пѣніемъ окрестность оглашали.
Сказавши имъ напутственное слово
И каждаго изъ нихъ благословивъ,
Въ безлюдный скитъ игуменъ возвращался.
Тогда они, облобызавъ другъ друга,
Всѣ разными путями расходились

Далеко, въ глубь степей пустынныхъ, дикихъ.
И ровно семь сединцъ они въ пустынѣ
Скитались, другъ съ другомъ не встрѣчаясь
И ни одинъ не вѣдалъ о другомъ,
Кто, какъ и гдѣ трудился и постился,
Какія кто лишенья перенесъ,
Чѣмъ утолялъ и голодъ свой, и жажду:
Имъ возбранялъ уставъ ихъ монастырскій
О сихъ трудахъ другъ друга вопрошать,
Чтобъ каждый братъ, въ пустынѣ пребывая,
Свидѣтелемъ имѣлъ одну лишь совѣсть,
А судіей небеснаго Владыку.
Когда же постъ ужъ приходилъ къ концу,
Отшельники, пустыню покидая,
Спѣшили въ скитъ, чтобъ вмѣстѣ свѣтлый праздникъ
По братски всѣмъ, какъ бы въ семействѣ, встрѣтить
И, за рѣку обратно переправясь,
Они въ ночи, въ великую Субботу,
На берегу безмолвные сходились,
И полночи безмолвно ожидали.
И вотъ, среди сей тишины святой,
Вдругъ благовѣстъ знакомый раздавался, —
И всѣ, крестомъ мгновенно осѣнясь,
И засвѣтивъ свѣтильники и свѣчи,
И возгласивъ согласнымъ, громкимъ хоромъ
Пѣснь радости святой: «Христосъ Воскресе»,
Въ свой тихій скитъ торжественно вступали.

Межъ братіей обители святой
Жилъ нѣкогда подвижникъ престарѣлый
По имени Зосима. Съ дѣтскихъ лѣтъ
Онъ съ жизнію монашеской сроднился,

И съ каждымъ днемъ все строже и тяжеле
Онъ на себя обѣты налагалъ;
Но, никогда собою недовольный,
Чѣмъ чище онъ душою становился,
Тѣмъ больше въ ней грѣховъ тяжелыхъ видѣлъ.
И ни въ одномъ отцѣ своемъ духовномъ
Онъ строгости не могъ обрѣсть желанной.
Онъ въ ихъ словахъ всегда какъ будто слышалъ
Своимъ грѣхамъ и немощамъ потворство.
И вспомнилъ онъ о тѣхъ суровыхъ старцахъ,
Которые отъ юношескихъ лѣтъ
Всю жизнь одни въ пустыняхъ обитаютъ,
Питаяся древесною корой,
Иль травами, изсохшими отъ зноя.
И пожелалъ Зосима посѣтить
Далекія безвѣстныя пустыни,
Чтобы узрѣть хоть одного отъ старцевъ,
Исполненныхъ высокой благодати,
И передъ нимъ грѣхи свои излить,
И строгое услышать поученье.
И вотъ, когда насталъ великій постъ,
И иноки пошли обычнымъ чиномъ,
За Іорданъ и разошлись по степи,
Онъ путь избралъ на югъ отъ Палестины
И шелъ впередъ, съ необычайной силой,
Не чувствуя труда и утомленья,
И наконецъ чрезъ двадцать дней пути
Достигъ песковъ пустыни Аравійской.—
Склонялся день ужъ къ вечеру, и старецъ
Обычныя молитвы сталъ творить,
Оборотивъ лице свое къ Востоку, —
И вдругъ предъ нимъ мелькнула чья-то тѣнь;

Невольно онъ назадъ оборотился, —
И передъ нимъ живое существо,
Во образѣ подобномъ человѣку,
Какъ призракъ сна, мелькнуло и исчезло
Среди песковъ равнины безконечной.
И ужасомъ исполнился Зосима —
Могильный хладъ его объялъ и трепетъ
И мысли въ немъ смутились отъ страха;
Но знаменьемъ онъ крестнымъ осѣнился,
И страхъ прошелъ, и мысли прояснились,
И потекли обычною чредой.
Сталъ размышлять онъ о своемъ видѣньи,
И старыми и слабыми очами
Вокругъ себя взиралъ онъ съ напряженьемъ,
И, пристально вглядѣвшись, догадался,
Что передъ нимъ широко простиралось
Русло рѣки, уже давно изсякшей,
Что за его крутой высокій берегъ
Мелькнувшее видѣніе сокрылось.
И, новая внезапная догадка
Въ умѣ его блеснула яркимъ свѣтомъ:
«Здѣсь мужъ святой спасается въ пустынѣ!»
Подумалъ онъ, и быстрыми стопами
Пошелъ туда, гдѣ скрылося винѣнье....
Но вдругъ предъ нимъ раздался чей-то голосъ:
«Не подходи сюда, отецъ Зосима!
Я женщина и нѣтъ на мнѣ одежды.
А въ наготѣ предстать тебѣ стыжуся....
Ужъ сорокъ лѣтъ, какъ я живу въ пустынѣ —
Покровы всѣ давно на мнѣ истлѣли....
Но если ты желаешь осѣнить
Меня своимъ святымъ благословеньемъ

И мудрое сказать мнѣ поученье,
То удѣли мнѣ часть своей одежды,
Чтобъ наготу свою прикрыть могла я....»

И быстро снялъ онъ верхнюю одежду
И далеко отбросилъ предъ собой
И, обративъ опять лицо къ востоку,
Возвелъ свой взоръ на небо съ умиленьемъ
И голосомъ растроганнымъ сказалъ:
«Благословенъ отнынѣ и до вѣка
Всесильный Богъ, творящій чудеса!
Не чудо-ли свершилось предо мною?!...
Сія жена, покинувшая міръ
И сорокъ лѣтъ пребывшая въ пустынѣ,
Узрѣвшая лицо мое впервые,
Зоветъ меня по имени, меня —
Отшельника, незнаемаго міромъ.
И, преклонивъ колѣна предъ Незримымъ
Сталъ возсылать къ Нему молитвы старецъ.
Когда же онъ возсталъ, и обратился
Въ ту сторону, откуда слышалъ голосъ, —
Его очамъ пустынница предстала:
Былъ черенъ, худъ ея печальный ликъ,
Весь опаленъ отъ солнечнаго зноя,
Ея власы, какъ снѣгъ нагорный бѣлы,
Вились до плечъ и пламенныя очи
Свѣтилися наитіемъ небеснымъ.
И передъ ней невольно палъ во прахъ
Святой отецъ благоговѣнья полный....
«Что дѣлаешь!?» воскликнула въ смущеньи
Смиренная отшельница, «возстань!
Ты іерей — тебѣ не подобаетъ

Передъ женой склонять главу святую.»
Тогда сама, склонившись передъ старцемъ
И испросивъ себѣ благословенье,
Она стопы его облобызала.

Утомлены волненьемъ чувствъ и мыслей
И радостью внезапной чудной встрѣчи,
Отшельники возсѣли, и межъ ними
Молчаніе, какъ ангелъ, пронеслось,
И тишиной ихъ души осѣнило.

— «Отецъ святой!» отшельница сказала,
Недолгое молчаніе прервавъ,
«Повѣдай мнѣ, что дѣлается въ мірѣ —
Не терпитъ ли гоненья отъ невѣрныхъ
Вселенская святая церковь наша?
Вездѣ ли миръ? Не посѣтилъ ли землю
Великій гладъ, иль моръ необычайный?
Повѣдай мнѣ о Римѣ и Царьградѣ.
И о царяхъ великихъ православныхъ
Скажи мнѣ вѣсть: — въ согласьи ли и мирѣ
Они живутъ, крѣпка ли ихъ держава,
Покорны ли, счастливы ли народы
И племена, имъ ввѣренныя Богомъ,
И вѣрно ли имъ воинство ихъ служитъ?»
— «Хвала Творцу» отвѣтствовалъ Зосима,
Онъ даровалъ миръ міру; церковь нашу
Онъ сохранилъ отъ распрей и гоненій,
Хранитъ людей отъ глада и заразы,
И отъ войны, — и щедро всѣмъ народамъ
Обиліе плодовъ земныхъ послалъ,
И водворилъ любовь между царями
И укрѣпилъ державу ихъ святую,

И къ ихъ стопамъ повергъ рабовъ крамольныхъ
И всякаго врага и супостата.»

И радостью великой просіяла
Отшельница, и отъ земли возставъ,
Съ молитвою воздѣла руки къ небу,
И принесла Творцу благодаренье
За тишину, дарованную міру.
Когда жъ она молитву совершала
И къ небесамъ душа ея парила,
Ея главу, какъ огненный вѣнецъ,
Чудесное сіянье осѣняло.
И чѣмъ теплѣй была ея молитва
И чѣмъ свѣтлѣй на ликѣ отражался
Ея молитвъ полетъ благоговѣйный
И помыслы высокіе, — тѣмъ ярче
Надъ ней вѣнецъ свѣтился лучезарный.
Но для нее осталось сокровеннымъ
Надъ ней самой свершавшееся чудо:
Его лишь зрѣлъ Зосима, — и въ тотъ мигъ,
Когда она окончила молитву,
Весь трепетомъ объятый, онъ воскликнулъ:

«Великая подвижница, скажи мнѣ
Кто ты? Открой свое святое имя!...
Молю тебя, блаженная, повѣдай
Все житіе безгрѣшное твое —
То житіе, которымъ ты стяжала
Великую Господню благодать,
Себѣ вѣнецъ на небѣ уготовивъ.»

И, съ горестью поникнувъ головой
И опустивъ печально очи долу,

Отшельница отшельнику вѣщала:
— «Напрасно ты зовешь меня безгрѣшной
И мнишь, что я причастна благодати!
Нѣтъ, благодать далеко отъ меня
И не чиста душа моя предъ Богомъ:
Она полна грѣховъ и всякой скверны
И ранами смердящими покрыта....
Отецъ святой! Меня ты вопрошаешь,
Кто я?! О, ты не вѣдаешь, не чуешь,
Какимъ ты злымъ, мучительнымъ вопросомъ
Пронзаешь мнѣ недремлющую совѣсть,
Какимъ стыдомъ мнѣ душу наполняешь!
Я грѣшница великая!... Вѣдь я....
Но какъ тебѣ въ грѣхахъ моихъ признаюсь?...
Лишь вспомню ихъ и падаю я духомъ: —
Раскаянье, и страхъ и омерзѣнье
Мнѣ сердце рвутъ, объемлютъ хладомъ душу,
И женскій стыдъ уста мои смыкаетъ.
Мнѣ житіе тебѣ свое повѣдать?!...
Но повѣсть дѣлъ моихъ и беззаконій
Тебя смутитъ, и осквернитъ твой слухъ
Нечистыми, грѣховными словами,
И заразитъ пустыни чистый воздухъ....
Но я должна излить предъ іереемъ
Мои грѣхи, какъ предъ незримымъ Богомъ....
Уже почти полвѣка протекло,
Какъ ни предъ кѣмъ въ грѣхахъ моихъ ужасныхъ
Я не могла покаяться: никто
Не достигалъ далекой сей пустыни
(Сюда и звѣрь пустынный не заходитъ.)
И нынѣ Богъ сюда тебя привелъ,
Чтобъ исповѣдь свою я совершила.

Узнай же ты, отецъ святой, кто я —
Какая я подвижница святая: —
Я гнусная, презрѣнная блудница!
Моя душа —бездонная пучина
Грѣховъ и золъ, на небо вопіющихъ:
Она сосудъ избранный сатаны,
Исполненный заразою тлетворной!»

Потоки слезъ и громкія рыданья
Прервали рѣчь пустынницы. И пала
Она къ стопамъ священника на землю,
Закрывъ лице дрожащими руками.
Но, слезы самъ обильно проливая,
Съ любовью онъ поднялъ ее отъ праха: —
И, подавивъ въ груди своей волненье,
Она, склонивъ главу свою на длань,
Такъ исповѣдь предъ старцемъ продолжала:
— «Я родилась въ Египтѣ. При крещеньи,
Отецъ и мать, судьбы моей не зная,
Великое мнѣ имя нарекли:
Я назвалась Маріей; имя это,
Быть можетъ, мнѣ покровомъ тайнымъ было, —
Спасло меня отъ гибели конечной. —
О дѣтскихъ дняхъ своихъ я мало знаю;
Но помню я, что даже въ раннемъ дѣтствѣ
Своей красой я восхищала всѣхъ.
И весело, и сладостно мнѣ было,
И дѣтское неопытное сердце
Въ груди моей отъ счастья замирало,
Когда меня прекрасной называли.
И слаще всѣхъ сластей, милѣй нарядовъ,
Пріятнѣе всѣхъ игръ тогда мнѣ были

Хвалы моей тѣлесной красотѣ.
И вотъ, когда я стала взрослой дѣвой,
Моей красой всѣхъ больше восхищался
Одинъ.... его не назову тебѣ....
Ужасно мнѣ о немъ воспоминанье....
Онъ молодъ былъ и одаренъ красой....
И, домъ родной покинувъ для него,
Я тайно съ нимъ ушла въ Александрію.
И въ градѣ томъ богатомъ, шумномъ, пышномъ,
Прославленномъ, какъ новый Вавилонъ —
Въ семъ скопищѣ соблазновъ и разврата,
Паденіе свершилося мое.
Растлѣнная и плотію и духомъ,
Изъ существа съ безсмертною душой
Я стала вся одной ходячей плотью:
Однажды честь утративъ, вмѣстѣ съ нею
Утратила я все — и стыдъ и совѣсть,
И разумъ мой какъ будто помрачился —
Я бросила для новыхъ наслажденій
Виновника паденья моего,
Пресыщена его любовью вскорѣ,
И, въ бѣшеномъ какомъ-то сладострастьи,
Для всѣхъ мои объятья открывала,
Всѣхъ тѣшила позорною любовью, —
И въ мерзости разврата потонула.

Но можетъ быть, ты думаешь, что я,
Прельщенная корыстію богатой,
Иль стѣснена жестокой нищетой,
Свою красу за злато продавала.
Нѣтъ, не корысть, не злато, не дары
Меня влекли въ пучину дѣлъ позорныхъ.

Меня влекла моя лишь злая воля: —
Свирѣпый огнь желаній ненасытныхъ
Всю плоть мою всечасно пожиралъ —
По жиламъ текъ ядъ нѣги любострастной
И голова кружилась въ сладкихъ грезахъ....
Когда теперь невольно вспоминаю
О прошлыхъ дняхъ, о дняхъ позорной жизни,
Меня томитъ и страхъ и отвращенье;
Тогда жъ.... тогда, увы, мнѣ представлялось,
Что слаще нѣтъ моей веселой доли: —
Вокругъ меня все юноши толпились,
Вино лилось, гремѣли смѣхъ и пѣсни
И шумная бесѣда ликовала,
И льстивыя и вкрадчивыя рѣчи
Ко мнѣ неслись, и будто сладкій запахъ
Снотворныхъ травъ, мнѣ разумъ усыпляли,
И страстные въ меня впивались взоры
И страстію мнѣ сердце воспаляли.

Такъ много лѣтъ ужасныхъ прожила я
Какъ будто бы въ недугѣ, иль во снѣ,
Забывши все — отца и мать и Бога, —
И всей душой въ грѣхахъ окаменѣла.

Однажды шла я берегомъ рѣки
И съ юношей знакомымъ повстрѣчалась.
— «Куда спѣшишь?» его я вопросила.
— «Нѣтъ времени мнѣ говорить съ тобой!»
Въ смущеньи онъ сурово мнѣ отвѣтилъ,
И снова въ путь направиться хотѣлъ,
Но я его схватила за одежду
И свой вопросъ упорно повторяла.

— «Я на корабль спѣшу, сказалъ онъ строго.
«Меня тамъ ждутъ давно ужъ богомольцы:
Въ Ерусалимъ я съ ними отправляюсь
Къ святому дню воздвиженья Креста....
Желаемъ мы святынѣ поклониться....»
— «И я съ тобой отправлюсь на корабль»
Воскликнула я съ дерзостью безстыдной.
— «Иди, когда съ тобою деньги есть:
Безъ нихъ тебя не приметъ корабельщикъ.»
Отвѣтилъ онъ.

— «Нѣтъ денегъ у меня,
Но красоты и ласкъ горячихъ много!...
И красотой и ласками моими
Я заплачу за мѣсто въ кораблѣ!»
Сказала я, и хохотомъ бѣсовскимъ
Какъ въ бѣшенствѣ, весь берегъ огласила.

И на корабль я, грѣшница, взошла
И въ путь святой отправиться дерзнула, —
И кроткій миръ благочестивыхъ душъ,
Стремившихся на подвигъ благочестья,
Какъ дьявола посланница, смутила.
О, какъ меня не пожрала пучина: —
Двухъ юношей стыдливыхъ, нѣжныхъ, чистыхъ
Я ласками моими обольстила.
Но благости Господней нѣтъ предѣла, —
Морская хлябь подъ нами не разверзлась,
Небесный громъ меня не поразилъ:
Надъ грѣшницей безоблачно сіялъ
Небесный сводъ, спокойно было море, —
И мы свой путь свершили безопасно

Когда насталъ святой великій праздникъ
И въ Божій храмъ пошли всѣ богомольцы,
И я пошла вослѣдъ толпы усердной.
Всѣ въ храмъ вошли; когда же я хотѣла
Переступить черезъ порогъ церковный,
Вдругъ нѣкая невидимая сила
Меня назадъ отъ церкви оттолкнула.
Смутилась я, и лишь опять къ порогу
Приблизилась, — то снова та же сила
Отбросила меня; я содрогнулась,
И у дверей церковныхъ отворенныхъ
Въ раздумiи я долго оставалась.
А между тѣмъ торжественные лики
Такъ радостно во храмѣ раздавались
И вся толпа въ глубокомъ умиленьи,
Сливаяся сердцами предъ Всевышнимъ
Въ единую духовную семью,
Къ нему мольбы усердно возсылала.
И стало мнѣ и больно и прискорбно,
Что лишена я радости духовной —
Великій день со всѣми вмѣстѣ встрѣтить,
И ко кресту честному приложиться,
И страшная снѣдающая мысль
Въ умѣ моемъ внезапно промелькнула:
Я поняла, чьей силою незримой
Въ святыню входъ мнѣ грозно возбраненъ.
«Ужели я, себя я вопросила —
Отлучена невидимою властью —
Самимъ Христомъ отъ церкви Христiанской!
И въ тотъ же мигъ я бросилася въ храмъ,
Но между мной и Божьею святыней
Незыблемой твердынею стояла

Незримая воздушная стѣна.
Объятая отчаяньемъ и страхомъ
Невольно я воскликнула: «О Боже!
За что же я отлучена отъ церкви?...
За что, за что?» И вдругъ внезапнымъ свѣтомъ,
Какъ молніей мнѣ разумъ озарило: —
Я вспомнила, кто я, и тутъ впервые
Измѣрила грѣховъ моихъ пучину, —
И свѣтъ дневной въ глазахъ моихъ затмился,
И пала я въ безпамятствѣ на землю;
Когда же я очнулась, и возстала
И возвести хотѣла къ небу взоры, —
Моимъ очамъ предсталъ впервые образъ,
Написанный надъ дверію церковной.
Тотъ образъ былъ ликъ Дѣвы Пресвятой,
Сіяющій красою непорочной, —
И стыдъ меня объялъ, и не могла
Я грѣшница взирать на Приснодѣву —
Я не могла снести Ея очей,
И пала ницъ и съ воплемъ къ Ней взывала:
«Владычица! Не отвергай меня!
О, знаю я, Тебѣ, Пречистой Дѣвѣ
Ужасенъ видъ блудницы окаянной,
И, по грѣхамъ моимъ, я недостойна
Войти въ Твой храмъ!... Но милосерда Ты!
Ты очи мнѣ рукой Своей отверзла,
Да узрю я души моей всѣ раны,
И возгорю раскаянья огнемъ —
Простри же Ты опять Свою десницу
И до конца явися милосерда —
Отверзи мнѣ и дверь Своей святыни,
Да не впаду въ отчаянье навѣки.

Клянусь Тебѣ: отъ нынѣшняго дня
Покину я всѣ прелести мірскія —
Я разорву всѣ мерзостныя путы
Грѣховъ моихъ, осѣвшихъ мнѣ душу,
И соберу всѣ силы, и воспряну
Изъ тины золъ душею обновленной!»

И, вѣрою въ душѣ воспламенясь,
Почуяла я силу, мощь и крѣпость
На подвиги великіе, и въ сердцѣ
Готовая на брань хоть съ цѣлымъ міромъ,
Я поднялась съ колѣнъ безстрашно, бодро,
И въ Божій храмъ вступила невозбранно,
И полились изъ глазъ моихъ вдругъ слезы
Горячія, отрадныя для сердца,
И все лились, лились неудержимо —
И мнилось мнѣ тогда, что будто сердце
Все таяло слезами, какъ елеемъ.
И снова павъ на землю долго, жарко
Молилась я Заступницѣ моей.
И такъ предъ Ней я душу изливала:

«Пречистая! Чѣмъ я воздамъ Тебѣ
За милость, мнѣ ниспосланную Богомъ!?
Предстательство великое Твое
Смягчило гнѣвъ небесный, правосудный: —
Ты за меня поручницей предстала
Предъ Господомъ. Въ твоемъ пречистомъ сердцѣ
Святой любви неистощимый кладезь: —
Гдѣ на землѣ могла бъ найтиться дѣва,
Которая не отвратила бъ взоры,
Узрѣвъ, какъ Ты, всю глубь моей души?

Но Ты Свой ликъ святой не отвратила
Отъ грѣшницы — не погнушалась мной —
Сама ко мнѣ простерла нѣжно руки,
И подняла отъ сиряднаго одра
Ужаснаго, позорнаго недуга.»

Лишь отошла во храмѣ литургія
И крестъ честной мы всѣ облобызали,
Я скрылася отъ спутниковъ моихъ,
Изъ города поспѣшно удалилась
И притекла на берегъ Іордана,
И тамъ въ струяхъ священныхъ, благодатныхъ,
Омыла я лице свое и руки,
И въ путь пошла, и шла и днемъ и ночью,
И наконецъ пришла въ сію пустыню.
И вотъ почти полвѣка прожила я
Здѣсь посреди степей безплодныхъ, знойныхъ,
И голоса людскаго не слыхала.
Но не одна я здѣсь жила: за мною
Сюда пришли украдкою и страсти,
И съ ними я, какъ съ дикими звѣрями
Боролася, въ борьбѣ изнемогая.
Да! Здѣсь опять проснулися во мнѣ
Безумныя, мучительныя страсти:
Подавлены раскаянья порывомъ,
Онѣ опять воспрянули, когда
Остылъ во мнѣ пылъ первый покаянья.
Во мнѣ опять желанья возгорѣлись,
Томилась я тоской по прежней жизни,
Грѣхи мои мнѣ снова стали милы,
И каждый мигъ готова я была
Вновь пасть душой и къ міру возвратиться.

Но ты меня десницею своей;
Заступница моя, Ты удержала,
Да клятвы я своей не преступлю : —
Когда меня одолѣвали страсти,
Я къ небесамъ молитвы возсылала,
И утихалъ во мнѣ грѣховный пламень,
И посреди молитвы не дерзали
Въ меня войти земныя искушенья.
И стала я молиться цѣлый день, —
И цѣлый день ко мнѣ не приближался
Злой духъ; когда-жъ на землю ночь сходила,
И, утомясь, я сномъ позабывалась, —
Мнѣ снилися горячія лобзанья,
Мнѣ слышался звукъ пѣсенъ любострастныхъ,
И буйный смѣхъ, и вкрадчивыя рѣчи.
И стала я бороться и со сномъ,
И по ночамъ молилась непрестанно.
И не спала я много, много дней
И еслибъ я число тебѣ сказала
Моихъ ночей безсонныхъ, — ты-бъ подумалъ,
Что я иль лгу, иль разума лишилась....
И наконецъ въ себѣ я умертвила
Плотской любви порывы и влеченья;
Тогда меня соблазнами иными
Сталъ міръ манить, — и вспоминать я стала,
Питаяся кореньями растеній,
Про сладкія и яства и напитки,
И, на пескѣ и камняхъ засыпая,
Я думала о мягкомъ изголовьи —
Пуховое я ложе вспоминала,
И сладкій сонъ въ прохладѣ и покоѣ.
Но годы шли, и эти всѣ желанья

Пустынная природа умертвила: —
Когда трава и воды дождевыя,
И корни травъ отъ зноя высыхали —
Познала я тотъ голодъ и ту жажду,
Которыхъ тамъ — въ міру никто не знаетъ;
Когда-жъ меня, лишенную покрововъ,
Жегъ лѣтній зной, какъ уголь раскаленный,
Иль зимній хладъ мнѣ члены леденилъ,
Или когда, вся скована недугомъ,
Лежала я безъ силъ и безъ движенья,
И стан мухъ, нахлынувъ черной тучей,
Милльйонами голодныхъ острыхъ жалъ,
Сосали кровь мою до пресыщенья,
И струпьями все тѣло покрывали: —
Тогда, тогда забыла я навѣки
Про сладкій сонъ на мягкомъ, чистомъ ложѣ,
Забыла вкусъ сластей, и яствъ, и брашенъ!
Постигла я тщету мірскихъ желаній,
Узнала я, какъ мало нужно людямъ
Здѣсь на землѣ, для счастья и покоя:
Благодарить Творца я научилась
За всякій даръ: за каплю дождевую,
Смѣчившую уста мои, въ часъ жажды,
За облачко, наплывшее на солнце,
И тѣнію прохладной на мгновенье
Смягчившее зной полдня нестерпимый.
И наконецъ одно лишь искушенье
Осталось мнѣ, — тоска меня томила
Жить здѣсь одной: хотѣлось мнѣ увидѣть
Хотя одно живое существо —
Хоть птицу, мышь, иль дикую пчелу,
Но двадцать лѣтъ прошло, иль даже болѣ

Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь лишь вѣтеръ пробѣгаетъ
И движится лишь пыль среди равнины.
И вотъ теперь—когда уже полвѣка
Я прожила одна среди степей —
Теперь я вся душой переродилась:
Міръ пересталъ къ себѣ меня манить, —
И я свою пустыню полюбила.
Ахъ, хороша, отецъ святой, пустыня!
Широко здѣсь раскинулося небо,
И хорошо, привольно здѣсь молиться!
О, если бы не память о грѣхахъ,
Меня бы здѣсь ничто не волновало —
Я счастлива была бы, какъ въ раю;
Но надъ душей моею тяготѣетъ
Жизнь юныхъ лѣтъ: ее ужъ не измѣнишь
И не сотрешь изъ той небесной книги,
Гдѣ вписаны всѣ мысли и дѣла,
Въ которыхъ мы дадимъ отвѣтъ въ день судный.
Отецъ святой! Скажи, въ твоей ли власти
Мнѣ разрѣшить тѣ тяжкіе грѣхи,
Которыми я душу осквернила,
Отпустишь ли мнѣ ихъ, иль къ мукѣ вѣчной
Осуждена я властію небесной?»
— «Блаженная, воскликнулъ со слезами
Святой отецъ — «и послѣ всѣхъ страданій
И подвиговъ душевныхъ и тѣлесныхъ,
Ты о грѣхахъ своихъ воспоминаешь!
Твои грѣхи отпущены давно,
И знаю я, что благодать Господня
Живетъ съ тобой, незримо для тебя.
Не помнитъ зла нашъ Всеблагій Владыка —
Прощаетъ онъ и то, чего во вѣки

Здѣсь не проститъ грѣховный судъ людской....
Нѣтъ, не впадай въ унынiе Марiя,
Но радостью возвеселися въ сердцѣ —
Господь теперь избралъ тебя сосудомъ
Своихъ чудесъ, чтобъ показать всѣмъ людямъ
Раскаянья Божественную силу, —
Чтобъ грѣшники въ унынiе не впали,
Но узрѣли, какъ Онъ своей десницей
Изъ грѣшницы великой, закоснѣлой
Подвижницу великую содѣлалъ —
Какъ смрадное, зловредное болото,
Кипящее стадами гадъ нечистыхъ,
Онъ превратилъ въ безцѣнный алавастръ,
Наполненный елеемъ благовоннымъ!
Великъ, великъ, стократъ великъ твой подвигъ!
Блаженная завидую тебѣ: —
Рожденная съ великими страстями,
Ты ихъ въ борьбѣ упорной побѣдила,
По манiю великаго Стратига.
А я всю жизнь страстей незнавшiй бурныхъ,
И съ дѣтскихъ лѣтъ въ монастырѣ возросшiй
Всю жизнь свою не въ силахъ былъ исторгнуть
И тѣхъ страстей немногихъ, мелкихъ, слабыхъ,
Которыя въ душѣ моей таятся!

«Прощай! Иду, чтобъ мiру возвѣстить
О томъ, что я здѣсь видѣлъ и что слышалъ,
Да славится Господь въ своихъ святыхъ!»
— «Нѣтъ, нѣтъ! Молю тебя отецъ Зосима —
Не говори, покуда я жива,
Ты обо мнѣ — пусть мiръ меня не знаетъ!
Прощай!... Но вотъ еще къ тебѣ моленье:

Когда опять въ пустыню ты пойдешь,
Приди опять сюда — на это мѣсто
И принеси съ собой дары святые:
Ты исповѣдь мою сегодня принялъ,
Тогда же Тайнъ Христовыхъ причастишь
Меня, давно алкавшую сей пищи.

Промчался годъ, и вновь пришелъ Зосима
Къ отшельницѣ въ далекую пустыню,
И Тайнъ ее небесныхъ пріобщилъ,
И, таинство святое совершивши,
Съ причастницей бесѣду онъ повелъ:
«Какъ для тебя сей годъ протекъ, Марія,»
Онъ вопросилъ, «спокойна ли ты духомъ?...
Какіе ты труды еще подъяла
И подвиги какіе совершила?»
— «Сей годъ протекъ свѣтло и безмятежно,
Отшельнику Марія отвѣчала.
Спокойна я; грѣхи мнѣ отпустилъ ты
И за себя молюсь теперь я мало;
Молюся я о женахъ тѣхъ и дѣвахъ,
Которыя, какъ я, въ младыя лѣта,
Во власть страстей постыдныхъ предалися —
Молю Творца, да прозрятъ и онѣ
Во мглѣ души, какъ я тогда прозрѣла!»

Умолкнула Марія, и во взорахъ
Глубокая, таинственная дума,
Какъ облако прекрасное, мелькнула.
И, снова рѣчь къ Зосимѣ обращая,
Пустынница сказала: «На прощанье
Еще съ мольбой къ тебѣ я прибѣгаю:

Когда опять отправишься молиться,
Прошу тебя — приди въ сію пустыню —
Твоя опять нужна мнѣ будетъ помощь.»

И годъ еще свершилъ свое теченье —
И вновь пришелъ Зосима въ ту пустыню,
Гдѣ въ первый разъ съ Маріей повстрѣчался,
И долго ждалъ ее на томъ онъ мѣстѣ,
Гдѣ съ нимъ она впервые говорила;
Прошли часы въ безплодномъ ожиданьи.
И размышлялъ Зосима долго, долго,
Что сталося съ Маріей, гдѣ она,
И наконецъ какая-то тревога
Его умомъ и сердцемъ овладѣла,
И онъ пошелъ искать ее по степи.
И вскорѣ онъ увидѣлъ съ изумленьемъ
Пустынницу, лежащую вдали.
И подошелъ онъ тихими стопами
Къ святой женѣ, но не обрѣлъ ее:
Ея душа ужъ разлучилась съ тѣломъ....
Но свѣтелъ былъ ея спокойный ликъ
И дивною сіялъ онъ красотою;
Небесною улыбкой озаренный,
Казался онъ живымъ, — и думалъ старецъ,
Что сномъ земнымъ покоится Марія.
Уже хотѣлъ онъ отойти отъ спящей,
Чтобы покой ея не потревожить,
Но на пескѣ близъ головы Маріи
Примѣтилъ онъ какія-то слова —
И было то послѣднее желанье
Отшельницы: «Честнѣйшій іерей!»
Она къ отцу духовному писала,

«Молю тебя (молю въ послѣдній разъ)
«Предай мой прахъ честному погребенью —
«Зарой его въ томъ мѣстѣ благодатномъ,
«На коемъ ты грѣхи мнѣ отпустилъ!»

И залился слезами добрый старецъ,
Предсмертное писанье прочитавъ,
Но вспомнивъ долгъ священный іерея,
Онъ сталъ творить молитвы надъ усопшей,
И, отслуживъ усердно панихиду,
Хотѣлъ копать могилу, но не могъ:
Была тверда какъ камень, иль желѣзо
Для рукъ его, давно ужъ одряхлѣвшихъ,
Суровая, нетронутая почва.
И зарыдалъ Зосима горько, горько:
«Прости меня — услышь мой плачъ и вопли,
Небесная великая душа!»
Воскликнулъ онъ — «пусть будетъ Богъ свидѣтель,
Что я желалъ, что я желалъ всѣмъ сердцемъ
Послѣднюю твою исполнить волю,
Но видно Онъ меня не допустилъ!...
И чувствую я самъ, что недостоинъ
Предать землѣ безцѣнные останки
Святой жены, избранницы небесъ!»
И, поклонясь въ послѣдній разъ усопшей,
Въ обратный путь хотѣлъ идти Зосима,
Но вдругъ вдали онъ облако примѣтилъ:
Оно неслось, какъ вихрь, все ближе, ближе
И наконецъ онъ ясно различилъ,
Что это пыль клубилась по пустынѣ,
И средь нее стремился въ быстромъ бѣгѣ
Огромный левъ.... и старецъ ужаснулся.

И смертный часъ уже готовъ былъ встрѣтить;
Но грозный звѣрь, приблизившись къ Маріи,
Склонился къ ней, какъ вѣрный песъ домовый,
И съ кротостью стопы ея лизалъ,
И подошелъ ласкаяся къ Зосимѣ.
— «Вотъ новое божественное чудо!
Недаромъ левъ притекъ въ сію пустыню,
Куда и вранъ не залеталъ отъ вѣка,
Нѣтъ, это Богъ могильщика послалъ!»
Сказалъ старикъ — и левъ какъ будто понялъ
Его слова,—и острыми когтями
Онъ выкопалъ глубокую могилу
На мѣстѣ томъ, гдѣ схоронить свой прахъ
Блаженная Марія завѣщала.
Тогда поднявъ съ земли ея останки
(Они легки, какъ трупъ младенца, были)
Съ молитвою ихъ въ землю опустилъ
Святой отецъ, и дланію дрожащей
Онъ горсть земли на нихъ въ могилу бросилъ,
А чудный левъ могилу закопалъ,
И снова въ степь помчался, и мгновенно
Исчезъ въ пыли, какъ въ облакѣ летучемъ.

И возвратясь въ свой скитъ, святой отшельникъ,
Въ великій день святой Христовой Пасхи,
За трапезой всей братіи повѣдалъ
О житіи и чудесахъ Маріи.
И съ береговъ пустынныхъ Іордана
Изъ древнихъ стѣнъ обители убогой
Черезъ моря, и степи, и вѣка
Преданіе о подвигахъ Маріи
Дошло до насъ, намъ грѣшнымъ въ поученье.

XIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ: КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

ИЗЪ ПОЭМЫ: КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

(Посвящается М. П. Погодину).

I.

Взволновался сто́льный городъ Кіевъ,
Весь народъ повысыпалъ на стогны:
Бирячи *) стоятъ на перекресткахъ —
Кличутъ кличъ, по княжему велѣнью:
Повелѣлъ де нынѣ князь великій,
Стольный князь Владиміръ Святославичъ
Городскимъ всѣмъ старцамъ и боярамъ,
Горожанамъ кіевскимъ и гостямъ
И инымъ честны́мъ и вольнымъ людямъ
Предъ дворомъ теремнымъ собираться
Вкругъ холма, гдѣ страшному Перуну
Истуканъ поставленъ среброглавый
И метать тамъ же́ребій всѣмъ міромъ
И кому бы же́ребій ни выпалъ,
Быть тому заколоту жрецами

*) Герольды, глашатаи, вѣстники.

На потребу грозному Перуну,
Да насытясь крови человѣчей,
Будетъ добръ онъ къ князю и дружинѣ
И ко всей землѣ великой русской.

Собрался предъ княжій дворъ теремный
Весь народъ вокругъ бояръ и старцевъ
И метать сталъ жеребій всѣмъ міромъ
И палъ жеребій на отрока Варяга
(Тотъ Варягъ былъ вѣры христіанской).
И къ отцу его послали старцы
Трехъ мужей, чтобъ выдалъ онъ имъ сына
И пришли тѣ мужи въ домъ Варяга
И такую рѣчь къ нему держали:
«Насъ къ тебѣ прислали старцы наши,
И бояре княжіи, и гридни,
И весь міръ честной тебѣ повѣдать,
Что Перунъ и съ нимъ всѣ боги наши
Заколоть намъ нынѣ указали
Отроча твое себѣ въ потребу.»

Отвѣчалъ на рѣчь ихъ христіанинъ:
«Не отдамъ вамъ дѣтища роднаго,
Не отдамъ его вамъ на закланье,
Не предамъ бѣсамъ на поруганье!
Я богамъ не кланяюся вашимъ:
Ваши боги дерево простое —
Ничего не видятъ и не слышатъ
И рѣчей людскихъ не разумѣютъ.
Не отдамъ имъ отрока на жертву,
Не отдамъ — такъ и скажите старцамъ
И всему народу повѣстите.»

И пришли назадъ на холмъ Перуновъ
Посланцы́ съ отвѣтомъ отъ Варяга;
Тотъ отвѣтъ услышавъ, лютой злобой
Словно звѣрь, народъ весь распалился,
Завопилъ и въ слѣдъ жрецамъ и старцамъ
Къ воротàмъ Варяга повалилъ онъ.
А Варягъ, заслыша крикъ народа,
Затворилъ тесовыя ворота
И засовомъ крѣпкимъ ихъ задвинулъ.
Сотворилъ онъ знаменіе крѣстно,
Осѣнилъ крестомъ и обнялъ сына
И поднялся, молча, съ нимъ на вышку,
Что̀ была падъ кровлею теремной.

Привалилъ народъ къ двору Варяга;
Лишь его на вышкѣ онъ завидѣлъ,
Пущей злобой въ сердцѣ распалился
И за разъ ему всѣмъ міромъ грянулъ:
«Выходи, ругатель окаянный,
Выходи на сходку передъ міромъ!
Покорись богамъ и волѣ княжей,
Покорись — самъ отрока намъ выдай,
А не то возьмемъ его мы силой:
Весь твой дворъ размечемъ по тесницѣ
И тебя заколемъ вмѣстѣ съ сыномъ.»

Отвѣчалъ народу христіанинъ:
«Я боговъ не знаю вашихъ, братья;
Какъ же имъ могу я покориться?!
Богъ единъ — Онъ создалъ небо, землю;
Сотворилъ — Онъ мѣсяцъ, солнце, звѣзды,
Сотворилъ изъ персти человѣка

И вдохнулъ въ него живую душу.
А что̀ вамъ сосдали ваши боги?
Ничего. Вѣдь боги ваши сами
Созданы̀ всѣ вашими руками.
Что̀ они? поваленное древо!...
Въ слѣпотѣ своей вы мните, братья,
Что себѣ въ угоду боги ваши
Проливать велятъ вамъ кровь людскую.
Хороши жъ по правдѣ ваши боги,
Коли крови жаждутъ неповинной.
Не таковъ Богъ истинный, единый —
Тотъ, кому мы молимся и служимъ:
Онъ есть благъ, незлобивъ, кротокъ сердцемъ —
Онъ не жаждетъ, братья, нашей крови
И за насъ — любви насъ научая —
Самъ онъ кровь свою святую пролилъ,
Самъ терпѣлъ страданіе и муки,
Чтобъ спасти отъ муки насъ и смерти.
Коли вправду боги ваши боги,
А не пни бездушные во златѣ, —
Такъ пускай придутъ на дворъ мой сами
И изъ рукъ моихъ пусть силой вырвутъ
И пожрутъ мое родное чадо.»

Не стерпѣлъ народъ разсвирепѣлый,
Не стерпѣлъ боговъ онъ поруганье,
Разметалъ, разнесъ заборъ тесовый,
И къ хоромамъ бросился онъ съ воплемъ
Застучали ломы съ топорами,
Затряслись сосновыя хоромы,
Затряслись хоромы, пошатнулись....
Сотворилъ молитву Христіанинъ,

Осѣнилъ крестомъ себя трикраты,
Осѣнилъ крестомъ трикраты сына
И къ груди своей широкой крѣпко
Дорогое дѣтище прижалъ онъ....
Затряслись опять подъ нимъ хоромы
Затряслись, шатнулись, затрещали
И, качаясь, рухнули на землю.
И горой тяжелой на Варяговъ
Груда бревенъ съ трескомъ повалилась.
И народъ, какъ словно опьянѣлый,
Зовопилъ отъ радости безумной,
Завопилъ и съ хохотомъ и бранью
Принялся разметывать онъ бревна.
Разметалъ и видитъ онъ два тѣла —
Сынъ съ отцомъ; лежатъ они обнявшись —
Крѣпко сынъ къ груди отца прижался,
И сплелись и замерли ихъ руки,
И уста къ устамъ прильнули крѣпко.
И замолкъ народъ и утишился,
Словно вдругъ очнулся онъ отъ хмѣля,
Отошелъ онъ молча отъ Варяговъ —
По домамъ въ раздумьѣ разошелся.

Той порой изъ терема украдкой,
У окна у створчатаго сидя,
Видѣлъ все, взирая зоркимъ окомъ,
Слышалъ все, внимая чуткимъ слухомъ,
Стольный князь Владиміръ Святославичъ.
И тоской назойливою дума
Той порой запала въ душу князя.

II.

Не туманъ, не туча громовая
Божій свѣтъ надъ Кіевомъ затмила,
Не зашло за тучу солнце красно,
Не сошла, по Божьему велѣнью,
Середь дня на землю тьма ночная:
То въ умѣ задумалъ крѣпку думу
Стольный князь Владиміръ Святославичъ.
Опустилъ онъ въ землю очи ясны,
На груди скрестилъ могучи руки
И нахмурилъ грозно черны брови;
Ходитъ онъ одинъ по свѣтлой гриднѣ —
Мраченъ онъ, какъ туча передъ громомъ.
Пріуныли всѣ, на князя глядя:
Пріуныли гридни и бояре,
Пріуныла вѣрная дружина,
Пріунылъ, притихъ народъ на стогнахъ,
Пріунылъ весь стольный городъ Кіевъ,
Про печаль про княжую прослышавъ.

Ужъ заря вечерняя потухла,
Всплылъ давно на небо мѣсяцъ ясный,
Вкругъ него заискрилися звѣзды,
Разбрелся давно народъ со стогонъ
По дворамъ; а стольный князь Владиміръ
Съ бѣла дня вплоть до ночи по гриднѣ
Взадъ впередъ унылъ и мраченъ бродитъ
Все нейдетъ съ ума тяжела дума,
Все тоска томитъ и давитъ сердце.

Вотъ пришелъ часъ вечери обычной:
Накрываютъ въ гриднѣ столъ дубовый,
Ставятъ яства всякія и сласти,
Ставятъ жбаны съ медомъ искрометнымъ,
Съ зеленымъ виномъ и брагой хмѣльной.
Столъ накрытъ, приходятъ къ князю гости —
Удалые храбрые бояре,
Все его товарищи и други
На пиру честномъ и въ полѣ ратномъ.
Сѣлъ за столъ Владиміръ-Красно Солнце,
Сѣла съ нимъ и вѣрная дружина,
И пошло честное столованье:
Рушатъ хлѣбъ, разноситъ челядь яства,
Пѣнитъ кравчій чашу круговую.
Да не къ часу, видно, пиръ затѣянъ:
Не ѣдятъ, не пьютъ за пиромъ гости,
Пріуныли витязи, бояре —
Не идутъ имъ въ душу яства сладки,
Не гуляетъ чаша круговая
По рукамъ, подъ говоръ рѣчи шумной;
Не слыхать раздольныхъ, дружныхъ пѣсенъ,
Не слыхать разсказовъ богатырскихъ,
Не слыхать ни присказокъ, ни сказокъ,
Ни веселыхъ бойкихъ прибаутокъ,
Ни мудреныхъ притчей и загадокъ.
Да и какъ гостямъ справлять веселье,
Коль не пьетъ, не ѣстъ, не молвитъ слова
И сидитъ въ кручинѣ самъ хозяинъ —
Стольный князь Владиміръ-Красно Солнце.
Помолчали, головы понуривъ,
Помолчали гости, — и украдкой
Межъ собой они переглянулись

И на стараго боярина сѣдаго,
Что во всѣхъ и битвахъ и походахъ
Былъ у князя набольшимъ въ дружинѣ,
Изъ подлобья пристально взглянули.
Домекнулся старый, догадался,
Со скамьи дубовой поднимался,
Подходилъ къ хозяину съ поклономъ
И такое слово молвилъ князю:
«Ой ты гой еси, нашъ князь великій,
Стольный князь Владиміръ Святославичъ!
Ты повѣдай намъ — своей дружинѣ,
Ты скажи своимъ усерднымъ слугамъ,
Отчего ты невеселъ сегодня?
Ты повѣдай намъ, что за кручина
И печаль тебѣ запала въ сердце?
Коли чѣмъ тебя мы прогнѣвили, —
Такъ скажи — вели и чѣмъ захочешь
Мы тебѣ вину заслужимъ нашу.
Коли ты походъ опять затѣялъ, —
Такъ о чемъ кручиниться и думать?!
Кликни кличъ, — и Русь вся встрепенется
И быстрѣе стаи соколиной
Подъ твои прославленные стяги
Соберутся храбрыя дружины,
И помчатся дружно буйнымъ вихремъ
За тобой, и лютою грозою
На враговъ ударятъ непокорныхъ.
А коли не гнѣвъ и не забота,
У тебя запала въ ретивое
А томитъ, щемитъ его зазноба
По красной дѣвицѣ ненаглядной,
Такъ мигни лишь глазомъ, — и дѣвица
Предъ твои предстанетъ ясны очи:

Будь она хоть въ тридевятомъ царствѣ,
Во невѣдомомъ далекомъ государствѣ
Злымъ волхвомъ иль вѣдьмой лиходѣйкой
Глубоко на днѣ морскомъ сокрыта, —
Мы за ней на край на самый свѣта,
Чрезъ лѣса дремучіе и горы
Черезъ топкія болота и трясины
На коняхъ дружиной всей помчимся
И ее на днѣ морскомъ отыщемъ
И примчимъ къ тебѣ, въ твой теремъ свѣтлый.»

Такъ сказалъ Владиміру бояринъ.
Рѣчь его дослушавъ, поднялъ очи
И вздохнулъ великій князь Владиміръ
И, вздохнувъ, такое слово молвилъ:
«Не тоска, не сладкая зазноба
По младой душѣ-дѣвицѣ красной
Мнѣ щемитъ и давитъ ретивое;
На своемъ вѣку я много видѣлъ
Красоты дѣвичей и досыта
Усладилъ я сердце женской лаской.
И теперь и въ Кіевѣ и въ селахъ
Терема мои полны, какъ улей,
Молодыхъ красавицъ бѣлолицыхъ,
Да мое онѣ не тѣшатъ сердце:
Опостылѣли мнѣ взгляды ихъ и ласки
И прискучили мнѣ пѣсни ихъ и рѣчи. —
На войну я, други, не сбираюсь:
На кого мнѣ съ вами ополчаться?
На кого точить мечи и копья?
Отъ великаго Новгорода и Пскова
До конца земли Тмутараканской

Наша Русь въ моей единой власти;
А мои сосѣди—Греки, Ляхи
Миръ со мной донынѣ держатъ крѣпко;
Смирены Казары и Косоги
И давно злодѣи Печенѣги
Нашихъ селъ не грабятъ прирубежныхъ;
Миръ и тишь во всей Руси пространной,
Миръ и тишь окрестъ земли всей нашей,—
На кого жъ въ походъ я соберуся?
Мнѣ не нужно дани и добычи:
Много мы всего себѣ добыли
Изъ земель чужихъ мечемъ булатнымъ—
У меня казна полна и злата
И сребра; полны мои всѣ клѣти
И мѣховъ и тканей многоцѣнныхъ.
Вашей службой вѣрной я доволенъ....
Да и всѣмъ доволенъ я бояре,
Лишь однимъ я, други, недоволенъ:
Недоволенъ — вамъ скажу по сердцу —
Нашей вѣрой, вѣрою неправой.
Слышалъ всякъ, какое слово молвилъ
Про боговъ отецъ того Варяга,
Что богамъ на жертву обрекли вы.
Молвилъ намъ онъ истинную правду:
Наши боги нашихъ рукъ творенье....
Не хочу имъ больше покланяться,
Не хочу ихъ чествовать дарами,
Не хочу бездушнымъ истуканамъ
Приносить живыхъ людей на жертву.
Я хочу найти другую вѣру,
Чтобъ была та истинная вѣра;
Я хочу служить такому богу,
Что не созданъ нашими руками.»

Такъ сказалъ великій князь Владиміръ
На пиру честномъ своей дружинѣ,
Да не можетъ втунѣ молвить слово
Русскій князь: его велико слово —
Далекó оно по бѣлу свѣту
Далекó пройдетъ и разнесется:
Въ четырехъ стѣнахъ нашъ князь великій
Проронилъ между друзьями слово
Супротивъ своей неправой вѣры,
А пошло то княжеское слово,
Понеслось стрѣлой по свѣту Божью: —
Пронеслось то слово за Карпаты,
Отдалось то слово въ Цареградѣ,
Отдалось въ великомъ градѣ Римѣ,
Отдалось за Волгою и Камой —
Пронеслось то слово, прокатилось,
Словно громъ небесный, надъ землею:
Встрепенулись Греки въ Цареградѣ;
Встрепенулись всѣ монахи въ Римѣ
И шептаться стали межь собою;
Всполошились Камскіе Болгары
И Жиды повсюду вскопошились,
Вскопошились, уши навострили.
Всюду слухъ пронесся всѣмъ желанный:
Русскій князь мѣнять задумалъ вѣру.

III.

Вотъ пришли къ Владиміру Болгары —
Говорятъ: Уменъ ты князь великій:
Дѣло ты хорошее затѣялъ,

Что боговъ своихъ оставить хочешь.
Такъ прими отъ насъ ты нашу вѣру.
Какъ одной съ тобой мы будемъ вѣры,
Будемъ жить съ тобою вѣчно въ дружбѣ:
Одолѣть тогда тебѣ поможемъ
Всѣхъ твоихъ сосѣдей — Грековъ, Ляховъ
И смиримъ на вѣки Печенѣговъ.

Отвѣчалъ Болгарамъ князь Владиміръ:
«Напередъ скажите безъ утайки
И прикрасъ, какая ваша вѣра
И какой у васъ, по вѣрѣ вашей
Чинъ во всемъ блюдется и обычай.
Коли мнѣ по нраву ваша вѣра,
Такъ приму, а если не по нраву,
Такъ искать себѣ другую стану:
Бѣлый свѣтъ великъ, — всего въ немъ вдоволь —
И земель и вѣръ въ немъ всякихъ много;
Я могу любую вѣру выбрать.»

Говорятъ ему въ отвѣтъ Болгары:
«Признаемъ единаго мы бога,
Чтимъ его пророка Магомета....
Если, князь, ты примешь нашу вѣру,
То живи и смерти не страшися:
Хорошо тебѣ при жизни будетъ,
Еще лучше будетъ послѣ смерти.
Въ часъ, когда на вѣкъ сомкнешь ты очи,
Прилетятъ къ тебѣ два свѣтлыхъ духа,
Всѣ въ лучахъ, какъ радуга сіяя,
И возьмутъ изъ бренной плоти душу
И высоко съ нею понесутся —

Выше облакъ, выше звѣздъ и солнца;
Принесутъ они ее на небо,
Въ свѣтлый рай: тамъ будешь жить ты вѣчно
Безъ заботъ, безъ горести, безъ скуки,
Цѣлый день покоясь въ нѣгѣ сладкой.
Нѣтъ въ раю ни холода, ни зноя —
Вѣчно тамъ весной прохладной вѣетъ,
Вѣчно тамъ дубровы зеленѣютъ
И цвѣты цвѣтутъ, не увядая.
Дастъ тебѣ пророкъ нашъ много, много
Юныхъ женъ, чудесныхъ, вѣчно юныхъ
Красоты такой, какой во вѣки
Не увидитъ здѣсь людское око;
Вкругъ тебя онѣ толпой веселой
Соберутся съ нѣгою во взорахъ
И средь нихъ на муравѣ шелковой,
На цвѣтахъ лазоревыхъ и алыхъ
И въ тѣни густой деревъ цвѣтущихъ,
Подъ журчанье струй ручьевъ прозрачныхъ,
Въ нѣгѣ сладкой, въ сладостной дремотѣ,
Пѣнью птицъ внимать ты будешь райскихъ
И впивать цвѣтовъ благоуханье,
Упиваясь ласками, любовью
Юныхъ женъ и млѣя, будто въ грезахъ,
Отъ горячихъ, нѣжныхъ ихъ лобзаній.
Все нѣжнѣй, все сладостнѣй и жарче
Будутъ ихъ лобзанія и ласки,
И въ тебѣ все пламеннѣй и слаще
Будетъ жаръ желаній разгараться,
Не на мигъ одинъ не остывая....
И конца не будетъ и предѣла
Твоему веселію и нѣгѣ,

Если ты законъ нашъ мудрый примешь,
И пророкъ нашъ вѣщій предъ тобою
Двери въ рай рукой своей отворитъ.»

Расходился сердцемъ, распалился,
Всей душой разнѣжился Владиміръ,
Какъ услышалъ росказни Болгаровъ
Про красу про дивную и ласки
Райскихъ женъ: сошла, какъ съ неба туча,
Грусть-тоска съ лица его и сердца:
Разыгралась кровь въ немъ молодая,
Разгорѣлись очи соколины,
И тряхнулъ онъ черными кудрями
И сказалъ Болгарамъ, ухмыляясь:
«Такъ неужто вправду послѣ смерти
Попаду я въ рай?

— Да если примешь
Нашъ законъ и если будешь свято
Постъ блюсти по заповѣди нашей.

— Постъ блюсти? какой же?

— Постъ не тяжкій:
Нашъ пророкъ закономъ намъ поставилъ
Не вкушать всю жизнь отъ мясъ нечистыхъ
И всю жизнь не пить вина ни капли.

— Какъ? всю жизнь, весь вѣкъ не пить хмѣльнаго
И не выпить чарку круговую
Ни въ честномъ пиру иль во бесѣдѣ,
Ни на тризнѣ родича печальной,
Ни на свадьбѣ радостной у друга,

Ни на проводахъ товарища въ край дальній?!
Словомъ, вамъ по вашему закону,
Пить нельзя ни въ радости, ни въ горѣ?

— Никогда —таковъ законъ пророка.

— Такъ нельзя отвесть души за чаркой
И съ истомы тяжкой послѣ бою
И нельзя зимой въ морозъ трескучій
Во пути - дороги долгой, дальней
Зеленымъ виномъ поотогрѣться?
Такъ ли я законъ вашъ разумѣю?

— Мудрый князь! самъ нашъ пророкъ великій
Если бъ былъ въ живыхъ и былъ здѣсь съ нами,—
Такъ дался бы диву, какъ премудро
Ты его законъ святой толкуешь.
Не дерзаемъ мы по вѣрѣ нашей,
О винѣ и думать: кто хоть чарку
Выпилъ разъ, ужъ тотъ не чистъ предъ Богомъ,
И ему на вѣкъ закрыты двери
Въ свѣтлый рай.»

Задумался Владиміръ,
Опустилъ въ раздумьѣ очи въ землю
И нахмурилъ брови и, подумавъ,
Посмотрѣлъ Болгарамъ прямо въ очи
И такое вымолвилъ имъ слово:
«Не по насъ, не по обычьямъ нашимъ
Вашъ законъ: вино — веселье Руси —
Безъ вина и жизнь не въ жизнь Русину....»

Но коли законъ ты нашъ не примешь,
Не взойдешь въ нашъ рай и не увидишь
Райскихъ женъ.

— Да было бъ мнѣ по сердцу
Въ рай взойти, да только полно правда-ль
Все, что вы про рай мнѣ насказали;
Коли правда, — можно бросить чарку
И на вѣкъ заречься отъ хмѣльнаго
И отъ всякихъ мясъ и всякой сласти.
А коли вы молвили неправду
И коли ни на землѣ ни въ небѣ
Нѣтъ у васъ нигдѣ, и не бывало,
И не будетъ вѣкъ такого рая, —
Изъ чего жъ тогда весь вѣкъ свой втупе
Станемъ мы постомъ себя печалить?

— Князь, повѣрь — все истинная правда,
Что тебѣ про рай мы нашъ сказали:
То сказалъ въ своемъ святомъ законѣ
Самъ пророкъ нашъ мудрый и великій.

— Самъ пророкъ! а кто же мнѣ порукой,
Что пророкъ не молвилъ вамъ неправды.»

Расходились тутъ и разшумѣлись,
Услыхавъ такую рѣчь, Болгары:
За обиду имъ, и за досаду
И въ зазоръ великій показалось,
Что про ихъ учителя, пророка
Русскій князь худое слово молвилъ.
Били въ грудь себя они нещадно

И въ одинъ всѣ голосъ на всю гридню
Гомонили, съ плачемъ причитая,
Что пророкъ ихъ посланъ былъ отъ Бога
И не молвилъ отъ роду неправды.
Тутъ махнулъ на нихъ рукой Владиміръ,
Кликнулъ громко отроковъ и челядь,
И велѣлъ за ворота тесовы
Онъ гостей незванныхъ вывесть силой.

IV.

Лишь ушли изъ Кіева Болгары,
Какъ пришло къ Владиміру посольство
Изъ земли нѣмецкой отъ Латинянъ.
Опросилъ Латинянъ князь Владиміръ,
Кто они, какой земли и вѣры
И какой обычай въ ихъ народѣ,
И подъ чьей рукой они и властью.
И предъ нимъ отвѣтъ они держали:
Похваляли свой законъ и вѣру,
Истуканъ же вѣщаго Перуна
Обзывали деревомъ бездушнымъ.
Долго молча слушалъ ихъ Владиміръ.
И, когда они скончали рѣчи,
Молвилъ имъ: «Кто знаетъ, можетъ статься,
Правой вѣры держитесь вы съ папой
Да нельзя мнѣ, князю земли русской,
Не пригоже вѣру брать отъ папы:
Коль принять законъ мнѣ христіанскій,
Такъ принять отъ Грековъ — изъ Царьграда: —
На Руси ведется такъ издавна —

И Аскольдъ и Диръ съ своей дружиной,
И моя честная бабка Ольга —
Всѣ законъ приняли христіанскій,
Не отъ васъ — отъ Нѣмцевъ, а отъ Грековъ
На меня вы други не гнѣвитесь
За отказъ (отказъ вамъ не безчестье)
И отсель идите во свояси: —
Я велю, во славу земли русской,
Отпустить васъ съ честію великой.

V.

Не успѣли выбраться Латины
Изъ земли изъ русской во свояси,
Какъ пришли во стольный городъ Кіевъ
Изъ земли Казарской — изъ за Дона
Старшины жидовскаго кагала;
Притекли они на дворъ теремный
И просились съ плачемъ въ теремъ княжій.
Увидалъ ихъ изъ окна Владиміръ
И велѣлъ ввести къ себѣ во гридню —
Предъ свои предъ княжескія очи.
Вотъ вошли Жиды во свѣтлу гридню,
Повалились прямо въ ноги князю
И такое вымолвили слово:
«Государь земли великой русской!
Слухъ дошелъ до насъ, что христіане
Замышляютъ лестію обманомъ
Обратить тебя со всѣмъ народомъ
Въ свой законъ; не вѣрь имъ, князь великій!
Берегись ихъ устъ медоточивыхъ,

Ихъ рѣчей искусныхъ и лукавыхъ,
Не бери ихъ вѣры и закона:
Вѣдь они не въ истиннаго Бога,
Не въ творца земли и неба вѣрятъ.
Нѣтъ! они такого жъ человѣка,
Какъ мы всѣ — рожденнаго женою
Признаютъ, въ своемъ безуміѣ, Богомъ.
Человѣкъ тотъ родился и выросъ
Между насъ—въ странѣ, намъ Богомъ данной;
Онъ ходилъ по городамъ и весямъ
И училъ народъ нашъ новой вѣрѣ;
Шелъ народъ за нимъ вездѣ толпами,
Называлъ его онъ сыномъ Божьимъ
И царемъ, намъ посланнымъ отъ Бога,
И за то, по волѣ старцевъ нашихъ
На судѣ на смерть былъ осужденъ онъ
И на лобномъ мѣстѣ всенародно
Между двухъ разбойниковъ былъ распятъ.
Вотъ кого чтутъ Богомъ всемогущимъ,
Вотъ кому такъ молятся усердно
И приносятъ жертвы Христіане!
Не бери же, князь, у нихъ ихъ вѣры,
А возьми у насъ: вѣдь наша вѣра
Всѣхъ древнѣй, всѣхъ чище вѣръ на свѣтѣ.
Намъ ее съ небесъ послалъ на землю
Самъ нашъ Богъ—Богъ предковъ нашихъ славныхъ —
Авраама Богъ, Богъ Исаака
Богъ Ія....

— Да сами вы откуда?
Изъ какого города пришли вы?
Опросилъ тогда жидовъ Владиміръ

— Городъ нашъ зовутъ Ерусалимомъ,
Отвѣчали тѣ, переминаясь.

— Полно такъ ли? молвилъ имъ Владиміръ.
Вы пришли какъ словно не оттуда?...

— Не оттуда, княже, не оттуда;
Простонали жалобно и робко
Старшины жидовскіе всѣ разомъ.
Нѣтъ у насъ, нашъ княже господине,
Нѣтъ давно земли счастливой нашей:
Беззаконій предковъ нашихъ ради,
Богъ на насъ прогнѣвался жестоко
И, во гнѣвѣ, изгналъ наше племя
Изъ земли святой и славной нашей
И всѣхъ насъ Онъ, словно вихремъ бурнымъ,
По всему лицу земли разсѣялъ.
Съ той поры, какъ сирые, мы бродимъ
По чужимъ землямъ, гонимы всюду,
И не молчнымъ плачемъ неутѣшнымъ
По своей землѣ священной плачемъ.»

И сказалъ имъ съ сердцемъ князь Владиміръ.
«Какъ же вы учить теперь хотите
И другихъ закону вашей вѣры?
Вѣдь самъ Богъ, во гнѣвѣ, за неправду
Покаралъ народъ вашъ, вы сказали.
Кабы вы держались правой вѣры, —
Такъ бы Богъ отъ васъ не отступился —
Пожалѣлъ бы васъ, и не разсѣялъ
По чужимъ землямъ все ваше племя.
И за чѣмъ вы въ свой законъ неправый

Заманить народъ хотите русскій?
Иль бродить однимъ вамъ стало скучно
По чужимъ землямъ, и вы хотите
Чтобъ и насъ вашъ Богъ на вѣки проклялъ,
Чтобъ у насъ Онъ отнялъ нашу землю
И пустилъ бы нищими скитаться
По чужимъ народамъ вмѣстѣ съ вами,
Чтобы вамъ повеселѣе было!»

Поглядѣли робко другъ на друга
Старшины жидовскаго кагала,
Услыхавъ такія рѣчи князя
И молчали, хлопая глазами.
Оглядѣлъ ихъ молча князь Владиміръ
Съ головы до ногъ и усмѣхнулся
И позвалъ онъ громко челядинцевъ
И велѣлъ гостей оторопѣлыхъ
Гнать скорѣй за ворота тесовы
И во слѣдъ имъ крикнулъ на прощанье:
«Я слыхалъ про васъ, что вы за птицы.»

VI.

Слухъ дошелъ до Грековъ цареградскихъ,
Что попы латинскіе отъ папы,
И жиды, и камскіе Болгары
Приходили въ славный городъ Кіевъ
Толковать о вѣрѣ съ русскимъ княземъ
И сказали Греки межь собою:
«Не попустимъ алчущаго правды
Впасть во тьмѣ ловцамъ лукавымъ въ сѣти

И укажемъ путь ему ко свѣту,
Да узри́тъ онъ правды вѣчной солнце.
Изберемъ мы праведнаго мужа
И пошлемъ на Русь, да мудрымъ словомъ
Обратитъ свирѣпаго онъ князя
Ко Христу, къ любви и къ духу мира.»

И послали Греки въ стольный Кіевъ
Поучать Владиміра о вѣрѣ
Чернеца съ горы святой Аѳонской.
Тотъ чернецъ былъ постникъ и подвижникъ;
Былъ онъ мудръ, былъ твердъ въ Христовой вѣрѣ,
Былъ онъ твердъ въ писаніи священномъ,
Искушенъ отъ юности въ витійствѣ
И горѣлъ любовью братской въ сердцѣ
Онъ ко всѣмъ народамъ въ Божьемъ мірѣ.
И пришелъ онъ въ Кіевъ, въ теремъ къ князю
И сказалъ ему такое слово:
«Присланъ я къ тебѣ изъ Цареграда.
Знаемъ мы, что въ Кіевъ приходили
И Жиды, и Нѣмцы, и Болгары
Говорить съ тобою, князь, о вѣрѣ
И меня сюда послали Греки.
Возвестить тебя о вѣрѣ нашей,
Признаемъ единаго мы Бога
Во святой и нераздѣльной Тройцѣ
И зовемся именемъ великимъ
Христіанъ, зане Богъ-Сынъ—Спаситель,
Нисходившій ради всѣхъ на землю
И завѣтъ намъ новый даровавшій,
На землѣ *Христомъ* Іисусомъ названъ.

— «Но жиды про васъ мнѣ говорили —
Молвилъ князь, взглянувъ на Грека грозно,
Что того, кого вы чтите Богомъ,
На крестѣ ихъ праотцы распяли.

— Правда, князь, они распяли Бога,
Къ намъ съ небесъ сошедшаго на землю,
И за то Творецъ земли и неба
Покаралъ ихъ карою великой:
Изъ земли отеческой Онъ изгналъ
Племя ихъ и расточилъ по свѣту.

— Для чего же Богъ сходилъ на землю?
Для чего — скажи — терпѣлъ онъ муки?

— Если князь ты хочешь, все скажу я,
Лишь внимай: разсказъ мой будетъ дологъ.

— Разскажи: я радъ тебя послушать.

VII.

Тогда взглянулъ съ любовію на князя
Сѣдой чернецъ и такъ ему сказалъ:

«Богъ сотворилъ въ началѣ небо, землю....
Земля была пустынна и дика,
Лежала тьма глубокая надъ бездной
И Божій духъ носился надъ водами
«Да будетъ свѣтъ,» сказалъ тогда Господь, —
И свѣтъ предсталъ. И съ той поры предѣлы
Богъ между тьмой и свѣтомъ положилъ;
Свѣтъ днемъ нарекъ, тьму ночью.... Было утро,
Былъ вечеръ: — то былъ первый день творенья.

Тогда Творецъ воздвигнулъ межъ водами
Небесный сводъ и осѣнилъ имъ землю.
И повелѣлъ собраться во едино
Онъ всѣмъ водамъ, что покрывали землю.
И собрался воды во едино,
И отдѣлилась суша отъ воды.
И вотъ тогда, по Божію велѣнью,
Покрылася одеждою земля:
На ней луга, кусты зазеленѣли,
И разлилось цвѣтовъ благоуханье,
И зашумѣли весело дубравы....

Такъ протекло три первыхъ дня творенья.
Въ четвертый день Творецъ своей десницей
Поставилъ два великія свѣтила
На твердь небесъ: одно, да свѣтитъ днемъ
И да блеститъ во мглѣ ночной другое. —
И засвѣтилъ, во украшенье неба,
Несчетныхъ звѣздъ лучистые огни
И дивенъ сталъ видъ неба и земли,
Когда они внезапно озарились
Въ сіяніи свѣтильниковъ Господнихъ.
И въ оный мигъ духовъ безплотныхъ сонмы,
Восхищены величьемъ, и красой,
И стройностью чудесной мірозданья
Воспѣли пѣснь хвалебную Творцу,
Свободными устами славословя
Державное величіе, премудрость
И дивное могущество Его..
И се до днесь, неслышимо для насъ,
Пѣснь оная гремитъ, не умолкая,
На небесахъ предъ Божіимъ престоломъ
И прогремитъ отнынѣ и до вѣка.

На пятый день взошло на небѣ солнце
И освѣтило землю и прекрасна
Была земля, какъ юная невѣста
Разубрана весенними цвѣтами;
Но не одно живое существо
Не двигалось ни въ морѣ, ни на сушѣ
И было все безмолвно и мертво!...
И только вѣтръ носился по землѣ
И облака надъ нею пробѣгали.
И вотъ тогда, по манію Господню.
Вдругъ пѣньемъ птицъ дубравы зазвучали
И въ небесахъ высоко воспарили —
Превыше горъ и облаковъ орлы;
Въ рѣкахъ, въ ручьяхъ плескаяся взыграли
Несчетныхъ рыбъ веселыя стада
И грозныя чудовища явились
Средь шумныхъ волнъ морской пучины бурной.

И вотъ насталъ послѣдній день созданья
И повелѣлъ Господь, да вся земля
Твореньями живыми населится:
И первозданный лѣсъ вдругъ загремѣлъ
Могучимъ ревомъ барсовъ, львовъ и тигровъ,
И понеслись олени по горамъ,
И мотыльки вспорхнули надъ цвѣтами,
И поползли въ травѣ ужи и змѣи....

Такъ создалъ Богъ въ шесть дней весь строй вселенной,
И землю всю устроилъ; всѣмъ богата
Была земля: поля покрыты злакомъ,
Колосьями волнуясь, зеленѣли;
И гнулися деревья отъ плодовъ
И въ глубинѣ земли сребро и злато

И камни самоцвѣтные таились;
Но не было владыки надъ землей,
Ктобъ разумомъ и волей непреклонной
Царилъ надъ всѣмъ живущимъ на землѣ
И, покоривъ бездушную природу,
Воздѣлалъ бы богатства всѣ ея,
Во славу Божью и себѣ во благо.
И даровалъ Господь землѣ владыку —
Онъ сотворилъ изъ персти человѣка.

Такъ сотворилъ Богъ мужа; а жену
Онъ сотворилъ, свершивъ иное чудо:
Навелъ Онъ сонъ глубокій на Адама
(Симъ именемъ былъ названъ первый мужъ)
И вынулъ онъ изъ спящаго ребро
И изъ ребра жену Адама создалъ.
И, брачный ихъ союзъ благословляя,
Господь имъ рекъ: «Раститеся и множтесь
И населяйте землю.»

Такъ свершилось
Творенье человѣка.

И прекрасенъ
Былъ и душой и тѣломъ человѣкъ,
Рукой Творца Вселенныя создàнный....
Онъ жилъ въ Раю — въ саду прекрасномъ, дивномъ,
Самимъ Творцомъ всещедрымъ насажденнымъ,
И ни заботъ, ни горя, ни труда,
Ни зависти, ни гордости незная,
Блаженствовалъ. Господь же, столь обильно,
Столь щедро всѣмъ Адама надѣлившій,
Единую лишь заповѣдь ему

Далъ, какъ законъ, вовѣки нерушимый.
И человѣкъ во вѣкъ не преступилъ бы
Ту заповѣдь священную Господню,
Но былъ и есть доднесь у человѣка
Лютѣйшій врагъ завистливый, коварный —
То сатана, властитель темныхъ силъ.
Онъ прежде былъ небеснымъ, свѣтлымъ духомъ,
Но обуянъ завистливой гордыней,
Съ самимъ Творцемъ хотѣлъ сравняться въ силѣ.
И былъ за то съ небесъ низверженъ онъ,
Да вѣкъ во тьмѣ кромѣшной пребываетъ.
И сей то духъ, духъ злобы, лжи, гордыни
Сталъ искушать двухъ первыхъ человѣковъ,
Велѣнію Творца не покаряться.
И внявъ его лукавымъ наущеньямъ
Исполнились вдругъ гордостью они, —
И заповѣдь Господню преступили.
Тогда Господь изрекъ свой судъ надъ ними
И навсегда изъ рая ихъ изгналъ.
И съ той поры былъ обреченъ Адамъ
И вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его потомки —
Весь родъ людской, себѣ трудомъ и потомъ
Одежду, кровъ и пищу обрѣтать.

Прошли вѣка со дня созданья міра, —
Размножился несчетно родъ людской,
Но тяготѣлъ надъ каждымъ человѣкомъ
Грѣхъ, праотцомъ Адамомъ совершенный, —
И въ тяжкіе пороки впали люди.
И тщетно Богъ каралъ ихъ грозной карой
И, чрезъ уста пророковъ, къ покаянью
Ихъ призывалъ: ни кара, ни пророки
Желѣзныхъ путъ грѣха не разрѣшали,

Которыми князь адской тьмы опуталъ
Весь родъ людской. И наконецъ Господь,
По благости своей неизреченной,
Послалъ съ небесъ на помощь слабымъ людямъ
Божественнаго сына своего,
Соравнаго себѣ по божеству,
Да кровію Пречистою Своею,
Страданьями и смертью Онъ искупитъ
Весь родъ людской изъ тяжкаго плѣненья
Мертвящаго, тлетворнаго грѣха.

И се Богъ-Сынъ сошелъ на землю къ намъ:
Онъ былъ рожденъ чудесно присно-Дѣвой
И плоть пріялъ и жилъ между людьми
И поучалъ ученіемъ высокимъ
Народъ, за нимъ толпившійся повсюду —
Училъ его любви высокой къ ближнимъ —
Училъ прощать обиды, поношенье,
Повелѣвалъ за зло платить добромъ,
Повелѣвалъ любить своихъ враговъ,
Не дорожить богатствами земными,
А всей душой къ небесному стремиться —
Къ богатствамъ, намъ обѣщаннымъ за гробомъ
За добрыя дѣла и вѣру въ Бога.
И множество святыхъ чудесъ великихъ
Онъ совершилъ: — однимъ прикосновеньемъ
Иль устъ своихъ божественнымъ глаголомъ
Онъ исцѣлялъ больныхъ неисцѣлимыхъ,
И зрѣніе давалъ слѣпорожденнымъ,
И слухъ глухимъ, и мертвыхъ воскрешалъ.
Народъ внималъ ему съ благоговѣньемъ
И всюду текъ съ любовію за нимъ.
И завистью исполнились къ нему

Священники Еврейскіе, и старцы
И книжники: имъ больно было видѣть,
Что чтутъ его въ народѣ больше ихъ.
Тогда, они, страшась утратить власть,
Стяжанную издревле надъ народомъ,
Замыслили въ душѣ своей коварной
Оклеветать Христа передъ судомъ,
Да смертію казненъ Онъ будетъ лютой.
И вотъ ни въ чемъ предъ властью неповинный,
Ни въ чемъ законъ всю жизнь не преступивши,
Одно добро всю жизнь творившій людямъ,
Былъ приведенъ на судъ Христосъ-Спаситель,
И былъ судимъ, и осужденъ на казнь!
И тотъ, кто могъ своимъ единымъ словомъ
Призвать къ себѣ въ защиту отъ враговъ
Безплотныхъ силъ небесныхъ легіоны;
Кто могъ сразить однимъ своимъ дыханьемъ
Все воинство безчисленное Рима, —
Во власть врагамъ отдался со смиреньемъ
И съ кротостью великой всенародно
Безропотно сносилъ всѣ поруганья,
Которыя враги надъ нимъ творили,
И тяжкія мученія терпя,
Лишь за своихъ мучителей молился.

И былъ на казнь Спаситель отведенъ
И на крестѣ межъ двухъ злодѣевъ распятъ.
И лишь онъ былъ ко древу пригвожденъ,
Какъ среди дня померкло въ небѣ солнце
И ночи мгла вдругъ землю всю объяла....
Когда же мигъ великій наступилъ, —
И отлетѣлъ отъ тѣла въ міръ незримый
Незримо духъ Спасителя-Христа.

Тѣла святыхъ, возстали изъ гробницъ
И въ градъ святой явились. Въ оный мигъ
Всѣ воины, стоявшіе на стражѣ
Передъ Христомъ, распятымъ на крестѣ,
Устрашены землетрясеньемъ грознымъ
И вѣрою внезапною объяты,
Воскликнули: «воистину Сынъ Божій
Сей человѣкъ!»

Такъ принялъ смерть Господь.
И былъ во гробъ изсѣченный изъ камня
Онъ положенъ, и былъ тяжелымъ камнемъ
Задвинутъ гробъ, и воиновъ ко гробу
Приставили на стражу Іудеи.
На третій день, въ часъ утренней зари,
Вновь потряслась земля, и Ангелъ Божій
Слетѣлъ съ небесъ къ гробницѣ Іисуса;
Была какъ снѣгъ бѣла на немъ одежда
И весь сіялъ онъ блескомъ неземнымъ, —
И замертво простерлися на землю
Отъ ужаса всѣ воины предъ нимъ;
Господь же нашъ воскресъ и всталъ изъ гроба.

— Ужели Богъ на вѣкъ отъ насъ сокрылся
И никогда на землю не придетъ,
Внезапно князь Владиміръ вопросилъ,
Взоръ пламенный на старца устремляя.

— Нѣтъ, Онъ придетъ, придетъ, воскликнулъ старецъ,
Онъ къ намъ придетъ, но въ день кончины міра!
Узримъ его на облакахъ грядущимъ,
И вмѣстѣ съ нимъ предстанутъ передъ нами
Небесныхъ силъ безчисленные сонмы,
И на престолѣ славы Онъ возсядетъ
И будетъ судъ творить живымъ и мертвымъ.
И передъ нимъ предстанутъ всѣ народы,
Всѣ племена земныя. И отдѣлитъ
Онъ праведныхъ отъ грѣшниковъ, какъ пастырь,
Овецъ отъ козлищъ въ паствѣ отдѣляетъ,
И праведныхъ, добро творившихъ ближнимъ,
Онъ предъ собой поставитъ одесную,
А грѣшниковъ, творившихъ зло, неправду,
Безжалостно кровь ближнихъ проливавшихъ —
Ошуюю. Тогда судья Всевышній
Судъ праведный надъ ними изречетъ, —
И повелитъ стоящимъ одесную
Во царствіе небесное идти,
Гдѣ праведнымъ, со дня сложенья міра,
За добрыя дѣла онъ уготовилъ
Жизнь вѣчную и вѣчное блаженство;
А грѣшниковъ, ошуюю стоящихъ,
Пошлетъ во адъ—во область тьмы кромѣшной,
Гдѣ за грѣхи отъ вѣка уготованъ
Имъ вѣчный огнь и вѣчныя мученья.»

Такъ говоря растроганному князю,
Святой чернецъ, нежданно для него,
Вдругъ развернулъ картину передъ нимъ, —
И русскій князь узрѣлъ въ тотъ мигъ впервые
Послѣдняго суда изображенье: —
Передъ собой узрѣлъ онъ, будто въ явѣ,
Сонмъ праведныхъ, ликующихъ сердцами,
Идущихъ въ Рай — на вѣчное блаженство
И грѣшниковъ рыдающихъ толпу,
Идущихъ въ адъ — въ огонь неугасимый.
И, прослезясь, сказалъ онъ, съ тяжкимъ вздохомъ
«Счастливъ удѣлъ грядущихъ одесную,
Но горе, горе грѣшникамъ несчастнымъ,
Ошуюю грядущимъ въ вѣчный огнь!

— Крестися, князь, — и станешь одесную
Ты на святомъ судилищѣ Христовомъ
И въ царствіе небесное войдешь,
И обрѣтешь за подвигъ свой и вѣру
Жизнь вѣчную и вѣчное блаженство!»
Такъ, устремивъ взоръ радостный на князя,
Сказалъ чернецъ. Но долго русскій князь
Сидѣлъ предъ нимъ, главой на грудь склоняся,
Въ молчаніи, весь въ думы погруженный,
И наконецъ, поднявъ главу, сказалъ:
«Подумаю».

И отпустилъ въ Царьградъ
Святаго старца мудрый князь Владиміръ
Съ великими дарами и почетомъ.

6-го апрѣля 1874 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ

САТИРИЧЕСКІЯ, ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ И ШУТОЧНЫЯ.

I.

НЕИЗБѢЖНЫЙ.

Toujours lui! lui partout!
Victor Hugo

—

Что̀ бъ ни послали боги намъ —
Счастливый случай иль печальный —
Во всемъ, друзья, какъ соль ко щамъ,
Необходимъ для насъ квартальный.

Повѣстку ль съ почты принесутъ
На малый кушъ иль капитальный, —
Намъ денегъ съ почты не дадутъ,
Коль не подпишется квартальный.

Хотимъ ли видѣть Божій свѣтъ, —
И въ путь сбираемся мы дальный,
Кто дастъ на выѣздъ намъ билетъ?
Все онъ опять, опять квартальный!

И въ скорбный часъ, когда зажгутъ
Надъ нами факелъ погребальный,
Какъ насъ въ заставу провезутъ;
Кто намъ повѣритъ, коль и тутъ
Не дастъ свидѣтельства квартальный?

1860 года.

II.

ЮНОМУ БЮРОКРАТУ.

«Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!»
Лермонтовъ.

Со скамейки жесткой школьной
Соскочить ты лишь успѣлъ,
И быстрѣе птицы вольной
Въ міръ чернильный полетѣлъ.

И съ слезою умиленья
Я любуюся тобой:
Какъ свѣтлы твои стремленья,
Какъ высоки убѣжденья,
Какъ невиненъ ты душой!
Какъ свѣжи твои ланиты,
Какъ ты любишь Божій міръ,
Какъ блеститъ твой взоръ открытый,
Какъ сидитъ вчера лишь сшитый,
Твой зеленый вицъ-мундиръ.
Чистъ, какъ жертва для закланья,
Въ бой съ неправдою людской,
Какъ любовникъ на свиданье,
Такъ и рвешься ты душой!

Но увы, промчится время,
И незрѣлый разумъ твой
Канцелярской жизни бремя
Сдавитъ тяжкою пятой:
Въ годы мысленной отваги
Не отечество спасать
Будешь ты, но лишь бумаги
Для начальства подшивать.
Погрузясь душой глубоко
Въ переписку *черновыхъ*,
Позабудешь ты до срока
Рядъ вопросовъ міровыхъ;
Заваленъ работой срочной,
Въ часъ свободный отъ труда,
Чтобъ достичь карьеры прочной, —
Будешь столбъ свой позвоночной
Гнуть предъ старшимъ безъ стыда.
И въ ерархіи чиновной
Много скользкихъ ступеней
Ты по лѣстницѣ неровной
Проползешь, какъ червь безмолвной,
Къ свѣтлой цѣли юныхъ дней —
Къ цѣли трудной, но великой —
Санъ высо́кій получить, —
И своей рукой-владыкой
Родъ людской преобразить.
Но пока, мой пролетарій,
Ты до цѣли добредешь, —
Въ атмосферѣ канцелярій
Силы лучшія убьешь.
Тамъ до сроку испарится
Всѣхъ мечтаній свѣтлый рой,

И вселится въ поясницѣ
Постоянный геморой;
Съ гемороемъ, какъ вожатый,
Приплетется ревматизмъ,
И душой твоей измятой
Овладѣетъ скептицизмъ.
И тогда махнувъ рукою
На завѣтныя мечты,
Лишь комфорту да покою
Всей душой предашься ты.
Будешь спать ты за докладомъ
Будешь искренне желать —
Съ тѣмъ же чиномъ и окладомъ
Въ сонмѣ праздныхъ засѣдать.

1861 года.

III.

БЕЗСРЕБРЕННИКЪ.

Молва гласитъ, что ты живешь
Одной любовію къ законамъ, —
И доморощеннымъ Катономъ
Ты въ нашемъ обществѣ слывешь.
Я твердо вѣрю въ гласъ народный....
Къ тому же твой изящный видъ —
Твой ликъ надменно-благородный,
Pince-nez и галстукъ новомодный —
Все ясно сердцу говоритъ,
Что не подьячій ты приказный
Съ тупымъ умомъ, съ душою грязной.
Не стракулистъ, не казнокрадъ,
Но жрецъ Ѳемиды неподкупный —
Гуманный, твердый, неприступный
Новѣйшей школы бюрократъ.
Ты чуждъ чиновничьихъ преданій:
Ты не пойдешь на шумный пиръ
Къ своимъ просителямъ въ трактиръ
Для вакханальныхъ возліяній.
Куда! Какъ можно—что за тонъ!
Вѣдь ты совсѣмъ не такъ рожденъ,
Чтобъ пить съ купцами по трактирамъ:

Ты вѣкъ не знался съ этимъ міромъ,
Тебѣ открытъ любой салонъ
Съ его духовной, тонкой пищей;
Притомъ же ты совсѣмъ не нищій,
Чтобъ подкупить тебя возмогъ
Графинчикъ съ водкой да пирогъ;
Нѣтъ! Хоть тебя въ ухѣ стерляжьей
И хоть въ шампанскомъ зашумай,
Хоть десять тысячъ предлагай,—
Ты не поддашься силѣ вражьей —
Себя за деньги не продашь:
Ты крѣпокъ въ правилахъ, какъ кряжъ.

Какъ я люблю твой ликъ красивый
Когда, съ осанкой горделивой,
Съ высоко поднятымъ челомъ,
Ты за столомъ судейскимъ алымъ
Сидишь, въ молчаньи, предъ зерцаломъ
Въ священномъ капищѣ своемъ;
Когда съ усмѣшкой и презрѣньемъ
Внимаешь длиннымъ, важнымъ преньямъ
Сѣдыхъ товарищей своихъ,—
И вдругъ нежданнымъ заключеньемъ
Въ словахъ и ясныхъ, и простыхъ
Ты въ пять секундъ рѣшаешь дѣло,—
И, потупляясь со стыдомъ,
Въ подобострастіи нѣмомъ,
Приказныхъ сонмъ, заматерѣлый
Въ рутинѣ добрыхъ старыхъ дней,
Дивится мудрости твоей.
Какое гордое сознанье
Природныхъ силъ и воспитанья

Ты ощущаешь той порой:—
Какъ всѣ ничтожны предъ тобой!

Люблю я тоже тѣ мгновенья,
Когда чиновникамъ плохимъ
За ихъ грѣшки иль нерадѣнье
Ты кротко дѣлаешь внушенье:
О, какъ ты мягко стелешь имъ!
Какъ ты учтивъ, какъ ты гуманенъ!
А между тѣмъ, совсѣмъ израненъ,
Передъ тобой дрожитъ какъ листъ
Неаккуратный копіистъ.
Хоть ты не топаешь ногами,
Не распекаешь, не кричишь,
Не сыплешь крѣпкими словами:
За то улыбкой и очами
Ты вволю ближняго язвишь.

Всего жъ ты лучше въ тѣ минуты,
Когда какой нибудь истецъ—
Степнякъ помѣщикъ иль купецъ,
Съ рукой за пазухой раздутой,
Не слишкомъ ловкій на языкъ,
Тебѣ вдругъ ляпнетъ напрямикъ
О благодарности священной, —
Ужъ тутъ ты истинный герой:—
Какъ будто свыше вдохновенный,
Вдругъ вспыхнетъ взоръ орлиный твой,
Ты выпрямляешь грудь и плечи,
Ты выростаешь на вершокъ, —
И Демосѳеновскія рѣчи
Изъ устъ стремятся, какъ потокъ;

Полны святымъ негодованьемъ
Гремятъ и жгутъ твои слова,
И мнится нѣкіимъ сіяньемъ
Твоя объемлется глава....
И въ монологѣ страстномъ, длинномъ,
Изливъ свой гнѣвъ предъ наглецомъ,
Ты съ жестомъ истинно картиннымъ,
Своимъ хорошенькимъ перстомъ
На двери молча указуешь,—
И искуситель злобный твой
Летитъ изъ комнаты стрѣлой.
О, какъ въ душѣ своей ликуешь,
О, какъ ты счастливъ въ этотъ мигъ!
Ты сознаешь, что ты великъ,
Что совершилъ ты подвигъ дивный,
Что ты Баярдъ страны родной!...
О, какъ ты искренно, наивно
Благоговѣешь предъ собой.
И цѣлый годъ по всѣмъ салонамъ
И часто въ клубѣ за столомъ
Ты, будто вскользь—небрежнымъ тономъ
Твердишь о подвигѣ своемъ.

Теперь позволь иной картиной
Мое посланье оживить:
Позволь тебя изобразить
Не предъ зерцаломъ, а въ гостинной.
Сверкаетъ балъ. Взираешь ты
На пляску свѣтскую прилежно
И дама—чудо красоты
Къ тебѣ приблизилась небрежно,
И чуднымъ голосомъ своимъ,

Пѣвучимъ, мягкимъ—неземнымъ,
Подобнымъ только звукамъ рая,
Тебя рѣшается молить
За дурака и негодяя:
— «Ему, представьте, нечѣмъ жить!
Нельзяль его опредѣлить
Куда нибудь!?» —И ты ужь таешь,
И тотчасъ мѣсто обѣщаешь
И, разумѣется, даешь.

— «Тутъ нѣту взятки и на грошъ» —
Ты мнѣ съ улыбкой возражаешь—
«Ктомужъ—что дѣлать—красота....
Предъ ней одной я преклоняюсь....
Да, слабость къ женщинамъ—я каюсь—
Моя Ахиллова пята!

Ну такъ и быть, тебѣ прощаемъ
Мы этотъ грѣхъ; въ твои лѣта
Всѣхъ подкупаетъ красота;
И по исторіи мы знаемъ,
Что люди, не тебѣ чета,
Къ ней попадали часто въ сѣти.
Но предъ одной ли красотой
Ты преклоняешься главой,
Когда бываешь въ высшемъ свѣтѣ?
О нѣтъ! Всѣ знаемъ мы, увы!
Что у ***скаго на балѣ
Тебя улыбкой подкупали
Уроды первые Москвы;
Что, старымъ бабамъ въ угожденье,
Ты измѣнялъ свои рѣшенья,

Что таешь, млѣешь ты душой,
Какъ предъ античной красотой,
Какъ предъ паѳосскою богиней,
Предъ Тугоуховской княгиней —
Предъ этой вѣдьмою въ чепцѣ,
Съ пятномъ табачнымъ надъ губами,
Съ милліономъ складокъ на лицѣ.
Но вѣдьмой съ сильными связями.
Да, мой законникъ-бюрократъ,
Въ судахъ повсюду говорятъ,
Что графу Нулину въ угоду,
Чтобы къ нему втереться въ домъ —
Въ соблазнъ приказному народу —
Ты извращалъ *десятый томъ*.
Все это такъ, все это вѣрно
И — извини, — довольно.... скверно.
Съ твоимъ логическимъ умомъ
Ты согласишься вѣрно въ томъ,
Когда разсудишь хладнокровно,
Что хоть подъ судъ подъ уголовный
Ты никогда не попадешь,
Однако взятки ты берешь,
Но лишь духовными дарами —
Берешь протекціей, связями....
Ну что же, Богъ съ тобой, бери,
Да только носъ свой не дери
Передъ минувшимъ поколѣньемъ: —
Не говори съ такимъ презрѣньемъ
Ты о предмѣстникѣ своемъ,
Который грѣшными трудами
Воздвигнулъ трехъ-этажный домъ.
Немного разницы межъ вами!

Конечно, онъ открыто бралъ —
Бралъ прямо, грубо, неприлично;
За то рельефно и пластично;
За то онъ ясно сознавалъ,
Гордыней злой не обуянный,
«Что я, де, грѣшникъ окаянный,» —
И очи долу потуплялъ.

IV.

ВЕСНА.

Und Freud' und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd! o Sonne!
O Glück! o Lust!
Goethe.

Разбивъ ледяные оковы,
Ужъ рѣки къ морямъ пронеслись,
Въ саду распуститься готовы
Подснѣжникъ, тюльпанъ и нарцисъ;

Ужъ носится бабочекъ стая
Среди оживленныхъ равнинъ,
И, новымъ убранствомъ блистая,
Въ ручей заглядѣлся павлинъ;

И громъ благодатный ужъ грянулъ,
И землю ужъ дождь освятилъ,—
И міръ насѣкомыхъ воспрянулъ
На свѣтъ изъ холодныхъ могилъ;

Ужъ вынуты зимнія рамы
И спрятаны шубы подъ спудъ,

И смѣло по улицѣ дамы
Въ холодныхъ бурнусахъ идутъ;

Съ утра до утра ребятишки
Готовы на улицѣ жить,
И только посредствомъ коврижки
Ихъ можно домой заманить;

Гремятъ соловья переливы,
Поющаго гимнъ предъ Творцомъ;
Подернулись зеленью нивы;
Явилися щи изъ крапивы,
Ботвинья съ младымъ огурцомъ

И радостной мысли быстрѣе
Несется надъ нами весна;
Ужъ скоро во всей апогеѣ
Блеснетъ и умчится она; —

И первою зеленью нѣжной
Одѣнется роща и садъ,
И брюки свои бѣлоснѣжны
Натянетъ пѣхотный солдатъ;

Ужъ признаки лѣта явились:
Уже отцвѣтаетъ сирень,
Уже всѣ журналы пустились
Печатать одну дребедень....

Весна! Всѣ съ восторгомъ встрѣчаютъ
Твой свѣтлый, волшебный приходъ,
Какъ будто съ тебя получаютъ
Кресты и чины каждый годъ.

И я, хоть не жду отъ весны я
Крестовъ и подобныхъ наградъ,
Но больше чѣмъ птицы лѣсныя
Ея возвращенью я радъ.

Весна лишь наступитъ, — и разомъ
Проснешься душой, оживешь,
Лирическимъ полонъ экстазомъ,
На горе рукою махнешь.

И смотришь на міръ веселѣе,
Забывши и старость, и плѣшь,
Мечтаешь и мыслишь сильнѣе,
Охотнѣе вѣришь и ѣшь,

И жарче и чаще ласкаешь
Подругу въ объятьяхъ своихъ,
И глубже душой понимаешь
Кольцова и Шиллера стихъ;

Противны становятся споры
Про польскій вопросъ и прогресъ
И хочется спрятаться въ горы
И хочется въ поле да въ лѣсъ;

И хочешь читать Вальтеръ-Скота
И пѣть, и кутить и рыдать,
И хочешь еще тамъ чего-то —
Чего-то.... но схватитъ зѣвота,
Лишь чувства начнешь разбирать,

Люблю я весну!... да и кто же
Изъ насъ недоволенъ весной?

Но цѣнитъ ее всѣхъ дороже
Сосѣдъ мой убогій портной.

Ему драгоцѣннѣе вдвое
Весны благодатный приходъ:
Топливо ему даровое
Она каждогодно даетъ;

Карманы его утучняютъ
Весенняго солнца лучи:
Они съ барышомъ замѣняютъ
Мерцаніе сальной свѣчи.

Надѣюсь, мои государи,
Изъ словъ моихъ каждый поймет,
Что право простой пролетарій
Всѣхъ ближе къ природѣ живетъ.

4 апрѣля 1864 г.

V.

МУНДИРЪ И ФРАКЪ.

Всѣмъ сердцемъ своимъ, всей душою
Я дѣвочку Полю любилъ;
Когда она стала большою,
У ней я руки попросилъ.
Но съ хладной иронiей адской
Она мнѣ сказала; «какъ быть!?
М-г Гумилевскiй! вы штатскiй:
Лишь чистой любовiю братской
Я штатскихъ способна любить.
Чувствительной дѣвы кумиромъ
Не можетъ быть фрачникъ никакъ;
Но если отставленъ съ мундиромъ
Съ нимъ можно рѣшиться на бракъ.»

Я чуть не свалился со стула
Отвѣтомъ такимъ пораженъ;
Она граціозно зѣвнула
И вышла изъ комнаты вонъ.
Я тоже изъ комнаты вышелъ,
Но вышелъ притомъ изъ себя....
И вскорѣ я въ клубѣ услышалъ.

Что шитый мундиръ возлюбя,
На дняхъ на линейномъ ученьи
Была, и влюбилась она,—
И руку свою и имѣнье
Отдать пожелала сполна
Усатому лейбъ-гренадеру....
И местію я воспылалъ, —
И тотчасъ письмо къ Искандѣру
Про это съ нарочнымъ послалъ.

1862 г.

VI.

ИСПУГЪ УЛАНА

или

Старое и Новое.

—

Въ полуночный часъ, на Таганкѣ
У дома купца грамотѣя
Стоятъ и кареты и санки,
А въ домѣ идетъ ассамблея:
Бушуетъ оркестрикъ дешевый —
Три скрипки пронзительно плачутъ,
Реветъ контробасъ какъ корова,
И гости кружатся и скачутъ;
Проносится пара за парой
Подъ музыку польки веселой;
Несется уланъ сухопарый
Съ купеческой дочкой тяжелой, —
Несется и думаетъ думу:

— «Ахъ какъ бы узнать повѣрнѣй,
Какую въ приданое сумму
Отвалитъ родитель за ней?
Отличная право невѣста —
Солидныя плеча и торсъ,

Бѣла, какъ пшеничное тѣсто,
Румяна, какъ клюковный морсъ!
И вѣрно глупа, какъ дубина,
И въ каждый мундиръ влюблена,
И прочитъ въ мужья дворянина,
И сердцемъ мягка какъ перина, —
И славная будетъ жена.

Но кончился балъ; отплясали
И валятъ въ столовую гости —
Всѣ страшно вспотѣли, устали
И всѣ проголодались до злости.
И сѣли гурьбою веселой
За ужинъ стряпни допотопной;
Съ своею зазнобой тяжелой
Сѣлъ рядомъ уланъ расторопный.

— Сударыня, вы вѣроятно
Не рады, что кончился балъ,
Съ улыбкой лукаво пріятной
Своей онъ сосѣдкѣ сказалъ.
И съ радостью бъ вы до разсвѣта
Порхали, когда бы могли,
Не правда-ли?

— Дурой отпѣтой,
Должно быть, меня вы сочли?
Чтожъ нешто вертушка, коза я,
Аль глупый робенокъ трехъ лѣтъ,
Аль тамъ полотерка какая,
Что нужно тереть мнѣ паркетъ?!
Я къ танцамъ имѣю презрѣнье,

Но тятенька строгій у насъ:
Ему, дураку, въ угожденье
Я нынче ударилась въ плясъ.

— А! вѣрно ты лѣзешь въ Татьяны,
Смекнулъ прозорливый уланъ,
И любишь стихи и романы,
Луну.... ручейки и.... туманъ.
Ну чтожъ, ничего! поведемъ мы
Аттаку съ другой стороны
И сердце въ полонъ заберемъ мы,
Коснувшись до слабой струны:
Я вмигъ разыграю поэта —
Скажу, что всю жизнь я скучалъ
Въ салонахъ блестящаго свѣта
И въ хижинѣ жить бы желалъ.

— И самъ я скучаю на балахъ,
Сказалъ съ растановкой онъ вслухъ:
Я тѣломъ пляшу въ этихъ залахъ,
Межъ тѣмъ въ неземныхъ идеалахъ
Витаетъ мой сладостный духъ.
Что балъ?! пустяки! Толи дѣло
Романъ Полеваго читать —
Тамъ можемъ свободно и смѣло
Мечтой за героемъ летать!...

— Терпѣть немогу я романы,
Сказала купчиха въ отвѣтъ:
Въ нихъ плутни однѣ, да обманы,
А жизни дѣйствительной нѣтъ.
Съ идеей одной идеальной

Что дѣлать таперь я должна?
Мнѣ надобно міръ матерьяльный: —
Мнѣ прахтика въ книгѣ нужна!!...
Читали-ли вы Фёербаха?
Читали-ли?

— Какже-съ читалъ, »
Исполненъ внезапнаго страха,
Сконфузясь уланъ отвѣчалъ.

Уланъ нашъ былъ истымъ уланомъ:
Любилъ онъ подъ случай кутнуть,
Махнуть для компаньи къ цыганамъ
И уголъ у карты загнуть,
Ну, словомъ, былъ малый рубаха,
Но книгъ никогда не читалъ
И имени онъ Фёербаха,
Увы, никогда не слыхалъ.
Испуганъ, растерянъ, сконфуженъ,
Нашъ храбрый усачъ замолчалъ,
И такъ промолчалъ онъ весь ужинъ
И мудрой сосѣдкѣ внималъ.
Межъ тѣмъ удалая купчиха
Пустилась въ большой монологъ,
И рѣчь ея бойко и лихо
Лилася, какъ мутный потокъ;
Хотя ни единаго слова
Купчиха понять не могла
Изъ рѣчи своей безтолковой,
Но фразъ философіи новой
Ей нравилась грозная мгла.
А бѣдный уланъ, оглушёный

Шумихой неслыханныхъ словъ,
Дивился купчихѣ учёной,
Какъ сонму семи мудрецовъ.
Когда жъ изъ за ужина встали,
Домой со всѣхъ ногъ онъ утекъ
И, полонъ тоски и печали,
Въ постель одинокую легъ.
И долго метался въ постели
И тщетно старался уснуть:
Въ немъ мысли тревожно горѣли,
И ныла уланская грудь,
И образъ купчихи ученой,
Покоя ему не давалъ,
И смыслъ ея рѣчи мудреной
Его и бѣсилъ, и пугалъ;
Отъ новыхъ «идей и понятій»
Онъ весь превратился въ хаосъ
И выкурилъ, лежа въ кровати,
Восьмнадцать большихъ папиросъ.
А все таки, какъ ни старался,
Себѣ уяснить онъ не могъ,
Какого предмета касался
Купчихи лихой монологъ.

— «Кой чортъ! наконецъ онъ воскликнулъ:
Вѣдь это ужъ просто бѣда
Прогрессъ этотъ нынче проникнулъ,
Ужъ даже.... чортъ знаетъ куда!
Нигдѣ отъ него нѣтъ спасенья:
Онъ даже въ Таганку залѣзъ: —
И тамъ завелось просвѣщенье!
Купчиха кричитъ про прогресъ!

Вѣдь это ужасно.... вѣдь это....
Нѣтъ видно, ужъ чортъ побери,
Пришло преставленіе свѣта —
Антихристъ ужъ видно въ Твери,
Быть можетъ, и ближе—кто знаетъ:
Быть можетъ, онъ въ Химкахъ, подлецъ,—
Быть можетъ къ Москвѣ подъѣзжаетъ
И мигомъ придетъ нашъ конецъ!!!
Встревоженный мыслью суровой,
Онъ быстро оставилъ кровать
Послалъ за бумагой гербовой
И сталъ завѣщанье писать.

1864 года.

VII.

ПОЛУРУССКАЯ БАРЫНЯ.

(Посвящено П. М. Садовскому).

—

Іюль. Безоблаченъ палящій сводъ небесъ;
Въ туманѣ дымчатомъ вдали синѣетъ лѣсъ;
Тяжелымъ колосомъ склонясь къ землѣ сонливо,
Блистаетъ золотомъ величественно нива;
Рѣка, красуяся на солнечныхъ лучахъ,
Спокойно нѣжится въ цвѣтистыхъ берегахъ;
Перекликаются въ лѣсу лѣниво птицы;
Припавши на снопы, заснули крѣпко жницы;
Въ деревнѣ не видать нигдѣ души живой —
Все будто вымерло отъ язвы моровой.
И съ поля, сонными гонимы пастухами,
Стада, измучены и зноемъ и слѣпнями,
Лѣниво тянутся по зелени луговъ
Въ прохладу темную сараевъ и хлѣвовъ.
Всѣхъ давитъ жаръ и зной; все жадно ищетъ тѣни;
На всемъ видна печать бездѣйствія и лѣни,
И въ мыслящемъ умѣ раждается вопросъ —
Что лучше на Руси: жара или морозъ?
И въ этотъ жаръ и зной васъ, свѣтскую княгиню
Забросила судьба въ самарскую пустыню!

Съ веселыхъ береговъ красавицы-Невы
Впервые въ эту глушь и дичь попали вы.
Васъ утомляетъ зной, васъ раздираетъ скука:
Въ деревнѣ жить одной, вѣдь это просто мука.
Кто жь наложилъ на васъ тяжелый этотъ крестъ?
Все онъ (увы!), все онъ — февральскій манифестъ!
Чтобъ не корили васъ въ постыдномъ нерадѣньи,
Явились лично вы теперь въ свои владѣнья —
Своимъ присутствіемъ народъ свой осѣнить
И словомъ мудрости въ немъ страсти утушить.
И вы, какъ Русская, по прихоти Зевеса,
Въ народномъ языкѣ не смысля ни бельмеса,
Предъ сонмомъ выборныхъ держали тронный спичъ;
Но даже староста никакъ не могъ постичь
Чего вамъ хочется. Внимая галлицизмамъ,
Народъ исполнился глубокимъ скептицизмомъ,—
И вашу кроткую родительскую рѣчь
Онъ принялъ за приказъ: всю волость пересѣчь,—
И вмигъ парламентъ вашъ пришелъ въ негодованье,
И страшно бурное открылось засѣданье,
И дерзко завопилъ какой-то смѣлый вигъ,
Что нынче молъ ужь нѣтъ помѣщичьихъ веригъ!
И грубо раздались слова его по залѣ,
И вы.... вы распустить парламентъ приказали.
Парламентъ вышелъ вонъ, испачкавъ вамъ паркетъ,
И вы подумали, глядя ему во слѣдъ:
«Неблагодарные!... и этому народу
Тупому, дикому рѣшились дать свободу!
Нѣтъ, правду говорилъ покойный князь Андрей,
Что наши мужики глупѣе дикарей.
Какія странныя у нихъ все выраженья
И кто имъ объяснить сумѣетъ Положенье,

Тогда какъ я сама едва могу понять
Что значитъ, напримѣръ, угодья разверстать.»
Такъ размышляли вы.... Но не прошло недѣли
Вы снова выборныхъ призвать къ себѣ велѣли.
И вашихъ словъ они опять не взяли въ толкъ:
Вы говорили имъ про ихъ священный долгъ
Къ помѣщицѣ, къ властямъ, и говорили долго
О томъ, какъ пагубно несоблюденье долга,
И дружно грянули вамъ мужики въ отвѣтъ:
«За нами, матушка, вѣдь недоимокъ нѣтъ.»
И сессія опять должна была закрыться,
И вы, не зная какъ къ народу приступиться,
Уѣхать въ Петербургъ совсѣмъ ужь собрались,
Но боги, сжалившись, вамъ сдѣлали сюрпризъ:
Не дожидаясь открытія палаты,
Явились сами къ вамъ съ поклономъ депутаты.
— «Что вамъ любезные?» — «Мы къ милости твоей:
Пожалуй намъ лѣску на срубку сто корней!»
И вы приходите мгновенно въ умиленье:
Les pauvres gens, vraiment! имъ въ рѣдкость и коренья!
Имъ негдѣ ихъ достать! Ахъ, бѣдный нашъ народъ!
Имъ нужно сто корней! «Возьмите хоть семьсотъ,»
Вы говорите имъ чуть-чуть не со слезами,
И депутаты въ прахъ простерлись передъ вами,
Дань благодарности обычную платя,—
И вы сконфузились какъ скромное дитя.
«Ахъ, встаньте!... Ахъ, зачѣмъ такое униженье...»
Проговорили вы, краснѣя отъ смущенья,
«Вы кланяетесь мнѣ, какъ Богу, до земли....
«Ахъ, встаньте, это грѣхъ....» Тѣ встали и ушли.
И сжала сердце вамъ чувствительная жалость.
«Какъ благодарны мнѣ! И за какую малость!»

Вы восклицаете въ волненьи и слезахъ....
И вдругъ къ вамъ староста вбѣгаетъ въ попыхахъ,
И говоритъ навзрыдъ въ испугѣ и печали:
— «Крестьяне говорятъ, что вы де приказали
Семьсотъ большихъ корней на срубку имъ отдать!...
Вы ихъ изволите, княгиня, баловать....» —
И вы приходите сейчасъ въ негодованье:
«Жестокій! Нѣтъ въ тебѣ ни капли состраданья —
Тебѣ совсѣмъ не жаль несчастныхъ мужичковъ:
Ты даже въ малости имъ отказать готовъ.
Какъ всѣ зазнались вы—всѣ старосты, бурмистры—
Воображаете, что вы почти министры,
И презираете свой прежній бѣдный классъ.
И оттого народъ не понимаетъ насъ
И недовѣрчиво такъ смотритъ на дворянство,
Что въ управителяхъ нѣтъ искры христіанства.
Нѣтъ, вижу, надо намъ во все самимъ входить,
Чтобы довѣріе народа заслужить,
И я возьмусь теперь сама за управленье....
Ступай и исполняй мои распоряженья!»
И староста ушелъ, потупя странно взоръ.
И глухо застоналъ сосновый древній боръ:
Гуляютъ заступы и топоры лихіе,
И съ трескомъ валятся деревья строевыя,
И поле новое довольно широко
Залоснилось, какъ плѣшь. «Какое quiproquo!»
Вы восклицаете: «какъ низко, какъ коварно
Со мною поступилъ народъ неблагодарный!
Въ немъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести, ни стыда....
Вотъ дали вы кому свободу, господа!»
И, сдѣлавъ реверансъ предъ книгой съ «Положеньемъ»,
Вы обратились къ ней съ такимъ нравоученьемъ:

«Вотъ русскій вашъ народъ! Вотъ онъ любимецъ вашъ!
Любуйтесь, господа, на этотъ пейзажъ.
(Тутъ указали вы на новую просѣку)
Нѣтъ страшно волю дать такому человѣку!
Я говорила вамъ.... Вотъ онъ—ce peuple russe!»
—«Я ефто тоже вамъ, княгиня, говорю-съ,»
Вашъ Несторъ-староста вступаетъ въ разсужденье:
—«Мужикъ, сударыня, не знаетъ обращенья,
И къ деликатности, выходитъ, не привыкъ;
Что хошь ему толкуй—онъ, значитъ, все мужикъ;
А кабы сѣчь его покрѣпче, да почаще,
Такъ онъ бы затвердилъ, что нѣсть, молъ, власти аще.»
И тутъ совѣтникъ вашъ разчислилъ вамъ какъ могъ
Что обошелся вамъ въ вокабулахъ урокъ.
И много съ вами бѣдъ случилось въ этомъ родѣ,
И вы отчаялись совсѣмъ въ своемъ народѣ.

О, полурусская красавица моя,
Какъ живо васъ теперь воображаю я
Томимы скукою, бездѣйствіемъ и зноемъ,
Вы бродите какъ тѣнь по дѣдовскимъ покоямъ;
Вездѣ тоска и жаръ васъ душитъ и томитъ;
Все какъ-то не по васъ, все жметъ, все тяготитъ —
И платье легкое изъ кисеи воздушной,
И обувь и коса. Вездѣ вамъ душно, скучно,
И день вашъ тянется какъ вѣчность, какъ процессъ;
Не манитъ васъ ни садъ, ни рощица, ни лѣсъ;
Все валится изъ рукъ—и книга и работа.
Межъ тѣмъ украдкою всесильная дремота,
Васъ нѣжно осѣнивъ невидимымъ крыломъ,
Уноситъ бережно таинственнымъ путемъ
Въ предѣлы вашего возлюбленнаго міра,—
И вотъ вамъ грезится полночная Пальмира.

Какая красота, какой велшебный видъ!
Вотъ зеркало Невы, оправленной въ гранитъ,
Вотъ грозный памятникъ монарха-великана,
Вотъ храмъ Исакія—созданье Монферрана.
Вотъ стройные ряды дворцовъ и колоннадъ,
Вотъ крѣпость, вотъ манежъ, казармы, плацъ-парадъ!
Вотъ Невскій вашъ проспектъ, а вотъ и онъ.... о Боже!..
Михайловскій театръ! Вамъ снится будто въ ложѣ
Сидите вы, биноклъ на сцену устремивъ.
Безпеченъ, пустъ и милъ, кокетливо-игривъ
Французскій водевиль рѣзвится передъ вами:
Онъ разсыпается небрежно остротами,
Щекочетъ умъ и слухъ пріятно и легко,
Кипитъ и искрится какъ рѣзвое клико
И каламбурами бѣснуется и хлещетъ,
И чопорный партеръ въ восторгѣ рукоплещетъ.
Вы улыбаетесь, вы счастливы.... и вдругъ
До васъ доносится какой-то странный звукъ:
То пѣсня русская на пробужденной нивѣ
Внезапно грянула—и разбудила васъ,
И широко, раздольно понеслась,
Какъ Волга-матушка во всемъ своемъ разливѣ.
Несется и гремитъ по нивамъ и полямъ
То замираетъ вдругъ, то дружнымъ хоромъ снова
Гремитъ, удалая, и, вторя голосамъ,
Ей откликается сосѣдняя дуброва.
И откликается, заслышавъ звукъ родной,
Ей сердце русское, восторгомъ замирая,—
То ноетъ вмѣстѣ съ ней бездольною тоской,
То рвется на просторъ надеждой оживая.
Ахъ, пѣсня русская! Прекрасенъ и глубокъ
Твой ясный токъ, раздольный и свободный!
Ты сокровенныхъ силъ народный нашъ залогъ,

Родникъ поэзіи живой и самородной.
Ахъ! слушая тебя, растроганный душой,
Все милой родинѣ безропотно прощаешь:
Ты молишь за нее съ упрекомъ и тоской,
Ты за нее въ грядущемъ обѣщаешь.

Но вамъ, Петрополя законнѣйшая дщерь,
Вамъ пѣсня русская лишь нервы раздражаетъ,
Какъ будто бы скрипитъ немазанная дверь,
Иль вьюга зимняя въ каминѣ завываетъ.
Да, звуки русскіе не очень вамъ сродни —
Совсѣмъ иной языкъ, совсѣмъ иное пѣнье
Вашъ слухъ лелѣяли въ младенческіе дни,
И ваши первыя, святыя впечатлѣнья
Не въ русскомъ лепетѣ впервые излились;
Не нянюшка русская, когда вы родились,
Васъ, крестнымъ знаменемъ съ молитвой осѣняя,
Укладывала спать, но англійская миссъ —
Британка кровная, Британка выписная.
Когда жь вы подросли, на вашъ незрѣлый умъ
Набили кандалы грамматики французской,
И всѣ зародыши едва возникшихъ думъ
Сдавили фразою опошленной и узкой;
Родной словесностью не занимались вы —
Вамъ все въ ней кажется такъ пошло и такъ грубо:
И только чтите вы, внявъ голосу молвы,
Творенья Мятлева, да графа Сологуба.
Отъ милой родины, какъ собственность, свою,
Вы только приняли имѣніе да вѣру —
Вамъ родственнѣй звучитъ «Malbrouk s'en va-t-en guerre»
Чѣмъ даже «баюшки-баю».

VIII.

ЮНОЙ СОЧИНИТЕЛЬНИЦѢ.

(З. И. Ж—вой.)

—

Не плѣняйся бренной славой
Сходно купленныхъ вѣнковъ,
Не мѣшайся ты съ аравой
Синихъ фраковъ и чулковъ!
Знаю, слогъ твой нѣжный, милый
Всѣхъ разнѣжитъ, умилитъ,
Даже злѣйшіе зоилы
Всѣ расплачутся навзрыдъ.
Павловъ гимнъ тебѣ напишетъ,
Антановичъ самъ, ей-ей,
О красѣ твоей прослышитъ,
И пощада будетъ ей.
Но въ тебѣ отъ упражненій
Въ книжныхъ мысляхъ и рѣчахъ
Пропадетъ краса движеній
И наивность выраженій
Съ дѣтской робостью въ очахъ.
Въ сонмъ московскихъ «беллетристовъ»

Ты какъ въ омутъ попадешь:
Тамъ кагалъ вралей-софистовъ
И учено-женскихъ рожъ
Вознесетъ тебя высоко
И въ свой орденъ посвятитъ,
И въ одно мгновенье ока
Преждевременно, до срока
Разовьетъ и просвѣтитъ.
Не топись ты въ этомъ морѣ,
Развиваться не спѣши,
И свободно, на просторѣ,
Безъ запутатныхъ теорій
Вольной жизнью подыши!
Погоди! твой срокъ настанетъ.
Лѣтъ примѣрно въ сорокъ пять
Красота твоя увянетъ.
Начинай тогда писать —
Упражняйся въ резонерствѣ,
Книгу Бюхнера читай,
Хоть пиши объ акушерствѣ,
Во всѣ тяжкія валяй.
Погоди же упражняться
Въ ремеслѣ твоихъ друзей,
Дай ты намъ налюбоваться
Дѣтской прелестью твоей,
Непосредственностью милой,
Скромной нѣжностью очей,
Поэтическою силой
Безыскуственныхъ рѣчей.

1862 г.

IX.

ОНЪ И ОНА.

(Романъ въ куплетахъ).

—

Богатъ онъ былъ очень и знатенъ,
Она—не знатна и бѣдна;
Лицемъ Онъ былъ очень пріятенъ,
Пріятна была и Она.

Онъ жилъ на квартирѣ огромной,
Всю жизнь упражнялся въ пирахъ;
Она же жила очень скромно
У нѣмки-вдовы въ нумерахъ.

Моталъ Онъ съ имѣнья оброки,
Играя, кутя, волочась:
Она же давала уроки,
Брала по полтинѣ за часъ.

Съ игры Онъ всегда возвращался
Ужъ утромъ, какъ истый игрокъ,
И съ Нею онъ часто встрѣчался:
Она уже шла на урокъ,

Встрѣчаяся съ Нею, онъ смѣло
Ей слалъ поцѣлуи рукой,
Она отъ досады краснѣла
При дерзости глупой такой.

Онъ съ пьяну въ танцорку влюбился
И съ нею пошелъ подъ вѣнецъ.
На Ней, для хозяйства, женился
Богатый и старый купецъ.

Была та танцорка красива,
Легка какъ безе изъ бѣлковъ;
Купецъ былъ рябой и плѣшивый
И вѣсилъ восьмнадцать пудовъ.

Онъ быстро свое состоянье
Съ танцоркой своей промотялъ;
А Ей ея мужъ въ завѣщаньи
Оставилъ большой капиталъ.

Она стала ѣздить въ колескѣ,
Онъ скромно пѣшечкомъ гулялъ;
Она ему дѣлала глазки,
Онъ строго глаза потуплялъ.

Пресѣкъ онъ съ кутилами дружбу
И пить и играть пересталъ:
Потомъ поступилъ Онъ на службу
И службой семью содержалъ.

Она, не нуждаясь въ работѣ,
Лишь ѣла, пила, да спала,

Весь день прохлаждаясь въ капотѣ,
И жиромъ совсѣмъ заплыла;

Отъ жизни и сытой, и праздной
Ей въ голову лѣзъ всякій вздоръ —
Ей начали сниться соблазны, —
И съ ней подружился сапёръ....

И такъ помѣнялись ролями
Герои мои межъ собой: —
Онъ вѣчно корпѣлъ надъ дѣлами,
Жилъ мирно съ дѣтьми и съ женой.

Она все съ друзьями кутила —
Каталась на тройкахъ, пила:
И съ пьяну нерѣдко ихъ била,
Не рѣдко и бита была.

Читатель! позволь въ заключенье
Моралью покончить съ тобой: —
Коль ты не имѣлъ отъ рожденья
И двухъ десятинъ за душой, —

Работай, доволенъ будь малымъ,
Чужаго осла не желай!
Когда-жь ты рожденъ съ капиталомъ,
Скорѣе его промотай!

X.

ЭМАНЦИПИРОВАННАЯ ПРОВИНЦІАЛКА.

—

Далеко, далеко,
Въ краю благодатномъ и райскомъ,
За Волгой широкой,
Въ уѣздѣ Царевококшайскомъ,
Гдѣ дешево мясо,
И рыба, и все, что угодно, —
На свѣтъ родилася
Она отъ четы благородной.
Вдали отъ соблазна,
Науки, искусства и моды,
Росла она праздно
На лонѣ Казанской природы,
Росла и толстѣла,
Родимой семьѣ въ утѣшенье,
Читать не хотѣла
И ѣла пудами варенье;
Все больше дремала,
Ни шить, ни вязать не любила
И думала мало:
Все время въ ѣдѣ проводила;

Сидѣла все дома,
Довольная участью скромной,
Была лишь знакома
Съ своей попадьей да поповной.
Такъ дѣва младая
Цвѣла подъ отеческимъ кровомъ,
Семью умиляя
Своимъ аппетитомъ здоровымъ.
Ни гнѣвъ, ни тревоги,
Ни бури восторженной страсти
Не знали дороги
Къ душѣ вѣчно-дремлющей Насти;
Достигла счастливо
Она двадцать перваго года;
Кротка, молчалива,
Тиха и скромна, какъ колода.
Въ своемъ околодкѣ
Она не была исключеньемъ:
Всѣ были тамъ кротки,
И славился край поведеньемъ,
Зане всѣ народы
Въ уѣздѣ Царевококшайскомъ
Несчетные годы
Дремали въ застоѣ Китайскомъ.
За это коснѣнье
Весь край былъ наказанъ жестоко:
Утративъ терпѣнье,
Юпитеръ послалъ лжепророка, —
Орудіе кары,
Пророкъ сей — двойникъ Магомета —
Фанатикъ былъ ярый,
Но только особаго цвѣта.

Мудрецъ самородный,
Рѣшитель всѣхъ высшихъ вопросовъ,
Онъ былъ что угодно:
Политикъ, юристъ и философъ.
Онъ былъ гимназистомъ,
Но выгнанъ изъ третьяго класса, —
И сталъ публицистомъ,
Издателемъ «Трубнаго Гласа.»
Рычагъ и свѣтило
Великой науки всезнанья,
Свирѣпъ, какъ Аттила,
Громилъ онъ нещадно преданья.
Онъ былъ уроженцемъ
Царевококшайской пустыни: —
Когда-то младенцемъ
Игралъ онъ съ моей героиней —
(Двоюроднымъ братомъ
Онъ Настѣ моей доводился);
Прогресса набатомъ
Теперь онъ надъ ней разразился.
Какъ змій тотъ проклятый,
Что древле предсталъ передъ Евой,
Прогресса глашатый
Явился предъ сельскою дѣвой.
Легко искушенье:
Онъ быстро поддѣлался къ Настѣ —
Ѣлъ съ нею варенье,
Ковришки и прочія сласти.
И вотъ за сластями
Повелъ онъ свободно аттаку —
Трунилъ надъ властями,
Пѣлъ гимны гражданскому браку;

Съ насмѣшкою злобной
Онъ все отвергалъ, какъ химеру —
Міръ жизни загробной,
Законы, семейство и вѣру;
Статей Мелешотта
И Фогта поборникъ завзятый,
До пятаго пота
Изъ нихъ приводилъ онъ цитаты;
Онъ счелъ, безъ сомнѣнья,
Работой, отчизнѣ полезной —
Внушить ихъ ученье
Безграмотной дурѣ уѣздной, —
И сѣмя лихое
Отъ плевелъ науки германской
Усилилось втрое
На дѣвственной почвѣ казанской.
Настасьѣ Андревнѣ,
Сложенья простаго не знавшей,
Вѣкъ жившей въ деревнѣ
И свѣта въ глаза не видавшей,
Такія ученья
Внезапно услышать пришлося,
Что въ то же мгновенье
Въ ней умъ изнемогъ отъ хаоса —
Въ ней все помутилось
Отъ новыхъ понятій тумана, —
И дѣва взбѣсилась,
Какъ будто хлебнула дурмана.
Средь этой маніи
Проэктъ въ ней родился мудреный —
Дать міру другія
Обычаи, нравы, законы,

И вотъ для начала
Взяла она въ ротъ папиросу,
Отца обругала
И въ скобку обрѣзала косу.
Съ тѣхъ поръ какъ шальная,
Въ какомъ-то нантіи рьяномъ,
Дворянка младая
Являлась на сходки къ крестьянамъ,
И тамъ для скандала,
Вѣщая имъ мудрое слово,
Она отвергала
Оброки и власть становаго,
И всѣмъ безъ разбору
Несла современные враки —
Ткачу Никанору
Врала про гражданскіе браки;
Бурмистру Авдѣю
И прачкамъ, и ключницѣ Феклѣ
Плела ахинею
О Бюхнерѣ, Фогтѣ и Бёклѣ.
Все въ домѣ дивилось,
Какъ Настя изъ кроткой голубки
Теперь превратилась
Въ гусара какого-то въ юбкѣ.
Всѣхъ больше дивилась
Мать Насти — старушка простая —
Она лишь крестилась,
Ея монологамъ внимая.
Она не цѣнила
Страстей соціальныхъ экстаза,
И просто рѣшила,
Что дочь заболѣла «отъ глаза,»

Что ропотъ на власти
И термины фразъ философскихъ
Явились у Насти
Отъ порчи и козней бѣсовскихъ,
Что слѣдственно надо
Исторгнуть несчастную душу
Изъ челюстей ада —
И Настю лѣчить, какъ кликушу.
И вотъ собрались
Жрецы всѣ и жрицы Гекаты:
Лѣкарка Анфиса
И знахарь Аѳонька Горбатый,
Танюшка Босая
И каторжникъ бѣглый Паисій,
И цѣлая стая
Ѳеклушекъ, Ѳедоръ и Анисій.
Открылися пренья,
Какъ пишутъ въ газетахъ — дебаты —
Давалъ направленье
Всѣмъ спорамъ Аѳонька Горбатый.
(На докторскомъ съѣздѣ
За то онъ былъ избранъ деканомъ,
Что всюду въ уѣздѣ
Онъ смерть наносилъ тараканамъ.)
Въ больной не открыли
Припадковъ болѣзни наружной
И хоромъ рѣшили,
Что Настю отчитывать нужно.
Ученая дѣва,
Услышавъ такое рѣшенье,
Исполнилась гнѣва,
Бранилась, дралась въ изступленьи.

Врачи растерялись,
Къ больной приступить не дерзая, —
И всѣ разбѣжались,
Осталась лишь Танька Босая.
Въ честь демонской власти
Оружье она не сложила,
И втайнѣ отъ Насти
Прилежно надъ ней ворожила:
Усердно твердила
Надъ спящею дѣвой заклятья,
Украдкой курила
Ей ладономъ обувь и платье,
И въ пищу ей клала
Волшебнаго свойства коренья,
И что-то шептала
По цѣлымъ часамъ на варенье.
Но какъ ни старалась
Изъ Насти не выгнала бѣса, —
И дѣва осталась
Поборницей ярой «прогресса.»
Смекнула Танюша,
Что видно она ворожила
Надъ мнимой кликушей,
Что барышня просто блажила;
И это сомнѣнье
Открыла родителямъ Насти;
Тѣ взяли рѣшенье —
Прибѣгнуть къ отеческой власти:
Лѣченье оставить,
А дѣйствовать строго и круто,
И дочку исправить
Посредствомъ древеснаго прута:

Но дочка смекнула
Объ этомъ рѣшеньи проклятомъ —
И вдругъ улизнула
Въ Петрополь съ двоюроднымъ братомъ
И тамъ отличалась
Своимъ направленьемъ отпѣтымъ —
Въ танцклассы являлась, —
И кончила — желтымъ билетомъ.

1866 года.

XI.

РУССКІЕ УЧЕНЫЕ.

I.

Ученый прежнихъ временъ.

Онъ былъ въ веснѣ своей
И въ Боннѣ, и въ Берлинѣ:
Пылалъ любовью къ *ней*
(Къ кухаркѣ Каролинѣ);
И брудершафты пилъ,
И на рапирахъ дрался,
И Фихте изучилъ,
И Кантомъ пропитался.
Онъ умъ свой упражнялъ
Въ мышленіи германскомъ
И пиво истреблялъ
Въ количествѣ гигантскомъ.
Онъ Нѣмцемъ сталъ кругомъ:
Вкушалъ онъ съ умиленьемъ
Картофель съ молокомъ,
Яичницу съ вареньемъ,
Прокислый кофей пилъ,
Ѣлъ супы изъ корицы

И гриву отростилъ
До самой поясницы.
Учился онъ лѣтъ шесть
И живия жилъ въ биргалѣ,
Но все успѣлъ прочесть,
Что Нѣмцы написали.
Усердно посѣщалъ
Профессорскія чтенья
И вѣчно имъ внималъ
Въ какомъ-то изступленьи.
Онъ бралъ изъ всѣхъ наукъ
Лишь общія начала,
И въ умъ свой, какъ въ сундукъ,
Валилъ ихъ какъ попало:
Духовный сей амбаръ,
Сей арсеналъ огромный
Везти хотѣлъ онъ въ даръ
Своей отчизнѣ темной,
А тамъ — въ Москвѣ у насъ
Его давно ужъ знали
И каждый день и часъ
Тревожно ожидали:
Ученая молва
Давно о немъ гремѣла,
И добрая Москва
Предъ нимъ благоговѣла:
По отзывамъ о немъ
Друзей его Берлинскихъ,
Онъ обладалъ умомъ
Размѣровъ исполинскихъ;
Твердили всѣ, что онъ
Нашъ будущій Спиноза,

Декартъ, Сократъ, Зенонъ —
Ихъ душъ апоѳеоза,
Что онъ произведетъ
Въ наукѣ непремѣнно
Такой переворотъ,
Что ахнетъ вся вселенна.

Предсталъ онъ въ край родной
Косматымъ, исхудалымъ,
Съ восторженной душой,
Парящей къ идеаламъ.
Россію онъ обрѣлъ
Въ невѣжествѣ глубокомъ,
Въ пучинѣ бѣдъ и золъ,
И сдѣлался пророкомъ.
Хотѣлъ онъ озарить
Отчизну свѣтомъ новымъ,
И жизнь въ ней пробудить
Своимъ могучимъ словомъ:
Онъ просвѣтить желалъ
Московскихъ дамъ и франтовъ —
Въ мазуркѣ имъ кричалъ
Про Гегелей и Кантовъ;
Палимъ святымъ огнемъ
Науки отвлеченной,
Ходилъ изъ дома въ домъ,
Оралъ, какъ изступленный:
Носилъ онъ въ головѣ
Какую-то идею
И бѣгалъ по Москвѣ
Семь лѣтъ, чреватый ею.
Нова и глубока

Была идея эта,
Унесть за облака
Могла бъ она поэта,
Могла бы разрѣшить
Вопросы вѣковые,
И сразу намъ открыть
Всѣ тайны міровыя,
И могъ бы міръ земной
Вдругъ въ рай преобразиться,
Когда бы мой герой
Могъ ею разрѣшиться.
Но тщетно онъ хотѣлъ
Найти ей выраженье —
Билъ въ грудь себя, пыхтѣлъ,
Потѣлъ отъ напряженья.
На сей жестокій трудъ,
На эти всѣ мученья
Москвы ученый людъ
Взиралъ въ благоговѣньи.
И долго, долго ждалъ
И ждалъ нетерпѣливо,
Чтобъ наконецъ насталъ
Тотъ день и мигъ счастливый —
Тотъ мигъ, какъ нашъ Сократъ
Идеей разрѣшится, —
И тотчасъ новый взглядъ
Въ наукѣ воцарится.
Казалось имъ порой,
Что мигъ сей приближался:
Философъ молодой
Вдругъ въ думу погружался....
И молча просидѣвъ

Минуты три на стулѣ,
Вдругъ вскакивалъ, какъ левъ
Задѣтый дерзкой пулей,
И, будто пораженъ
Открытіемъ мгновеннымъ,
Сверкалъ какъ Аполлонъ
Онъ взоромъ вдохновеннымъ.
Всѣ думали: «ну вотъ!
Нашелъ онъ видно слово:
Разинетъ только ротъ —
И истина готова.
Вѣдь послѣ столькихъ мукъ,
Какъ Зевса порожденье,
Она предстанетъ вдругъ
Во всемъ вооруженьи.»
И ротъ онъ разѣвалъ,
Но тотчасъ запинался
И слова вновь искалъ,
И снова бѣсновался.
И будущій Зенонъ
Умомъ своимъ мудренымъ
Постигъ, что видно онъ
Не созданъ Цицерономъ, —
Что въ немъ недостаетъ
Ораторской отваги,
Что рѣчь онъ поведетъ
Смѣлѣе на бумагѣ.
И вздумалъ онъ писать
Трактатъ, — трактатъ обширный,
Чтобъ имъ вѣнецъ стяжать
Извѣстности всемірной,
Чтобъ въ ономъ воплотить

Завѣтную *идею*,
И міръ ошеломить
Премудростью своею.
Онъ сшилъ себѣ тетрадь
Безъ малаго въ три пуда
И сѣлъ было писать....
Но съ нимъ случилось чудо:
Увы! въ тотъ самый мигъ,
Какъ за перо онъ взялся,
Онъ сразу сталъ въ тупикъ
И въ мысляхъ растерялся: —
Въ себѣ онъ ощутилъ
Вдругъ страшное волненье —
Приливъ духовныхъ силъ
И мыслей наводненье:
Ходили ходуномъ,
Вздымались океаномъ
Бурливо думы въ немъ,
Покрытыя туманомъ;
Весь умственный запасъ,
Что въ немъ давно копился,
Возсталъ теперь заразъ
И выдти вонъ стремился.
Стремился, но увы,
То было лишь стремленье:
Не лѣзъ изъ головы,
Не шелъ изъ заточенья
Хаосъ великихъ думъ;
Въ ихъ скопищѣ огромномъ
Блуждалъ напрасно умъ,
Какъ въ лабиринтѣ темномъ;
И тщетно мой герой

Ихъ выразить старался —
Теръ лобъ себѣ рукой,
По комнатѣ метался,
То по Москвѣ бродилъ,
То на диванъ ложился,
Грызъ ногти, воду пилъ
И плакалъ, и бѣсился,
А все никакъ не могъ
Привесть въ порядокъ стройный
Туманныхъ думъ потокъ
Безплодно безпокойный.
Какъ будто сокрушенъ
Отверженной любовью,
Блѣднѣлъ и чахнулъ онъ
И даже харкалъ кровью,
Чуть ноги волочилъ,
Не зналъ ни сна, ни пищи,
Едва не угодилъ
Ad patres — на кладбище,
А все не могъ сыскать
Для мыслей оболочки,
И въ толстую тетрадь
Не внесъ онъ ни полстрочки.

—

И много, много лѣтъ
И лучшихъ лѣтъ умчалось,
А все на Божій свѣтъ
Идея не являлась.
И вотъ ученый мужъ
Увидѣлъ самъ, въ чемъ дѣло —

Смекнулъ, что просто чушь
Въ башкѣ его сидѣла, —
Что ровно никакой
Тамъ не было идеи
И что всему виной
Поклонники злодѣи.
«Не смысля ничего,
Они съ восторгомъ дикимъ
Прославили его
Премудрымъ и великимъ.»
И вотъ мечты покровъ
Съ очей его свалился:
Сталъ веселъ онъ, здоровъ
И весь преобразился;
На впадинахъ ланитъ
Румянецъ показался
И волчій аппетитъ
Въ желудкѣ разыгрался.
Сталъ клубъ онъ посѣщать,
Сталъ мирнымъ гражданиномъ,
Не сталъ пренебрегать
Ни орденомъ, ни чиномъ.
И мѣсто получилъ,
И выгодно женился,
И брюхо отпустилъ,
И съ жизнью примирился, —
И съ глупою женой
Подъ теплымъ одѣяломъ
Заспалъ философъ мой
Стремленье къ идеаламъ.

II.

Ученый нашего времени.

Дней своихъ еще весною —
На тринадцатомъ году —
Онъ прочелъ съ меньшой сестрою
Всю «Полярную Звѣзду.»
Былъ онъ мальчикъ скороспѣлый:
Въ эти раннія лѣта
Онъ кричалъ, съ осанкой смѣлой,
Что ученье суета.
Съ видомъ гордаго презрѣнья,
Онъ твердилъ въ кругу ребятъ,
Что склоненья и спряженья
И таблица умноженья
Ходъ прогресса тормозятъ;
Что великая преграда
Для прогресса буква *ять*,
Что ее давно бы надо
Изъ отечества изгнать,
Что она, сдружась издавна

Съ недостойною *витой*,
Вмѣстѣ съ *ижицей* безславной
Въ насъ поддерживаетъ явно
Духъ неволи и застой, —
Что грамматика, — наслѣдство
Схоластическихъ затѣй,
Есть надежнѣйшее средство
Притуплять умы дѣтей;
Что латынь—одно мученье, —
Старыхъ Нѣмцевъ злой недугъ;
Что для насъ одно спасенье
Свѣтъ естественныхъ наукъ.
Такъ нашъ будущій учитель,
Русской мудрости атлетъ —
Юной Руси просвѣтитель
Разсуждалъ въ двѣнадцать лѣтъ.
Разъ избравши путь реальный,
Вѣренъ взгляду своему,
Онъ въ гимназіи буквально
Не учился ничему.
Лишь сбиралъ букашекъ, мушекъ,
Травы всякія сушилъ
И мышей, крысятъ, лягушекъ
Съ наслажденьемъ потрошилъ.
Эти важныя занятья,
Эти тяжкіе труды,
Хоть марали страшно платье,
Дали чудные плоды:
Строгій методъ наблюденья
Рано въ отрокѣ развилъ
Благотворный духъ сомнѣнья,
И реальное воззрѣнье

Въ немъ на вѣки укрѣпилъ:
Мучимъ жаждой отрицанья,
Сомнѣвался онъ во *всемъ*, —
И съ тѣхъ поръ лишь въ осязанье,
Въ микроскопъ, да въ обонянье
Сохранилась вѣра въ немъ;
Міръ природы — міръ реальный
Весь раскрылся передъ нимъ,
И мальчишка геніальный
Сталъ философомъ лихимъ.
Много истинъ драгоцѣнныхъ....
Не высокихъ истинъ — нѣтъ!
Но безспорныхъ, несомнѣнныхъ
Набрался онъ съ юныхъ лѣтъ: —
Онъ узналъ чрезъ изученье
Положительныхъ наукъ,
Что на свѣтѣ есть творенье
Подъ названіемъ паукъ,
Онъ узналъ (то фактъ не новый,
Но наглядность дорога,
Дорогъ методъ намъ толковый)
Онъ узналъ, что у коровы
Есть дѣйствительно рога.
Этихъ фактовъ безъ сомнѣнья
Онъ не могъ бы вѣкъ узнать,
Еслибъ Цезаря творенья
Принужденъ былъ изучать.
Съ этой массой колоссальной
Фактовъ, взглядовъ и началъ
Эрудиціи реальной
Къ русской публикѣ журнальной
Онъ въ диктаторы попалъ.

Не щадя острот лакейскихъ,
Онъ съ плеча въ своихъ статьяхъ
Всѣхъ ученыхъ Европейскихъ
Разгромилъ и въ пухъ и въ прахъ.
И Гизо, и Маколея,
И Токвиля, и Минье
Обвинялъ онъ, не краснѣя,
Въ шарлатанствѣ и враньѣ.
И народной нашей славы
Онъ кумировъ не забылъ, —
И создателя «Полтавы»
Идіотомъ объявилъ.
Вѣренъ Бюхнера доктринамъ
Онъ кричалъ, что самъ Ньютонъ
Былъ, какъ всѣ, умомъ куринымъ
Отъ природы одаренъ —
Что въ минуту вдохновенья —
Въ мигъ, когда постигнулъ онъ
Міроваго тяготѣнья
Богомъ созданный законъ, —
Имъ владѣла та же сила,
Та же мысль свѣтилась въ немъ,
Что индѣйку научила
Пробавлять себя зерномъ.
И такихъ теорій кучи
Нашъ ученый сочинилъ;
Долго гласъ его могучій
Предъ толпой эффектъ трескучій
Въ мѣсяцъ разъ производилъ.
И могучее вліянье
За собой онъ укрѣпилъ,
И въ наукѣ основанье

Новой школы положилъ:
Бурсаки, пансіонерки
И провинцій дикихъ львы
И дѣвицы-баядерки,
Фрины Мойки и Невы
Свято чтутъ его ученье,
Какъ Евреи свой Талмудъ
И другаго направленья
Вплоть до гроба не поймутъ.

Май, 1866 г.

XII.

НЕДАЛЬНОВИДНОЕ ЧЕСТОЛЮБІЕ.

или

Замоскворѣчье и Бѣлый Городъ.

(Историческій романъ.)

—

Грядущаго знать невозможно:
День завтрашній — тайна для насъ.
На истинѣ сей непреложной
Основанъ мой новый разсказъ.

Въ Москвѣ близъ Коровьяго Вала
Младая купчиха жила,
(Для риемы скажу обитала),
И первою львицей квартала
Въ общественномъ мнѣньи слыла.
Мила, какъ мечтанье поэта,
Пуста, какъ его кошелекъ,
Невинная дѣвушка эта
На балахъ торговаго свѣта
Царила, какъ мѣстный божокъ.

Природа ее изваяла,
Какъ самый прилежный скульпторъ
Въ ней всякая мелочь прельщала
Отдѣлкой изящною взоръ;
Все страстью и нѣгою томной
Дышало въ красоткѣ моей,
Все—кончикъ ноги ея скромной,
Шикарная форма ногтей,
Рисунокъ бровей, подбородокъ
И личика строгій овалъ,—
И на версту весь околодокъ
Въ нее былъ влюбленъ наповалъ.
И вся молодежь холостая
Ея добивалась руки
И, страстью преступною тая,
Къ ней льнули толпой старики.
Но въ сердцѣ сей дѣвы ужасной
Любовь никогда не жила:
Холодной, надменной, безстрастной
Природа ее создала:
Въ ней гордое сердце не знало
Ни сладкихъ восторговъ, ни мукъ,
Открыто она презирала
Своихъ жениховъ и подругъ
И матери нѣжной, старушки,
Какъ будто чуждалась она...
Ну, словомъ, какъ кожа лягушки,
Была въ ней душа холодна.
Въ мущинахъ ее не прельщали
Ни кудри, ни очи, ни станъ,
Ни зубы блестящей эмали,
Ни туго набитый карманъ,

Ни умъ, ни тѣлесная сила,
Ни усъ трехъ-аршинной длины:
За то она страстно любила
Кресты да большіе чины.
Ея благосклоннаго взора
Лишь тотъ удостоиться могъ,
Кто чиномъ не ниже майора,
Хоть будь онъ умомъ не далекъ.
Да, наша Анфиса Петровна
(Такъ будемъ ее называть)
Хотѣла быть дамой чиновной
Пробраться въ дворянство и въ знать.

Въ Москвѣ близъ Коровьяго Вала
Въ тѣ дни проживалъ кандидатъ:
Вбивалъ онъ науки начала
Въ купеческихъ жирныхъ ребятъ.
Хоть былъ онъ учености рѣдкой
Но малый былъ жолчный, больной.
И былъ онъ своею сосѣдкой
Три года плѣненъ, какъ шальной.
Подъѣхалъ онъ къ ней съ предложеньемъ
И чтожъ? получилъ только носъ: —
Она отвѣчала презрѣньемъ;
Онъ это едва перенесъ:
И мщенья зловредная искра
Вдругъ въ сердцѣ влюбленномъ зажглась,—
И сталъ онъ держать на магистра,
Чтобъ ей отомстить за отказъ.

Опасности грозной не чуя,
Не чуя предательскихъ ковъ,

Анфиса, на балахъ танцуя,
Искала между тѣмъ женіховъ.
И вотъ наконецъ отыскался
Какой-то майоръ отставной,
И бракомъ онъ съ ней сочетался,
Но въ Маѣ, въ концѣ Великой.
И гордою барыней стала
Анфиса Петровна моя:
Съ восторгомъ она промѣняла
Затишье Коровьяго Вала
На шумные наши края.
Но только своей атмосферой
Пахнулъ на Анфису Арбатъ,—
На званіе штабъ-офицера
Она измѣнила свой взглядъ.
И скоро она разгадала,
Раскинувъ кичливымъ умомъ,
Что-то, что умы поражало
Въ предѣлахъ Коровьяго Вала,
Въ Арбатской части нипочемъ.
И вотъ съ высоты идеала
Майорство она низвела:
Теперь лишь звѣздѣ генерала
Она удивляться могла.
И стало на свѣтѣ ей тошно;
Лишась аппетита и сна,
Къ супругу и денно и нощно
Теперь приставала она,
Чтобъ онъ, дармоѣдъ, непремѣнно
На службу опять поступилъ,
И чинъ генеральскій почтенный
Какъ можно скорѣй получилъ.

А бѣдный супругъ всей душою
На службу вступить былъ бы радъ,
Но былъ тутъ помѣхой большою
Служебный его аттестатъ.

Межъ тѣмъ, получивши магистра,
Учитель на службу вступилъ
И въ гору поднялся онъ быстро
И пропасть чиновъ получилъ.
Его наградила природа
Умомъ бюрократа: постигъ
Онъ таинства службы въ полгода,—
А тамъ съ быстротой парохода
Четвертаго класса достигъ.

Однажды Анфиса сидѣла
Въ театрѣ; давали балетъ:
До сцены ей не было дѣла —
Она въ бельэтажъ все глядѣла
Любуясь на чопорный свѣтъ.
Глядѣла—и вдругъ задрожала,
Почувствовавъ холодъ въ крови:
Учитель съ Коровьяго Вала
Съ ней гордо сидѣлъ vis-a-vis: —
На персяхъ его красовались
Такихъ степеней ордена,
Что мысли ея вдругъ смѣшались, —
И замертво пала она.

Съ тѣхъ поръ Чальдъ-Гарольдъ мой чиновный
(Онъ страшно злопамятенъ былъ)
Вездѣ за Анфисой Петровной

Съ ехидной улыбкой слѣдилъ:
Въ концертахъ, въ рядахъ, на гуляньи,
Вездѣ передъ ней онъ торчалъ,
Встрѣчался ей въ каждомъ собраньи
И въ церкви молиться мѣшалъ.
И гдѣ бы они не встрѣчались
Онъ страшенъ ей былъ какъ гроза:—
Съ упрекомъ ей въ сердце впивались
Его ордена и глаза.
И, кажется, вслухъ ей твердили
Безжалостно-злобный вопросъ:
— «Анфиса! зачѣмъ вы сглупили?
Зачѣмъ съ-горяча наклеили
Хозяину нашему носъ?!
Конечно, левитовъ потомокъ,
Онъ рангомъ былъ такъ невысокъ,
За то онъ рыдалъ, какъ ребенокъ,
У вашихъ хорошенькихъ ногъ!
А вы, ...вы безчувственны были,
И гордо стояли предъ нимъ
И юное сердце разбили
Вы словомъ суровымъ однимъ.
Терпите же Тантала муки,
Вы, съ завистью глядя на насъ,
Ломайте въ отчаяньи руки:
Теперь мы блестимъ не про васъ.

20 Января, 1865 года.

XIII.

БЕЗКОРЫСТНЫЙ РЕФОРМАТОРЪ.

—

Въ Москвѣ было душно и жарко,
Марія на дачѣ жила;
Я жилъ близь Петровскаго парка,
А въ паркѣ ихъ дача была.
Сошелся я съ ней подъ Всесвятскимъ.
Она какъ-то сбилась съ пути,
Взялся я съ участіемъ братскимъ
Съ ней до дому вмѣстѣ дойдти.
Съ тѣхъ поръ каждый день мы видались,
И вздумалось мнѣ той порой
Поднять философскій анализъ
Въ головкѣ ея молодой.
Огромный талантъ педагога
Въ себѣ я внезапно открылъ,
И планъ воспитанія строго
Въ двѣнадцать минутъ обсудилъ.
Сей планъ изложу я вамъ вкратцѣ:
Вопервыхъ я сразу постигъ,
Что дѣвушкѣ, вѣрящей въ святцы,
Нельзя все сказать на прямикъ

И міра открыть вдругъ изнанку,—
И прямо, безъ каверзъ и штукъ,
Впихнуть молодую дворянку
Въ тайникъ философскихъ наукъ.
Такимъ откровеннымъ пріемомъ
Лишь можно ее запугать;
Ужь лучше обухомъ иль ломомъ
Ей просто затрещину дать.
Притомъ же она перескажетъ
Все матери дурѣ, а мать
Сейчасъ же лакеямъ прикажетъ
Философа въ часть отослать.
И такъ я рѣшился на штуки —
Рѣшился съ Маріей хитрить,
И въ храмъ нашей постной науки
Конфеткой ее заманить: —
Сначала въ ней къ чтенью охоту
Посредствомъ романовъ развить,
Задать ея мозгу работу,
И только тогда къ Молешоту
Открытымъ путемъ приступить,
Когда подо всѣ тѣ ученья,
Что съ дѣтства внушаетъ намъ попъ,
При помощи *легкаго чтенья*,
Я вырою тайный подкопъ
Въ головкѣ ея полудикой,
И въ душу къ ней вкрадусь, какъ тать....
И съ этою цѣлью великой
Я сталъ ей романы читать.
Извѣстный романъ «Наканунѣ»
Въ одинъ я присѣстъ отмахалъ;
Вспотѣлъ я какъ лошадь, но втунѣ

Священный мой потъ не пропалъ.
Съ достоинствомъ, точно Юнона,
Сначала внимала она,
Полна родоваго аплона,
И дѣвушка лучшаго тона
Была въ ней до пятокъ видна: —
Какъ слѣдуетъ свѣтской дѣвицѣ,
Внимающей русскій романъ,
Сидѣла, не двинувъ рѣсницей,
Она, какъ какой истуканъ;
Во взорѣ ни тѣни вниманья,
Лишь гордость, презрѣнье и лѣнь.
Какъ будто бы все мірозданье
Для ней ни почемъ, дребедень.
Но послѣ, когда за живое
Елена ее забрала
И вспыхнуло въ ней ретивое, —
Она точно вдругъ ожила.
Когда я прочиталъ то мѣсто,
Гдѣ, долга сознаньемъ полна, —
Инсарова проситъ невѣста
Ее получить всю сполна, —
Она на меня устремила
Взоръ полный любви и огня
И съ хохотомъ нервнымъ спросила:
Что значитъ «возьми всю меня».
Я обмеръ, какъ будто обухомъ
Меня угодили въ високъ;
И долго сбирался я съ духомъ,
Чтобъ ей отвѣчать, но не могъ.
Молчу, все лицо покраснѣло
Дрожу, словно пойманный воръ;

Она же въ меня очень смѣло
Вонзила насмѣшливый взоръ....
И чувствовалъ я.... но словами
Тѣхъ чувствъ передать не могу....
«Monsieur Вознесенскій, что̀ съ вами?»
Спросила, блистая глазами,
Марія. Но я ни гу-гу!
«Что̀ съ вами?» она повторила,
И снова насмѣшливый взглядъ
Въ меня, какъ иголку, вонзила,
И съ хохотомъ скрылася въ садъ.

Оставшись одинъ, я невольно
Себя обругалъ дуракомъ,
И въ собственный лобъ очень больно
Съ досады хватилъ кулакомъ.
Вѣдь дѣвка-то бой, я воскликнулъ,
Какого же маху я далъ!
Какъ мало въ природу я вникнулъ,
Хоть Бюхнера много читалъ.
Увѣренъ я былъ, что Марія
Еще предразсудковъ полна;
Готовъ бы держать былъ пари я,
Что вѣритъ доселѣ она,
Какъ вѣритъ любая дѣвица
Ея воспитанья и лѣтъ,
Что племя людское родится
Изъ бѣлой капусты на свѣтъ.
Воспитанъ по старой методѣ,
Вѣдь вѣрилъ я самъ съ годъ назадъ,
Что будто меня въ огородѣ
Мамаша нашла между грядъ.

Но этотъ смѣшной, идеальный,
Отсталый, мистическій взглядъ
Во мнѣ истребилъ радикально
Наукой своей либеральной
Философовъ новыхъ отрядъ:
Когда Молешотъ съ Фейербахомъ
Сорвали съ природы покровъ:—
Во мнѣ разлетѣлися прахомъ
Всѣ догматы среднихъ вѣковъ;
Къ тому же и лекціи Коха
Я въ прошломъ году посѣщалъ,
А прежде я какъ-то все плохо
Природу вещей постигалъ.
Марія же отроду въ руки
Ученыхъ брошюръ не брала,
Жила въ сторонѣ отъ науки
И съ самаго дѣтства росла
Въ оковахъ желѣзныхъ преданья,
Идей современныхъ чужда....
Откуда же эти познанья
Она почерпнула? Когда?
Ужели она инстинктивно —
Посредствомъ догадокъ простыхъ
Своею головкой наивной
Дошла до познаній такихъ?
Ее я считалъ прежде дурой,
Но вижу теперь, что она
Почти геніальной натурой
И быстрымъ умомъ снабжена;
Она совершенно созрѣла
Для самыхъ серьйозныхъ идей, —
И можно открыто и смѣло
Начать пропаганду надъ ней.

И вотъ началась пропаганда.
Чтобъ дать ея взглядамъ просторъ,
Я ей прочиталъ Жоржа Санда,
Записки Селестъ Магадорѣ,
Густава Надо, Беранжера, —
И мало-по-малу предъ ней
Открылася новая сфера,
Открылась изнанка вещей.
Марія прилежно внимала
Съ участіемъ страстно-нѣмымъ
И, кажется, все понимала
Инстинктомъ природнымъ своимъ.
И часто, когда мнѣ случалось
Прочесть ей пикантный куплетъ,
То грудь ея бурно вздымалась.
И такъ ея кровь волновалась,
Что лопнулъ однажды корсетъ.

Марія совсѣмъ измѣнилась
Отъ чтенья порядочныхъ книгъ: —
Со мной какъ съ сестрой обходилась,
Ни въ чемъ никогда не стыдилась,
Какъ будто ужъ былъ я старикъ: —
Свободно и смѣло, безъ краски
Въ лицѣ, скидавала башмакъ,
При мнѣ поправляла подвязки.
А я? Я краснѣлъ какъ дуракъ!
Краснѣлъ я, но въ эти минуты
Я въ нѣдрахъ души ликовалъ,
Что свѣтскихъ обычаевъ путы
На юной душѣ развязалъ.

Но ты усмѣхнулся лукаво.
Читатель и молвилъ: «хе, хе!...
«Онъ малый не промахъ!» Но право,
Меня обвинилъ ты неправо
Ловласства во мнимомъ грѣхѣ.
Ей Богу, на дѣвушку эту
Я видовъ совсѣмъ не имѣлъ:
На пользу отчизнѣ и свѣту
Развить я Марію хотѣлъ.
Клянуся, и правую руку
Я съ чувствомъ на сердце кладу,
Что только прогрессъ и науку
Имѣлъ я при этомъ въ виду.
По мнѣ, господа, что мущина
Что дама все это равно,
И страстной любви чертовщина
Есть вздоръ, пустословье одно.
Что мнѣ красоты обаянье!
Я такъ отъ природы сложенъ,
Что даже лишенъ обонянья
И въ кушаньяхъ вкусу лишенъ.
Ни страсти, ни нѣжныя чувства,
Души не смущаютъ моей;
Терпѣть не могу я искусства,
Природы, собакъ и дѣтей;
Противны мнѣ музыка, пѣнье;
Вино и табакъ не терплю.
Я знаю лишь два наслажденья:
Люблю я читать разсужденья
И мыслить ужасно люблю.
Франтить не люблю,—одѣваюсь
Я только, чтобъ тѣло прикрыть,

И чѣмъ ни попало питаюсь,
Чтобъ только голоднымъ не быть;
И чуждый мірскому веселью,
Я мрачнымъ аскетомъ слыву:
И ѣмъ я съ ученою цѣлью,
И съ этой же цѣлью живу: —
Вѣдь жить для того я желаю,
Чтобъ умныя книги читать,
А умныя книги читаю,
Чтобъ послѣ людей просвѣщать....

Но я возвращаюсь къ Маріи.
Любовью къ наукѣ полна,
Въ познаньяхъ успѣхи большіе
При мнѣ оказала она.
Всего протекло три недѣли
Какъ сталъ я ее развивать,
Но близокъ ужъ былъ я отъ цѣли.
Уже помышлялъ я начать
Знакомить ее съ Луи Бланомъ
Съ Прудономъ, Бланки и Кабе,
Но это осталось лишь планомъ,
(Такъ было угодно судьбѣ!)
Вдругъ осень нагрянула. Холодъ
Сталъ въ дачи ходить по ночамъ,
И бросились дачники въ городъ
Къ окошкамъ двойнымъ и печамъ.
Прощаясь со мною, Марія
Была и грустна, и блѣдна....
«Прошли наши дни золотые»,
Вздохнувъ, прошептала она,
И съ чувствомъ мнѣ руку пожала,

И, томно склонясь головой,
Почти со слезами сказала:
«Я знаю, вамъ скучно со мной:
Вы такъ и умны, и учены,
И столько читали вы книгъ
Что знаете все: и.... законы....
И.... этотъ.... латинскій языкъ....
И химію.... знаете даже,
Что въ мозгъ намъ кладется фосфоръ,
Что всякая собственность—кража,
Что бракъ и Юркевичъ—все вздоръ.
Вы такъ говорите прекрасно!....
И въ Зыковской рощѣ вчера
Вы такъ доказали мнѣ ясно,
Что нѣту ни зла, ни добра,
Что въ людяхъ нѣтъ вовсе.... экстаза,
А сдѣлана наша душа
Изъ угля прокислаго, газа,
И.... какъ бишь его?.... поташа,
По-русски сказать аммоніяка,—
Что, слѣдственно, нѣту грѣха
Любить иногда и безъ брака,
И ѣздить на балы безъ фрака,
И выбрать въ мужья бурлака,
Что можно курить за обѣдомъ,
Бѣлья никогда не мѣнять,
Что можно Финляндію Шведамъ,
А Польшу Замойскимъ отдать,
Велѣть всѣмъ губерніямъ нашимъ
Жаргоны свои развивать,
Велѣть и Мордвѣ и Чувашамъ
Словесность родную создать;

Что можно порядочнымъ дамамъ
Въ квартальныхъ служить, какъ мужьямъ;
Что не было Евы съ Адамомъ;
Что міръ нашъ вдругъ сдѣлался самъ;
Что можно родиться изъ пыли;
Что люди въ старинные дни,
Сперва обезьянами были
И ѣли легюмы одни,
Но стали читать и учиться,
И сдѣлались тотчасъ людьми,—
Что, слѣдственно, стыдно гордиться
И носъ подымать предъ звѣрьми,
А надо открыть имъ объятья:
Всѣ птицы, всѣ даже скоты
По крови намъ меньшіе братья,
Но мало еще развиты.
Когда же придетъ просвѣщенье
И люди прогрессъ заведутъ,
И всѣ эти... тамъ.... учрежденья
Совсѣмъ наконецъ упадутъ,
И будетъ порядокъ разрушенъ,
И люди скотовъ разовьютъ. —
То лошади всѣ изъ конюшенъ,
И изъ лѣсу волки уйдутъ,
Отъ матокъ отдѣлятся пчелы,
И свиньи сломаютъ хлѣва,
И бросившись съ жадностью въ школы,
Получатъ на службѣ права;
И будетъ у насъ все прекрасно,
И такъ хорошо будетъ всѣмъ,
И будетъ все дѣлаться гласно,
И просто наступитъ эдемъ:

Пройдутъ у людей всѣ пороки
И страсти: крестьяне тогда
Платить перестанутъ оброки,
Не будетъ судей и суда;
Дадимъ мы всѣмъ нищимъ богатство,
На выборахъ — всѣмъ голоса, —
И будетъ вдругъ равенство, братство,
Свобода, любовь.... et.... tout.... ça!....»

«И много вы мнѣ говорили
Хорошихъ и умныхъ вещей;
Но больше всего поразили
Вы фразой одною своей....
Сказали вы: еслибъ аптека
Была подъ рукою у васъ,
Вы сдѣлать могли бъ человѣка
По химіи вашей сейчасъ....
И вѣрю я вамъ — вы философъ....
Вы химикъ и физикъ такой,
И столько рѣшили вопросовъ,
Что право.... вамъ скучно со мной: —
Вѣдь я.... Я глупа. Убѣдилась
Я въ этомъ недавно сама:
Хоть въ дѣтствѣ я много училась,
Но въ памяти лишь сохранилось:
J'aimai, tu aimas, il aima.
Но ежели жаль хоть немного
Вамъ дурой меня оставлять,
То я васъ прошу, ради Бога,
Меня и въ Москвѣ.... развивать.»

Я принялъ ея предложенье
И былъ такъ глубоко счастливъ,
Что тотчасъ со мной отъ волненья
Ужаснѣйшій сдѣлался тифъ.
Я утромъ съ Маріей разстался,
А къ вечеру слегъ ужь въ постель;
Въ постели же я провалялся
Ровнехонько восемь недѣль.
И, лежа, горѣлъ я желаньемъ
Скорѣе оставить кровать,
Чтобъ снова и съ вящимъ стараньемъ
Марію начать развивать.
И только что я убѣдился,
Что въ силахъ ногами владѣть,
Сію же минуту рѣшился
Къ прекрасной адепткѣ летѣть.
Надѣвъ панталоны, манишку,
И прочій безсмысленный вздоръ,
И взявъ восемь томовъ подъ мышку,
Во весь я помчался опоръ
На ванькѣ несчастномъ къ Маріи,
Везя ей духовный обѣдъ.
Дорогой сложилъ я по хріи
Ей краткій и сильный привѣтъ.
У нихъ былъ свой домъ близь Мясницкой,
Огромнѣйшій каменный домъ,
Гдѣ, комфортъ любя, сибаритскій,
Мать съ дочерью жили вдвоемъ.
Когда предо мною открылся
Его мрачно-гордый фасадъ,
Я вдругъ почему-то смутился
И думалъ ужъ ѣхать назадъ.

Но ванька мой, мысли быстрѣе,
Къ подъѣзду меня подкатилъ;
Швейцаръ въ темносиней ливреѣ
Съ почтеньемъ мнѣ дверь отворилъ.
Я вдругъ очутился въ швейцарской
Межъ мраморныхъ статуй и вазъ,
И обмеръ: мой взоръ семинарскій
Такой обстановки боярской
Во снѣ не видалъ отродясь.
Я назвалъ себя, — и раздался
Зачѣмъ-то на лѣстницѣ звонъ, —
И тутъ я совсѣмъ растерялся,
Явленьемъ такимъ пораженъ.
(Доселѣ считалъ ужъ бонтономъ
Я домъ, гдѣ у двери звонокъ;
Но право же лѣстницъ со звономъ
Себѣ и представить не могъ).
Явился слуга трехъ-аршинный,
Потомъ обо мнѣ доложилъ,
И мигомъ по лѣстницѣ длинной
Меня онъ на верхъ протащилъ.
И вотъ прохожу я съ смущеньемъ
Гостиныхъ безчисленныхъ радъ;
Со стѣнъ на меня съ удивленьемъ
Фамильныя рожи глядятъ.
Иду и въ душѣ ощущаю
Какой-то паническій страхъ,
Ногами совсѣмъ утопаю
Въ безсовѣстно-мягкихъ коврахъ:
И поступью глупо-несмѣлой
Достигъ я до комнаты той,
Гдѣ Марья Петровна сидѣла, —

И ожилъ заранѣ душой.
Вошелъ.... и сробѣлъ совершенно
И бросило тѣло все въ жаръ: —
Предъ ней возсѣдалъ препадменно
Огромный.... гвардейскій гусаръ.
Взглянулъ на Марію тогда я
И право насилу узналъ,
Холодность и важность такая —
Ну просто — что твой генералъ!
Она мнѣ кивнула головкой,
И этотъ небрежный кивокъ
Былъ сдѣланъ такъ мило и ловко,
Былъ такъ граціозно легокъ,
И былъ онъ такъ вѣжливъ жестоко,
Презрительно ласковъ такъ былъ,
Что я, оскорбленный глубоко,
Невольно глаза опустилъ;
Глаза опустивши, впервые
Тутъ только замѣтилъ я вдругъ
Свои сапожищи худые
И пухомъ покрытый сюртукъ.
Я вздрогнулъ, и вдругъ изъ-подъ мышки,
Какъ бы къ довершенію бѣдъ,
Посыпались умныя книжки,
Какъ бомбы, на звонкій паркетъ.
Марія чуть-чуть улыбнулась,
Взглянувши на книги мои,
Но эта улыбка воткнулась
Мнѣ въ сердце, какъ жало змѣи.
Мнѣ было бы легче разъ во сто.
Когда бъ, при пассажѣ такомъ,
Она разсмѣялась бы просто,

Какъ пьяный мужикъ—на весь домъ.
Но былъ такъ обидно спокоенъ
Характеръ улыбки у ней,
Какъ будто ужъ я недостоинъ
И громкаго смѣха — ей, ей!
И взглядъ ея въ это мгновенье
Такъ мягко въ себѣ отражалъ
Такое ко мнѣ снисхожденье, —
Что я.... я сейчасъ убѣжалъ.
Вскипѣлъ я безмѣрною злобой
Къ адепткѣ бездушной моей
И собственной жалкой особой
Гнушался четырнадцать дней,
И билъ себя съ яростью въ темя
И плакалъ, и громко вопилъ:
«Зачѣмъ я безцѣнное время
Для этой дѣвчонки губилъ!?
Зачѣмъ подлѣ Зыкова въ рощѣ,
Краснѣя, ее развивалъ!?
Ахъ, лучше бъ я дѣйствовалъ проще!...
И бисеръ предъ ней не металъ.
Тогда бъ я имѣлъ утѣшенье,
Что ей напередъ отомстилъ
За гордый пріемъ и презрѣнье: —
Что въ глупомъ общественномъ мнѣньи
Навѣки ее погубилъ.»
Такъ гордости раненой муки
Я самъ предъ собой изливалъ,
И съ горя прогрессъ, и науки,
И Фогта, и всѣхъ проклиналъ
И думать о нихъ не хотѣлось,
Противенъ мнѣ былъ Фейербахъ....

Въ мечтахъ все Марія вертѣлась,
Съ улыбкой на тонкихъ губахъ,
И каждую ночь мнѣ являлась
Во снѣ, и какъ будто дразня,
Съ вопросомъ ко мнѣ обращалась:
«Что̀ значитъ возьми всю меня?»
И съ нѣжностью истинно женской,
Присѣвши ко мнѣ на диванъ,
Шептала: «Monsieur Вознесенскій,
Вѣдь вы совершенный болванъ:
Съ большимъ убѣжденьемъ и жаромъ,
Громите вы сильныхъ земли,
Но лишь повстрѣчались съ гусаромъ, —
И къ полу сейчасъ приросли!»

1864 г.

XIV.

СКЕПТИКЪ.

—

Дивлюсь ли грому фразъ журнальныхъ,
Веду ль про гласность разговоръ,
Сижу ль межъ франтовъ либеральныхъ,
Хулу ли слышу на квартальныхъ, —
Я грустно потупляю взоръ.

Внимаю ль старца рѣчи страстной
Въ честь новыхъ взглядовъ и началъ,
Я мыслю: «старецъ мой прекрасный,
Зачѣмъ же прежде столь же гласно
Ты мракъ и рабство восхвалялъ?»

Внимаю ль рѣчи гимназиста,
Кипящей токомъ модныхъ словъ
И кроткихъ чувствъ либръ-эшанжиста,
Я въ немъ провижу афериста,
Героя винныхъ откуповъ.

И слышу ль слово громовое
Я противъ взятокъ и судовъ
Изъ устъ чиновника героя,

Смекаю: видно родовое
Ты получилъ, братъ, отъ отцовъ!
Когда бъ ты былъ бѣднякъ безродный
И сѣмью службою питалъ,
Ѳемиды тощей и голодной
Такъ горячо и такъ свободно
Ты бъ на тощакъ не осуждалъ
Твержу я всѣмъ: пройчатся годы,
Остепенится снова міръ, —
И вы, поборники свободы,
Всѣ облечетесь въ вицъ-мундиръ.
За правду вы теперь стоите,
Но вамъ лишь пальцемъ погрози,
И вы въ минуту замолчите;
Пугни, — и хоромъ запищите:
«И вашимъ Боже помози!»

И мало тѣхъ, въ комъ правды пламя
Средь бурь житейскихъ не замретъ,
Кто не продастъ святое знамя
И съ поля битвы не уйдетъ!

1862 г.

XV.

НЕДОВОЛЬНЫЙ.

—

Даръ прекрасный, даръ широкій —
Крѣпостные мнѣ даны!
Но почто по волѣ рока
Быть отпущены должны?

Кто? зачѣмъ? къ какому чорту
Мнѣ дворянство даровалъ?
Тѣло пріучилъ къ комфорту,
Умъ гордыней обуялъ?

Цѣли нѣтъ передо мною;
Праздны думы, пустъ карманъ,
И томитъ меня тоскою
Сложный выкупа туманъ.

1859 г.

XVI.

ТУРИСТЪ.

Соблазнясь паспортовъ крайней дешевизной,
Всѣ спѣшатъ разстаться съ дорогой отчизной,
Всѣ спѣшатъ оставить родины предѣлы:
Кто для исцѣленья боли застарѣлой,
Кто для осмотрѣнья фабрикъ и заводовъ,
Кто для истребленья годовыхъ доходовъ,
Юноша — для пользы и ученыхъ цѣлей,
Франтъ — для созерцанья милыхъ дамъ — камелій,
Купчикъ — поучиться жизни и комфорту,
И, привычки предковъ всѣ отправивъ къ чорту,
Получивъ манеры, заведясь туалетомъ,
Въ край родной вернуться комъ-иль-фо отпѣтымъ.
Словомъ, всѣ ужъ нынче прутъ въ края чужіе, —
Всѣ: купцы, сидѣльцы, даже цеховые.
При такомъ движеньи черни самой низкой
Я ль останусь дома, дворянинъ россійской??
Соберу жъ скорѣе съ вотчины доходы,
Притворюсь, что боленъ, что хочу пить воды,
Поручу имѣнье ближнему сосѣду,

Дамъ обѣдъ прощальный, и въ Парижъ уѣду.
Изучу тамъ нравы въ модномъ водевилѣ,
Натолкаюсь вдоволь въ скромномъ *баль-мабиль*,
Наглазѣюсь вдоволь въ оперѣ, на балѣ,
Тысячи посѣю я въ Роше д'Канкалѣ,
И на биржѣ счастье разикъ попытаю,
Предъ лоретной милой въ нѣжностяхъ растаю,
На ея капризы сильно промотавшись,
Всюду натаскавшись, весь поистаскавшись,
Износившись тѣломъ, утомленъ душою,
Свидѣться рѣшуся съ родиной святою.
Но весь кушъ, что спрятанъ мной на путь возвратный,
Сбуду на дорогѣ я въ игрѣ азартной
Нѣмцамъ—и пѣшечкомъ поплетусь къ Карлсбаду:
Тамъ, изнеможенный, прямо въ ванну сяду,
И, усѣвшись въ ванну, въ сильномъ петерпѣньи
Буду ждать доходовъ съ моего имѣнья.

1859 г.

XVII.

МОСКОВСКІЙ АЛКИВІАДЪ.

—

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ изъ почтамта объявленье,
Въ минуту крайней нищеты.

Я голодалъ, и ни полушки
На пропитанье не имѣлъ,
А въ долгъ и сахару осьмушки
Никто мнѣ вѣрить не хотѣлъ.

Къ тому же сроки роковые
Пришли: на личность ужъ мою
Въ судъ представляли кормовыя, —
И я былъ ямы на краю,

Но и во дни тоски голодной
Я бодрость духа не терялъ,
И смѣло, поступью свободной,

Съ осанкой гордой, благородной,
Передъ окномъ твоимъ гулялъ.

Тогда вдовою неутѣшной
По всей Таганкѣ ты слыла,
Но и тебя на помыслъ грѣшный
Моя наружность навела.

Мой усъ, мой профиль молодецкой,
Мой крупный ростъ тебя смутилъ, —
И огнь любви замоскворѣцкой
Тебѣ весь корпусъ обхватилъ.

Твоей любовью очарованъ,
Я оттолкнуть тебя не могъ....
И былъ за то окопированъ,
Какъ денди, съ головы до ногъ.

Въ великолѣпную квартиру
Я вдругъ свалился съ чердака
И сталъ кутить на диво міру:
Купилъ въ пять тысячъ рысака;

Царилъ надъ таборомъ цыганскимъ,
Держалъ безумныя пари:
Поилъ друзей своихъ шампанскимъ
Я «отъ зари и до зари.»

Москвы общественное мнѣнье
Меня клеймило, какъ могло,
И Катилиной — въ изступленьи —
Врагомъ отчизны нарекло.

Но хоть бранили Катилину
Катоны гордые Москвы,
Въ глаза предъ нимъ сгибали спину
Высоконравственные львы.

Съ какимъ нѣмымъ благоровѣньемъ
Я въ оны дни встрѣчаемъ былъ
По всѣмъ московскимъ *заведеньямъ*,
Гдѣ я съ тупымъ остервенѣньемъ,
Какъ купчикъ, деньгами сорилъ.

Купеческій и шустеръ клубы
Меня страшились какъ врага:
Никто не могъ такъ свиснуть въ зубы,
Чужую даму чмокнуть въ губы,
Какъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Купцы, извощики, модистки,
Всѣ говорили обо мнѣ
И первоклассныя артистки
Со сцены улыбались мнѣ.

Казалось, все, сама природа
Мнѣ ухмылялась.... но увы,
Тогда я былъ всего полгода
Любимцемъ счастья и молвы.

Новѣйшій Лейчестеръ, скучая
Своей любовью должностной,
Насильно ласки расточая,
Я думалъ: «эка доля злая —
Я право, точно крѣпостной!»

Душа алкала перемѣны;
Любови жаждалъ я иной,
Искалъ предмета для измѣны, —
И отыскался таковой.

Я измѣнилъ.... младой цыганки
Меня плѣнилъ несмѣлый ликъ, —
И слухъ объ этомъ до Таганки
Въ одно мгновеніе достигъ....

Подобно древней Клеопатрѣ.
Ты напустилась на меня —
Въ мигъ похудѣла пальца на три...
Нигдѣ, какъ только на театрѣ,
Подобныхъ сценъ не видѣлъ я.

Я, право, плакалъ непритворно,
Клялся, что измѣнилъ любя,
Но все напрасно.... и позорно
Меня прогнали отъ тебя.

И вотъ, какъ встарь, изъ бельэтажа
Я возвратился къ чердаку:
Жилъ безъ слуги, безъ экипажа,
Безъ папиросъ и табаку.

Томился долго я въ опалѣ;
Костюмъ мой видимо поблекъ,
Отъ злой діэты щеки впали,
Но бодрость духа я сберегъ.

Но вотъ настало примиренье:
Умилосердилася ты,

И возвратя благоволенье,
Вновь извлекла изъ нищеты.

И вотъ опять пошли попойки,
Обѣды, жженки, пикники,
Съ углами загнутыми двойки,
Катанья за городъ на тройкѣ,
Цыгане, драки, рысаки.

1859 г.

XVIII.

НЕ ГОВОРИ.

Романсъ на голосъ «Ten Souviens-tu.»

—

Не говори, что страсти знойной муку
Познала ты въ бунтующей крови,
Что ты *ему* вручила нѣжно руку
Въ святомъ чаду восторженной любви;
Не говори, что ты *о немъ* мечтала
Давно, почти съ младенческихъ пеленъ;
Мы знаемъ всѣ: презрѣннаго металла
Тебя плѣнилъ пріятный, нѣжный звонъ.

—

Не говори, что ты не разгадала
Его главы бездонной пустоты,
И что твой умъ невинный обуяло,
Какъ волшебство, сіянье красоты: —
Не говори, что *онъ*, какъ ангелъ божій,

Какъ вешній цвѣтъ, красивъ, пріятенъ, милъ:
Мы видимъ всѣ: такой противной рожи
Еще никто изъ смертныхъ не носилъ.

—

Не говори, что будто полюбила
Ты въ *немъ* ума и сердца простоту:
Мы знаемъ всѣ, что ты себя сгубила
И продалась влюбленному плуту;
Не говори, что глупости съ обманомъ
Еще никто въ душѣ не сочеталъ: —
Мы знаемъ всѣ, что водкой съ кукельманомъ
Онъ въ простотѣ душевной торговалъ.

—

Не говори, что ты теперь голодной
Весь свой доходъ желала бы отдать
И что свой домъ роскошный и доходный
Ты на шалашъ готова промѣнять,
Не говори съ улыбкой грустно-темной,
Что ты была счастливѣй раза въ три,
Когда жила въ квартирѣ тѣсной, темной....
Мой милый другъ, пожалуста не ври!

1865 г.

———

XIX.

ФЛЮГЕРЪ.

(Фантазія).

Всѣ говорятъ: «блаженства нѣтъ
Въ земной заброшенной юдоли —
Здѣсь много слезъ, заботъ и бѣдъ
И ни одной счастливой доли.»
Неправда! Въ мірѣ что ни шагъ,
Вездѣ мы зримъ людей блаженныхъ;
Блаженъ въ гаремѣ падишахъ
Среди красавицъ обнаженныхъ;
Блаженъ, кто страсти обуздалъ,
Обрекъ всего себя смиренью;
Блаженъ, кто съ роду не страдалъ
Зубною болью и мигренью,
Блаженъ поэтъ, когда творитъ,
И въ немъ кипитъ небесный пламень.
Блаженъ обжора-сибаритъ —
Тотъ, чей желудокъ все варитъ —
И фрикасе, и дикій камень.
Блаженны жаворонки весной;
Блаженъ кутила записной

Среди камелій и бутылокъ;
Блаженъ, оплаканный женой,
Бѣдняга рекрутъ молодой,
Когда кричатъ надъ нимъ «затылокъ;»
Блаженъ былъ странникъ Одиссей,
Когда въ Итаку возвратился;
Блаженъ, блаженъ, кто въ жизни сей
Ни разу страстно не влюбился —
И съ дѣтскихъ лѣтъ владѣлъ собой,
Какъ Ловеласъ, какъ фатъ отпѣтый;
Блаженъ подпрапорщикъ младой,
Сейчасъ надѣвшій эполеты;
Блаженна мать, въ священный мигъ,
Когда она средь адской муки,
Простретъ съ восторгомъ къ небу руки,
Заслышавъ первый дѣтскій крикъ;
Блаженъ супругъ давно влюбленный,
Когда, вступивши въ бракъ законный,
Онъ въ первый разъ наединѣ
Остался съ плѣнницей своею;
Блаженъ, кто первый на войнѣ
Вскочилъ на вражью баттарею,
И тамъ, предъ носомъ вражьихъ силъ
Родное знамя водрузилъ;
Блаженъ газетчикъ благородный,
Въ ужасный годъ войны народной;
Блаженъ кто лежа на боку,
Дѣла обдѣлывать умѣетъ;
Блаженъ стократъ, кто не пьянѣетъ
Отъ двухъ бутылокъ коньяку....
Блаженныхъ много положеній!...
Но всѣхъ блаженнѣй, господа,

Тотъ, кто не вѣдалъ никогда
Въ себѣ серьезныхъ убѣжденій.
Ахъ, убѣжденья!... это ядъ:
Они насъ за живо ѣдятъ —
Отъ нихъ и раннія сѣдины,
И нервъ разстройство, и морщины;
Они мѣшаютъ спать порой,
Какъ самый сильный геморой;
Въ дѣлахъ по службѣ, по имѣнью
Они намъ пакостятъ всегда;
Они вредятъ пищеваренью....
Кто ихъ завелъ, тому бѣда!

Есть у меня одинъ знакомый
(Кто онъ такой — вамъ дѣла нѣтъ)
Поклонникъ музъ, поклонникъ Кома,
Онъ любитъ карты, ѣздитъ въ свѣтъ,
Не врагъ ученыхъ словопреній
И тайныхъ пафоса даровъ,
Но не имѣетъ убѣжденій,
И оттого всегда здоровъ:
Всегда онъ веселъ и любезенъ
И всѣми искренно любимъ
И хоть повсюду безполезенъ,
Повсюду онъ необходимъ.
Все въ немъ пріятно мягко, мило —
И хоть ему перекатило
Давнымъ давно за шестьдесятъ,
Но вѣчно молодъ онъ на взглядъ:
На лбу коротконъ ни морщинки,
Въ кудряхъ душистыхъ ни сѣдинки,
Всегда и бодръ и свѣтелъ взоръ,

И зубы блещутъ, какъ фарфоръ.
— «Но почему же ванъ пріятель
Такъ сохранитъ себя умѣлъ?»
А потому мой другъ, читатель,
Что убѣжденій не имѣлъ!

Онъ обладаетъ дивнымъ даромъ:
О всемъ онъ споритъ съ сильнымъ жаромъ
Пріятнымъ дамскимъ голоскомъ,
Но ни въ гостиной онъ, ни въ клубѣ
Московскихъ барскихъ самолюбій
Не тронетъ въ спорѣ волосомъ.
Его ораторскіе споры
Не доведутъ его до ссоры
Нигдѣ съ вліятельнымъ лицомъ, —
Онъ всѣхъ слегка по шерсткѣ гладитъ,
И оттого со всѣми ладитъ —
И правды съ доблестнымъ борцемъ,
И съ самымъ явнымъ подлецомъ.

Онъ безъ борьбы и сожалѣнья
Хоть каждый день готовъ мѣнять
Свои начала, взгляды, мнѣнья.
Тому назадъ лѣтъ тридцать пять
Онъ вольнодумцемъ былъ открытымъ —
Разилъ сарказмомъ ядовитымъ
Земныя власти и чины
И былъ пророкомъ новизны;
Не признавалъ онъ міръ загробный
И не хотѣлъ нигдѣ служить....
Но въ этомъ духѣ говорить
Вдругъ оказалось неудобно:

Подуло вѣтромъ вдругъ инымъ —
Нашъ якобинецъ встрепенулся,
И вмигъ, какъ флюгеръ, обернулся,
И сталъ служакой записнымъ,
И гражданиномъ благонравнымъ,
И человѣкомъ православнымъ.
И сталъ открыто онъ ругать
Опасный духъ нововведеній
И пересталъ пренебрегать
Сіяньемъ бренныхъ украшеній

Такъ велъ себя лѣтъ тридцать онъ.
Но повымъ вѣтромъ вновь подуло —
И вновь его перевернуло:
Онъ, всей душой преображенъ,
Сталъ прославлять нововведенья,
Хвалилъ крестьянъ освобожденье
И было началъ уже кричать
О польскомъ царствѣ съ увлеченьемъ,
Но вѣтеръ новымъ дуновеньемъ
Перевернулъ его опять.
Онъ шныритъ, нюхаетъ въ народѣ,—
Чтобъ съ большинствомъ прожить въ ладу, —
Какой товаръ сегодня въ модѣ,
Какое мнѣніе въ ходу;
Онъ одаренъ чутьемъ собачьимъ —
Онъ разъ нюхнулъ и въ тотъ же мигъ
Духъ современности постигъ, —
И патріотомъ сталъ горячимъ;
Онъ за толпой слѣдитъ, какъ тѣнь, —
И этотъ годъ, въ Михайловъ день,
Онъ за здоровье Муравьева

Просвирку вынуть поспѣшилъ
И утро цѣлое юлилъ
Съ сладчайшей миной у Каткова.
А спотыкнись, пади Катковъ
На политической тропинкѣ, —
Онъ шаркъ ногой и былъ таковъ,
И не проронитъ ни слезинки
По миломъ идолѣ своемъ,
Да еще скажетъ: «подѣломъ!
Да, подѣломъ ему награда!
Его унять давно бы надо.
Вѣдь вамъ извѣстно, господа:
Его теорій, мыслей, взгляда
Не раздѣлялъ я никогда....
Онъ волновалъ насъ всякимъ вздоромъ.»

Такъ скажетъ онъ и громкимъ хоромъ
Ему поддакнутъ сей же часъ....
Sic transit gloria.... у насъ!

О Россъ, о родъ великодушный,
О твердо-каменная грудь!
Вѣтрамъ измѣнчивымъ послушный,
Ты каждый мигъ мѣняешь путь!
Въ тебя вложило Провидѣнье
Тьму чувствъ высокихъ и даровъ,
Но твоего пищеваренья
Не затрудняютъ убѣжденья....
Не потому ль ты такъ здоровъ?...

1864 г. 10 ноября

XX.

МОДНЫЕ ЗВУКИ.

—

Есть вирши—теченье
Ихъ ровно и гладко,
Но смыслъ ихъ, при чтеньи,
Для смертныхъ загадка.
Но дамскія уши
Имъ внемлютъ прилежно:
Такъ много въ нихъ чуши
Таинственно нѣжной!
И критикъ, что строчитъ
Статьи за лафитомъ,
Творцу ихъ пророчитъ
Быть первымъ піитомъ.
Но дома ли, въ свѣтѣ,
И гдѣ я ни буду,
Заслышавъ стихи тѣ,
Уйду отовсюду:
Куска не доѣвши,
Съ обѣда рвануся,
Сапогъ не надѣвши,
Изъ бани умчуся.

XXI.

РАЗСТАВАНЬЕ.

—

Шумѣла широкая Волга,
Пыхтѣлъ и визжалъ паровозъ;
Мы съ ней разставались и долго
Рыдали безъ словъ и безъ слезъ.

А долго и много, и много
Хотѣлося намъ говорить: —
Хотѣлось, прощаясь навѣки,
Всю душу другъ другу излить.

Но только несвязные звуки
Съ трудомъ произнесть мы могли,
И грудь надрывалась отъ муки....
И слезы изъ глазъ не текли....

Шумѣла родимая Волга
И плыть пароходъ былъ готовъ;
Мы что-то сказать все хотѣли
И все другъ на друга глядѣли,
Страдая безъ слезъ и безъ словъ.

Но судно вдругъ тронулось,—взвизгнулъ
Неистовымъ голосомъ паръ,
Я быстро на палубу вспрыгнулъ
И могъ лишь сказать: «au revoir.»

Она затряслась, побѣлѣла,
Какъ шляпы придворной плюмажъ,
И только сказать мнѣ съумѣла:
Adieu, Дормидонтъ, bon voyage!»

Сказала и въ ту же минуту
На землю упала безъ силъ;
Я бросился мигомъ въ каюту,
И горе отправивши къ шуту,
Я выпилъ и.... и закусилъ.

1865 г.

XXII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЧИНОВНИКУ-ЛИБЕРАЛУ

отъ

мирнаго обывателя.

(Фантазія).

Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же.
Крылов. (Васня: *Крестьянинъ и Змѣя*)

Какъ хочешь, братъ, а мы живемъ
Во дни волшебныхъ превращеній;
Какой-то магъ иль добрый геній
Своимъ невидимымъ жезломъ
Съ плеча безъ устали махаетъ,
Всему давая новый видъ.
Онъ дряхлыхъ старцевъ молодитъ,
Волковъ въ овечекъ превращаетъ,
Воронъ и галокъ — въ соловьевъ,
И самыхъ явныхъ дураковъ
Гражданскимъ смысломъ надѣляетъ.
Ужь много лѣтъ какъ я гляжу

На всѣ метаморфозы эти,—
И мнѣ сдается, что сижу
Я въ фантастическомъ балетѣ;
Сижу, гляжу, а предо мной,
Подъ громы музыки лихой
И при бенгальскомъ освѣщеньи,
Мелькаютъ быстро превращенья.
Да, другъ сердечный, мы живемъ
Во дни волшебные. Не такъ ли?
Какъ декораціи въ спектаклѣ,
Вдругъ измѣнилось все кругомъ!
Порядки, нравы, учрежденья,
Поступки, рѣчи, убѣжденья,
Стремленья, мысли и мечты
Все измѣнилось.... Даже ты
Пріялъ печать преображенья.
Злыхъ бюрократовъ идеалъ,
Ты сталъ открытымъ либераломъ,
Ты, кто предъ каждымъ генераломъ,
Какъ дѣва, взоры потуплялъ!
Ты либераломъ сталъ!! Ты самъ!!!
О, баснословное явленье!...
Ну какъ не вѣрить чудесамъ
Въ виду такого превращенья?!
Какъ не принесть благодаренья
Смягчившимъ гнѣвъ свой небесамъ!
Хоть о твоемъ преображеньи
Давно ужь слухъ вездѣ гремѣлъ,
Но я все вѣрить не хотѣлъ,
Все напрягалъ воображенье,
Чтобы знакомый образъ твой —
Санктпетербургскій дѣловой,

Казенный, форменный, «похвальный»
Представить въ позѣ либеральной,
Но какъ ни бился, все не могъ.
Да и могло ли быть иначе?
Я знаю вдоль и поперегъ
Твою натуру: ты подъячій —
Подъячій съ головы до ногъ.

Начальства стараго отрада,
Прямое чадо Петрограда,
Его посильный, милый даръ,
Его продуктъ, его товаръ,
Ты съ юныхъ лѣтъ постигъ искусство
Къ начальству въ душу заползать —
На всѣ слова свои и чувства
Казенный штемпель налагать.
Я помню, помню очень живо,
Когда ты такъ краснорѣчиво
Хвалилъ до слезъ и плеть, и кнутъ,
И крѣпостной пріятный трудъ;
Когда доказывалъ такъ ясно,
Что и безбожно и опасно
Ввести въ Россіи гласный судъ;
Когда плѣнялся откупами,
И громоносными рѣчами
Плоды науки поносилъ,
Какъ проявленье адскихъ силъ.
Тебя начальство полюбило:
Оно, дивясь твоимъ рѣчамъ,
Съ надеждой сладкой говорило,
Что ты уменъ не по лѣтамъ.
Но этотъ отзывъ благосклонный

Всего ты больше заслужилъ
Своей спиной низкопоклонной:
Сей частью тѣла ты служилъ
Съ такою ревностью похвальной,
Во славу родины святой,
Что порѣшилъ начальникъ твой,
Что ты чиновникъ идеальный,
Что ты работаешь какъ волъ,
Что по уму ты просто геній, —
И быстро въ гору ты пошелъ
Путемъ гражданскихъ повышеній.
И точно былъ ты идеалъ
Дѣльцовъ, но высшаго полета:
Ты только издали видалъ
Что̀ значитъ дѣло и работа.
И было некогда тебѣ
Заняться пристально дѣлами:
Ты постоянно былъ въ ходьбѣ,
Вертясь у старшихъ предъ глазами,
И не знавалъ иныхъ заботъ,
Кокъ только бѣгать взадъ-впередъ,
Таская портефель огромный,
Отъ кабинета до пріемной
И изъ пріемной въ кабинетъ.
И такъ ты бѣгалъ двадцать лѣтъ!
А дѣло дѣлали другіе —
Плебеи, хамы дѣловые: —
Ты только руку прилагалъ
И на чужой рабочей выѣ
Передъ начальствомъ выѣзжалъ.
И былъ ты мастеръ на парады —
Начальству пыль въ глаза пускалъ,

Какъ Цицеронъ, ты велъ доклады,
А потому всегда хваталъ
Чины и жирные оклады.

Таковъ твой былъ гражданскій цвѣтъ,
Твой неуклонный путь служебный
Тому назадъ шестнадцать лѣтъ,
Но геній съ палочкой волшебной
Однажды ночью, будто тать,
Къ тебѣ пролѣзъ, тебя коснулся, —
И вдругъ твой мозгъ перевернулся:
Ты консерваторомъ легъ спать,
А реформаторомъ проснулся.
Ты всю семью перепугалъ
Своимъ нежданнымъ обращеньемъ: —
Лишь только ты съ постели всталъ,
Какъ заревѣлъ съ остервенѣньемъ
Про судъ присяжныхъ и прогрессъ...
Твоя супруга ужасалась
Тебѣ внимая: ей казалось,
Что кто-нибудь въ тебя залѣзъ,
Что изъ тебя, какъ изъ болвана,
Какой-нибудь профессоръ съ пьяна
Начальство дерзко порицалъ
И о реформахъ прорицалъ.
Твои слова ей дики были,
И даже думала она,
Что ей на зло, во время сна
Тебя родные подмѣнили.
И странно: сей переворотъ
Въ твоемъ мозгу въ тотъ самый годъ,
Въ тотъ самый день и часъ случился,

Когда начальникъ старый твой
Вдругъ, по болѣзни, удалился
Со службы царской на покой.

Текли года и съ ними вмѣстѣ
Воды довольно утекло....
Тебѣ попрежнему везло.
И вотъ ко мнѣ приходятъ вѣсти,
Что ты на новомъ важномъ мѣстѣ
И что, подъ бременемъ наградъ,
Оставивъ шумный Петроградъ,
Ты, какъ центральной власти око,
Среди провинціи далекой
Благіе подвиги творишь —
По правдѣ вяжешь и рѣшишь.
Твои друзья кричали всюду,
Что ты правитель, просто чудо:
Что ты сталъ мудръ, какъ Соломонъ,
Что цѣлый край въ тебя влюбленъ,
Что ты отецъ для подчиненныхъ,
Покровъ и щитъ для угнетенныхъ,
Что область просто процвѣла
Съ тѣхъ поръ какъ ты ведешь дѣла;
Что ты устроилъ для народа
Не жизнь, а медленный восторгъ,
И что такая тамъ свобода,
Какой не видывалъ Нью-Йоркъ.

Таковъ былъ гласъ молвы летучей
О чудныхъ подвигахъ твоихъ;
Но, наконецъ, мнѣ выпалъ случай
И самому взглянуть на нихъ.

Въ той самой области счастливой
Что̀ геній твой нетерпѣливый
Вдругъ обратилъ въ Эдемскій садъ;
Лѣтъ пять иль шесть тому назадъ
Въ одномъ изъ храмиковъ Семиды
Случилось дѣло у меня;
Его бы кончили въ три дни,
Безъ притѣсненій и обиды
И для меня, и для другихъ:
По всѣмъ инстанціямъ проворно,
Какъ по дорогѣ гладкой, торной,
Оно прошло на почтовыхъ,
И, наконецъ, къ тебѣ попало —
Къ тебѣ, мудрѣйшій изъ судей, —
И въ канцеляріи твоей
На вѣки вѣчные застряло.
И много лѣтъ я хлопоталъ:
Во всѣ суды, во всѣ правленья
Писалъ я слезныя прошенья.
И къ самому тебѣ писалъ,
Писалъ не разъ—писалъ разъ двѣсти,
И что̀ жъ? Ни грамотки, ни вѣсти
Ни отъ кого не получалъ.
И, потерявъ совсѣмъ терпѣнье,
На быстрой тройкѣ почтовой
Я прискакалъ въ твои владѣнья, —
И.... и поникнулъ головой,
Узрѣвъ повсюду предъ собой
Роскошный видъ столпотворенья.
Да, я увидѣлъ, наконецъ,
Такой блестящій образецъ,
Такой свободы безпримѣрной,

Какой ни Брутъ, ни Коллатинъ,
Ни Гарибальди, ни Франклинъ,
Не пожелали бы навѣрно
Для блага родины святой:
Они всѣ дѣти предъ тобой!
Чтобъ въ этомъ ясно убѣдиться
И чтобъ войти въ твой кругъ идей,
Мнѣ только стоило пройтиться
По канцеляріи твоей,
Куда за справкой я явился:
Тамъ мнѣ представилось, ей, ей,
Что по оплошности своей
Я какъ-нибудь съ дороги сбился —
Ошибся улицей, крыльцомъ —
И межъ безумныхъ очутился,
Попавши въ сумашедшій домъ.
Лишь только я передъ собою
Дверь изъ передней отворилъ,
Меня чуть съ ногъ не повалилъ
Табачный дымъ, густой волною
Какъ изъ мортиры онъ пахнулъ:
Я пошатнулся и чихнулъ.
Твоихъ чиновниковъ почтенныхъ,
Писцовъ и даже сторожей
Засталъ я сильно углубленныхъ
Въ міръ политическихъ идей;
Предъ ними дѣлъ твоихъ правитель,
Новѣйшей школы либералъ,
Актрисъ губернскихъ покровитель,
Съ великимъ пафосомъ читалъ
Листокъ какой-то заграничный,
Гдѣ авторъ бранью неприличной

Россію-матушку каталъ
И увѣрялъ краснорѣчиво,
Что лишь тогда стезей счастливой
У насъ въ отчизнѣ все пойдетъ,
И поумнѣетъ нашъ народъ,
И просвѣщенье разовьется,
Когда Россія распадется,
По предписанію властей,
На сто четырнадцать частей,
И что для насъ одно спасенье
Въ семъ благодатномъ разрушеньи;
Что все измѣнится тогда
Подъ знаменемъ Россіи юной,
Вездѣ устроятся коммуны,
И вмигъ исчезнутъ безъ слѣда
Всѣ язвы жизни современной:
И власть, и собственность, и бракъ, —
И мы засвѣтимъ для вселенной
Свободы истинной маякъ....
И декламируя брошюру,
Офиціальный либералъ,
Не знаю, съ умысломъ иль съ дуру,
Во всеуслышанье оралъ.
Меня замѣтивъ, онъ свободно
И не женируясь спросилъ:
— Кто вы такой? Что вамъ угодно?
Но только я заговорилъ,
Меня онъ тотчасъ перебилъ:
— Вы говорите очень мило....
Я вамъ помочь душевно радъ....
Но сколько дней тому назадъ
Къ намъ ваше дѣло поступило?

— У васъ пять лѣтъ лежитъ оно!...
— Ужъ пять лѣтъ.... Ахъ, какъ давно!..
И вы, почтеннѣйшій, хотите
Такую ветошь подымать....
Кто жъ будетъ вамъ его искать?!
У насъ нѣтъ времени.... Подите!...
— Но вѣдь у васъ, конечно, есть
Всегда реестръ дѣламъ входящимъ —
Вы справку можете навесть....
Сказалъ я голосомъ дрожащимъ,
Уже предчувствіемъ томимъ,
Какъ предъ ударомъ роковымъ;
Но только я единымъ словомъ
Задѣлъ «реестръ входящихъ дѣлъ»,
Какъ дружнымъ хохотомъ громовымъ
Весь людъ чиновный заревѣлъ.
Всѣ долго, сильно хохотали,
А всѣхъ сильнѣе сторожа —
И стекла въ рамахъ дребезжали
Подъ гуломъ хохота дрожа.
Затѣмъ правитель либеральный,
Съ улыбкой важной и нахальной,
Закинувъ голову назадъ,
Мнѣ вдругъ сказалъ: — Вы ретроградъ!
Сказать иначе — вы престранный
И преотсталый человѣкъ;
Скажите, можно ли въ нашъ вѣкъ,
Въ вѣкъ либеральный и гуманный,
Реестры старые беречь?!
Мы ихъ кидаемъ прямо въ печь.
— Да это просто ужъ нахальство....
Я закричалъ ему въ отвѣтъ;

Пускай у васъ реестровъ нѣтъ,
Однако, вѣрно есть начальство;
Ему я жалобу подамъ,
И вѣрно плохо будетъ вамъ!
— Ну, что же, жалуйтесь, пожалуй!...
Съ чего вы взяли, что у насъ
Начальникъ человѣкъ отсталый?
Нѣтъ! Онъ вамъ ротъ зажметъ какъ разъ:
У насъ онъ малый либеральный!
Онъ заклятой, открытый врагъ
Реестровъ всякихъ и бумагъ:
Онъ выше истины формальной:
Онъ говоритъ, что слишкомъ строгъ
Законовъ нашихъ смыслъ буквальный,
И въ нихъ читаетъ между строкъ;
Ему противенъ, тошенъ, гадокъ
Наружный пошленькій порядокъ:
Онъ лишь начальника тѣснитъ...
Его онъ скоро замѣнитъ
Порядкомъ внутреннимъ, незримымъ,
Для внѣшнихъ чувствъ неощутимымъ....
А вамъ реестры подавай!
Подите вонъ! Здѣсь не Китай!

Я поплелся. И на квартирѣ
Я долго, долго размышлялъ
Все о тебѣ, мой либералъ;
Какъ измѣняется все въ мірѣ!
О, чемъ ты сталъ и чѣмъ ты былъ
Въ тѣ дни, когда еще служилъ
Такъ грозно въ Сѣверной Пальмирѣ!
Тому назадъ шестнадцать лѣтъ

Ты былъ бичемъ для подчиненныхъ;
Ты видѣлъ въ нихъ военно-плѣнныхъ
И трактовалъ ихъ какъ кадетъ:
Велѣлъ имъ стричься подъ гребенку,
По формѣ баки подбривать,
Не то, задавъ публично гонку,
Ихъ подъ арестъ велѣлъ сажать.
А кто бывало къ вицмундиру
Надѣнетъ брюки не подъ цвѣтъ,
Ужь тотъ пропалъ — спасенья нѣтъ!
Подобно лютому вампиру,
Ты либерала пожиралъ
И грозно топая, кричалъ:
«Вы, вольнодумецъ! — Кто не знаетъ,
Что благодѣтельный законъ
У насъ отнюдь не допускаетъ
На службѣ пестрыхъ панталонъ?!...
Вѣдь это превышенье власти!
Вотъ до чего доводятъ страсти!
Вотъ плодъ отъ западныхъ наукъ!
Я васъ негоднымъ аттестую!»
И подчиненный зачастую
Лишался мѣста изъ-за брюкъ.
Такъ угнеталъ ты подчиненныхъ,
Во времена страстей военныхъ,
Мундироманіи въ бреду;
А нынѣче, въ новомъ опьяненьи,
Пожалуй дашь имъ повелѣнье
Играть на службѣ въ чехарду.
Что дѣлать! Знать, съ согласья рока,
Издалъ Зевесъ законъ жестокій,
Гдѣ говорится, что вашъ братъ,

Санктпетербургскій бюрократъ,
Какой бы ни былъ онъ доктрины,
Все будетъ дѣлать не впопадъ —
Ни въ чемъ не сыщетъ середины,
И что когда, плѣняя насъ,
Свой хвостъ онъ вынетъ изъ трясины,
То это значитъ, носъ увязъ.

Такъ разсуждалъ я самъ съ собою,
Сигару съ горя закуривъ,
И долго не давалъ покою
Мнѣ мыслей горестныхъ приливъ.
Но нить моей печальной думы
Хозяинъ дома перервалъ.
— «Что это съ вами? онъ сказалъ,
Войдя ко мнѣ, — вы такъ угрюмы,
Какъ будто злы на цѣлый свѣтъ»
Я разсказалъ ему въ отвѣтъ,
Какія принялъ впечатлѣнья,
Какихъ наслушался рѣчей
Я въ канцеляріи твоей.
Онъ слушалъ все безъ удивленья.
Когда жь я кончилъ свой разсказъ,
Онъ мнѣ сказалъ: — «Ну, жаль мнѣ васъ!
Когда, въ надеждѣ на законы,
Вы къ намъ пріѣхали сюда
Искать защиты и суда,
То даромъ бросили прогоны:
Законъ, порядокъ, правда, судъ
У насъ на пенсіи живутъ
(У насъ на нихъ теперь не мода):
Здѣсь только царствуетъ свобода....

Свобода грабить, воровать,
Сѣчь безъ суда и взятки брать.
Начальникъ нашъ префектъ отличный,
Гуманный; добръ онъ безгранично,
Но добръ онъ только для воровъ —
Для нихъ онъ истинный покровъ.
Съ улыбкой нѣжной снисхожденья
Взираетъ онъ на преступленья:
«Къ чему де грѣшника карать,
Онъ долженъ въ людяхъ возбуждать
Лишь состраданье, сожалѣнье.»
И вотъ у насъ жалѣетъ онъ
Лишь тѣхъ кто преступилъ законъ,
А тѣхъ кто жертва преступленья,
Кто отъ него должны терпѣть
Ущербъ и даже разоренье,
Онъ и не думаетъ жалѣть.
И оттого-то въ нашемъ краѣ
Счастливы только негодяи;
Но обывателямъ простымъ,
Не заслужившимъ состраданья
Передъ начальствомъ городскимъ
Ни совершеньемъ злодѣянья,
Ни поведеньемъ воровскимъ,
Здѣсь не житье, а наказанье.

Вотъ вы заѣхали куда
Искать управы и суда!
Теперь, какъ Несторъ осторожный,
Я вамъ подамъ совѣтъ благой:
Послать сейчасъ за подорожной
И укатить скорѣй домой.

Вы не найдете лучше средства
Покончить дѣло. Право такъ!
Я вашъ характеръ знаю съ дѣтства.
Вѣдь вашъ языкъ — вашъ первый врагъ;
Вы говорите слишкомъ вольно,
Какъ здѣсь не говорятъ (увы!),
И вотъ теперь, какъ недовольный,
Ругать при всѣхъ начнете вы
Чиновниковъ и воеводу.
А онъ.... онъ къ правдѣ не привыкъ:
Хоть онъ на все намъ далъ свободу,
Но не далъ воли на языкъ:
Кто про его распоряженья
Неодобрительныя мнѣнья
Дерзаетъ громко излагать,
Тому у насъ не сдобровать.
Скажите, напримѣръ, публично,
Что края здѣшняго патронъ,
Стремяся къ власти безграничной,
Толкуетъ вкривь и вкось законъ
И искажаетъ безъ зазрѣнья
Верховной власти повелѣнья:
Нашъ либеральный бюрократъ
Про вашу рѣчь сейчасъ прослышитъ,
И вмигъ на васъ доносъ напишетъ,
И напугаетъ Петроградъ
Своими страшными вѣстями:
Вѣдь онъ разкажетъ, напримѣръ,
Что вы страшнѣй чѣмъ Робеспьеръ,
Что вы, ругаясь надъ властями,
Хотите бунтъ произвести —
Разжечь въ народѣ злыя страсти,

Чтобы оплотъ верховной власти
Въ его основѣ потрясти.

Такъ мой хозяинъ, врагъ стѣсненья,
Твоихъ владѣній старожилъ,
Передо мною изложилъ
Твою систему управленья.
Ну, разсуди теперь ты самъ,
Какая выгода всѣмъ намъ —
И Государю, и народу —
Что ты толкуешь про свободу,
Что въ либералы ты попалъ?...
Но я отвѣтъ твой угадалъ:
Ты говоришь, что благородно,
Пріятно либераломъ быть,—
Что вѣчно въ памяти народной,
Какъ другъ народа, будетъ жить
У насъ чиновникъ либеральный,
Что онъ въ потомствѣ не умретъ,
Хотя бы просто былъ квартальный....
Братъ! не надуешь ты народъ,
Не обморочишь ловкой штукой!
Ты, братъ, слыхалъ ли кто у насъ
Стяжалъ любви народной гласъ?
Сенаторъ Яковъ Долгорукій!
А вѣдь онъ былъ не *«либералъ»*:—
Ворамъ потачки не давалъ;
Но допетровскій духъ боярскій —
Народной правды духъ въ немъ жилъ,—
И, не страшась опалы царской,
Царю онъ правду говорилъ.
Въ глаза царю, да вѣдь какому!?

Неукротимому, крутому!...
А ты не то что предъ царемъ.
Ты пресмыкаешься ужомъ,
Вертишься безсловесной мошкой
Передъ любой придворной.... кошкой.
Такимъ путемъ не обрѣтешь
Ты славы истинной, нетлѣнной!...
Но точно ль службу ты несешь
Для этой цѣли отдаленной?!
Нѣтъ! мнѣ сдается, что ты врешь.
Тебѣ, мой другъ, не славы надо,
Не насъ ты хочешь обмануть,
Не чернь, а власти Петрограда:
Ты служишь только для оклада,
Да чтобъ свою украсить грудь.

XXIII.

МОСКВА 1873 Г., ПО Р. Х.

—

Увы, увы, увы, увы!!!
Восплачьте плачемъ Ереміи,
Всѣ отъ Амура до Невы
О горькой участи Москвы:
Ахъ, та Москва, что̀ въ дни былые
Была главою всей Россіи,
Сама теперь безъ головы!

XXIV.

НА СМЕРТЬ СТРЯПЧАГО.

—

Предстала—и стрянчій великій смежилъ
Поповскія очи въ покоѣ;
Онъ умеръ спокойно, зане накопилъ
Себѣ состоянье большое;
Надгробную надпись прочтешь ты въ Донскомъ:
«Коллежскій асессоръ здѣсь спитъ съ старшинствомъ.»

Все плоть въ немъ питало: опека дѣтей,
По векселямъ старымъ взысканье,
Спасенье банкротовъ отъ вѣрныхъ плетей,
Сомнительныхъ купчихъ созданье.
Два разные смысла на каждый законъ,
Со скоростью вихря, подъискивалъ онъ.

Съ палатой одною онъ жизнью дышалъ —
Заранѣе зналъ всѣ рѣшенья,
Сенатскихъ нерѣдко въ трактиръ зазывалъ,
Кому сколько сунуть — по рожѣ онъ зналъ,

Питалъ къ правовѣдамъ презрѣнье;
Десятаго тома вся книга ясна
Была для него — и казалась сносна.

Не разъ попадался — подъ слѣдствіемъ былъ,
Но всюду умѣлъ отвертѣться,
И сухъ изъ воды онъ всегда выходилъ,
И связи повсюду себѣ находилъ,
И всюду умѣлъ протереться:
Лазейку онъ быстро прорыть себѣ могъ —
И въ домъ къ правовѣду, и въ графскій чертогъ.

Ограбленъ, обманутъ имъ былъ человѣкъ;
Но, если общественнымъ мнѣньемъ
Казниться мерзавцы не будутъ во вѣкъ, —
О немъ всѣ помянутъ съ почтеньемъ:
Ограбленныхъ вопли исчезнутъ какъ паръ, —
Плута оправдаетъ его формуляръ.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, въ здѣшней, въ Сибирь не попавшій,
Въ крючкахъ и увертках себя издавна
Съ любовью такой упражнявшій,
Хотя и съ поличнымъ предстанетъ во адъ, —
Допросные пункты его не смутятъ.

1859 г.

XXV.

КОНЧИНА ОТКУПА ИЛИ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

Pleurez, doux alcyons! ô vous, oiseaux sacrés!
Oiseaux chers à Téthys, doux alcyons, pleurez!
Elle a vécu, Myrto, *la belle* Tarentine!
A. Chénier.

—

Восплачьте Рюмины! Восплачь о Бенардаки!
Стенайте Утины! Стенай Кондоянаки!
Визжи о Мамонтовъ! О Кокоревъ взреви,
На потребителяхъ гнѣвъ лютый оборви!
Реви о Кокоревъ, поклонникъ музъ и грацій,
Реви съ Медынцевымъ, реви съ Козьмой Варваци!
Ревите хоромъ всѣ, отечества отцы,
Всѣ безъ различія — дворяне и купцы,
Всѣ, подписавшіе проектъ великодушный:
Въ долинѣ жизни сей вамъ скверно, тошно, душно....
Нѣтъ больше откупа — низринутъ сей колосъ!
Вы думали поднять, да видно «сорвалось!»
Да, откупъ шлепнулся акцизу въ назиданье.
Прощай погибшее, но милое созданье!
«Прощай кормилецъ нашъ, кричите громко вы —
Тебя оклеветалъ коварный гласъ молвы.
Да, въ Питерѣ понять, какъ видно, не хотѣли

Проекта нашего гуманной, мудрой цѣли.
Желая родину отъ гибели спасти,
Мы всѣ надѣялись навѣрно провести
Двѣ дысячи турусъ.... бишь верстъ дорогъ желѣзныхъ;
Но нашихъ замысловъ высокихъ и полезныхъ
Не поняли, и мы отъ смерти на вершокъ —
Мы угнетенная невинность, что въ мѣшокъ
Посажена, и тамъ пищитъ. визжитъ и злится.
Что дѣлать намъ теперь?!» Что дѣлать вамъ? Топиться.
Топитесь въ Яузѣ, въ Днѣпрѣ, въ Москвѣ-рѣкѣ,
И къ Волгѣ-матушкѣ, и въ Клязьмѣ и въ Окѣ!
Всѣ рѣки вамъ равны, всѣ вѣрно вамъ служили:
По ихъ вѣдь милости дышали вы и жили.
Теперь же съ помощью ихъ благодатныхъ водъ
Кончайте смертію прекрасный свой животъ!
Идите всѣ гуртомъ къ волнамъ родной стихіи,—
Воды достаточно у матушки Россіи;
Не всю исчерпали и распоили вы —
Топитесь же, сыны любимые волвы!...
Постойте! Прежде чѣмъ начнете вы топиться,
Позвольте къ вамъ теперь съ вопросомъ обратиться:
Кто болѣе изъ васъ отечества отецъ?
Чей благородный ликъ на мраморѣ сердецъ
Яснѣе выдолбитъ народное преданье?
Въ чьемъ сердцѣ болѣе къ народу состраданья?
Кто болѣе добра отечеству желалъ,
И въ праздникъ кабаки всѣхъ раньше отпиралъ?
Скажите поскорѣй! исторія готова
Въ лицѣ историка Сергѣя Соловьева
То имя занести въ нетлѣнную скрижаль,
Потомству дальнему на диво и въ мораль.

XXVI.

ЧЕТЫРЕ ПѢСНИ

или

поэтъ и синіе чулки.

(Истинное происшествіе).

—

«Споетъ ли намъ пѣсню нашъ милый поэтъ?»
Сказала дѣвица Еноховскихъ лѣтъ.
И вотъ къ фортопьяно подходитъ піитъ.
Въ немъ желчь и презрѣнье, и юморъ кипитъ.
«Три пѣсни я знаю, онъ мрачно сказалъ:
Одну у камелій я часто пѣвалъ;
Вторую же пѣсню я зналъ да забылъ;
Ее я съ похмѣлья когда то сложилъ.
А третія пѣсня — всѣхъ лучше она,
И мной въ пьяномъ видѣ была сложена;
Онъ сѣлъ къ фортопьяно, — педаль надавилъ
И въ клавиши грозно съ размаху хватилъ:
Педаль затрещала подъ мощной стопой,
И рвется со звономъ струна за струной;
Притихнулъ, сконфузясь, ученый салонъ,
И рявкнулъ піита во весь баритонъ

Такую канцону, что.... даже Барковъ
Не слыхивалъ съ роду подобныхъ стиховъ.
И взвизгнули дамы при первой строфѣ, —
И пали притворно безъ чувствъ на софѣ.
Лишь сей катастрофы поэтъ ожидалъ, —
И вихремъ безъ шапки домой побѣжалъ:
На воздухѣ вольномъ онъ ожилъ, вздохнулъ,
И съ радости пѣсню опять затянулъ:
«Раздайся жь послѣдняя пѣсня моя!
Ту пѣсню и другу, и недругу я
Твердить безвозмездно повсюду готовъ, —
Та пѣсня: «бѣгите отъ синихъ чулковъ!»

XXVII.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

—

Я шелъ, не имѣя копейки,
Онъ шелъ, не имѣя гроша;
Мы выпили съ нимъ наканунѣ:
Съ похмѣлья томилась душа.

Мы шли по пути къ *заведенью* —
Къ притоку живительныхъ влагъ:
Я думалъ, что съ нимъ есть полтинникъ,
Онъ думалъ — со мной четвертакъ.

Мы мрачно молчали, и было
Безвыходно-тягостно намъ;
Одна насъ надежда живила —
Графинчикъ роспить пополамъ.

И зналъ я, о чемъ онъ тоскуетъ,
И зналъ онъ, о чемъ я грущу:
Я думалъ, меня угоститъ онъ,
Онъ думалъ, что я угощу.

Идемъ мы, и зритъ наше око
Вдругъ вывѣску: блещетъ, какъ жаръ,
Написанный кистью широкой,
На вывѣскѣ той самоваръ.

Мы шагъ ускорили; въ волненьи,
Но бодро мы къ цѣли идемъ,
Конецъ предвкушаемъ мученьямъ,
И мысленно водку ужь пьемъ.

Вотъ съ вывѣской мы поровнялись,
И вотъ ужь къ крыльцу подошли,
Но взглядами мы помѣнялись, —
И нашу въ нихъ участь прочли:

Тѣ взгляды и думъ безпокойство,
Вопросъ, и мольбу, и отказъ,
Испугъ, и финансовъ разстройство —
И все намъ сказали заразъ.

Съ тоской по разбитой надеждѣ,
Главу опустивши на грудь,
Безмолвно, мрачнѣе чѣмъ прежде,
Мы съ нимъ продолжали свой путь.

И былъ тотъ нашъ путь безконечепъ;
Мы шли, не питаясь ничѣмъ;
И шли мы все дальше и дальше,
Не зная — куда и зачѣмъ.

XXVIII.

КОФЕЙ.

—

Я сначала терпѣть не могъ кофей,
И, когда человѣкъ мой Прокофій
По утрамъ съ нимъ являлся къ женѣ,
То всегда тошно дѣлалось мнѣ.

Больше чувствовалъ склонность я къ чаю.
Но записочку разъ получаю:
«Завтра утромъ приди, милой мой —
«Вмѣстѣ кофей пить будемъ съ тобой.»

Въ мигъ всю ложность и всѣ затрудненья
Я постигъ моего положенья.
Но законъ для меня billet doux —
На свиданіе къ милой иду.

Я дорогой дрожу весь заранѣ.
Прихожу. Чтожъ? она на диванѣ
Передъ столикомъ чайнымъ сидитъ: —
На спирту сама кофей варитъ.

Я не ждалъ такой дивной картины!
Опустили мы мигомъ гардины,
Чтобъ чей злой и насмѣшливый глазъ
Не замѣтилъ бы съ улицы насъ....

Опишу ли весь пылъ упоенья?!
Все, что можетъ себѣ въ услажденье,
Когда время свободное есть,
На просторѣ любовь изобрѣсть —

Все тогда съ нею мы испытали.—
О, съ какимъ наслажденьемъ глотали
Жирный кофей мы послѣ того:
Чашекъ десять я выпилъ его.

Она выпила тоже не мало,
И прощаясь, мнѣ нѣжно сказала:
«Другъ мой милый, до этого дня
«Не любила вѣдь кофею я.

«Я его съ отвращеньемъ варила,
«Но себя той надеждою льстила,
«Что охотникъ до кофею ты, —
«И сбылось предвѣщанье мечты.

«Но чего и въ мечтахъ мнѣ не снилось,
«То со мною внезапно случилось:
«Прежде кофей я въ ротъ не брала,
«А теперь съ наслажденьемъ пила!»

— «Онъ мнѣ тоже всегда былъ противенъ,
(Я сказалъ ей въ отвѣтъ), о, какъ дивенъ

Волканическій пламень страстей:
Онъ привычки мѣняетъ людей.»

Съ той поры полюбилъ я и кофей.
Весьма часто, когда мой Прокофій
По утрамъ съ нимъ приходитъ къ женѣ
Я кричу: «дай, братъ, чашку и мнѣ.»

XXIX.

БРОДЯГА.

—

Съ похмѣлья жаждою томимъ,
Вкругъ *заведенья* я влачился,
И полицейскій господинъ
Изъ-за угла мнѣ вдругъ явился.
Перстами грязными, какъ илъ,
Меня за шиворотъ схватилъ;
Шинель съ застежекъ оторвалась,—
Въ его владѣніи осталась;
За галстухъ взявъ меня рукой,
Онъ снялъ несчастный галстухъ мой,
И полинялый, и дырявый,
Презрѣвъ мольбы мои и стонъ,
Меня въ сибирку быстро онъ
Втолкнулъ десницею костлявой.
Какъ трупъ, въ сибиркѣ я лежалъ;
Ко мнѣ гласъ частнаго воззвалъ:
«Проснись, бродяга, и отсѣлѣ
Домой стопы свои направь:
Но объ утраченной шинели
Мысль безпокойную оставь!»

1859 г.

XXX.

ЗАВѢЩАНІЕ.

—

Когда одно благословенье
Да разоренное въ конецъ
И заложенное имѣнье
Тебѣ оставитъ твой отецъ, —
И у тебя уже не станетъ
Ни брюкъ приличныхъ, ни сапогъ,
И за имѣніе настанетъ
Платить въ Совѣтъ послѣдній срокъ;
Когда предъ свѣтскимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Фамилья громкая твоя: —
Того кто далъ тебѣ съ рожденьемъ
Гербы фамильные одни, —
Сынъ, неприличнымъ выраженьемъ
Ты въ черный день не помяни!
Но предъ толпою празднословной

Скажи, что взятъ въ учителя
Тебѣ Французъ былъ самый кровный,
Что я платилъ безпрекословно
Твои младые векселя;
Что къ жизни вѣтренной приманкамъ
Ты страстью съ дѣтства былъ палимъ,
И что бѣжали по цыганкамъ
Вы вмѣстѣ съ батюшкой своимъ.

1859 г.

XXXI.

ПЕРЕДЪ ПОРТРЕТОМЪ ПРОВИНЦІАЛКИ.

—

Я не люблю холодныхъ, вялыхъ
Московскихъ чопорныхъ дѣвицъ,
Всегда измученныхъ на балахъ.
Что мнѣ въ ихъ ручкахъ, грудкахъ впалыхъ?
Я не люблю казенныхъ лицъ
Московскихъ дамъ, московскихъ львицъ.

И вы, изящныя созданья
Ундины царственной Невы —
Одинъ лишь страхъ да состраданье
Внушать къ себѣ способны вы.
Въ васъ совершенно нѣту плоти:
Легки, прозрачны вы, какъ тѣнь.
Вы вѣрно воздухомъ живете,
Вамъ даже ѣсть какъ будто лѣнь.

Цивилизаціей измяты
Вы съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ;
Вы совершенно автоматы,—
Въ васъ ни страстей, ни крови нѣтъ.
Богъ съ вами, право!

Толи дѣло
Степной губерніи краса!
Какая жизнь, какое тѣло,
Какая толстая коса!
Вотъ, напримѣръ, передо мною
Приволжскихъ странъ природный фруктъ
Сырой — какъ есть, совсѣмъ съ корою —
Россіи-матушки продуктъ.
Да, господа! дѣвица эта,
Какъ говоритъ ея портретъ,
Не извелась въ забавахъ свѣта:
Она здорова, какъ атлетъ;
Въ ней — за глаза ручаюсь смѣло —
Закваска русская крѣпка:
Ея и пальцемъ не задѣла
Цивилизаціи рука;
Десятка два нѣжнѣйшихъ нянекъ
Ее кормили день и ночь;
Она полна, бѣла точь въ точь....
Точь въ точь тверской рублевый пряникъ;
Ея глаза горятъ какъ жаръ —
Какъ новый тульскій самоваръ;
Проста душа ея младая,
Какъ воды Волжскія чиста,
Какъ лучшій колоколъ Валдая,
Звучатъ широкія уста.

Блаженъ тотъ юноша практичный,
Кому назначено судьбой
Владѣть, на зло молвѣ столичной,
Ея громадною рукой;
Кто, одаренъ разсудкомъ точнымъ,
Благоразумно предпочтетъ
Плодамъ тепличнымъ, малосочнымъ
Сей огородный, сочный плодъ.
Дѣла отцевъ ея не громки,
Но отъ нея за то пойдутъ
Такіе сильные потомки,
Что сами родъ свой вознесутъ.
Она супругу не наскучитъ
Разстройствомъ нервъ. Счастливый мужъ
За ней въ приданое получитъ
Не восемьсотъ тщедушныхъ душъ,
Покрытыхъ сказочнымъ туманомъ:
Ему отсыпятъ чистоганомъ
Кредитокъ пестрыхъ толстый кушъ.

Хвала вамъ Пенза и Саратовъ,
Мокшанъ, Алатырь и Ардатовъ,
Бугурусланъ, Сердобскъ, Казань,
Мамадышъ, Бузулукъ, Сызрань,
И Бугульма, и Чебоксары,
Курмышъ, Тетюши и Чембаръ: —
Вы шлете прочные товары
На нашъ пустѣющій базаръ!
Цивилизаціи десница
По васъ едва-едва прошлась, —
И ваши красныя дѣвицы
Ростутъ, полнѣютъ въ добрый часъ;

Еще у васъ по волѣ неба
Всего довольно — рыбы, хлѣба
И всякій въ волю спитъ и ѣстъ,—
Такъ шлите жъ въ пользу львовъ столичныхъ
Съ приличнымъ кушемъ суммъ наличныхъ
На славу вскормленныхъ невѣстъ, —
Для поддержанья нашей расы
Притокомъ новыхъ свѣжихъ силъ
И пополненья тощей кассы
Остепенившихся кутилъ.

1863 г.

XXXII.

(изъ гейне).

ИСПУГЪ.

—

Свѣтила сонная луна,
Свѣча задумчиво горѣла....
Она сидѣла у окна
И въ садъ безсмысленно глядѣла,
И не сводила сѣрыхъ глазъ
Съ аллеи темной и печальной.
И вдругъ вскочила, затряслась:
Ей, въ этотъ скорбно-сладкій часъ,
Въ саду привидѣлся квартальный.
Я подалъ ей воды стаканъ
И убѣдить ее старался,
Что то оптическій обманъ —
Что *онъ* ей только показался.
Я говорилъ: «воротника
«Тебя смутилъ сей коллеръ адскій....
«Какъ ты пуглива и робка!
«Вѣдь это нашъ — комиссаріатскій!
«Клянусь любовію моей,
«То не квартальный надзиратель.»
И, въ подтвержденье клятвы сей,
Дверь отворилась, и предъ ней
Предсталъ старинный мой пріятель.

И вмигъ въ себя она пришла
Передъ лицемъ давно знакомымъ,
И самоваръ намъ подала,
И принесла бутылку съ ромомъ.
Мы съ нимъ болтали межъ собой....
Она разсѣянно внимала,
И грустно, трепетной рукой
Намъ въ чай все рому подливала.
И въ нашъ веселый разговоръ
Она вмѣшаться не хотѣла;
Все грустно потупляла взоръ
И все блѣднѣла, да блѣднѣла.
То содрагалась, и лицо
Румянцемъ нервнымъ разгоралось,
И мнилось ей, что на крыльцо
Хожалыхъ сонмище взбиралось.
А равнодушная луна
Глазами сонными смотрѣла,
Какъ страшно мучилась она,
И какъ краснѣла и блѣднѣла.
И толстый флегма-самоваръ,
Ея тоски не раздѣляя,
Пускалъ ей въ носъ угаръ и паръ,
Мотивъ бравурный напѣвая;
И на поверхности своей
Онъ отражалъ довольно вѣрно
Ликъ блѣдный дѣвушки моей
И двухъ пирующихъ друзей —
Два лика красные чрезмѣрно.

XXXII.

МОСКОВСКІЙ ПОЭТЪ

и

Петербургскій обыватель.

—

Какъ нынѣ сбирается желчный поэтъ
Отмстить Петербургскимъ журналамъ:
Ихъ прозу и вирши за гнусный памфлетъ
Обрекъ онъ во снѣдь эпиграммамъ.
Въ татарскомъ халатѣ, за старымъ бюро
Сидитъ онъ и злобно кусаетъ перо.
Изъ темной передней предъ нимъ вдругъ предсталъ
Прихвостникъ всѣхъ Русскихъ талантовъ,
Редакторовъ Русскихъ курьеръ и фискалъ,
Панерсникъ неопытныхъ франтовъ,
Для сплетенъ и кляузъ встающій чѣмъ свѣтъ.
И сплетнику водки подноситъ поэтъ.

— «Скажи мнѣ, Тряпичкинъ, какъ въ обществѣ льво
Находятъ мои сочиненья,
И скороль, на гибель отчизны враговъ,
Собранье моихъ громозвучныхъ стиховъ

Достигнетъ втораго тисненья?
Скажи мнѣ всю правду, не бойся, и въ даръ
За то ты получишь стиховъ экземпляръ.

— Мы денди и львы не боимся писакъ,
Стихи же твои мнѣ не нужны—
Попробуй, сгруби мнѣ, отдѣлаютъ такъ....
Со мной всѣ редакторы дружны.
Я въ Питерѣ знаю весь избранный кругъ
По скачкамъ, гуляньямъ и клубамъ: —
Самъ *Гречъ* мнѣ родня, *Григоровичъ* мнѣ другъ,
Я даже на *ты* съ *Сологубомъ*.
Нашъ критикъ извѣстный играетъ въ ланскне
Съ моею прислугой въ передней;
Аскоченскій чай пить заходитъ ко мнѣ,
Идучи отъ ранней обѣдни;
Мнѣ деньги разъ двадцать въ займы предлагалъ
Андрей Александрычъ *Краевскій*
И въ долгъ папиросы всегда отпускалъ
Редакторъ Мишель *Достоевскій*;
Некрасовъ партнеръ мой: съ нимъ въ клубѣ сижу
За картами я до разсвѣта,
Съ *Тургеневымъ* вмѣстѣ на утокъ хожу
И съ *Майковымъ* ужу все лѣто.
Панаевъ впервые у Шармера фракъ,
По моему сдѣлалъ совѣту;
Нерѣдко у *Мея* пивалъ я коньякъ
И рифмы подыскивалъ *Фету*.
Иванъ *Гончаровъ* для меня издастъ
Романъ про мадамъ Бѣловодовъ,
А *Гербель*, какъ встрѣтитъ сей часъ пристаетъ:
Изъ *Шиллера* дай переводовъ.

Громека мнѣ отдалъ свой синій картузъ,
Въ тотъ день, когда снялъ эполеты,
А *Боткинъ* привезъ мнѣ мѣшокъ кукурузъ
И тещѣ моей кастаньеты.
Съ *Бодянскимъ* я вмѣстѣ въ казакахъ служилъ,
А съ *Хавскимъ* Петромъ—въ лейбъ-гусарахъ.
Про Пушкина *Анненковъ* мнѣ говорилъ,
При встрѣчѣ со мной въ Чебоксарахъ.
А *Писемскій* часто при мнѣ умиралъ
(Разъ сорокъ!).... Какія страданья....
Отходную съ чувствомъ надъ нимъ я читалъ,
А онъ диктовалъ завѣщанье.
Толстой Алексѣй, Теофиль и Леонъ,
И всѣ что ни пишутъ Толстые,
(Ихъ много: названіе имъ легіонъ)
Со мной хороши чуть не съ самыхъ пеленъ....
Такіе все право чудные!
Ристори съ *Ольдриджемъ*, *Рашель* съ *Бурдинымъ*
Мои посѣщали салоны;
Бурдинъ безъ утайки, но на ухо имъ
Открылъ, какъ любимымъ адептамъ своимъ,
Искусства святые законы.
Въ Москвѣ каждый вечеръ я въ клубѣ сижу:
Тамъ царствуетъ *Лонгиновъ* Миша....
Кричитъ онъ ужасно.... Я только твержу:
«Мой милой! потише, потише.»
Мадамъ *Толмачеву* я слышалъ въ Перми,
Китарру въ Москвѣ и *Студничку*....
А *Саша Стаховичъ!*... Его не корми,
Лишь дай прочитать хоть страничку.
При мнѣ всѣ комедьи свои написалъ
Извѣстный писатель *Островскій*;

Во всѣхъ мнѣ изданьяхъ паи предлагалъ
Извѣстный издатель *Основскій*.
Съ *Садовскимъ* знакомъ я; *Мартынова* зналъ....
(Я другъ и наставникъ артистовъ)
И даже мнѣ руку однажды пожалъ,
Повѣришь ли кто? *Ѳеоктистовъ!!*.
Нашъ *Щепкинъ* не разъ про жокартовъ станокъ
Разсказывалъ мнѣ со слезами,
Я тоже отъ слезъ удержаться не могъ
И плакали *Корши* всѣ съ нами.
Въ печатнѣ *Каткова* я часто внималъ
Тисненья торжественный грохотъ.
Мнѣ Павелъ *Якушкинъ* самъ пѣсни пѣвалъ
И слышалъ я *Кетчера* хохотъ.
Я зрѣлъ драматурговъ Россійскихъ главу
Потѣхина.... то есть втораго,
И въ Брынскихъ лѣсахъ середь дня, наяву
Григорьева видѣлъ.... живаго!!!
Всѣ двѣсти Россійскихъ писательницъ дамъ
Мнѣ туфли къ святой вышиваютъ;
Колошинъ Сергѣй и калужскій *Имамъ*
Меня одного уважаютъ.
При мнѣ *Аѳанасьевѣ* — Московскій Нарцисъ
Глядѣлся въ колодезь въ Мытищѣ;
Кузьма *Солдатенковъ* — Козьма Медичисъ,
При всѣхъ на Рогожскомъ кладбищѣ
Меня поощрялъ, и обѣдъ мнѣ давалъ
И дачу мнѣ съ прудомъ купить обѣщалъ.

«Совѣтъ сихъ Улемовъ, собравшись вчера
На общемъ торжественномъ сеймѣ,
Въ виду колоссальной статуи Петра,

Рѣшилъ, при самомъ *Розенгеймѣ*,
Что вирши нечесанной музы твоей
Не стоятъ и браннаго слова, —
Что площе они аравійскихъ степей,
Наивнѣе папскихъ всѣхъ буллъ и рѣчей,
Пошлѣе комедіи *Львова*.
На счастье твое былъ *Аскоченскій* тутъ
И подалъ протестъ дерзновенный, —
И вирши твои поступаютъ на судъ
Къ какой-то просвирнѣ почтенной.»

1861 г.

XXXIV.

ПОХОРОНЫ „РУССКОЙ РѢЧИ,“

скончавшейся послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни.

—

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ;
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.
Жуковскій.

Палъ журналъ новорожденный —
Органъ женскаго ума,
И надъ плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма.
Важенъ, толстъ, какъ частный приставъ,
Жертва злобной клеветы,
Палъ великій Ѳеоктистовъ
Съ двухъ-аршинной высоты.

И съ предвѣденьемъ во взглядѣ
Жертву самъ Катковъ заклалъ.
— «Слава Зевсу и Палладѣ,

Онъ Леонтьеву сказалъ;
Слава мышцамъ Аполлона,
Ратоборца свѣтлыхъ силъ;
Онъ шипящаго Пиѳона
Прямо въ темя угодилъ.»

Зритель, *День*, и *Развлеченье*.
И журналовъ цѣлый полкъ,
Всѣ сошлись на погребенье,
Чтобъ отдать послѣдній долгъ
Брату, падшему со славой,
Какъ отчизны вѣрный сынъ, —
И вломились всей аравой
Къ Базунову въ магазинъ.
Тамъ, взваливъ къ себѣ на плечи,
Какъ священный нѣкій кладъ,
Хламъ останковъ *Русской Рѣчи*,
Ихъ несли въ Лоскутный рядъ.
У Петровскаго бульвара
Ихъ догнавъ, библіофилъ
Русской Рѣчи экземпляра
Какъ диковинки просилъ.

Съ воплемъ шла толпа густая
Горько плачущихъ Коршей,
Слезы падали блистая
Изъ безчисленныхъ очей.
И смиривъ свой пылъ воинскій,
Польско-Русскій Маколей
Шелъ задумчивъ панъ Вызинскій —
Хитро-умный Одиссей.

Провожая прахъ любезный,
Шла редакція-вдова
И причитывала слезно
Прежестокія слова:
«Ахъ когда-бъ на дѣлѣ знала
Я журнальные труды,
Я бъ журналъ не затѣвала —
Вотъ безумія плоды!
Но могла ль я Олимпійца
Снесть восточный произволъ?
Онъ редакторъ — кровопійца
Не щадитъ и слабый полъ:
Онъ терзалъ мои созданья
И подъ каждою статьей
Дѣлалъ дерзко примѣчанья
Святотатственной рукой.
Нѣтъ, крутымъ его законамъ
Ни за что ни подчинюсь:
Съ нимъ, какъ Сталь съ Наполеономъ,
Хоть умру, а не сойдусь!»

Кетчеръ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина бокалъ,
И вдовицѣ сокрушенной
Подкрѣпиться предлагалъ:
— «Пей и знай: виномъ заморскимъ
Накатиться нѣтъ грѣха;
Вотъ другое дѣло горскимъ
Или водкой, ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино лѣкарство....
Ха, ха, ха! Ну пей скорѣй,
Ха, ха, ха! Ну къ шуту барство,

Пей да только не пролей!
Вспомни матерь Ніобею,
Что извѣдала она,
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена,
Но и въ вѣкъ тотъ безотрадный
Солдатенковъ тоже жилъ, —
Онъ ей влаги виноградной
Цѣлый ящикъ подарилъ.
Ты чай знаешь: Ніобея
Схоронила всѣхъ дѣтей, —
Ну такъ пей же не робѣя
Въ память внучки *Аѳенея*,
Рѣчи, дочери твоей!»

Но редакція подняла
Гордо голову свою
И съ презрѣньемъ отвѣчала:
«Отвяжитесь, я не пью!»
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокалъ, —
Влага брызнула, и снова
Кетчеръ вдругъ захохоталъ.

И на хохотъ Провъ Садовскій
Запыхавшись прибѣжалъ:
Жбанъ эпохи допетровской
Онъ въ рукахъ своихъ держалъ;
Силой генія чудесной
Чрезъ толпу Коршей пролѣзъ
И куда-то (неизвѣстно!)
Быстро съ Кетчеромъ изчезъ.

— «Смерть велитъ умолкнуть злобѣ»
Жрецъ Аскоченскій сказалъ,
«Миръ покойницѣ во гробѣ:
Преневинный былъ журналъ!»

Миша книжникъ книжной ражи
Удержать въ себѣ не могъ,
И на улицѣ сейчасъ же
Настрочилъ онъ некрологъ:
— «Молъ жила была газетка,
Такъ-себѣ не безъ грѣшковъ
(Сей журналъ ужасно рѣдкій
Здѣсь читалъ одинъ Сушковъ).
Нравъ имѣла тихій, кроткій:
Не бросалась на своихъ;
А скончалась отъ сухотки
Къ сожалѣнію родныхъ.»

«Господа! Ей Богу тошенъ
Жребій родины моей,»
Загремѣлъ Сергѣй Колошинъ,
Катилина нашихъ дней,
«У боговъ на умномъ вѣчѣ
Видно правда не живетъ,
Нѣтъ громовой *Русской Рѣчи*,
Наше Время все не мретъ.»

— «Да, нашъ вѣкъ ужасно скверенъ.
Нѣтъ людей—все я одинъ,»
Возгласилъ Борисъ Чичеринъ,—
Публицистъ и дворянинъ.
«Всѣ желаютъ вертикально

Мой народъ разгородить,
Я хочу горизонтально:
Кто мнѣ можетъ запретить?»

Взоръ вперяя изступленный
Въ сѣроватый небосклонъ,
Вдругъ Медузой вдохновенный,
Рекъ Григорьевъ Аполлонъ:
— «Демоническимъ началамъ
Честно, вѣрно я служу, —
И съ сочувствіемъ не малымъ
За паденьями слѣжу:
Легіоны журналистовъ,
Точно мухи, такъ и мрутъ;
Нынче умеръ Ѳеоктистовъ,
Завтра Павлову капутъ.»

1862 г.

XXXV.

СПОРЪ.

(Отрывокъ изъ умозрительной исторіи русской литературы).

—

Въ дни, когда отдохновеньемъ
Занимался Россъ, —
И хорошимъ поведеньемъ
Всѣхъ плѣнялъ до слезъ;
Въ дни, когда еще въ пеленкахъ
Журнализмъ нашъ былъ
И вполголоса, въ потемкахъ
Онъ кряхтѣлъ и выл, —
И отъ сѣвера до юга
По родной землѣ,
Отъ великаго Устюга
До Сухумъ-Кале,
И отъ губы Анадырской
Вплоть до Финскихъ скалъ,
Сонъ вкушая богатырскій,
Русскій умъ молчалъ;

И, застрявъ въ рутинѣ старой,
Край нашъ погибадъ;
И купечеству Китарры
Лекцій не читалъ;
Въ дни, когда еще Громека
Былъ и тихъ и нѣмъ,—
И у насъ за человѣка
Страшно было всѣмъ;
Въ дни, когда не издавали
Въ Бельгіи le Nord
И на свѣтъ не выползали
Изъ щелей и норъ
Вереницы насѣкомыхъ
(Будущихъ писакъ):
Всякъ, кто былъ тогда не промахъ,
Нѣмъ былъ какъ чурбакъ.
Въ оны дни проспектомъ Невскимъ
На Апраксинъ дворъ
Шли Краевскій съ Достоевскимъ
И вступили въ споръ.
— «Не кичись своею властью
Достоевскій рекъ:
Твоему слѣпому счастью
Не продлиться вѣкъ.
Твой журналъ—въ томъ спору нѣту—
Ужь который годъ.
Опираясь на газету,
Молодцомъ идетъ:
Но грядущее въ туманѣ —
Что подъ нимъ, Богъ вѣсть!
Забастуй-ка, братъ, заранѣ,
Благо деньги есть.

Брось журнальныя занятья
(Ты ужь сѣдъ, какъ лунь).
И въ другое предпріятье
Капиталъ свой ссунь!
Можетъ быть, настанетъ время,
И на твой журналъ,
Журналистовъ новыхъ племя
Хлынетъ, словно шквалъ.
Отъ напора силы вражей
Рухнетъ твой колоссъ.
Забастуй! Займись продажей
Крѣпкихъ папиросъ!
— «Что ты мелешь, Достоевскій?!
Что за низкій тонъ!
Крикнулъ съ гордостью Краевскій,
Гнѣвомъ омраченъ.
Никогда не забастую,
Выи не согну,
И въ коммерцію простую
Рукъ не окуну!
И кого мнѣ опасаться?!
Оглянись кругомъ —
Все позволитъ заниматься
Размертвецкимъ сномъ:
Вотъ эффекта вѣчный плѣнникъ
Рѣзвыхъ модъ дитя,
Вотъ зѣваетъ *Современникъ*,
Надо всѣмъ шутя;
Библіотека для Чтенья
Небоюсь: она
Джентельменскаго презрѣнья
Ко всему полна;

Смерть безжалостной рукою
Ералашъ взяла
И раздавленная мною,
Чуть жужжитъ *Пчела;*
Инвалидъ еще хромаетъ
И бредетъ съ клюкой;
Сынъ Отечества вкушаетъ
Праведный покой:
Внукъ Варяговъ, *Москвитянинъ*,
Юный ветеранъ,
Мной ощипанъ и израненъ,
И умретъ отъ ранъ;
Сонмъ безвредныхъ драмодѣевъ —
Дремлетъ *Пантеонъ*,
И не страшенъ *Пропилеевъ*
Мнѣ архитектонъ.
Я согналъ съ лица земнаго
Цѣлый полкъ писакъ;
Я дорѣзалъ Полеваго,
Я задулъ *Маякъ*.
А журнальные атлеты,
Что̀ еще въ живыхъ,
Окропясь струями Леты,
Послѣ дѣлъ благихъ,
Съ носовымъ протяжнымъ свистомъ
Спятъ, покой цѣня....
Нѣтъ, не нашимъ журналистамъ
Подорвать меня!»
Достоевскій вспыхнулъ гнѣвомъ,
При такихъ словахъ,
И прежалостнымъ напѣвомъ
Онъ воскликнулъ: «Ахъ!

Ахъ! Ужели безъ движенья,
Какъ нѣмой гранитъ,
Русь до свѣта представленья
Глупо пролежитъ?!
Нѣтъ! Придетъ пора прогресса,
Славныхъ дѣлъ пора, —
И воспрянетъ наша пресса
Съ жесткаго одра;
Снова, мыслями богата,
Юныхъ силъ полна,
Загребая мѣдь и злато,
Закутитъ она,
И пронзитъ всезрящимъ окомъ
Темныхъ дѣлъ покровъ,
И загнетъ людскимъ порокамъ
Много крѣпкихъ словъ.
Нѣтъ, я вѣчно, вѣчно буду
Вѣрить въ Русскій умъ.
Чу!.... ты слышишь — отовсюду
Вдругъ раздался шумъ!...»
И Краевскій этимъ шумомъ
Сильно былъ смущенъ,
И въ молчаніи угрюмомъ
Слушать началъ онъ.
И въ большомъ недоумѣньи
Слушалъ журналистъ;
Слышно чье-то приближенье —
Хохотъ, брань и свистъ.
Все яснѣе и яснѣе
Слышенъ сей содомъ;
Хохотъ громче, брань сильнѣе, —
Мчится пыль столбомъ:

Отъ Петропольскихъ каналовъ
И Москвы-рѣки
Вновь-родившихся журналовъ
Движутся полки.
Делибашъ литературный
Всѣхъ напереди —
Русскій Вѣстникъ мчится бурно
И кричитъ: «поди!»
А за нимъ въ костюмѣ дѣда,
Но душой нова,
Ѣдетъ *Русская Бесѣда*
И при ней *Молва*.
Вслѣдъ за ней младенецъ хилый
Скучный *Атеней*
Мчится, мчится что есть силы
Прямо въ міръ тѣней.
Вотъ *Домашняя Бесѣда*
Пляшетъ какъ медвѣдь,
И, въ припадкѣ злаго бреда,
Всѣхъ зоветъ въ «камедь.»
Какъ мордашки, въ изступленьи,
Гонятся за ней
Искра, *Зритель*, *Развлеченье*
И кричатъ: «смѣлѣй!»
Наше Время, просто *Время*
Мчатся имъ во слѣдъ
И безчисленное племя
Площадныхъ газетъ.
Мчатся новые журналы,
Шумны какъ потокъ,
Сыплютъ въ публику скандалы.
(Пуще всѣхъ *Свистокъ*).

И, созвавъ своихъ вассаловъ,
Журналистъ сѣдой
Сталъ считать число журналовъ,
И махнулъ рукой.
И смекая, что въ облаву
Къ недругамъ попалъ,
Онъ Дудышкину въ забаву
Отдалъ свой журналъ.

1863 г.

XXXVI.

ПОКАЯВШІЙСЯ ОТКУПЩИКЪ.

—

Любви къ добру опасныхъ бредней
Не испыталъ я никогда.
У князя Холмскаго въ передней
Провелъ я юности года.
Женился я изъ-за имѣнья:
Жена моя была глупа,
И первой страсти въ упоеньи, —
Все отдала мнѣ въ управленье,
И я пустился въ откупа.
Съ тѣхъ поръ съ утра до поздней ночи
Сидѣлъ я сиднемъ въ кабакѣ,
Обмѣривалъ, что было мочи,
И водку гналъ на табакѣ.
По всей губерніи ....анской
Желудки водкой растравилъ,
Но капиталъ за то гигантскій
Въ короткій срокъ я сколотилъ.
Составивъ быстро состоянье
И домъ построивъ щегольской,

Принесъ предъ небомъ покаянье
Я въ прежней жизни воровской.
И вмигъ пролѣзъ я въ грамотѣи, —
И всюду смѣло сталъ кричать
Про либеральныя идеи
И про свободную печать.
Святую гласность, судъ присяжныхъ
Превозносилъ, что было силъ,
Бранилъ чиновниковъ продажныхъ
И даже откупъ поносилъ.
И въ мнѣньи общемъ такъ прилично
Съ тѣхъ поръ я ухитрился стать,
Что люди честные публично
Мнѣ не стыдятся руку жать!

XXXVII.

—

Передъ франтикомъ столичнымъ
Два извощика стоятъ.
Оба въ пафосѣ обычномъ:
Оба везть его хотятъ.

Оба рядятся съ Неглинной
На Устрѣтенку въ Грачи
Довезти за пять-алтынный,
Оба съ виду лихачи.

Оба молоды и свѣжи,
Оба ростомъ высоки,
Оба съ полостью медвѣжьей,
У обоихъ рысаки.

Оба только на починѣ,
Оба мигомъ долетятъ.
По какой же злой причинѣ
Не садится гордый фатъ?

—

XXXVIII.

ВЕНГЕРКА.

(Баллада).

—

Веселится домъ питейный,
Позабывши часъ указный:
Нынче праздникъ тамъ семейный,
Плясъ и прочіе соблазны.

Цѣловальникъ весь блистаетъ
Въ новыхъ портахъ и поддевкѣ:
Имянины онъ справляетъ
Дорогой своей плутовки.

Нынче ликъ его угрюмый
Свѣтлой радостью сіяетъ;
Нынче онъ безъ дальней думы
Всѣхъ знакомыхъ угощаетъ;

Нынче онъ позабываетъ
Треволненіе мірское. —

Торбанъ слухъ его ласкаетъ,
Пляска тѣшитъ ретивое, —

Онъ любуется на Вѣрку —
Какъ платкомъ своимъ махая,
Пляшетъ съ сыщикомъ венгерку
Цѣловальница лихая.

Пляшетъ Вѣрка предъ гостями:
Какъ волчекъ вдругъ замираетъ,
То плыветъ, то вдругъ ногами
Дробь съ азартомъ выбиваетъ.

Засмотрѣлись на молодку
Всѣ—отъ старца до дѣвчонки,
И забыли всѣ про водку
И закуску изъ печенки.

Раздаются одобренья:
Вдругъ то тотъ, то этотъ скажетъ:
«Вотъ ужъ, братъ.... мое почтенье!
Эка баба! ужъ уважитъ!»

Пляшетъ Вѣрка удалая;
Полки, штофы, все трясется....
А венгерка-то шальная
Такъ и брызжетъ, такъ и льется.

И, какъ оборотень словно,
То смѣется, то вдругъ плачетъ,
То катится ямбомъ ровно,
То хореемъ вдругъ заскачетъ;

То умомъ народнымъ блещетъ;
То заноетъ нѣгой страсти;
То сатирой ѣдкой хлещетъ
Исполнительныя власти.

Всѣ заслушались венгерки,
Какъ французскаго романа,
Лишь вздремнулъ сожитель Вѣрки....
Пожалѣйте Митрофана!

Онъ вздремнулъ, забылъ несчастный,
Что всю ночь не спитъ законъ,
Что давно съ нимъ въ ссорѣ частный...
Чу! Полиціей всевластной
Домъ питейный окруженъ!

И мгновенно отворились
Двери съ шумомъ роковымъ,
И хожалые вломились
Съ предводителемъ своимъ.

Все притихло. — «А, здѣсь пляска!
Всѣхъ вязать и прямо въ часть!»
И пошла и брань, и таска,
И аресты. Значитъ власть!

Вѣрка, думать, что не зная,
Въ рожу сыщику глядитъ,
А бородка подвязная
Подлѣ ногъ ея лежитъ.

—

Вы, кому послали боги
Важный постъ или имѣнье,
Ахъ не будьте слишкомъ строги
Къ меньшимъ братьямъ: — снисхожденье!

Какъ у нихъ, у васъ попойки
Тоже заполночь бываютъ,
Но у васъ родной настойкѣ
Всѣ клико предпочитаютъ.

Какъ у нихъ, порой акорды
Потрясаютъ ваши стѣны;
Защищайте-жь ихъ, милорды,
Не тѣсните, джентельмены!

1862 г.

XXXIX.

ПОЛОВОЙ.

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.
М. Лермонтова.

На санъ половаго
(Увы!) промѣнять онъ рѣшился
Видъ края роднаго
И избу, въ которой родился;
Но съ тайной тоскою
Глядитъ онъ на жизнь городскую, —
Стремится душою
Въ губернію все Костромскую.
И края роднаго
На немъ сохранился знаки:
Безъ юмора злаго,
Не можетъ глядѣть онъ на фраки;
Откупоривъ пробку,
На водку онъ гордый не проситъ,

И волосы въ скобку,
И бороду длинную носитъ;
Недѣлю проводитъ,
Предавшись трактирнымъ заботамъ,
Но париться ходитъ
Онъ въ баню всегда по субботамъ;
Пьетъ водку онъ рѣдко,
За то ужъ когда онъ напьется, —
Ругается мѣтко
И сильно и больно дерется.
Въ немъ мало задора,
Откроешь неопытнымъ глазомъ:
Ударитъ не скоро,
За то пришибетъ тебя разомъ.

1851 г.

XL.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ 1863 ГОДУ.

(Изъ письма въ Петербургъ).

Меня просили вы
Писать къ вамъ изъ Москвы,
Чѣмъ подчуетъ насъ сцена: —
Чѣмъ Талія смѣшитъ,
Чѣмъ ближняго страшитъ
Родная Мельпомена?
Но что жь мнѣ вамъ писать?
Вѣдь вы должны ужь знать
Изъ устъ Московской прессы,
Кто будетъ въ чемъ играть,
Какія идутъ пьесы:
О всякихъ новостяхъ
Про скучный бытъ Московскій
Отчетъ въ вѣдомостяхъ
Печатаетъ Пановскій.

По прежнему у насъ
Потребность въ Русскомъ Кинѣ;

Васильевъ нашъ угасъ;
Все тотъ же Живокини;
Нашъ Щепкинъ такъ же хилъ;
Нашъ Ольгинъ такъ же грозенъ;
Самаринъ такъ же милъ
И такъ же граціозенъ:
Онъ прелесть, говорятъ,
Въ «Испанскомъ дворянинѣ.»
Даютъ здѣсь «Маскарадъ,»
И Познякова въ Нинѣ
У насъ съума свела
Не мало молодежи;
Медвѣдева вяла,
Шубертъ вездѣ мила
И Колосова тоже.
Васильева блеститъ,
Какъ прежде въ Гувернанткѣ *),
Акимова смѣшитъ
Въ Пошлепкиной мѣщанкѣ....

— «А что Садовскій Провъ?»
Спросить васъ подмываетъ, —
Живъ, мраченъ и здоровъ
Да типы созидаетъ:
Что роль, то новый типъ, —
То онъ служака статскій,
То ловкій плутъ *Антипъ*
Антипычъ, купчикъ рядскій **),
То старый дворянинъ

*) Въ піэсѣ г. Бабарыкина «Однодворецъ.»
**) Купецъ въ піэсѣ Островскаго «Картина семейнаго счастья.»

Помѣщикъ деревенскій,
А тамъ — дьячковскій сынъ —
Максимъ Беневоленскій,
То честный онъ купецъ —
Простой, патріархальный,
То Пѣтуховъ наглецъ
Съ походкою нахальной,
То самодуръ Диковъ,
То смирный Подколесинъ ...
— «Дмитревскій вашъ каковъ?»
Дмитревскій всюду сносенъ....
— «Что Шумскій?» Славно онъ.
Играетъ свѣтскихъ фатовъ
И копируетъ тонъ
Разслабленныхъ магнатовъ;
Какъ дивно онъ высокъ
На сценѣ офицеромъ!!!
Онъ научить бы могъ
Шамборовскій кружокъ
Порядочнымъ манерамъ!!!!!

Теперь сказалъ бы я
О нашихъ Итальянцахъ,
Но я вѣдь не судья
Ни въ операѣ, ни въ танцахъ.
Никакъ не положусь
На свой природный вкусъ —
Вкусъ шаткій стихотворца;
Но вотъ что говорятъ:
Панкани нашъ не кладъ —
Хорошъ онъ только въ forza:
Пріятный голосокъ

Находятъ всѣ у Пери;
Но истинно высокъ
По тембру и манерѣ
Былъ прошлогодній басъ,
Прекрасный басъ Вьялети;
Да публика у насъ
Толкъ знаетъ лишь въ балетѣ:
Онъ насъ не удивилъ, —
За то во всѣ ладони
Стучали что есть силъ
Мы всякой примадоннѣ.
Гассье всѣ хвалятъ сплошь —
Прекрасный голосъ ровный;
Однимъ лишь не хорошъ —
Не Итальянецъ кровный;
Почище есть чѣмъ онъ
Здѣсь quasi Итальянецъ —
То Стеллеръ баритонъ,
Все слышно, что Германецъ!

Вамъ хочется узнать,
Кто наши драматурги?
Да тѣже, что блистать
Изволятъ въ Петербургѣ
По пьесѣ каждый годъ
Намъ жалуетъ Островскій,
Да ставитъ переводъ
Съ французскаго Тарновскій.
Кобылинъ все молчитъ;
Замолкъ давно Владыкинъ;
За то теперь строчитъ
Для сцены Бабарыкинъ.

Дьяченко пропасть далъ
Намъ пьесъ; одну Устряловъ.
Марковъ здѣсь отломалъ
Камедь на либераловъ;
Она недурно шла,
По юморъ въ ней отсталый
И такъ она пошла, —
Что я, совсѣмъ усталый
Куда-то укатилъ,
Полъ-акта не прослушавъ,
И недоволенъ былъ
Ей даже князь Кугушевъ.

Вотъ все, на что глядимъ
Мы, съ рвеніемъ большимъ,
Въ лорнеты и бинокли,
Не чувствуя душой
Потребности большой
Въ Шекспирѣ и Софоклѣ.

XLI.

ГАСТРОНОМЪ.

Нѣтъ не тебя такъ нѣжно я люблю.
Не веселятъ меня твои бесѣды, —
Люблю твои роскошные обѣды
Мадеру старую душистую твою.
Когда за кофеемъ я на тебя смотрю,
Въ твой жирный ликъ вникая сонным ъ взором ъ,
Не внемлю я тобой несомымъ вздорамъ,
И про себя я злобно говорю:
«Вѣдь далъ же Богъ милльонъ и аппетитъ
Въ распоряженіе безсмысленной скотины
Француза повара и дѣдовскія вины,
А онъ клико съ донскимъ не различитъ!»

XLII.

Попъ деревенскій сбиралъ въ праздникъ гроши по приходу
Мальчикъ ему помогалъ. Мальчикъ оставь ты попа!
Куши иные тебя ожидаютъ, иные доходы:
Ежели ты одаренъ гибкимъ и прочнымъ хребтомъ,
Будь бюрократомъ (везетъ вашему брату на службѣ!):
Будешь милльонами брать — будешь въ чинахъ ты большихъ

XLIII.

КОРШЪ.

—

Въ Москвѣ въ книжной лавкѣ Краевскій стоялъ
И тронную рѣчь онъ держалъ.

И Кетчеръ, и Щепкинъ и Корши толпой
Внимали той рѣчи съ тоской.

Твердилъ онъ: «Какая, друзья, благодать
Казенный журналъ издавать!»

Твердилъ про доходъ съ объявленій большихъ —
Съ казенныхъ, а также съ простыхъ.

Итогъ тѣхъ доходовъ заналъ той порой
У Корша въ душѣ молодой, —

И цифрой итога томилась она,
Желаньемъ законнымъ полна: —

Доходъ собирать съ объявленій большихъ —
Казенныхъ, а также простыхъ.

1863 г.

XLIV.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

—

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврàмъ;
Узнаемъ Парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ....

А. Пушкинъ.

Узнаютъ людей коронныхъ
По кокардамъ и усамъ,
Старыхъ пьяницъ забубенныхъ —
По краснѣющимъ носамъ,
А писакъ низкопоклонныхъ —
По журнальнымъ похваламъ.

XLV.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ВЪ 1866 ГОДУ

или

МОСКОВСКІЙ ФРАНТЪ,

заблудившійся въ степяхъ Аравійскихъ.

—

(эпическая поэма въ стихахъ и прозѣ).

Желая всегда и во всемъ подражать
Витіи-пѣвцу Ламартину,
Рѣшился я въ прошломъ году предпринять
Вояжъ на Востокъ — въ Палестину.
Обдумавъ заранѣ кратчайшій маршрутъ,
Запасшись большимъ чемоданомъ,
Махнулъ я въ Одессу — оттуда въ Бейрутъ,
Оттуда пѣшкомъ съ караваномъ
Прибрелъ въ Палестину; пробывъ тамъ пять дней,
Верхомъ на верблюдѣ пустился
Я въ самую глубь Аравійскихъ степей, —

И въ оныхъ степяхъ заблудился.
Блуждалъ я съ недѣлю — не пилъ и не ѣлъ, —
И струсилъ, но вдругъ предъ собою
Тѣнистую пальму нежданно узрѣлъ....
Спрыгнулъ я съ верблюда, подъ дерево сѣлъ, —
И въ думу поникъ всей душою:
Сталъ думать я, чѣмъ червячка заморить,
И выдумалъ странное блюдо:
Рѣшился я злое убійство свершить,
И скушать сыраго верблюда.
Хоть мнѣ не хотѣлось дворянскую длань
Въ крови обагрить неповинной,
Но голодъ не тетка,—и звѣрю въ гортань
Вонзилъ я булатъ.... перочинный.
Питался я мясомъ верблюжьимъ дней шесть;
Когда жь мой запасъ истощился,
Я снова сталъ думать, чего бы мнѣ съѣсть,—
И пальмы отвѣдать рѣшился.
И сорокъ недѣль я прожилъ, какъ аскетъ,
Питаясь древесной корою;
И скучно мнѣ стало, и проклялъ я свѣтъ:—
Безъ чаю, безъ винъ, безъ сигаръ и газетъ,
Не зналъ я, что дѣлать съ собою.
«О боги, вопилъ я, какъ скучно здѣсь жить!
Ахъ, еслибъ хоть карты здѣсь были, —
Я-бъ могъ на пескѣ гранъ-пасьянсъ разложить,
Но видно здѣсь люди не жили:
Здѣсь картъ не отыщешь и за сто рублей: —
Въ странѣ сей восточной и грубой,
Точь въ точь какъ въ Тамбовской деревнѣ моей,
Нѣтъ лавокъ овощныхъ, ни клуба.
А въ книгахъ все пишутъ: «Востокъ да Востокъ» —

Вотъ тамъ де раздолье поэту!
Какое раздолье — песокъ да песокъ ...
Здѣсь даже полиціи нѣту:
Тутъ могутъ ограбить, хоть волкомъ завой,
Тебя не услышитъ квартальный
Къ тебѣ не примчится родной становой, —
Здѣсь край черезъ чуръ либеральный!
Шли дни. Я всю пальму успѣлъ ободрать,
Питая тревожное чрево —
Я съѣлъ всю кору, начиналъ ужь глодать
Прилежно и самое древо....

Здѣсь я долженъ на нѣсколько секундъ оставить стихъ; происшествіе, которое постигло меня и которое я хочу изобразить, было такъ неожиданно и такъ «благополучно,» что мой тяжелый и мѣшковатый стихъ не въ состояніи передать публикѣ электрической быстроты впечатлѣнія, потрясшаго мой организмъ. Однажды утромъ, когда я съ большимъ аппетитомъ завтракалъ пальмовымъ деревомъ, коего прочность имѣю честь рекомендовать всѣмъ добросовѣстнымъ столярамъ, вдругъ позади себя я услышалъ нашъ родной bonjour, произнесенный самымъ чистымъ французскимъ выговоромъ. Я такъ обрадовался, что совершенно оцѣпенѣлъ и потому долго не могъ обернуться назадъ: «Боже мой! воскликнулъ я въ глубинѣ своего сердца, какъ здѣсь прекрасно говорятъ по французски, напрасно же я ругалъ эту страну и называлъ ее восточной: — здѣсь можно очень пріятно провести время.» Когда столбнякъ мой прошелъ, и я обернулся назадъ, — передо мной стоялъ извѣстный Московскій фельетонистъ, одѣтый по послѣдней модѣ; въ правой рукѣ его былъ зонтикъ, а на лѣвой висѣло бѣлое лѣтнее пальто. Между нами произошелъ нижеслѣдующій діалогъ. Діалогъ этотъ я намѣренъ изложить стихами, но уже не

тѣмъ размѣромъ, какимъ начата сія піима. Подобно древнимъ греческимъ трагикамъ я мѣняю метръ стиха, сообразно съ метромъ біенія моего сердца, въ минуты вдохновенья.

ДІАЛОГЪ

между франтомъ и фельетонистомъ.

ФРАНТЪ.

Кого я зрю!?.... Иль это сонъ!
Какъ ты попалъ сюда, дружище —
Ты, чей роскошный фельетонъ
Вскормилъ Москву духовной пищей?
Вотъ ужь кого совсѣмъ не ждалъ!...,
Но ты однако изъ далека
И вѣрно голоденъ жестоко,
Такъ закуси, чѣмъ Богъ послалъ—
Не церемонься, будь, какъ дома!...

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Мегсі, я только что поѣлъ....

ФРАНТЪ.

А! ты все корчишь гастронома....
Ну хоть, присядь!

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Я все сидѣлъ!

ФРАНТЪ.

Эхъ, брось всѣ отговорки эти,
Садись и говори сейчасъ,
Что новаго на бѣломъ свѣтѣ?
Скажи, что Польша, что Кавказъ?
Повѣдай, кто въ Москвѣ у васъ
Теперь примируетъ въ балетѣ?
Рѣшенъ ли наконецъ сполна
Вопросъ о герцогствѣ Гольштинскомъ?
Смирили-ль наконецъ слона,
Что бѣсновался подъ Новинскимъ?
Смирилъ ли Бисмаркъ удалой
Палаты Прусской гоноръ дерзкій,
Иль со скамейки министерской
Уже свалился онъ долой?
Смирили-ль Сѣверные штаты
Южанъ, на зло молвѣ людской?...
Скажи утверждены ли штаты
Московской Думы городской,
И ледъ прошелъ ли москворѣцкій?
Прорытъ иль нѣтъ каналъ Суэцкій?
Въ Москвѣ у Троицкихъ воротъ
Не починили-ль мостовую?
Не покосилъ ли ось земную
Какой нибудь переворотъ,
И уцѣлѣла-ли Европа?
Москву не освѣтилъ ли газъ?
Не совершилось ли у насъ
Опять всемірнаго потопа?

Скажи мнѣ все, скажи скорѣй!...
Я здѣсь газетъ не получаю;
Въ пустынѣ сей, безъ новостей,
Я совершенно одичаю.

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Изволь скажу. Съ чего-жъ начать?
Начну съ Германіи ученой
Вопросъ о герцогствахъ мудреный
Тамъ сильно взволновалъ печать:
Забористъ онъ — вопросъ Гольштинскій,
Навелъ онъ на германцевъ страхъ.
Зажегъ въ ученыхъ ихъ сердцахъ
И гнѣвъ, и грозный пылъ воинскій.
Вотъ дѣло въ чемъ. Они прочли
Въ одномъ хорошемъ сочиненьи,
Что часть нѣмецкой ихъ земли
Теперь у Датчанъ во владѣньи,
Что датскій маленькій народъ,
Тому назадъ лѣтъ восемьсотъ,
Внушеньемъ силы сатанинской
У нихъ отжилилъ край Гольштинскій.
Все это въ книжкѣ прочитавъ,
Сыны германскихъ всѣхъ державъ —
Потомки Цумпта и Клопштока,
Сперва задумались глубоко
И долго думали — лѣтъ пять;
Потомъ, надумавшись, степенно
Пустились справки собирать,
Чтобы доподлинно узнать
И убѣдиться совершенно,

Что край гольштинскій имъ родной
И дышитъ жизнію одной
Съ нѣмецкой націей священной.
И вотъ работа началась, —
И пыль столбами поднялась
Въ книгохранилищахъ, въ архивахъ:
Мильйоны нѣмцевъ кропотливыхъ
Тамъ рылись, воздымая прахъ,
И рылись, рылись, рылись, рылись,
Пока вполнѣ не убѣдились
Въ своихъ затерянныхъ правахъ —
И, убѣдившись, вдругъ озлились
Они на новаго врага,
Открытаго въ архивной пыли.
И хоромъ вдругъ заголосили:
— «Ура! побѣда! Мы открыли,
Что намъ мила и дорога
Земля священная Гольштейна,
Что мы ее должны любить.
Что безъ нея не можемъ жить!»
И вотъ отъ Одера до Рейна....

ФРАНТЪ.

Ну братъ довольно, довольно о гольштинскомъ вопросѣ! онъ мнѣ надоѣлъ при самомъ своемъ зарожденіи: для меня ничего нѣтъ интереснаго въ нѣмецкомъ археологическомъ патріотизмѣ. Скажи лучше что нибудь объ Англіи, или какъ весьма основательно называютъ ее нѣкоторые поэты, объ Альбіонѣ.

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

О Альбіонъ, Альбіонъ! какъ онъ могучъ и спокоенъ!
О какъ похожъ онъ на Римъ, строемъ гражданскимъ своимъ!

Такъ все въ немъ дышитъ доднесь духомъ республики рим-
ской —
Крѣпость семейственныхъ узъ, правовъ простыхъ чистота,
Мужество вѣрныхъ гражданъ, страстью къ отчизнѣ горящихъ,
Все отпечатокъ живой свѣтлыхъ античныхъ временъ.
Да, братъ, великъ Альбіонъ, такъ онъ могучъ и прекрасенъ,
Что невозможно о немъ въ ямбахъ простыхъ говорить:
Только гекзаметръ одинъ, хоть и плохой, да гекзаметръ,
Шумомъ державнымъ своимъ, музыкой строгой своей
Можетъ достойно воспѣть сей надувательный островъ —
Островъ гражданскихъ чудесъ, островъ всесвѣтныхъ крамолъ.
Счастливъ былъ древле всякъ мужъ, что получалъ отъ рож-
денья
Въ Римѣ гражданство: — предъ нимъ міръ преклонялся че-
ломъ.
Въ наши дурацкіе дни счастливъ надменный британецъ:
Всюду, куда-бъ ни забрелъ англійскій рыжій матросъ —
Въ Нанкинъ, въ Тунисъ, въ Лиссабонъ, въ Любекъ, иль въ
край Готтентотовъ,
Или хоть въ тартарары, — всюду ему хорошо. —
Всюду хозяинъ Джонъ-Буль — всюду, предъ нимъ пресмы-
каясь,
Пляшетъ подъ дудку его взапуски все передъ нимъ.
Но хоть въ гостяхъ онъ какъ свой, дома ему еще лучше:
Въ льготахъ гражданскихъ своихъ тамъ онъ по горло сидитъ;
Словно нѣжнѣйшая мать, леди Британія крѣпко
Грудью стоитъ за своихъ плотныхъ и ражихъ птенцовъ;
Учитъ всему ихъ, какъ баръ холитъ, лелѣетъ, ласкаетъ,
Въ комфортѣ нѣжитъ ихъ плоть, нѣжитъ въ свободѣ ихъ
духъ,
Все, что ни просятъ даетъ, прихотямъ всѣмъ потакаетъ,
Тѣшитъ игрушками всласть, строитъ дворцы изъ стекла,

Землю прорывъ подъ рѣкой, строитъ тамъ смѣло чугунку,
Чтобъ подъ водой покатать умныхъ, послушныхъ дѣтей.
Но ты спроси-ка, мой другъ, что этотъ комфортъ волшебный,
Эти катанья, дворцы стоятъ народамъ другимъ.
Солоно имъ обошлись эти затѣи Джонъ-Буля
Шкура давно ужь на нихъ внятно и громко трещитъ: —
Чтобы потѣшить своихъ, мистрисъ Британія рада
Силой съ народовъ другихъ брюки послѣдніе снять,
Рада китайцевъ споить опіемъ или дурманомъ,
Кожу съ индѣйцевъ содрать, Турками Грековъ травить,
Только бы всласть накормить милыхъ своихъ ребятишекъ,
Ихъ воспитать, обучить, въ люди лицомъ показать.
Такъ лихоимецъ иной, взяточникъ наглый и грубый
Грабитъ безжалостно всѣхъ — старцевъ и вдовъ и сиротъ;
По міру міръ онъ пустилъ, собственныхъ дѣтокъ питая:
Въ людяхъ онъ волкъ, людоѣдъ, дома же агнецъ ручной;
Страстный и вѣрный супругъ. кроткій и нѣжный родитель.
Рядитъ онъ въ бархатъ жену, тѣшитъ и нянчитъ дѣтей;
Щедро онъ тратитъ на нихъ то, что содралъ съ посторонних—
Грабитъ сиротъ, но за то собственныхъ милыхъ дѣтей,
Учитъ, какъ принцевъ какихъ, онъ всевозможнымъ наукамъ:
Домъ его полонъ всегда нянекъ и дядекъ всѣхъ странъ —
Дѣти на всѣхъ языкахъ чешутъ свободно и смѣло,
На клавикордахъ гремятъ, пляшутъ, рисуютъ, поютъ.

ФРАНТЪ.

Ты отчасти правъ. Но воображая, что говоришь гекзаметромъ, ты то и дѣло попадаешь въ пентаметръ.

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Это я нарочно: хочу поморочить публику; она у насъ не очень сильна въ метрикѣ.

ФРАНТЪ.

Ну чтожь—ничего! отчего не поморочить?—Теперь скажи что нибудь про Францію, только не стихами, а прозой: эта страна не стоитъ не только гекзаметра, но даже и одностопнаго ямба, потому что во всю жизнь не могла вообразить ничего лучше силлабическаго стихосложенія. Разсказывай же!... Ну, что во Франціи все по прежнему — французы все также непостоянны?

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Напротивъ: они все также постоянны, какъ и десять лѣтъ тому назадъ.

ФРАНТЪ.

Какъ-такъ?! вѣдь это самый непостоянный народъ!

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Или самый постоянный. Развѣ политическія идеи, на коихъ онъ вертится, какъ стрекоза на булавкѣ, не подаваясь ни взадъ, ни впередъ, политическія идеи, олицетворяемыя его политическими партіями, не представляютъ образецъ самаго умилительнаго постоянства? Развѣ во Франціи переводятся когда нибудь легитимисты, орлеанисты, банапартисты и республиканцы? Никогда! они живехоньки: званіе легитимиста и другихъ истовъ и анцевъ тамъ наслѣдственно. И вотъ ужь Богъ знаетъ сколько времени, какъ партіи во Франціи заняты однимъ и тѣмъ же: они строятъ всевозможныя каверзы другъ противъ друга. Если въ силѣ легитимисты, подъ нихъ

подкапываются орлеанисты за одно съ другими партіями; но восторжествуютъ бонапартисты, орлеанисты уже заискиваютъ въ легитимистахъ, чтобъ общими силами подставить ножку бонапартистамъ и такъ далѣе. Такимъ образомъ дѣйствуютъ они въ продолженіи полустолѣтія и политическія партіи постоянно чередуются между собой властью и успѣхомъ. — И такъ новаго я не могу тебѣ ничего сказать о Франціи. Ты знаешь исторію: что происходило при первой имперіи, то происходитъ и теперь — политическій репертуаръ французскаго народа все тотъ же — все тѣже піэсы и смѣняются одна другою все въ томъ же порядкѣ. Такъ будетъ продолжаться если не вѣчно, то долго, долго. Скорѣе изсякнетъ океанъ. померкнетъ солнце, починится московская мостовая и книжки русскихъ журналовъ будутъ выходить въ срокъ, то есть опаздывать только однимъ мѣсяцемъ, — чѣмъ Французы придумаютъ что нибудь новое вмѣсто своихъ вѣчныхъ легитимистовъ, орлеанистовъ и проч. и проч. и замѣнятъ свое силлабическое стихосложеніе метрическимъ.

ФРАНТЪ.

Ну, а что Италія?

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

О Италія святая,
О страна земныхъ чудесъ!
Ты....

ФРАНТЪ

Стой, стой! объ Италіи невѣжливо говорить хореемъ: тутъ надо размѣръ Данта; попробуйка качнуть терцинами!

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ *(откашливаясь)*.

Италія страна земныхъ чудесъ,
Страна чудесъ—искусства и природы!
Духъ праотцевъ въ сынахъ твоихъ воскресъ:

Въ тебѣ вскипѣлъ—духъ брани и свободы,
Воспрянули отъ вѣковаго сна
Для подвиговъ святыхъ твои народы.

Да, ты спала, чудесная страна,
Спала ты сномъ святымъ очарованья,
Въ міръ красоты душой погружена.

И грезились роскошныя мечтанья
Твоей душѣ; ихъ воплощала ты
Въ нетлѣнныя святыхъ искуствъ созданья;

Ты нѣжилась на лонѣ красоты;
Твои друзья—поклонники вѣнчали
Твое чело и въ лавры, и въ цвѣты.

Но грозные враги твои не спали —
Подкралися неслышною стопой
И спящую въ оковы заковали;

Проснулась ты, но плѣнницей, рабой;
Вокругъ тебя толпа враговъ стояла
И спорила кому владѣть тобой.

Но и въ цѣпяхъ ты духомъ не упала:
Ты вынесла судьбины злой ударъ
И новою вдругъ славой возсіяла:

Въ твоей груди проснулся пѣсенъ даръ,
Ты пѣснями неволю усладила,
Въ нихъ излила ты сердца страстный жаръ

И пѣснями весь міръ ты огласила,
Онъ имъ внималъ, дыханье притая,
И даже (о, мелодій сладкихъ сила!)

Частенько ихъ заслушивался я
И пѣлъ имъ гимнъ въ газетномъ фельетонѣ.
Ужь чуяла давно душа моя,

Когда внималъ я жирной примадоннѣ,
Что скоро цѣпь съ Италіи спадетъ,
И слышался мнѣ въ каждомъ полутонѣ

Свободы крикъ торжественный. И вотъ
Сбылися сны души моей веселой:
Италія неволи свергла гнётъ, —
И тщетны всѣ враговъ ея крамолы.

ФРАНТЪ.

Ну теперь скажи, что подѣлываетъ наша матушка Россія?

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Отчизна наша въ этотъ годъ
Далеко двинулась впередъ. —
Пусть наши недруги лихіе
Кричатъ изъ зависти къ Россіи,
Что будто нашъ обильный край
Въ коснѣньи дремлетъ, какъ Китай,
Что будто мы китайцевъ хуже —
Что просвѣщенье лишь снаружи

На насъ набросило свой лоскъ,
А намъ не въѣлость въ кровь и мозгъ,
Что въ насъ нѣтъ жизни настоящей,
Что подъ наружностью блестящей
Еще мы просто дикари
Все это вымыселъ злодѣйскій
Печати наглой европейской,
И что про насъ ни говори,
Ругай пожалуй дикарями,
А мы впередъ таки идемъ,
Идемъ гигантскими шагами
И хорошѣемъ съ каждымъ днемъ,
На зло завистливой Европѣ,
И какъ узоръ въ калейдоскопѣ
И каждый день, и каждый часъ,
Все измѣняется у насъ.
Да, въ наши дни мы вскачь шагаемъ
И просвѣщаемся, мужаемъ
Ужь не по днямъ, а по часамъ:
Едва дивиться успѣваемъ
Прогресса новымъ чудесамъ.
Мы вдаль спѣшимъ для цѣлей новыхъ
Во весь опоръ, какъ на почтовыхъ;
Взоръ въ безконечность устремя,
Все тройку нашу понукаемъ
И верстъ по триста не кормя
Въ однѣ мы сутки пролетаемъ.
И безъ оглядки все впередъ
Прогресъ удалый насъ несетъ.

ФРАНТЪ.

Полно такъ ли?

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Ей-богу такъ! коли не вѣришь. посмотри самъ. Это очень любопытно: стоитъ того, чтобъ возвратиться въ отечество. Поѣдемъ!

ФРАНТЪ.

Ну чтожь, я очень радъ.... Поѣдемъ.

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Дорожныя издержки пополамъ?

ФРАНТЪ.

Пополамъ.

ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

Ну такъ отправимся.

Абдулбейранъ *)
1865 г. 10 Іюня, стараго стиля.

---

*) Приморскій городъ въ Азіатской Турціи.

XLVI.

КЪ ПОРТРЕТУ ***.

—

Мнѣ лучшей похвалы нельзя ему сказать
Попъ дьякону велитъ труды его читать

XLVII.

ДАРЫ ЧИНОВНИКА.

(Подражаніе Лермотнову).

—

Онъ гремитъ и яръ и злобенъ
На чиновниковъ своихъ —
Бурѣ гнѣвъ его подобенъ,
Слезы капаютъ у нихъ.
Но въ коляску помѣщаясь,
Онъ игривый принялъ видъ
И, привѣтно улыбаясь,
Къ Минѣ Карловнѣ летитъ.
Прилетѣлъ.... она въ кровати.

— «Мина, другъ пусти къ себѣ!
Утомился я въ палатѣ —
Отдохнуть пришелъ къ тебѣ;
Но склоняся на подушку,
Притворясь, что будто спитъ,
На свого «милашку-душку»
Злая Мина не глядитъ.

— «Я привезъ тебѣ гостинецъ
И гостинецъ не простой —
Вотъ колечко на мизинецъ,
На колечкѣ вензель мой.
Но уткнувши носъ въ подушку
Мина хитрая лежитъ: —
На свого милашку-душку
Разсердилась — не глядитъ.

— «Слушай Мина!... даръ солидный...
Завтра будетъ здѣсь, ей, ей,
Пара сѣрыхъ, кучеръ видный
Раззолоченный лакей
И модпѣйшая коляска....
И какая! просто рай:
И просторна, и не тряска —
Хоть по пашнѣ поѣзжай.
И никто не отгадаетъ,
Гдѣ досталъ я этотъ кладъ,
Лишь купецъ про это знаетъ,
Что съ казной имѣлъ подрядъ.»

И погибшее созданье
Поднялось при сихъ словахъ —
Замерло у ней дыханье,
Алчность вспыхнула въ глазахъ: —
Воплотилась передъ нею
Задушевная мечта....
Мина бросилась на шею
Умиленнаго скота.

1858 г.

XLVIII.

МЕЧТЫ ЧИНОВНИКА.

(Подражаніе Лермонтову.)

—

Я доволенъ и счастливъ на службѣ:
Предо мной мой начальникъ дрожитъ,
Потому что министръ со мной въ дружбѣ
И публично со мной говоритъ.
Грудь моя украшена роскошно
И медалями и лентой и крестомъ;
Отчего-жъ въ присутствіи мнѣ тошно
Жду-ль чего, жалѣю-ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ службы ничего я
И не жаль мнѣ совѣсти ничуть: —
Я желалъ бы пенсіи, покоя,
Я бъ хотѣлъ отъ дѣла отдохнуть....
Но не чистой жажду я отставки:
Я бъ все числиться желалъ и состоять —
Чтобъ мнѣ шли награды и прибавки,
Чтобъ чины и ленты получать.

XLIX.

ЖЕНИХИ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ,
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
А. Пушкинъ.

Предъ купчихой благосклонной
Двое фатовъ предстоятъ,
Оба въ бракъ вступить законный
Страстью пламенной горятъ.

Оба Шармеромъ одѣты
Съ благородной простотой,
Оба, прежде — въ оны лѣты
Всѣхъ дивили красотой.

Оба крѣпкаго сложенья,
Оба въ нѣгѣ возросли,
Но здоровье и имѣнье
Въ бурной жизни растрясли.

Оба люди молодые,
Но ужъ въ долгъ давно живутъ;
Оба родъ свой отъ Батыя
Съ достовѣрностью ведутъ.

Оба спѣси благородной
Въ сердцѣ огнь святой хранятъ;
Оба смертію голодной
Жизнь окончить не хотятъ.

Бракъ съ купчихой запятнаетъ
Ихъ могучій древній родъ;
Но геральдики не знаетъ
Голодающій животъ.

Много шуму, много срама
И безславія ихъ ждетъ;
Но не славится и яма,
Что̀ у Иверскихъ воротъ.

Съ этой мыслью непріятной
Потупляя нѣжно взглядъ,
Предъ купчихой необъятной
Оба фата предстоятъ.

А купчиха съ папироской
Возсѣдаетъ. Дивный видъ:
Ну точь въ точь колоссъ Родосскій
Или просто рыба Китъ!

Но на кончикѣ дивана
Съ дивной ловкостью сидитъ;
Отъ нея оделавана
Запахъ на версту разлитъ.

Много крупныхъ брилліантовъ
На серьгахъ ея горятъ,
И сердца голодныхъ франтовъ
Смертью раннею разятъ.

«Кто, скажи, любимъ тобою?»
Двѣ франты говорятъ:
«Кто изъ насъ избранъ судьбою?
Чей удѣлъ кинжалъ и ядъ?»

Дѣва щурится лукаво
И, жеманясь, говоритъ:
«Я сама не знаю право —
Мнѣ какъ тятенька велитъ.»

Бичъ семьи патріархальный,
Сухъ и хладенъ какъ гранитъ,
Допотопно-колоссальный
Тутъ же «тятенька» сидитъ.

Чай изъ блюдечка спокойно
Онъ себѣ въ прикуску пьетъ,
И довольно непристойно
Потъ съ чела его течетъ.

То вздохнетъ, то брови сдвинетъ,
Точно чѣмъ-то нездоровъ,
Точно вовсе онъ не видитъ
Двухъ пріѣзжихъ молодцовъ.

Лишь порой украдкой взглянетъ
Подозрительно на чихъ,
И свой чай опять потянетъ:
«Намъ-де надо не такихъ.»

L.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАСКАРАДЪ.

ИНТЕРМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СЪ ПРИЛИЧНЫМЪ УГОЩЕНІЕМЪ ДЛЯ ВСѢХЪ ВООБЩЕ И ДЛЯ КАЖДАГО ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Театръ старается представить россійскій Геликонъ. Очень раннее утро. Заря только начинаетъ заниматься.

На сцену появляется: г. Катковъ во образъ лорда-мера; г. Леонтьевъ во образъ альдермена; г. Аксаковъ въ русскомъ кафтанѣ, но въ бѣлыхъ перчаткахъ; г. Павловъ въ костюмѣ Велисарія, ведомый подъ руку г. Чичеринымъ; г. Бодянскій во образъ Тараса Бульбы; г. Лонгиновъ, превратившійся наконецъ совсѣмъ въ каталогъ Сопикова въ 8-ю долю листа, переплетенный въ корешокъ, вносится съ большимъ почтеніемъ на рукахъ и. Полторацкаго, Геннади и всѣхъ прочихъ библіографовъ; г. Соловьевъ во образъ покойнаго г-на Роллэна; г-жа Евгенія Туръ, совмѣщающая въ своей особѣ Сафо, Бобелину и Семирамиду; г. Краевскій подъ видомъ литератора; графъ Кушелевъ-Безбородко въ положеніи Сарданапала, сопровождаемый г. Писаревымъ въ видѣ Белеса и г. Благосвѣтловымъ въ видѣ Арбака,

правителя Мидіи; г. Островскій во образъ честной вдовы Марѳы Борисовны; г. Щербина въ видѣ Ифигеніи, только-что вырвавшейся изъ плѣна Тавро-Скиѳовъ; г. Погодинъ съ физіономіей Маріи на развалинахъ Карѳагена; г-жа Кохановская въ вершахъ и трауръ по Иванъ Яковлевичъ; г. Писемскій съ аплономъ помѣщика тысячи душъ; г. Садовскій въ роли Кассандры; г. Щепкинъ въ видѣ Ніобеи; г. Аполлонъ Григорьевъ въ собственномъ видѣ.

Немного погодя входятъ и становятся поодаль разныя аксессуарныя лица, т. е. народъ, вѣстники, пастухи, пастушки, Корши и проч. и проч.

ХОРЪ.

Пробудись отъ сна, Россія,
Пробудись и намъ внемли!
Люди мы передовые,
Мы твой цвѣтъ, мы соль земли!
Въ насъ одно твое спасенье:
Мы враговъ твоихъ враги,
Мы роднаго просвѣщенья
И столбы и рычаги:
Насъ томитъ одно желанье —
Край родимый просвѣтить
И на прочномъ основаньи
Въ немъ порядокъ утвердить.
И къ священной этой цѣли
Премъ мы дружною гурьбой;
Всю дорогу мы доселѣ
Не ругались межь собой.
Всѣ мы страшно даровиты,
Всѣ ужасно учены,
Всѣ до нельзя мы развиты
И неслыханно умны.

Аксаковъ.

Врагъ перчатокъ, танцевъ, фраковъ,
Древней Руси паладинъ,
Я поэтъ Иванъ Аксаковъ,
Но поэтъ я гражданинъ.
Съ грустнымъ чувствомъ патріота
Вижу я, что мой народъ
По стопамъ Искаріота
Вслѣдъ за Западомъ идетъ.
Съ той поры, какъ мы обриты
Мощной дланію Петра,
Къ намъ вползли Адамы Смиты
Гегель, Кантъ et caetera.
Вѣдь мы глупы, кромѣ шутокъ!
Мы почти ужь двѣсти лѣтъ
На Антошекъ и Анютокъ
Пялимъ западный корсетъ;
Моемъ, тремъ ихъ такъ и эдакъ,
И снаружи и внутри,
И рѣшились напослѣдокъ
Завести для нихъ жюри.
Это все пустыя рѣчи:
Грозный русскій великанъ
Не вздѐретъ себѣ на плечи
Узкій западный кафтанъ.
Это такъ, даю вамъ слово!
Вѣдь народъ нашъ, господа,
Свыше правды и суда,
Свыше онъ всего земнаго.

Отчего за книгой спятъ
Въ нашихъ школахъ гимназисты,
Смотрятъ прямо въ публицисты
И учиться не хотятъ, —
Лишь узнаютъ азъ да буки,
Имъ ученье въ умъ нейдетъ?
Оттого что нашъ народъ
Свыше западной науки.
Отчего у алтаря
Доморощенной Ѳемиды,
Какъ въ объятіяхъ Киприды,
Подъ докладъ секретаря.
Спятъ такъ сладко наши судьи,
А полиція беретъ?
Оттого что нашъ народъ
Свыше чувства правосудья.

По причинамъ историческимъ,
Мы совсѣмъ не снабжены
Яснымъ смысломъ юридическимъ, —
Симъ исчадьемъ сатаны.
Широки натуры русскія: —
Нашей правды идеалъ
Не влезаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ!
Мы враги сухой формальности,
Мы чувствительны душой, —
И при видѣ благодарности
Не владѣемъ мы собой;
И по этой-то причинѣ я
Съ умиленіемъ гляжу
На управу благочинія:

Въ ней одной я нахожу
Въ дни печали утѣшеніе,
Въ ней одной лишь не погибъ
Отъ напора просвѣщенія
Допетровскаго кормленія
Совершенно-чистый типъ.
Не къ пути земному тѣсному
Созданъ, призванъ нашъ народъ,
Но къ чему-то неизвѣстному,
Непонятному, чудесному,
Даже, кажется, небесному
Тайный гласъ его зоветъ.

Катковъ.

Съ виду я гарибальдіецъ,
По азарту демагогъ,
По прозванью олимпіецъ,
По призванью филологъ.
Мнимыхъ знаній оболочку
Я съ Крылова своротилъ
И три раза въ одиночку
На Искандера ходилъ!
Для здоровья въ третьемъ годѣ
Островъ Уайтъ я обиталъ,
И по англійскомъ народѣ
Съ той поры я бредить сталъ.
Сталъ кричать я громогласно,
Какъ лютѣйшій англоманъ:
«Все въ Британіи прекрасно,
Даже копоть и туманъ!
Тамъ издревле расцвѣтали

Всюду розы безъ шиповъ;
Нѣтъ хожалыхъ тамъ каналій,
Нѣтъ болѣзней и печалей,
Нѣтъ пороковъ и клоповъ!»

Лонгиновъ.

Я тотъ (да кто меня не знаетъ?)....
Я пресловутый книголюбъ,
Чей мощный голосъ потрясаетъ,
По вечерамъ Британскій клубъ.
Клянуся высью олимпійской,
Клянусь семьей россійскихъ музъ,
И *Вивліовикой Россійской*,
И Остолоповымъ клянусь!
Да! надъ Курганова могилой
И на *Письмовникѣ* святомъ
Клянуся я Вассьяномъ Рыло
И Анны Буниной стихомъ;
Клянусь Леонтіемъ Магницкимъ,
Клянусь Мелетіемъ Смотрицкимъ,
Клянусь Шатрова ерундой,
Клянусь Іоанномъ Левандой
Клянуся Бантышемъ-Каменскимъ,
И даже княземъ Оболенскимъ,
(Его преемникомъ земнымъ
По всѣмъ архивскимъ кладовымъ),
Клянуся Сопикова тѣнью
И новиковскимъ словаремъ,
И первымъ русскимъ букваремъ,
И всей священной дребеденью
Старинныхъ книжицъ и брошюръ,

Клянуся всѣмъ Парнассомъ росскимъ,
Отъ Кантемира съ Третьяковскимъ
До госпожи Евгеньи Туръ!
Клянуся копнами тетрадей
Старинныхъ пѣсенъ и стишковъ,
Зову въ свидѣтели Геннади,
Клянусь (убей меня Сушковъ
Посредствомъ собственнаго чтенья
Новорожденнаго творенья!)...
Клянусь (Бартеневъ запиши!)
Что въ глубинѣ моей души
Созрѣлъ и выросъ планъ гигантскій!
Когда жь онъ приметъ кровь и плоть,
То вѣрно съ зависти умретъ
Издатель *Чтеній* графъ Бодянскій.
Секретари съ нимъ оба мы,
Но двухъ враждующихъ коллегій,
И онъ, внушенный духомъ тьмы,
Лишилъ насъ важныхъ привиллегій.
И я рѣшился въ месть врагамъ,
Чтобъ ихъ коллегію унизить,
Сердца московскихъ львовъ и дамъ
Съ литературой русской сблизить.
И къ этой цѣли ужъ готовъ.
Я приступить безъ замедленья
Посредствомъ дароваго чтенья
Стефана Маслова стиховъ.

Кетчеръ.

Друзья, я всесторонній геній
И литераторъ я, и врачъ,

И всѣхъ Шекспировскихъ твореній
Я вдохновеннѣйшій толмачъ.
Но про меня въ забаву міра,
Сказалъ какой-то щелкоперъ
Что будто я «всего Шекспира
Не перевелъ, а переперъ.»

Чичеринъ. *(Поетъ, ведя подъ руку Павлова).*

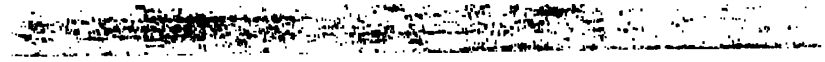
«Малютка, шлемъ нося, просилъ
Для Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,
Кѣмъ славенъ Римъ и Византія»
Такъ я, въ отставкѣ либералъ,
Прохожихъ съ воплемъ умоляю:
Читайте Павлова журналъ!
Я въ немъ статейки помѣщаю.
Вотъ зракъ того, кто прежде былъ
Для консерваторовъ грозою,
Кто Соллогуба поразилъ,
Но самъ сраженъ былъ самъ собою;
Кто передъ міромъ оправдалъ
Жидовъ униженное племя,
И въ битву съ Зотовымъ вступалъ....
Но вдругъ публично основалъ
Въ Москвѣ газету *Наше Время*,
И вотъ мгновенно въ немъ изсякъ
Даръ остроумія блестящій,
И онъ вертится такъ и сякъ,
А нѣтъ подписки надлежащей.

Павловъ.

Да, мнѣ плохо: уже близко
Подкатилъ къ намъ новый годъ,
А подписка-то подписка,
Хоть ты тресни, не идетъ;
Заходилъ я къ Базунову,
И въ почтамтъ, и къ Глазунову,
И вездѣ одинъ отвѣтъ:
«Нѣтъ подписки, сударь, нѣтъ!»
Это очень непріятно,
И теперь мнѣ непонятно,
Какъ Аксаковъ и Катковъ,
Послѣ жатвы благодатной,
Рады плакать изъ-за словъ.
Этотъ бредитъ Альбіономъ,
Тотъ отчизной пораженъ;
Говорятъ съ такимъ апломомъ
И такимъ серьознымъ тономъ,
Точно Питтъ и Пальмерстонъ!
Вѣдь пришла же имъ охота
Горло драть изъ пустяковъ!
Ахъ, Аксаковъ! Ахъ, Катковъ!
Вы смѣшнѣе донъ-Кихота!
Нѣтъ, я вовсе не таковъ.
До идей мнѣ дѣла мало
(Я совсѣмъ не донъ-Кихотъ!):
Мнѣ бы только отъ журнала
Былъ хоть маленькій доходъ.
Мнѣ ль теперь до убѣжденій?!

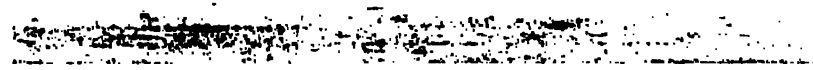
Не о нихъ я хлопочу:
Я казенныхъ объявленій
Привиллегіи хочу.
Въ нихъ одна моя зазноба
И надежда и покровъ..
И щемитъ мнѣ сердце злоба,
Только вспомню, что Катковъ
Взялъ казенную газету
На аренду на шесть лѣтъ....
Ахъ, простить обиду эту
Я бъ желалъ, но силы нѣтъ!
Какъ онъ смѣлъ безъ позволенья
И согласья моего
Взять на откупъ объявленья!....
Это просто ужъ.... тово..
Беззаконно, гадко, низко:
Онъ мнѣ въ сердце ножъ воткнулъ....
Ахъ, журналъ мой!... Ахъ подписка!...
Ахъ, Катковъ.... Ахъ!... караулъ!!!...

Падаетъ, увлекая за собой г. Чичерина. Г. Чичеринъ хочетъ что-то сказать, но занавѣсъ быстро опускается.



LI.

ИЗЪ ПОЭМЫ „СОЦІАЛИСТЫ“.



ИЗЪ ПОЭМЫ „СОЦІАЛИСТЫ.“

I.

. . . . . .

. . . . . .

Недолго я въ тиши блаженной
Аркадской дѣвственной глуши,
Въ святой невинности души,
Подъ кровлей отческой смиренной
Баклуши беззаботно билъ;
День новой жизни наступилъ, —
И батька мой, не внемля плачу
И просьбамъ матери моей,
Велѣлъ прощаться намъ живѣй,
Потомъ единственную клячу
Въ телѣжку тряскую запрегъ, —
И на благос воспитанье,
Какъ будто жертву на закланье,
Въ губернскій градъ меня повлекъ.
И семинарія открыла
Свой грозный зѣвъ передо мной
И мигомъ съ тѣломъ и душой
Меня всецѣло поглотила.
О, семинарія, родникъ
И общихъ мѣстъ и думъ сомнѣнья,

Разсадникъ злачный и парникъ
Вождей младаго поколѣнья,
Парнаса русскаго владыкъ!
Меня ты мачихой пріяла:
Въ твоихъ стѣнахъ и я сначала
Такъ много пролилъ горькихъ слезъ,
И много, много свѣжихъ лозъ
Начальство въ гнѣвѣ обломало,
Стараясь тщетно въ разумъ мой
Вдолбить латинскія спряженья
И цѣлыхъ чиселъ умноженье —
Начатки мудрости земной.
Не поддалась внушеньямъ прута
Моя природа ни на мигъ:
Языкъ Катона, Гракховъ, Брута,
Въ твои я тайны не проникъ!
Ни глупый modus conjunctivus,
Ни genitivus partitivus,
Ни quum causale, ни супинъ
Мнѣ не давались; и донынѣ
Лишь только вспомню о латынѣ,
Меня беретъ тоска и сплинъ.
А ты, наука Пиѳагора,
Головъ посредственныхъ опора,
Ты мнѣ была всего тошнѣй,
По геніальности моей:
Меня томила лѣнь, зѣвота,
Я превращался въ идіота,
Себя я чувствовалъ глухимъ,
Когда отъ скуки изнывая,
И ничего не понимая,
Внималъ безспорнымъ и сухимъ

И пошлымъ истинамъ твоимъ.
Да и теперь (скажу вамъ прямо)
Все тотъ же геній мой упрямый:
Не понимаю, хоть убей,
Я сокращенія дробей.

И такъ я былъ плохой грамматикъ
И самый гнусный математикъ.
И былъ ли въ правѣ разумъ мой —
Мой разумъ мощный, исполинскій
Не презирать, какъ хламъ гнилой,
Цыфирь и синтаксисъ латинскій?
Начатки мертвыхъ сихъ паукъ
Лишь клали хладныя оковы
На геній мой, на все готовый:
Былъ тѣсенъ мнѣ ихъ истинъ кругъ
Межъ тѣмъ начальство непрестанно
Меня пороло неустанно
И съ каждымъ разомъ все больнѣй;
Оно, по глупости своей,
Не знало, что во мнѣ таилось
И какъ феномену дивилось
Моей лишь тупости — ей, ей!
И чье пророческое око
Моглобъ за толстою корой
Узнать во мнѣ любимца рока,
Бича словесности родной, —
Того, предъ чьей нездѣшней силой,
Какъ предъ Тимуромъ и Аттилой,
Вся наша русская печать
Обречена была судьбою
Дрожать, склониться въ прахъ главою,

И пресмыкаться иль.... молчать!
Но надо правду вамъ сказать:
И самъ судьбы своей грядущей
Не разгадалъ бы я никакъ —
Я совершенный былъ мозглякъ,
Презрѣнный червь, едва ползущій;
Мой мощный духъ въ то время спалъ,
Сномъ летаргическимъ объятый,
Ничѣмъ великимъ не чреватый,
И крылъ своихъ не поднималъ,
Пока цѣны себѣ не зная
И со слезами проклиная
Свой жалкій умъ и злой удѣлъ,
Я за грамматикой сидѣлъ.
Когда-жъ реторика открыла
Передо мной свой дивный храмъ, —
Мой умъ ожилъ, расправилъ крыла
И прямо дернулъ къ небесамъ.
Межъ хрій, фигуръ, метафоръ, троповъ
Я былъ какъ дома, какъ въ раю
(На нихъ способности ухлопавъ,
Я ихъ люблю, какъ жизнь мою)
О loca topica — скрижали
И столбъ премудрости земной —
Quis, *quid* и *ubi* и такъ далѣ!
Вы мнѣ значенье въ жизни дали!
О, мать реторика, я твой!

И вотъ я весь преобразился
И новый путь открылся мнѣ:
Могучь и силенъ вдругъ явился
Я въ реторической бронѣ.

Никто, никто на нашемъ курсѣ,
Никто, никто и въ цѣлой бурсѣ
Сравняться не дерзалъ со мной
Идей и слога высотой;
Никто въ словесныхъ упражненьяхъ
Такъ ухищряться въ украшеньяхъ,
Такъ «увлекаться» не умѣлъ,
Никто, никто и въ древнемъ Римѣ
Мечемъ антитезъ, метонимій
Съ такимъ искусствомъ не владѣлъ,
Никто, никто такъ не былъ боекъ
Въ трудѣ логическихъ построекъ.
Такъ въ діалектикѣ силенъ,
Такъ мало истиной стѣсненъ,
Такъ въ аргументахъ изворотливъ:
Я могъ свободно за и противъ
О чемъ угодно говорить
И доказать вамъ что попало,
А если логика хромала,
Вопросъ нарочно затемнить.
Бывало мнѣ для упражненья,
Чтобъ умъ мой въ спорахъ закалить,
Неоплатониковъ ученье
Велитъ учитель обличить,
Иль Эпикуровы начала
Низвергнуть въ прахъ со пьедестала,
Иль дастъ мнѣ тему, что Жанъ-Жакъ
Былъ плутъ, обжора и дуракъ.
Хоть философскія ученья
Я понаслышкѣ только зналъ,
Но тотчасъ силой умозрѣнья
Ихъ въ прахъ и пепелъ обращалъ:

Посредствомъ выводовъ готовыхъ,
Избитыхъ мыслей, формулъ, схемъ
Я смѣло подрывалъ въ основахъ
Твердыни вѣковыхъ системъ.
Платонъ, Вольтеръ, Эпикурейцы,
Спиноза, Юмъ, Пиѳагорейцы!
Кого изъ васъ мнѣ ни дадутъ
Бывало обличить въ обманѣ,
Ужъ у меня про всѣхъ въ карманѣ
Былъ камешекъ, — и въ пять минутъ
Системамъ вашимъ былъ капутъ.
Разстригу Лютера Мартина
А съ нимъ и Цвингли и Кальвина
Съ такою силой я громилъ,
Что кости ихъ въ землѣ дрожали
И даже тѣни ихъ вставали
Съ мольбой и воемъ изъ могилъ.
Реторика все побѣждала....
Когда-жъ изъ ересей простыхъ —
Такъ.... доморощенныхъ, своихъ
Кой-что, на праздникахъ, бывало
Прикажутъ обличить тебѣ, —
Такъ это такъ происходило:
Взялъ обмакнулъ перо въ чернила, —
И се не бѣ, и се не бѣ!

Такъ много лѣтъ я упражнялся, —
Свой умъ въ гимнастику водилъ.
Тамъ на канатѣ онъ ломался
И танцовалъ что было силъ.
Профессора приподнимали
Все вверхъ сей умственный канатъ,

И я валялъ salto mortale,
Въ надеждѣ славы и наградъ.
И умъ мой тщательно ломался —
Все изощрялся, изловчался,
И вотъ до нельзя изощренъ, —
Сталъ верхъ ногами твердо онъ,
Сталъ и на вѣки такъ остался.

Однажды какъ-то въ жаркій день
Въ родномъ селѣ на сѣновалѣ
Вкушалъ я сладостную лѣнь,
И мысли весело блуждали,
И отдыхали мозгъ и грудь
Отъ философскаго ломанья, —
И мнѣ явилось вдругъ желанье
Въ свой умъ спокойно заглянуть —
Узнать какія положенья
Въ немъ сохранились отъ ученья?
И вотъ я заглянулъ въ него,
И вижу нѣтъ тамъ ничего —
Ни вѣры, ни началъ, ни правилъ:
Діалектическій снарядъ
Все выбилъ съ корнемъ, словно градъ,
Лишь самого себя оставилъ,
Чтобъ *чистый разумъ* въ свой чередъ,
Громя преданья вѣковыя,
Могъ избавлять умы чужіе
Отъ посторонніхъ нечистотъ.

II.

Вотъ наконецъ настало время,
Когда я школьной жизни бремя
Со славой съ плечъ своихъ свалилъ
И, въ ожиданіи прихода
И вмѣстѣ съ нимъ жены-урода,
Въ родномъ селѣ тоскуя жилъ.
Отецъ мой, старецъ жизни строгой,
Цѣнившій высоко свой санъ,
Довольный участью убогой,
Хотѣлъ, чтобъ я одной дорогой
Съ нимъ шелъ для блага прихожанъ.
Но мнѣ казалось все не мило
Предъ чѣмъ старикъ благоговѣлъ:
Иная жизнь меня манила,
Иной мнѣ грезился удѣлъ.
Межъ тѣмъ отцу во всемъ послушный,
Боясь его морали скучной,
Я съ нимъ труды его дѣлилъ —
Пахалъ, косилъ и молотилъ,
Терзаемъ въ сердцѣ тайной злобой...
Но тутъ судьба меня свела
Съ одной курьезною особой,
Владѣльцемъ ближняго села.
То былъ въ отставкѣ фатъ гвардейскій.
Покинулъ онъ во цвѣтѣ лѣтъ
И блескъ, и тяжесть эполетъ
Для тишины эпикурейской.
Онъ малый былъ не дѣловой,

Но страстно жаждалъ повышеній —
Чиновъ и разныхъ украшеній, —
Хоть тяжкой службы фрунтовой
Весьма не жаловалъ лишеній;
А фрунтъ всей русскою землей
Въ тѣ дни былъ чествуемъ безъ мѣры,
Какъ путь надежный и прямой
Для смертныхъ, алчущихъ каррьеры;
А онъ хоть былъ честолюбивъ,
Но въ тоже время былъ лѣнивъ —
Являлся рѣдко на ученье,
Зналъ службу пополамъ съ грѣхомъ: —
И ѣздить не умѣлъ верхомъ,
И вѣчно путалъ построенья.
И послѣ каждаго смотра,
Когда за выправку и рвенье
Всѣ офицеры, юнкера
Съ восторгомъ брали награжденья —
Кто вожделѣнный чинъ, кто крестъ, —
Нашъ сибаритъ, для поощренья,
Былъ отправляемъ подъ арестъ
И эти частые аресты
Лишь вызывали въ немъ протесты
Противъ начальства и властей
И самолюбіе терзали,
И въ сердцѣ тайно накопляли
Ядъ политическихъ страстей.
И вотъ, потаціей жестокой
Разъ какъ-то слишкомъ раздраженъ,
Въ отставку грозно вышелъ онъ,
Съ враждой къ правительству глубокой.

Великимъ Шармеромъ одѣтъ,
Пустился онъ въ блестящій свѣтъ
Искать успѣха по гостинымъ,
Но, къ сожалѣнью не нашелъ, —
И вотъ на все на свѣтѣ золъ,
Онъ утѣшаться сталъ Кюстиномъ.
Тогда всю тяжесть онъ постигъ
Закона русскаго веригъ
И тлѣнъ салоновъ позлащенныхъ,
И сталъ охотникомъ до книгъ,
Но до однихъ лишь запрещенныхъ.
И жить не могъ ужъ больше онъ
Средь чинной сѣверной Пальмиры: —
Вездѣ тамъ каски, вицъ мундиры,
И слишкомъ сѣръ тамъ небосклонъ
И слишкомъ дороги квартиры —
Все только внѣшность да парадъ,
Всѣ служатъ лишь изъ за наградъ —
И не услышишь фразы вольной....
И всѣмъ, и всѣми недовольный,
Онъ сталъ впадать въ тяжелый сплинъ;
Душа рвалася изъ Россіи
Dahin, wo die Citronen blühn,
Въ края волшебные чужіе.
Онъ сталъ мечтать, какъ въ тѣхъ краяхъ
Онъ оживетъ душой и тѣломъ —
Излѣчитъ тѣло на водахъ,
Займетъ свой духъ серьезнымъ дѣломъ;
Какъ тамъ въ душѣ проснутся вдругъ
И мысли новыя и чувства,
По зову строгому наукъ,
По зову нѣжному искусства;

Какъ разовьетъ онъ тамъ свой умъ
Въ отчизнѣ Канта, Винкельмана,
И наберется свѣтлыхъ думъ
Среди сокровищъ Ватикана.
Мечты сбылись; и посѣтилъ
Онъ всѣ прославленныя страны,
Все осмотрѣлъ, повсюду былъ,
Но въ совершенствѣ изучилъ
Одни лишь только рестораны.
И, какъ въ краю своемъ родномъ,
Онъ сталъ скучать и за границей:
И тамъ все было не по немъ —
Умы, и мнѣнія, и лица.
Увы! Онъ не нашелъ нигдѣ
Своей Европы идеальной: —
Ее нашелъ онъ не похвальной —
Зарытой въ деньгахъ и трудѣ
И не довольно либеральной.
И стала Русская земля
Ему все чаще, чаще сниться: —
Первопрестольная столица
Съ зубцами стараго Кремля
Его къ себѣ теперь манила.
Туда скорѣе! Тамъ живетъ
Съ душею свѣжею народъ,
Тамъ дремлетъ дѣвственная сила,
Тамъ злата чистаго руда
Лежитъ въ землѣ непочатая!
И вотъ помчался онъ туда,
Святой надеждою пылая
Свою отчизну просвѣтить
Лучемъ науки и гражданства

И къ новой жизни пробудить
Умы Россійскаго дворянства, —
И.... но чтобъ дѣло объяснить
Не прибѣгая къ украшеньямъ, —
Въ Москвѣ по выборамъ служить
Онъ вдругъ проникнулся стремленьемъ.
Но сонмъ медвѣдей столбовыхъ,
Москва его не оцѣнила
И простодушно прокатила
На самыхъ кровныхъ вороныхъ.
И вотъ озлобленный, печальный,
Съ глубокой думой на челѣ,
Онъ началъ жить въ своемъ селѣ,
Какъ лежебока либеральный.
И тутъ въ священной тишинѣ
Онъ занялся литературой
И изучилъ все то вполнѣ,
Что не дозволено цензурой.
Какъ бѣлка, движа колесо,
Трудится будто для чего-то,
Такъ онъ читалъ подчасъ до пота;
Читалъ Вольтера и Руссо,
Ламне, Жоржъ-Занда, Сенъ-Симона,
Фуррье, Искандера, Прудона
И, по совѣту докторовъ,
Купилъ брошюру: Kraft und Stoff
И вотъ онъ сталъ матерьялистомъ
Сенъ-Симонистомъ, атеистомъ,
О фаланстерѣ сталъ мечтать
И все ругать и отвергать.

Но современныя доктрины
Ему не въѣлись въ кровь и сокъ:
Онъ въ жизни съ головы до ногъ
Былъ баричъ дней Екатерины,
И, какъ его вельможный дѣдъ,
Имѣлъ изысканный обѣдъ.
Высоко ставилъ лоскъ наружный,
Предъ блескомъ роскоши ненужной,
Какъ пошлый фатъ, благоговѣлъ
И хоть анаѳему гремѣлъ
Онъ свѣтскимъ узамъ и законамъ
И былъ ходячимъ лексикономъ
Демократическихъ тирадъ,
Но былъ въ душѣ аристократъ.

Съ моею внѣшностью поскудной
Мнѣ съ нимъ сойтиться было трудно: —
Фигура жалкая моя,
Костюмъ безъ признаковъ бѣлья,
Неловкость, недостатокъ лоска,
Смѣшная, странная прическа,
Бумажный клѣтчатый платокъ,
И говоръ мой провинціальный,
И луку запахъ тривіальный,
И грозный стукъ моихъ сапогъ
Рождали въ немъ негодованье: —
Въ моемъ несчастномъ одѣяньи
Не бѣдность злую видѣлъ онъ,
А лишь дурной мѣщанскій топъ.

Да! Хоть въ душѣ своей широкой
Всѣхъ бѣдныхъ страстно онъ любилъ,

Хоть бѣдность уважалъ глубоко
И непритворно слезы лилъ,
Когда читалъ о ней въ романѣ,
Спокойно лежа на диванѣ,
Но бѣдность онъ вблизи не зналъ:
Онъ въ ней любилъ лишь идеалъ,
Въ мечтаньяхъ созданный заочно —
Весьма красиво, но не точно.
Да, бѣдность представлялъ себѣ
Онъ въ хижинѣ, но не въ избѣ, —
Въ опрятномъ рубищѣ, печальной,
Худой, ужасной, но не сальной,
Просящей съ гордостью труда,
До идеальности голодной,
По голодающей всегда
Со вкусомъ, мило, благородно.
Но онъ вообразить не могъ,
Чтобъ бѣдность фракъ смѣшной таскала,
Сморкалась въ клѣтчатый платокъ,
Подчасъ не чистила сапогъ,
Подчасъ рубашекъ не мѣняла,
Носила гаденькій бурнусъ,
Иль шлянку, шаль не по сезону:
Все это, честью вамъ клянусь,
Онъ относилъ къ дурному тону, —
И видѣлъ тутъ лишь скверный вкусъ,
Плоды дурнаго воспитанья, —
И этотъ образъ нищеты,
Лишенный всякой красоты,
Не возбуждалъ въ немъ состраданья.
Но еслибъ бѣдность распознать
Онъ могъ сквозь эту оболочку,—

О! онъ рѣшился бы отдать
Ей хоть послѣднюю сорочку.

Мнѣ много стоило трудовъ
Сойтиться съ нимъ,—къ нему подбиться—
Его заставить примириться,
Во имя умственныхъ даровъ,
Съ моимъ костюмомъ. — Онъ со скуки —
Меня сердечно полюбилъ,
И въ соціальныя науки
Весьма проворно посвятилъ.
Съ благоговѣньемъ неофита
Я каждый день обѣдалъ съ нимъ,
И за бутылкою лафита
Внималъ рѣчамъ его лихимъ.
Онъ толковалъ мнѣ о Прудонѣ
И о народныхъ мастерскихъ
И объяснилъ какъ на ладони,
Что міръ разрушится безъ нихъ.
Онъ увѣрялъ, что міръ нашъ чахнетъ,
Что отъ него ужь тлѣньемъ пахнетъ
И что одинъ лишь коммунизмъ
Ему спасенье и лѣкарство: —
Что корень зла есть государство
И что законность есть софизмъ;
Что скоро міръ преобразится
И всюду, всюду огласится
Священный лозунгъ: «Liberté,
Egalité, fraternité!»
Что соціальныя ученья
Ужь приводились въ исполненье
Въ Европѣ западной, но тамъ

Они пошли ко всѣмъ чертямъ,
И что ужасно устарѣли
Европы ветхой племена,
Что новыхъ истинъ сѣмена
И коммунизма духъ священный
Ростковъ желанныхъ не дадутъ
На почвѣ жизнью истощенной,
И государствомъ развращенной, —
Но что у насъ. они взойдутъ.
Взойдутъ, по той простой причинѣ,
Что почва дѣвственна у насъ,
Что на Руси не принялась
Наука Запада понынѣ, —
Что мы не знаемъ полатынѣ,
И наша юная страна
Еще невѣжествомъ полна, —
Послушной дѣвочкѣ подобна,
Для всякихъ опытовъ удобна, —
И что теперь насталъ моментъ
Произвести экспериментъ.

Весь обращенный во вниманье,
Ему я съ жадностью внималъ
И семинарскія познанья
Соціализмомъ приправлялъ.
Моимъ вниманьемъ восхищенный
И коротко меня узнавъ,
Амфитріонъ мой просвѣщенный
Мнѣ отворилъ завѣтный шкафъ -
Кивотъ святыни запрещенной,
Укромный складъ опасныхъ книгъ.
Я прочиталъ ихъ съ сильнымъ рвеньемъ.

Но вскорѣ сталъ смотрѣть съ презрѣньемъ
На нихъ; я истину постигъ!
Изъ нихъ я вынесъ убѣжденье,
Что всѣ системы заблужденье,
Что истины и правды нѣтъ;
Что вретъ наука, бредитъ лира,
Что въ жизни главное: обѣдъ,
Почетъ и теплая квартира.
Ужь прежде подготовленъ былъ
Къ такимъ удобнымъ убѣжденьямъ
Я тѣмъ учебнымъ заведеньемъ,
Гдѣ воспитанье получилъ!
Тамъ всѣ наставники хотѣли,
Чтобъ нашей вѣрѣ крѣность дать,
Намъ все на свѣтѣ доказать,
Но не дошли до этой цѣли.
Внимая шуму ловкихъ фразъ
И доказательствамъ наивнымъ,
Я убѣждался каждый часъ
Не въ томъ, въ чемъ убѣждали насъ,
Но — увѣряю васъ — въ противномъ.

III.

И такъ мой милый меценатъ
Всегда мнѣ былъ душевно радъ:
Давалъ мнѣ лучшія сигары,
Виномъ тончайшимъ угощалъ,
И безпрестанно тары-бары

О коммунизмѣ разсыпалъ.
Хоть я любилъ его обѣды
(Пріятно хорошо поѣсть),
Но мнѣ успѣли надоѣсть
Его блестящія бесѣды.
Сижу бывало я и ѣмъ
И слушаю, а между тѣмъ
Задорнымъ фразамъ не внимаю
И хладнокровно размышляю,
Подъ мелодическую рѣчь,
Какую-бъ пользу мнѣ извлечь
Себѣ для тощаго кармана
Изъ дружбы этого болвана?
(Нашъ братъ простой семинаристъ
Не то, что баринъ:—онъ практиченъ,
Хотя бъ и былъ соціалистъ —
Онъ съ дѣтства къ практикѣ привыченъ)
И, размышляя, я разчелъ,
Что мой начитанный оселъ,
Связями обладая всюду,
Въ Москву мнѣ можетъ писемъ дать
Рекомендательныхъ, — и буду
Дѣтей я барскихъ обучать, —
Зачислюсь въ службу, — и дорогу
Себѣ пробью я понемногу.

И этихъ писемъ цѣлый пукъ
Я получилъ отъ мецената, —
И былъ зачисленъ въ штатъ сената
И сталъ глашатаемъ наукъ
Въ домахъ роскошныхъ и спѣсивыхъ,
И много видѣлъ горькихъ дней,

Уча развязныхъ и красивыхъ,
Но крайне дерзкихъ и лѣнивыхъ
Благовоспитанныхъ дѣтей.
Въ средѣ самодовольной барской
Мой желчный гоноръ семинарскій
Былъ поминутно оскорбленъ: —
Меня совсѣмъ не замѣчали,
На мой почтительный поклонъ
Кивкомъ чуть виднымъ отвѣчали;
Лишь только ротъ я разѣвалъ,
Чтобъ произнесть свое сужденье, —
Всѣ приходили вдругъ въ смущенье,
И я краснѣя умолкалъ.
Все оттого, что всякій зналъ
Откуда я, кто мой родитель....
Къ тому же много я терялъ,
Какъ *русской* грамоты учитель:
Будь я французскій гувернеръ,
Я бъ могъ пускаться въ разговоръ!..
Вѣдь нашъ языкъ природный (русскій)
Не почитаютъ за *предметъ*: —
Чтобъ выѣзжать съ успѣхомъ въ свѣтъ
Довольно знать одинъ французскій.
Вамъ объяснитъ любая мать,
Что нѣту нужды обучать
Дѣтей ихъ языку родному: —
Они научатся и такъ, —
Какъ вообще всему дурному,
Какъ, напримѣръ, курить табакъ....
Меня обидѣла жестоко
Одна изъ этихъ матерей;
Разъ кто-то изъ ея дѣтей

Мнѣ не хотѣлъ сказать урока;
Я сталъ мораль ему читать, —
Онъ началъ громко хохотать,
Я всталъ со стула — разсердился,
А онъ со смѣхомъ, что есть силъ,
Меня вдругъ за носъ ухватилъ;
Я тотчасъ къ матери явился,
Прося ребенка наказать....
— «Ахъ, Боже мой, сказала мать,
Но что же сдѣлалъ онъ такое!?..
Ему всего десятый годъ,
Къ тому же онъ дитя больное
И наказанья не снесетъ!»
Я было сдѣлалъ возраженье,
Что онъ прекрѣпкаго сложенья, —
Здоровъ и силенъ какъ Самсонъ,
Что бѣдный носъ мой твердо знаетъ,
Какой онъ силой обладаетъ....
Но мой обидчикъ былъ прощенъ.

И вотъ средь этихъ оскорбленій
Я получилъ внезапно вѣсть,
Что въ Бѣлокаменной здѣсь есть
Одна особа — просто геній,
Но только въ юбкѣ; что она
Всѣхъ добродѣтелей полна,
Съ умомъ глубоко либеральнымъ
И съ сердцемъ дивнымъ, идеальнымъ, —
Madame Ролянъ иль Зандъ точь въ точь,
Что это райское видѣнье
Мнѣ посылаетъ предложенье
Учить свою родную дочь.

Вотъ поступилъ я къ этой дамѣ,
(У ней я прожилъ года два),
Она была давно вдова,
Весьма не молода годами,
Но не взирая на года,
Какъ Гете, вѣчно молода.
Воображеніе живое
Природа щедро ей дала —
Она себя моложе вдвое
Воображала, чѣмъ была
И чѣмъ казалась въ самомъ дѣлѣ:
Ей представлялось до конца,
Что лишь промчалось двѣ недѣли
Съ тѣхъ поръ, какъ чепчикъ ей надѣли
И что пылали всѣ сердца
Лишь только въ дверь она являлась;
Но это только ей казалось.

Она ужь много, много лѣтъ
Не выѣзжала въ шумный свѣтъ,
И, съ озлобленьемъ Ювенала,
Его заглазно бичевала.
И свѣтъ ея терпѣть не могъ:
Ея всѣ дамы избѣгали,
А кавалеры трактовали,
Какъ синій штопаный чулокъ.
Однако какъ ее ни гнали
Во всѣхъ порядочныхъ кругахъ,
Но всѣ къ ней чувствовали страхъ:
Въ ней умъ большой подозрѣвали;
Крестились, говоря о ней
Всѣ богомольныя старухи;

О ней межъ опытныхъ людей
Ужасные носились слухи:
Молва ходила, что она
Неимовѣрно учена: —
Что Гарибальди и Мадзини
Къ ней пріѣзжаютъ по ночамъ,
Что предалась она чертямъ
И даже... знаетъ по латынѣ.
Но свѣтъ ошибся въ ней: она
Была совсѣмъ не учена.
Она въ ученыя попала
На основаньи только томъ,
Что вирши скучныя писала
На языкѣ своемъ родномъ,
Что очень странно одѣвалась,
Что дурно въ обществѣ держалась,
Не умолкая ни на мигъ,
Да что прочла пятнадцать книгъ.

Она въ глаза не знала бѣса,
Съ Мадзини дружбы не вела,
Но лишь охотница была
Весьма большая до прогресса, —
И ей хотѣлось какъ нибудь
Все на землѣ перевернуть
И все сломать. Охота эта
Въ ней съ той минуты родилась,
Когда предстала въ первый разъ
Она на судъ большаго свѣта,
И глупый свѣтъ не оцѣнилъ
Сего духовнаго свѣтила
И въ немъ врага себѣ нажилъ....
Вотъ это какъ происходило.

Въ семнадцать иль шестнадцать лѣтъ
Ее рѣшились вывесть въ свѣтъ:
Вотъ нарядили нашу фею
Во что̀ могли — и въ шелкъ, и въ газъ
И потащили на показъ
Въ высокій кругъ на ассамблею;
Но лишь она вступила въ залъ,
Остановился вдругъ весь балъ,
И притаили всѣ дыханье,
Оркестръ смѣшался, замолчалъ
И черезъ цѣлое собранье
Пронеся шопотъ: «Quelle figure!...
Нѣтъ это слишкомъ, черезъ чуръ!»
И даже вслухъ одинъ вельможа
Въ испугѣ вскрикнулъ: «эка рожа!»
Но всѣ оправились: опять
Балъ присмирѣвшій разыгрался,
Но съ нашей дамой танцовать
Никто изъ смертныхъ не рѣшался.
Нашелся наконецъ одинъ
Тутъ сердобольный господинъ
Филантропическаго свойства:
Онъ всѣмъ несчастнымъ помогалъ
И часто тюрьмы посѣщалъ —
Лишь онъ одинъ имѣлъ геройство
На вальсъ несчастную позвать, —
И вотъ они пошли писать;
На нихъ все съ ужасомъ взирало:
Она прескверно танцовала,
Была ужасно неловка, —
И почему-то вдругъ зѣвнулась,
Опъ, по отвычкѣ, далъ зѣвка, —

И наша пара растянулась
И растянулась какъ-то такъ,
Что дама, красная, какъ ракъ,
Съ слезами на рѣсницахъ встала,
И черезъ мигъ исчезла съ бала.
И, проклиная злобный рокъ,
Она сейчасъ же порѣшила,
Что свѣтъ понять ея не могъ,
Что все въ немъ пошло, глупо, гнило,
Что лишь его наружный видъ
Сусальнымъ золотомъ блеститъ.
И съ той минуты заключилась
Она въ величіи своемъ,
Со злобы въ чтенье углубилась, —
И синимъ сдѣлалась чулкомъ.

И стала Марья Алексѣвна
(Давно пора сей имя дать)
Съ большимъ терпѣньемъ ежедневно
Журналы русскіе читать
И все читала, да читала,
За книгой проводила дни, —
И вдругъ писательницей стала,
Къ позору всей своей родни.
Когда объ этомъ приключеньи
Прошла по городу молва, —
Пришла въ ужасное волненье
Вся православная Москва.
Отецъ и мать Коринны нашей
Едва снесли такой скандалъ:
«Скажите, кто бы ожидалъ
Отъ нашей умной, милой Маши

Неблагодарности такой
Къ отцу и матери родной,»
Они твердили всѣмъ, рыдая,
«Знать попустилъ Господь, карая
Насъ за прошедшіе грѣхи, —
Чтобъ въ нашемъ домѣ, дочь родная.
Притомъ дворянка столбовая
Писала русскіе стихи!»

Но вскорѣ приняли рѣшенье
Ея родные межъ собой,
Что для преступницы младой
Для исправленья и спасенья
И для прикрытія грѣха —
Найти бы надо жениха.
И тотчасъ, послѣ совѣщанья,
Открытъ походъ на женіховъ.
Но очень долго всѣ старанья
Терялись втунѣ, безъ плодовъ.
Увы, мущины холостые
На этотъ разъ, какъ на подборъ,
Всѣ оказались препустые,
И говорили дичь и вздоръ:
Всѣ въ одинъ голосъ повторяли,
Что эта Машенька уродъ,
Что перлы умственныхъ красотъ
Ея лица не выкупали.
Какъ быть, ужь видно такова
Дикарка, варварка Москва —
Всегда хлопочетъ изъ пустаго
И такъ отстала отъ всего, —
Что здѣсь не влюбишь никого

Въ урода — даже развитаго!
Но послѣ множества трудовъ,
Въ замѣнъ Московскихъ жениховъ
Найденъ женихъ иногородный.
То былъ бѣднякъ высокородный.
Онъ въ долгъ ужь лѣтъ пятнадцать жилъ,
И Машѣ руку предложилъ,
Чтобъ смерти избѣжать голодной.
Онъ былъ любезнѣйшій добрякъ,
Но изъ людей не геніальныхъ,
И былъ непримиримый врагъ
Новѣйшихъ истинъ соціальныхъ,
Шелъ въ жизни старой колеей,
Церковнымъ вѣровалъ преданьямъ,
И бракъ съ дѣвицей развитой
Ему былъ сущимъ наказаньемъ.
Ихъ обвѣнчали; годъ, другой
У нихъ прошелъ безъ приключеній,
Хотя супругъ былъ разныхъ мнѣній
Съ своей супругой дорогой;
Хоть нѣжный гласъ домашней музы
Ежедневно слухъ его разилъ,
Но брака сладостные узы
Съ большимъ терпѣньемъ онъ влачилъ.
Но взглядъ на бракъ — отсталый, грубый,
Онъ измѣнить въ себѣ не могъ.
Однажды вечеромъ изъ клуба
Пріѣхавъ не въ обычный срокъ,
Когда его не ждали слуги,
Онъ прямо въ комнату супруги
Прошелъ, не встрѣченный никѣмъ,
Вошелъ, и подкосились ноги....

Какъ привидѣнье блѣденъ, нѣмъ
Стоялъ онъ долго на порогѣ.
Но отчегожъ такой столбнякъ
Его сковалъ въ одно мгновенье?!
Все отъ отсталаго воззрѣнья
На жизнь семейную и бракъ!
Имъ злость и ужасъ овладѣли,
Когда супругу онъ засталъ
За примѣненіемъ на дѣлѣ
Святыхъ Жоржъ-Зандовскихъ началъ,
Въ горячихъ дружескихъ объятьяхъ....
Онъ тутъ какъ варваръ поступилъ: —
Жены совсѣмъ не поощрилъ
Въ ея возвышенныхъ занятьяхъ,
А, разразившись вдругъ въ проклятьяхъ,
Дружка за шиворотъ схватилъ.
Какъ человѣкъ консервативный,
Пустилъ онъ въ дѣло свой кулакъ
И приговаривалъ наивно:
«Вотъ те Жоржъ-Зандъ, вотъ те Жанъ-Жакъ,
Вотъ Даламберъ, вотъ Кандильякъ,
А вотъ контрактъ твой соціальный!...»
И быстро вытолкалъ изъ спальной
Онъ развитаго молодца
И бросилъ въ бѣшенствѣ съ крыльца.

Какъ описать негодованье
И вопль, и стоны, и рыданья,
Сверканье глазъ, потоки слезъ,
И чувствъ бунтующихъ хаосъ,
И гласъ отчаянья въ пустынѣ
Моей несчастной героини.

Оставшись въ комнатѣ одна
Въ слезахъ воскликнула она:
«Меня мой мужъ не понимаетъ!
Онъ не развитъ, какъ древній Скиѳъ: —
Книгъ современныхъ не читаетъ,
И, по невѣжеству, ревнивъ....
За что избилъ онъ человѣка,
Котораго любила я?...
О, какъ отстали мы отъ вѣка!
Вотъ наши русскіе мужья: —
Невѣжды, изверги, злодѣи!
Они любви не признаютъ
И за служеніе идеѣ
Ея жрецовъ по рожѣ бьютъ!»

Протестъ подобный раздавался
Съ тѣхъ поръ нерѣдко — каждый разъ,
Когда средь спальной повторялся
Пассажъ, описанный сейчасъ.
Конечно Марья Алексѣвна,
Борясь съ судьбой своей плачевной,
Вѣрна теоріи своей,
Не то что по просту кутила,
Но честно, ревностно служила
Святынѣ Западовыхъ идей,
И, подражая оной дамѣ,
Не разставалася съ друзьями.
Мужъ бѣсновался. Но увы
Она ужъ въ немъ не признавала
Своей опоры и главы....
Предъ гнѣвомъ мужа не робѣя,
На зло завистливой молвѣ.

Въ сопровожденьи чичисбея
Она ходила по Москвѣ.

Мужъ все бѣсился, да бѣсился;
Терзаемъ злобой и стыдомъ,
Возненавидѣлъ онъ свой домъ, —
Съ женой разъѣхаться рѣшился:
Чтобъ не видать ея проказъ,
Онъ удалился на Кавказъ,
И умеръ, не понявъ прогресса,
Отъ шашки ловкаго Черкеса.

И вотъ счастливая жена,
Уже ничѣмъ не стѣснена,
Явилась міру новой Фриной
И изъ своей пустой гостиной
Она устроила «салонъ,»
Куда текли со всѣхъ сторонъ
Всѣ радикалы записные,
Отцы отечества святые,
Неоцѣненные толпой —
Всѣ, кто за правду пострадали.
Тамъ, между прочимъ, засѣдали:
Гражданскихъ доблестей герой —
Изъ службы выгнанный чиновникъ,
Жена разводка, — съ ней любовникъ,
Рожденья низкаго богачъ,
Безъ практики живущій врачъ,
Сынъ, на родителей взбѣшенный
За неплатежъ его долговъ,
Поэтъ, не пишущій стиховъ,
И попъ, отъ мѣста отрѣшенный.

И былъ тутъ цѣлый легіонъ
Людей, которые съ пелснъ
Имѣли промыслъ спѣціальный —
Болтать и думать либерально.
Передъ хозяйкой пожилой
Всѣ умилялися душой,
Какъ передъ женщиной несчастной,
Какъ передъ жертвою прекрасной
Тирана мужа и родныхъ,
Да предразсудковъ вѣковыхъ.
И всѣ нашли ее красивой
(Вѣдь прогрессисты всѣ народъ
Простой — совсѣмъ не прихотливый
На счетъ физическихъ красотъ):
Всѣ восхищались, какъ шальные,
Ея турнюрой и лицомъ;
Ея манеры кучерскія
Казались лучшимъ образцомъ
Патриціанскаго бонтона
Изъ Сенъ-Жерменскаго салона.
И стала межъ своихъ гостей
Она разыгрывать царицу,
И стали съ трепетомъ у ней
Уста неопытныхъ людей
Лобзать невзрачную десницу,
Какъ туфлю папы.

Такова
Была «ученая» вдова.
Мы съ ней сошлись въ одно мгновенье,
Какъ бы знакомые давно: —
Людей сближаютъ убѣжденья,

А мы съ ней были заодно —
Мы съ ней не вѣровали оба,
Что можно жить и послѣ гроба,
Что есть и адъ и сатана
И что всѣмъ людямъ отъ рожденья,
По высшей волѣ Провидѣнья,
Въ природу совѣсть вложена;
Мы оба были за Марата,
За гильйотину и конвентъ, —
И стали вмигъ за панибрата
Лихая дама и студентъ.
Изливъ при первомъ же свиданьи
Обильно желчь передо мной
На свѣтъ и наше воспитанье,
На бытъ общественный гнилой,
На власть и даже мірозданье,
Вдругъ, посреди громовыхъ фразъ,
Она смѣшалась, замолчала;
Потомъ, немного ободрясь,
Мнѣ тихимъ голосомъ сказала:
«Monsieur Пергамскій, вы умны
И рѣчь мою понять должны —
Je me réjouis.... Я очень рада,
Что согласились вы учить
Мою Sophie.... и въ домѣ жить....
Но только, знаете, не надо
Касаться даже вскользь при ней
До нашихъ взглядовъ и идей!»

И такъ, казалось, рокъ суровый
Теперь мнѣ радости сулилъ —
Моей душѣ отраденъ былъ,

Какъ сонъ любви, мой жребій новый:
Я былъ съ недѣлю самъ не свой
И потиралъ съ восторгомъ руки,
Уже при мысли при одной —
Предстать оракуломъ науки
Передъ дѣвицей молодой.
А между тѣмъ дѣвица эта,
Хоть было ей семнадцать лѣтъ,
Цвѣла сокрытая отъ свѣта:
Она причесана, одѣта
Еще какъ дѣвочка была
И съ Англичанкой гувернанткой,
Сухой и строгою педанткой,
Въ укромной комнаткѣ жила.
Она по русски говорила,
Какъ иностранный брадобрей,
И рѣчью ломаной своей
Прислугу со смѣху морила.
И вотъ я началъ ей внушать
Законы грамоты россійской
И рисоваться и блистать
Предъ ней способностью витійской.
И надо правду вамъ сказать,
Что дочь была совсѣмъ не въ мать: —
Не бѣсновалась, не кричала,
Великихъ фразъ не изрекала,
Была скромна, была умна
И даже очень недурна.
Я занимался съ ней прилежно:
Все душу привлекало къ ней —
И голосъ тихій, ровный, нѣжный,
И робкій взглядъ ея очей,

И дѣтскій складъ ея рѣчей,
И даже выговоръ картавый....
И наустилъ меня лукавый,
Ученью Запада вопреки,
Идти просить ея руки.
Я разсуждалъ довольно здраво.
«Дѣвчонка эта просто кладъ;
И самъ Прудонъ ей былъ бы радъ;
Невѣсты лучшей мнѣ не надо: —
Она единственное чадо —
Имѣнье матери ея,
Домъ, мебель будетъ все мое;
А, главное, у нихъ есть связи, —
И если я на ней женюсь, —
То въ высшій кругъ изъ тьмы и грязи
Какъ шашка въ дамки проберусь.
И человѣкъ я буду съ вѣсомъ,
И мѣсто важное схвачу —
И надъ прославленнымъ прогрессомъ
Отъ всей души захохочу.
А если бы моя питомка
И не рѣшилась потерять
Своей фамильи знатной, громкой
И имя темное принять
Плебеевъ бѣднаго потомка, —
Мнѣ адвокатомъ будетъ мать:
Она отчаянная дура —
У ней въ башкѣ литература —
Она совсѣмъ не хочетъ знать
Сословныхъ нашихъ разцѣленій,
Ни звѣздъ, ни денегъ, ни чиновъ,
И изо всѣхъ мірскихъ даровъ
Она лишь чтитъ свой мощный геній.»

И вотъ досужею порой,
Свой планъ обдумавъ строго, зрѣло,
Предсталъ я радостно и смѣло
Предъ либеральною вдовой,
И объяснилъ ей просто, ясно
Все въ двухъ словахъ: «Молъ такъ и такъ —
Хочу вступить въ законный бракъ
Я съ вашей дочерью прекрасной.
Прошу мнѣ дать прямой отвѣтъ —
Скажите просто: да иль нѣтъ.»

Она съ презрѣньемъ оглянула
Меня отъ головы до ногъ,
Глазами бѣшено сверкнула
И, какъ Везувій, изрыгнула
Въ меня сей грозный монологъ:

— «Что съ вами, господинъ ... Силамскій
Или Сіамскій.... какъ бишь васъ?
Положимъ хоть Перувіамскій...
Откуда дерзость въ васъ взялась,
Какъ вы подумать только смѣли
Рѣшиться руку предложить
Моей Софи?! Да вы въ умѣ ли?
Не нужно ли вамъ кровь пустить?
Вотъ самолюбіе слѣпое!...
Позвольте прежде васъ спросить,
Кто вы, откуда, что такое?
Un précepteur et rien de plus!
Да я скорѣе утоплю
Мою Софи, — отдамъ въ неволю, —
Чѣмъ гнусный бракъ такой позволю.

И не могу представить я,
Что Соня, Соня, дочь моя
Вдругъ станетъ госпожей Пергамской!
Ну, можно ли на свѣтѣ жить
Съ такой фамиліей не дамской?
Ее вѣдь будутъ всѣ дразнить....
Нѣтъ, вы зазнались, позабылись!
Съ тѣхъ поръ, какъ вы къ намъ въ домъ явились,
Мы васъ по нашей добротѣ
Всегда какъ ровню трактовали,
И даже на диванъ сажали.
А вы въ душевной простотѣ,
Вдругъ о себѣ и возмечтали,
Что вы какой-то графъ, баронъ,
Испанскій грандъ и все на свѣтѣ....
Нѣтъ, вы оставьте бредни эти
И.... и подите просто вонъ!»

Но я, совсѣмъ ошеломленъ
Отвѣтомъ дамы вольнодумной,
Предъ ней, какъ вкопанный, стоялъ,
И на нее, какъ полоумный,
Въ упоръ безсмысленно взиралъ.
Но гнѣвъ ея не долго длился;
Какъ корабля трескучій взрывъ,
Разъ грянувъ, онъ не повторился.
Мгновенно бѣшенство изливъ,
Она внезапно присмирѣла,
Смѣшалась, даже оробѣла,
Какъ будто чѣмъ пристыжена
(Должно быть, вспомнила она
Свой образъ мыслей либеральный,

Руссо и кругъ друзей своихъ —
Сонмъ охлократовъ самыхъ злыхъ)
И, измѣнивъ свой тонъ нахальный
На самый нѣжный и печальный,
Произнесла лукавый спичъ:

— «Вѣдь вы умны, Трофимъ Ильичъ,
Потупивъ взоръ, она сказала,
И мнѣ простите мой отказъ:
Я на себя одну сердясь,
Вамъ противъ воли отказала: —
Какъ быть! Я съ самыхъ дѣтскихъ дней
Гнетома свѣтскими цѣпями....
Но въ сферѣ взглядовъ и идей
Вѣдь я во всемъ сошлася съ вами, —
И потому вы знать должны,
Что презираю я чины,
И родъ, и знатность, и богатство,
И ненавижу свѣтъ большой,
И что открыто, — всей душой
Стою за равенство и братство.
И еслибъ можно было мнѣ,
Порвавши связи всѣ со свѣтомъ,
Жить не въ Китайскомъ царствѣ этомъ,
Не въ нашей варварской странѣ,
Въ странѣ обрядовъ, этикета,
Гдѣ геній прячется во мглѣ,
А гдѣ нибудь въ такой землѣ,
Гдѣ.... въ рощахъ, по словамъ поэта,
Ростетъ лимонъ и ананасъ, —
То никого бы кромѣ васъ
Себѣ въ зятья я не избрала:
Во первыхъ умъ, а во вторыхъ....

Ну, словомъ, вы такой женихъ,
Какихъ въ Европѣ даже мало.
Но вотъ бѣда: вѣдь мы живемъ
Въ средѣ невѣждъ тупыхъ, отсталыхъ,
Рабовъ преданій обветшалыхъ,
И съ ними объ руку идемъ.
Въ комъ станетъ силы, кто рѣшится
Открыто съ ними въ бой вступить, —
И мы должны, какъ говорится,
Съ волками жить, по волчьи выть.
Когда бы ваше предложенье
Я благосклонно приняла,
То на себя бы подняла
Войной общественное мнѣнье:
Моя родня (вся наша знать —
Въ ея рукахъ и власть и сила,
Возможность миловать, карать)
Мнѣ непремѣнно бы отмстила
За то, что будто бъ дочь моя
Неравнымъ бракомъ посрамила
Ихъ славный родъ. А знаю я
На дѣлѣ, каково ихъ мщенье
И ихъ клеветъ тлетворный ядъ:
Они задушатъ, заѣдятъ
Того, кто выкажетъ презрѣнье
Къ ихъ формѣ быта вѣковой,
Гнилой, стѣснительной и душной,
Но освященной благодушно
Привычки властію тупой.
Конечно, страхъ не извиненье,
Но вѣрьте мнѣ, я вамъ клянусь,
Что я не за себя боюсь:

«Толпы безсмысленной гоненья»
Давнымъ давно не страшны мнѣ —
Я закалилась, какъ въ огнѣ,
Въ святой борьбѣ за убѣжденья,
Но я боюсь за дочь: она....
Ужасно слабаго сложенья
И для борьбы не рождена!...
Ахъ, à propos, меня до злобы
Смѣшитъ вашъ выборъ: вы чудакъ —
На вашемъ мѣстѣ я никакъ
Не избрала бъ такой особы.
Неужто вправду, не шутя
Могли вы въ дочь мою влюбиться?
Она вамъ въ дочери годится —
Она совсѣмъ еще дитя!
И что вы въ ней нашли такова —
Она путемъ не скажетъ слова;
Какъ можетъ страсть она вдохнуть?!
Во чтожъ, скажите, вы влюбились?
У ней вѣдь вовсе не развились
Ни умъ, ни талія, ни грудь!
Она васъ просто недостойна....
И я до нынѣшняго дня
Воображала преспокойно....
Что вы.... вы влюблены въ меня.»
. . . . . .
. . . . . .
Конечно, послѣ этой сцены,
Я бросилъ домъ моей сирены,
И на брегахъ Москвы-рѣки
Взялъ на подворьѣ грязный нумеръ.

Сначала я чуть-чуть не умеръ
Со злобы лютой и тоски.
. . . . . .
. . . . . .

IV.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

V.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ трескучихъ фразахъ утопая,
Кричала Герцену ура!
Въ тѣ дни невѣдомая сила,
Какъ аравійскій ураганъ,
Вдругъ подняла и закрутила
Умы тяжелыхъ Россіянъ;
Все пробудилось, все возстало
И все куда-то понеслось —
Куда, зачѣмъ — само не знало, —
Но все впередъ, во чтобъ ни стало,
Съ просонокъ перъ лѣнивый Россъ!
Чиновники, семинаристы,
Кадеты, дамы, гимназисты,

Квартальные, профессора,
Грудныя дѣти, фельдшера,
Просвирни, даже генералы —
Все поступило въ либералы,
И всякій взяточникъ оралъ:
«Я прогрессистъ, я либералъ!»
Пошли повсюду обличенья
И важныхъ фактовъ *заявленья*,
И всякій съ гордостью твердилъ:
«Я заявилъ, я заявилъ.»

Въ тѣ дни исчезли всѣ преданья,
Всѣ связи съ прошлымъ порвались,
И всѣ стихіи отрицанья,
Какъ буря, съ ревомъ поднялись.
И вдругъ въ испугѣ замолчало
Все то, что сердцемъ и умомъ
Искало вѣчнаго начала
Въ наукѣ, жизни и во всемъ;
Жрецы присяжные науки
По щелямъ спрятались тотчасъ
И смирно, смирно притаясь,
Сидѣли молча, сложа руки,
А если высунетъ кто носъ
Изъ своего уединенья, —
Сейчасъ поднимется волненье:
Кричатъ «онъ написалъ допосъ!»
(Впередъ не дѣлай возраженья!)
Протесты были нипочемъ
Въ тѣ дни и сыпались дождемъ — —
Лишь заикнись, что вѣришь въ Бога, —
И вмигъ подымется тревога
Проклятья, ругань и содомъ!

Бывало, если гимназиста,
Лѣтъ эдакъ въ девять прогрессиста,
Слегка начальство посѣчетъ,
Ужь онъ на власти гнѣвомъ пышетъ,
На судъ журнальный ихъ зоветъ
И въ *Колоколъ* доносы пишетъ, —
И благодушный Огаревъ
На цѣлый міръ подъемлетъ ревъ.
Бывало кто безъ уваженья
Смѣлъ о развратѣ говорить,
Ужь тотъ прощай — ему не жить —
«Онъ врагъ прогресса, просвѣщенья,»
Всѣ дружнымъ хоромъ закричатъ,
Онъ езуитъ, онъ ретроградъ,
Онъ врагъ младаго поколѣнья!»
И какъ-то разъ одинъ смѣльчакъ
Сказалъ печатно съ уваженьемъ
Про жизнь семейную и бракъ, —
И надъ Жоржъ-Зандовымъ ученьемъ, —
Старинным нравамъ въ похвалу, —
Изрекъ кощунственно хулу.
И вотъ надъ нимъ со звономъ, громомъ
Такой былъ судъ произнесенъ,
Какъ будто былъ онъ уличенъ
Публично въ воровствѣ со взломомъ.
Другой къ покорности законамъ
Какихъ-то школьниковъ призвалъ,
И былъ объявленъ онъ шпіономъ
И мѣсто чуть не потерялъ.

То было время золотое
Для аферистовъ развитыхъ,

Плутовъ гуманнаго покроя
И ловкихъ дамъ передовыхъ.
Бывало женщина открыто
Съ своимъ возлюбленнымъ кутитъ,
А прогрессивный мужъ молчитъ,
Боится и взглянуть сердито
На счастье молодой жены,
А пикни слово, такъ пожалуй
Всѣ скажутъ: «человѣкъ отсталый,
Тиранъ, защитникъ старины!»

За то для лицъ высокихъ званій,
Иль занимавшихъ важный постъ,
Прошла эпоха разпеканій,
Эпоха сказочныхъ дѣяній, —
И наступилъ великій постъ.
Всѣ генеральскія привычки
Вдругъ разлетѣлись, аки прахъ: —
Изъ моды вышли зуботычки;
Величье звѣрское въ очахъ
И грозный, хищный взглядъ орлиный
Вдругъ замѣнились сладкой миной.
И вмигъ понизились плеча
На полвершокъ у генеральства,
И стало штатское начальство
Распоряжаться не крича.
Смягчаться началъ постепенно
Начальства голосъ горловой —
Сей баритонъ, узаконенный
Привычки силой вѣковой: —
Вездѣ, куда прогрессъ столичный
Путемъ молвы проникнуть могъ,

Введенъ былъ мягкій, мелодичный,
Оффиціальный тенорокъ.
Исчезла тутъ изъ обращенья
И фраза вѣчная: «молчать,
Не разсуждать, а исполнять»:
Тогда (о, дивное явленье!)
Вся наша Русь — отъ Соловковъ
Да черноморскихъ береговъ
Вдругъ превратилась въ разсужденье.
Тогда воспрянули главой
Стада чиновниковъ смиренныхъ, —
И духъ начальства боевой
Переселился въ подчиненныхъ.
Куда тутъ было распекать
И дѣлать громкія внушенья!
Начальникъ не дерзалъ дышать,
И ощущалъ благоговѣнье,
Неловкость и священный страхъ
При либеральныхъ писаряхъ
Изъ молодаго поколѣнья,
И штрафовать ихъ не дерзалъ
За упущенья, безпорядки,
И по гуманности прощалъ
Имъ пьянство, лѣность, даже взятки.
Когда жъ рѣшался съ дуру онъ,
Отсталый вспомнивши законъ,
И мнимый долгъ свой исполняя,
Изъ службы выгнать негодяя, —
То открывалось невзначай,
Что удаленный негодяй,
Былъ не простой, обыкновенный
Мерзавецъ добрыхъ старыхъ дней,

Но жрецъ доктрины современной —
Мерзавецъ — проводникъ идей ;
Что былъ онъ въ Лондонѣ извѣстенъ,
И былъ хоть на руку нечистъ,
Но былъ въ душѣ глубоко честенъ,
Какъ всякій истый коммунистъ, —
Тогда «общественное мнѣнье»
Вдругъ поднимало страшный вой :
«Гдѣжъ нашъ прогрессъ, гдѣ просвѣщенье,
Когда погибъ за убѣжденья
Нашъ гражданинъ передовой ! »

И озадаченный начальникъ
Потокомъ міровыхъ идей,
Съ тѣхъ поръ влачился, какъ молчальникъ,
По канцеляріи своей.

И по учебнымъ заведеньямъ
Вездѣ свирѣпствовалъ «прогрессъ,»
И каждый школьникъ смѣло лѣзъ
Въ борьбу со старымъ поколѣньемъ,
И самый мудрый педагогъ
Съ мальчишкой справиться не могъ.
И помѣнялися ролями
Ученики съ учителями :
Ученики вселяли страхъ
Въ своихъ сѣдыхъ учителяхъ.
И вотъ въ угоду гимназистамъ,
Преподаватель похитрѣй
Являлся ярымъ прогрессистомъ
Предъ грозной публикой своей,
И, объясняя умноженье,

Иль говоря о буквѣ *ять*,
Старался въ рѣчь свою вставлять
Онъ политическія мнѣнья
Подъ цвѣтъ младаго поколѣнья.
Не то бѣда: его сейчасъ
Освищетъ дружно цѣлый классъ
«За сухость, вялость изложенья,
И за отсталость направленья.»
И каждый ловкій педагогъ
Былъ по неволѣ демагогъ.

Въ такомъ прекрасномъ положеньи
У насъ явился той порой
И духъ общественнаго мнѣнья,
И всей гражданской жизни строй,
И всенародное зерцало —
Литература нашихъ дней,
Въ себѣ подробно отражала
Сумбуръ общественныхъ идей.
Въ то время русскіе журналы
Подрядъ снимали каждый годъ
Публично поставлять скандалы
И тѣшить драками народъ,
И романисты, публицисты,
И прочихъ званій аферисты
Въ тѣ дни въ количествѣ большомъ,
Подъ фирмой истинной морали,
Либерализмомъ торговали
И торговали съ барышомъ.
Тогда для русскаго журнала
Главнѣйшей цѣлію бывало:
Во чтобъ ни стало, какъ нибудь

Своимъ геройствомъ щегольнуть:
Казаться смѣлымъ и опаснымъ,
Согражданъ удалью плѣнить —
Страдальцемъ истины несчастнымъ –
Начальства жертвою прослыть, —
Короче — *показаться краснымъ*.
Отвага эта никогда
Ему не дѣлала вреда,
Не подвергала даже риску,
А привлекала лишь подписку.
И оттого-то всей ордой
Всѣ популярные журналы
Тогда, другъ съ другомъ въ перебой,
Такъ смѣло лѣзли въ либералы,
И каждый публикѣ кричалъ,
Ей указуя на другаго:
«Онъ вретъ, не вѣрь ему ни слова!
Онъ только съ виду либералъ,
Въ душѣ же онъ централизаторъ,
Ханжа, мерзавецъ и плантаторъ,
И льстецъ, и воръ, и бюрократъ,
Поклонникъ и кнута и плети....
Я либеральнѣй во сто кратъ:
Изъ всѣхъ журналовъ въ цѣломъ свѣтѣ
Я либеральнѣйшій — ей, ей!»
А всѣхъ на свѣтѣ либеральнѣй
Считался тотъ, кто всѣхъ нахальнѣй,
Кто всѣхъ наглѣе и сильнѣй
Умѣлъ ругаться, кто всѣхъ больше
Пылалъ любовью къ милой Польшѣ,
Всѣхъ меньше родину любилъ,
Всѣхъ больше школьникамъ кадилъ.

А, главное, кто наименьше
Безсмертныхъ истинъ и началъ
И строгихъ правилъ признавалъ,
Но всѣхъ почетнѣй въ «общемъ мнѣньи,»
Всѣхъ выше поставлялся тотъ,
Кто ничего не признаетъ.

Въ тѣ дни терзаемъ злой кручиной,
Не зная какъ и что начать,
Я бросилъ взоръ свой ястребиный
На нашу русскую печать,
Литературы русской ниву
Окинувъ окомъ въ пять минутъ,
Почуялъ сразу я, что тутъ
Мой клювъ найдетъ себѣ поживу;
Что на Руси теперь у насъ
Почетнѣй, лучше во сто разъ
Прослыть ужаснымъ либераломъ,
Чѣмъ быть храбрѣйшимъ генераломъ;
Что либерала ремесло
Весьма легко, пріятно, хлѣбно,
Что даже многихъ вознесло
Оно въ ерархіи служебной.

И вотъ я духомъ просвѣтлѣлъ,
И по чугункѣ полетѣлъ
На рынокъ русскаго прогресса —
Въ столичный городъ Петроградъ,
Гдѣ бѣсновалась наша пресса,
Снявъ цѣпи и надѣвъ халатъ.
И сталъ я громкія статейки
Въ журналахъ разныхъ помѣщать

И ядовитыя идейки
Рукою щедрой разсыпать.
Способный только къ плоской брани,
Лишенный всякихъ прочныхъ знаній,
Но одаренный мѣднымъ лбомъ,
Писалъ я смѣло обо всемъ.
Весь превращенный въ озлобленье,
Я сталъ ругать и унижать
Все то, на чемъ видна печать
Труда, познаній, вдохновенья, —
И съ дикимъ хохотомъ лягалъ
Все то, гдѣ виденъ даръ и геній,
И сила ясныхъ убѣжденій,
И крѣпость нравственныхъ началъ....
И я низвергнулъ съ пьедестала
Все, чѣмъ вселенная горда,
Что въ мірѣ умственномъ блистало,
Какъ путеводная звѣзда,
И утверждалъ я очень важно,
Что распрославленный Нибуръ
Несъ просто на просто сумбуръ,
Что Мильтіадъ былъ плутъ продажный,
И что божественный Платонъ
Былъ только страшный *моветонъ*.
Въ такомъ то бѣшеномъ экстазѣ,
Подъ шумъ неистовыхъ похвалъ,
Я всѣмъ языкъ свой выставлялъ,
Кидалъ во всѣхъ комками грязи.
Всего же больше я казнилъ
Произведенія искусства, —
Я имъ за то такъ злобно мстилъ,
Что эстетическаго чувства
Господь совсѣмъ меня лишилъ

Все предо мной затрепетало,
Съ набатомъ публика моя
Меня пророкомъ величала, —
И сталъ великъ и славенъ я.
Какой восторгъ и вступленье,
Какой фуроръ я произвелъ
На заднихъ лавкахъ нашихъ школъ —
Лѣнтяевъ грязныхъ ополченье
Передо мной склонилось ницъ: —
Я предрекалъ освобожденье
Отъ скуки строгаго ученья,
Латыни, розогъ, единицъ!
Меня читали съ упоеньемъ
Всѣ дамы съ легкимъ поведеньемъ: —
Я ихъ торжественно прикрылъ
Щитомъ терпимости гуманной,
А узы брака объявилъ
Плодомъ теоріи туманной.
Когда же сдѣлалъ я намекъ
На то, что собственность порокъ
И что грабежъ во имя братства
Всю Русь отъ гибели спасетъ, —
Я сталъ великій патріотъ
Въ глазахъ героевъ тунеядства:
Сократа Русскія земли
Они мнѣ титулъ поднесли.
И всѣ бродячія стихіи
Едва проснувшейся Россіи,
Всѣ сумасбродные умы,
Всѣ гады пододонной тьмы,
Все то, что жаждетъ разрушенья,
Все, что дурнаго поведенья,

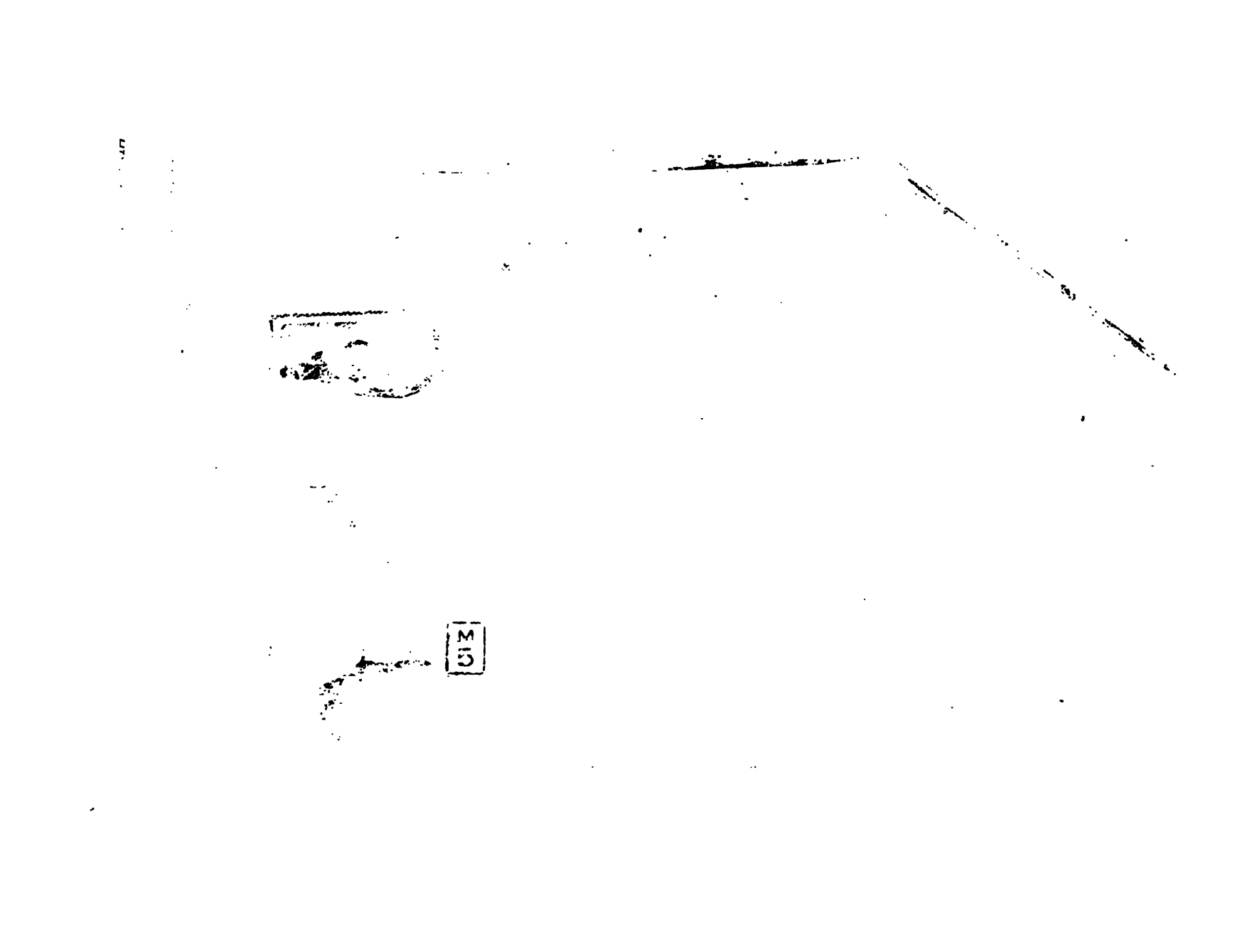
Все преклонилось предо мной.
Какъ сонмъ бѣсовъ предъ Сатаной.

Читатель! я къ тебѣ съ повинной....
Но прочитавъ разсказъ сей длинный,
Ты вѣрно самъ давно смекнулъ,
Что я немножко прихвастнулъ
Передъ тобой своимъ портретомъ —
Себѣ безсовѣстно польстилъ,
Изобразивъ себя атлетомъ,
Бойцомъ единымъ темныхъ силъ
На славномъ поприщѣ журнальномъ:
Въ моемъ разсказѣ идеальномъ
Я — коллективное лицо;
Хоть всѣ мы въ сущности дрянцо,
За то насъ много — легіоны,
Мы словно Кимвры и Тевтоны
Нахлынули со всѣхъ сторонъ
На русскій робкій Геликонъ:
Мы тамъ царимъ. Но день настанетъ,
И нашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда отъ косности воспрянетъ
Нашъ обновившійся народъ!
Когда широко и свободно
Родное слово потечетъ,
Когда открыто гласъ народный
Свой судъ свободный изречетъ
Всему, гдѣ выступаетъ тлѣнье;
Когда общественное мнѣнье
Сольется дружно въ стройный хоръ

И дастъ невѣжеству отпоръ: —
Тогда бѣжавъ въ свои берлоги
Умолкнутъ наши демагоги, —
Тогда не станетъ и *меня*: —
Какъ свѣтляки, при свѣтѣ дня,
Мы всѣ въ одно мгновенье ока
Вдругъ потускнѣемъ, пропадемъ....
Но этотъ часъ еще далеко, —
И мы покуда поживемъ!

ПОПРАВКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно читать.
594.	27.	съ воплечъ	съ воплемъ.
596.	25.	унылъ и мрачень бродитъ	унылъ и мраченъ бродитъ:
604.	16.	Да если примешь	Да, если примешь
605.	11.	нашъ пророкъ великій	нашъ пророкъ великій,
608.	4.	а отъ Грековъ	а отъ Грековъ,
609.	28.	Богъ Ія....	Бо̀гъ Ія....
613.	21.	надъ водами	ноdъ водачи.
614.	15.	во мглѣ ночной другое.—	ео мглѣ ночной другое.
615.	2.	И освѣтило землю и прекрасна	И освѣтило землю. И прекрасна
616.	15.	жену Адама	жену Адаму
619.	10.	преступивши	преступившій
812.	1.	ему сказать	ему сказать:
797.		московскій франтъ	губернскій франтъ


M
5

PG 3321 .A63 .A17 1874 C.1
Stikhotvoreniia Borisa Almazov
Stanford University Libraries
3 6105 036 488 711

PG
3321
.A63
.A17
1874

DATE DUE

AUG 17 1996

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305